

100

ВЕЛИКИХ РЫЦАРЕЙ

**ВЕЛИКИХ
РЫЦАРЕЙ**

100 ВЕЛИКИХ

ЛЮДЕЙ	ДИПЛОМАТОВ
ЧУДЕС СВЕТА	ЧУДЕС ТЕХНИКИ
ПОЛКОВОДЦЕВ	МИФОВ И ЛЕГЕНД
ЛЮБОВНИКОВ	УКРАИНЦЕВ
КАТАСТРОФ	НАУЧНЫХ
ЖЕНЩИН	ОТКРЫТИЙ
АВАНТЮРИСТОВ	АКТЕРОВ
ЛЮБОВНИЦ	БОГОВ
КНИГ	НАГРАД
КАЗНЕЙ	ЗАГАДОК ИСТОРИИ
БИТВ	СКУЛЬПТОРОВ
МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ	ЗАПОВЕДНИКОВ
ТАЙН	И ПАРКОВ
ХРАМОВ МИРА	ПРОРОКОВ
ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ	И ВЕРОУЧИТЕЛЕЙ
МУЗЕЕВ МИРА	АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
КОМПОЗИТОРОВ	ОТКРЫТИЙ
ИЗОБРЕТЕНИЙ	МУЗЫКАНТОВ
КОРАБЛЕКРУШЕНИЙ	ЗАМКОВ
КАРТИН	ЗАГОВОРОВ
МЫСЛИТЕЛЕЙ	И ПЕРЕВОРОТОВ
УЧЕНЫХ	ЕВРЕЕВ
ГОРОДОВ	АРИСТОКРАТОВ
РОССИЯН	АВИАКАТАСТРОФ
ПИСАТЕЛЕЙ	ВОКАЛИСТОВ
СОКРОВИЩ	СПОРТСМЕНОВ
АРХИТЕКТОРОВ	НОБЕЛЕВСКИХ
ДИКТАТОРОВ	ЛАУРЕАТОВ
ЧУДЕС ПРИРОДЫ	ЗАГАДОК ПРИРОДЫ
ВОЕНАЧАЛЬНИКОВ	УЗНИКОВ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ	ПСИХОЛОГОВ
ОТКРЫТИЙ	ЗАГАДОК XX ВЕКА
ДВОРЦОВ МИРА	НЕКРОПОЛЕЙ
ДИНАСТИЙ	ФУТБОЛИСТОВ
ПАМЯТНИКОВ	ВРАЧЕЙ
ВОЙН	ИСТОРИЙ ЛЮБВИ
ТЕАТРОВ МИРА	РЕЖИССЕРОВ
РАЗВЕДЧИКОВ	РЫЦАРЕЙ
АДМИРАЛОВ	ПОЛИТИКОВ

О.В. ВОВК

СТО
ВЕЛИКИХ®
РЫЦАРЕЙ

МОСКВА
«ВЕЧЕ»
2005

«Сто великих» является зарегистрированным товарным знаком, владельцем которого выступает ЗАО «Издательство «Вече». Согласно действующему законодательству без согласования с издательством использование данного товарного знака третьими лицами категорически запрещается.

Вниманию оптовых покупателей!

Книги различных жанров
можно приобрести по адресу:
129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24,
издательство «Вече».
Телефоны: 188-88-02, 188-16-50, 182-40-74;
т/факс: 188-89-59, 188-00-73.
E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Филиал в Нижнем Новгороде
«Вече—НН»
тел. (8312) 64-93-67, 64-97-18.

Филиал в Новосибирске
ООО «Опткнига—Сибирь»
тел. (3832) 10-18-70

Филиал в Казани
ООО «ВЕЧЕ-КАЗАНЬ»
тел. (8432) 71-33-07

ПРЕДИСЛОВИЕ

Более семи веков тяжелая рыцарская конница господствовала на полях бесчисленных сражений Средневековья. Копья, мечи и секиры пехотинцев не могли нанести бронированным всадникам серьезного вреда; если на укрепленных возвышенных позициях пехота еще имела какие-то шансы на выживание, то на равнине она была обречена. Легкая бездоспешная конница, используя превосходство в скорости, искусно маневрируя и рассредоточиваясь, могла избежать разгрома при столкновении с рыцарской кавалерией только в том случае, если овраги, лесные массивы или водные преграды не лишали ее возможности широкого маневра. Даже с изобретением огнестрельного оружия конные латники еще долгое время (до XVII века включительно) представляли собой грозную силу.

До сих пор превалирует в корне ошибочное убеждение в том, что рыцарство как таковое было характерно лишь для Западной и Центральной Европы. Многие историки, в том числе и советские, отрицали существование рыцарей на Руси и в странах Востока. Глубокое заблуждение!

Автор «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даль представил очень четкое определение термину «рыцарь»: «...конный витязь старины... конный латник дворянского сословия». Кто же возьмется утверждать, что на Руси или в странах Востока не было конных латников? Подобное утверждение выглядело бы попросту абсурдным. Ведь русские богатыри до конца X века носили брони (кольчуги), в XII—XIII веках у них доминировали латы, а в XIV—XV веках защитное снаряжение богатыря представляло собой сверхтяжелый стальной доспех из толстых булатных пластин.

Конечно, на Руси не использовался сам термин «рыцарь» (от немецкого «риттер» — «всадник»). Но ведь в разных странах тяжеловооруженных всадников тоже именовали по-своему: во Франции они назывались шевалье, в Англии — найтами, в Испании — кабальеро, в Италии — кавальери и т.д. Таким образом, термин «рыцарь» — лишь обобщающее название, а «богатырь», «шевалье» или «витязь»

суть не что иное, как его синонимы. Название не меняет сути, как верно подметил гениальный Шекспир устами своей героини: «...роза будет пахнуть розой, хоть розой назови ее, хоть нет».

Итак, и Запад, и Восток, и Русь в средние века располагали аналогичными военными формированиями, особой кастой профессиональных тяжеловооруженных конных воинов, которую условно или безусловно можно назвать рыцарской. Это чисто феодальное сословие, обладавшее большими привилегиями, было связано четким кругом обязанностей и духовно объединено кодексом рыцарской чести. Такой кодекс, известный еще со времен короля Артура, на Руси именовался «Поконом витязным».

В отличие от конкретного исторического факта, исторический процесс, растянутый и размытый во времени, не имеет четких хронологических границ. В самом деле, любой мало-мальски образованный человек знает, в каком году произошла грюнвальдская битва, но кто сможет с точностью ответить на вопрос: когда появился самый первый рыцарь или исчез последний? Возникновение, развитие и исчезновение рыцарства как особой военно-социальной группы людей представляет именно такой исторический процесс, хронологические рамки которого можно определить лишь очень условно и приблизительно. Поэтому автор данной книги и не собирается задаваться вопросами, не имеющими конкретных ответов. Цель его в другом — показать того или иного представителя рыцарской касты той или иной страны в контексте той или иной исторической эпохи.

Первая часть книги содержит 20 биографий легендарных или полуполулегендарных рыцарей, витязей и богатырей, составленных на основе героического эпоса: легенд, песен, сказаний и былин. Героический эпос, конечно, не историческая хроника, но внимательный читатель сможет найти в нем множество интереснейших деталей и фактов, касающихся образа жизни представителей рыцарского сословия в то отдаленное время, скрытое от нас едва проницаемой толщей веков. Автор, со своей стороны, окажет читателю посильную помощь, попытавшись отделить драгоценное рациональное зерно от густых напластований человеческой фантазии. С этой целью большинство описаний удивительных подвигов и приключений легендарных героев завершают комментарии автора, носящие одинаковое название — «Исторические реалии».

Вторая (и основная) часть представляемой книги развернет перед читателем широкую панораму бурных исторических событий, в которых принимали непосредственное участие еще 80 рыцарей, чье

реальное существование не вызывает никаких сомнений (в отличие, скажем, от рыцарей Круглого Стола). Каждая из этих 80 биографий занимает свою историческую нишу (главу). Наиболее пристальное внимание автор уделил таким ярким и значимым вехам, каковыми являются эпоха крестовых походов, Столетняя война, Великая война, или Война Алой и Белой розы. В последней главе, имеющей весьма условные временные рамки, представлены самые интересные, на наш взгляд, личности, действовавшие на закате рыцарской эпохи.

В заключение автор считает своим долгом предупредить уважаемого читателя о двух важных вещах. Первое. Внутри каждой главы биографии размещены таким образом, чтобы представить обозначенную эпоху наиболее последовательно и полно, а посему автор с самыми дружескими намерениями рекомендует читателю знакомиться с нашими героями именно в том порядке, в каком они размещены в книге. Лишь в этом случае перед его мысленным взором предстанет более или менее цельная картина той или иной исторической эпохи.

И второе. Не имея ни малейшего желания облагородить или очернить рыцарство как таковое, автор стремился к объективному освещению событий и личностей на основе сохранившихся исторических документов. Поэтому читателя ожидают встречи с самыми разными представителями рыцарского сословия: с благородными рыцарями; с беспринципными рыцарями-разбойниками; с рыцарями, чья жизнь окутана мрачными тайнами; с горячими патриотами и коварными интриганами; с королями, баронами и князьями; с героями и антигероями великой рыцарской эпопеи.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЭПИЧЕСКИЕ РЫЦАРИ

ГЛАВА 1

РЫЦАРИ КРУГЛОГО СТОЛА

КОРОЛЬ АРТУР

Король Британии Утер Пендрагон страстно возжелал Игрейну, супругу герцога Корнуэльского. Волшебник Мёрлин с помощью чар изменил облик Утера, и пока королевские войска осаждали герцога в одном из его замков, король проник к Игрейне в замок Тинтагиль под видом ее мужа и возлег с ней. После этой ночи Игрейна забеременела и родила в положенный срок мальчика, которому дали имя Артур (в переводе с кельтского оно означает «Медведь»). По совету чародея Мерлина рождение Артура сохранили в строжайшей тайне, и король передал младенца на воспитание верному барону Эктору. До поры и сам Артур ничего не знал о своем происхождении, считая Эктора отцом, а Кэя, его сына, родным братом.

После смерти Утера Пендрагона, не оставившего другого наследника, встал вопрос о том, кто же займет британский престол. Для решения этого вопроса Мерлин созвал всех лордов и баронов королевства в Лондон. Помолившись в соборе, лорды и бароны покинули храм и застыли от удивления, узрев чудо: перед храмом возвышался громадный камень с наковальной наверху. Под наковальной лежал меч чудесной работы. Надпись на камне, горевшая золотыми буквами, гласила: «Кто вытащит сей меч из-под наковальни, тот и есть по праву рождения король над всей землей британской».

Когда лорды оправились от изумления, все они по очереди попытались извлечь меч из-под наковальни, но никто из них не смог сдвинуть его и на волос. Артур же, подошедший к камню последним, без всяких усилий вытащил меч. Тогда Мерлин и поведал всем присутствующим тайну рождения Артура. Собравшийся народ торжественно признал смущенного юношу своим королем.

Сделавшись королем, Артур первым делом потребовал прекратить кровавые междоусобицы, рвущие страну на части, а затем распределил государственные должности: своего молочного брата сэра Кэя он назначил сенешалем королевства, Бодуина Бретонского — коннетаблем, а сэра Ульфиуса — управителем двора.

Однако не все признали права Артура на престол — 11 британских королей выступили против него. Это были: Брангорис Странгорский, Кларенс Нортумберлендский, Лот Оркнейский, Уриенс Горский, Идрис Корнуэльский, Ангвесанс Ирландский, Нантрес Гарлотский, Карадос Шотландский, Крадилманс, Король-с-Сотней-Рыцарей и герцог Канбенет. С 60-тысячным войском они выступили против Артура, но он в союзе с королями Баном Бенвикским и Борсом Галльским разгромил их в битве у замка Бедгрейн.

После победы Артур вернулся в Карлион. Спустя какое-то время туда прибыла супруга Лота Оркнейского, Моргауза. Артур не знал о том, что Моргауза является его сестрой по матери, и по незнанию совершил с ней ужасный грех кровосмешательства. Через девять месяцев Моргауза родила от него Мордред, который и стал впоследствии причиной гибели короля Артура.

Однажды Мерлин повел Артура на берег зачарованного озера. Владычица Озера подарила юному королю меч по имени Экскалибур («Руби Сталь»). Меч был прекрасен, но Мерлин посоветовал Артуру больше ценить не сам меч, а ножны от него: тот, на ком надеты эти волшебные ножны, не потеряет в бою ни единой капли крови. За

*Король Артур. Скульптура из
францисканского собора в
Инсбруке*

свой замечательный подарок Владычица Озера попросила Артура исполнить для нее впоследствии одно желание, и тот охотно согласился.

Прошло немного времени, и Владычица Озера прибыла ко двору короля Артура. Она напомнила о его обещании. Артур отвечал, что готов исполнить любое ее желание, но когда волшебница назвала его, король смутился: дама потребовала голову Балина, одного из самых доблестных рыцарей двора. Король заметил Владычице Озера, что ее желание недостойное, а Балин, недолго думая, выхватил меч и снес чародейке голову. Разгневанный Артур был вынужден изгнать Балина, поскольку убийство дамы несовместимо с рыцарской честью.

В первые годы царствования Артура его власть не раз оспаривали другие короли. Риенс, король Северного Уэльса, разгромив 11 королев и украсив их бородами свою мантию, прислал посольство к Артуру, требуя в знак покорности и его бороду. Но верные рыцари короля устроили засаду в лесу и, перебив охрану, захватили Риенса и доставили его в Карлион. Тогда против Артура выступил брат Риенса, король Неро, вместе с войсками подвластных ему 11 королев. В кровавой битве, разыгравшейся у замка Террабиль, Артур лично сразил 20 и ранил 40 вражеских рыцарей. Войска Неро были разбиты наголову; он сам и все остальные короли пали в сражении. По приказу короля Артура чародей Мерлин увековечил эту победу в скульптурной композиции: 12 статуй погибших королев, отлитые из бронзы и покрытые золотом, держали в руках зажженные свечи, а над ними возвышалась фигура короля Артура с обнаженным мечом в руке.

Приведя наконец к покорности всю Британию, Артур устроил свою столицу в Камелоте (теперешний Винчестер) и женился на Гвиневере, дочери короля Лодегранса из страны Камилард. В приданое за дочерью Лодегранс дал знаменитый Круглый Стол, вмещавший 150 рыцарей. Когда все рыцари Артура заняли свои места за Круглым Столом, то одно место осталось свободным. Тогда волшебник Мерлин произнес пророчество: тот, кто займет это место, названное им Гибельным Сиденьем, погибнет, но до той поры, пока он жив, ему не будет равных среди всех рыцарей мира.

Когда король Артур впервые собрал всех рыцарей за Круглым Столом, он щедро оделил их землями и дарами, а затем утвердил кодекс чести: его рыцари должны быть верными и милосердными; они обязаны всегда защищать дам и сражаться только за справедливое дело. Убийства, грабежи и измены объявлялись тягчайшими наруше-

ниями кодекса рыцарской чести. Все 149 рыцарей торжественно поклялись в этом.

Злейшим врагом Артура стала его родная сестра, фея Моргана — жена Уриенса Горского. Она ненавидела и собственного мужа, мечтая сделать королем Горским своего любовника, Акколона Галльского. Злая волшебница уговорила Акколона вступить в поединок с королем Артуром. Моргана позаботилась о благоприятном для нее исходе этого поединка. Силой магии она подменила мечи: Акколону Галльскому достался Экскалибур, а Артуру — лишь его копия, чрезвычайно хрупкий меч. В результате этого коварства Артур едва не погиб: Акколон тяжко изранил его, поскольку хрупкий меч сломался при первом же ударе. Однако истекающий кровью король все же ухитрился завладеть Экскалибуром, выбив его из рук Акколона, а затем прикончил врага.

Озлобленная потерей возлюбленного, фея Моргана поклялась страшно отомстить. Ночью она проникла в женский монастырь, где лежал жестоко израненный Артур, и попыталась похитить у него Экскалибур, но спящий король крепко сжимал меч в своей руке, и тогда Моргана похитила ножны от меча, висевшие на спинке кровати. Колдунья утопила чудесные ножны в озере. Когда же Артур излечился и вернулся в Камелот, Моргана прислала к нему свою придворную даму с подарком примирения: то был роскошный плащ, сплошь расшитый драгоценными камнями. Дама просила короля примерить прекрасный плащ, но Артур, заподозривший коварство, сначала повелел даме самой облечься в подаренный плащ. Женщина отказывалась, уверяя, что она недостойна такой чести, но король все же заставил ее это сделать. Едва дама накрылась волшебным плащом, как внезапно вспыхнувшее пламя мгновенно испепелило ее.

Вскоре после учреждения Круглого Стола к Артуру явились послы от римского императора Луция с требованием дани. Разгневанный король заявил дерзким послам, что Луций — узурпатор, поскольку еще задолго до него римским престолом владели Брин и Белин, предки Артура, а стало быть, у него больше прав на императорскую корону, чем у Луция. Вызов был брошен, и обе стороны начали готовиться к войне. Артур первым нанес удар — он переправился с войсками через пролив и высадился в Нормандии около Барфлета.

В Нормандии короля Артура ожидало удивительное приключение. Один местный крестьянин поведал ему о страшном великане-людоеде, обитавшем на горе Св. Михаила. Накануне ночью великан похитил герцогиню Бретонскую, несомненно ставшую жертвой его

похоти. Внимательно выслушав крестьянина, Артур в одиночку отправился на свершение подвига. Поднявшись на гору, он обнаружил служанку герцогини, плакавшую над свежей могилой. Служанка рассказала королю о том, что мерзкий великан изнасиловал ее госпожу и разорвал до пупа своим громадным членом. Она указала королю на костер, мерцавший в отдалении, где отвратительный злодей ужинал жареными младенцами. Артур поспешил на свет костра и увидел жуткую картину: великан сидит у костра без штанов и грызет человеческую ногу, а 12 юных дев, очевидно пленниц, жарят для него на вертелах младенцев. Рассвирепев от такого зрелища, Артур преисполнился ненависти и вызвал людоеда на бой. Великан проворно вскочил и, схватив окованную железом палицу, сбил корону со шлема героя. Артур, закрывшись щитом, сделал ловкий выпад и отсек ему срамные части. Великан дико взревел. Удар чудовищной силы неминуемо превратил бы смельчака в кровавое месиво, но Артур, легко увернувшись, разрубил людоеда череп, а затем и отсек ему голову. Этот трофей он приказал своим рыцарям выставить на стене Барфлета.

Тем временем войска Луция вторглись в Галлию. Главная битва между римлянами и британцами произошла в долине Суассона. На стороне Луция сражались 50 генуэзских великанов, одним своим диким видом наводившие ужас. Рыцари Артура не решались начинать с ними бой, и тогда сам король подал им пример. Сойдясь с великаном по имени Галапас, Артур подрубил ему ноги, воскликнув при этом: «Вот теперь ты сравнялся ростом с нашими рыцарями!», после чего обезглавил вопящего от боли врага. Всех остальных великанов перебили рыцари Круглого Стола. Когда римляне попятились назад, Артур, потрясая мечом, поскакал на Луция. Однако римский император оказался искусным бойцом — он ударил Артура мечом поперек носа, нанеся ему рану чуть не до языка глубиной. Разъяренный король взмахнул Экскалибуром и разрубил врага от шишака до груди.

Римляне, потерявшие 100 тысяч бойцов, были разбиты. Окровавленный Артур велел уложить тела Луция и всех его сенаторов на катафалк и отправить их в Рим со словами: «Вот такая дань причитается от меня Риму!» Завоевав множество итальянских городов, Артур короновался в Риме императорской короной, после чего возвратился в Британию.

Вскоре после этого в Британии появились новые враги — саксы, массаами прибывавшие на остров с континента. Нанеся им ряд пора-

жений, король Артур окончательно разгромил свирепых варваров в решающем сражении у горы Бадон. Теперь в королевстве Логрия (так назывались владения Артура) надолго воцарился мир. Рыцари Круглого Стола постепенно истребили почти всех колдунов, грабителей, людоедов и великанов, вследствие чего им все труднее было искать приключения и совершать подвиги. Накануне очередного праздника Пятидесятницы ко двору прибыл Галахэд, который занял предназначенное ему Гибельное Сиденье. Наконец-то Круглый Стол был заполнен — за ним сидело теперь ровно 150 рыцарей. Тогда-то и пробили Час Славы логов и явился Грааль.

БАЛИН СВИРЕПЫЙ, РЫЦАРЬ-О-ДВУХ-МЕЧАХ

Балин был родом из Нортумберленда. Некоторое время он находился в тюрьме Камелота за убийство какого-то рыцаря, приходившегося родственником Артуру, но потом король помиловал Балина и сделал его рыцарем Круглого Стола.

Однажды ко двору Артура явилась некая дама, препоясанная мечом. Король выразил удивление: разве леди к лицу носить оружие?

Балин обезглавливает Владычицу Озера. Миниатюра XIII в.

Но дама объяснила, что носит меч под действием злых чар и против своей воли. Она обратилась ко всем присутствующим рыцарям с просьбой освободить ее от меча, предупредив при этом: вынуть меч из ножен сможет лишь рыцарь праведной жизни, не ведающий низости и обмана. Рыцари Круглого Стола, все как один, выразили желание помочь даме, считая это своим долгом, но ни один из них не смог вытащить меч из ножен даже на дюйм. Зато Балин с легкостью извлек меч и залюбовался им, а дама, расточая слова признательности, осведомилась, какую награду пожелает герой. Балин, пораженный красотой меча, попросил его себе в награду. Эта просьба испугала даму. Она объявила, что на мече лежит страшное заклятье: тот, кто им владеет, убьет лучшего друга; мало того, этот злополучный меч станет причиной и его собственной гибели. Однако Балин упрямо стоял на своем: что бы там ни было, а этот меч останется при нем так же, как и его собственный. Опечаленная дама покинула Камелот, а Балина с тех пор прозвали Рыцарем-о-Двух-Мечах.

Не успела зачарованная дама далеко отъехать от Камелота, как в залу явилась Владычица Озера, напомнившая королю о том, что за Экскалибур он обещал исполнить любое ее желание. Артур изъявил готовность сдержать свое слово, и тогда волшебница потребовала голову дамы с мечом либо голову Балина. Такое ее пожелание повергло короля в великое смущение, а Балин выхватил меч и мигом обезглавил Владычицу Озера. Все кавалеры при этом пришли в ужас, а пораженный король спросил Балина, зачем он это сделал. Рыцарь-о-Двух-Мечах ответил, что мерзкая колдунья некогда погубила его мать, а теперь еще домогалась его головы. Он отомстил за мать и за себя — вот и все.

Несмотря на то, что мотивы поступка Балина прояснились, король Артур немедленно изгнал рыцаря от своего двора — ведь убийство дамы большой позор и тяжкое нарушение кодекса рыцарской чести.

Опечаленный Балин вскочил на коня и поехал прочь из Камелота. Тем временем рыцарь Лансеор, сын короля Ирландии, желая отомстить Балину за убийство Владычицы Озера, догнал его и вызвал на поединок. Но Балин, лучший из рыцарей, пронзил его копьем и перебросил через круп коня. Пока победитель в грустной задумчивости стоял над трупом поверженного противника, на место поединка прискакала возлюбленная Лансеора. Увидев, что тот убит, дама в отчаянии бросилась на его меч и пронзила себя. От всех этих горестных происшествий Балин едва не лишился рассудка. Мрачный, как грозовая туча, ехал он через лес, как вдруг кто-то окликнул его по

имени. Балин поднял глаза и вскрикнул от радости: перед ним стоял его брат, Балан.

Балин поведал любимому брату о бедах, внезапно обрушившихся на него, и тот посоветовал обратиться за помощью к чародею Мерлину. Балин принял совет, и братья вместе отправились на поиски волшебника. Мерлин, знавший все наперед, не дал Балину и рта раскрыть. Он сказал, что лучший способ вернуть милость Артура — захватить в плен его злейшего врага, короля Риенса. Мерлин объяснил, где и когда нужно устроить засаду на него. В указанный срок братья спрятались в лесу. Вскоре на лесной тропинке показался целый отряд из 40 рыцарей, сопровождавших Риенса. Балин и Балан, выскочив из засады, смело вступили в неравный бой и убили врагов всех до одного, а связанного короля Риенса передали с рук на руки привратникам Камелота. Узнав о подвиге братьев, король Артур воздал им честь и хвалу. Прощенный Балин и его доблестный брат Балан вновь заняли свое почетное место при дворе. В скором времени им вновь удалось отличиться — в сражении с войсками короля Неро братья проявили чудеса храбрости, заслужив еще большее расположение благодарного Артура. Но увы! С тех самых пор, как Балин освободил зачарованную даму от меча, над ним словно навис зловещий рок, и трагические события не заставили себя долго ждать.

Однажды, когда король Артур раскинул шатер неподалеку от замка Мелиот, мимо него проскакал рыцарь с необычайно печальным лицом. Заинтересовавшись, король повелел Балину нагнать рыцаря, расспросить о причине его столь тяжелой грусти и выяснить, нельзя ли ему чем-либо помочь. Балин исполнил поручение короля: оказалось, что Харлеуса Бородатого (так звали печального рыцаря) преследует мерзкий рыцарь по имени Гарлон. Харлеус обречен, поскольку Гарлон сражается бесчестно. Силы магии делают злодея невидимым, поэтому смертельный удар может последовать в любой миг. Не успел грустный рыцарь закончить свой рассказ, как тут же пал, пронзенный невидимым копьём.

Балин дал себе слово покарать невидимого убийцу. Но где и как его искать? Эта проблема мучила его долгое время, пока Балин не услышал обрадовавшее его известие: король Пелам Листенойзский устраивает грандиозное пиршество и приглашает всех окрестных рыцарей в свой замок. Рассудив, что в числе гостей может быть и убийца Гарлон, мститель поспешил в замок Пелама. Балин не обманулся в своих надеждах: первый же слуга в ответ на его вопрос указал на некоего рыцаря с черным лицом, сидящего за столом. Это и

был убийца Гарлон — на пиру тот счел излишним использовать чары, делающие его невидимкой.

Заметив, что его разглядывают, надменный Гарлон поднялся из-за стола, подошел к Балину и дал ему пощечину. Оскорбленный рыцарь в ярости выхватил меч и тут же зарубил наглеца. Когда пролилась кровь, все в ужасе вскочили на ноги: Балин нарушил законы гостеприимства, убив одного из гостей короля Пелама. Разгневанный хозяин набросился на преступника; их мечи скрестились. Один миг, удар, — и меч Балина разлетелся на куски. Обезоруженный, он бросился бежать из одной залы замка в другую, чувствуя за спиной тяжелое дыхание преследователя. Взлетев по винтовой лестнице, Балин, очутившийся на верхнем этаже замка, вбежал в какую-то комнату и замер в изумлении. Посреди комнаты на серебряном столе возвышалась золотая чаша, излучавшая ослепительный свет, а у стены, прямо в воздухе, без всякой опоры висело чудесное копьё. С наконецника копья одна за другой срывались капли крови и тут же исчезали, не достигнув пола. От созерцания этих чудес Балина отвлек приближающийся грохот шагов хозяина. Сразу позабыв о чудесах, Балин схватил висящее над полом копьё, и как только Пелам с обнаженным мечом в руке показался в дверном проеме, поразил его неожиданным ударом. В тот же момент прогремел чудовищной силы гром, и стены замка обрушились, погребая людей под обломками.

Через три дня Мерлин освободил оглушенного рыцаря из-под завала. Чародей объяснил Балину, что тот нанес Пеламу удар тем самым копьём, которым римский сотник Лонгин пронзил Христа, распятого на кресте, и предрек страшные последствия нанесенного Балином Плачевного Удара: три королевства погибнут из-за него, не считая других многочисленных бед.

Покинув разрушенный замок, Балин в отчаянии пустился в долгие странствия. Однажды он подъехал к большому каменному кресту, на котором золотыми буквами горела надпись: «Ни одному рыцарю нельзя в одиночку приближаться к этому замку». Презрев это предупреждение, Балин отправился дальше и увидел замок, стоявший на берегу озера. Из ворот замка выехала целая кавалькада рыцарей и дам, дружески приветствовавших странника, а владелица замка обратилась к нему с просьбой: сразиться с рыцарем острова, расположенного посреди озера. Балин, следуя правилам рыцарской чести, не посмел отказать даме и изъявил согласие. Тогда один из рыцарей, сопровождавших хозяйку замка, заметив, что щит Балина слишком

мал, любезно предложил ему другой. Герой отдал ему свой щит с гербом, взяв взамен щит больших размеров, но без герба. Этим он и погубил себя.

Вступив на берег острова, Балин встретил противника в черных латах и с опущенным забралом. Долго и ожесточенно бились они, сначала конные, потом пешие, нанеся друг другу множество ран, так что трава острова покраснела от крови. Наконец противник Балина упал. Подойдя к поверженному врагу, герой поднял забрало его шлема и увидел перед собой бледное лицо своего брата Балана.

Свершилось проклятие меча — Балин убил лучшего друга! Как горевал несчастный Балин, как раскаивался в том, что поменял щит, — ведь по его гербу брат бы узнал брата! Но теперь все было кончено: Балан умер, и Балин, истекая кровью из многих ран, вскоре последовал за ним в лучший мир.

Владелица замка, опечаленная трагическим происшествием, повелела похоронить братьев в одной могиле. А наутро туда прибыл Мерлин, написавший на могильном камне золотыми буквами: «Здесь лежит Балин Свирепый, что звался Рыцарем-о-Двух-Мечах и нанес Плачевный Удар».

Меч Балина чародей Мерлин силой магии заключил в мраморный камень, и суждено было его извлечь оттуда Галахэду, лучшему из рыцарей. Но произойти это должно было лишь много лет спустя.

ТРИСТРАМ ЛИОНСКИЙ

Тристрам был сыном Мелиодаса, короля Лиона, и Елизаветы, дочери короля Марка Корнуэльского. Однажды, когда Мелиодас уехал на охоту, Елизавета в тяжких муках разрешилась от бремени. Умирая, она назвала младенца Тристрамом, т.е. «Горестнорожденным».

Через семь лет Мелиодас женился вторично, и у него появились другие дети. Мачеха, досадовавшая, что королевство достанется Тристраму, а не ее детям, решила его отравить. Она подсыпала яд в кубок, стоявший в комнате Тристрама, но случилось так, что из этого кубка выпил ее собственный сын. Когда он умер, все открылось. Разгневанный Мелиодас хотел сжечь злодейку, но Тристрам упрямил отца не делать этого, и тот пощадил преступную супругу. С тех пор мачеха полюбила Тристрама и задаривала его подарками.

Когда юноше исполнилось 14 лет, отец отправил его во Францию — учиться галантным наукам и военному искусству. Там Три-

грам в совершенстве овладел искусством игры на арфе, а также сохой и соколиной охоты. Именно Тристрам первым установил все правила соколиной охоты, поэтому книга, ей посвященная, получила название «Книга сэра Тристрама».

В 18 лет юноша, грезивший воинскими подвигами, вернулся на родину. Тут до него дошла весть о беде, постигшей его дядю, Марка Корнуэльского: из Ирландии за ежегодной данью прибыл рыцарь Мархальт, но король отказался платить. Тогда Мархальт предложил поединок на таких условиях: если победит он, дань должна быть уплачена, а если его противник, то король навсегда освободится от дани. Однако никто во всем Корнуэле не посмел выступить против Мархальта, считавшегося одним из лучших бойцов в мире.

Узнав об этом, Тристрам поспешил в Корнуэль и предложил дяде свои услуги. Обрадованный король Марк посвятил племянника в рыцари и выставил против Мархальта. Во время поединка Мархальт жестоко ранил юношу копьем в бок (а наконечник копья был отравлен!), но Тристрам нанес ирландскому рыцарю удар такой силы, что лезвие его меча, разрубив шлем, застряло в черепе. Извлекая свое оружие, Тристрам не заметил, что от меча отломился обломок, оставшийся в черепе врага. Мархальт, схватившись обеими руками за окровавленную голову, бежал на корабль, доставивший его в Ирландию.

Куртуазная любовь. Дама под охраной рыцаря. Средневековая миниатюра

Там он и умер, а его сестра, королева Ирландии, сохранила злосчастный обломок и поклялась отомстить убийце.

Рана Тристрама воспалилась, и никто не мог ему помочь. Одна знающая дама сказала, что вылечить его могут только там, где изготовлен яд. Пришлось Тристраму отправиться в Ирландию. Находясь во враждебной стране, молодой рыцарь, скрыв свое настоящее имя, назвался Трамтристом. Излечила рану Тристрама прекрасная королевская дочь Изольда, в которую он страстно влюбился. Узнав, что на ее руку претендует знаменитый рыцарь, сарацин Паламид, Тристрам вызвал его на поединок и победил, заставив под угрозой смерти отказаться от Изольды.

Однажды, когда Тристрам мылся в бане, королева и Изольда проникли в его покои. Они с интересом рассматривали оружие и доспехи Тристрама, как вдруг королева заметила, что на мече выщерблен кусок стали. Приложив сохраненный ею обломок к мечу героя, королева убедилась, что он как раз пришелся на место. Охваченная яростью, она схватила меч и поспешила в баню, дабы немедленно покарать убийцу брата, но его оруженосец, Эб Достославный, преградил ей путь и вырвал оружие из рук мстительной фурии. Тогда озлобленная королева обратилась к супругу, требуя немедленно казнить Трамтриста, однако Ангвесанс Ирландский, с симпатией относившийся к молодому доблестному иноземцу, отпустил его домой невредимым.

Вернувшись в Корнуэль, Тристрам так живо поведал дяде о красоте Изольды Белокурой, что король Марк возжелал ее в жены. Коварный король заставил племянника поклясться в том, что тот выполнит любое его желание, а уже потом сообщил, что ему надо: Тристрам должен отправиться в Ирландию сватать для него Изольду. Для Тристрама подобное поручение стало мучительнейшей из пыток, ведь он любил прекрасную Изольду, но делать было нечего — он дал слово.

Король Ангвесанс, благосклонно выслушавший Тристрама, дал свое согласие на брак Изольды и Марка, а королева тайно вручила Бранжье, камеристке Изольды, бутылку с любовным напитком, приказав подать его супругам перед первой брачной ночью и строжайше запретив давать напиток кому-либо еще.

Корабль с невестой на борту отплыл от берегов Ирландии. В пути Тристрана и Изольду так мучила жажда, что они приказали Бранжье принести им вина, но рассеянная служанка подала господам вместо вина любовный напиток. Отведав его, Тристрам и Изольда стра-

стно полюбили друг друга. В ту же ночь они возлегли вместе, и Тристрам лишил Изольду девственности. Однако изменить своей клятве, данной королю Марку, молодой рыцарь никак не мог, поэтому по прибытии в Корнуэль Изольда стала женой короля. Чтобы спасти честь Изольды, ее на первую брачную ночь в постели супруга заменила Бранжьена. Король Марк не заметил подмены и, весьма довольный племянником, назначил его сенешалем замка Тинтагиль.

Шло время, но Тристрам и Изольда так и не смогли победить свою любовь. Они стали тайно встречаться в саду у лаврового дерева, и однажды некий придворный, по имени Одре, выследил любовников. Король Марк, разгневанный изменой любимой жены, заточил Изольду в башне замка, разрешив допускать к ней только камеристок. Пока король размышлял, как ему разделаться с племянником, Тристрам, изнывавший от любви, переделся девицей и с помощью Бранжьены проник в башню. Но Одре не дремал: он поднял тревогу, и любовников схватили прямо в постели.

Эта повторная измена привела короля в неописуемую ярость. Владыка Корнуэла придумал утонченную месть, повелев сжечь Тристрама на костре, а Изольду отдать прокаженным. Когда Тристрама привели на берег моря для сожжения, молодой рыцарь напряг все силы и, разорвав путы, бросился со скалы в море, а тем временем Говернал, его верный оруженосец, вырвал Изольду из рук прокаженных. Спасшиеся любовники укрылись в лесу Моруа и жили там некоторое время в замке Премудрой Девы. Казалось, счастье улыбнулось им, однако новые испытания не заставили себя долго ждать.

Король Марк, повсюду разыскивавший беглецов, однажды напал на их след. Королевские рыцари ворвались в замок в тот момент, когда там находились только Изольда и ее служанка, а Тристрам был на охоте. С ним в тот день тоже случилось несчастье. Устав, он прилег отдохнуть под деревом и заснул, а какой-то негодяй, проходивший мимо, ранил спящего отравленной стрелой в плечо. Это был брат рыцаря, убитого Тристрамом на поединке.

Вернувшись в замок, раненый герой обнаружил, что Изольда похищена. Жестоко страдая от раны, горестный Тристрам отправился на поиски пропавшей возлюбленной. В пути он совсем ослаб, а его плечо распухло как бревно. Шатаясь от слабости, он добрался до Бретани, подвластной королю Хоэлю.

Дочь Хоэля, Изольда Белорукая, полюбила страждущего рыцаря и исцелила его. Тристрам, в свою очередь, оказал важную услугу королю Хоэлю: когда войска графа Агриппы осадили его замок, герой

во главе гарнизона вышел из города и бросился на врагов, как волк на овец, повергая их на землю одного за другим. Он одержал полную победу, а благодарный король, звавший о чувствах своей дочери, отдал ее в жены Тристраму.

Тристрам, исполненный признательности своей спасительнице, женился на ней. Однако он ни разу так и не возлег с Изольдой Белокурой, не в силах вытравить из сердца любовь к Изольде Белокурой. Безмерно тоскуя по возлюбленной, Тристрам, несмотря ни на что, оставался ей верен. А она все это время жила со своим мужем в Корнуэле, — король Марк, не в силах разлюбить ее, простил ей измену.

Прошло несколько лет. Однажды Тристрам отправился на охоту и попал в засаду. Враги ранили рыцаря в бедро отравленным дротиком, и никто, даже искусная Изольда Белокурая, не мог его излечить. Тогда Тристрам упросил своего друга, купца Женеса, поехать в Корнуэль и привезти его возлюбленную: герой был уверен, что лишь она сможет излечить его рану. Тристрам и Женес уговорились так: если купец вернется с Изольдой, то паруса его корабля будут белыми; если же по какой-то причине его миссия окажется неудачной, то они будут черными. Этот разговор подслушала жена Тристрама, и в ее сердце вспыхнула безумная ревность.

Между тем Женес прибыл в Корнуэль и, соблюдая все меры предосторожности, встретился с Изольдой. Узнав о беде, постигшей ее возлюбленного, Изольда страшно встревожилась и решила немедленно отплыть с купцом. Но это было не так-то просто: за каждым шагом королевы следил шпион Одре. Чтобы отделаться от него, Изольда пустилась на хитрость. Во время охоты она намеренно отпустила ловчего сокола и стала уверять, что птица полетела к побережью и села на мачту купеческого корабля. Одре волей-неволей пришлось сопровождать королеву на корабль. Здесь Женес ударил соглядатая веслом по голове и сбросил его в воду. Подняв якоря и распустив паруса, корабль помчался в Бретань.

Тристрам первое время каждый день ходил на берег, с нетерпением высматривая, не покажется ли на горизонте парус. Но с каждым днем ему становилось все хуже и хуже. Рана на его бедре почернела, и Тристрам слег. Теперь на берег моря вместо него ходила служанка. Когда долгожданный парус наконец показался, Изольда Белокурая, одержимая ревностью, повелела служанке солгать. Услышав, что парус на корабле Женеса черного цвета, Тристрам в ту же минуту умер от отчаяния. Весь замок погрузился в траур. Изольда Белокурая, на-

шедшая своего возлюбленного уже мертвым, зарывав, пала ему на грудь, и тоже умерла.

После смерти Тристрама его жена нашла завещание, прикрепленное на рукояти меча: герой просил положить его тело на корабль и отправить в Корнуэль, на родину возлюбленной. Завещание было исполнено — тела Тристрама и Изольды забальзамировали и доставили на корабле в Корнуэль. Их похоронили в одной часовне, Тристрама в халцедоновом гробу, а Изольду в берилловом. Вскоре после похорон из могилы Тристрама вырос терновник и врос в могилу Изольды. Король Марк приказал срубить его, но терновник выростал снова и снова — как символ великой бессмертной любви.

ЛАНСЕЛОТ ОЗЕРНЫЙ, РЫЦАРЬ ТЕЛЕГИ

Ланселот Озерный, сын короля Бана и Элейны, властителей Бенвика, лучший из рыцарей Круглого Стола, впервые стяжал громкую славу в войне с римским императором Луцием. В битве при Суассоне молодой герой сразил короля сарацин Джоконда и захватил его знамя. По завершении похода Ланселот, выступая на турнире, ни разу не потерпел поражения, чем еще приумножил свою славу первого рыцари.

Ланселотом владела тайная страсть: он боготворил королеву Гвиневеру, супругу короля Артура, но у него никогда и в мыслях не было изменить своему благородному сеньору. Тем не менее влюбленный рыцарь имел полное право избрать Гвиневеру дамой сердца, и он этим правом воспользовался, совершая доблестные подвиги в ее честь.

Однажды Ланселот вместе с племянником Лионелем отправился на поиски приключений. Во время полуденного зноя они прилегли отдохнуть под яблоней. Ланселот уснул, а Лионель остался на страже и увидел странную картину: один рыцарь преследовал троих, а затем одного за другим выбил их из седла. Лионелю захотелось проверить себя и помериться силами с этим рыцарем, но тот поверг его на землю и связал, так же как и тех троих. Победитель доставил всех пленников в свой замок, снял с них доспехи, выпорол лозами и бросил в темницу.

Тем временем мимо спящего Ланселота проезжали четыре знатные дамы, окруженные свитой. Это были королевы Северного Уэльса, Восточной Страны, Внешних островов и фея Моргана, королева Горса. Узнав Ланселота, дамы заспорили между собой, кого из них

предпочтет отважный герой. Чтобы разрешить этот спор, фея Моргана погрузила Ланселота в глубочайший сон, во время которого его перевезли в замок Чэриот. Здесь Моргана рассеяла чары сна, и дамы подступили к Ланселоту, требуя избрать себе возлюбленную из их числа. Ланселот назвал их коварными колдуньями и отказался от выбора, за что разгневанные королевы ввергли его в темницу. По счастью, в этом замке находилась дочь короля Багдемагуса, которая пообещала освободить героя при одном условии: Ланселот должен выступить на турнире на стороне ее отца против рыцарей короля Северного Уэльса. Отважный герой охотно дал ей слово и оказался на свободе. Верный клятве, Ланселот тут же направил коня в монастырь белых монахов, где встретился с королем Багдемагусом.

В день турнира король Северного Уэльса выставил 180 бойцов, а Багдемагус лишь 80, однако присутствие Ланселота обеспечило победу последнего. Лучший рыцарь поверг наземь множество противников, в том числе и самого короля Северного Уэльса, который при падении с коня сломал бедро. За Ланселотом внимательно наблюдали три рыцаря короля Артура, также участвовавшие в этом турнире: сэры Мадор, Морцред и Галахантин. Они тоже решили преломить ко-

Ланселот Озерный. Миниатюра XIII в.

пья с Ланселотом, но он победил и их: Мадора герой свалил вместе с конем, Мордред перебросил через круп его коня, а Галахантину нанес такой страшный удар мечом по шлему, что у бедняги из носа, рта и ушей хлынула кровь. Одержав эти блестящие победы, Ланселот распростился с Багдемагусом, благодарившим его от всего сердца, и отправился на поиски пропавшего Лионеля.

В лесу Ланселот повстречался с дамой на белой лошади, объяснившей ему, как разыскать рыцаря-разбойника Тарквина, пленившего 64 рыцарей Круглого Стола, в том числе и Лионеля. Дама проводила героя к замку Тарквина, а затем указала и самого злодея, возвращавшегося домой с очередной жертвой — поперек его седла лежал связанный Гахерис. Ланселот вызвал Тарквина на бой и пронзил его копьем. Восхищенная его доблестью и ловкостью, дама попросила героя об услуге: покарать рыцаря-насильника, сэра Периса Из-Дикого-Леса, обижавшего и насилуовавшего беззащитных женщин. Отправив Гахериса освобождать узников Тарквина (что тот и сделал, убив привратника и завладев ключами от темницы), Ланселот в сопровождении дамы отправился на поиски насильника. Рыцарь попросил спутницу ехать впереди, чтобы спровоцировать негодяя на нападение. Его план сработал. Услышав крик дамы, Ланселот пришпорил коня и раскрыл оторопевшего мерзавца от макушки до ключиц.

Распрошавшись с дамой, Ланселот поехал дальше и через какое-то время оказался у замка Тинтагиль. Герой спокойно въехал в ворота, но тут на него набросились два великана с железными палицами. Прикрывшись щитом, Ланселот мигом раскрыл череп одному из них, а второй гигант, испуганный тем, как легко разделался заезжий рыцарь с его приятелем, обратился в бегство, но был настигнут и поражен в спину. Тут из замка вышли шестьдесят девиц, благодаря героя за свое освобождение. Отдохнув в замке, Ланселот продолжил свой путь и к вечеру остановился на ночлег на постоялом дворе. Не успел он раздеться и лечь в постель, как его внимание привлек какой-то шум на дворе. Выглянув в окно, Ланселот увидел Кэя, с трудом отбивавшегося от трех рыцарей, и бросился на помощь товарищу. Легко одолев всех троих, он заставил их явиться ко двору короля Артура в качестве пленников сэра Кэя.

Обменявшись новостями, доблестные рыцари легли спать. Наутро первым проснулся Ланселот. Он не стал будить Кэя и, надев его доспехи, поехал дальше. Когда Кэй проснулся, ему ничего не оставалось, как облечься в доспехи Ланселота. По пути в Камелот Кэй

понял причину странного поступка товарища: все встречные, принимая Кэя за Ланселота, торопились уступить ему дорогу. Слава Ланселота была так велика, что все, знавшие непобедимого героя, боялись с ним связываться. Это обстоятельство позволило Кэю без всяких проблем добраться до Камелота.

Тем временем Ланселот, продолжавший свой путь, заметил на лужайке под дубом четырех рыцарей Круглого Стола: Саграмура Желанного, Эктора Окраинного, Гавейна и Ивейна. Убежденные в том, что видят перед собой Кэя, эти рыцари решили испытать, каков он в бою. Это дорого им стоило: через несколько минут все четверо распластались на траве, а Ланселот, посмеиваясь над их недоумением, поехал дальше.

В пути славный рыцарь повстречал прекрасную даму, Волшебницу Хелависа, давно в него влюбленную. Девушка умоляла его хотя бы об одном поцелуе, но Ланселот вынужден был отказать ей даже в этой малости — он не мог изменить даме своего сердца, королеве Гвиневере. Влюбленная леди не смогла этого перенести и вскоре умерла от неразделенной любви.

На тернистом пути героя не раз подстерегали всевозможные опасности. Однажды Ланселот, выехав к прекрасному замку, заметил, как над его головой пролетел сокол. Птица села на дерево и, запутавшись поводками в ветвях, не смогла с него взлететь. Следом за соколом из замка прискакала дама, слезно умолявшая Ланселота достать птицу с дерева, иначе суровый муж убьет ее за потерю любимого сокола. Пришлось герою снять латы и влезть на дерево. Тут Ланселот убедился, что сам, словно сокол, угодил в ловушку: из-за ближайших кустов вышел муж коварной дамы с обнаженным мечом в руке. Смясь, сэр Фелот (так его звали) манил к себе пальцем обезоруженного рыцаря. Но Ланселот не растерялся: отломив увесистый сук, он спрыгнул на землю и так огрел негодяя по голове, что тот потерял сознание. Взяв меч, Ланселот снес Фелоту голову и, вновь облачившись в доспехи, уехал прочь.

Приближался праздник Пятидесятницы — время, когда все рыцари Круглого Стола съезжались ко двору короля Артура, поэтому Ланселот направил коня на дорогу в Камелот. Когда ко двору стали прибывать пленники, побежденные Ланселотом, Кэй честно признался, что его пленники на самом деле не его, а Ланселота, поскольку они обменялись с ним доспехами. Тут все стали восхвалять Ланселота, и слава о нем, как о лучшем рыцаре Британии, разнеслась по всей стране.

Спустя некоторое время ко двору явился отшельник Нансьенс, просивший Ланселота освободить одну даму, заточенную чарами феи Морганы в Башне Слез. Не теряя ни минуты, герой отправился вместе с отшельником. Стоило ему подняться по лестнице и подойти к железной двери, за которой томилась узница, как все замки и запоры слетели с двери, и дама обрела свободу. По просьбе того же Нансьенса Ланселот совершил еще один подвиг: отправившись к огромному кромлеху на холме, рыцарь вступил в схватку с ужасным драконом, обитавшим там, и победил его. После того он пустился в путь через Опустошенные земли (то было следствием Плачевного Удара Балина) и, сам не зная как, выехал к призрачному замку Карбенек. Стены и башни Карбенека были разрушены вследствие того же Плачевного Удара, и лишь один донжон поднимался из развалин. Там его принял Пелам, Увечный король, по-прежнему страдавший от удара копьем, нанесенного ему Балином много лет назад. Пелам поведал Ланселоту, что он является хранителем святого Грааля, а также золотого блюда с Тайной Вечери и Копья центуриона Лонгина, пронзившего грудь Христа — все эти реликвии хранились на самом верху донжона.

В Карбенекке Ланселот удостоился чуда лицезреть Грааль: внезапно грянул страшный гром, полыхнула молния, и показались три призрачные дамы в белом, пронесшие мимо него перечисленные Пеламом реликвии. Когда все исчезло, Пелам пояснил изумленному Ланселоту, что Грааль является только самым достойным рыцарям.

Ланселот остался гостить в Карбенекке, и дочь Пелама, Элейна, страстно полюбила его. Но герой не мог ответить ей взаимностью, ведь его сердце было уже занято. Тогда служанка Элейны, Брузена, прибегнув к магии, помогла госпоже добиться любви Ланселота. Однажды Брузена принесла рыцарю кольцо Гвиневеры и сказала, что королева умоляет его немедленно прибыть к ней в замок Кейс, находившийся в дне пути от Карбенека. Ланселот поспешил в Кейс и встретил там Элейну, но в образе Гвиневеры, который придали ей чары Брузены. Влюбленный позабыл обо всем на свете (это также было действием чар) и возлег на ложе с Лже-Гвиневерой. Проснувшись поутру, он с ужасом обнаружил рядом с собой Элейну. Девушка, плача, во всем ему призналась, но у Ланселота от горя помутилось в голове — ведь он изменил нежно любимой даме сердца! И тогда Ланселотом овладело безумие, он выпрыгнул в окно и убежал. Несколько лет рыцарь, охваченный безумием, скитался по лесам и полям Уэльса, одетый в рваные звериные шкуры. А у Элейны тем временем ро-

дился сын, которому дали имя Галахэд. Мальчику уже исполнилось пять лет, когда он случайно обнаружил своего безумного отца спящим у колодца. Отшельник Нансьенс отнес Ланселота в часовню и принялся горячо молиться за него. Внезапно грянул гром, и явилось чудо Грааля. Ланселот мгновенно исцелился и вспомнил все. Тогда он облачился в латы, сел на коня и уехал в Камелот, как ни умоляла его Элейна остаться. От горя и неразделенной любви молодая женщина умерла, а Галахэда отдали на воспитание в монастырь.

Спустя много лет, когда Галахэд стал рыцарем, Ланселот утратил славу первого рыцаря: однажды юноша победил в поединке и отца и сэра Персиваля. Ланселот же, как и все рыцари Круглого Стола, долго искал святой Грааль. Однажды ему удалось найти призрачный замок Карбенек, но когда герой поднялся по витой лестнице башни и подошел к заветной двери, за которой находился Грааль, глас Божий запретил ему переступить порог комнаты, так как Ланселот был теперь грешен. Но Ланселоту так хотелось увидеть Грааль, что он нарушил запрет и в тот же миг был поражен словно громом. 24 дня пролежал он как мертвый в башне замка — такова была плата за 24 года его греховной жизни, а потом, видя, что недостойн лицезреть Грааля, Ланселот в великой печали вернулся в Камелот.

ПЕРСИВАЛЬ УЭЛЬСКИЙ

Персиваль родился и вырос в диких лесах Уэльса. Жил он вместе с матерью, а отца своего не знал. Проведя на лоне природы пятнадцать лет, юноша вырос сильным и выносливым, простодушным, честным и нравственно чистым. Охотясь в лесах на зверей, Персиваль научился без промаха метать дротик.

Однажды Персиваль повстречался в лесу с рыцарями и принял их за ангелов, ведь он никогда не видел ни тех, ни других. Один из них, Ланселот Озерный, объяснил наивному юноше, кто такие рыцари и чем они занимаются. Его сердце разгорелось. Вернувшись к матери, Персиваль заявил ей о своем горячем желании стать рыцарем. Испуганная женщина начала его отговаривать, указывая на то, сколь опасен избранный им путь, но юноша остался непреклонен.

Распростившись с матерью, Персиваль отправился через лес ко двору короля Артура. Долго шел он через чащу и наконец вышел на поляну, усыпанную ромашками. Увидев на поляне шатер, Персиваль вошел в него и обнаружил прекрасную белокурую девушку, спавшую

на богатом ложе из шелка и парчи. Юноша влюбился в незнакомку с первого взгляда. Осторожно сняв с ее пальчика колечко с красным рубином, он взамен надел на него свое кольцо с прекрасным алмазом, а затем, нежно поцеловав девушку в губы, покинул шатер.

Добравшись до Камелота, Персиваль замешался в толпу придворных. В это время при дворе короля Артура шел пир. Сенешаль Кэй, подняв золотой кубок, собирался произнести тост, но в этот момент какой-то наглый рыцарь в красном, вырвав кубок из рук Кэя, залпом осушил его и скрылся. Разгневанный король повелел догнать наглеца. Все рыцари Круглого Стола поднялись со своих мест, но Артур остановил их, сказав, что такому невеже будет слишком много чести — пусть его победит какой-нибудь оруженосец и, вернув золотой кубок, заслужит тем самым рыцарское звание.

Персиваль понял, что это его шанс, и вызвался на свершение подвига. Юноше дали коня, и он без доспехов, вооруженный одним лишь дротиком, пустился в погоню за Красным рыцарем. К вечеру смельчак догнал наглого вора на горной тропинке, поднимавшейся к одинокой серой башне. Персиваль предложил ему сдаться, но Красный рыцарь, обзывая юношу дерзким мальчишкой, нацелил копьё и по-

Рыцари круглого стола. Миниатюра XIII в.

скакал на него. Юный герой спрыгнул с коня, и копье прошло над его головой. Яростно ругаясь, рыцарь развернул коня и повторил атаку, но Персиваль метнул в него дротик, угодивший негодюю в горло. Красный рыцарь свалился замертво.

Одержав свою первую победу, Персиваль попытался снять доспехи с убитого рыцаря, но он не знал, как это делается. За этим занятием его и застал старый седой рыцарь Гонеманс. Старик помог юноше разоблачить мертвеца, а затем предложил научить неопытного смельчака всему тому, что должен уметь рыцарь. Персиваль с благодарностью принял предложение старого рыцаря. Все лето он провел в замке Гонеманса, учась владеть копьем и мечом, привыкая носить тяжелые доспехи, осваивая тактику боя конным и пешим. Когда юноша в совершенстве овладел воинским искусством, Гонеманс ознакомил его с высокими законами рыцарства.

Расставшись со своим добрым учителем, Персиваль отправился на поиски приключений, как то и подобает странствующему рыцарю. Однажды он выехал к призрачному замку Карбенек, стены которого были разрушены, а углы башен обвалились, словно от удара молний. Усталый путник вошел в пустую освещенную залу и присел отдохнуть к столику у камина. На столике он увидел расставленные шахматы. От нечего делать Персиваль сделал ход белой пешкой, и тотчас красная пешка сама сделала ответный ход. Удивленный, Персиваль пошел конем и тут же получил ответ. Так он продолжал играть, но очень скоро проиграл неведомо кому. Тогда юноша вновь расставил фигуры и вновь получил мат. В гневе вскочив с места, Персиваль выхватил меч, собираясь разрубить волшебную шахматную доску, но в этот момент в залу вошла прекрасная дама, и герой остолбенел — это была та самая девушка, с которой он обменялся кольцами. Они заговорили, и Персиваль узнал, что его возлюбленную зовут леди Бланчфлер. Смушаясь, девушка призналась ему в любви и в том, что часто видит его в своих снах. Так они сидели, взявшись за руки и нежно глядя в глаза друг другу, как вдруг раздался оглушительный удар грома, и в зале явилась процессия из трех призрачных женщин, одетых в белое. Первая из них несла золотую чашу, покрытую парчой. Это и был святой Грааль, излучавший ослепительный свет. Вторая женщина несла золотое блюдо, а третья — копьё, с наконечника которого капала кровь и исчезала, не достигнув пола.

Персиваль и Бланчфлер в благоговении пали на колени. Когда все исчезло, Персиваль вскочил словно одержимый и крикнул воз-

любленной, что отправляется на поиски Грааля. Вскочив на коня, он вихрем промчался по лесу. Лишь наутро юноша очнулся от наваждения и повернул коня, но уже не смог найти ни призрачного замка, ни леди Бланчфлер. Долго он ехал в полном унынии, сам не зная куда. Персиваль так погрузился в печальные думы, что не заметил короля Артура и нескольких рыцарей, ехавших ему навстречу. Из этого состояния юношу вывел сенешаль Кэй, грубо ударивший его по плечу. Очнувшись, Персиваль вызвал грубияна на бой и поразил его копьем в бок. Пока раненому Кэю оказывали помощь, герой вернул королю Артуру золотой кубок, похищенный Красным рыцарем. По возвращении в Камелот король посвятил Персиваля в рыцари и указал его место за Круглым Столом — оно располагалось между местом сэра Гавейна и Гибельным Сиденьем.

Персиваль Уэльский совершил множество подвигов: победил короля Маргона, ведьму из Опустошенного города, рыцаря Склепа, жившего в большом кромлехе в лесах Уэльса, и т.д.

В Час Славы логров, когда прибыл ко двору Артура сэр Галахэд и все 150 мест за Круглым Столом оказались занятыми, явилось пред ними чудо Грааля. После этого все рыцари, в том числе и Персиваль, отправились на поиски Грааля. Некоторое время Персиваль странствовал вместе с Ланселотом. Однажды они повстречали незнакомого всадника в темно-красных доспехах и сразились с ним. К великому удивлению и досаде Персиваля, незнакомец поверг их обоих наземь и ускакал. Неподалеку от места боя проживала одна затворница, которая и пояснила обескураженному Персивалю, что повергший их рыцарь не кто иной, как Галахэд. Рыцаря Галахэда не дано победить ни одному смертному, ибо он безгрешен.

Персиваль, простившись с Ланселотом, отправился по следам Галахэда с намерением присоединиться к нему. Вскоре в долине он повстречал 20 рыцарей, несших на плечах своего насмерть раненного сеньора. Узнав, что Персиваль служит королю Артуру, рыцари все скопом набросились на него. Герой уже мысленно распрощался с жизнью, как вдруг неизвестно откуда налетел Галахэд и перебил рыцарей всех до одного. Затем, не сказав ему ни слова, Галахэд тут же ускакал прочь.

Персиваль, лишившийся в схватке коня, не мог догнать Галахэда. Печально бродил он по лесу, не зная, что ему теперь делать, и, усталый, наконец уснул под деревом. Его разбудила какая-то дама в черном, подарившая ему коня черной масти. Персиваль оседлал коня, но тот, не слушаясь поводыев, как бешеный помчался сквозь лес и,

достигнув берега моря, очертя голову бросился в воду. Рыцарь, догадавшись, что имеет дело с дьяволом, перекрестился. В тот же миг конь пропал, а Персиваль оказался на каком-то скалистом острове посреди моря.

Долго бродил Персиваль по необитаемому острову, с тоской поглядывая на плещущие волны. Вдруг он заметил корабль, весь затянутый черным шелком, причаливающий к берегу. С корабля сошла прекрасная дама в черном в сопровождении служанок. Пока девушки ставили шатер, дама пригласила Персиваля на ужин и так опоила его вином, что молодым рыцарем овладела похоть. Они уже разделись, когда Персиваль опомнился и осенил себя крестным знамением. В тот же миг ведьма, страшно ругаясь, покинула остров, а рыцарь стал горячо каяться в том, что едва не лишился девственности. Чтобы наказать разбушевавшуюся плоть, Персиваль порезал себе бедро и взмолился Господу о спасении. Вскоре за ним прибыл корабль, затянутый белым шелком, за штурвалом которого стоял святой отшельник. Аскет доставил рыцаря в Британию и уплыл, подарив на прощанье прекрасного коня.

После многих скитаний и приключений Персиваль отыскал замок Карбенек, где встретил двух других рыцарей Круглого Стола: сэра Борса и Галахэда. Им троим явилось чудо Грааля, и глас Божий повелел рыцарям увести Грааль из земли логров, так как там увеличилось зло, ложь и разврат. На корабле отшельника рыцари отплыли в Саррас, где Галахэда местные жители избрали королем. Спустя год Галахэд умер, а Персиваль принял духовный сан. Через два года и два месяца после того, как рука Божья забрала на небо святой Грааль, умер и Персиваль.

ГАЛАХЭД, БЕЗГРЕШНЫЙ РЫЦАРЬ

Накануне очередного праздника Пятидесятницы, когда все рыцари Круглого Стола собрались при дворе короля Артура, в Камелот приехала леди на белом коне. Не объясняя причины, она попросила Ланселота следовать за ней. Как истинный рыцарь, Ланселот, не задавая лишних вопросов, последовал за дамой. Вскоре они прибыли в Белое Аббатство. Настоятельница привела прекрасного юношу и попросила Ланселота посвятить его в рыцари. Догадавшись, что видит перед собой своего сына Галахэда, Ланселот исполнил просьбу аббатисы и возвратился в Камелот.

Войдя в тронную залу, первый рыцарь увидел надпись, золотом горевшую на Гибельном Сиденье: «Это сидение будет занято через 450 лет и 4 года после смерти нашего господина Иисуса Христа». Прочтя надпись, Ланселот понял, что этот срок настал.

Не успели рыцари Круглого Стола приступить к трапезе, как вбежавший оруженосец поведал им о чуде: по реке плывет квадратный камень, а из него торчит меч с сияющей золотой рукоятью (а был это меч Балина). Рыцари поспешили на берег реки, чтобы взглянуть на это диво, и заметили надпись на мече, сделанную когда-то чародеем Мерлином: «Никому не дано взять меч отсюда, кроме того, у кого на поясе ему суждено висеть, и будет он лучшим рыцарем в мире».

Многие рыцари попытались извлечь меч из камня, но не преуспели в этом. Тем временем к ним приблизился седобородый старец, который вел за руку высокого молодого рыцаря, прекрасного лицом. Юноша был облачен в темно-красные доспехи, но на поясе у него висели лишь пустые ножны. Старец представил юношу как потомка Иосифа Аримафейского (хранителя Грааля) и попросил позволить ему попытаться вытащить меч из камня, после чего юноша легко это проделал и вложил добытый таким образом меч в свои

Сон рыцаря. С картины С.Розы. 1650-е гг.

ножны. Ланселот, протиснувшись вперед, узнал в молодом рыцаре своего сына.

Когда рыцари вернулись в тронную залу, они обнаружили, что надпись на Гибельном Сиденье изменилась. Теперь она гласила: «Это сиденье сэра Галахэда, высокородного принца».

Галахэд занял свое место за Круглым Столом; теперь все 150 мест оказались заняты. И тогда настал Час Славы логов. Раздался модный удар грома, и в зале явился Грааль, чей свет был ярче солнечного в семь раз. Тут на рыцарей сошла Божья благодать, но вскоре чаша исчезла и свет померк. В тот час рыцари Круглого Стола, потрясенные чудесным видением, решили посвятить весь остаток своей жизни поискам святого Грааля.

Каждый из рыцарей отправился той дорогой, какую он сам избрал. Путь Галахэда скоро привел его к монастырю, в котором хранился щит, белый как снег, с красным крестом посередине. Этот крест начертал своей кровью сам Иосиф Аримафейский. Монахи с благоговением вручили щит Галахэду, как потомку Иосифа, а аббат обратился к молодому рыцарю с просьбой о помощи. Дело в том, объяснил аббат, что на монастырском кладбище есть одна могила, из которой по ночам раздается ужасный шум, пугающий монахов. Галахэд бесстрашно направился к указанной гробнице и откинул могильную плиту. Из недр могилы вырвался зловонный дым, а потом оттуда с ужасным криком выскочило мерзейшее существо и тут же исчезло. Галахэд разглядел, что в могиле покоится некий рыцарь в доспехах, и посоветовал монахам перенести его останки с кладбища, так как этот рыцарь, очевидно, при жизни спознался с дьяволом.

Отправившись дальше, Галахэд совершил немало чудесных подвигов, сражаясь с великанами, колдунами и прочей нечистью. Однажды он повстречался с Ланселотом и Персивалем. Эти рыцари не узнали Галахэда и напали на него, но герой поверг обоих противников на землю и ускакал. В скором времени ему довелось спасти Персиваля Уэльского от целого отряда рацарей, враждебных королю Артуру. На пути к замку Карбенек Галахэд повстречал Борса Ганского. Вместе они отыскивали призрачный замок, где их встретил Пелам, Увечный король. Через несколько дней в Карбенек прибыл и Персиваль.

Однажды во сне Галахэду явился его знаменитый предок, Иосиф Аримафейский, научивший рыцаря единственному способу излечения Увечного короля, жестоко страдающего долгие годы от раны, нанесенной Балином. Проснувшись, Галахэд смочил пальцы в крови, стекавшей с наконечника чудесного копья, и смазал ею рану

Пелама, после чего больной немедленно исцелился. В тот же день Божий глас повелел трем рыцарям увезти из замка святой Грааль, потому что люди в стране логров опять стали склоняться ко злу. Галахэд, Персиваль и Борс перенесли на корабль серебряный престол, на котором стояла чаша Грааля, накрытая алой парчой. Корабль отплыл, и сутки спустя причалил в порту города Саррас, куда и был перенесен Грааль. Однако тиран Эсторанс, управлявший городом, приказал бросить прибывших рыцарей в глубокую яму-тюрьму. В узнице рыцари провели целый год, ни в чем не испытывая нужды, поскольку Грааль чудесным образом питал их. Через год Эсторанс умер, и горожане, освободив узников, провозгласили Галахэда своим королем.

Сделавшись королем, Галахэд повелел изготовить поверх серебряного престола короб из золота и драгоценных камней, чтобы скрыть священный сосуд от посторонних глаз. Через год Галахэду явился Иосиф Аримафейский, открывший Грааль безгрешному рыцарю. Пораженный созерцанием реликвии, Галахэд взмолился Богу о смерти: он больше не желал жизни телесной, предпочитая ей вечную духовную жизнь. Господь внял молитве праведника. Однажды, когда Галахэд молился перед престолом, он внезапно умер на глазах у Персиваля и Борса. В час его смерти рыцари увидели, как с небес протянулась рука, которая, взяв Грааль и чудесное копье, унесла их на небо. С тех пор больше никому не дано было видеть святой Грааль, как видел его Галахэд, лучший в мире и безгрешный как ангел рыцарь.

ЛАНСЕЛОТ ОЗЕРНЫЙ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Ланселота очень угнетало то обстоятельство, что греховная любовь к королеве Гвиневере не позволила ему лицезреть чудо Грааля, и то, что после смерти Галахэда он вновь стал лучшим рыцарем в мире, вовсе не утешало его. Между тем муки любви все усиливались, и чтобы не поддаться этой губительной страсти, Ланселот старался реже бывать при дворе и при первой же возможности отправлялся на свершение новых подвигов.

Королева Гвиневра, также страстно любившая Ланселота, начала ревновать его и осыпать упреками, думая, что первый рыцарь избрал себе другую даму сердца. Но Ланселот открыл ей истинную причину: он не может оскорбить своего благородного короля низкой из-

меной, овладев его супругой. После этого разговора печальный рыцарь опять надолго покинул Камелот.

Гвиневера сильно тосковала по возлюбленному. Наступила весна, а Ланселот все не возвращался. Наконец Гвиневера не выдержала. Она сказала супругу, что хотела бы проехать майским поездом по полям и лесам близ Камелота, и Артур охотно позволил ей это. Королева отобрала 10 рыцарей и 10 дам, которых сопровождали 10 оруженосцев и 10 служанок — они-то и составили майский поезд.

Среди рыцарей Круглого Стола был один негодяй, Мелигранс, уже давно тайно влюбленный в королеву. С отрядом рыцарей он устроил Гвиневере засаду, переранил ее бездеспешных рыцарей и насильно увез королеву в свой замок. Только одному оруженосцу удалось ускользнуть из ловушки, устроенной Мелигрансом — он-то и поведал обо всем королю Артуру. Как раз к этому времени в Камелот возвратился Ланселот. Узнав о случившемся, он, не долго думая, вскочил на коня и помчался на выручку, пока король Артур еще только собирал своих рыцарей.

Ланселоту не удалось далеко уехать. В лесу его встретил отряд лучников Мелигранса. Выпустив тучу стрел, они ранили Ланселота и убили под ним коня. Дальше герою пришлось идти пешком в пол-

Встреча Ланселота с Гвиневерой. С картины Д.Г. Россетти. 1854 г.

ном вооружении. Повстречав по пути двух поселян с телегой, Ланселот приказал им доставить его в замок Мелигранса (с тех пор он и получил прозвище — Рыцарь Телеги).

Подъехав к воротам, Ланселот громким голосом вызвал предателя на смертный бой. Мелигранс струсил, и стал умолять Гвиневеру о прощении. Низкий мерзавец ползал у ног королевы до тех пор, пока та не пообещала уговорить Ланселота не мстить ему. Когда Ланселот ворвался в замок, Гвиневера убедила героя не убивать Мелигранса, а встретиться с ним в честном поединке. Это решение одобрил и король Артур, вскоре прибывший в замок со всеми рыцарями. Король назначил время и место боя: через неделю на лугу перед Камелотом. После этого Артур с Гвиневерой и всей свитой отбыли в Камелот, а раненый и страшно уставший Ланселот принял любезное приглашение Мелигранса переночевать в его замке. Благородному рыцарю и в голову не могло прийти, что подлый негодяй готовит для него ловушку.

Вечером Мелигранс пригласил Ланселота на ужин. Рыцарь, не подозревая ничего дурного, вышел из своей комнаты и направился в столовую, как вдруг пол внезапно ушел у него из-под ног и Ланселот провалился в глубокую темницу. Там он и провел целую неделю. Пищу ему приносила некая дама, давно влюбленная в Ланселота. Она много раз обещала освободить героя в обмен на ночь любви, но тот с презрением отверг ее настойчивые предложения, не желая изменять даме сердца. В конце концов влюбленная женщина освободила Ланселота всего за один ни к чему не обязывающий поцелуй.

Обретя свободу, Ланселот поспешил к месту поединка. Мелигранс уже начал хвастать, что Ланселот испугался его и потому не явится на ристалище, как вдруг поперхнулся и страшно побледнел, увидев скачущего к нему разгневанного противника. Волей-неволей перетрусившему Мелигрансу пришлось биться. Поединок длился недолго: Ланселот сначала выбил его из седла, а потом прикончил негодяя мечом в пешем бою.

В тот же день Гвиневера назначила Ланселоту свидание в саду, будто бы для того только, чтобы поблагодарить героя за избавление от рук Мелигранса. На беду, ее слова подслушал Агравейн, тут же передавший их злокозненному Мордреду, и тот, словно паук, начал плести свои зловещие сети. Вечером Мордред с Агравейном спрятались в саду, чтобы подслушивать. На свидании Гвиневера заявила о своем страстном желании принадлежать Ланселоту, хотя бы и тайно,

и пригласила его ночью в свою опочивальню. Любовь так охватила Ланселота, что он, позабыв о долге чести, согласился прийти к ней.

Агравейн и Мордред явились к королю и передали ему все услышанное. Велико было горе Артура. Впервые жгучие слезы заструились по его серебристой бороде. Взяв себя в руки, король приказал Мордреду отобрать 12 верных рыцарей и захватить предателя в опочивальне королевы. Ланселот и Гвиневера предавались безумной страсти, когда в дверь комнаты посыпались тяжелые удары. Понимая, что любимому угрожает смертельная опасность, Гвиневера пришла в отчаянье, но Ланселот успокоил ее, заявив, что легко разделается с непрошеными гостями. Слегка приоткрыв дверь, он молниеносно вонзил меч в лицо одному из рыцарей, быстро втащил тело в комнату и снова захлопнул дверь. Облачившись с помощью Гвиневеры в доспехи убитого, герой облегченно вздохнул: теперь-то ему никто не страшен. Ланселот распахнул дверь настежь и принялся разить врагов одного за другим. Он перебил их всех, только раненому Мордреду удалось спастись. Затем рыцарь, не мешкая, покинул Камелот вместе с племянниками Лионелем и Борсом.

Жестоко оскорбленный король Артур, тяжко страдая от сердечной раны, повелел сжечь на костре свою неверную супругу. Наутро Гарет и Гахерис, облаченные в траур, под охраной вооруженных рыцарей Мордредов повели королеву на казнь. Неожиданно налетевший Ланселот, не узнав Гарета и Гахериса под траурными одеждами, зарубил их и, подхватив Гвиневеру на коня, умчался прочь. Собрав верных ему рыцарей, Ланселот укрепился в Уэльсе, в замке Веселой Стражи. Так началась усобная война между рыцарями Круглого Стола.

Гавейн, племянник Артура, поклявшийся жестоко отомстить убийце за смерть братьев — Гарета и Гахериса, всячески подстрекал короля идти походом против Ланселота. Артур выступил с верными ему рыцарями и осадил замок Веселой Стражи. Пятнадцать недель длилась осада, но успеха не приносила. Ланселот, горько раскаиваясь в содеянном, предлагал королю заключить перемирие и обещал вернуть Гвиневеру с тем условием, что она будет прощена, но Артур был непреклонен.

На следующее утро произошла решающая битва. Гавейн, пробиваясь к Ланселоту, убил его племянника Лионеля, зато Борс сбил с коня самого Артура и уже собирался прикончить его, но Ланселот запретил ему поднимать руку на благородного короля. Этот поступок Ланселота так растрогал Артура, что он согласился на перемирие.

Ланселот привел к нему за руку Гвиневеру, а сам отбыл за моря, в Арморику. Однако какое-то время спустя Гавейну удалось уговорить короля Артура вновь пойти войной против Ланселота. Оставив в Британии Мордред в качестве наместника, король переправился с войском через пролив. В Арморике Гавейн, одержимый жаждой мести, трижды сходилась в поединке с Ланселотом и трижды получал тяжелые ранения, но каждый раз неумолимый мститель грозился разделаться с убийцей. Тем временем из Британии пришли ужасные вести.

КОРОЛЬ АРТУР (ОКОНЧАНИЕ)

Сердце Артура сжималось от горя и тоски. Беды, одна за другой, сыпались на старого короля. Сначала повергли его в печаль большие потери среди рыцарей Круглого Стола — многие не вернулись живыми из странствий в поисках Грааля. Потом его сердце глубоко уязвила измена Ланселота и Гвиневеры. А теперь... теперь Мордред распустил слухи о гибели Артура во Франции, сплотил вокруг себя множе-

Смерть короля Артура. С картины Дж.Арчера. XIX в.

ство негодяев и изменников и присвоил королевскую корону. Мордред пленил Гвиневру и пытался принудить ее стать его женой, но королеве, слава Богу, удалось бежать и укрыться за крепкими стенами Тауэра. Оттуда она и направила гонца королю с этими горестными вестями.

Артур немедленно отплыл с войсками в Британию, но Мордред уже поджидал его у порта Дувра. При высадке на берег произошла битва, и хотя мятежники были отброшены и скрылись за холмами, Артура настигла новая беда — в этом сражении был смертельно ранен его любимый племянник Гавейн. Раны, полученные им от Ланселота, еще не затянулись, и вот новая рана пришлась на старую...

Перед смертью Гавейн продиктовал письмо к Ланселоту, в котором искренне просил у него прощения за все причиненное им зло, а также умолял непобедимого рыцаря немедленно прибыть в Британию, дабы помочь королю Артуру разгромить и покарать негодя Мордреда.

Рати Артура в Мордреда сошлись для решающей битвы в долине Камланна. Ланселот не поспевал к ней — ему требовалось не менее двух недель, чтобы собрать войска и прийти на помощь Артуру.

В ночь перед сражением король Артур не спал — накануне ему принесли новые горестные известия. Саксы, заслышав о раздорах в королевстве логров, стали вновь проникать в Британию с севера и юга — впервые со времени битвы у горы Бадон, имевшей место 21 год назад. Теперь у Артура не было верной дружины, чтобы изгнать захватчиков: рыцари Круглого Стола вели гибельную междоусобную войну.

Старый король понимал, что необходимо дождаться подхода Ланселота, поэтому наутро он вступил с Мордредом в переговоры. Артур предлагал ему Кент и Корнуэль сразу же, а остальную часть Британии — после своей смерти. Мордред не доверял королю; видимо, он проник в его планы. Как бы там ни было, переговоры были внезапно сорваны в результате несчастного случая: выползшая из вереска гадюка ужалила в пятку одного из рыцарей Мордреда, и тот выхватил меч, чтобы зарубить змею. Завидев блеснувший меч, другие рыцари также обнажили мечи, и битва началась вопреки воле короля Артура.

В этой ужасной битве пали почти все рыцари Круглого Стола. К вечеру Артур победил, если это вообще можно назвать победой: в живых у него осталось всего два рыцаря — сэры Лукан и Бедивер, да и те тяжело раненные. Мордред же остался совсем один. Артур схва-

тил копье и вышел против него, проклиная предателя, погубившего цвет рыцарства. Мордред выхватил меч, но Артур, обманув его, ложным выпадам нанес негодю ловкий удар: королевское копье, пройдя под щитом Мордреда, пронзило его живот. Умирующий Мордред рванулся вперед, вонзив копье еще глубже, и ударил короля мечом. Лезвие меча разрубило шлем и глубоко вошло в голову. Потом предатель выронил меч, с воплем упал на землю и умер.

Раненый король попросил Лукана и Бедивера перенести себя на берег озера. Рыцари исполнили это, но Лукан, истекавший кровью, струившейся из многочисленных ран, умер от этого усилия. Тогда Артур передал Бедиверу Экскалибур, приказав забросить меч как можно дальше в озеро. Когда рыцарь короля выполнил его последнюю волю, из тумана, плотными клубами окутывавшего воды озера, выплыла барка. На ней находилась Леди Озера в черных одеждах вместе со своими дамами. Бедивер отнес Артура в барку, и она отплыла, держа курс к волшебному острову Авалон.

С той поры родилась легенда о том, что король Артур спит в какой-то пещере волшебным сном, но когда исполнится назначенный срок, он восстанет от сна и сокрушит всех врагов Британии.

Монахи аббатства Гластонбери утверждали около 1200 года, что нашли на территории монастыря могилы Артура и Гвиневеры. Однако безоглядно верить им не стоит: скорее всего, монахи выдумали эту историю для того, чтобы укрепить славу своего монастыря, а заодно ублажить нормандского короля Англии, которому очень не хотелось, чтобы его подданные верили, будто король Артур может однажды вернуться и освободить их от ига новых господ — норманнов.

ЛАНСЕЛОТ ОЗЕРНЫЙ (ОКОНЧАНИЕ)

Когда Ланселот высадился в Дувре, все уже было кончено. Грустный рыцарь долго молился на могиле Гавейна, а потом поскакал на запад. Через восемь дней, остановившись на ночлег в женском монастыре, он узнал в одной молодой монахине... Гвиневеру.

— Это наша любовь повинна в гибели славного короля Артура и благороднейших рыцарей мира, — сказала она Ланселоту, — и потому я тайно пришла сюда и дала обет прожить здесь монахиней все оставшиеся дни, моля Бога простить мне мой тяжкий грех.

Простившись с возлюбленной навсегда, Ланселот уехал в Гластонбери, где встретил сэра Бедивера, постригшегося в монахи. Тогда

и Ланселот, вступив в братство, сменил свои латы на монашескую рясу.

Через несколько лет Ланселоту приснился сон: Гвиневера, умирая, призывает его к себе. Наутро он вместе с Бедивером поспешил в Алмсбери. Там бывший рыцарь узнал, что Гвиневера скончалась накануне ночью. Ланселот перевез тело возлюбленной в Гластонбери, отслужил по ней заупокойную службу, а спустя несколько дней и он отошел в лучший мир. Ланселот расстался с жизнью без всяких сожалений, как человек, которому незачем больше жить.

Хоронили Ланселота сэры Эктор, Борс, Бламур и Блеоберис — последние из рыцарей Круглого Стола, оставшиеся в живых. После похорон они отправились паломниками в Святую землю, где и окончили свои дни.

Так завершилась история королевства логров, ибо очень скоро саксы завоевали всю Британию и на весь западный мир опустили Темные Века.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

О личности короля Артура спорили очень много. Является ли Артур историческим лицом? По-видимому, да, и тому есть немало доказательств. Имя Артура, отважного вождя, упоминается уже в валлийской поэме конца 6 века; многократно оно встречается и в английских письменных источниках VIII—XI веков.

Отношение к Артуру в источниках разное, порой даже диаметрально противоположное, что само по себе говорит в пользу его историчности. Так, в «Истории бриттов» Ненния доблесть и подвиги Артура явно преувеличиваются, зато жития местных святых, составленные церковниками, изображают его главарем банды грабителей и кровавым тираном. Нейтральную позицию занимают «Анналы Камбрии», написанные в X веке и совершенно бесстрастно повествующие об участии короля Артура в сражениях с саксами в 516 и 537 годах, в последнем из которых он и погиб.

Все это свидетельствует о том, что Артур действительно жил и сражался в первой половине VI века, чего не скажешь о его рыцарях Круглого Стола, чьи фантастические подвиги и приключения являются чистейшим вымыслом, и потому эти благородные рыцари живут в иллюзорном мире, не имеющем ни временных, ни пространственных границ.

ГЛАВА 2

ФРАНЦУЗСКИЕ ЛЕГЕНДАРНЫЕ РЫЦАРИ

РОЛАНД НЕИСТОВЫЙ

Семь лет франкский король Карл Великий воевал с испанскими маврами. В походе великого короля сопровождали 12 пэров королевства: архиепископ Турпен, датский дук Ожье, гасконец Аселен, Тибо из Реймса, Анри Ришар, Жерен, Жерье, Милон, Оливье, Ивон, Роланд и Ганелон.

Когда франкское войско осадило Кордову, ее правитель Марсилий решил откупиться богатыми дарами. К Карлу явился его посол Бланкандрен с золотом и двадцатью заложниками, представший перед советом пэров. Роланд советовал королю не доверять хитрому и коварному Марсилию, а Ганелон, отчим Роланда, напротив, уговаривал всех поверить мирным заверениям посла. На этой почве между Роландом и Ганелоном вспыхнула крупная ссора. Поскольку Карл склонялся к миру, разгоряченный спором Роланд порекомендовал направить послом к Марсилию именно Ганелона, и король согласился с этим.

Посольская миссия пришлась Ганелону очень не по душе: Марсилий, отличавшийся вспыльчивым нравом, как-то уже казнил двух франкских послов. Поскольку это опасное поручение досталось Ганелону по совету Роланда, отчим затаил яростную злобу на пасынка и дал себе слово жестоко отомстить ему.

Представ перед престолом мавританского владыки, Ганелон был вынужден передать ему условия мира, выдвинутые королем франков: Испания должна быть разделена на две части: одной из них станет управлять Марсилий, а второй — Роланд.

Услышав такие речи, Марсилий в гневе хотел зарубить Ганелона, но его удержал опытный Бланкандрен, считавший, что посла можно подкупить и перетянуть на свою сторону. Так и произошло. Ганелон вступил в сговор с маврами по двум причинам: во-первых, из-за своей алчности, а во-вторых, из-за страстного желания погубить ненавистного Роланда. Предатель получил от Марсилия богатые подарки: меч и шлем, усыпанные драгоценными камнями, и золотую брошь для жены. Кроме того, мавританский царь обещал ему ежегодно по 10 мулов, груженных золотом, если Ганелон поможет погубить войско франков.

К Карлу Ганелон вернулся с ключами от Сарагоссы, богатой данью и заложниками. Не подозревая о коварстве посла, король повел войска во Францию. Ганелон посоветовал Карлу назначить командиром арьергарда Роланда. Кто, как не его пасынок, лучший рыцарь среди франков, сможет надежно прикрыть отход войск? Сочтя совет Ганелона разумным, Карл принял его, оставив с Роландом лучших бойцов: Оливье, Жерье, Жерена, Атона, Астория, Турпена, Жерара, Гефье и Готье де л'Она. Отважный Роланд, приняв командование над

Роланд, трубящий в рог. Средневековая миниатюра

20-тысячным арьергардом, поблагодарил короля за оказанные ему доверие и честь.

Тем временем мавры подготовили засаду в Ронсевальском ущелье. Их несметное войско возглавили 12 лучших сарацин: брат Марсилия Фальзарон, племянник царя Аэльро, Корсали из Берберии, Мальприми из Бригана, Амираль из Балагета, Альмасор из Мориа-ны, Торжис из Тортелозы, Эскреми из Вальтерны, Эсторган, Эспорамарен, Шернобль и Маргари-красавец из Севильи.

Основные силы франкского войска ушли уже далеко вперед, когда отряд Роланда приблизился к Ронсевалу. Здесь арьергард франков внезапно атаковали многочисленные враги. Перед битвой Оливье трижды обращался к Роланду с просьбой протрубить в рог, чтобы войска Карла пришли к ним на помощь, но гордый рыцарь, боясь запятнать свою честь, наотрез отказался сделать это. По его мнению, истинный рыцарь должен не считать врагов, а бить их.

Франки сражались героически. Неистовый Роланд бился как лев, разрубая мавров вместе с лошадьми одним ударом своего меча. Чудеса храбрости проявляли Оливье и архиепископ Турпен. Все сарацинские военачальники пали, а царь Марсилиий лишился правой руки по локоть. Но и франков становилось все меньше и меньше. Когда в живых осталось лишь 60 бойцов, Турпен попросил Роланда протрубить в рог, чтобы Карл вернулся, похоронил их и отомстил врагу за гибель арьергарда. Теперь, когда воинский долг был выполнен с честью, Роланд что есть духу затрубил в свой Олифант.

Заслышав звук Олифанта, Карл догадался, что арьергард попал в засаду, и понял все. Он приказал немедленно арестовать изменника Ганелона. Предателя схватили, посадили на цепь и сдали в обоз поварам.

Тем временем мавры покинули поле боя. Из всего франкского отряда в живых остались лишь Роланд и Турпен, оба тяжелораненые. Роланд начал собирать тела павших друзей, оплакивая их гибель. От горя и ран он внезапно потерял сознание. Турпен, взяв его рог, отправился за водой, чтобы привести Роланда в чувство, но его усилие погубило его — архиепископ умер на берегу ручья.

Один мавр, во время битвы прикинувшийся мертвым, захотел завладеть мечом Роланда — Дюравдалем, но израненный рыцарь пришел в себя и убил вора одним ударом. Чувствуя, что его смерть близка, Роланд решил сломать меч, чтобы он не достался врагам. Рыцарь с размаху бил мечом по камню, но Дюрандаль, оправдывая свое имя

(«Дюрандаль» означает «Твердый»), со звоном отскакивал от него и даже не шербился. Отчаявшись сломать Дюрандаль, Роланд лег на меч, чтобы скрыть его своим телом.

Вернувшись, король Карл застал лишь поле, усеянное трупами, и горько оплакал погибших, особенно героя Роланда. Король послал пятерых рыцарей за Дюрандалем, однако они оказались не в силах разжать мертвую руку Роланда, крепко сжимавшую рукоять драгоценного меча. Тогда Карл взмолился Богу, и меч сам выпал из десницы павшего героя. Старый король с благоговением снял с Дюрандаля рукоять, в которой были заключены несколько святых реликвий: кровь св. Василия, зуб св. Петра, волосы св. Дениса и обрывок риз Девы Марии, а клинок бросил в воду, «ибо он знал, что никто не достоин носить его после Роланда».

Тела Роланда, Турпена и Оливье поместили в мраморные гробы, а сердца завернули в шелк и отправили на родину. Разгромив войска царя Балигана, пришедшего на помощь Марсилию, король Карл возвратился во Францию.

Жена Роланда, Альда, узнав о смерти мужа, умерла от горя. Что же касается изменника Ганелона, то суд баронов приговорил его к смертной казни: предателя за руки и за ноги привязали к лошадям, а затем разорвали на куски.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

Реальные события, имевшие место в 778 году, подверглись в «Песни о Роланде» большим искажениям. Действительно, Карл Великий, вмешавшись в междоусобную борьбу двух мусульманских правителей (Абдеррахмана и Ибн аль-Араби), предпринял поход в Испанию, но он продолжался не семь лет, как сказано в эпосе, а всего несколько месяцев. Взяв несколько городов, Карл осадил Сарагоссу, но вскоре был вынужден снять осаду, так как его союзник, Ибн аль-Араби, изменил Карлу.

Когда франкское войско возвращалось на родину, его арьергард действительно подвергся внезапному нападению, но не мавров, а горцев-басков. Баски полностью уничтожили арьергард. Среди погибших были сенешаль Эггихард, граф двора Ансельм и маркграф Бретани Хруотланд, послуживший прототипом легендарного Роланда. В эпосе красочно описывается, как король Карл отомстил врагам, но на самом деле нападавшие баски, сделав свое дело, скрылись и «покачать их не удалось».

В средние века образ неистового Роланда, воспетого во французском героическом эпосе, стал идеалом бесстрашного и безупречного рыцаря.

ГИЙОМ КОРОТКИЙ НОС

Гийом д'Оранж, сын маркграфа Нарбонна Эмери, получил за свою необычайную физическую силу прозвище «Железная Рука». Он стал одним из самых верных вассалов императора Карла Великого. Дряхлеющий Карл, предчувствуя приближение смерти, пожелал передать корону 15-летнему сыну Людовика, но тот долго колебался и не решался принять ее. Видя его колебания, Эрнеис, герцог Орлеанский, убедил императора в том, что Людовик еще не созрел для трона, и попросил Карла Великого назначить его регентом сроком на три года, до совершеннолетия наследника. Карл, не подозревая, что Эрнеис готовит измену, дал на это свое согласие.

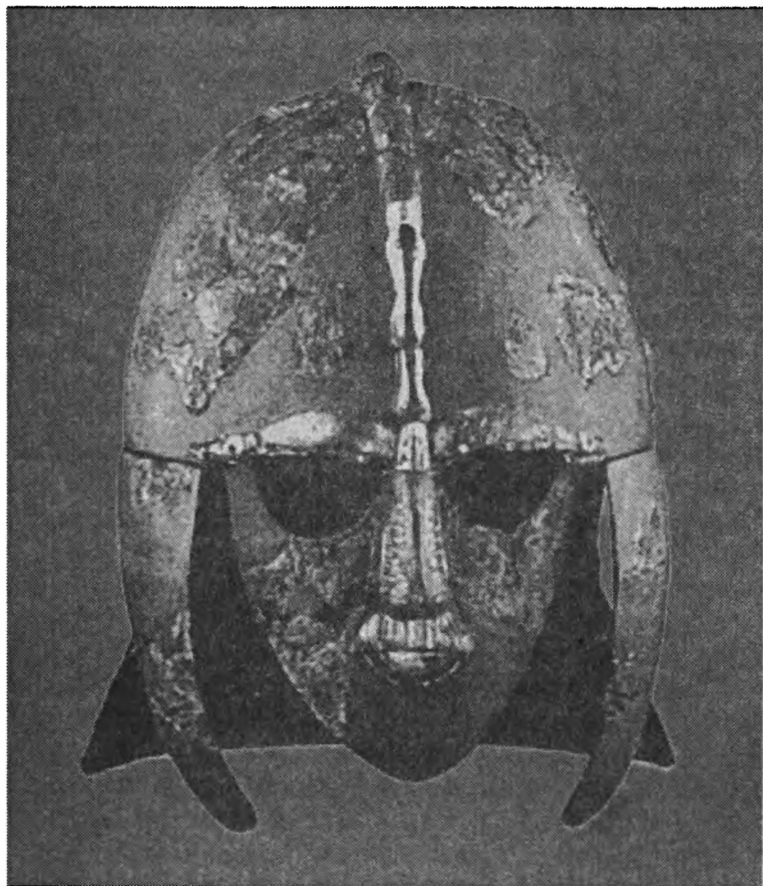
Бертран, племянник Гийома, наблюдавший эту сцену, в гневе выбежал из Ахенского собора и поведал дяде обо всем. Гийом сразу смекнул, что Эрнеис хочет узурпировать корону, и поспешил в храм. На паперти собора он обнажил было меч, чтобы зарубить изменника, но тут же со вздохом вернул его в ножны, поскольку входить с оружием в церковь считалось величайшим грехом. Но герой обошелся и без оружия: он сгреб Эрнеиса за волосы и так двинул ему кулаком по шее, что сломал злодею горловую кость. Неудавшийся регент рухнул на пол и тут же испустил дух, а Гийом взял с алтаря корону и увенчал ею голову юного Людовика.

Карл Великий, узнав мотивы его поступка, поблагодарил верного рыцаря и попросил Гийома стать оплотом для его несовершеннолетнего сына, на что тут же получил согласие героя. Однако вскоре Гийом, ссылаясь на данный им обет, испросил разрешения покинуть на некоторое время двор императора для того, чтобы съездить в Рим и поклониться святому престолу. Карл неохотно отпустил героя, и Гийом в сопровождении 60 рыцарей поскакал в Вечный город.

В Риме герой узнал о страшной беде, нависшей над жителями города: мавры напали на Капую, пленили короля Гефье Сполетского и всю его семью, а теперь движутся на Рим. Сам папа обратился к прославленному рыцарю с мольбой о помощи, обещая за это невероятные льготы: спаситель Рима сможет впредь не соблюдать пост, иметь

сколько угодно жен и грешить, сколько душе угодно — все его грехи будут заранее прощены, кроме греха измены.

Гийом колебался, ведь он располагал лишь 60 рыцарями, и было бы сушим безумием выступить с таким маленьким отрядом против 100-тысячной армии сарацин. Однако, когда римский папа передал под его командование 3 тысячи своих рыцарей, у героя отпали все сомнения. Не теряя времени, Гийом Железная Рука приготовился к бою. Он надел броню, зеленый шлем, препоясался мечом, носившим имя Жуайез («Радостный»), и вскочил на пегого коня. На шею рыцарь повесил красный щит с изображением льва, а в руки взял копье со значком на древке, где сияли пять золотых точек.

Боевой шлем. Раннее Средневековье

Тем временем римский папа, не надеясь на победу Гийома, вступил в переговоры с королем сарацин Галафром. Великий понтифик предложил мавританскому владыке богатые дары с тем, чтобы он отступился от города. Но Галафр выдвинул встречное условие — пусть судьбу Рима решит поединок двух лучших рыцарей. С таким известием опечаленный папа и явился к Гийому. Герой успокоил святого отца, уверяя, что ни один противник ему не страшен.

Мавры выставили в качестве поединщика эмира Корсольта, свирепого исполина с нечесаной гривой волос. Сарацины облекли его в кольчугу, покрыв ее двойным рядом брони. Наступательное вооружение Корсольта составили тяжелый меч, клинок которого имел длину в сажень, дротики, лук с колчаном, арбалет и булава. От копья эмир отказался, считая, что и без него вооружен до зубов. Взяв четырехпольный щит, исполин вскочил на горячего коня и поскакал к месту поединка.

Папа благословил Гийома святыми мощами и подарил ему обереги — два золотых креста, один из которых герой прикрепил на шлем, а второй — на грудь, у самого сердца.

Перед боем поединщики долго спорили, раззадоривая себя, о том, чья религия истинная. Покончив с этим, Гийом первым ринулся в атаку. Его копье, пробив золотой щит сарацина, двойную броню, кольчужную рубашку и пронзив самое тело, вышло из спины. Гийом тут же вырвал копье из кровоточащей раны, но Корсольт и глазом не моргнул. Тогда, пришпорив коня, рыцарь атаковал противника сзади и вновь пронзил сарацина насквозь так, что наконечник копья вышел из середины груди. Однако, не смотря на ужасные раны, исполин остался в седле. На полном скаку он метнул в Гийома дротик, с громовым треском врезавшийся герою между ключиц, но крепкая броня выдержала удар. Обагранный кровью до самых шпор, эмир Корсольт направил во врага второй дротик. Пробив щит со львом, дротик со свистом распорол на Гийоме броню и, не задев тела, воткнулся в песок. Видя, что его противник по-прежнему невредим, разъяренный эмир пришпорил коня, выхватил из ножен огромный меч и нанес Гийому удар чудовишной силы. Лезвие меча пробило забрало шлема, рассекло кольчужный капюшон и, отрубив герою кончик носа, обрушилось на холку его коня. Пораженный конь пал замертво.

Спешенный Гийом, прицелившись в висок сарацину, взмахнул Жуайезом. Но герой плохо рассчитал: ему не удалось дотянуться до головы исполина, и меч лишь разрубил броню на плече Корсольта.

Кольчуга под броней расползлась от удара, на песок посыпались разбитые кольца. В ответ сарацин, люто оскалив зубы, ударил булавой в середину щита Гийома. Пробив щит насквозь, булава скользнула по шлему и сплющила забрало. От такого удара у героя голова пошла кругом, но он ободрился, заметив, что истекающий кровью Корсольт уже с трудом держится в седле.

Мысленно взмолившись Богу, рыцарь собрался с силами и продолжил схватку. Нанося удары врагу, Гийом старался не задеть прекрасного арабского скакуна Корсольта, надеясь после боя завладеть им. Биться пешему против конного было нелегко, но героя спасла прирожденная ловкость. Когда эмир наехал на него во второй раз, Гийом проворно отскочил на шаг в сторону и поразил противника: его меч грянул в золотой шишак, с которого посыпался хрусталь, и, разрубив подшлемник, на пядь вонзился в темя. Корсольт поник на шею коня, а его рука с булавой бессильно повисла. Не давая врагу опомниться, Гийом изо всех сил рубанул его по шее и отсек голову. Обезглавленный труп, покачнувшись, рухнул с коня, обагрив кровью песок.

Лишившись в этом тяжелом бою кончика носа, Гийом приобрел взамен новое прозвище — Короткий Нос. Вскочив на Алиона (так звали прекрасного скакуна Корсольта), рыцарь покинул место поединка.

Пораженные гибелью своего лучшего воина, сарацины в страхе обратились в бегство, но христианские рыцари настигли их у двух холмов, где и произошло решающее сражение. В битве Гийом встретился с королем Галафром. Мощным ударом копья он выбил сарацинского владыку из седла и взял его в плен. Впоследствии Галафра и других пленных сарацин обменяли на короля Гефье и его семью. Благодарный Гийому за спасение, Гефье предложил герою руку своей прекрасной дочери, но в самый момент обручения прибыли гонцы из Франции с тревожными вестями: изменники во главе с Ришаром Руанским совершили переворот, желая посадить на трон его сына, Аселена. Аббат Готье, настоятель монастыря Св. Мартина, укрыл Людовика, но королю угрожает смертельная опасность: мятежники разыскивают его повсюду.

Верный Гийом, бросив невесту, с отрядом из тысячи рыцарей помчался на выручку королю. По дороге к нему присоединился отряд из 140 рыцарей, который возглавляли племянники Гийома — Гальден и Савари.

Прискакав к аббатству Св. Мартина, герой узнал от привратника, что враги уже там. Однако им пока не удалось обнаружить Людовика, спрятанного аббатом Готье в глубоком подземелье. Расставив охрану у всех ворот, Гийом внезапно обрушился на предателей. Изменники в панике бросились к воротам, но там их уже ждала засада. Сам Гийом преследовал Аселена, самозванного короля. Когда герой его настиг, он, не желая пачкать меч о такого негодяя, вырвал из тына заостренный кол и ударил им Аселена по голове с такой силой, что у того кровь и мозг брызнули до самых пят.

Расправившись с рыцарями Аселена, Гийом занялся священниками, собравшимися для коронации самозванца. Он избил их дубиной и выгнал из монастыря. Застав Ришара, отца Аселена, у алтаря, Гийом не посмел его убить в таком святом месте. Герой ударил главу заговора кулаком по шее, и тот лишился чувств. Взяв ножницы, Гийом остриг Ришару волосы и раздел донага, чтобы опозорить предателя. Через несколько минут Ришар очнулся и вымолил у великодушного рыцаря прощение. Но раскаяние нормандского герцога не было искренним; он затаил злобу и месть.

Три года Гийом Короткий Нос провел в Пуату, сражаясь с мятежниками. Затем герой победил Амармонда, короля Бордо, и Дагобера Карфагенского, заставив их признать себя ленниками короля Людовика.

Как-то раз, путешествуя по стране, Гийом оказался в Нормандии. В компании двух рыцарей он проезжал по лесу, и при въезде на мост через реку неожиданно столкнулся с Ришаром Руанским, владыкой тех мест, скакавшим во главе отряда из 15 рыцарей. Эта встреча удивила только Гийома, поскольку герцог Нормандский давно следил за его передвижениями, готовя месть за смерть сына и собственный позор.

Видя, что схватка неминуема, Гийом пришпорил коня и нанес герцогу сильный удар копьем. Острые копья, пробив щит и броню, глубоко вонзились в левый бок мстительного старика. Задрав кверху шпоры, Ришар полетел с коня и воткнулся острием шлема в землю. Но не время было торжествовать победу: смельчака взяли в кольцо пятнадцать нормандских рыцарей, и если бы не помощь спутников Гийома, то ему пришлось бы очень туго. А втроем они выдержали неравный бой, убив десятерых нападающих и обратив в бегство прочих. Связав раненого Ришара, победители взвалили его на лошадь, словно тюк, и отвезли в Орлеан, где находился Людовик. Король

повелел бросить старого изменника в темницу, где злобный герцог, уязвленный раной и печалью, вскоре умер.

Через несколько дней после этого приключения Гийома к королю Франции прибыли гонцы из Рима со скорбными известиями: умер папа римский, а город захвачен разбойником Гугоном Немецким. Эти новости так огорчили слабовольного Людовика, что он расплакался. Гийом, упрекнув короля за малодушие, посоветовал ему немедленно собирать войска и идти походом на Рим. Спустя три недели 50-тысячное войско франков выступило и осадило папскую столицу. Когда королевская армия разбила лагерь у стен Вечного города, долины Тибра покрылись густым слоем тумана. Осажденный Гугон Немецкий воспользовался благоприятными условиями и отправил большой отряд на вылазку. Под прикрытием тумана немцы подкрались к лагерю и внезапно атаковали франков. Их вылазка вполне удалась: посеяв в лагере противника панику и хаос, немцы перебили конюхов, угнали лошадей и захватили нескольких пленников, в том числе и королевского сенешаля. Но в это время подоспел отряд Гийома, уезжавший из лагеря на поиски провианта. Быстро сообразив, что происходит, герой ударил на вылазчиков с тыла и истребил их всех.

Озлобленный гибелью отряда, Гугон Немецкий вызвал на поединок Людовика или любого другого рыцаря, готового биться вместо короля. На бой с Гугоном вызвался Бертран, но Гийом не мог доверять племяннику стола ответственный поединок и выступил против разбойника сам.

Бой с Гугоном произошел на том же самом месте, где герой победил когда-то эмира Корсольта. Во время первой схватки противники, съехавшись, нанесли друг другу удары копьями в щиты, но оба древка не выдержали и, сломавшись, усеяли обломками песок. Когда их кони пали, поединщики сошлись щитом к щиту в пешем бою. Отразив выпад врага, Гийом так хватил Гугона Жуайезом по голове, что из шлема посыпались драгоценные карбункулы, но кольчужный капюшон спас разбойника. Соскользнув со шлема, клинок распорол броню до пояса, разрезав плоть и обнажив кости. Ответным ударом Гугон вышиб драгоценные камни из шлема Гийома. Но это был его последний в жизни удар: меч Гийома, обрушившись на плечо Гугона, рассек ему грудь до самого сердца. Когда герой извлек Жуайез из тела Гугона, труп упал и, скатившись с вершины песчаного холма, канул в воды Тибра — тяжелые доспехи мигом утянули его на дно.

Вернувшись с поединка, Гийом подарил Клиневана, коня Гугона, племяннику Бертрану, чтобы загладить его обиду. Оставшиеся без

предводителя, немцы сдали город. Гийом ввел Людовика в Рим и торжественно короновал его императорской короной, принудив всех присутствующих присягнуть на верность сыну Карла Великого.

Когда в королевстве прекратились междоусобицы и воцарился порядок, Людовик оплатил верному рыцарю черной неблагодарностью. Распределив феоды между вассалами, король совершенно забыл о Гийоме, остро нуждавшемся в то время. Возмущенный герой явился во дворец и гордо предстал перед Людовиком. Остановившись перед троном, Гийом с такой силой оперся о собственный лук, что тот с громким треском разлетелся на куски, едва не угодившие в лоб неблагодарному королю.

Гийом Короткий Нос осыпал упреками Людовика, напомнив королю о своих многочисленных заслугах и о том, кому он обязан своей короной. Людовик, почувствовавший себя очень неловко, попытался успокоить разгневанного вассала, предложив ему один за другим несколько феодов, чьи владельцы погибли на войне. Гийом с возмущением отказался от этих даров, заявив, что считает для себя бесчестным отбирать ленные владения у сирот, чьи отцы погибли на королевской службе. Тогда усовестившийся король сказал, что отдаст верному слуге четверть королевства. Но и это предложение Гийом отклонил, сочтя его чрезмерным, и попросил взамен Ним и Оранж — города, захваченные сарацинами. Король с радостью согласился, но при условии, что Гийом не станет требовать у него войск для их отвоения.

Гийом Короткий Нос бросил клич, и вскоре под его знамена собралось около 30 тысяч добровольцев, готовых сопровождать его в поход на богатый Ним. По дороге армия Гийома встретила крестьянина, возвращавшегося с нимского рынка. Крестьянин вез на телеге огромную бочку из-под соли. Это навело Гийома на счастливую мысль. По его приказу рыцари реквизировали у местных крестьян огромное количество бочек, быков и повозок. Упрятав своих воинов в бочки, Гийом переделался в купца, а оруженосцы — в погонщиков быков. «Купец» беспрепятственно провел караван в Ним и остановился на рыночной площади, возле дворца мавританского царя Отрана. Пока Отран, заинтересованный таким огромным караваном, расспрашивал Гийома о привезенных им товарах, «погонщики» разгружали бочки, завалив ими все подходы к дворцу. Увидев это, брат Отрана, Арпен, подошел к «купцу» и грубо заговорил с ним, а потом нагло дернул Гийома за бороду. Рыцарь не стерпел подобного оскорбления: схватив недруга за волосы, он убил его давно отработанным

приемом — ударом кулака в кадык. Сарацины набросились на лжекупца, но Гийом выхватил боевой рог и громко протрубил в него. В тот же миг днища бочек повывлетали, и площадь заполнили франкские воины. Закипела свирепая резня. Отран бежал во дворец, но Гийом настиг его и вышвырнул из окна. Вслед за своим царем из окон дворца один за другим вылетели все его сановники.

Через месяц Гийом Короткий Нос овладел Оранжем. Убив короля Тибо, он женился на его прекрасной вдове Гибор и назывался с тех пор Гийомом д'Оранж.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

Историческим прототипом данного героя послужил Гийом, граф Тулузский, наместник Карла Великого в Южной Франции. Император действительно доверил Гийому воспитание своего наследника Людовика. Граф Гийом, прославленный рыцарь, сражался с маврами при Орбье (793), участвовал в подавлении восстания басков и во взятии Барселоны (803). В 805 году Гийом оставил военную службу и удалился в основанный им монастырь Желлону, где и умер в 812 году.

Подобно другим героическим эпосам, эпос о Гийоме д'Оранже содержит массу фантастических событий и деталей. Коронация Людовика происходила вовсе не так, как изображено в эпосе; Гийом никогда не сражался с эмиром Корсольтом, ибо этот персонаж вымышленный; не было и поединка с Гугоном Немецким; Гийом не захватывал Ним и Оранж и т.д.

ГЛАВА 3

ГЕРМАНСКИЕ ЛЕГЕНДАРНЫЕ РЫЦАРИ

БЕОВУЛЬФ

Беовульф, сын Эггтсова, молодой витязь из народа гаутов (готы острова Готланд). Имя Беовульфа означает «Пчелиный волк», т.е. медведь. Отец отдал Беовульфа на воспитание брату, и юноша жил при дворе своего дяди — правителя гаутов, Хигелака.

В юности Беовульф приобрел силу 30 человек, но был ленив и не отличался доблестью. Но вот однажды отрок по имени Бреки вызвал

его на состязание. Юные герои пять дней плавали в море, убивая морских чудовищ (каких именно, в эпосе не сказано). С этого времени Беовульф почувствовал неодолимую тягу к подвигам и славе. Слава, добыча и жажда княжеских наград стали высшими ценностями для германского героя. Но на первом месте для него была именно слава, «ибо для воина лучшая плата — память достойная».

Беовульф жаждал подвигов. Однажды герой узнал о страшной беде, постигшей короля данов — Хродгара. В течение 12 лет дружинников Хродгара убивало и пожирало жуткое чудовище по имени Грендель — гигантский кровожадный людоед, потомок Каина, обитавший среди диких скал и болот Скандинавии.

Герой с дружиной гаутов прибыл на помощь Хродгару. Беовульфа восхитил прекрасный дворец короля данов — Хеорот, сияние которого «распространялось на многие страны». В Хеороте, златоверхом дворце с самоцветными стенами, украшенном оленьими рогами, германского героя радушно принял сам датский властитель, а его приближенный Унферт торжественно вручил Беовульфу магический меч Хрунтинг («Колющий»). Однако меч оказался бесполезен в борьбе с Гренделем, заговоренным от любого холодного оружия.

Днем Беовульф весело пировал с королем и его сподвижниками в главной зале Хеорота, а вечером вместе с воинами отправился в прихожую дворца, где дружинники устроились на ночлег на резных де-

Смерть Беовульфа. Рисунок Дж. Тобина. 1901 г.

ревянных лавках. Ночью из темных топей вышел Грендель и зашагал по туманным утесам в поисках поживы. Огромные глаза его горели как факелы. Сорвав когтистой лапой кованые запоры с ворот дворца, чудовище проникло в помещенье, где спали датские и гаутские воины. Беовульф, притворяясь спящим, внимательно разглядывал враждебного великана. Грендель тем временем схватил спящего воина Хандскио и, мигом разорвав его пополам, пожрал тело, громко хрустя костями. Затем чудовище занесло когтистую лапу над Беовульфом, собираясь вспороть ему грудь, но герой, привстав на локте, стиснул его кисть железной хваткой. Ломая пальцы, Беовульф стал выворачивать волосатую лапу. Завязалась борьба; проснувшиеся дружинники бросились на помощь германскому герою, тыча Гренделя мечами, но оружие не могло причинить вреда заговоренному чудовищу.

Беовульф сам управился с людоедом, выломав ему руку из плеча: хрустнул плечевой сустав, лопнули жилы, и Грендель, громко воя, бежал в свое болото и там умер от страшной раны. А Беовульф, торжествуя, вскинул вверх оторванное им плечо с предплечьем и когтистой лапой.

Наутро во дворце состоялся праздничный пир. Хродгар от души благодарил бесстрашного героя, называя его сыном и задаривая богатыми подарками. Король данов наградил Беовульфа пластинчатым золотом, златовышитым стягом, шлемом, мечом, кольчугой и восемью конями. Королева Вальхтеов, в свою очередь, прибавила к этому золотые запястья и ошейное кольцо, приговаривая при этом:

— Владей, о Беовульф, себе на радость, воитель сильный, дарами нашими — кольцом и запястьем, и пусть сопутствует тебе удача!

Однако радость данов и гаутов оказалась преждевременной. В ту же ночь в Хеорот явилась страшная мстительница — женочудовище, мать Гренделя. Она похитила спавшего соратника Хродгара — Эскхере, воина, прославленного в битвах. Беовульф с дружиной бросился в погоню. Добравшись через кремнистые утесы к топям, воины обнаружили между прибрежными валунами голову несчастного Эскхере. Успели они заметить и то, как омут вспенился кровью. На отмели дружинники увидели множество омерзительных существ: червоподобных чудищ, морских драконов и громадных тритонов. Беовульф подстрелил одного тритона из лука, а затем громко протрубил в рог. При звуке боевого рога вся нечисть быстро попряталась в воду.

Беовульф облачился в доспехи, обнажил меч Хрунтинг и смело прыгнул в омут. На дне герой увидел жуткое страшилище — мать

Гренделя. Когтистыми лапами она схватила Беовульфа в охапку, но не смогла порвать кольчугу и повлекла его в свое подводное жилище. Беовульф сначала тщетно силился поразить женочудовище Хрунтингом, а затем, отбросив бесполезный меч, вступил в рукопашную схватку. Ему удалось сбросить чудовище на землю, но, оступившись на скользких подводных камнях в логове матери Гренделя, Беовульф упал навзничь. Женочудовище прыгнуло ему на грудь, пытаясь разорвать крепкую кольчугу. Изнемогая в неравной борьбе, герой внезапно увидел среди подводных сокровищ, собранных в логове, меч гигантов, светившийся изнутри призрачным светом. Изловчившись, Беовульф схватил чудесный меч и одним ударом отсек чудовищу голову. Брызнувшая ядовитая кровь сожгла клинок, и в его руке остался лишь один огарок. С этим огарком в одной руке, и с головой женочудовища — в другой, герой и выплыл на поверхность.

Освободив страну данов от чудовищ, Беовульф вернулся на родину, ко двору короля Хигелака. Спустя какое-то время Хигелак погиб на войне с франками, а его сын Хардред пал в битве со шведами. Поскольку король гаутов и его наследник погибли, вдова Хигелака, Хюгд, предложила корону Беовульфу. В течение 50 лет герой правил страной, пока не появился ужасный дракон.

Когда-то, в стародавние времена, одно древнее племя владело богатейшим кладом. Но племя это погибло, и его последний представитель перед смертью спрятал клад в мрачной пещере, наложив на него страшное заклятие. Там его и нашел дракон, стороживший клад триста лет. Однажды некий раб обнаружил тайное подземелье. Он ужаснулся при виде страшного дракона, но, заметив, что чудовище спит, быстро схватил драгоценную чашу и убежал. Проснувшийся дракон пришел в ярость: в отместку за похищенную чашу он принялся сжигать селения и уничтожать людей.

Беовульф решил сразиться с драконом, чтобы защитить своих подданных и вернуть клад людям. Во главе дружины король отправился к страшной пещере. Отважный герой, оставив дружинников в засаде за утесом, в одиночку приблизился к пещере, из которой извергалось пламя, и вызвал врага на смертный бой. Извиваясь по змеиному, чудовище выползло из своего логова. Беовульф ударил его мечом, но клинок лишь скользнул по чешуе, а дракондохнул герою в лицо ядовитым смрадом. Увидев, как на их короле вспыхнула одежда, оробевшая дружина бежала, укрывшись в роще, и лишь один молодой воин, Виглаф, бросился на помощь своему господину. Дракон выпустил в его сторону струю огня, и щит Виглафа, обтянутый

кожей, сгорел, но Беовульф прикрыл молодого смельчака своим железным щитом.

Король нанес чудовищу сильный удар в голову, но его меч при этом сломался. Дракон сбил Беовульфа с ног и вонзил ядоточащие когти в шею героя. В этот момент Виглаф пронзил мечом горло дракона, и пламя у того иссякло, а Беовульф снизу распорол брюхо чудовища широким ножом. Дракон издох, но и Беовульф получил смертельные раны. Истекая кровью, умирающий герой пожелал увидеть заветный клад. Созерцание груды золота доставило Беовульфу глубокое удовлетворение. Король хотел, чтобы это золото, вырванное из когтей дракона ценой его жизни, послужило на благо людям, но клад, охраняемый древним заклятьем, не мог принести им добра, поэтому на погребальный костер вместе с телом павшего героя его подданные возложили и все добытые им сокровища. Их остатки вместе с прахом Беовульфа погребли в надгробном кургане.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

Рукопись эпоса о Беовульфе, входящая в Коттонское собрание и датированная X веком, хранится в настоящее время в Британском музее. Подвиги германского героя, сражавшегося с чудовищами и драконами, конечно, не имеют под собой реальной основы. Тем не менее эпос содержит ценные сведения о жизни и быте германских дружинников и их вождей в VII—VIII веках.

ЗИГФРИД

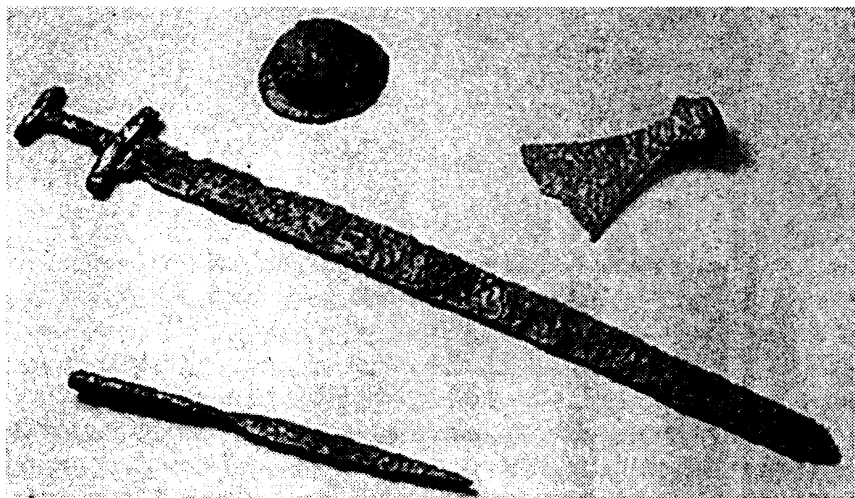
Зигфрид, сын короля Нидерландов (на Нижнем Рейне) Зигмунда и королевы Зигменды, прекрасный и сильный юноша, подобно Беовульфу, обладал силой 30 человек. Имя его означает «Победитель». Уже в юности герой совершил множество удивительных подвигов. Однажды Зигфрид сразил дракона и омылся в его крови, после чего его тело стало неуязвимым для любого оружия. Однако во время омоложения ветер сорвал с дерева лист, и этот липовый лист прилип у героя между лопаток. Только в то место и можно было поразить Зигфрида.

В Норвегии молодой рыцарь убил двух братьев-великанов, с ними еще 700 нибелунгов и завладел их несметным кладом, скрытым в скале и охраняемым злобным карликом. Одолев в поединке карлика Альбриха, Зигфрид добыл у него плащ-невидимку и чудесный меч

Бальмунг. Оставив клад нибелунгов на прежнем месте, Зигфрид повелел карлику хранить его для нового хозяина.

Слава о Зигфриде как о непобедимом рыцаре гремела на весь свет, хотя был он еще совсем молод. Однажды до него дошла весть, что сестра бургундского короля Гунтера Кримхильда прекрасней всех девушек на свете. Заинтригованный герой с 12 рыцарями немедленно отправился в Вормс — столицу бургундцев. Гунтер, наслышанный о его славе, принял Зигфрида очень любезно. Оставшись жить при дворе бургундского короля, Зигфрид скрыл цель своего приезда. Долгое время он не имел случая увидеть Кримхильду, зато девушка видела его из окна, когда молодой герой блистал на турнире, и влюбилась в него с первого взгляда.

Тем временем Гунтер получил тревожные известия: против Бургундии выступило 40-тысячное войско саксов и данов. Зигфрид, увидев короля в угнетенном состоянии духа, бескорыстно предложил ему свою помощь на войне. Гунтер с благодарностью принял ее. Германский герой возглавил отряд из тысячи бургундских рыцарей и смело напал на многочисленное вражеское войско. В битве отличился не только Зигфрид, но и два лучших воина Гунтера — Хаген и Фолькер, сразившие многих саксов и данов. Враг был разбит. В ходе битвы Зигфрид встретился в поединке с королем саксов Людегером и королем данов Людегастом, ранил обоих и взял их в плен. В честь победы

Меч, боевой топор, наконечник копья и шлем. Раннее Средневековье

Гунтер устроил великолепный пир, на котором бургундцы всячески превозносили подвиги Зигфрида. На этом пиру славный рыцарь и увидел впервые Кримхильду, а увидев, влюбился в нее до смерти. Гунтер повелел сестре приветствовать Зигфрида и поцеловать его, после чего любовь молодых людей разгорелась подобно лесному пожару.

Как-то Гунтер в дружеской беседе поведал Зигфриду о своих мечтах. Герой узнал, что бургундский король страстно влюблен в Брунхильду, королеву Исландии. Но добиться ее руки было очень не просто. Брунхильда отличалась чудовишной силой и всех соискателей своей руки заставляла состязаться с нею. Тот, кто проигрывал ей, лишался головы. Поэтому-то Гунтер, страдавший от любви, не отваживался на сватовство.

Зигфрид дал слово помочь ему добиться руки своенравной красавицы. Обрадованный король предложил рыцарю любую награду за эту важную услугу, и влюбленный герой попросил у него в награду руку Кримхильды. Гунтер охотно согласился на это.

Через несколько дней Зигфрид и Гунтер, окруженные многочисленной свитой, взошли на корабль и отплыли в Исландию. По прибытии на остров Зигфрид, чтобы возвысить Гунтера в глазах Брунхильды, представился королеве его вассалом: он держал под уздцы королевского коня, пока Гунтер сходил с корабля на берег, а потом почтительно сопровождал короля во дворец, как то и подобает верному вассалу.

Прекрасная Брунхильда радушно встретила гостей, а вечером началось состязание. Согласно их уговору, Зигфрид, укрытый плащом-невидимкой, незримо стоял рядом с Гунтером и делал все за короля, а тот лишь имитировал движения. Сначала Брунхильда метнула копье в щит Гунтера, но Зигфрид принял этот удар на себя. В ответ он тоже метнул копье в королеву тупым концом вперед, в то время как Гунтер только изображал бросок копья. Удар копья был настолько силен, что сбил королеву с ног, и она подивилась силе Гунтера. Затем последовало второе испытание, заключавшееся в следующем: нужно было метнуть огромный камень и, прыгнув вслед за ним, поймать его в воздухе. Побеждал тот, кто прыгнет дальше. После того как это упражнение выполнила Брунхильда, Зигфрид мощной рукой метнул камень и, подхватив Гунтера на руки, прыгнул вместе с ним гораздо дальше королевы.

На этом состязания завершились: бургундский король с помощью Зигфрида победил Брунхильду и получил право на ее руку.

Счастливым король увез невесту в Бургундию, и вскоре в Вормсе сыграли сразу две свадьбы, поскольку благодарный Зигфриду Гунтер сдержал свое слово. На свадебном пиру Брунхильду поразило то, что вассал ее жениха сидит против них за одним столом, да еще женится на королевской сестре. Высокомерная королева стала допытываться у Гунтера, почему тот унижает Кримхильду, выдавая ее замуж за какого-то вассала. Гунтер замялся: он не мог объяснить невесте, что Зигфрид вовсе не вассал, а высокородный королевич, поскольку в этом случае мог вскрыться их обман во время сватовства. Поэтому он пообещал Брунхильде как-нибудь потом открыть причину этого брака.

Злопамятная королева затаила месть. Во время первой брачной ночи, когда муж начал ее ласкать, Брунхильда неожиданно заявила о том, что не желает расставаться с девственностью. Раздосадованный Гунтер попытался овладеть ею силой, но не тут-то было! Брунхильда связала его своим поясом и подвесила на крюк, а сама преспокойно улеглась в постель и уснула. Всю ночь Гунтер провисел на стене, тщетно пытаясь освободиться, и лишь утром злодейка сняла его с крюка.

Весь день Гунтер был мрачнее тучи. Заметив его состояние, Зигфрид, сиявший от счастья после первой брачной ночи, осведомился о причине подавленного настроения короля. Смущаясь, Гунтер поведал ему о своем позоре, ругаясь и досадуя на то, что женился на такой дьяволице. И вновь Зигфрид вызвался помочь другу. Ночью он, скрытый плащом-невидимкой, вместе с Гунтером вошел в спальню его жены. В темноте герой вступил в борьбу с Брунхильдой. С большим трудом одолев ее, Зигфрид швырнул королеву на постель, а Гунтер лишил ее девственности. Вместе с девственностью Брунхильда утратила и свою нечеловеческую силу. Укротив могучую деву, не подозревавшую о его присутствии, Зигфрид снял с нее пояс и золотой перстень, подарив впоследствии эти трофеи своей любимой жене Кримхильде.

Вскоре после этого случая Зигфрид вместе с молодой женой вернулся в Нидерланды. Обрадованный отец, жалуясь на старческую немощь, передал Зигфриду свою корону. Через десять лет Кримхильда родила сына, назвав его в честь брата Гунтером.

В том же году прибывшие из Бургундии гонцы передали молодой королевской чете приглашение Гунтера погостить у него в Вормсе. Зигфрид и Кримхильда с радостью приняли приглашение и отправились в путь. Однако вскоре по прибытии между Брунхильдой и

Кримхильдой вспыхнула ссора. Как-то, наблюдая за состязаниями рыцарей, молодые женщины заспорили, чей муж доблестнее и знатнее. Брунхильда утверждала, что ее Гунтер знатнее, так как Зигфрид его вассал. На это Кримхильда ответила, что Зигфрид никакой не вассал, а доблестнейший из королей. Так, слово за слово, разгорелся яростный спор и зазвучали оскорбления. Кримхильда назвала оппонентку наложницей, утверждая, что Зигфрид лишил Брунхильду невинности. В доказательство Кримхильда продемонстрировала ее пояс и кольцо.

Униженная и опозоренная Брунхильда обратилась к мужу за разъяснениями. Гунтер был вынужден призвать Зигфрида, и тот торжественно поклялся, что никогда не вступал в связь с Брунхильдой, а жене задал изрядную трепку за ее длинный язык.

Клятвы Зигфрида не успокоили мстительную королеву Бургундии. Неожиданно мстителем за ее поруганную честь выступил Хаген, один из лучших бургундских рыцарей. Человек низкий и коварный, хладнокровный убийца Хаген на самом деле стремился совсем к другой цели — он жаждал завладеть бесценным кладом нибелунгов.

Хаген составил злодейский план, но для успеха предприятия ему было необходимо перетянуть на свою сторону Гунтера. Коварный рыцарь долго убеждал слабовольного короля избавиться от Зигфрида, опозорившего его супругу, и в конце концов преуспел в этом. Теперь можно было начинать осуществление чудовищного плана. Хаген прислал ко двору лжегонцов с известием, что короли саксов и данов вновь собираются напасть на Бургундию. Король отдал распоряжение рыцарям готовиться к войне, а Зигфрид вновь предложил Гунтеру свою помощь. Тем временем Хаген, успевший заслужить доверие Кримхильды, явился к жене Зигфрида, тревожившейся за мужа, и успокоил ее, обещая оберегать героя в бою. Благодарная Кримхильда выдала злодею тайну мужа, рассказав о том, что Зигфрида можно поразить только между лопаток, и умоляла Хагана защищать его со спины. Хаген посоветовал Кримхильде нашить на одежду мужа крестик шелковыми нитками, для того чтобы точно знать, какое именно место на спине должен он прикрывать своим щитом. Так доверчивая Кримхильда погубила горячо любимого супруга.

После этих событий пришла весть, что враги передумали затевать войну. Вместо войны бургундские рыцари собрались на охоту. Накануне Кримхильде приснился зловещий сон, и встревоженная женщина умоляла Зигфрида не ездить на охоту, но он, посмеявшись про себя над женскими страхами, нежно успокоил любимую жену.

· На охоте Зигфрид настрелял большое количество дичи и даже поймал живого медведя. Разгоряченные охотники почувствовали жажду, но на привале обнаружилось, что вина нет — Хаген по рассеянности отправил виночерпиев в другое место. Смушенно извиняясь за свою оплошность, Хаген предложил проводить Зигфрида к студеному ручью, и герой, мучимый жаждой, охотно согласился. Вдвоем они отправились через чашу. Когда Зигфрид наклонился над ручьем и зачерпнул пригоршню воды, коварный убийца вонзил копье ему между лопаток — как раз в то место, где Кримхильда заботливой ручкой вышила шелковый крестик.

Копье пронзило Зигфрида насквозь, но у героя еще достало силы схватить свой щит (копье Зигфрида убийца предусмотрительно отбросил в сторону) и с силой метнуть его вслед убегающему предателю. Просвистев в воздухе, щит догнал Хагена и сбил его с ног.

Истекая кровью и проклиная убийцу, смертельно раненный Зигфрид упал и умер, а Хаген подбросил его труп к порогу Кримхильды. Вернувшись к охотникам, Хаген, обливаясь слезами, рассказал им, как из чаши леса выскочили разбойники и, убив Зигфрида, скрылись.

Горе Кримхильды, потерявшей нежно любимого мужа, было безмерно. Много раз несчастная женщина лишалась чувств и едва не помешалась от горя. Она сразу не поверила басне о разбойниках. Когда Зигфрида уложили в золотой гроб, Кримхильда стала внимательно наблюдать за всеми рыцарями, подходившими к гробу, чтобы попрощаться с великим героем. Одним из первых к телу подошел Хаген, и когда он приблизился, рана Зигфрида вдруг начала кровоточить. Так Кримхильда обнаружила убийцу мужа и затаила жестокую месть. Однако долгое время ей не представлялось удобного случая отомстить.

Тринадцать лет безутешная Кримхильда оплакивала своего мужа. Клад нибелунгов, доставшийся ей в наследство, вдова использовала так, как подсказывало женщине ее доброе сердце: она раздавала милостыню и делала щедрые подарки беднякам. Встревоженный Хаген убедил Гунтера отнять у нее клад. По совету Хагэна они решили надежно спрягать клад нибелунгов на дне реки с тем, чтобы воспользоваться им впоследствии.

Прошло еще тринадцать лет. Овдовевший властитель гуннов Этцель, знавший по слухам о красоте Кримхильды, направил посольство в Вормс. Вдова Зигфрида дала согласие на повторный брак, но лишь затем, чтобы получить средство отомстить за убийство мужа.

Спустя еще тринадцать лет Кримхильда убедила Этцеля пригласить свою родню к ним в гости. Гуннские послы передали Гунтеру приглашение. Хаген, сразу почуявший западню, постарался отговорить короля, но легкомысленный Гунтер, сильно скучавший по сестре, посмеялся над его опасениями и выступил вместе с дружиной на Дунай. Поневоле и Хагену пришлось сопровождать бургундского короля.

Почти немедля после прибытия королевской дружины ко двору гуннского владыки вспыхнула ссора, подстроенная Кримхильдой. Эта ссора вскоре переросла в свирепую резню, в которой погибли бургундская и гуннская дружины, приближенные королей, Этцель с сыном и братья Гунтера. В конце концов Гунтер и Хаген оказались в руках жаждущей мести Кримхильды. Беспощадная мстительница повелела казнить брата, а затем явилась в темницу, где содержали Хагена, и собственноручно отсекла голову убийце. Но кровавая месть постигла и ее саму: один из уцелевших рыцарей рассек королеву надвое.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

«Песнь о Нибелунгах», как и другие героические эпосы, содержит в своей основе некое рациональное зерно. Историческим фундаментом для эпоса послужила гибель бургундского королевства в 437 году, хотя реальные события в нем заменены вымышленными.

Фантастический образ непобедимого и почти неуязвимого героя Зигфрида невольно напоминает читателю образ другого неуязвимого героя — гомеровского Ахилла. Оба витязя наделены невероятной силой, оба непобедимы, и разница лишь в том, что уязвимое место Ахилла находится на пятке, а у Зигфрида — между лопаток.

ГЛАВА 4

ИСПАНСКИЕ ЛЕГЕНДАРНЫЕ РЫЦАРИ

СИД КАМПЕАДОР

Безмерно храброго, мудрого и справедливого испанского рыцаря Родриго Диаса де Бивар арабы прозвали Сидом («Повелителем»), а испанцы — Кампеадором («Воителем»).

Сид служил королю Кастилии дону Санчо, враждовавшему с братьями — Альфонсом, королем Леона, и Гарсией, властителем Галисии. При осаде Саморы дон Санчо был смертельно ранен. Умирая, он в письме к Альфонсу умолял брата о прощении и просил его принять к себе на службу кастильских рыцарей. Когда Альфонс прибыл в лагерь умершего брата, все кастильцы присягнули ему на верность, за исключением лишь Сиды, потребовавшего, чтобы новый король Кастилии сначала поклялся в своей непричастности к гибели Санчо. Король Альфонс принес требуемую клятву, но с тех пор затаил ненависть к строптивому вассалу.

Однажды король Альфонс послал Сиду за ежегодной данью, причитавшейся с мавританских царей Кордовы и Севильи. Сиду стало известно, что против царя Севильи Альмутамида готовит поход правитель Гранады Альмудафар. Этот последний привлек на свою сторону многих испанских рыцарей: Фортуна Санчеса, зятя наваррского короля; его брата, Лопеса Санчеса; знатного кастильского дворянина дона Диго Переса; графа дона Гарсию Ордоньеса и других.

Сид Кампеадор. Средневековая миниатюра

С негодованием узнав о готовящемся походе, Сид Кампеадор разослал письма вышеперечисленным сеньорам с грозным предупреждением: если они посмеют напасть на севильского царя, верного подданного и данника короля Альфонса, то он, Сид, от имени короля жестоко отомстит им за оскорбление своего повелителя.

Не вняв предупреждениям Сида, гранадский царь вместе с испанскими графами разорили владения севильского правителя. В ответ герой разгромил наголову и гранадского царя, и его испанских союзников. Захватив в плен испанцев, Сид вырвал клоч бороды у Гарсии Ордоньеса, но через три дня, когда его гнев поостыл, великодушный герой отпустил пленников на все четыре стороны.

Из добычи, захваченной в битве, благородный Сид возместил убытки, понесенные севильским царем. Альмутамид и Сид подтвердили мирный договор между севильским правителем и королем Альфонсом, после чего испанский герой, получив причитающуюся дань, отбыл ко двору кастильского короля.

Альфонс Шестой поблагодарил Сида за его успешные действия, и с тех самых пор стал относиться к нему с большим уважением. Однако враги и завистники Сида начали плести злокозненные интриги, стараясь поссорить короля с Сидом, и вскоре преуспели в этом.

Однажды король Альфонс собрал большое войско для вторжения в мавританские владения, но Сид не смог выступить вместе с ним, поскольку тяжело заболел. Тогда король поручил ему охрану кастильских рубежей, а сам отправился в поход. Пока король воевал в Андалусии, большое мавританское войско вторглось в его земли и осадило крепость Гормас. В ответ Сид совершил набег на толедские земли, где пленил семь тысяч мавров, и с богатой добычей вернулся в Кастилию.

После возвращения короля враги Сида оклеветали его перед Альфонсом, утверждая, что алчный Сид скрыл от короля большую часть трофеев, захваченных им в толедской кампании. Клеветники напомнили королю и о том, как Сид потребовал от него клятву в лагере у Саморы. Альфонс разгневался и отправил героя в изгнание (1089), а его жену и дочерей заключил в монастырь Сан-Педро.

Опечаленный Сид покидал родную страну с 60 верными рыцарями. В пути им нигде не давали ни пищи, ни приюта — так повелел жестокий король. Однажды изгнанники разбили лагерь неподалеку от Бургоса, на другом берегу Арлансона, напротив городских ворот. Вечером к ним в лагерь прибыл горожанин Мартин Антолинес. Презрев королевский запрет, он привез Сиду и его людям вина, хлеба, мяса

и соли. После сытного ужина Антолинес попросился в дружину Сиды. На следующий день к прославленному воину присоединились 115 рыцарей из Бургоса, и это было только начало. Когда Сид покинул Кастилию, под его командованием собралось 600 рыцарей и несколько тысяч пехотинцев. С таким войском уже можно было померяться силами с маврами.

Покинув Кастилию, армия Сиды вступила в земли, контролируемые маврами. Отсюда начался его триумфальный боевой путь. К первой крепости, оказавшейся на их пути, кастильские воины подошли скрытно, ночью. Утром, когда мавры открыли ворота, рыцари Сиды стремительно ворвались в крепость и захватили ее. За первой победой вскоре последовала вторая, когда Сид овладел Алькосером.

Встревоженные успехами кастильского героя, мавританские царевицы Фарис и Гальве с большим войском осадили Алькосер. Незирая на то что враг был вдесятеро сильнее, поутру Сид повел кастильских рыцарей на вылазку. Лучшими бойцами среди них были: племянник Сиды, Фелес Муньос; воспитанник Сиды, Муньо Густос; сеньор Сориты, Альвар Фаньес Минайя; сеньор Монтемайора, Мартин Йунос; арагонский рыцарь Галинд Гарсиас; бургосцы Мартин Антолинес и Педро Бермудес, а также два Альвара — Сальвадорес и Альварес.

Маленькое войско стремительно атаковало мавров. Первым с громким кличем «Сант-Яго!» в гущу врагов ворвался лихой знаменосец, Педро Бермудес; его доблестный пример увлек остальных. В бою Сид встретился с царевичем Парисом. С третьего удара пробив его прочный панцирь, герой обратил в бегство раненого врага. Другого царевича, Гальве, атаковал бесстрашный Мартин Антолинес. Одним взмахом меча рыцарь раскроил его шлем, из которого дождем посыпались драгоценные камни. Раненный в голову Гальве позорно бежал вслед за Фарисом. Мавры, видя, что оба их вождя покинули войско, также обратились в паническое бегство.

В этой битве кастильцы потеряли всего 15 человек, зато захватили много золота, серебра и 510 коней. Тридцать коней Сид отослал в подарок королю Альфонсу, а все остальные трофеи щедро разделил с товарищами.

Кастильскому герою приходилось сражаться не только с маврами. Барселонский граф Раймунд Беренгар, завидовавший славе Сиды, выступил против него в 1090 году и был разбит. Сид захватил пять тысяч пленных, а самым важным из его трофеев оказался дра-

гоценный меч Колада. Графа Беренгара и Гиральда Алемана победитель освободил за выкуп в 80 тысяч марок, но всех остальных пленников великодушный Сид отпустил без всякого выкупа.

В 1094 году Сид Кампеадор после продолжительной осады овладел Валенсией. Рыцарь отослал в подарок королю Альфонсу сотню арабских скакунов, умоляя взамен отпустить к нему жену донну Химену, вместе с дочерьми, Эльвирой и доньей Соль. Изумленный блестящими успехами Воителя, король исполнил его просьбу.

В том же году Сид одержал еще одну значительную победу. Правитель Марокко, Юсуф, осадил Валенсию с 50-тысячным войском, но 4 тысячи кастильцев разбили мавров в пух и прах. С бежавшим Юсуфом спаслись всего 104 воина. После этой победы Сид вновь отправил королю богатые подарки: 200 коней и шатер Юсуфа, изукрашенный золотом. Восхищенный громкими победами Воителя, а также его богатейшими дарами, Альфонс милостиво простил своего вассала. Торжественная встреча и примирение короля Альфонса с Сидом Кампеадором произошли на берегу реки Тахо. Король громко произнес: «Пусть знают все, что я от души вас прощаю. Возвращаю вам любовь и принимаю в свою державу».

Коленопреклоненный Сид поблагодарил кастильского властителя за великую милость, но его тут же ожидал неприятный сюрприз. Король неожиданно попросил согласия Воителя на брак двух его дочерей с графами де Каррион. Диего и Феррандо, прельщенные славой и богатством Сида, упростили короля похлопотать за них. Герою очень не по душе пришлись такие заносчивые и чванливые зятья, но он не мог отказать своему господину, да еще в такой день, когда король торжественно простил его и приблизил к своей особе, поэтому Сид, скрепя сердце, ответил согласием на просьбу Альфонса.

Через два года Валенсию осадил новый правитель Марокко, Букар (Абу-Бекр) с 50-тысячным войском. Разгромив и этого врага на равнине Куарто, Сид завладел вторым драгоценным мечом — Тисонной. В этой битве зятья Сида не проявили должной доблести и отваги, за что Воитель осыпал их упреками. Злопамятные братья затаили злобу и поклялись отомстить.

Однажды графы де Каррион попросили Сида отпустить их домой — они, дескать, желают показать женам свои владения. Перед расставанием растроганный Сид щедро оделил братьев деньгами и подарил им знаменитые мечи, Коладу и Тисону. Однако на всякий случай герой отправил вслед отъезжающим племянника Фелеса Муньоса. Не подозревавшие об этом Диего и Феррандо завезли жен в

дубовый лес Корпес, отослали назад сопровождавшую их свиту, а затем приступили к мщению. Негодяи жестоко избили дочерей Сиды, раздели их донага, привязали к деревьям и, оставив плачущих женщин на съедение диким зверям, уехали. Эльвиру и донью Соль спас Фелес Муньос, освободивший несчастных и доставивший их к отцу.

Оскорбленный Сид потребовал от короля собрать кортесы и учинить суд над злодеями. На суде он потребовал у обвиняемых вернуть ему драгоценные мечи и три тысячи серебром, которыми Воитель оделил братьев де Каррион в качестве своих зятьев. Припертые к стенке, негодяи были вынуждены выполнить требования Сиды.

Оскорбление дворянина можно смыть только кровью, поэтому три соратника Сиды — Мартин Антолинес, Педро Бермудео и Муньо Густиос вызвали на поединок троих из рода де Наррион. Ответчиками выступали Диего, Феррандо и их кузен, Асур де Каррион.

Поединок состоялся через три недели после суда. Первыми бились Педро Бермудес и Ферранцо де Каррион. Дон Феррандо нанес Бермудесу такой мощный удар, что пробил его щит насквозь, но воин Сиды вонзил в грудь Феррандо копьё и сбросил графа с коня. От верной смерти негодяя спасла лишь тройная кольчуга. С грохотом упав на землю и, увидев занесенный над собой меч, Феррандо торопливо вскричал: «Я побежден!»

Вторым сражался Мартин Антолинес против доня Диего. Антолинес, вооруженный Коладой, снес врагу верхушку шлема вместе с волосами, после чего дон Диего позорно бежал с ристалища.

Поединок Муньо Густиоса с Асуром де Каррион продолжался недолго; выбитый из седла первым же ударом копыя, дон Асур признал свое поражение.

Так верные вассалы Сиды отомстили за его оскорбление. Что касается дочерей Воителя, то им сыскались достойные женихи: Эльвира вышла замуж за инфанта Наварры, а донья Соль — за наследника Арагона.

Сид Кампеадор еще долго жил в Валенсии, наводя ужас на окрестных мавров. Когда же его жизнь подошла к концу и непобедимый герой, будучи при смерти, слег в постель, обрадованные мавры вновь собрали огромные силы и осадили Валенсию. Умирая, Сид повелел своим опечаленным вассалам одеть его тело в рыцарские доспехи, крепко привязать к коню, вывести мертвого всадника впереди кастильского войска, а затем хорошенько кольнуть коня пикой в круп. Кастильцы выполнили все в точности. Когда изумленные мавры увидели мчащегося на них во весь опор Сиды, они ужаснулись и обрати-

лись в паническое бегство. Так Сид Кампеадор одержал свою посмертную победу.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

Знаменитому испанскому рыцарю были посвящены две поэмы: «Песнь о моем Сиде» (1140) и «Родриго» (XIV век). В них исторические события настолько тесно переплетены с романтическим вымыслом, что порой очень непросто доискаться истины. Несомненно одно: героический эпос превратил жестокого и беспринципного авантюриста, каким Сид был в действительности, в идеального благородно-го рыцаря без страха и упрека.

Родриго Диас де Бивар (1043—1099), он же Сид Кампеадор, родившийся в Биваре, близ Бургоса, активно участвовал в испанской реконкисте. Беспринципный и честолюбивый авантюрист служил королю Кастилии Санчо, потом перешел на службу к мавританскому эмиру Сарагоссы Мостаину, затем поддерживал Альфонса Шестого... Верным вассалом его никак нельзя назвать. Сид стремился завоевать княжество, чтобы стать независимым властителем. С этой целью Воитель, в наемной дружине которого были и испанцы, и мавры, в 1094 году осадил Валенсию. Во время осады проявилась его зверская жестокость. Многие жители блокированного города, спасаясь от голодной смерти, бежали из Валенсии и попадали в руки наемников Сиды. Наиболее истощенных людей попросту душили на месте, как цыплят, а тех, которые еще представляли какую-то ценность, продавали в рабство. Иногда Сид травил беглецов собаками или сжигал. Так, однажды он сжег перед стенами города 18 человек. Изнуренные голодом граждане Валенсии в конце концов сдали город.

Первым делом Сид казнил правителя Валенсии Ибн Джагафа — его бросили в пылающую яму, где несчастный погиб в страшных мучениях. Обложив горожан непомерными налогами, Сид принялся округлять свои владения: захватил Олоаку, Альменару и Мурвиздро, но попытка овладеть крепостью Хативой закончилась катастрофическим поражением. Потеряв почти всех своих солдат, Сид скончался от горя и полученных ран. Вдова Сиды, Химена, два года обороняла Валенсию от мавров, а затем подожгла город и уехала в Бастилию. Она увезла с собой тело мужа и захоронила его в монастыре Св. Петра в Карденье близ Бургоса.

Оба знаменитых мечя Сиды, Коладу и Тисону, дочь героя Мария Родригес по прозвищу донья Соль («Солнечная») передала в собствен-

ность королей Арагонских. Колада в 1286 году перешел в руки дон Санчо Четвертого Кастильского. В XV веке оба меча оказались в Мадриде, но впоследствии их след затерялся.

Сохранилось описание меча Колада, сделанное в 1503 году сеговийским алькасаром. Меч имел перекрестье и набалдашник из посеребренного железа, с узором в шашечку. Рукоять Колады была деревянной с белой кожаной обмоткой, а клинок с двусторонними желобами был отмечен на одной из сторон четырьмя концентрическими кругами. Название меча Колада означает «Литой».

ФЕРНАН ГОНСАЛЕС

В X веке раздробленные королевства Испании, являвшиеся данниками мавританских владык из династии Омейядов, переживали нелегкие времена, Кастильское графство, созданное знаменитым героем Фернаном Гонсалесом, находилось к тому же в вассальной зависимости от королевства Леон.

Мавританский эмир Абдеррамен (912—961) обложил христианских правителей Испании тяжелой данью. В числе прочей дани властитель требовал поставлять к его двору самых красивых девушек-христианок. Возмущенные такими наглыми требованиями эмир, короли Рамиро и Гарсия, а также граф Гонсалес отказались платить

Сражение рыцарей. Средневековая миниатюра

столь унижительную дань. Разгневанный эмир с огромным войском вторгся в Кастилию, чтобы наказать строптивых «неверных». На захваченных территориях мавра творили страшные зверства: мужчин, не желавших переходить в мусульманскую веру, они немедленно казнили, а у женщин отрезали груди. Этим злодеяниям было необходимо положить конец. Восставшие короли и граф Гонсалес, объединив свои силы, разгромили мавров в битве у Симанкаса и гнали врагов до самой Асы.

Но и помимо мавров у Фернана Гонсалеса хватало врагов. Дон Санчо, король наваррский, заключивший союз с мусульманами, неоднократно совершал опустошительные набеги на Кастильское графство. Гонсалес вызвал на бой заклятого врага. Войска кастильцев и наваррцев сошлись для битвы, которую начали их вожди. Санчо и Гонсалес сошлись в поединке. Король и граф, нацелив копыя, тяжело поскакали навстречу друг другу. Когда они съехались, воины, наблюдавшие поединок, вскрикнули в один голос: оба противника, вылетев из седла, неподвижно распростерлись в пыли. Король Наварры был убит наповал, а Фернан Гонсалес тяжело ранен. Рыцари, поднявшие графа, сочли и его убитым: все лицо Гонсалеса было залито кровью и покрыто пылью. Тело графа взвалили на коня, но тут Гонсалес, к великому изумлению и радости своих солдат, очнулся и, невзирая на рану, повел кастильцев в бой. Воодушевленные рыцари смели наваррскую конницу. Очень скоро поле боя осталось за мужественным кастильским графом. Одержав победу, благородный герой приказал отправить на родину тело своего злейшего врага, короля Наваррского, со всеми необходимыми почестями.

Однажды Фернан Гонсалес прибыл ко двору своего сеньора, короля Леона Санчо Ордоньеса, верхом на великолепном арабском скакуне, держа на руке ловчего кречета. Королю так приглянулись эти благородные животные, что он попросил Гонсалеса продать их ему. Великодушный граф предложил королю взять коня и кречета даром, но шепетильный король Санчо, хотя и стесненный в тот момент в средствах, пожелал непременно купить их. Сеньор и вассал, сойдясь в цене, заключили между собой весьма любопытный договор: они установили точный срок платежа, причем за каждый просроченный день цена удваивалась. Завладев конем и кречетом, король Санчо и думать забыл о договоре, между тем как срок платежа прошел и долг начал возрастать в соответствии с правилами геометрической прогрессии, вылившись в конце концов в астрономическую сумму.

Супруга Санчо Ордоньеса, желая отомстить Гонсалесу за убийство своего, брата, короля наваррского, предложила графу в жены племянницу, донью Санчу, принцессу Наваррскую. Девушка, «прекрасная душой и телом», славилась по всей Испании, поэтому граф Гонсалес охотно согласился на этот брак и отправился в Наварру. Однако новый наваррский король, получив письмо от королевы Леоны, своей родственницы, повелел схватить жениха и заточить его в крепость Кастровьехо. Так благородный граф, не успевший стать мужем, сделался наваррским узником.

Инфанта донья Санча, полюбившая жениха с первого взгляда, тяжело страдала от разлуки с возлюбленным. Некий норманнский паломник, появившийся при дворе, убедил инфанту побороться за свою любовь. Ночью донья Санча освободила жениха из узилища. Влюбленные бежали в Кастилию, но внезапно наткнулись в лесу на похотливого монаха, прельстившегося красотой доньи Санчи. Мерзкий монах, угрожая выдать беглецов, нахально предложил красавице вступить с ним в связь в обмен на его молчание. Инфанта с возмущением отказалась от такой позорной сделки, и тогда дородный монах попытался силой овладеть ею. Граф Гонсалес, руки которого были скованы цепями, вступил в неравную схватку с негодяем, вооруженным длинным ножом. Безоружный скованный рыцарь ухитрился вырвать нож и заколоть монаха. Вскоре после этого подоспел отряд кастильцев, скакавших на выручку графа. В сопровождении верных рыцарей граф вместе с невестой приехал в Кастилию, и приключение завершилось веселой свадьбой.

Однако злключения благородного графа на этом не закончились. Через несколько месяцев после свадьбы у Гонсалеса произошел пограничный инцидент с королем Леоны Санчо Ордоньесом. Поскольку в территориальном споре никто не хотел уступать, леонская и кастильская армии сошлись для битвы на Каррионских лугах. В ссору короля и графа вмешались церковники, убедившие стороны заключить перемирие сроком на 15 дней. Битва так и не состоялась, а противники отбыли в свои владения. Некоторое время спустя Гонсалеса посетил леонский гонец, передавший, что король Санчо собирает кортесы, на которые должны прибыть все его вассалы, не исключая и кастильского графа.

Сообщение гонца повергло Фернана Гонсалеса в сильное смущение. Поездка в Леон представлялась весьма опасной из-за недавнего конфликта, но, с другой стороны, неявка на кортесы была бы расценена как измена. Последнее обстоятельство перетянуло, и граф, со-

творив молитву и перекрестившись, поехал туда, куда призывал его долг верного вассала. Стоило ему появиться при дворе короля Леона, как Гонсалеса немедленно арестовали и бросили в темницу. Так бывший наваррский узник стал леонским узником.

Графиня Санча, горячо любившая мужа, решила вызволить его и на этот раз. Отобрав 300 верных кастильских рыцарей и оруженосцев, она в сопровождении двух дуэний под защитой этой армии выступила из Бургоса в Леон. По приезде на место графиня приказала рыцарям укрыться в лесу, а сама вместе с дуэнями явилась на аудиенцию к королю Санчо. Бедная женщина горько плакала, умоляя позволить ей короткое свидание с мужем, и король, тронутый ее неподдельным горем, согласился на это. В тюрьме Санча убедила мужа переодеться в ее платье, накинуть на голову кружевную мантилью и выйти из темницы вместе с дуэнями, а сама заняла его место. Карательные не заметили подмены, и дуэни проводили графа в лес к его верным кастильцам, а затем вернулись обратно к тюрьме. Удивленные сторожа спросили, что еще нужно старым ведьмам, на что дуэни посоветовали им получше приглядеться к их узнику. Почуввав неладное, сторожа бросились в темницу и обнаружили в клетке «совсем не ту птичку».

Короля, уже проникшегося симпатией к молодой графине, восхитил отважный поступок любящей женщины. Растроганный король отпустил донью Санчу к мужу, велел передать Фернану Гонсалесу свое прощение. Однако вскоре от графа пришло письмо, повергшее короля в ужас: Фернан Гонсалес напоминал дону Санчо Ордоньесу о его долге за коня и кречета. Подсчитав, какие пени набежали за все это время и в какую конечную сумму все это вылилось, король в отчаянии схватился за голову: таких денег нельзя было сыскать не то что в его казне, но и во всех королевствах мира, вместе взятых.

Обстановку разрядило второе письмо Гонсалеса: хитроумный граф предлагал королю в счет погашения долга предоставить Кастилии независимость. И король Санчо, чтобы не покрыть свое имя несмыслаемым позором, был вынужден принять условие Гонсалеса. Так Кастилия обрела свободу и независимость.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

Кастильский герой Фернан Гонсалес, воспетый во многих романах, личность историческая. Сын Гонсало Фернандеса, графа де Бургос, Фернан был прославленным рыцарем, которого не могли одолеть

ни мавры, ни христиане. Вся его жизнь прошла в борьбе. Фернан Гонсалес успешно сражался со знаменитым Альмансором, с королем Наваррским, с графом Тулузским. Завоевав Кастилию, часть Астурии и некоторые другие земли, Гонсалес основал около 950 года графство Кастильское и, добившись его автономии от королевства Леон, сделал Кастилию наследственным владением. Впоследствии Кастилия стала сильнейшим из испанских королевств.

ГЛАВА 5

ИРАНСКИЕ ЛЕГЕНДАРНЫЕ ВИТЯЗИ

РУСТАМ ТАХАМТАН

Рустам по прозвищу Тахамтан («Мощнотелый») был сыном Заля, правителя Сеистана (области на востоке Ирана) и Рудабы. Имя героя объясняется так. Во время тяжелых родов, когда мальчик появился на свет, его мать Рудаба воскликнула: «Спасена я!» («Би-Растам»!) Так она и назвала сына. Мальчик, росший не по дням, а по часам, пошел в деда, великого богатыря Сама: уже к 9 годам Рустам обладал силой льва. Когда же герой возмужал, он приобрел такую мощь, что во время ходьбы под его могучими ногами дробились камни. Такая чудовищная сила стала в тягость самому витязю, и тогда он взмолился Йездану, заклиная всемогущего несколько уменьшить ее. Йездан внял его мольбе, оставив Рустаму лишь половину силы.

Великолепный поэт Фирдоуси, создатель замечательного эпоса «Шах-наме», так характеризует витязя:

Ты видел бы, как демоны и дивы,
Бегут, когда идет Рустам счастливый.
Кто ни искал с Рустамом поединка,
Растоптан был могучим, как былинка.
А пыль из-под копыт его коня,
Как туча, застилает солнце дня.
Ведь он владеет силой ста могучих,
Велик он, как утес, чье тело в тучах.
Когда душой он в битве разъярен,
Бегут пред ним и тигр, и лев, и слон.
Гора не устоит пред ним. Пустыня —
У ног его покорная рабыня.

От Рума по Китайский океан
Прославлен в мире воин Тахамтан.

Под стать Рустаму и его могучий конь Рахш («Гром»). В бою благородный конь сражается вместе с хозяином, откусывая врагам головы и разя их насмерть ударами копыт.

Рустам, живший 600 лет, совершил за свою сверхдлинную жизнь великое множество подвигов. Впервые юный витязь проявил себя, когда умер шах Ирана Гершасп. Исполняя наказ отца, юноша отправился на гору Албурз за потомком древних царей Кей-Кубадом. Утвержденный Рустамом на шахском престоле, Кей-Кубад стал основателем новой династии Кейанидов.

Кей-Кубаду наследовал Кей-Кавус. Этот вздорный властитель задал Рустаму немало работы. Однажды, вздумав покорить «страну дивов» Мазендеран (прикаспийскую область современного Ирана), Кей-Кавус угодил в плен к страшному колдуну Белому диву. Рустам, убив дива и разгромив мазендеранское войско, освободил шаха. Но Кей-Кавус вскоре вновь угодил в ловушку, посватавшись к прекрасной дочери правителя Хамаварана (Йемена), и Рустаму опять при-

Всадники. Фрагмент росписи из Педжикента. VIII в.

шлось выручать его. Неоднократно витязь спасал Кей-Кавуса от плена и смерти, но иранскому шаху были неведомы благодарность и признательность.

Много приключений выпало на долю Рустама: приходилось ему сражаться и с людьми, и со страшными дивами. Однажды пастух поведал шаху о чудесном золотом онагре с черной полосой от гривы до хвоста, пугающем шахские табуны, пасущиеся в степи. Рустам вызвался изловить странного зверя и, оседлав Рахша, отправился на розыски. Через три дня герой заметил онагр и погнался за ним, раскручивая над головой аркан. Но онагр исчез, а затем появился вновь. Тогда Рустам натянул тетиву лука, и онагр опять исчез. Витязь, понимая, что имеет дело с дивом, трое суток преследовал золотого онагра, пока не выбился из сил. Расседлав коня, герой прилег отдохнуть на пригорок и уснул. Наблюдавший за ним див тихо подкрался, подрыл под Рустамом пригорок и вместе с ним поднял витязя высоко над землей.

Оказавшись в руках Акван-дива, Рустам понял, что спасти его может только хитрость. Притворившись покорным своей судьбе, герой попросил дива сбросить его на скалы, а не в море, ибо утопленникам не дано попасть в рай. Как и ожидал Рустам, Акван-див, злобно рассмеявшись, поступил наоборот, низвергнув его в морскую пучину.

Вынырнув на поверхность, герой поплыл к берегу, распутивая мечом акул. Выбравшись на берег, Рустам обнаружил, что Рахш исчез: его конь убежал в табун кобылиц, пасшихся неподалеку. Рустам отправился по следам коня и увидел табун, принадлежавший Афросиабу, владыке Турана (Туркестана). Витязь заарканил Рахша, а затем, соблазнившись добычей, перебил пастухов и завладел табуном. Афросиаб выслал погоню за похитителем. Рустам осыпал стрелами туранскую дружину и, выхватив меч, зарубил 60 воинов, после чего остальные в великом страхе разбежались, оставив победителю несколько слонов, вышитые шатры и множество других трофеев. Погрузив все добро на слонов, Рустам направился в обратный путь, как вдруг перед ним вновь возник Акван-див. Но на сей раз герой был начеку и не дал врагу исчезнуть:

Метнул он свой аркан волосяной
И шею дива захлестнул петлей.
Поверг он сердце дива в смертный холод,
И палицей тяжелой, словно молот,

Аквана грянул он по голове
И мозг его разбрызгал по траве.

Рустам так рассказал шаху о борьбе с дивом:

Когда Акван онагром мне явился,
Я красоте онагра изумился.
Но ужаснулся б каждый человек,
Когда у дива шкуру я рассек.
Слоновья голова с косматой гривой...
Клыками пасть оскалилась у дива.
Глаза — железо, черногубый рот.
Взглянуть — от омерзенья дух займет.
Он был сильнее верблюда-исполина.
Вскипела кровью дива вся долина.
Я голову Аквану отрубил,
Кровавый ключ из жил его забил.

Шах щедро одарил Рустама за этот подвиг:

Дал десять чаш камней дорогих,
Парчовых пять кафтанов с плеч своих,
И в поясах золотых рабов румийских,
И в ценных ожерельях слуг индийских.
Корону бирюзовую и трон
Слоновой кости дал Рустаму он.

Однажды Рустам отправился на охоту в леса враждебного Турана. Настреляв онагров, богатырь прилег отдохнуть в тени и заснул. Пока он спал, семеро туранцев решили похитить Рахша. Это далось им нелегко: могучий конь откусил голову одному из похитителей, а двоих убил ударами копыт. Но остальным все же удалось заарканить и увести чудесного коня.

Проснувшись, Рустам пошел по следам Рахша, и они привели вятзя к Самангану (пограничной области между Ираном и Тураном, зависимой от Турана). Правитель Самангана радушно встретил славного героя и поклялся разыскать украденного коня. Ночью в покои Рустама проникла дочь правителя, прекрасная Тахмина, которая призналась герою в любви. Рустам и Тахмина провели вместе ночь, а наутро состоялась их свадьба. Тем временем сыскался и конь. Рустам стал собираться в дорогу: долг службы призывал его в Иран. Перед расставанием Тахмина открыла мужу, что она беременна. Тог-

да Рустам вручил ей талисман с просьбой передать его сыну: по нему отец сможет узнать сына, когда тот вырастет. Поцеловав на прощание опечаленную жену, Рустам вскочил на Рахша и уехал.

Родившийся у Тахмины сын Сухраб, унаследовавший мощь Рустама, стал богатырем уже в десять лет. Юноша ездил на коне, родившемся от Рахша и подобном ему. В 14 лет Сухраб, мечтавший о воинской славе, решил пойти походом на Иран, разбить Кавуса, отыскать отца и посадить его на иранский трон, а потом свергнуть Афросиаба и самому сделаться шахом Турана.

Афросиаб одобрил намерение юного богатыря и дал ему войско для завоевания Ирана. Шах навязал Сухрабу двух советников — Бармана и Хумана, которые должны были шпионить за ним. Афросиаб повелел шпионам сделать все, чтобы Рустам и Сухраб встретились в бою, но не узнали друг друга. При этом шах Турана рассуждал так: если в поединке погибнет Рустам, покорить Иран будет нетрудно; если же падет Сухраб, его отец, узнав, что собственноручно убил такого сына, сойдет с ума от горя. Таким образом, любой исход предстоящего поединка устраивал Афросиаба.

Сухраб осадил Белый замок — пограничную крепость на иранской земле. Шах Кавус, узнав о вторжении туранцев, немедленно послал воина Гива за Рустамом, гостившем тогда у родителей в Сеистане, наказав гонцу не терять в пути ни минуты. Однако Гив и Рустам три дня пировали в доме Заля, и лишь на четвертый день поскакали к шаху. Кавус содрогался от ярости: в гневе он повелел повесить обоих. Но Рустам, расшвыряв стражников как котят, осыпал Кавуса горькими упреками, напомнив шаху все, что он для него сделал, а затем повернулся и покинул дворец в большом раздражении. Поостыв от гнева, Кавус приказал гонцам вернуть Рустама. Гонцы, догнав витязя, бросились ему в ноги, умоляя героя вернуться во дворец, иначе разгневанный шах казнит их. Пожалев неповинных, Рустам вновь предстал перед шахом. Смирив гордыню, Кавус принес ему извинения, умоляя спасти страну от безжалостного врага. Сердце Рустама смягчилось; возглавив 100-тысячное войско, он подступил к захваченному Сухрабом Белому замку.

Рассказы воинов о необычайной силе туранского предводителя разожгли любопытство Рустама, и он решил во что бы то ни стало взглянуть на чудесного богатыря. Ночью витязь переделался в тюркскую одежду и тайком проник в замок, где пировали туранцы. Спрятавшись в темноте за колонной, Рустам с удивлением и восхищени-

ем наблюдал за Сухрабом, даже не подозревая, что видит собственного сына:

Огромен был Сухраб, как мощный слон,
Один он занимал просторный трон.
Подобны конским бедрам руки были,
Как кипарис он — в свежести и силе —
Сиял красой за царственным столом,
Прекрасен ликом, схож с могучим львом.

Один из приближенных Сухраба, Жандаразм, заметил Рустама и, подойдя к герою, грозно спросил, кто он такой. Не отвечая на вопрос, богатырь убил его одним ударом по шее и скрылся. В пиршественной зале поднялась тревога. Когда Сухрабу доложили о том, что иранский лазутчик убил Жандаразма, юный витязь поклялся жестоко отомстить врагам за его смерть.

Наутро Сухраб из амбразуры окна внимательно оглядывал иранское войско в надежде увидеть отца. Пленник Хаджир пояснял ему, где расположились лучшие витязи иранцев: в черном шатре, со слонем на стяге — Тус; в багровом шатре с голубым знаменем, украшенном львом, — Гударз; белоснежный шатер с изображением солнца на стяге — сына шаха, принца Фарибурза; желтый шатер с булавой и луной на знамени — Гураза. Однако когда Сухраб спросил, кому принадлежит изумрудный шатер и знамя с изображением дракона и львиной головы, Хаджир на секунду запнулся — то были знаки Рустама. Опасаясь за жизнь великого героя, пленник солгал, утверждая, что указанный шатер принадлежит послу из Чина (Китая).

Огорченный тем, что нигде не видно отца, Сухраб облачился в доспехи и повел туранцев на вылазку. Молодой витязь, сокрушая всех на своем пути, ворвался в лагерь иранцев и опрокинул шатер Квуса. Испуганный шах призвал на помощь Рустама.

Оседлав Рахша и вооружившись, Рустам вызвал Сухраба на поединок. Отец и сын не узнали друг друга. Они долго бились на копьях, мечах, палицах, стреляли из луков, наконец сошлись в рукопашной, но никто из них так и не смог взять верх. Обессилев, противники разошлись, условившись встретиться на следующий день.

Во время второго поединка молодой богатырь начал одолевать пожилого отца. Повергнув Рустама на землю, Сухраб уселся ему на грудь и приготовился поразить врага кинжалом. Но побежденный Рустам вновь спас свою жизнь с помощью хитрости. Он поведал юноше о древнем законе, согласно которому победителем может

считаться лишь тот, кто дважды одолеет соперника. Наивный и честный Сухраб поверил в эту сказку и отпустил хитрого врага. Противники вновь договорились встретиться в бою на следующий день.

После окончания этого поединка Рустам покинул лагерь и ушел в уединенное место. Там он горячо взмолился Йездану: герой просил всеблагого и всемогущего вернуть ему ту часть силы, которую Бог забрал у витязя по его же просьбе. Почувствовав прилив новых сил, Рустам успокоился и, возблагодарив всевышнего, возвратился в лагерь иранцев.

Наступило утро третьего поединка. Рустам, напрягая все силы, начал гнуть неподатливое тело грозного противника, и лишь с большим трудом повалил его на землю. Чувствуя, что не сможет его удержать, Рустам выхватил кинжал и поразил Сухраба в левый бок. Умиравший Сухраб проклял коварного убийцу, угрожая ему мстью Рустама. Похолодевший Рустам быстро расстегнул кольчугу сына и обнаружил на его груди свой медальон. Убедившись, что убил собственного сына, старый витязь лишился чувств. Когда Рустам пришел в себя, ему на ум пришла спасительная мысль: у шаха Кавуса есть чудесный бальзам, способный исцелить любую рану. Не теряя времени, Рустам отправил гонцов к шаху, умоляя сына не умирать до их возвращения. Однако посланцы вернулись с пустыми руками: шах Кавус, опасаясь, что Рустам и Сухраб могут объединиться и лишиться его трона, отказался дать целебный бальзам. Услышав ответ обескураженных гонцов, Рустам в ярости вскочил на коня, собираясь вытрясти из шаха душу, но добыть у него бальзам. Однако воины остановили его, сообщив о том, что его сын только что скончался.

Рустам едва не помешался от горя. Тахмина, узнав о смерти сына, выплакала все глаза и вскоре умерла. А старый витязь жил еще долго. Он пережил многих шахов, испытал множество приключений, совершил сотни удивительных подвигов, но никогда Рустаму не доводилось встречаться с таким опасным противником, как Исфандиар.

ИСФАНДИАР РУИНТАН

Исфандиар Руинтан («Меднотелый»), могучий сын иранского шаха Гуштаспа, отличался огромной силой, хитростью и непомерным честолюбием.

Однажды туранцы вторглись в Иран, разгромили иракское войско и принялись разорять страну. Туранский шах Арджасп отправил на родину многочисленные трофеи и пленных, среди которых находились и сестры Исфандиара. Ирану угрожала гибель. Гуштасп призвал сына, умоляя его спасти Иран и обещая в случае победы уступить трон Исфандиару. Это обещание окрылило молодого честолюбца; собрав и сплотив разрозненные, деморализованные поражением отряды, Исфандиар, укрепив дисциплину, начал действовать.

В решающей битве Арджасп был наголову разбит, а Исфандиар взял в плен туранского витязя Гургсара. После победы состоялся военный совет, на котором Исфандиар поклялся вторгнуться в Туран, чтобы отомстить Арджаспу и вызволить из плена сестер.

Исфандиар двинулся на Руиздиж — медностенный замок, в котором укрылся Арджасп с остатками войск. В этом походе Исфандиар использовал пленного Гургсара в качестве проводника. Тот сказал, что в Руиндиж есть три пути: первый — по богатым и орошенным долинам, длиной в три месяца; второй — по голодной и безводной степи, длиной в два месяца; третий путь длиной всего в неделю, но он самый страшный — на нем подстерегает множество опасностей. Гордый Исфандиар выбрал именно этот путь. Узнав, что первая опасность — два чудовищной величины волка (волк и волчица), Исфандиар остановил войско, а сам двинулся вперед один. Вскоре он увидел:

Иранские всадники. Средневековая миниатюра

Самца и самку, в гневе неумных,
Как два слона, могучих и огромных.
У них рога растут на лбах крутых.
Львы в ужасе бегут, завидя их.

Исфандиар не уstraшилcя чудовищных волков:

На лук могучий тетиву надел он,
Как кровожадный лев, на них взревел он. -
В двух Ахриманов ливень стрел пустил,
Смертельно их — без промаха разил.
От жал жестоких, застревавших в теле,
От ран глубоких волки ослабели...
Напал на них, отвагою кипящий,
И обнажил индийский меч блестящий;
И головы чудовищ отрубил,
Ручьем кровавым землю затопил.

Подоспевшие солдаты подивились подвигу богатыря. Привели Гургсара в цепях. Огорченный победой Исфандиара, пленник стал пугать его чудовищными львами, которые встретятся ему назавтра. Исфандиар же только смеялся. Наутро, оставив войско позади, герой поехал вперед один. Он въехал в долину, усеянную костями. Здесь витязь встретил огромных льва и львицу:

Разящий меч блеснул, самец упал,
И грива обагрилась, как коралл.
От черепа до задних лап могучих
Разрубленный — он пал в песках зыбучих.
Тогда рванулась в бой подруга льва,
И отлетела зверя голова,
Как мяч, от богатырского удара,
И кровь обрызгала Исфандиара.

На привале пленный Гургсар поведал, что завтрашняя беда затмит все прошедшие — предстоит встреча с огромным драконом. Гургсар посоветовал Исфандиару вернуться, но герой лишь рассмеялся и приказал позвать плотников:

Повозку приказал соорудить,
На ней мечи и копыя утвердить,

Сундук железный с крышкою добротной
К повозке той приколотили плотно.
Вот двух коней ретивых привели
И в тот возок диковинный впрягли.

На следующий день Исфандиар сел в сундук и погнал повозку вперед. Дракон не замедлил явиться:

Он поднялся, как черная скала,
И от него на солнце тень легла.
Кровавый взор горел безумьем гнева,
Дым вылетал из огненного зева.
И это страх, и это ужас был,
Когда он, как пещеру, пасть раскрыл...
Визжали кони, бились что есть сил.
Дракон коней могучих проглотил.
Он проглотил коней с повозкой вместе
И с сундуком, скрывавшим мужа части.
И тут мечи дракону в пасть впились,
И волны черной крови пролились.
Мечей из пасти изрыгнуть не мог он,
Теряя кровь, жестоко изнемог он.
И брюхом пал на землю он без сил.
Тут воин крышку сундука открыл,
Свод черепа дракону сокрушил он,
Мечом на волю выход прорубил он.

На очередном привале Гургсар, удрученный гибелью дракона, попытался напугать Исфандиара новой опасностью — ведьмой, владычицей тех мест, по имени Гуль:

Она сгубила сонмы ратных сил,
Но ей вреда никто не причинил.
Захочет — в море обратит пустыню,
Затмит над миром солнца благостыню.

Готовясь к очередному подвигу, Исфандиар взял сосуд с вином, золотой фиал и серебряструнный тамбур. Въехав в лес, он сел, купил вина и запел о любви, сопровождая себя на тамбуре. Привлеченная музыкой, из чаши вышла ведьма, принявшая образ прекрасной пери. Герой протянул ведьме чашу вина и тут же заарканил ее цепью:

Цепь из небесной стали, как аркан,
Стянул на шее ведьмы Руинтан...
Глядит — старуха мерзкая в цепях,
С лицом, как сажа, в белых седилах.
Мечом взмахнул он, ведьму обезглавил,
Траву и меч кабульский окровавил.

После боя Гургсар запугивал Исфандиара встречей с огромной птицей симург, которую в народе прозвали «летающей горой». На следующий подвиг Исфандиар опять отправился в утыканной мечами повозке с железным сундуком. Симург атаковал повозку:

Он к небу взмыл, как туча грозовая
Громадой крыльев солнце закрывая.
Как барс на олененка, скажешь ты,
Напал он на повозку с высоты.
и грудь Симурга те мечи пронзили,
И крови бурные ключи забили.
Изранил крылья исполин и стих,
Лишились мощи когти лап кривых...
Симург о те мечи себя изжалил,
Коней, сундук, повозку кровью залил.
Встал Руинтан, сидевший в сундуке,
Сверкающий булат в его руке.
С мечом на птицу дивную напал он,
И изрубил ее, и искромсал он.

Одолев симурга, Исфандиар вывел войско к высоким горам. Ночью разыгрался невиданной силы снежный буран, едва не погубивший солдат. Наутро иранцы подошли к широкой и полноводной реке. Исфандиар потребовал от Гургсара указать брод через реку, но обозленный его удачами пленник отказался, призывая смерть на голову витязя. Вспылив, Исфандиар выхватил меч и разрубил Гургсара от тмени до пояса.

С трудом отыскав брод, иранцы форсировали реку. С противоположного берега открылся вид на медностенный Руиндиж, возвышавшийся на высоком холме. Оглядев неприступные стены Руиндижа, Исфандиар понял, что штурмом город не взять.

Предводитель иранцев переоделся купцом и велел нагрузить сотню верблюдов разными товарами. В сундуки, навьюченные на вер-

блюдов, спрятались 140 лучших бойцов; еще 20 воинов изображали рабов-погонщиков. Передав командование остальными солдатами воеводе Пшутану, Исфандиар приказал ему напасть на замок, когда лазутчики подадут знак огнем или дымом.

Лже-купец с караваном вошел в город. Исфандиар принес шаху богатые дары, и тот милостиво разрешил ему торговать на дворцовой площади. На следующий день «купец» явился к Арджаспу с предложением устроить грандиозный пир на свои деньги. Шах, конечно, охотно согласился на такое щедрое предложение. На стены замка воины притащили дрова, развели огонь и принялись жарить ягнят, онагров и прочую живность. Началось пиршество и веселье во всем замке.

Тем временем воевода Пшутан, заметив условный сигнал, двинул иранское войско к крепости. Опешившие от неожиданности туранцы скоро пришли в себя и выступили навстречу врагу. У стен крепости завязалась битва.

Воспользовавшись тем, что все внимание туранцев было приковано к сражающимся, Исфандиар быстро поделил 160 лазутчиков на четыре отряда: первый отряд он послал на площадь — убивать всех подряд и сеять панику; второй — на захват ворот, третий — на стены, истреблять лучников, а с четвертым ворвался во дворец. С мечом в руке Исфандиар бежал по коридору дворца, когда из дверей спальни выскочил вооруженный Арджасп. Герой яростно изранил его, а затем обезглавил. Найдя сестер, Исфандиар велел им спрятаться в его ставке на площади, а сам поспешил к воротам.

Теснимые врагом, туранцы начали отходить к воротам Руиндижа, но здесь их встретили лазутчики Исфандиара. Чтобы довершить панику, в туранцев со стены метнули голову Арджаспа. Однако командование гарнизоном взял на себя сын шаха, Кахдам. Он воодушевил растерявшихся было воинов, и битва закипела с новой силой. Торопясь сломить сопротивление, Исфандиар вскочил в седло, сблизился с Кахрамом и, ухватив его за пояс, сбросил на землю. Лазутчики, захватившие ворота, тут же его связали.

Когда город был взят, Исфандиар учинил жестокую расправу. Он приказал перебить всех туранских воинов, а двух сыновей Арджаспа повесить на виселице за ноги.

Так мстил Исфандиар за беды, причиненные Ирану.

РУСТАМИ И ИСФАНДИАР

Завершив победоносный поход, Исфандиар потребовал у отца обещанную корону, но Гуштасп выдвинул еще одно условие: царевич должен доставить во дворец скованного по рукам и ногам Рустама. Требование Гуштаспа было ужасно несправедливым, поскольку Рустам всегда верой и правдой служил шахам Ирана. Понимая это, честолюбивый Исфандиар тем не менее поклялся выполнить условие шаха. Гуштасп же надеялся на то, что Рустам убьет Исфандиара; коварный владыка предпочитал лишиться сына, но сохранить корону.

Рустам отказался дать себя заковать, ведь от этого пострадала бы его рыцарская честь. В то же время витязь не желал зла и Исфандиару, известному герою. Рустам предлагал принцу решить спор полюбовно, но надменный Исфандиар был неумолим, требуя выбирать: кандалы или поединок. Славному Тахамтану ничего не оставалось, как принять бой.

В назначенный день Рустам и Исфандиар прибыли на майдан с отрядами своих родичей и вассалов, но оставили их в стороне, запретив вмешиваться в поединок. Поединщики долго бились на копьях, мечах и булавах, изломав в конце концов все оружие. Потом они схватились в рукопашную, но ни тот ни другой не мог вырвать противника из седла.

Тем временем Завара, брат Рустама, напал на отряд родичей Исфандиара. В завязавшейся схватке погибли два сына царевича, Нушазар и Михринуш. Когда принцу сообщили об этом, он принялся осыпать Рустама горькими упреками. Витязь возражал, что случившееся произошло против его воли, и даже обещал выдать виновных, но разъяренный Исфандиар не желал и слушать никаких оправданий. Прерванный поединок возобновился. Схватив громадный лук, Исфандиар изрешетил стрелами и Рустама, и Рахша, в то время как ни одна стрела Рустама не смогла пробить его кольчуги. Чувствуя, что истекает кровью, Рустам под предлогом наступающей ночи предложил отложить поединок, а наутро сойтись вновь. Исфандиар, злобно насмехаясь над раненым витязем, согласился прервать бой до утра.

Заль пришел в отчаяние, увидев многочисленные кровоточащие раны сына — Рустам был на пороге смерти. Оставалось одно-единственное средство спасти Рустама. Заль посвятил домочадцев в тайну первых лет своей жизни. Когда мать родила Залья, его отец Сам пришел в ужас: ребенок родился совершенно седым. Сам решил, что

жена родила дива, и повелел слугам увезти уродца подальше от дома и убить его. Однако слуги не посмели взять такой грех на свою душу и оставили младенца на камне в гористой долине. Ребенка подобрала громадная птица симург и отнесла его в свое гнездо. Симург вскормил мальчика вместе со своими птенцами, а когда Заль вырос, подарил ему на прощание свое перо. С помощью этого пера можно призвать симурга на помощь в случае большой беды. Теперь такой черный день настал.

Заль вместе с домочадцами поднялся на холм и развел огонь, опая на нем перо чудесной птицы. Симург тотчас явился, и Заль попросил его спасти умирающего сына. Длинным клювом симург вытащил из тела Рустама 160 наконечников стрел, потом коснулся его крыльями, и герой чудесным образом исцелился. Затем ту же операцию симург проделал и с Рахшем.

Исцелив коня и всадника, чудесная птица повелела Рустаму оседлать Рахша и следовать за ней. Симург сопровождал витязя к морю Чина

Конный воин. Изображение на фаянсовом блюде

и указал ему древо вяз, растущее в топях ядовитых вод, а затем посоветовал Рустаму сделать из этого дерева стрелу с раздвоенным жалом-наконечником. Стрела из вяза обеспечит ему победу в поединке, пояснил симург и исчез.

Наутро Рустам, не желавший убивать сына шаха, предложил покончить с враждой, но Исфандиар упрямо стоял на своем: кандалы или поединок. Не имея другого выхода, Рустам с тяжелым сердцем натянул тетиву лука и выпустил стрелу из гяза. Раздвоенный наконечник стрелы выбил Исфандиару оба глаза. Умирая, Исфандиар раскаялся в том, что, послушавшись злобного шаха, бился за неправое дело, и попросил Рустама взять на воспитание своего младшего сына.

Исфандиару устроили пышные похороны:

Табут железный тут соорудили,
Китайским шелком дорогим покрыли.
И был пропитан амброй и смолой
Исфандиара саван гробовой.
Покровы сшили из парчовой ткани.
Рыданья не смолкали в ратном стане.
Рустам царя парчою облачил,
На голову корону возложил.

Гроб погрузили на верблюда, а рядом вели боевого коня павшего воина, по обычаю — с перевернутым седлом, с отрезанными хвостом и гривой.

Родня, вельможи, воины и народ — все, горько оплакивая смерть героя, возненавидели вероломного шаха Гуштаспа, пославшего собственного сына на верную гибель.

РУСТАМ (ОКОНЧАНИЕ)

От придворной певицы у Заля родился прекрасный мальчик, которого нарекли Шагадом. По обычаю, отец отнес новорожденного к мобедам (астрологам), и мудрецы предрекли Шагаду страшную судьбу: он погубит род Нейрама. Напуганный зловещим пророчеством, Заль отправил младенца как можно дальше — ко двору кабульского царя. Царь, полюбив Шагада, вырастил его как собственного сына, а когда мальчик возмужал, женил на своей дочери.

Кабульский царь, издавна плативший дань Рустаму, мечтал освободиться от этого ига. Шагад подстрекал тестя, говоря: как может

Рустам брать дань с него, своего брата? Вдвоем они задумали погубить Рустама, для чего измыслили хитроумный план.

Как-то раз во время пира Шагад расхвастался своим происхождением и стал унижать царя на виду у его вассалов. Притворно разгневавшись, царь изгнал неблагодарного из страны. Шагад поехал с жалобой к Рустаму, а кабульский царь тем временем приготовил на поле возле своей столицы множество тщательно замаскированных ям-ловушек с мечами и копьями на дне.

Разгневанный Рустам с братом Заварой и несколькими воинами отправился наказать кабульского царя. Предатель Шагад привел его на поле с ямами-ловушками. Умный Рахш почуял свежеразрытую землю и остановился, но Рустам в нетерпении хлестнул его плетью. Конь прыгнул и провалился в яму вместе с седоком. Острия мечей пронзили бедра и грудь Рустама и вспороли живот Рахшу. Все воины Рустама, поспешившие ему на помощь, тоже провалились и погибли в соседних ямах.

Смертельно раненный витязь прекрасно понял, кто его погубил; впрочем, Шагад, стоявший на краю ямы, даже не скрывал торжествующей улыбки. Рустам попросил брата о последнем одолжении: бро-

Знатный воин со свитой. Сцена из Шах-Наме

сильно ему лук и стрелы, чтобы львы не сожрали его, пока он еще жив. Шагад бездумно исполнил просьбу Рустама, и тут же пожалел об этом. Отпрыгнув назад, предатель укрылся за дуплистой чинарой, но стрела Рустама навеки пришила его к дереву.

Сын Рустама, Фарамарз, жестоко отомстил кабульскому царю за смерть отца и брата. Захватив Кабул, Фарамарз повелел повесить царя вниз головой над ямой, а с его сыновей и всех родственников заживо содрали кожу.

Тела Рустама и Рахша извлекли из ямы. Павшего героя, а также его верного друга — коня, похоронили со всевозможной торжественностью и пышностью.

ГЛАВА 6

РУССКИЕ БЫЛИННЫЕ БОГАТЫРИ

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Илья Муромец самый популярный из русских богатырей. Горячий патриот своей родины, бескорыстный защитник всех обиженных и обездоленных, человек честный, умеющий постоять за свое достоинство — все эти качества роднят его с лучшими западноевропейскими рыцарями. Русский народ высоко ценил былинного богатыря Илью Муромца, отзываясь о нем с большой любовью:

Как одно-то на небе красно солнышко,
А один-то на Руси Илья Муромец!

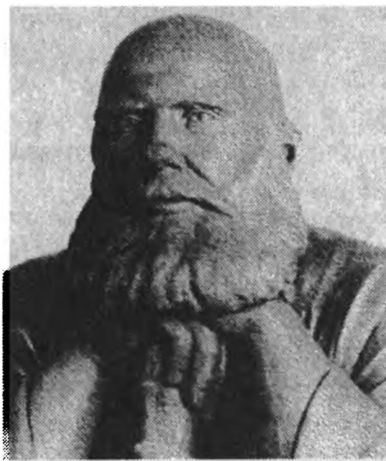
Илья, крестьянский сын из села Карачарово, что под Муромом, до 30 лет лежал парализованный на печи, не владея ни руками, ни ногами. Но однажды к нему в дом зашли калики перехожие (странники-богомольцы) и напоили его чудесным медовым напитком, мгновенно исцелившим увечного. Почувствовал в себе Илья великую силу. Выйдя на земельный участок, где трудились его родители, богатырь повыворачивал все дубовые пни и покидал их в реку, к великому изумлению отца и матери. Рассказав им о своем чудесном исцелении, Илья Муромец попросил родителей отпустить его в Киев, к князю Владимиру. Мать благословила сына в дорогу, наставляя его добрыми советами: не убивать людей понапрасну, не бесчестить молодых девушек, защищать всех обиженных и угнетенных.

Распрошавшись с отцом и матерью, Илья вскочил на Бурку (бурого коня) и отправился навстречу приключениям. Первая встреча произошла у него со злым Святогором — богатырем колоссального роста. Ссора между Ильей и Святогором вспыхнула из-за жены последнего, которой приглянулся добрый молодец Илья. Приревновавший Святогор напал на него, но Илья убил великана и завладел его мечом-кладенцом. Проведя ночь с прекрасной легкомысленной вдовой в шатре Святогора, Илья наутро покинул ее, оставив на память о себе золотой перстень.

Дальнейший путь богатыря пролегал через Чернигов, откуда до Киева оставалось 120 верст. Подъезжая к Чернигову, Илья увидел, что город осажден печенегами. Он легко разогнал врагов, и благодарные люди предложили Илье остаться у них воеводой. Поблагодарив за честь, богатырь отказался, добавив, что едет в Киев наниматься в дружину князя Владимира. Черниговцы посоветовали ему свернуть с прямоезжей дороги, так как у Черной Гязи и Леванидова Креста путников подстерегает страшный Соловей-разбойник. Но отважный герой поехал напрямик через дремучие брянские леса и Гязи Смоленские.

Завидя богатыря, Соловей-разбойник страшно засвистел, и Бурка стал спотыкаться. Обругав коня, Илья натянул лук и выбил Соловью правый глаз. Приторочив связанного разбойника к седлу, богатырь привез его в Киев.

Войдя в княжеские палаты, Илья учтиво поклонился сначала князю Владимиру, потом — его боярам. Владимир стал расспрашивать

Илья Муромец. Реконструкция облика

героя, кто он и откуда, и какой дорогой приехал в Киев. Когда Илья ответил, что приехал прямоезжей дорогой, князь не поверил ему и обозвал лжецом. Чтобы доказать свою правоту, витязь предложил князю с боярами выйти на двор и полюбоваться на плененного Соловья-разбойника. Однако князь, все еще сомневавшийся, тот ли это Соловей-разбойник, повелел пленнику засвистеть. Соловей сначала потребовал полтора ведра зелена вина (хлебной водки), чтобы промочить горло, а потом засвистел так, что во всех окнах стекла повывлетали, маковки на тереме покосились и люди на дворе попадали замертво. Перепуганный князь попросил богатыря отвезти Соловья-разбойника подальше в чистое поле и срубить ему голову.

Удостоверившись в силе и храбрости Ильи Муромца, князь Владимир определил его в свою дружину, назначив старшим воеводой. Под начало Ильи поступили знаменитые богатыри: Добрыня Никитич, Алеша Попович, Дунай Иванович, Самсон Сильный, Чурило Пленкович, Ванька Заолешанин и Пересмяка.

Илья Муромец выбрал оружие по своему вкусу. Вооружение его составили: копьё, лук, булава весом в 90 пудов, шлем в 12 пудов, кольчуга и щит. По углам конской попоны Ильи, как и прочие дружинники, нашёл светящиеся в темноте яхонты. По ним богатыри узнавали друг друга во время ночного патрулирования.

Князь Владимир направил дружину на далекую заставу — оберегать южнорусские рубежи. На заставу повадился наезжать дерзкий молодой Сокольник (охотившийся в степи с соколами), насмеявшийся над богатырями. Илья Муромец вызвал дерзкого юнца на бой, но Сокольник только усмехался: куда, мол, тебе, седому старику, со мной тягаться? Встретились они в поединке и долго бились. У Ильи сломались копьё и меч, но богатырь схватил тяжелую палицу и сбил врага с коня, а Бурка притиснул его копытами к земле. Хотел было Илья размоzzжить Сокольнику голову, да одумался: по перстню на пальце узнал он в нем своего сына.

Поднял богатырь с земли Сокольника и поцеловал, а тот повинился перед отцом. Илья отвел сына в свой шатер, накормил, напоил и спать уложил. Когда же сам богатырь заснул, злобный Сокольник подумал: «Ну погоди же, седой волк!» Подкрался он к спящему и ударил отца кинжалом. Однако кинжал сломался, не пробив кольчуги, а Илья убил негодного сына.

Как-то раз Калин-царь татарский обложил Киев, а дружина, обиженная князем, отказалась идти в бой, расположившись по шатрам. Илья Муромец в одиночку бросился на врага, но его конь провалил-

ся в подкоп. Богатырь упал и был связан. Татары привели его к хану. Калн-царь, желая переманить богатыря на свою сторону, приказал развязать Илью и усадить его за свой стол. Предложение Калина изменить родине разгневало богатыря-патриота. Будучи безоружным, он ухватил за ноги одного татарина и принялся лупить им остальных. Свистом призвал Илья Бурку, вскочил на коня и ускакал, прихватив по дороге лук со стрелами. Заехав на пригорок, он выстрелил из лука в сторону шатров русских воинов. Пала стрела на грудь Самсону Сильному. Самсон поднял всех богатырей и поспешил на подмогу Илье Муромцу. Вместе они быстро управились с врагами, а связанного Калина доставили в терем к князю. Калин поклялся платить Владимиру вечную дань, и князь отпустил его.

Памятуя матушкин наказ, Илья Муромец помогал всем людям, попавшим в беду. Однажды повстречал он на большой дороге странника — силача Иванище, бредущего с клюкой в 40 пудов весом. Иванище рассказал Илье, как ходил он в Иерусалим на богомолье, но земли те захватили поганые татары, которые сожгли иконы и осквернили церкви, а теперь требуют дани с греческого царя Константина. Богатырь упрекнул Иванище: что ж ты, дескать, такой могучий, а царя не выручил! Обменялся Илья с Иванищем одеждой и в образе паломника прибыл в Иерусалим. Идолище поганое, захвативший город, призвал странника в палаты и принялся расспрашивать его об Илье Муромце.

Громадный Идолище, имевший голову размером с медный котел, а глаза, как пивные кружки, расхвастался. Будь здесь сейчас Илья, говорил исполин, я б его на одну ладонь положил, другой прихлопнул, а после блин, что от него останется, выкинул бы в чистое поле. Похвалялся Идолище, как много он может съесть за один присест, на что богатырь ему заметил: была, мол, у нас в деревне корова обжористая, так она и треснула, и тебе, поганому, то же будет. Такая шутка пришлась Идолищу не по вкусу. Разозлившись, метнул он в Илью кинжал, но богатырь ловко увернулся, и вонзился кинжал в дубовую дверь с такой силой, что сорвавшаяся с петель дверь убила в коридоре 12 татар. А Илья хватил Идолище по башке 40-пудовой клюкой, а потом, схватив гиганта за ноги, принялся дубасить им татар и за три часа перебил их всех до единого.

Царь Константин поблагодарил Илью Муромца за избавление от поганых и предложил ему остаться у него воеводой, но патриот земли русской отверг такое выгодное предложение. Тогда царь наградил его богатыми дарами:

Насыпал ему чашу красна золота,
А другую-то чашу скатна жемчуга,
Третью еще — чиста серебра.

Дары Илья с благодарностью принял, приговаривая: «Это ведь мое заработанное!»

Илья был уже старым — 350 лет не шутка! Ехал он как-то раз и увидел на перекрестке трех дорог белый Горюч-камень (могильный камень), а на нем такую надпись:

«По левой дороге поедешь — убиту быть; по правой поедешь — женату быть; по средней поедешь — богату быть!»

Призадумался Илья Муромец: «Зачем мне, старому, жениться? А богатства у меня и так хватает — и жемчуга, и злата-серебра!» И свернул Илья на левую дорогу. Привела его дорога в темный лес, где на него напали 500 разбойников. Но богатырь и меча обнажать не стал, всех разбойников шапкой побил: куда махнет — там улица, отмахнется — переулочек. Истребив разбойников, Илья вернулся к камню и исправил надпись: «Эта дорожка мною прочищена!» Затем, любопытства ради, направил он коня по правой дороге. Через какое-то время подъехал богатырь к высокому терему, а навстречу ему вышла прекрасная королевна с 12 девушками. Королевна отвела Илью в свой терем, накормила-напоила, и захотелось ему спать. Проводила хозяйка богатыря в спальню и указала ему кровать. Только взяло опытного Илью сомнение: швырнул он королевну на подложную кровать, и провалилась она в тот же миг в глубокий погреб. Зайдя со двора, Илья Муромец сломал замок к открыл погреб, в котором томились пленники: 40 царевичей и королевичей. Освободив пленников, богатырь отрубил голову коварной королевне.

Вновь воротившись к Горюч-камню, Илья исправил и вторую надпись, а затем поскакал по средней дороге и нашел клад. Но не взял себе витязь сокровищ: весь клад пожертвовал он на строительство церкви.

Отношения с князем Владимиром у Ильи Муромца всегда были натянутыми. Князь презирал его как низкорожденного простолюдина, часто «забывал» пригласить на пир. Зато когда приходили враги, Владимир вспоминал о богатыре и просил его о помощи. Беседуя с царем Константином, Илья Муромец поведал ему о черной неблагодарности киевского князя: «Служил у него 30 лет, а не выслужил ни хлеба-соли, ни слова приветливого».

Однажды, прогневавшись за какой-то пустяк, князь Владимир заточил Илью в глубокий погреб, и если бы не добрая княжна, при-

носившая ему пищу и одеяла, погиб бы богатырь от голода и холода. Когда же напали поганые татары, неблагодарный князь поспешил освободить Илью. Выходя из погребца, герой сказал:

Я иду служить за веру христианскую,
И за землю российскую,
Да и за стольный Киев-град,
За вдов, за сирот, за бедных людей...
А для собаки-то князя Владимира
Да не вышел бы я вон из погребца.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

Илья Муромец, по всей вероятности, личность историческая. Жил когда-то под Муромом крестьянин, прославившийся огромной физической силой и богатырскими подвигами, воспетыми позднее в былинах.

Все былины указывают на село Карачарово под Муромом как на родину богатыря. Муромчане издавна гордились своим славным земляком, увековечив его имя в местных названиях. До XVI века в Муроме была Ильинская улица, Богатырева гора и Скокова гора, откуда богатырь поскакал на свершение подвигов. Тогда же один иностранец, побывавший в Киеве, сообщал о том, что «в соборе Св. Софии находится гробница Ильи Муромца — знаменитого героя или богатыря, о котором рассказывают много басен». Эта гробница сохранилась до наших времен в Киево-Печерской лавре. Русская православная церковь, канонизировавшая Илью Муромца, отмечает его память 19 декабря.

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ

Добрыня Никитич, пожалуй, единственный из всех былинных богатырей, чье реальное существование не вызывает никаких сомнений, поскольку его прообразом явился дядя князя Владимира, брат Малуши, ключницы княгини Ольги.

Былинный Добрыня — верный товарищ Ильи Муромца, его правая рука. Свои победы Добрыня одерживает не столько благодаря силе, сколько за счет многосторонней одаренности: он лучше всех стреляет из лука, чудесно играет на гуслях, легко обыгрывает всех противников в шахматы. Эти разносторонние способности Добрыни раскрываются, например, в следующей былине.

Однажды князь Владимир отправил Добрыню и Василия Казимировича с данью к хану Ботияну. Зная, что хан азартный игрок, Добрыня предложил ему партию в шахматы. Хан поставил на кон привезенные богатырями деньги, а Добрыня — своего боевого коня. Первую партию богатырь нарочно проиграл, дабы раззадорить противника. Во второй игре Добрыня заложил свою голову и, поставив хану мат, отыграл коня. В третьей партии он выиграл все деньги. Тогда хан, не желая отдавать золото, предложил другой вид состязаний: стрелять из лука в кольцо. Но Добрыня и тут взял над ним верх. После этого раздосадованный хан заставил его бороться со своими богатырями, а когда Добрыня победил их всех по одиночке, они накинулись на него всем скопом. Тут витязю пришлось туго, но на выручку Добрыне пришел товарищ: выхватив тележную ось, Василий Казимирович принялся охаживать ею печенегов. Вдвоем богатыри одолели всех врагов, и хану пришлось отпустить их на Русь со всеми выигранными деньгами.

В другой раз Добрыня вступил в схватку с драконом о 12 хвостах, похищавшем русских людей. Одолев дракона в тяжелом бою, богатырь освободил всех пленников, и в их числе — Забаву Путятичну, племянницу князя Владимира.

Добрыня Никитич. С картины В.М.Васнецова. 1898 г.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

Исторический Добрыня Никитич (Нискитич) был воспитателем и воеводой князя Владимира, а впоследствии — посадником Новгорода Великого. В русских летописях имя Добрыни фигурирует довольно часто. Так, в 970 году Добрыня помог племяннику Владимиру утвердиться в Новгороде. Он посоветовал новгородцам просить себе на княжение Владимира, и те вняли его совету, как можно судить по этому отрывку из «Повести временных лет»:

«Сказал Добрыня (Новгородцам): «Просите Владимира себе»... И сказали Новгородцы Святославу: «Дай нам Владимира»; тот же отвечал им: «Вот он вам». И взяли Новгородцы Владимира к себе. И пошел Владимир с Добрынею, дядей своим, к Новгороду...»

Важную роль сыграл Добрыня и во время сватовства Владимира к полоцкой княжне Рогнеде, имевшего место в 980 году. «Повесть временных лет» свидетельствует:

«Послал (Владимир) к Рогволоду в Полоцк с такими словами: «Хочу дочь твою поять себе в жены». Тот же спросил у дочери: «Хочешь ли за Владимира?» Она же отвечала: «Не хочу.. робичича (сына рабыни), но Ярополка хочу». (Ярополк — великий князь киевский.) «И вернулись отроки Владимировы, и поведали ему всю речь Рогнедину».

Оскорбленный и разгневанный презрительным ответом гордячки, Владимир призвал Добрыню с дружиной и осадил Полоцк. Если верить Лаврентьевской летописи, дядя и племянник жестоко отомстили за оскорбление:

«Идоша на Полоцк и победили Рогволода. Рогволод же вбежал в город. И приступили к городу, и взяли город... И поносил Добрыня Рогволода и дочь его, и нарек ее робичицей, и повелел Владимиру быть с нею пред отцом и матерью» (т. е. изнасиловать Рогнеду на глазах у родителей). После этого Добрыня убил Рогволода, его жену и двух сыновей, а Рогнеду отдал Владимиру в качестве наложницы, назвав ее Гориславой.

Подобные жестокие и недостойные деяния Добрыни нашли свое отражение лишь в летописях, но никак не в былинах, куда они никоим образом не укладывались по соображениям нравственного порядка.

В качестве воеводы Владимира Добрыня участвовал во всех войнах и походах князя. Под 985 годом летописец рассказывает о походе киевской дружины на камских болгар:

«В лето 6493 (985) пошел Владимир на болгар в ладьях с дядею своим Добрынею, а тороков (союзных степняков) привел берегом на конях и победил болгар. Сказал Добрыня Владимиру: «Осмотрел пленных колодников: все они в сапогах. Этим дани нам не давать, пойдем, поищем себе лапотников». И заключил Владимир мир с болгарами, и клятвы дали друг другу, и сказали болгары: «Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель — тонуть».

Из вышеприведенного отрывка видно, как доверял князь Владимир мнению многоопытного Добрыни. Когда Владимир вводил на Руси христианство, князь-креститель направил Добрыню и воеводу Путятю крестить Новгород. Однако новгородцы решили на вече не впускать Добрыню в город. Они разобрали мост через Волхов и выкатили к берегу два порока с большим запасом камней. Переправившись через реку на ладьях, Путятя ворвался в город и вступил в жестокую сечу с горожанами. По приказу Добрыни воины подожгли дома новгородцев, и напуганные люди бросились тушить пожар, а битва на том завершилась победой воевод Владимира. Вот как повествует Иоакимовская летопись о дальнейших событиях:

«Добрыня же, собрав воинов, прекратил грабежи и вскоре идолов сокрушил: деревянных сожгли, а каменных, изломав, в реку бросили; и была нечестивым печаль великая. Муж и жены, видя это, с плачем великим и слезами просили за них, словно за настоящих богов своих. Добрыня же, насмехаясь, отвечал им: «Что, безумные, сожалеете о тех, которые сами себя защитить не могут? Какую пользу от них ожидаете?» И послал повсюду объявить, чтобы шли к крещению. И многие пошли, а тех, кто не хотел креститься, воины потащили. И крестили мужчин выше моста, а женщин ниже моста... Оттого люди насмеваются над новгородцами: Путятя крестил мечом, а Добрыня огнем».

Вот таким предстает Добрыня на страницах летописей, что никак не вяжется с идеальным образом былинного Добрыни Никитича. Впрочем, то же касается и других героев эпосов, былин и легенд: их реальный образ разительно отличается от романтического идеала, созданного древними поэтами и певцами.

АЛЕША ПОПОВИЧ

Алеша Попович, третий по значению русский богатырь, «меньшой брат» Ильи Муромца и Добрыни Никитича, хотя и не так силен,

как они, зато храбр до безрассудства, беззаботен и жизнерадостен. Весельчак Алеша любил подшучивать над людьми, высмеивая их пороки. Когда к спесивому боярину приходили челобитчики, шутник срывал с него шапку, силой нагибал ему голову, и боярин против воли кланялся удивленным просителям. Клеветников и льстецов Алеша терпеть не мог. Услышав из их уст гадкие или льстивые речи, он тотчас толкал подлецов под бороду так, что они до крови прикусывали язык. Врагов Алеша Попович побеждал не столько силой, сколько хитростью и отвагой. Это утверждение легко проиллюстрировать следующим рассказом, взятым из былины о нем.

Странствуя по белу свету, Алеша Попович оказался однажды во владениях аланского царя. Застав царя в самой горькой печали, богатырь осведомился о ее причине. Тот поведал о смертельной угрозе, нависшей над ним и его народом; некий богатырь гигантского роста, по имени Ареканох, явился к его столице с девятью великанами и, побив войско царя, чинил ему страшное зло. Алеша беззаботно заявил, что в одиночку разделается со всеми великанами, чем несказанно удивил царя, ведь на вид русский воин был вовсе не богатырского телосложения.

Алеша Попович. С картины В.М.Васнецова. 1898 г.

В полночь Алеша прокрался во вражеский стан, расположенный неподалеку от города. В центре лагеря возвышался золотой шатер самого Ареканоха, а по всем четырем сторонам от шатра, прямо на земле, храпели по два великана. Девятый, тот, которому не было пары, устроился «валетом» с теми двумя, что лежали с западной стороны. Ему, по-видимому, было поручено сторожить коня предводителя, привязанного неподалеку от шатра.

Осмотрев диспозицию и убедившись в том, что великаны спят крепко, Алеша начал действовать. Первым делом он осторожно приблизился к коню, ласково погладил его и насыпал в ясли пшеницы, размоченной в медовой сыте. Пока конь с аппетитом угощался, Алеша подвязал ему под хвост пук крапивы и репейника, а затем наполовину подрезал подпруги у седла. Оставив коня, богатырь обошел всех великанов, спавших попарно, и крепко связал их волосы друг с другом. Девятому, которому не было пары, Алеша тихонько надел на шею веревочную петлю, привязав конец веревки к ноге соседа напротив. Вслед за этим он набрал полные кармана камней и затеял потеху, благо темная безлунная ночь ему способствовала.

Шутник начал с западной стороны, где лежали три великана. Пребольно чиркнув ножом по носу того, кто лежал в паре справа, Алеша добился отменного результата: засучив от боли ногами, великан мигом удавил бедолагу с петлей на шее и, попытавшись вскочить, взвыл, ибо ему показалось, что сосед сильно дернул его за волосы. Съездив соседу кулаком по зубам, страдалец не замедлил получить сдачи, и началось! Быстро обежав вокруг шатра, Алеша проделал ту же операцию со всеми прочими великанами, чем вызвал яростную всеобщую драку. А чтобы противники не помирились, принялся швырять им в голову камни.

Через некоторое время Ареканох, разбуженный шумом, выскочил из шатра и увидел кошмарную картину: большинство из его воинов были мертвы. Один перегрыз соседу горло, другой размозжил товарищу голову и т.д. Те же из великанов, что еще оставались в живых, уже никуда не годились, такие тяжкие раны и увечья они получили. Недоумевая, кто мог сотворить все это, Ареканох с обнаженным мечом обежал вокруг шатра, но Алеши уже и след простыл.

Наутро хитроумный богатырь оседлал коня и выехал в чистое поле, вызывая Ареканоха на бой. Алеша называл его толстой жабой, жареной кобылой и другими столь поносными словами, что великан, рассвирепев, поскакал на врага, рассчитывая прихлопнуть неказистого богатыря как комара. Не тут-то было! Конь Ареканоха, едва переидя вскачь, почувствовал под хвостом жжение крапивы и уколы

репейника. Бедное животное взвилось на дыбы, а затем начало неистово лягать задом и передом. Разъяренный Ареканох, с трудом удерживаясь в седле, полосовал его плеткой что есть духу, чем еще усугубил свое положение: прыжки и кульбиты его коня становились все отменнее. Алеша, заехав с тылу, принял участие в этой забаве, покалывая пикой в зад то коня, то всадника. Аланский царь и его воины, наблюдавшие со стены это родеё, хохотали до упаду. Трудно было удержаться от смеха, глядя, как конь Ареканоха визжал, брыкался и лягался. Наконец, во время особенно отчаянного его прыжка, подпруга у седла лопнула, и Ареканох, перелетев через голову коня, с грохотом отбил себе зад, после чего довольному шуткой Алеше оставалось только связать обескураженного, оконфуженного гиганта.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

Отыскать исторический прообраз былинного Алеши Поповича очень нелегко. И дело тут не в отсутствии сведений о нем, а как раз наоборот! Древние русские летописи довольно часто упоминают о нем, но, если верить летописцам, получается, что этот богатырь действовал и в самом начале XI века, и в самом конце XI века, и даже в XIII веке! Выходит, либо Алеша Попович прожил не менее 250 лет, либо речь идет о трех разных людях.

Большинство историков полагают, что прообразом Алеши явился исторический Александр-хоробр (Храбрый), сын ростовского священника, живший во времена князя Владимира Святославича. О его воинских подвигах повествует Никоновская летопись. Так, под 6508 (1000) годом она сообщает:

«Пришел Володарь с половцами (печенегам?) к Киеву, забыв благодеяние господина своего князя Владимира, демоном научен. Владимир же был тогда в Переяславце на Дунае, и было смятение великое в Киеве. И вышел ночью навстречу ему Александр Попович, и убил Володаря, и брата его, и иных множество половцев избил, а иных в Поле прогнал. И услышав об этом, возрадовался Владимир весьма, и возложил на него гривну златую, и сделал его вельможей в палате своей».

В следующем 6509 (1001) году, под особым подзаголовком «Богатыри», летопись повествует:

«Александр Попович и Ян Усмошвец, убивший печенежского богатыря, избил множество печенегов и князя их Родмана с тремя сыновьями его в Киев к Владимиру привезли».

Под 6512 (1004) годом та же летопись указывает:

«Пришли печенеги на Белгород. Владимир же послал против них Александра Поповича и Яна Усмошвеца со многими силами. Печенеги же, услышав, бежали в Поле».

В былинах Алеша Попович побеждает змея Тугарина, которого современные историки отождествляют с половецким ханом Тугорканом. Но Тугоркан был убит во время похода на Киев только в 1095 году? Еще большую путаницу в вопрос об историчности Алеши Поповича вносит Тверская летопись. Она сообщает, что этот богатырь, служивший ростовскому князю Константину Всеволодовичу, вместе со своим слугой Торопом сражался в трагической битве на Калке в 1223 году, где и погиб вместе с другими семнадцатью богатырями.

Таким образом, распутать этот клубок хронологических противоречий представляется делом куда как нелегким.

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ

Василий Буслаев — наиболее известный новгородский богатырь. В его натуре отразился характер самого вольнолюбивого Великого Новгорода. Мужественный, бесшабашный и импульсивный, Василий часто направлял свою исполинскую силу не на пользу, а во вред людям.

В молодости Василий был отпетым хулиганом, наводившим страх на земляков. Шутки его отнюдь не безобидны: кого за руку дернет, тому руку из плеча вырвет; кого за ногу ухватит, нога из бедра долой; кого за голову уцепит — вертит ею, словно пуговицей. Люди жаловались на злостные проделки Василия его матери, Амельфе Тимофеевне. Мать ругала беспутного сына, приводила ему в пример покойного отца: в его годы Буслай уже имел храбрую дружину, ходил с воинами в дальние походы.

Мысль о собственной дружине понравилась Василию. Бросил он клич по Новгороду, созывая удалцов на ратные подвиги, и многие откликнулись. Но вступить в дружину Василия было не так-то просто — богатырь подвергал всех охотников двойному испытанию. Встав за воротами, Василий угощал каждого входящего вязовой дубиной по голове. Если испытуемый после этого оставался на ногах, он получал полтораведерную чару вина. Если же и после этого молодец сохранял равновесие, Василий зачислял его в свою дружину. Так отобрал он 30 человек. Поименно в былинах перечисляются лишь

четверо из них: Костя Никитин, Васенька Маленький, Потанюшка Хромой и Иванище.

Вместе с этими удалцами Василий Буслаев бросил вызов всей новгородской верхушке. Однажды сорвиголовы, выломав ворота, явились без приглашения на пир к купцу Викуле Окулову. Испуганный купец усадил незваных гостей за стол. Василий, хватив лишнего, расхвастался и объявил о своем намерении биться против всего Новгорода. Узнав об этом, посадник Фома Родионович распорядился арестовать всех смутьянов. Мать Василия спрятала сына в глубоком погребе, но всех его дружинников изловили и связали. Услыхав об этом от няньки, Василий выбрался из погреба, схватил тележную ось и, разогнав охрану, освободил своих друзей.

Смутьяны принялись наводить террор в Новгороде, избивая купцов, бояр и прочих именитых горожан. Не помогло и вмешательство церкви. Настоятелю Сергиева монастыря, выведенному в былине под именем Приугрюмища, Василий Буслаев пригрозил пудовым кулаком: «Молись Богу, а в наше дело не мешайся!»

Городские власти обратились к матери Василия, умоляя ее повлиять на сына. Амельфе Тимофеевне в конце концов удалось убедить

Великий Новгород. Собор Св. Софии. XI в.

детинушку отправить в Иерусалим. Мать благословила сына, выдала Василию и его дюжине вдоволь припасов: хлеба, мяса, соли и оружия. Погрузившись на ладьи, удалыцы отчалили от родного берега. Долго они плавали, много разных земель повидали. Однажды, во время плавания по Каспийскому морю, Василий высадился на гористый остров Куминский. Поднимаясь на гору, Василий нашел человеческий череп и беззаботно пнул его ногой. Череп же, страшно застучав зубами, предрек Василию навеки остаться на проклятом острове. Беспечный богатырь не обратил никакого внимания на зловещее пророчество. Посетив святые места в Иерусалиме, Василий Буслаев захотел на обратном пути вновь сделать остановку на Куминском острове. Между тем остров превратили в свою базу казаки-разбойники. Вероятно, в схватке с ними Василий и погиб, хотя в былинах повествуется о смерти богатыря весьма туманно.

ЧУРИЛО ПЛЕНКОВИЧ

Былинный Чурило Пленкович — резко отрицательный персонаж. Этот отпетый бандит сродни западноевропейским рыцарям-разбойникам Рено Шатильонскому или Гецу фон Берлихингену. Обольстительный шеголь и авантюрист, Чурило очень богат и азартен. То и дело он бьется об заклад с богатырем Дюком Степановичем. Заключение пари свидетельствуют о большом самомнении и хвастливости Чурилы, затевающего спор: то он божится реку на коне перескочить, то в течение трех лет ежедневно выходить на люди в новом кафтане и т.д.

Былинный Чурило Пленкович, как и прочие богатыри, живет во времена Владимира Святославича, но причиняет князю лишь одно беспокойство. Со всех сторон Владимиру сыпятся жалобы: дружинники Чурилы переловили всех зверей в лесах и всю рыбу в реке, так что подданным нечем князю дань уплатить. Мало того, люди Чурилы часто наезжают в Киев, обижают старух, задирают парней и бесчестят девушек.

Выведенный из терпения, Владимир Святославич решил примерно наказать наглеца. Вместе с дружиной князь отправился в поместье Чурилы, привольно раскинувшееся на реке Почайке.

Вступив во владения Чурилы, великий князь был поражен его богатством. В имении шеголя ни много ни мало — 70 теремов! Стеколь-

чатые ворота и подворотня из моржовой кости («дорог рыбий зуб») привели князя в полное изумление. В воротах высокого гостя встречал сам молодой хозяин, разряженный как картинка: на нем богатая соболья шуба с золотыми резными пуговицами, на ногах — зеленые сафьяновые сапоги.

Низко кланяясь, Чурило проводил князя в свой терем. Там Владимира вновь поразила невиданная роскошь: серебряный пол, зеленого изразца печи с серебряным подом, потолок, увешанный соболиным мехом, на стенах — прекрасные ковры и хрустальные зеркала.

Не успел князь и рта раскрыть, как Чурило Пленкович вручил ему подарок — сорок сороков черных соболей, после чего гнев Владимира мгновенно улетучился. Поговорив же с любезным хозяином около получаса, князь, очарованный его образованностью, воспитанностью и чувством юмора, окончательно сменил гнев на милость и пригласил Чурилу к себе на службу.

Князь сделал Чурилу Пленковича своим стольником, но молодец не долго продержался на этой должности: молодая княгиня стала засматриваться на пригожего удальца, и ревнивый Владимир дал ему отставку. Впрочем, в другой былине рассказывается, что Чурило вступил в боевую дружину Владимира и нес службу вместе с другими богатырями на пограничной заставе.

Русский витязь. Изображение с народной картинки

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЫЦАРИ

ГЛАВА 1

НА ЗАРЕ РЫЦАРСКОЙ ЭПОХИ

«ОТЕЦ РЫЦАРСТВА»

КАРЛ МАРТЕЛЛ

(майордом Австразии (714—741))

Короли франков из династии Меровингов, известные в истории под названием «ленивых королей», постепенно утратили реальную власть над собственным государством, которая сконцентрировалась в руках их майордомов (управителей дворца). Майордом заведовал королевским имуществом и доходами; он наблюдал за всем, что происходило во дворце; во время малолетства короля майордом заботился о его воспитании; в отсутствие короля он заменял его в качестве председателя королевского суда. Графы и герцоги попали в некоторую зависимость от майордомов; что же касается королей, то они превратились в пустых марионеток при всевластных майордомах, в призраков на троне.

Одним из таких майордомов и был Карл Мартелл, сын и наследник майордома Пипина Геристальского, человек, которого с полным основанием можно назвать «отцом рыцарства».

В VII веке государство франков делилось на три королевства: Австразию, Нейстрию и Бургундию, в каждом из которых был свой король и свой майордом. Пипин Геристальский, майордом Австразии, вел успешную борьбу против майордомов двух других франкских королевств. Его сын продолжал ту же политику, пока над страной не нависла сарацинская угроза.

А рабы, иначе именуемые сарацинами («восточными»), подчинив к началу VIII века почти всю Испанию, в скором времени устреми-

лись в Южную Галлию. В 719 году они взяли Нарбон, в 725-м — Каркассон и Ним. Легкая арабская конница, усиленная африканскими берберами, быстро наступала по старой римской дороге, которая вела с юга на Пуатье, Орлеан и Париж.

Дальновидный Карл Мартелл заблаговременно оценил размеры опасности и принял необходимые меры по реформированию армии. Пешее франкское войско не могло противостоять легкой коннице арабов. Это наглядно показали события 725 года под Арлем, где вооруженные секирами франкские солдаты были окружены арабской конницей и почти поголовно погибли под ударами кривых сабель. Учитывая этот печальный опыт, Карл Мартелл в короткий срок сумел создать тяжелую рыцарскую конницу, способную сокрушить беспешного противника.

Снаряжение рыцаря, состоящее из лат, щита, каски, кирасы, стремян, копыя и тяжелого меча, стоило очень дорого, равняясь по цене стаду из 20—25 коров, поэтому приобрести рыцарское вооружение могли только владельцы земельных феодалов. Но свободной земли к тому времени уже не было, и Карл Мартелл принялся раздавать земли из государственного фонда в военные бенефиции, а кроме того,

*Карл Мартелл в битве с арабами.
Миниатюра Больших французских хроник. XIV в.*

прибег к секуляризации, отобрав у церкви часть ее земельных владений, чем заслужил яростные проклятия со стороны церковников.

В скором времени рыцарская конница была сформирована. Так началась эпоха рыцарства; в течение семи веков закованные в броню всадники господствовали на полях сражений, сминая легкую конницу и вытаптывая пехоту противника.

В 732 году сарацинское войско под командованием вали Абдаль-Рахмана, подавив сначала сопротивление баскских горцев, двинулось по старой римской дороге в направлении на Бордо. Разгромив у Бордо армию аквитанского принцепса Эда, закутанные в белые покрывала всадники, похожие на призраков, показались в окрестностях Пуатье. Здесь 25 октября и началась грандиозная 7-дневная битва армии Карла Мартелла с арабами, показавшая преимущество тяжелой рыцарской конницы. Сарацины, разбитые наголову, в беспорядке отступили; дальнейшее продвижение арабов на восток было остановлено.

Эта победа майордома Карла спасла народы Европы от порабощения мусульманскими захватчиками. Словно ударом тяжелого молота Карл сокрушил и отбросил непобедимых до того сарацин назад, в Испанию. За это его и прозвали «Мартелл», что означает «молот».

Храбрый воин и выдающийся полководец, Карл Мартелл, став хозяином всей Галлии, подчинил своей власти также Тюрингию (721), Бургундию (733), Фризию (734), Аквитанию (735), Прованс (737), Аллеманию (738), вел успешные войны с саксами (720, 722, 724, 738).

Королем при майордоме Карле был Тьерри Четвертый, который умер в 737 году. Карл Мартелл не стал заменять его другим «ленивцем», а продолжал управлять, уже от своего имени, всеми делами королевства. Но титула короля он себе не присвоил. Римский папа Григорий Седьмой, одарив его множеством подарков, в числе коих были такие бесценные реликвии, как, например, ключи от гробницы св. Петра, в сопроводительном письме называл Карла Мартелла «почти-король».

Карл Мартелл умер 22 сентября 741 года. После его смерти франкские церковники, озлобленные секуляризацией, сочинили о нем глупую байку. Какие-то святые люди якобы видели Карла Мартелла мучающимся в аду, а когда разрыли его могилу (и зачем, спрашивается?), то нашли вместо тела черную шипящую змею. Впрочем, церковники всех стран и народов всегда отличались богатым воображением.

«ВЕЛИКИЙ ИМПЕРАТОР»

КАРЛ ВЕЛИКИЙ

(742—814, король франков с 768 г.)

Прирожденный воин, Карл Великий почти всю свою жизнь провел в походах и сражениях. Боевое крещение Карл принял в 761 году, сопровождая своего отца, Пипина Короткого, в его аквитанском походе. Став королем франков (768), а затем и императором (800), он, пытаясь расширить пределы своей империи, только и делал, что воевал: с баварами и лангобардами, саксами и басками, вильцами и аварами... В результате его завоеваний образовалась обширная франкская империя, которая, впрочем, вскоре после смерти великого воителя распалась.

Жизнеописание Карла Великого оставил потомкам Эйнгард, главный камерарий его двора. Из этой биографии известно, что Карл обладал крепким телосложением и высоким ростом. Его открытое, веселое лицо, с большими и выразительными глазами, украшала благородная седина. Короткая толстая шея и выпирающий живот несколько портили его в целом пропорциональную фигуру.

Одевался Карл скромно, отдавая предпочтение народному франкскому костюму: на тело надевал полотняное белье, сверху тунику, обшитую бахромой, и штаны. В зимнее время укутывал плечи и грудь пелериной из соболиных шкур. Поверх всего Карл носил зеленый плащ. Король препоясывался мечом с золотой или серебряной рукоятью, усыпанной драгоценными камнями — единственная роскошная деталь его экипировки, показывающая любовь к оружию. Если бы не это, его наряд мало бы чем отличался от одежды простых франков.

Карл Великий.
Портрет А. Дюрера. XVI в.

Только в особо торжественных случаях император облачался в золотые одежды, на ноги обувал сапоги, усеянные драгоценными камнями, и увенчивал голову золотой короной.

Карл любил верховую езду, охоту, музыку, был прекрасным пловцом. Отличали его умеренность в еде и питье. Человек образованный и красноречивый, он высоко ценил ученых, оказывая им большое уважение. Воспитанный в христианской вере, Карл всю жизнь неуклонно ей следовал.

Любвеобильный Карл пять раз вступал в брак (его жены: Химильтруда, Дезидерия, Хильдегарда, Фастрада и Лютгарда), а после того еще имел четырех незаконных жен — Мальдегарду, Герцинду, Регину и Аделаиду. Разумеется, все эти женщины наградили его многочисленным потомством. Впрочем, многие дети умерли в младенчестве.

Следуя обычаям франков, Карл обучал сыновей верховой езде, обращению с оружием и охоте, а дочерей обязывал прясть лен и трудиться по дому. Дочерей своих пожилой император так обожал, что ни за что не желал расставаться с ними, выдавая их замуж. Неудивительно поэтому, что его незамужние дочери не отличались высоконравственным поведением: Хруотруда почти открыто сожительствовала с аббатом Сен-Дени, а Берта имела сына от придворного поэта Ангильберта.

Выше уже упоминалось о многочисленных войнах Карла Великого. Самой продолжительной и ожесточенной из них была война с саксами (772—804). Народ саксов делился на западных (вестфальских), центральных (анграрийских), восточных (остфальских) и северных (нордальбингенских) саксов. Используя одних против других, Карл предпринял целую серию походов в глубь их территории, захватывая основные укрепления и разрушая культовые центры, и в конце концов подчинил себе отдельные районы, заменив их новым разделением на графства. Казалось, саксы были покорены окончательно. Однако в 782 году против владычества франков поднялось мощное восстание под предводительством анграрийца Видукинда. Целых три года кровопролитных боев потребовалось Карлу, чтобы подавить это выступление. Эйнгард, апологет Карла Великого, так пишет о непокорных саксах:

«Не сосчитать, сколько раз они, побежденные, моля о пощаде, поклялись королю, обещали исполнить предписанное, без промедления давали заложников, принимали отправляемых к ним послов; сколько раз они были до такой степени укрощены и смягчены, что даже обещали больше не поклоняться демонам и принять христиан-

скую веру. Но сколь часто они на это соглашались, столь же часто и нарушали свое слово; со времени объявления войны не проходило и года без того, чтобы саксы не обнаружили своего непостоянства.

Карл Великий, до крайности раздраженный «коварством» восставших саксов, учинил в Вердене страшную резню, приказав казнить 4500 заложников. Эйнгард, прославляя в своем сочинении великодушие Карла, почему-то «забывает» упомянуть об этом кровавом эпизоде.

Далее Эйнгард повествует:

«Карл, предводительствуя лично большинством походов против саксов... мстил за измену и налагал достойное наказание, пока, наконец, сокрушив и подчинив своей власти всех, кто сопротивлялся, не переселил 10 тысяч человек, живших по обе стороны Альбии (Эльбы), вместе с их женами и детьми в разные области Галлии и Германии».

Вряд ли Карла можно было бы назвать Великим, если бы он не понимал, что одним насилием невозможно добиться лояльности саксов. Поэтому в 797 году король франков издал «Саксонский капитулярий», в соответствии с которым отменялся режим террора и уравнивалось положение саксов и франков перед законом. Подтверждение правильности новой политики мы находим у того же Эйнгарда: «Война закончилась лишь тогда, когда саксы слились с франками в единый народ».

В результате замирения саксов Франкское королевство включило в себя всю Германию, и пределы империи Карла Великого раздвинулись до границ датской Ютландии и земель северо-западных славян.

Одновременно с Саксонской войной король франков вел ряд других, меньших по масштабу, войн. В 773 году к Карлу с просьбой о помощи обратился папа Адриан — на него напал король лангобардов Дидье и отнял несколько городов. Со времен Хлодвига франки были верными союзниками римских пап, поэтому Карл Великий незамедлительно откликнулся на этот отчаянный призыв о помощи. Франки выступили двумя армиями, взявшими лангобардов в клещи в результате широкого маневра. Карл захватил Верону и осадил Павию, столицу лангобардского короля. Продержавшись более полугода, Павия капитулировала. Дидье, постриженный в монахи, был отправлен в пикардийский монастырь в Корби, а сокровища лангобардского короля Карл приказал раздать своим победоносным солдатам. В 781 году он поставил королем Италии своего сына Пипина.

Если война против лангобардов увенчалась успехом, то Испанский поход 778 года закончился полным провалом. Карл ввязался в испанскую авантюру по предложению мусульманского губернатора Сарагоссы, боровшегося тогда с арабским эмиром Кордовы. Он сильно пожалел о том, что вмешался в их междоусобную распрю, когда вчерашний союзник предал его, вследствие чего франкское войско потерпело неудачу под Сарагоссой. Решив немедленно прекратить поход, Карл повернул на север. Но худшее еще ждало его впереди. В Ронсевальском ущелье на арьергард его армии неожиданно напали горцы-баски, которые уничтожили крупный отряд франков. В этом сражении пали маркграф бретонской марки Хруотланд, сеньшаль Эггихард и граф двора Ансельм. Ронсевальской битве впоследствии был посвящен французский героический эпос «Песнь о Роланде», где под именем бесстрашного и могучего рыцаря Роланда выведен маркграф Хруотланд.

Неудачей закончились и походы Карла против славянского племени вильцев (велатабов) в 789 году. Он разбил их в нескольких сражениях, но покорить так и не смог.

Пожалуй, наибольших успехов Карл Великий достиг в войне с аварами (791—799). Этот кочевой тюркский народ в конце V века осел в Паннонии и образовал свое разбойничье государство — Аварский каганат. С тех пор Центральная Европа сотрясалась от их опустошительных набегов. Франки, отделенные от аваров широкой полосой ничейной земли, простиравшейся от Эна до Винервальда, пока не испытывали на себе злобы беспощадных тюрков, но Карл решил нанести им превентивный удар. Три похода предприняли франки против аваров — первым предводительствовал сам Карл, вторым — маркиз Эрик де Фриуль, а третьим — Пипин, сын Карла.

В результате этих экспедиций авары были сломлены и поставлены на колени. Ринг, столицу каганата, представлявшую собой укрепленный лагерь у слияния Дуная и Тиссы, франки разрушили до основания. Победителям досталась изрядная добыча — 15 громадных телег они нагрузили золотом и драгоценностями.

По-видимому, эта жестокая война сопровождалась полным истреблением неприятеля, поскольку с тех пор государство и народ аваров перестали существовать. О том же говорит и Эйнгард:

«В Паннонии не осталось в живых ни одного ее обитателя, а место, в котором находилась резиденция кагана, не сохранило и следов человеческой деятельности. Вся знать аваров в этой войне была перебита...»

Что касается ничьей земли, то франки постепенно присоединили ее под именем Остмарк («восточная земля»). Впоследствии она стала называться Австрией.

Таков краткий обзор войн и походов Карла Великого. В 813 году император, почувствовав приближение смерти, назначил своим соправителем сына Людовика. В январе 814 года Карл слег, зараженный жестокой лихорадкой, к которой вскоре добавился плеврит. Великий император скончался 28 января 814 года на 72-м году жизни.

Созданная завоеваниями Карла Великого империя оказалась непрочной. Его внуки, передравшись за наследство, по Верденскому договору 843 года разделили ее на три части. Впоследствии эти части стали именоваться Францией, Италией и Германией.

«ВОЛОСАТЫЙ ЗАД»

РАГНАР ЛОДБРОК

(1-я половина IX века)

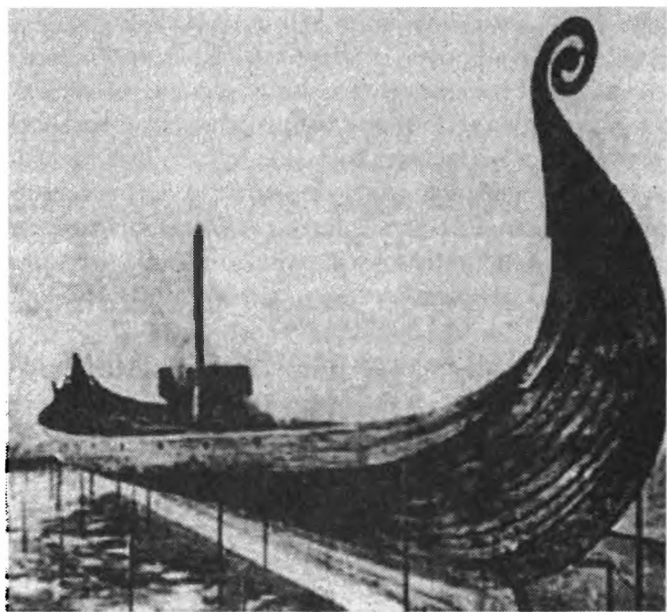
О Рагнаре Лодброке по прозвищу «Волосатый Зад» (у этого героя есть и другое, более благозвучное прозвище — «Кожаные штаны»), самом легендарном викинге, достоверно известно немного. Сведения о его подвигах содержатся в основном в скандинавских сагах, но кое-какой материал о Рагнаре дают и франкские хроники времен короля Карла Лысого (843—877).

Рагнар родился в Норвегии, но был тесно связан с двором датского короля Горрика. Отважный воин и мореход, он плывал на своем драккаре от Оркнейских островов до Белого моря; военные набеги стали образом его жизни. «Запад за морями», — гласил девиз Рагнара. По преданию, три его дочери выткали для отца волшебное знамя с изображением ворона. Перед походом знамя расчехляли, и если ворон на нем взмахивал крыльями, значит викингов ожидала удача. Если же ворон безжизненно свисал в складках знамени, что могло происходить только в безветренную погоду, Рагнар откладывал поход до лучших времен.

Самым успешным из его походов стал дерзкий набег на Париж в 845 году. В марте корабли Рагнара вошли в устье Сены и устремились к столице франков. Король Карл Второй Лысый, предупрежденный дозорными о появлении противника, разделил свое войско на две

части, расположив его, таким образом, по обоим берегам реки. Но викинги, внезапно яростно атаковавшие ту часть войска, которая показалась им слабее, добились полной победы. Для устрашения оставшихся на противоположном берегу, Рагнар приказал позесить 111 захваченных пленников на островке посреди Сены. Акт устрашения удался на славу: перепуганные франки отказывались идти в бой, и Карлу Лысому не оставалось ничего иного, как откупиться от страшного врага. Встретившись с королем в Сен-Дени, Рагнар получил от него 7 тысяч фунтов серебра. Взамен викинг пообещал никогда больше не вторгаться в его владения, поклявшись в этом Одином и своим мечом. Однако очень скоро он нарушил священную клятву: возвращаясь домой, Рагнар опустошил берега нижней Сены и ограбил монастырь Св. Бергена в Сент-Омере.

При дворе датского короля Рагнара Лодброка встретили как героя. Старый разбойник, окруженный толпой восхищенных слушателей, с упоением рассказывал им о своих «великих подвигах» в королевстве франков. Как часто бывает в подобных случаях, Рагнар несколько приврал, утверждая, что покорил всю страну от моря и до моря. В доказательство он продемонстрировал замки от ворот Парижа и части медной крыши храма Сен-Жермен-де-Пре.

Корабль викингов

Через несколько лет после этого триумфа (точная дата неизвестна) Рагнар Лодброк совершил грабительский набег на земли английского королевства Нортумбрия. Здесь ему повезло значительно меньше: воины Рагнара были перебиты, а сам он, весь израненный, оказался в плену. Король Элла обрек его на ужасную смерть, приказав бросить в глубокий колодец с ядовитыми змеями. Умирая среди страшных скользких гадов, Рагнар, вспомнивший перед смертью о своих сыновьях, произнес, согласно легенде, знаменитую фразу: «Как бы захрюкали сейчас мои поросята, если б узнали, каково пришлось их старому кабану!»

Скальды повествуют о реакции сыновей Рагнара, услышавших рассказ о жуткой кончине своего родителя: Бьерн Железный Бок так сдвинул древко копья, что на нем остались вмятины от его пальцев; Хвитсерк, игравший в тот момент в шахматы, с такой силой сдвинул фигурку коня, что из-под его ногтей брызнула кровь; Сигурд Змеиноглазый, подрезавший ножом ногти на руках, не заметил, как срезал с пальцев мясо до самых костей; а лицо Ивара Бескостного, попеременно бледневшее, красневшее и синевшее в продолжении рассказа, в конце концов почернело как у мертвеца и чудовищно распухло от великого гнева.

Страшная месть сыновей Рагнара не заставила себя долго ждать. Собрав сильную дружину, они переплыли пролив, высадились в Восточной Англии и, захватив множество коней, поскакали в Йорк. Викинги разгромили наспех собранные войска короля Нортумбрии, а самому Элле уготовили лютую казнь, применявшуюся норманнами в особых случаях и носившую название «кровавый коршун». Содрав кожу со спины жертвы, неумолимые мстители вырвали ей ребра со стороны спины и, вытащив еще пульсирующие легкие, разложили их в виде крыльев подле обезображенного трупа. Так был отомщен Рагнар Лодброк.

История сохранила боевую песнь Рагнара, которая в переводе Н.М. Языкова звучит так:

Мы бились мечами на чуждых полях,
Когда горделивый и смелый, как деда,
С дружиной героев искал я победы
И чести жить славой в грядущих веках.
Мы бились жестоко: враги перед нами,
Как нива пред бурей, ложились в прах;

Мы грады и села губили огнями,
И скальды нас пели на чуждых полях.

Мы бились мечами в тот день роковой,
Когда, победивши морские пучины,
Мы вышли на берег Гензинской долины,
И, встречены грозной, нежданной войной,
Мы бились жестоко; как мы, удалые,
Враги к нам летели толпа за толпой;
Их кровью намокли поля боевые,
И мы победили в тот день роковой.

Мы бились мечами, полночи сыны,
Когда я, отважный потомок Одина,
Принес ему в жертву врага-исполина,
При громе орудий, при свете луны.
Мы бились жестоко: секирой стальной
Разил меня дикий питомец войны;
Но я разрубил ему шлем с головою, —
И мы победили, полночи сыны!

Мы бились мечами. На память сынам
Оставлю я броню и щит мой широкий,
И бранное знамя, и шлем мой высокий,
И меч мой, ужасный далеким странам.
Мы бились жестоко — и гордые нами
Потомки, отвагой подобные нам,
Развезят кольчуги с щитами, с мечами
В чертогах отцовских на память сынам.

«УЖАС АНГЛИИ»
ИВАР БЕСКОСТНЫЙ
(? — 872)

Ивар, сын Рагнара, прозванный за свою поразительную ловкость Бескостным, и был тем предводителем викингов, который возглавил карательную экспедицию против короля Нортумбрии Эллы. Осенью 866 года Ивар вместе с братьями и бесстрашной дружиной в тысячу воинов высадился в Восточной Англии. Там викинги обзавелись лошадьми, и весной следующего года двинулись на север по старой римской дороге. Переправившись через Хамбер, Ивар осадил Йорк.

А в Нортумбрии в это время шла кровавая междоусобица: два короля, Элла и Осберхт, отчаянно бились между собой за власть над королевством. Узнав о прибытии страшных норманнов, оба короля сочли за благо на время прекратить свои распри и объединить силы против безжалостного врага. Однако было уже поздно — Ивар овладел Йорком до подхода англосаксонского войска, а потом наголову разгромил его под стенами города. Осберхт пал в битве, а Элла был предан лютой казни — так свершилась месть братьев за их отца, Рагнара.

После победы у Йорка викинги овладели всей Нортумбрией, одним из семи англосаксонских королевств. Но это было только начало. Ярость норманнов, сеявших повсюду смерть и разрушения, не знала предела. Хронист Симеон Даремский так описывал происходящее:

«Армия разбойников появлялась то здесь, то там, и повсеместно ей сопутствовали кровопролитие и скорбь. Повсюду она разрушала церкви и монастыри, предавая их огню и мечу. Покидая то или иное место, она оставляла за собой лишь стены без крыш. Разрушение было столь велико, что в наше время едва ли найдется что-то, сохранившееся от тех лет, — нет ни единого следа их бывшего величия».

Изображение викинга на каменной стеле

Сделавшись хозяином Нортумбрии, Ивар обратил свирепый взгляд в сторону Мерсии, сильнейшего из англосаксонских королевств. В 868 году викинги выступили к Ноттингему. Король Мерсии в страхе обратился за помощью к соседнему Уэссексу, и его отчаянный призыв был услышан: Альфред и Этельред, молодые сыновья уэссекского короля, привели к нему свои дружины. Храбрые принцы убеждали владыку Мерсии смело атаковать неприятеля, но окончательно перетрусивший король не внял их советам и вступил в переговоры с викингами. В результате переговоров Ивар получил Ноттингем и большую сумму выкупа.

В 669 году Ивар двинул дружину в Восточную Англию. Здесь завоеватели перебили местное ополчение, а короля Эдмунда предали мучительной смерти: его привязали к дереву и расстреляли из луков. После этой победы сыновья Рагнара разделились: Ивар навсегда покинул Англию, а Хвитсерк остался покорять Уэссекс. С кем отправились остальные братья, неизвестно.

Между тем Ивар покорил Ирландию и одержал ряд побед в Шотландии. Согласно анналам Ольстера, Ивар и его соратник Олаф в 870 году снова прибыли из Шотландии и «великое множество пленных, англичан, бриттов и пиктов было увезено в Ирландию». По возвращении из похода завоеватель Восточной Англии, Нортумбрии, Мерсии и Ирландии обосновался в Дублине, где и скончался два года спустя. По крайней мере, об этом свидетельствует следующая запись в упомянутых анналах: «872. Ивар, король всех скандинавов в Ирландии и Британии, закончил свою жизнь».

«ВОССТАВШИЙ ИЗ ГРОБА»

ХЭСТИНГ

(середина IX века)

Кэстинг, родившийся во Франции, стал кровавым кошмаром собственной родины. Французские летописцы характеризуют его как самого злобного человека, когда-либо жившего на свете. Этот прирожденный разбойник, собравший вооруженную банду себе подобных, «дебютировал» в 838 году, когда он на нескольких кораблях совершил набег на Сомму и Луару, после чего сжег Амбуазский замок.

В 842 году Хэстинг возглавил флот из большого количества кораблей для более масштабного грабежа Франции. К тому времени его

слава уже настолько прогремела, что к Хэстингу стеклись искатели добычи и приключений со всей Скандинавии, а знаменитый вождь викингов Рагнар Лодброк вверил ему собственного сына Бьерна («Медведя»). Впоследствии этого Медведя-Бьерна прозвали Железнобоким, так как он был неуязвим в бою.

Перед отъездом викинги принесли великую жертву богу Тору и окропили головы воинам свежей кровью. В июне 843 года ладьи Хэстинга подошли к Нанту. Жители города, принявшие поначалу драккары викингов за купеческие корабли, едва успели закрыть ворота, но разбойники выбили их тараном и ворвались в город. Там они убивали всех подряд: воинов, детей, женщин, стариков, монахов. Некоторые монахи попытались укрыться в соборной церкви Св. Петра, но викинги сокрушили двери, зарезали священника прямо у алтаря, перебили всех монахов и, ограбив церковь, подожгли ее. Захваченную добычу норманны свезли на остров Нуармутье, расположенный на Луаре. С тех пор остров стал базой грабителей, откуда они совершали набеги по всей стране — на ладьях, конными или пешими. Огромное количество золота, серебра и драгоценностей перекочевало туда из ограбленных городов, замков, церквей и монастырей.

Боевой шлем. Раннее Средневековье

В 845 году дружина Хэстинга соединилась с войском Рагнара, направлявшимся на штурм Парижа. Франки потерпели сокрушительное поражение в бою с викингами, и король Карл Лысый был вынужден откупиться от алчных данов, чтобы спасти столицу — им выплатили 7 тысяч фунтов серебра. Возможно, Рагнар с Хэстингом и не отказались бы от такой лакомой добычи, как Париж, если бы среди их воинов не распространилась настоящая эпидемия дизентерии. Многие викинги умерли, другие едва держались на ногах, поэтому вожди предпочли забрать выкуп и убраться восвояси. Впрочем, через десять лет Хэстинг с Бьерном вновь появились у стен Парижа. Карл Лысый, боявшийся норманнов пуще чумы, опять откупился от них, выложив около 700 фунтов золота и 3 тысяч фунтов серебра. После этого Хэстинг на некоторое время потерял всякий интерес к Франции. Как и всякого викинга, его влекла не только добыча, но и воинская слава. Однажды Хэстинг обратился к дружине с пламенной речью: «Все государства мира открыты для нас; все они да увидят нашу славу. Если мы подарим Медведю римскую корону, то наша слава разнесется по всему свету!»

Викинги радостными возгласами поддержали своего вождя: им тоже давно не терпелось увидеть великий Рим, о котором они так много слышали, хотя представления о его географическом положении имели самые смутные.

Хэстинг основательно подготовился к экспедиции. Весной 860 года флотилия из 62 кораблей вошла в Гибралтарский пролив. Надо признать, что путь к Риму норманны избрали довольно-таки извилистый. Сначала их занесло в Испанию, находившуюся тогда под властью арабов. Мавры не очень-то любезно встретили непрошенных гостей, и Хэстинг, потеряв два корабля, покинул берега Испании, взяв курс на юг. Викинги пересекли пролив, разграбили Альхесирас и высадились в Северной Африке в районе мыса Кабо-Тре-Форк. Отдохнув здесь с неделю и вдоволь подивившись на негров, они вновь посетили Испанию, а затем и Балеарские острова. Разумеется, везде, где можно, норманны грабили все, что возможно.

Наконец путешественники вспомнили о главной цели своей экспедиции. Вполне вероятно, что Хэстинг и сам толком не знал, где находится этот пресловутый Рим, поскольку, увидев однажды красивый белокаменный город на побережье Генуэзского залива, в полном восторге решил, будто это и есть Вечный город. На самом же деле перед викингами предстал вовсе не Рим, а Луна — небольшой, но богатый и цветущий итальянский город.

Жители Луны, узревшие многочисленный флот с вооруженными людьми на борту, поспешили закрыть ворота и приготовились к обороне. Хэстинг, понимая, что взять штурмом такой город будет нелегко, пустился на хитрость. В сопровождении небольшой свиты он явился к воротам и предстал перед местными графом и епископом. Одарив их богатыми подарками, Хэстинг заявил, что не имеет никаких враждебных намерений, его флот занес сюда сильный шторм, и через пару дней, отдохнув на берегу, морские скитальцы продолжат свой путь. Затем, прикинувшись тяжелобольным, Хэстинг изъявил смиренное желание принять перед смертью крещение, умоляя графа и епископа стать его восприемниками. Отцы города вправили свое согласие, и в тот же день церемония совершилась в местном соборе, после чего Хэстинг возвратился на корабль.

На следующую ночь горожане были разбужены громкими воплями и стенаниями, а наутро явились послы викингов с известием о смерти своего вождя. Умирая, вождь просил передать церкви богатые дары и похоронить его в городском монастыре. Получив милостивое согласие, печальные послы удалились.

В день похорон несколько десятков безоружных викингов внесли в ворота гроб с телом покойного. Хэстинг лежал в нем в полном парадном вооружении. Впереди похоронной процессии шли несколько человек с богатыми дарами в руках: золотыми поясами и перстнями, мечами и секирами, оправленными в золото и серебро, чашами и кубками, усыпанными драгоценными камнями. Викингов встречал сам епископ вместе со всем духовенством. С восковыми свечами и распятием процессия в траурном молчании проследовала в монастырь, где уже была приготовлена могила.

В монастыре граф и епископ со скорбными лицами встали у гроба усопшего. После произнесения заупокойных молитв, когда тело стали опускать в могилу, «покойник» с живостью выскочил из гроба и одним взмахом меча снес голову графу. Через секунду окровавленный клинок по рукоять погрузился в толстый живот епископа.

Все присутствующие оцепенели от ужаса. Воспользовавшись этим, двое викингов бросились к дверям монастыря и заперли их, а остальные, выхватив мечи из-под плащей, устроили дикую резню. Через несколько минут все знатные лица города, присутствовавшие при погребении «живого трупа», были перебиты. Одновременно из гавани нахлынули толпы норманнов. Взобравшись на стены, они уничтожили опешившую от неожиданности стражу у ворот, и вскоре город оказался в руках хитрых и злобных врагов.

Весь день на улицах и в домах кипела кровавая бойня: викинги взрезали всех, за исключением наиболее красивых девушек и женщин. Завалив драккары награбленным добром, радостные воины отчалили от берега. Однако, выйдя в открытое море, норманны угодили в ужасный шторм. Чтобы спастись, они были вынуждены выбросить всю свою добычу и прекрасных пленниц в бушующие волны. Когда шторм утих, выяснилось, что на плаву осталось не более 20 кораблей — остальные вместе с их экипажами сгнули в пучине. Так и не добравшись до Рима, Хэстинг развернул свою поредевшую флотилию и отправился в обратный путь.

Викинги возвратились во Францию и принялись за старое. Король Карл Лысый в конце концов уразумел, что откупиться от ненасытных разбойников невозможно: порочная практика выкупов не снимала проблему; она лишь опустошала государственную казну, а викинги становились только сильнее и наглее. Поэтому Французский король переменял тактику. Теперь он предлагал наиболее авторитетным вождям... целые графства своего королевства в обмен на клятву верности и таким образом превращал грозных норманнов в своих вассалов.

Подобная метаморфоза произошла и с Хэстингом, получившим в управление графство Шартрское. Какова была его судьба в дальнейшем, доподлинно неизвестно: по одной версии, Хэстинг вторично крестился и остался во Франции навсегда, теперь уже в качестве графа и королевского вассала; согласно другой — продал графство бывшему соратнику Герлону (Теобальду) и отбыл из страны в неизвестном направлении.

«САКСОНСКИЙ ГЕРОЙ»

АЛЬФРЕД ВЕЛИКИЙ

(849—899, король Уэссекса с 871 г.)

В IX веке Англия, раздробленная на семь королевств, подвергалась мощному натиску со стороны датских норманнов. Наиболее упорное сопротивление захватчикам оказало саксонское королевство Уэссекс, расположенное на юге Британии. Король Уэссекса Альфред в тяжелейшей борьбе с данами сумел отстоять не только свое королевство, но и всю западную часть Англии.

По свидетельству Ассера, епископа Шерборна и биографа короля Альфреда, в детстве герой отличался слабым здоровьем, но это не

помешало ему стать со временем храбрым воином и превосходным охотником. Благочестие и блестящий ум, присущие Альфреду, роднят его с Карлом Великим. «С колыбели его наполняла любовь к мудрости», — пишет о нем Ассер.

Впервые Альфред, младший брат короля Этельреда, пошел в бой в январе 871 года. Тогда его храбрость и решительность спасли саксонское войско от неминуемого поражения. Эта битва с данами, уже захватившими Лондон, произошла на беркширских низинах, при Эшдауне.

Викинги, громко бряцая щитами, с боевым кличем приближались к лагерю саксов, а король Этельред, вместо того чтобы вывести войско навстречу врагу, с усердием, достойным лучшего применения, молился Богу. Его странное поведение едва не привело к катастрофе. «Но Альфред, — повествует епископ Ассер, — видя, что язычники быстро вышли на поле и готовы к бою... был вынужден выбирать между полным отступлением и началом сражения, не дожидаясь брата. Наконец, подобно дикому кабану, он смело повел христианские силы на армию неприятеля... несмотря на то что король еще не появился... он сомкнул свои ряды и в надлежащем порядке двинул свои знамена на врага».

Альфред Великий. Гравюра XVI в.

Альфред стремительно атаковал неприятеля, укрепившегося на холме. Битва была упорной и кровопролитной. Саксы, увлекаемые вперед храбрым принцем, шаг за шагом продвигались вверх по склону и в конце концов сбили данов с вершины холма. Воины долго преследовали бегущего врага. Трупы данов усеяли беркширские низины. Среди убитых победители обнаружили одного из королей викингов и пятерых ярлов.

Этот первый триумф Альфреда был в то же время первым поражением непобедимых до того данов. В том же 871 году король Этельред умер, и Альфред, унаследовавший его корону, унаследовал и тяжелую войну с данами, продолжавшуюся с переменным успехом. Летом 871 года даны, получившие большое подкрепление, нанесли саксам ответный удар под Уилтоном. Чтобы сохранить армию и укрепить свою власть в стране, новый король предпочел откупиться от сильного врага, и это дало ему целых пять лет передышки. Даны же тем временем окончательно покорили Мерсию — саксонское королевство в самом центре Англии.

В 877 году новый вождь данов, Гутрум, вознамерившийся покорить Уэссекс, занял Уорхэм и возобновил нападения на королевство Альфреда. Король саксов снова прибег к испытанному средству, попытавшись утихомирить ярость алчных викингов с помощью золота. Гутрум взял выкуп и поклялся на «священном кольце» прекратить войну, но тут же вероломно нарушил свои клятвы, внезапным нападением захватив Эксетер. Возмущенный Альфред поднял саксонскую пехоту, но выбить врага из мощной крепости не смог.

Внезапно на помощь королю Уэссекса пришла сама природа, словно разгневанная действиями клятвопреступников. Сильнейший шторм уничтожил 120 кораблей викингов, пучина поглотила более 5 тысяч воинов. Этот неожиданный и страшный удар стихии, погубивший весь флот данов, заставил Гутрума отказаться от своих обширных планов и заключить с саксами мирный договор (лето 877 года). Однако этот мир продолжался не более полугода. очередное нападение даны совершили накануне праздника Крещения, когда религиозные саксы увлеклись подготовкой к торжествам и, утратив всякую бдительность, предавались обильным возлияниям. Неожиданное вторжение повергло их в полное смятение. Армия саксов совершенно рассеялась: одни разбежались по домам, другие отплыли на континент, и лишь незначительная ее часть, сохранившая верность своему королю, укрылась вместе с ним на острове Ательней, посреди лесов и болот Сомерсета.

Для Альфреда настали самые черные дни. Даны торжествовали победу, и народу Уэссекса казалось, что их свобода и королевство безвозвратно погибли. Но это было не так: гордый король не склонил головы и развязал партизанскую войну против захватчиков. Епископ Ассер так рассказывает о том тяжелом положении, в котором оказался Альфред:

«С танами и вассалами он вел полную тревог и опасностей жизнь и испытывал великие лишения... Ему нечем было удовлетворять свои нужды, кроме как тем, что в частых вылазках удавалось добыть тайком или открыто как у язычников, так и у христиан, подчинившихся их правлению».

Невзгоды не сломили волевого короля саксов. Часто он, подобно простому лазутчику, переодевшись и изменив свою внешность, появлялся в Уэссексе. Он и его люди умудрялись поддерживать связь с теми из подданных Альфреда, которые остались ему верны, и укреплять в них дух сопротивления.

Началом перелома в войне с данами следует считать события, произошедшие в 878 году у Эксмора. Викинги осадили этот укрепленный пункт саксов, но «...осадив его, они думали, что таны короля скоро не выдержат голода и жажды... так как в крепости отсутствовали запасы воды. Христиане... вдохновленные небом, решили либо умереть, либо победить. Поэтому на рассвете они обрушились на язычников и в первом же бою положили много врагов, включая их короля. Лишь немногие спаслись, бежав на корабли».

В этом бою саксам удалось захватить у врага легендарное знамя Рагнара Лодброка с изображением священной вороны. Крылья вороны безжизненно свисали, что саксы сочли дурным предзнаменованием для данов.

Весть о том, что их король жив и сражается, вызвала патриотический подъем у населения. Через своих агентов Альфред передал повеление всем солдатам и ополченцам собраться в конце мая у Селвуда, на границе трех графств. Под его знамена стеклось множество воинов, «...и когда они увидели короля, то встретили его словно восставшего из мертвых после столь многих тягот, и великая радость преисполнила их».

Используя высокий боевой дух своей новой армии, король Альфред решился на генеральное сражение с данами, которое произошло в 878 году у Этандуна, в долине Белого коня. В четырехчасовом ожесточенном сражении даны были разбиты, и Уэссекс вновь обрел свободу. Враги запросили пощады. Мир, заключенный с Гутрумом, продолжался на этот раз около 14 лет.

Легенды передают, что незадолго до великого сражения при Этан-дуне, в боевом лагере данов появился нищий музыкант, чудесно игравший на арфе. Воины скоро привыкли к этому чудаку и даже подкармливали его, бросая, как собаке, куски лепешек и мяса. Арфист, собрав эти куски в мешок, относил еду своей семье, а затем снова возвращался и развлекал солдат виртуозной игрой. Поскольку артист не понимал их языка, даны громко обсуждали при нем все детали предстоящего сражения, а потом очень удивлялись, почему все их уловки пропали даром, как будто противник заранее знал все, что они предпримут. Когда же Гутрума после битвы привели в ставку Альфреда, вождь данов остолбенел: на походном троне сидел улыбающийся король с арфой в левой руке.

Еще древние римляне, которые, как известно, кое-что смыслили в политике, говорили: «Если хочешь мира, готовься к войне». Мудрый король Альфред, по-видимому, хорошо усвоил эту нехитрую истину и не терял времени даром. За эти четырнадцать мирных лет он укрепил армию, реорганизовав фирд (ополчение из свободных крестьян); защитил всю страну крепостями, построив их вдоль пролива, у устья Северна и в долине Темзы; укрепил союз с Мерсией, выдав свою дочь за короля Этельреда и освободив вместе с ним Лондон. Но главное значение Альфред придавал созданию военно-морского флота, способного побеждать таких искусных мореходов, как викинги. «Англосаксонская хроника» сообщает:

«Король Альфред приказал построить против данов боевые корабли почти вдвое большего размера. Некоторые имели 60 весел, другие больше. Они были быстрее и устойчивее, а также выше, чем другие. Они не напоминали ни датские, ни фризские, но имели такую форму, какую король счел наиболее полезной».

Осенью 892 года началась третья война с данами. Огромный флот викингов, состоявший из 330 кораблей, внезапно атаковал Кент с севера и юга. Теперь король Альфред уже не участвовал в сражениях — на поле боя его успешно заменяли сын Эдуард и зять Этельред. Но это вовсе не означает, что король сидел сложа руки. Вот что говорится в «Англосаксонской хронике» о его роли в третьей войне:

«Даны провели свои корабли вверх по Темзе и затем вверх по Ли... и построили форт в двадцати милях над городом Лондоном... Однажды король проехал возле реки, чтобы выяснить, как помешать данам проникнуть в город, чтобы они не смогли провести туда свои корабли... Он построил два форта на обоих берегах реки... Тогда даны поняли, что они не смогут провести свои корабли. Поэтому они остави-

ли их и отправились по суше... и жители Лондона захватили корабли и все, что не смогли унести, разбили, а все, что стоило забрать, доставили в Лондон».

Через четыре года даны были побеждены. Часть из них вернулась во Францию, а остальные поселились в так называемой Области датского права (оккупированная территория на востоке Англии).

Третья война с данами, в отличие от двух первых, не угрожала гибелью саксонским королевствам, подтверждение чему мы находим все в той же «Хронике»:

«По милости Бога, армия (данов) не нанесла большого урона английскому народу».

Главная заслуга в победе над страшными данами, несомненно, принадлежит королю Альфреду. Благодарный народ Англии прославил своего героя в хрониках, легендах и песнях, назвав его Альфредом Великим.

«ПЕРВЫЙ ГЕРЦОГ НОРМАНДИИ»

РОЛЛОН

(860—933, герцог Нормандии с 911 г.)

Викинг Роллон, норвежец по происхождению, отличался таким могучим телосложением, что его вес не могла выдержать ни одна лошадь. Не имея возможности ездить верхом, этот Геркулес передвигался исключительно на своих двоих, за что и был прозван Ходоком. Сын Регнвальда, ярла Мера, Роллон промышлял разбоем, не считаясь с законами Харальда Прекрасноволосого. За это разгневанный король объявил его вне закона, а отец лишил наследства. Отвергнутый родиной изгой некоторое время обретался в Шотландии, затем присоединился к данам и участвовал в набегах на англосаксонские королевства.

Надо полагать, что Роллон пользовался в кругу морских разбойников огромным авторитетом, если в 886 году он возглавил большое войско из данов, норвежцев, шотландцев и ирландцев, направившееся в северную Францию. Высадившись на побережье, армия викингов разделилась: одна ее часть двинулась на ладьях вверх по Сене водным путем, а вторая, ведомая Роллоном, — сухопутным. Местом сбора армии вожди назначили Руан. Ходок Роллон, оказавшийся действительно хорошим ходоком, первым добрался до намеченной

цели и 25 июня без особого труда овладел Руаном. Воины, отплывшие на ладьях, по всей вероятности, занимались грабежом на берегах Сены, поскольку они прибыли в Руан только в ноябре.

Вновь соединившаяся армия, невзирая на наступившие холода, немедленно выступила в поход на Париж. В авангарде армии шел отряд Зигфрида, который и начал осаду столицы франков еще до подхода основных сил. Вопреки ожиданиям, парижане упорно защищались, и осада города затянулась на три месяца. Зигфрид был полон решимости довести дело до победного конца, но другие вожди викингов, и Роллон в том числе, утомившись осадой, предпочли поискать себе более легкой добычи. Дружины викингов рассыпались по окрестностям, и с этих пор единая армия норманов перестала существовать. Что касается Роллона, то его отряд разграбил Байе и Эвре, после чего Ходок на долгое время исчез из поля зрения хронистов. Его имя вновь всплывает из тьмы веков лишь в начале X столетия, когда Роллон, в очередной раз обрушившийся на Нейстрию, осадил Руан. В ставку вождя викингов в Жюмьеже явился для переговоров руанский архиепископ. Прелат предложил сдать город, но при одном обязательном условии: всем жителям Руана должна быть

Нашествие викингов на Северную Францию. Гравюра XIX в.

сохранена жизнь. Роллон охотно согласился с этим и уже на следующий день вступил в город.

В 911 году Роллон попытался захватить Париж, но жители столицы, отстроившие к тому времени мощные укрепления, довольно легко отразили его натиск. Тогда он осадил Шартр, но и здесь потерпел сокрушительное фиаско: герцоги бургундский и французский напали на викингов в их собственном лагере и истребили около 6 тысяч разбойников. Несмотря на эти неудачи, Роллон не пал духом и собирался продолжать борьбу. В это время король Франции Карл Простак, вопреки своему нелестному прозвищу, поступил очень мудро, решив приручить давнего врага. Он предложил Роллону начать мирные переговоры. Местом проведения переговоров был избран Сен-Клер на реке Эпте, а посредником между королем Франции и вождем викингов выступил архиепископ Руанский. Речь этого мудрого церковника приводит в своей книге «Роман о Роллоне» летописец XII века Роберт Вас:

«Роллон... Перемени свое поведение, дай другой исход своему мужеству, вступи в христианство и оказывай почтение королю. Учись жить в мире и укрощай свою ярость, не разрушай его королевства, чем ты ему причиняешь великую обиду. Он имеет прекрасную дочь знатного происхождения и хочет отдать ее тебе в замужество, а ты получишь в приданое всю приморскую страну от реки Эр до моря. Таким образом, ты будешь жить своими ежегодными доходами, без грабежа; будешь иметь много хороших крепких замков и прекрасных жилищ... тебе дадут хороших заложников для обеспечения договора. Неужели ты почтешь стыдом жениться на дочери короля?»

Роллону чрезвычайно понравились предложения короля, но опытный разбойник решил набить себе цену: вдобавок к территории Нейстрии, обещанной Карлом, он потребовал еще и Бретань. Король, не имевший реальной власти над названной провинцией, разрешил Роллону завоевать ее собственным мечом.

Теперь, когда все было улажено, новый вассал короля должен был совершить обряд присяги на верность. Тут произошел довольно комичный эпизод, описанный в той же книге Роберта Васа:

«Роллон стал вассалом короля и положил в его руки свои. Когда он должен был поцеловать ногу короля, то, не желая наклониться, опустил только одну руку, поднял ногу короля к своим губам и опрокинул Карла. Все засмеялись над этим, а Карл встал, перед всеми он отдал свою дочь и Нормандию».

Приняв крещение и женившись на прекрасной Гизелле, Роллон отбыл в свои владения, расположенные на севере Франции. С тех пор

они и получили название «Нормандия», поскольку их заселили норманны Роллона, а он сам стал первым герцогом Нормандии. Эти владения включали в себя современные департаменты Эр, Кальвадос, Манш, Орн и Сену Приморскую. Последующие правители Нормандии расширили территорию герцогства за счет Бесана, Майна, Котантена и Авранша.

Бывший разбойник оказался хорошим политиком и рачительным хозяином. Роллон разделил земли Нормандии на участки и по жребию распределил их между своими дружинниками, превратившимися теперь в землевладельцев. Норманнские феодалы, обеспечившие мир на своих землях, сумели привлечь на них поселенцев, ранее покинувших эти разоренные места. Мудрый Роллон сплотил разноплеменных поселенцев в единый народ, заново отстроил разрушенные храмы и крепости, ввел четкие законы, гарантировавшие гражданам безопасность их жизни и собственности, а также всячески способствовал развитию просвещения.

Заслуги Роллона-политика трудно переоценить, поскольку через несколько лет Нормандия совершенно преобразилась, сделавшись самой богатой и многолюдной провинцией королевства, средоточием утонченной французской культуры.

РУССКИЙ РЫЦАРЬ СВЯТОСЛАВ ИГОРЕВИЧ

(942—972, великий князь Киевский с 945 г.)

Истинный русский рыцарь, князь Святослав Игоревич всю жизнь провел в походах и сражениях. Боевое крещение он принял уже в трехлетнем возрасте. Мать Святослава, княгиня Ольга, мстившая древлянам за убийство мужа, выступила в 946 году с киевской дружиной против столицы древлянского князя Мала. У стен Искоростеня и произошло сражение, которое символически начал ребенок-воин. Сидя на коне, он первым метнул копьё в сторону неприятеля, и хотя копьё, направленное слабой детской рукой, упало возле ног его коня, дружина воодушевилась этим многообещающим залогом будущего славного вождя и одержала победу над древлянами.

Святослав с самого юного возраста воспитывался среди дружинников и не мечтал ни о чем, кроме воинской славы. Наставниками смелого отрока были воеводы его покойного отца, Асмуд и Свенельд. Неудивительно поэтому, что со временем из мальчика вырос настоя-

ший военный вождь, в котором так нуждалась утомившаяся от скуки обьденной мирной жизни киевская дружина. Теперь у дружинников был свой вождь, молодой, сильный, отчаянно храбрый, грезивший, подобно им, о походах, боях, добыче и славе.

Вот как описывает летописец неприхотливые воинские повадки молодого князя:

«Князь Святослав, возросши и возмужавши, начал воинов собирать, многих и храбрых, и в походах легко ходил — словно пардус (барс), многие войны творил. В походах же ни возов за собой не возил, ни котла, и мяса не варил — но потонку изрезав конину ли, зверину ли, или говядину, на углях испекши, так ел. И шатра не имел, но подклад стлал и седло в головах. Таковы же и все прочие его войны были».

С подлинным благородством рыцаря, которому чужды хитрость и коварство, Святослав бросал врагам гордый вызов, предупреждая их о своем нападении: «И посылал к странам, говоря: «Хочу на вы идти».

Описание внешности князя Святослава оставил известный византийский историк X века Лев Диакон:

Великий князь Святослав Игоревич. Миниатюра из Титулярника. 1672 г.

«Умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клок волос — признак знатности рода, крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные... В одно ухо у него была вде́та золотая серьга; она была украшена карбункулом, обрамленным двумя жемчужинами. Одевание его было белым и отличалось от одежды его приближенных только чистотой».

Предоставив матери управление государством, Святослав предался своему любимому занятию. Первый поход он совершил в 964 году против вятичей — славянского племени, жившего по берегам Оки. Победив вятичей, Святослав потребовал от них дани, однако выяснилось, что бедные поселяне уже обложены данью хазарами и неспособны платить ее и тем, и другим. Это подсказало молодому завоевателю направление его следующего удара.

Хазарский каганат, переживший пору своего расцвета, во второй половине X века уже клонился к упадку, оставаясь, тем не менее, достаточно грозным противником. Хазары отняли у восточных славян легендарную Тмуторокань, закрыв им тем самым выход к Черному морю; кроме того, Хазария контролировала волжский речной путь, мешая торговле Руси со странами Востока. Таким образом, поводов к войне с Хазарским каганатом имелось предостаточно.

В 965 году Святослав обрушился на Итиль, столицу Хазарии, и, разгромив войска кагана, опустошил город. Затем русская дружина двинулась на юг вдоль берега Волги и нанесла хазарам второе крупное поражение у города Семендер, более древней столицы каганата. Преследуя отступающего врага, дружина Святослава по Северскому Донцу вышла к мощной хазарской крепости Саркел (русичи называли ее Белой Вежей, т.е. «Белым Домом»), расположенной в среднем течении Дона. Эта крепость защищала северные рубежи Хазарии от набегов венгров, печенегов и русичей. Здесь, под стенами старой крепости, произошла еще одна битва, в ходе которой войско хазар было окончательно разгромлено. Сам каган вместе с немногими уцелевшими бежал в горы.

Разрушив Саркел, Святослав устремился дальше на юг и вышел к Таманскому полуострову, где находилась пресловутая Тмуторокань. Русские витязи захватили этот стратегически важный город, победив здешних хазар и их союзников — ясов (предков осетин) и касогов (предков черкесов).

Сокрушив могущество Хазарин и вернув Руси выход к Черному морю, Святослав в следующем, 966 году вновь явился в земли вятичей и, сломив слабое сопротивление, обложил-таки их данью в свою пользу.

Нестор, древний русский историк, называет прародиной восточных славян земли по течению Дуная, на которых раскинулось Болгарское царство. Вероятно, и Святослав считал так же. Мысли воинственного князя постоянно обращались в ту сторону, и однажды во сне он увидел себя властителем тех земель. Тогда-то, наверное, у него и зародилась мечта создать собственную империю со столицей в Переяславце, у устья Дуная.

Святослав, легкий на подъем (кстати говоря, «Легкий» — одно из прозвищ, данных князю современниками), собирался не долго. Осенью 967 года 60-тысячное русское войско, спустившись на ладьях по Днепру, вышло в Черное море и устремилось к устью Дуная. Застигнутые врасплох, болгары были разбиты, а их царь Петр, пораженный позорным бегством своей армии с поля боя, впал в сильнейший эпилептический припадок и вскоре умер. По свидетельству летописи, 80 болгарских городов присягнули на верность новому властителю, после чего Святослав стал полновластным хозяином Северной Болгарии.

Соседство воинственных русичей вызывало большую тревогу и опасения за свои земли у византийского императора Никифора. Византийцам еще памятли были походы на Константинополь русских князей — Аскольда и Дира, Олега и Игоря. Чтобы отвести угрозу от византийских рубежей, император вступил в тайные переговоры с печенежскими ханами, подстрекая их к нападению на Киев. Святослав конечно же поспешит на выручку своей столице, ведь там находится его мать, княгиня Ольга, и тогда греки смогут вздохнуть спокойно.

Однако расчеты императора Никифора оправдались лишь наполовину. Действительно, когда в 968 году печенеги осадили Киев, Святославу пришлось на время оставить свои новые владения на Дунае и ехать на Русь, чтобы отогнать печенегов, но император никак не ожидал, что Святослав вернется так скоро. Впрочем, Никифор подготовил ему весьма неприятный сюрприз, возмутив новых подданных киевского князя — болгар против его власти.

Киевляне встретили Святослава горькими упреками:

«Ты, княже, чужой земли ищешь и о ней заботишься, а свою пренебрегаешь. Едва не взяли нас печенеги, и мать твою, и детей твою».

их. Если не придешь и не оборонишь нас, то опять возьмут нас. Или не жаль тебе ни отчины твоей? ни матери старой? ни детей своих?»

Княгиня Ольга, больная и старая, тоже уговаривала сына прекратить заморские авантюры и остаться в стольном Киеве, но на все ее речи Святослав упрямо твердил только одно: «Не люблю мне в Киеве быть». Вскоре, 11 июля 969 года, княгиня Ольга скончалась. Похоронив мать, Святослав разделил государство на уделы между тремя сыновьями: старший сын, Ярополк, сел княжить в Киеве; средний, Олег, получил в управление беспокойную Древлянскую землю; младший же, Владимир, уехал далеко на север, в богатый Новгород. После этого суровый воитель поспешил туда, куда манило его храброе сердце.

Восставших болгар постигла жестокая расправа. По свидетельству Льва Диакона, «...объятых ужасом испуганных мисян (болгар) он умервщлял с природной жестокостью: ...с бою взяв Филиппополь, он... посадил на кол двадцать тысяч оставшихся в городе жителей и тем самым смирил и обуздал всякое сопротивление и обеспечил покорность».

Святослав прекрасно понимал, кто инспирировал болгарский мятеж. Война с Византией стала неизбежна. Тем временем у империи появился новый хозяин — Иоанн Цимисхий (т.е. «Туфелька», как его прозвали за малый рост), свергнувший и убивший императора Никифора. В лице Иоанна Цимисхия Святослав встретил еще более опасного соперника, чем в его предшественнике. Цимисхий, прекрасный воин и полководец, отличался, кроме того, большим государственным умом, невероятной хитростью и коварством.

На угрозы Иоанна Цимисхия начать против русичей войну, Святослав ответил в присущей ему манере: «Хочу на вы идти и взять город ваш». Вслед за этим русские войска вторглись на территорию империи.

Византия была очень сильна, и война шла с переменным успехом. Но Святослав совершил одну роковую ошибку, имевшую очень тяжелые последствия — он совсем забыл об ущельях, отделявших Болгарию от Византии. Через эти ущелья, оставленные без охраны, византийская армия в апреле 971 года внезапно вышла к Переяславцу и осадила столицу Болгарского царства. Через два дня крепость пала, и к Святославу, находившемуся тогда в Доростоле, пробились лишь жалкие остатки русского гарнизона во главе со Свенельдом.

Дальнейшие события русско-византийской войны связаны с крепостью Доростол, героически оборонявшейся от превосходящих сил

врага в течение трех месяцев. Перед решающим сражением Святослав обратился к своим воинам с речью:

«Уже некуда деться нам. Волею или неволею — придется биться. Да не посраим земли Русской, но ляжем костью — ибо мертвые сраму не имут! Если же убежим — срам будет нам. Так не побежим же, но станем крепко. Я же перед вами пойду — если моя голова падет, то позаботьтесь о себе сами».

Храбрая дружина отвечала на это:

«Где ты главу свою — там и мы свои головы сложим!»

Вечером того же дня русское войско сделало вылазку из крепости. Впереди шел Святослав. Первый натиск русичей был страшен. Греческая пехота попятилась. Византийский историк свидетельствует, что у Святослава состоялся рыцарский поединок с могучим богатырем Анемасом, сыном критского эмира, убившим накануне русского воеводу Икмора. Анемас выбил Святослава из седла, но после поединка русские воины окружили гиганта и убили его.

Русское войско уже одолевало врага, когда внезапно все изменилось. Разразившаяся буря засыпала песком глаза русичам, и они ослабили натиск. Воспользовавшись помощью стихии, византийский император лично возглавил контратаку своей тяжелой кавалерии. Одновременно с флангов ударили отряды Варды Склира и стратопедарха Петра. С тяжелыми потерями отступили дружинники назад в крепость, унося с собой израненного стрелами Святослава.

Дальнейшее сопротивление становилось бессмысленным — русичей осталось слишком мало. Но и византийская армия понесла серьезные потери, поэтому Иоанн Цимисхий с готовностью вступил в переговоры, предложенные Святославом.

Мирный договор с императором был заключен на вполне приемлемых условиях. Святослав обязался оставить Доростол, покинуть Болгарию и освободить всех пленных. Византийцы, со своей стороны, обещали беспрепятственно пропустить русские корабли на родину со всей захваченной на войне добычей, и даже обеспечить войско Святослава продовольствием — каждый русский воин получал по 20 килограммов хлеба.

Конечно, Святослав рассматривал этот мир как временный и собирался в дальнейшем продолжать войну с греками до победного конца, что видно из следующих его слов: «Пойду на Русь, приведу еще больше дружины». Понимал это и Цимисхий. Коварный византиец, не желая отпускать живым такого опасного врага, вновь обра-

тился к помощи печенегов. Подкупленные его послами, печенеги устроили засаду на днепровских порогах. Это было самое удобное место для нападения — пока русичи будут перетаскивать свои ладьи берегом, им можно нанести внезапный удар в спину, перебить малочисленную дружину и завладеть всей добычей.

У брода Крария, находившегося перед первым порогом, тоже стояли печенеги, и Святослав решил перезимовать на острове Хортица, дожидаясь, очевидно, подкреплений из Киева. Зимовка оказалась тяжелой, воины съели все запасы продовольствия, и начался голод. Местное население, пребывавшее в крайней нищете, не могло накормить голодную дружину, и скудные продукты питания приходилось покупать за невероятно высокую цену. Так, например, конская голова стоила полгривны серебра.

Наступила весна 972 года, но подкрепления из Киева так и не пришли — жителей стольного города, которых киевский князь покинул ради чужих земель, мало заботила его судьба. Тогда Святослав решил пробиваться к Киеву с боем. Мудрый воевода Свенельд советовал князю: «Обойди пороги на конях, ибо у порогов стоят печенеги». Но гордый воитель счел такой маневр признаком трусости и смело и безрассудно двинулся через пороги, навстречу судьбе и неизбежной гибели. Лаврентьевская летопись кратко сообщает о его трагической кончине:

«И напал на него Куря, князь печенежский; и убили Святослава, и отрезали голову его, и сделали из черепа чашу, оковав череп (серебром), и после пили из него».

Так погиб мужественный русский витязь Святослав. Что же касается чаши из его черепа, то, по поверьям древних, останки великого воина сохраняют часть его могущества и силы, переходящие к тому, кто владеет ими. Этот варварский обычай мы встречаем также, например, у североамериканских индейцев, снимавших скальпы со своих врагов и носивших их с той же целью.

Короткая жизнь героя поражает предельной насыщенностью событий. Всего за восемь лет он успел дважды совершить поход на вятичей, разгромить Хазарский каганат, завоевать Болгарское царство, отразить натиск на Русь печенегов и в течение двух лет вести упорную войну с могущественной Византийской империей. За это время, по подсчетам современных историков, Святослав прошел походами не менее восьми с половиной тысяч километров!

«ПОСЛЕДНИЙ ВИКИНГ»

ХАРАЛЬД СУРОВЫЙ

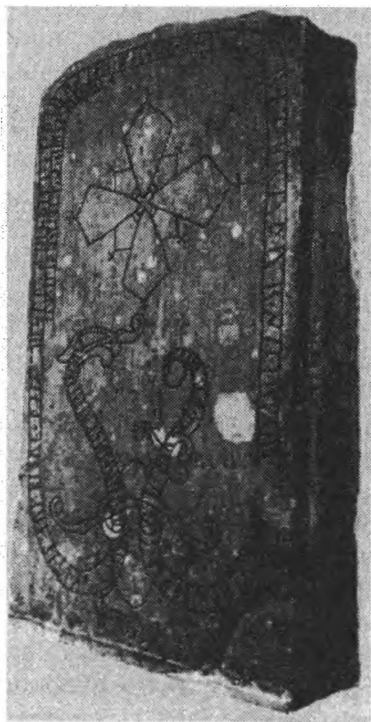
(1015—1066, король Норвегии с 1046 г.)

Историки называют норвежского конунга Харальда Сигурдарзона («Сурового правителя») «последним викингом», поскольку после его гибели масштабные грабительские походы викингов практически прекратились. Жители Скандинавии оставили свое опасное занятие и переключились на морскую торговлю. Разумеется, это произошло не в одночасье. Отдельные походы викингов отмечаются вплоть до XIII века, но эти единичные набеги утратили прежний размах и представляли собой уже исключение из правила.

Жизнь и смерть Харальда Сурового — это жизнь и смерть настоящего, «классического» викинга. Последний полулегендарный герой-викинг совмещал в себе все черты, присущие норманнским разбойникам: решительность, выносливость, стойкость, хитрость, вероломство, мстительность и жестокость. Так же как и его братьев, Харальда Сурового терзала неумная жажда добычи, власти и славы.

Едва достигнув 15-летнего возраста, Харальд вместе с братом Олафом, пытавшимся вернуть отцовский престол, сражался в битве при Стикластадире. Олаф Святой был убит, а раненого юношу Харальда один из воинов вынес на руках из гущи схватки и укрыл в лесу в хижине какого-то бонда. Залечив свои раны, юный викинг подался в Швецию, а в 1031 году отплыл в русские земли и поступил на службу к киевскому князю Ярославу Мудрому.

На Руси Харальд провел три года. Молодой викинг влюбился в дочь Ярослава, Елизавету, и даже сочинил в ее честь несколько песен.

*Надгробный камень викинга,
воевавшего на Руси*

Но Харальд хорошо понимал, что короли и князья выдают своих дочерей только за прославленных государей, а потому он, потомок королевского рода, решил непременно добиться воинской славы и короны. И он добился и того, и другого.

В 1031 году Харальд участвовал в походе князя Ярослава против польского короля, а в 1034-м — уже во главе дружины из 500 воинов нанялся на службу к византийскому императору. По приказу императора он доблестно сражался в Болгарии, Малой Азии, Палестине, Сицилии, на Кавказе и островах Эгейского моря. Одна из византийских хроник, «Наставления императору», так повествует о военных заслугах молодого викинга:

«Император... повелел ему и его воинам отправиться на Сицилию, ибо там затевалась война. Аральт (Харальд) исполнил поручение и сражался очень успешно. Когда же Сицилия покорилась, он вернулся со своим отрядом к императору, и тот даровал ему титул *mangalavites* (носящий пояс). Затем случилось так, что Делий поднял мятеж в Болгарии. Аральт выступил с отрядом в поход, под командой императора, и воевал очень успешно, как и положено столь доблестному и высокородному мужу... Император, в награду за его службу, присвоил Аральту *sprathrokandates* (звание командующего войском)».

Норвежская «Сага о Харальде Суровом» восхваляет его многочисленные военные подвиги и приводит довольно сомнительные и мало правдоподобные факты из жизни Харальда при византийском дворе: якобы он возглавил заговор против Михаила Калафата и собственноручно выколол императору глаза, а императрица Софья тщетно пыталась женить на себе отважного викинга.

Как бы там ни было, Харальд навсегда сохранил любовь к Елизавете Ярославне. Вернувшись в 1045 году на родину, он заставил правившего Норвегией и Данией своего племянника Магнуса Доброго поделить власть, а в 1047 году, после таинственной смерти Магнуса, завладел его короной. Теперь 30-летний король, оваянный военной славой, смог осуществить свою мечту, женившись на дочери Ярослава Мудрого.

Сделавшись королем Норвегии, Харальд быстро заслужил репутацию и прозвище Сурового правителя (Сигурдарсона). Огнем и мечом он подавил восстание бондов, не желавших платить ему налоги, а также покончил с непокорными хевдингами, такими как Эйнар Брюхотряс, который «свел знакомство с остренным клинком (Харальда)».

Наведя твердый порядок внутри государства, норвежский конунг начал затяжную войну с данами. Датский престол после смерти Маг-

нуса Доброго занял Свейн Эстридсен, его давний соперник в борьбе за власть. Харальд, мечтавший объединить Норвегию и Данию под своей короной, наносил Свейну одно поражение за другим: в 1049 году он захватил и сжег главный торговый город Дании, Хедебю; в 1064 году у Ница Харальд уничтожил флот Свейна, состоявший из 70 кораблей, но все было напрасно — даны неизменно поддерживали неудачника Свейна. В конце концов даже воинственный норвежский конунг вынужден был признать, что все безмерно устали от этой нескончаемой войны, и весной следующего года заключил со Свейном мир, оставив Данию за ним.

Но викинг есть викинг, и жизнь без войны для него пресна. В 1066 году, когда в Англии умер король Эдуард Исповедник, к богатой стране протянули жадные руки сразу два властолюбца: Вильгельм, герцог Нормандский, и Харальд, король Норвежский. Харальд Суровый опередил своего конкурента, так как флот Вильгельма долгое время не мог выйти в море из-за противного ветра. Кроме того, норвежскому конунгу удалось сохранить в тайне подготовку к вторжению в Англию, и высадка его войск оказалась для Гарольда Кроткого, унаследовавшего английский престол, полной неожиданностью. На стороне норвежцев выступил бывший эрл Нортумбрии Тостиг, родной брат нового английского короля, ненавидевший его всеми фибрами души.

Соединенный флот Харальда и Тостига насчитывал около 300 кораблей с 9 тысячами воинов на борту. Этот флот, разграбив по пути следования Кливленд, Скарборо и Холдернесс, вошел в Хамбер и по Узу поднялся до Риколла. Здесь произошла битва за Нортумбрию, поскольку дорогу на Йорк викингам перекрыли ополчения эрла Нортумбрии Моркере и эрла Мерсии Эадвине. Ожесточенное сражение длилось почти целый день, и лишь к вечеру норвежцам удалось сломить сопротивление эрлов, после чего Харальд беспрепятственно вступил в Йорк, жители которого изъявили ему полную покорность. Запасшись здесь провиантом и прихватив заложников, викинги вернулись к Риколлу, где стояли их драккары. Отсюда конунг с непонятной целью повел воинов к Стамфордскому мосту (Стамфорд Бридж) на Дервенте, где неожиданно столкнулся с армией английского короля Гарольда.

В битве у Стамфорд Бридж 25 сентября 1066 года сошлись примерно равные по численности и вооружению войска викингов и англосаксов, но на стороне последних было одно важное преимущество — внезапность. Харальд явно недооценил своего противника; он

никак не ожидал, что английский король совершит такой стремительный марш, а потому и не предпринял никаких мер предосторожности.

Норвежцы и англосаксы бились упорно до тех пор, пока Гарольд не применил излюбленный в то время прием ложного отступления. Когда обрадованные бегством врага викинги перешли в атаку, Харальд, доблестно бившийся в первом ряду, получил смертельную рану: стрела вонзилась ему в горло. Лишившись вождя, норманны дрогнули и начали отступать, а отступление вскоре превратилось в паническое бегство. «Англосаксонская хроника» так рассказывает об этом сражении:

«Гарольд, наш король, пошел неожиданно на норманнов и встретил их за Йорком, у Стамфорд Бридж, с большим войском англов, и там был весь день очень жестокий бой для обеих сторон. Тогда убили Харальда Сурового и эрла Тостига, а те норманны, что еще стояли; обратились в бегство. Англы жестоко убивали их сзади, пока они добирались к своим кораблям, и иные утонули, иные сгорели или погибли разными другими смертями, так что мало кто уцелел, а поле битвы осталось за англами».

Через год после этой битвы тело Харальда Сурового перевезли из Англии в Норвегию и захоронили в Нидаросе, в церкви Св. Марии. По свидетельству скальдов, «последний викинг» имел крепкое телосложение, большую голову, длинные густые усы и асимметричные брови.

После гибели Харальда норвежский трон унаследовал его сын Олаф Тихий, предпочитавший жить с соседями в мире. Набеги норманнов прекратились; эпоха викингов завершилась.

«ПОСЛЕДНИЙ АНГЛОСАКСОНСКИЙ КОРОЛЬ» ГАРОЛЬД КРОТКИЙ

(1022—1066, король Англии в 1066 г.)

Эрл Уэссекса Годвин, отец Гарольда, был самым могущественным человеком в Англии. «Его до такой степени превозносили, как будто он правил королем и всей Англией», говорится в «Хронике» Флоренция Вустерского. Так оно, по существу, и было. Король Эдуард Исповедник, слабовольный, тихий и чрезвычайно набожный, являлся лишь марионеткой в его руках. Свое влияние Годвину, лидеру датс-

кой партии при английском дворе, приходилось отстаивать в острой борьбе со сторонниками норманнской партии. В 1051 году последним даже удалось одержать временную победу и отправить Годвина в изгнание. Однако уже в следующем году могущественный эрл при поддержке армии, набранной им во Фландрии, и активной помощи сына Гарольда вернулся в Англию и восстановил прежнее влияние своей семьи, в свою очередь изгнав из страны всех сторонников Нормандии.

В 1053 году, после смерти Годвина, его старший сын Гарольд унаследовал как огромные земельные владения своего отца, так и его власть, сделавшись фактическим правителем государства. Тринадцать лет он управлял Англией от имени безвольного Эдуарда Исповедника. Впрочем, это правление было далеко не безоблачным. Дело в том, что семья Годвина дала трещину: взаимная ненависть разделила Гарольда и его брата Тостига, эрла Нортумбрии, человека завистливого и злобного. Эта вражда в дальнейшем привела к ужасным последствиям.

Далеко идущие последствия имело также одно неожиданное приключение Гарольда. В 1064 году он, совершая инспекционное плава-

Гарольд Кроткий. Изображение на ковре из Байо. XI в.

ние у южного побережья Англии, угодил в ужасный шторм, выбросивший его корабль на французский берег. Граф Понтье, владелец тех земель, в соответствии с тогдашним «береговым правом» потребовал от Гарольда огромный выкуп, угрожая в противном случае конфискацией корабля со всем его грузом. Нормандский герцог Вильгельм, неожиданно вмешавшийся в этот спор, потребовал от графа немедленно освободить Гарольда и всех его спутников. Понтье был вынужден подчиниться и отправить потерпевших кораблекрушение ко двору герцога.

Гарольд и Вильгельм быстро подружились. Они весело проводили время в пирах, вместе охотились и даже сражались с бретонцами. Вильгельм посвятил своего гостя в рыцари. Однако эта дружба была не совсем бескорыстна — нормандский герцог преследовал далеко идущие цели. Опираясь на династические связи своего отца, Роберта Дьявола, Вильгельм претендовал на корону Англии, и главным его соперником мог стать со временем именно Гарольд. Поэтому он предложил своему гостю заключить договор, в соответствии с которым Вильгельм после смерти бездетного Эдуарда Исповедника становится королем Англии, а Гарольд — эрлом Уэссекса, то есть вторым лицом в королевстве.

Надо полагать, что такое распределение ролей не очень-то понравилось Гарольду, ведь он и сам метил на английский престол. Тем не менее ему пришлось принести Вильгельму торжественную клятву, скреплявшую этот договор, иначе нормандский герцог просто-напросто не выпустил бы его живым.

Эдуард Исповедник скончался 5 января 1066 года, и с его смертью угасла великая династия саксонских королей. Гарольд, пользовавшийся в Англии всеобщей поддержкой и рекомендованный в качестве наследника самим Эдуардом, торжественно короновался в Вестминстерском аббатстве. Он и думать забыл о клятве, данной Вильгельму, считая ее вынужденной и, следовательно, не имеющей никакой силы.

Итак, Гарольд стал королем Англии, достигнув того, о чем не мог и мечтать его могущественный отец. Но весной в небе явилось зловещее предзнаменование, предвещавшее близкий конец его короткого царствования — то была комета, наводившая ужас на суеверных людей средневековья. А вскоре королю Гарольду, встревоженному появлением кометы, приснился вещий сон. Он видел, будто весь морской горизонт покрылся бесчисленным количеством кораблей, плывущих в сторону Англии. Это видение повергло его в трепет. Одна из

сцен знаменитого Байейского полотна, на котором изображена вся история завоевания норманнами Англии, запечатлила вещей сон Гарольда. На ней изображен трон Гарольда, а под ним — целое скопище кораблей, словно материализовавшихся из страхов и тревог английского короля.

Однако первый удар последовал не с юга, как можно было ожидать, а с северо-востока, со стороны Норвегии. Мстительный брат Гарольда, Тостиг, которого король изгнал из страны, явился к норвежскому конунгу и убедил его предпринять вторжение в Англию. Состояние обороны острова оставляло в то время желать лучшего, побережье почти не охранялось, и Харальд Суровый, увлеченный мыслью сделаться властителем Англии, поддался на уговоры Тостига. В сентябре 1066 года норвежский флот с Харальдом и Тостигом во главе поднялся по Хамберу. Норвежцы, разгромив ополчения местных эрлов, остановились лагерем неподалеку от Йорка, у Стамфорд Бридж.

Пришло время королю Гарольду обнажить меч, и он, совершив стремительный марш на север, уже через пять дней во главе дружины и ополчений предстал перед врагом. Англичане атаковали противника, захваченного врасплох, но скандинавы яростно отбивались. Тогда Гарольд применил прием ложного отступления. Строй норвежцев раскрылся, а англичане, внезапно прекратив отступление, развернулись лицом к опешившему врагу и нанесли норвежцам большой урон. При этом король Харальд Суровый был ранен стрелой в горло, и командование взял на себя Тостиг. Гарольд предложил брату помириться и обещал сохранить жизнь всем оставшимся норвежцам, но они отвергли это предложение и почти все полегли под ударами английских секир. Тостиг, не скрывавший своей злобы, был захвачен в плен и казнен. После битвы Гарольд приказал наделить Харальда и Тостига английской землей, которой они так жаждали, выделив им по семь футов на могилу.

Королю не удалось отпраздновать эту блестящую победу. Едва отгремело сражение у Стамфорд Бридж, как запыленный гонец принес ему ужасную новость: норманнский флот Вильгельма подошел к Певенси. Гарольду с остатками войска пришлось спешно мчаться с севера на юг. Через неделю король был в Лондоне и, собрав все возможные силы, устремился к Певенси. 13 октября англичане заняли мрачный Тельхэмский холм и перекрыли врагу дорогу на Лондон.

Гаральд выбрал удачную позицию для обороны. С одной стороны к Тельхэмскому холму подступал густой лес, служивший естественным укреплением позиции англичан, а с двух других сторон

холм обрывался крутыми спусками. Единственную открытую для атаки сторону Гарольд приказал перегородить частоколом, заслонив бреши между кольями высокими щитами, вкопанными острыми концами в землю.

Основную силу армии Гарольда составляла пехота, вооруженная длинными тяжелыми секирами. Оружие саксонских крестьян-ополченцев было слабее: оно состояло из окованных железом рогатин и палиц. Англосаксонское войско насчитывало около 10 тысяч бойцов; примерно столько же было и у норманнов. Однако в отличие от англичан герцог Вильгельм располагал многочисленной рыцарской конницей.

14 октября 1066 года состоялось переломное в истории Англии сражение при Гастингсе. Поначалу англичане успешно отбивали все атаки вражеской кавалерии. Их тяжелые секиры сокрушали шлемы рыцарей, прорубали кольчуги, убивали и калечили лошадей. Норманны никогда не сталкивались в бою с такими стойкими пехотинцами.

По иронии судьбы, Гарольда погубило при Гастингсе то, что помогло ему при Стамфорд Бридж — ложное отступление. Только применил эту уловку на сей раз не Гарольд, а Вильгельм. Храбрые, но неопытные английские крестьяне с радостными криками покинули укрепление и беспорядочными толпами устремились в погоню за врагом. Рыцари же повернули по команде коней и изрубили их всех до одного.

Сильно поредевшие английские отряды сплотились вокруг королевского штандарта и продолжали стоять насмерть. Но тут лучники Вильгельма начали массированный обстрел их позиций. Ливень стрел, от которого невозможно было укрыться, обрушился на обороняющихся. Сначала пали оба брата Гарольда — Гирт и Леофвин, а через несколько минут стрела впилась в правый глаз короля. Смертельно раненный, он рухнул с коня и умер рядом со своим штандартом. Увидев гибель короля, англичане бросились бежать по направлению к лесу, но лишь немногим удалось спастись — рыцари настигали их и рубили, никому не давая пощады.

Так решилась судьба Англии. Завоеватели жестоко подавили все попытки сопротивления, установив в королевстве режим кровавого террора. Вильгельм стал королем Англии. Что же касается короля Гарольда, то его тело после сражения таинственным образом исчезло. По одной версии, кровожадные норманны, сорвав с убитого короля дорогие доспехи, изрубили его в мелкие куски. Согласно другой, нагое тело Гарольда, завернутое в пурпурное покрывало, спрята-

ли среди скал у бухты. На все просьбы матери Гарольда выдать ей тело сына, Вильгельм отвечал решительным отказом, заявляя, что королю лучше остаться лежать на саксонском берегу, защищая который, он доблестно пал в бою. Существует также утверждение, что позднее тело нашли и захоронили в Уолтхэмском аббатстве, некогда основанном самим Гарольдом — последним англосаксонским королем.

«ЗАВОЕВАТЕЛЬ АНГЛИИ»

ВИЛЬГЕЛЬМ ЗАВОЕВАТЕЛЬ

(1027—1087, король Англии с 1066 г.)

Вильгельм, знаменитый завоеватель Англии, родился в результате романтического союза герцога Нормандии Роберта Дьявола с простой девушкой Арлеттой, дочерью дубильщика кож. Иными словами, он был бастардом, незаконнорожденным, и это наложило неизгладимый отпечаток на его характер. Вильгельм очень болезненно реагировал на любые намеки по поводу его происхождения и жестоко мстил своим обидчикам. Однажды, будучи уже в зрелом возрасте, когда он осаждал французский город Алансон, горожане в насмеш-

Изображение кораблей Вильгельма Завоевателя на ковре из Байо. XI в.

ку вывесили на стенах шкуры животных и, потешаясь, кричали Вильгельму:

— Кожа, кожа! Кожаный герцог!

Дикая ярость обуяла честолюбивого норманна. Он велел отрубить всем пленникам руки и ноги и перебросить окровавленные обрубки через стены, а когда город пал, с самых знатных горожан заживо содрали кожу.

В 1084 году, перед тем как отбыть в Святую землю, Роберт Великолепный (он же Роберт Дьявол) собрал своих баронов и сказал им:

«Я не оставляю вас без господина. У меня есть мальчишка с левой руки, я точно знаю, что это мой сын. Если он, Бог даст, вырастет и станет разумным человеком, возьмите его господином себе, а я теперь же отдаю всю Нормандию в его владение».

В следующем году, возвращаясь из Иерусалима, Роберт Дьявол внезапно умер, и Вильгельм стал полновластным герцогом Нормандии. Генрих, король Франции, признал его права и оказывал юноше всяческую поддержку. Однако многим баронам не нравилось, что ими управляет бастард, и в 1047 году возник заговор против него. Заговорщики планировали убить Вильгельма во время охоты, но верный шут успел предупредить своего хозяина об опасности. Вильгельм ускакал от убийц и укрылся в Фалезе, столице норманнских герцогов. Оттуда он обратился за помощью к французскому королю, и тот прислал войска, с помощью которых герцог разгромил мятежников при Вал-э-Дюне.

Незаконнорожденный герцог обладал непомерным честолюбием. В 1051 году, по свидетельству хроники, он посетил бездетного короля Англии Эдуарда Исповедника, и король пообещал Вильгельму сделать его своим наследником. С тех пор мечта о королевской короне не покидала честолюбца. Помешать осуществлению его планов мог только могущественный Гарольд, поэтому Вильгельм, воспользовавшись благоприятным случаем, навязал своему сопернику договор, описанный нами в предыдущей биографии.

В те далекие времена люди придавали большое значение клятвам, данным перед Богом, но трижды священной считалась клятва, произнесенная над какой-либо реликвией. Гарольд, клявшийся соблюдать заключенный между ними договор, возможно, и не подозревал о том, что под алтарем спрятана одна из таких реликвий — мощи св. Эдмунда.

К 1066 году герцог Нормандии основательно укрепил свое положение, подавив оппозицию среди своих баронов, стабилизировав

границу с Бретанью, отобрав Мен у Анжуйской династии и породнившись с графом Фландрским через брак с его дочерью Матильдой. Можно легко себе представить, какие чувства испытывал Вильгельм, когда ему сообщили о смерти Эдуарда Исповедника и воцарении Гарольда. Комета 1066 года, так напугавшая наивных христиан, внесла в его душу успокоение: «волосатая звезда» предвещала, по мнению Вильгельма, не что иное, как скорое падение Гарольда — святотатца и клятвопреступника.

Божественный промысел, как известно, осуществляется через посредство людей, поэтому Вильгельм немедленно начал тщательную и планомерную подготовку к завоеванию Англии. Идея норманнского герцога захватить и поделить земли Англии привлекла под его знамена многих рыцарей и баронов из Бретани, Фландрии, Италии, Испании, не говоря уже о его собственных подданных. К весне 1066 года в Сент-Валери, у устья Соммы, собралась внушительная армия вторжения: 700 кораблей, 7 тысяч рыцарей и 2—3 тысячи лучников. Однако погода решительно воспротивилась намерениям герцога Вильгельма — в течение полутора месяцев эта армада не могла отплыть из-за противного ветра. Армия авантюристов, не спяянных крепкой дисциплиной, уже начала разлагаться, когда герцог прибег к радикальным религиозным мерам: по его просьбе из аббатства Сент-Валери монахи доставили мощи св. Эдмунда и торжественно пронесли их по берегу пролива. На следующий же день подул попутный ветер, и Вильгельм отдал приказ к отплытию.

Плавание через Ла-Манш прошло без каких-либо осложнений. Чтобы его флот не рассеялся в сгущающихся сумерках, герцог повелел зажечь на верхушке мачты своего корабля яркую лампу, послужившую путеводным маяком для всей армады.

28 сентября норманнский флот, преодолев пролив, встал на якоре в заливе Певенси. Высадке захватчиков никто не препятствовал, поскольку побережье охранялось из рук вон плохо. Герцог пожелал первым вступить на «свою» землю. Выпрыгнув из лодки, он поскользнулся и упал ничком. Воины забеспокоились, сочтя это дурным знаком, но Вильгельм, рассмеявшись, обратил все в шутку:

— Видите, я взял Англию обеими руками!

Пока норманны сооружали форты для защиты флота, подоспела англосаксонская армия Гарольда. Решающее сражение произошло у Гастингса 14 октября. Поскольку англичане укрепились на высоком холме, Вильгельму пришлось атаковать их на этой сильной позиции. Право первым начать атаку получил храбрый рыцарь и извес-

тный менестрель Иво Тайллефер. Рассчитывая поразить врага, он, выехав из рядов, в одиночку поскакал в сторону холма. При этом рыцарь на скаку подбросил вверх копьё и щит, а затем ловко поймал их. Но англичане не оценили его акробатических этюдов: как только Иво приблизился к их позициям, его немедленно зарубили. Так пролилась первая кровь.

Вильгельм хорошо продумал план сражения. Поскольку английская пехота стойко оборонялась, он чередовал атаки рыцарской конницы с жесточайшим обстрелом из луков. Англосаксонские воины, тесно сгрудившиеся на холме, несли большие потери от стрел. Раненых, вопивших от боли, невозможно было вынести из плотной толпы, а убитые, сжатые со всех сторон, оставались стоять на ногах.

В этой битве Вильгельм проявил себя истинным героем. Он бросался на выручку товарищам, попавшим в окружение; рискуя жизнью, прикрывал собою раненых и при этом еще успевал командовать. Под ним убили трех коней, но, сменив убитого на очередного, Вильгельм вновь устремлялся в самую гущу схватки. После боя соратники герцога с изумлением увидели, в каком состоянии оказалось его вооружение: щит был так изрублен, что едва не распадался на куски; шейный обод посеченной кольчуги сильно прогнулся; шлем, весь в трещинах и вмятинах, потерял свою форму; а клинок меча, покрытый засохшей кровью, оказался сплошь в зазубринах.

Как известно, победе норманнов способствовал ложный маневр, имитировавший отступление. После того как Гарольд, пораженный стрелой в глаз, рухнул под своим знаменем, английские ратники начали разбегаться.

Спустя примерно десять лет после тех событий была создана удивительная Байейская вышивка. На этом дивном гобелене, вытканном на отрезе ткани длиной 70 метров и шириной 50 сантиметров, в 58 сценах запечатлена вся история завоевания Англии норманнами. Автором этого шедевра легенда называет Матильду, жену Вильгельма. Один фрагмент гобелена, носящий название «Синий конь», изображает самый трагический момент битвы при Гастингсе, когда норманнские рыцари бросились преследовать убегающих англичан. На обратной стороне Тельхэмского холма оказался глубокий ров, куда попадали многие рыцари вместе с лошадьми. В страшной давке и сумятице им никак не удавалось выбраться наружу, а англичане яростно добивали их сверху топорами. Впоследствии норманны окрестили это гибельное место Рвом Дьявола.

Итак, Вильгельм уничтожил главного противника и разгромил его войско, но ему еще предстояло подчинить все королевство своей влас-

ти. Для этого он широко использовал тактику кровавого террора. Когда Вильгельм двинулся через Кент на Лондон, англичане затаились и не спешили изъявлять норманнам свою покорность, а горожане Ромни даже истребили небольшой отряд захватчиков. Их постигла жестокая месть, заставившая содрогнуться самые смелые сердца. Подступив к Лондону, Вильгельм безжалостно опустошил его окрестности. Тогда устрешенные знать и духовенство вышли ему навстречу и униженно умоляли принять корону. Коронация Вильгельма состоялась на Рождество в Вестминстерском аббатстве. Сделавшись королем Англии, Вильгельм щедро вознаграждал своих соратников землями и крепостными крестьянами.

Север Англии, находившийся под властью саксонских эрлов Эадвине и Моркере, долго не признавал Завоевателя. Король предпринял карательный поход на север, опустошая по пути целые графства. Захватчики действовали с предельной жестокостью, охотясь на людей, как на диких зверей. Но сопротивление саксов продолжалось очень долго, не менее 20 лет. Легенды сохранили имена саксонских вождей, не склонивших головы перед норманнами, таких как Вальтеоф, Хируорд Бодрый и Эдрик Лесовик.

Завоевав Англию, Вильгельм не собирался отказываться и от своих континентальных владений. Здесь он неожиданно встретил противника в лице собственного сына Роберта, получившего прозвище Короткий Сапожок за свой маленький рост. Роберт, рыцарь-авантюрист, любитель сражений и приключений, потребовал у отца герцогство Нормандию. Разгневанный Вильгельм проклял и изгнал сына. Тогда Роберт нашел убежище у короля Франции Филиппа, подстрекая последнего к войне с норманнами. В ходе этой войны отец и сын сошлись однажды в рыцарском поединке. Роберт пронзил копьем руку отца и, сбросив его с коня, уже собирался добить раненого, когда вмешательство одного англичанина спасло Вильгельма от неминуемой смерти. Правда, впоследствии Роберт раскаялся и примирился с отцом.

Причиной смерти Вильгельма Завоевателя стал, казалось бы, совершенно пустячный случай. Норманны захватили и разрушили французский город Монт. Вильгельм проезжал по улицам сожженного города, когда его конь споткнулся на обломках. Пожилого короля резко бросило на луку седла. Полученная травма вызвала мучительную болезнь. Все лето 1087 года Вильгельм провел в Руане, в монастыре Сен-Жервез, тяжело страдая от сильных болей в животе. Чувствуя приближение смерти, Вильгельм призвал к себе сыновей и огласил им свою предсмертную волю. Старшему сыну, преданному

отцу Вильгельму, досталась английская корона; неблагодарный Роберт получил-таки Нормандию; что же касается младшего сына, Генриха, то на его долю владений не хватило, и ему пришлось удовольствоваться лишь большой суммой денег.

Вильгельм Завоеватель скончался 9 сентября 1087 года. Уже после смерти великий герой подвергся унижительным оскорблениям: слуги обворовали тело, сняв с него все перстни и даже одежду, а кладбищенский сторож долго торговался из-за цены на могилу.

Вот как оценивает хроника правление короля Вильгельма:

«Он был очень строгим и жестоким человеком, и никто не осмеливался делать что-либо вопреки ему. Он сажал на цепь тех эрлов, которые поступали против его воли. Он изгонял епископов из их епархий и аббатов из их аббатств; он бросал танов в тюрьму и не пощадил даже своего брата, которого звали Одо... Без сомнения, в его время народ много угнетали и чинили много несправедливостей».

Однако тот же хронист отдает ему должное как храброму рыцарю и властному королю, вполне оправдавшему прозвище Завоеватель:

«...Уэльс был в его власти, и он строил там крепости и полностью контролировал его жителей. Благодаря своей силе он подчинил себе также Шотландию. Земля Нормандии принадлежала ему по праву наследования, и он правил графством Мэн; если бы он прожил на два года больше, то покорил бы и Ирландию одной своей расчетливостью и без оружия».

«МЕЧ РЕКОНКИСТЫ»

АЛЬФОНС ШЕСТОЙ

(король Кастилии в 1073—1109)

В начале VIII века арабы завоевали Испанию, населенную вестготами. Часть вестготов бежала на север, в горы, и там укрепились. В XI веке арабский Кордовский халифат, в котором начались междоусобицы, распался на множество независимых эмиратов, враждовавших друг с другом. Этим воспользовались христиане, образовавшие к тому времени несколько королевств на севере Пиренейского полуострова — Леон, Кастилию, Арагон и Наварру, для того чтобы начать Реконкисту (отвоевание полуострова у арабов).

Больших успехов в борьбе с маврами (арабами) добился Фернандо Первый (1037—1065), король Кастилии и Леона, отвовавший за-

падную часть полуострова, где впоследствии возникло королевство Португалия, и почти весь бассейн реки Дуэро.

Фернандо разделил все свои земли между наследниками. Старший сын, Санчо, получил Кастилию, средний, Альфонс, — Леон, а младший, Гарсия, — Галисию. Небольшие уделы получили и две дочери Фернандо, Эльвира и Уракка. Отец перед смертью наказывал им жить в мире, помогая друг другу. Однако Санчо пожелал объединить все земли под своей властью, отняв их у братьев и сестер. Первым делом он отобрал Галисию у Гарсии и заключил брата в тюрьму, а затем напал на Альфонса и, разбив его в битве при Гольпохере (1065), прибрал к рукам королевство Леон.

Спасаясь от преследования, Альфонс бежал к толедскому эмиру Мамуну, оказавшему несчастному изгнаннику самый радушный прием. Со временем Мамун стал для него как бы вторым отцом. Альфонс безбедно жил в его великолепном дворце и даже участвовал в войне против севильского эмира, враждовавшего с его благодетелем.

Однажды в жаркий полдень Альфонс и Мамун, окруженные свитой, гуляли в дворцовом саду. Истомленный зноем, молодой испанец

Альфонс VI. Рисунок со средневековой гравюры

прилег на траву в тени дерева и заснул, а эмир продолжал неторопливо беседовать со своими подданными. Альфонс услышал сквозь сон, как Мамун поинтересовался у одного офицера из своей свиты, весьма опытного в военном деле, о возможности взятия Толедо. Тот отвечал, что штурмом овладеть Толедо невозможно, но если враги станут опустошать окрестности города в течение нескольких лет и, взяв город в осаду, морить его население голодом, то столица безусловно падет.

Изгнанник, преисполненный благодарности к своему покровителю, не имел ни малейшего намерения обнажать против него оружие, но этот невольный подслушанный разговор не выходил у него из головы. Лишь через 20 лет, когда эмира Мамуна уже не было в живых, Альфонс испытал этот способ взятия Толедо.

В 1073 году при осаде Саморы король Санчо получил тяжелое ранение. Перед смертью он раскаялся в том, что не выполнил отцовского наказа, и продиктовал письмо для Альфонса, в котором умолял брата о прощении. Умирая, Санчо завещал свой престол Альфонсу и повелел кастильской боевой дружине принести ему присягу на верность. Так Альфонс Шестой воцарился над Кастилией, Леоном и Галисией.

Объединив все три королевства отца под своей рукой, Альфонс Шестой достиг большого могущества. Теперь он мог приступить к выполнению главной исторической миссии — отвоеванию Андалусии у арабов.

Меч реконкисты оказался в могучей руке храброго рыцаря и мудрого государя. Задачей первостепенной важности для Альфонса Шестого стало завоевание Толедо, этой древней столицы вестготских королей. Тогда-то он и вспомнил о разговоре, подслушанном в саду эмира Мамуна. Чтобы увеличить свои силы, король заключил союз с севильским эмиром Мотамидом через его главного министра Ибн-Аммара. Альфонс Шестой ловко воспользовался незатихающей враждой эмиров Толедо и Севильи ради успеха дела реконкисты. Он даже женился на дочери последнего, Заиде, несмотря на то что уже состоял в браке с бургундской герцогиней Констанцией. Цель оправдывала средства.

На протяжении трех лет кастильская армия совместно с севильскими маврами опустошала окрестности Толедо, сжигая посевы, вырубая фруктовые деревья и уводя в плен крестьян целыми деревнями, подрывая тем самым экономическое могущество эмирата. Правитель Иагия, преемник Мамуна, рассылал отчаянные призывы

о помощи ко всем мусульманским властителям Испании, но они остались глухи ко всем его мольбам. Одни из них совершенно изнежились и не желали воевать, а другие были заняты своими междоусобицами.

На четвертый год, когда плод, по его мнению, созрел, король Альфонс с многочисленной армией осадил Толедо. Город отчаянно оборонялся в течение шести месяцев, но в конце концов костлявая рука голода взяла за горло его защитников. Иагия бежал в Валенсию, а горожане вступили в переговоры с христианами. Альфонс Шестой предложил жителям Толедо очень мягкие условия капитуляции: им гарантировалась личная и имущественная неприкосновенность, а также свобода вероисповедания. 25 мая 1085 года ворота древнего города распахнулись перед победителем.

В результате завоевания Толедо Альфонс Шестой взял под контроль всю долину реки Тахо. Город-крепость, преграждавший горные проходы, превратился в грозный оплот христианской Испании. Закрепляя свою великую победу, король Альфонс завоевал также соседние города — Мадрид и Гвадалахару.

Падение Толедо не на шутку встревожило всех эмиров Испании. Устрашенные успехом христиан, они скоро нашли козла отпущения в лице Ибн-Аммара, заключившего нечестивый союз с королем неверных. Охваченные внезапным приливом патриотизма, эмиры казнили Ибн-Аммара и принялись совещаться относительно совместных военных действий против христиан.

Тем временем король Альфонс развернул войну против арабских властителей Бадахоса и Сарагоссы. Война вызывала большие расходы, и тогда король потребовал выплаты дани от своего тестя Мотамида, эмира Севильского. Но Мотамид, разгневанный таким требованием, приказал казнить кастильского посла. Взбешенный Альфонс направил ему тогда грозное послание:

«Ты знаешь, что произошло в городе Толедо, столице всей Испании... Если ты и твой народ до нынешнего дня избежали той же участи, то теперь пришел и ваш черед; только моя добрая воля отсрочивала вашу гибель».

Мотамид гордо отвечал на это:

«Если некогда я по несчастью, вынужденный насилием, обещал тебе дань, то теперь не жди от меня ничего, кроме беспощадной войны, жестоких битв, кровавых нападений днем и ночью, без отдыха и без конца, грабежей и опустошений огнем и мечом. Таковы подарки, которые мы готовим твоей стране вместо золота и серебра. Итак, во-

оружись и приготовься к битве, ибо я бросаю тебе презрительный вызов».

Вслед за этим Мотамид созвал на совет в Севилью всех эмиров Андалусии. Ввиду усилившейся угрозы со стороны христиан, совет эмиров почти единодушно постановил призвать в Испанию Юсуфа Альморавида, талантливого полководца, покорившего страны Магриба.

Армия Юсуфа высадилась в Альхесирасе в начале июля 1086 года. Эта армия имела довольно экзотический вид: в нее входили кавалерийские эскадроны арабов, берберов и негров верхом на лошадях и верблюдах; пехотные отряды номадов Сахары с закрытыми покрывалами лицами и наемные христианские латники. С Юсуфом выступил даже отряд испанских рыцарей под командованием Гарсии Ордоньеса. Это чрезвычайно пестрое по составу воинство представляло из себя грозную силу ввиду своей многочисленности.

Альфонс Шестой осаждал Сарагоссу, когда ему доложили о прибытии армии Юсуфа. Быстро оценив размеры опасности, король распорядился немедленно снять осаду и отправить гонцов к христианским королям Арагона и Наварры. Соединенное войско испанцев встретилось с противником 23 октября 1086 года у Саграхаса. Отряды кастильцев, леонцев, арагонцев, наваррцев и бургундцев действовали в этой битве настолько несогласованно и хаотично, что очень скоро потерпели сокрушительное поражение. Потери христиан были колоссальны: король Альфонс вернулся в Толедо всего лишь с сотней рыцарей. Но Юсуф не стал его преследовать и осаждать Толедо: получив известие о смерти сына, он немедленно возвратился в Африку.

Эмирам, ликовавшим по случаю победы, очень скоро пришлось горько пожалеть о том, что они пригласили такого опасного союзника. Вернувшись из Африки, Юсуф Альморавид при поддержке духовенства и большинства мавританского населения Испании, видевшего в нем непобедимого героя, произвел настоящий переворот на Пиренейском полуострове, свергнув почти всех эмиров, погрязших в роскоши и бездельи, и подчинил всю мусульманскую часть страны своей власти.

Пока Юсуф подавлял слабое сопротивление эмиров, Альфонс Шестой постепенно оправился от поражения при Саграхасе и, укрепив свою армию, через пять лет вновь перешел в наступление. Кастильцы достигли устьев Тахо и овладели Сантаремом, Лиссабоном и Синтрой. Но это были их последние победы.

Король постарел и уже не мог лично руководить войсками. В лице Юсуфа он встретил очень сильного противника, вновь нанесшего ему поражение в 1102 году при Хаэне. В 1106 году умершему Юсуфу наследовал Али, энергичный и фанатичный мусульманин, бредивший священной войной. В 1108 году последовало новое поражение христиан при Уклесе. Кастильцами предводительствовал Санчо, 11-летний сын Альфонса Шестого, павший в этом бою. Горе совершенно сломило старика-отца, не перенесшего этой тяжелой утраты — меньше чем через год Альфонс Шестой скончался. Но он не даром прожил свою жизнь, полную борьбы и тревог, немало способствуя окончательному успеху реконкисты. Возможно, не будь его, не было бы и грандиозной победы при Лас-Новас-де-Толосе (1212), положившей конец арабскому владычеству на Пиренейском полуострове.

ГЛАВА 2

ЭПОХА КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

«КРАХ ЧЕСТОЛЮБЦА»

БОЭМУНД ТАРЕНТСКИЙ

(? —1111)

Призыв римского папы Урбана Второго к борьбе за освобождение Гроба Господня из рук «неверных», прозвучавший в 1095 году на Клермонском соборе, был услышан во всех концах Европы. Зажигательная речь этого выдающегося оратора средневековья воспламенила сердца сотен тысяч верующих, которые с громкими возгласами: «Так хочет Бог!» — тут же надели кресты на свои одежды, показывая тем самым готовность немедленно выступить в поход ради освобождения христианских святынь Иерусалима. Среди желающих отправиться в крестовый поход были представители всех сословий средневекового феодального общества. Однако у многих из них доминировали вовсе не религиозные мотивы. Жажда наживы, стремление захватить изрядный кусок земли, сочащийся, по словам папы, «млеком и медом», побуждали многих авантюристов из числа феодалов оставить свои привычные занятия и принять крест. К таким крестоносцам относился и Боэмунд Тарентский, один из предводителей Первого крестового похода.

Сын норманнского герцога Апулии Роберта Гвискара, Боэмунд, был прирожденным рыцарем. Еще юношей он участвовал в войнах отца против Византийской империи, где отличился при взятии города Диррахия. Храбрый, ловкий и честолюбивый, Боэмунд был готов с легкостью отказаться от своего маленького владения в Южной Италии ради надежды приобрести на Востоке большое царство. Поэтому, едва его слуха достигли известия с Клермонского собора, Боэмунд сразу же прекратил осаду Амальфи и собрал вокруг себя множество новоиспеченных крестоносцев.

По свидетельству летописцев, армия Боэмунда насчитывала 10 тысяч конницы и 20 тысяч пехоты, причем ядро этого воинства составили норманнские бойцы, закаленные в битвах с греками и сицилийскими сарацинами. В крестовом походе Тарентского князя сопровождали лучшие рыцари Апулии, Калабрии и Сицилии, такие как Ричард Салернский, его брат Ранульф, Герман Канийский, Роберт Сурдевальский, Роберт Гозский, Буаль Шартрский, Готфрид де Монтегю, и славнейший их всех — Танкред, племянник Боэмунда, истинное зеркало рыцарства, по представлениям многих современников и потомков.

Священник и рыцарь. Скульптура из собора в Реймсе

Пунктом сбора всех ополчений крестоносцев стал Константинополь, поскольку именно император Византии Алексей Комнин, владениям которого угрожали мусульмане, обратился за помощью к папе Урбану. Каждое из этих ополчений добиралось до столицы Византийской империи своим путем. Что касается армии Боэмунда Тарентского, то она, погрузившись на корабли, пересекла сначала Адриатическое море, а уже дальше следовала по суше, через Эпир и Фракию.

Будучи союзником крестоносцев, император Алексей, тем не менее, преследовал лишь собственные интересы. Воспользовавшись тем, что отряды крестоносцев подходили к Константинополю разрозненно, стягиваясь сюда на протяжении всей осени 1096 года, он постарался навязать им свою волю, заставив их вождей принести ему вассальную присягу. К строптивым применялась сила — выражаясь современным языком, византийская армия была приведена в полную боевую готовность.

Боэмунд Тарентский, давний недруг императора, прикинувшись смиренной овечкой, послушно, как школьник, пробубнил слова требуемой клятвы. У него не вызвало протеста даже требование императора передать в его руки все города, которые крестоносцы завоюют в Малой Азии. Разумеется, Боэмунд не собирался выполнять ни единого пункта из этой дурацкой клятвы, рассматривая ее как пустейшую формальность. Не затем он отправился в этот опасный поход, чтобы таскать каштаны из огня для презренного ромея.

Император Алексей, засыпанный жалобами своих подданных на грабежи латинян, поспешил переправить буйных союзников через Босфор. Весной 1097 года крестоносцы вступили на территорию Малой Азии. Их громадное войско, не поддающееся исчислению, почти не встречало сопротивления, пока не подступило к Никее, столице султана Килидж-Арслана.

Рассеяв отряды султана, крестоносцы осадили Никею. Когда город уже был готов пасть, византийский император вступил в тайные переговоры с осажденными, убеждая их сдаться его воинам и угрожая в противном случае страшной резней, которую свирепые крестоносцы не замедлят учинить в захваченном городе. Испуганные жители поспешили впустить в Никею византийский отряд, а греки захлопнули ворота перед самым носом крестоносцев.

Ярость воинов креста невозможно описать. И хотя император, желая подсластить горькую пилюлю, приказал своим солдатам выдать крестоносцам большую часть захваченной добычи, эта компенсация никого не устроила. С тех пор за императором Алексеем закрепилась репутация вероломного предателя.

От Nikeи орды крестоносцев двинулись к столице Сирии — Антиохии. По дороге они разделились на два корпуса, каждый из которых следовал своим маршрутом. Этим и воспользовался жаждущий мщения Килидж-Арслан («Львиная Сабля»). Хитрый как лис и храбрый как лев, он уже давно шел по следам крестоносцев. В долине Горгоны, близ Дорилеи, корпус Боэмунда попал в засаду, устроенную в горах. 150-тысячное войско мусульман стремительно атаковало противника, смяло отряд Танкреда и ворвалось в лагерь крестоносцев. Однако Роберт Нормандский, выхватив у знаменосца свой белый с золотом стяг, повел рыцарей в контратаку. Боэмунд поддержал потрепанный отряд Танкреда и призвал воинов не падать духом: в самом начале боя он отправил гонцов за помощью. И действительно, вскоре показался корпус Готфрида Буйонского, с марша атаковавший сарацин. Удар Готфрида был настолько сильным и неожиданным, что все огромное войско Килидж-Арслана бежало в великой панике. На поле боя остались 23 тысячи убитых мусульман; крестоносцы же потеряли в битве при Дорилее около 4 тысяч человек.

Антиохия, один из крупнейших городов Восточного Средиземноморья, представляла собой почти неприступную крепость. 450 башен возвышались над ее толстыми стенами, город прикрывали с разных сторон горы, река, болото и море. Защищал Антиохию умный и энергичный полководец Баги-Зиян с отборным войском.

Около года крестоносцы тщетно осаждали Антиохию. Они тяжело страдали от болезней и холодных дождей. Каждый седьмой умер от голода. В довершение всех бедствий пришло известие, что мусульманам идет на выручку мосульский эмир Кербога с 200-тысячным войском. Если бы эта армия подошла к Антиохии раньше падения города, то участь крестоносцев была бы решена и им не осталось бы ничего, кроме позорного плена или почетной гибели.

Положение спас Боэмунд. Он вступил в тайный сговор с неким Фирузом, командовавшим тремя башнями осажденного города. Этот предатель согласился пропустить рыцарей в город через свой участок обороны. Тогда Боэмунд на военном совете предложил князьям провести их в город, но с одним условием: Антиохия должна перейти в его владение. Те поначалу отказались, ссылаясь на присягу, принесенную императору. На самом деле они просто не желали отдавать одному человеку столь лакомый кусок. Однако Тарентский князь имел на руках очень важный козырь — он напомнил им о страшном Кербоге: «Время не терпит, — заявил он, — торопитесь действовать: завтра, может быть, будет поздно!»

Поколебавшись, князья под давлением обстоятельств были вынуждены принять условие Боэмунда. В ночь на 3 июня 1098 года Боэмунд Тарентский первым поднялся по кожаной лестнице на башню Трех Сестер. За ним следовали 60 рыцарей его отряда. Они заняли две соседние башни и расчистили путь для всего войска. Крестоносцы ворвались в город и учинили свирепую резню, перебив более 10 тысяч жителей. Погиб и сам Баги-Зиян, но его сыну, собравшему несколько тысяч мусульман, удалось пробиться в цитадель, расположенную на южной окраине города, и все попытки выбить его оттуда успехом не увенчались.

5 июня к Антиохии подошла армия Кербоги, и осаждавшие превратились в осажденных. Вскоре начался страшный голод. Крестоносцы ели траву, кору деревьев, панцирные ремни и даже падаль. Далеко не все выдержали это суровое испытание: одни малодушные сдавались в плен, другие ночами спускались по веревкам со стен и убегали в горы. Среди этих «веревочных беглецов» оказался и знатный француз, граф Стефан Блуасский, один из самых богатых феодалов Европы, имевший, по словам современников, «столько замков, сколько дней в году».

Сознавая всю серьезность сложившегося положения, князья видели, что спасти их может лишь твердая воля единого вождя. Таким вождем и был избран Боэмунд Тарентский, правда, сроком всего на 14 дней, ибо тщеславные и честолюбивые князья не желали иметь над собой постоянного начальника.

А Боэмунд Тарентский вновь спас армию. Он установил в войске строгую дисциплину и приказал поджигать дома тех крестоносцев, которые отказывались сражаться. А затем, 28 июня, повел рыцарей на прорыв. Войско Кербоги хотя и многочисленное, но страдавшее от внутренних раздоров и плохо слушавшееся султана, рассеялось при первой же решительной атаке крестоносцев, сплоченных железной волей норманнского князя. Так Боэмунд одержал блестящую победу и отстоял Антиохию.

Вскоре после этой победы крестоносцы обнажили мечи друг против друга. Предметом раздоров стала Антиохия. Боэмунд Тарентский напомнил князьям то условие, на котором он провел их в город, и требовал теперь его исполнения. Однако Раймунд Тулузский, предводитель провансальцев, яростно противился этому, в свою очередь напоминая Боэмунду о ленной присяге, данной императору Византии. Большинство крестоносцев поддерживало Боэмунда, так как Алексей Комнин неоднократно выказывал свое вероломство и потому не

заслуживал верности с их стороны. Так, император не оказал никакой помощи осажденным в Антиохии крестоносцам, хотя имел полную возможность сделать это: его войска находились тогда в Малой Азии. Он же, напротив, узнав о бедствиях воинов креста от дезертиров, поспешно отвел своих солдат к границам империи.

Несмотря на все это, Раймунд не уступал. Тогда разъяренные норманны схватились за мечи и выбили провансальцев из города. Боэмунд сделался владыкой Антиохии, а графу Раймунду Тулузскому пришлось поискать себе другую поживу.

Итак, Боэмунд Тарентский достиг заветной цели, завладев столицей сирийского княжества, и идти дальше, к Иерусалиму, вовсе не собирался. Пока религиозные фанатики будут отвоевывать у мусульман Иерусалим, он лучше позаботится об укреплении и расширении своих новых владений. Для него крестовый поход закончен.

К сожалению, Боэмунд сумел нажить себе слишком много врагов, а посему не мог спокойно почивать на лаврах. Он отказался передать Антиохию византийскому императору, и Алексей Комнин открыл против него враждебные действия. В этом императора ромеев активно поддерживал Раймунд Тулузский, чье самолюбие князь Тарентский больно ущемил, выставив его из Антиохии. Кроме того, Боэмунду приходилось обороняться от многочисленных турецких эмиров. К одному из них, эмиру из династии Даншимендов, владыке Каппадокии, он однажды и угодил в плен. Но заключение продолжалось недолго; выкупленный из плена, неистовый Боэмунд продолжил свою борьбу за Сирию. Такое положение вещей сохранялось до 1104 года. Весной же этого года в битве при Харране Боэмунд Тарентский потерпел сокрушительное поражение от мусульман. Ему с Танкредом и еще шестью рыцарями едва удалось спастись бегством.

Катастрофа под Харраном перечеркнула все надежды Боэмунда создать на Востоке сильное норманнское государство. У него не хватало сил противостоять своим многочисленным врагам, и тогда Боэмунд решил обратить свой меч против самого заклятого из них — императора Византии. Оставив наместником в Антиохии племянника Танкрета, он отплыл в Апулию. Ради безопасности Боэмунд прибег к оригинальной уловке: все плавание к берегам Италии он провел, лежа в гробу и изображая покойника.

Итальянцы встречали Боэмунда как Бога. Огромные толпы с ликующими возгласами следовали за ним повсюду. Люди бесцеремонно расталкивали друг друга, чтобы только разок взглянуть на него, «словно они собирались увидеть самого Христа».

Собрав в Италии 60-тысячное войско, Боэмунд Тарентский начал военную кампанию против Алексея Комнина, воспользовавшись при этом планом, составленным еще его отцом, Робертом Гвискаротом. Первым делом следовало овладеть Диррахием, а оттуда уже через Салоники наступать на Константинополь. Но увы, этот план претерпел осечку на первом же пункте — Диррахий взять не удалось. При этом армия норманнов понесла в битве у города такие тяжелые потери, что Боэмунд был вынужден подписать с императором униженный мирный договор, окончательно сломивший его честолюбие. Князь принес торжественную клятву на кресте, терновом венце и копье Христа в том, что отныне он объявляет себя вассалом императора и его сына; что он обязуется помогать Византии против всех ее врагов; что все земли, завоеванные им, будут переданы империи; а своего племянника Танкреда Боэмунд станет рассматривать как злейшего врага, если тот не покорится императору ромеев.

Такое унижение и катастрофическое крушение всех его планов подорвали волю и здоровье честолюбивого норманнского князя, и вскоре, в 1111 году, он умер в Апулии, проклиная свою злосчастную судьбу, сначала вознесшую его к звездным вершинам, а затем безжалостно низринувшую в мрачные глубины отчаяния.

«ПОБОРНИК ВЕРЫ»
РАЙМУНД ТУЛУЗСКИЙ
(1041—1105)

Вождь провансальского ополчения в Первом крестовом походе, граф Раймунд Четвертый Тулузский, ярый приверженец церкви, отличался глубокой религиозностью, бесстрашием и непоколебимой твердостью характера. Человек уже немолодой, прославленный рыцарь, принимавший участие в походе Альфонса Шестого на Толедо и обагривший свой меч кровью испанских мавров, он без всяких колебаний оставил богатейшие владения на берегах Рож и Дордони ради святого дела. Впрочем, двигало им не только религиозное рвение. Граф Раймунд наряду с высокими достоинствами имел и немало недостатков: алчный, завистливый, он обладал непомерным честолюбием. Так же как и Боэмунд Тарентский, провансальский граф лелеял надежду приобрести на Востоке какое-нибудь царство. Иными словами, думая о Боге, он не забывал и о собственной выгоде.

В 100-тысячной армии крестоносцев, которую граф Раймунд вел в Константинополь через Альпы, Ломбардию и Далмацию, находилось множество знатных светских феодалов и князей церкви. Среди первых особенно выделялись Вильгельм Сабранский, Элезар Монтердорский, Гусье Латурский, Пьер-Бернар Монтальякский, Раймунд Лилльский, Элезар Кастрийский, а также графы Клермонский Руссильонский, Тюреннский и виконт Беарнский. Интересы церкви в провансальском войске представляли папский легат Адемар де Пуи, владевший с равным успехом как божьим словом, так и боевой палицей, и епископы Аптский, Оранжский, Лодевский и Толедский.

После принесения вассальной присяги императору Алексею, Раймунд получил от него необходимое количество кораблей и переправился со своей огромной армией в Малую Азию. Первым крепким орешком для крестоносцев стала Никея. Этот укрепленный город располагался на небольшом возвышении среди обширной, окруженной горами котловины. Поскольку ополчения крестоносцев прибывали беспорядочно, волна за волной, то город был сначала окружен норманнами, лотарингцами и фландрцами с северной и восточной стороны; с западной стороны город омывало озеро, а южная сторона до подхода войск Раймунда оставалась свободной. Разумеется, провансальцы сразу же по прибытии не замедлили занять эту сторону, замкнув тем самым кольцо окружения.

Штурм Антиохии крестоносцами в 1098 г. Средневековая миниатюра

Именно с юга 17 мая 1097 года к городу подступила армия султана Килидж-Арслана. Раймунд Тулузский, не желая делиться славою с другими вождями крестоносцев, поспешил атаковать мусульман и нанес им тяжелое поражение. Провансальцы перебили около 30 тысяч сарацин, потеряв при этом всего лишь 3 тысячи бойцов. Ликующие победители даже не стали преследовать бежавших в панике врагов. Эта серьезная ошибка привела к тому, что Килидж-Арслан, быстро оправившись от нанесенного ему поражения, устроил впоследствии крестоносцам засаду под Дорилеей.

После падения Никеи крестоносцы двинулись к Антиохии. Сирийский климат был крайне неблагоприятен для европейских рыцарей; страшная жара и жажда изматывали их, многие болели и умирали. Во время отдыха у Антиохетты, столицы Писидии, открывшей свои ворота перед христианской армией, граф Раймунд опасно занемог. Он был не в состоянии двигаться самостоятельно, и воинам пришлось в течение нескольких недель нести его на носилках вслед за войском. Мучимый лихорадкой, пожилой граф горячо молил Бога послать ему исцеление. Он не может умереть, пока не увидит Иерусалима, пока не припадет, охваченный священным трепетом, к подножию Гроба Господня. И чудо произошло — ко времени прибытия в Антиохию Раймунд поправился, что еще более укрепило его веру.

3 июня 1098 года крестоносцы овладели Антиохией, но их радость была недолгой — через два дня город обложили бесчисленные полчища Кербоги. Император Алексей, вместо того чтобы помочь своим союзникам, бросил их на произвол судьбы, отведя греческие войска к границам империи.

Положение было отчаянным. Перед крестоносцами замаячил призрак голодной смерти. Шатающиеся от слабости, с помутившимся рассудком, они дошли до того, что ели мертвечину. Малодушные бежали или сдавались в плен и принимали ислам. Теперь спасти воинов креста могло только чудо. Именно чудо — граф Раймунд, проводивший все время в постах и молитвах, ни минуты не сомневался в том, что Бог не оставит своих верных слуг.

Однажды к графу Тулузскому явился провансальский священник Петр Варфоломей, поведавший ему о своем чудесном сне. Во сне он видел апостола Андрея. Святой указывал ему место у алтаря в церкви Св. Петра, где было зарыто то самое копьё, которым римлянин пронзил Господа на кресте. Сердце Раймунда вздрогнуло от радости. Вот оно, долгожданное чудо! Теперь крестоносцы спасены.

Не медля ни минуты, граф, сопровождаемый священником, бросился в церковь. Копьё действительно оказалось в указанном

месте. С каким благоговейным трепетом держал Раймунд эту бесценную реликвию, покрывая ее бесчисленными поцелуями! Слезы текли по седой бороде коленапреклоненного графа, когда он возносил хвалы Господу за его неизреченную милость.

Новость моментально облетела весь город. Толпы людей давились у порога дома Раймунда, чтобы собственными глазами лицезреть чудесное копье. Граф показал им реликвию, и все войско охватила вспышка религиозного фанатизма.

Теперь победа была обеспечена. Воодушевленные крестоносцы приготавились к вылазке. И хотя главнокомандующим избрали Боэмунда Тарентского, победы над сарацинами добился вовсе не он, а сам Господь! Раймунд, потрясавший во время сражения священным копьем, знал это твердо. Однако после того, как армия Кербоги, пораженная Господом, в ужасе бежала от стен Антиохии, норманны, эти нечестивые безбожники, подняли на смех Раймунда и Петра Варфоломея, нахально утверждая, что священник сам же и зарыл обыкновенное копье под алтарем, а потом одурачил легковерных христиан.

Ярость Раймунда, услышавшего такие богомерзкие речи, не знала границ. Граф, не стесняясь в выражениях, высказал Боэмунду Тарентскому все, что он думал о нем и его норманнском сброде. Чтобы убедить малoverов, Раймунд Тулузский предложил провести испытание — пусть Петр Варфоломей пройдет сквозь пламя с чудесным копьем в руке! Бог конечно же защитит священника, и огонь не сможет опалить ни одного волоска на его голове. Однако Петр Варфоломей поначалу здорово струсил и наотрез отказался от подобного предприятия. Немалого труда стоило Раймунду убедить этого болвана в том, что ему, находящемуся под защитой самого Господа, не угрожает ни малейшая опасность.

На следующий день испытание состоялось. На глазах у всех Петр Варфоломей, с крестом в левой руке и священным копьем — в правой, взошел на пылающий костер и через минуту совершенно невредимый сошел с него на землю. Бороду он, правда, опалил, но ведь это пустяки. Зато все смогли убедиться, что за копье держал он в своей деснице.

Вечером, как обычно, граф молился перед распятием, когда к нему ворвался епископ Адемар. Глаза у святого отца выпучились точно у краба. Задыхаясь, он выпалил невероятную новость: священник Петр Варфоломей... только что скончался!

Граф остолбенел. Рука, занесенная для крестного знамения, застыла в воздухе. Как же так?! Этого же просто не может быть! Как он мог умереть, если находился под защитой самого...

Часа два Раймунд просидел в оцепенении, тупо уставившись в одну точку. В голову лезли странные мысли... И вдруг он облегченно рассмеялся. Граф вспомнил, как Петр Варфоломей поначалу трусил и упорно отказывался идти на костер. Чудесное копье оберегло священника от жгучих языков пламени, но Бог не простил Петру его колебаний. Вот он и умер. Все очень просто.

Граф, мысленно восхваляя мудрость Божию, вновь бросился на колени перед распятием. Всю ночь он провел в молитвах.

После победы над Кербогой и снятия осады, Боэмунд Тарентский нахально заявил свои права на Антиохию, напоминая князьям, на каком условии он провел их в этот город. Раймунд Тулузский, со своей стороны, напомнил норманнскому выскочке, что он, во-первых, никогда не давал согласия на это условие, а во-вторых, все города, взятые воинами креста у «неверных», они, согласно присяге, обязаны передать императору Алексею.

Вспыхнула ссора. Словесная перебранка между норманнами и провансальцами скоро переросла в драку. Засверкали мечи, и началось настоящее побоище. Лишь к вечеру князьям удалось остановить кровопролитие. Больше всего Раймунда возмутило то, что вожди крестоносцев поддержали в этом конфликте Боэмунда. Не скрывая своей ярости и досады, граф покинул Антиохию с большим отрядом, оставив, впрочем, часть своих людей в городе для обеспечения собственных интересов. Однако норманны на следующий же день выбили их из города.

Пока прочие князья предавались отдыху и развлечениям, Раймунд Тулузский решил, что пришло время подумать и о приобретении новых владений здесь, на Востоке. С этой целью он направился в глубь Сирии, к прекрасной и цветущей Маарре. Но едва он начал осаду, как к Маарре подтянулись норманнские отряды Боэмунда, чтобы помешать Раймунду стать единоличным хозяином города. Тулузский граф, охваченный диким гневом, поклялся сжить со света ненавистного врага.

Тем временем рядовые крестоносцы, видя, что их вожди преследуют лишь своекорыстные интересы, потребовали вести их к Святому городу. 7 июня 1099 года войска наконец подошли к Иерусалиму. Завидя стены Святого города, крестоносцы пали на колени и возблагодарили Бога. Отряды Раймунда заняли позиции с южной стороны Иерусалима. Перед штурмом крестоносцы по его мудрому совету предприняли крестный ход вокруг города. Босиком, безоружные, с пением гимнов шли они вдоль стен, с высоты которых на них тара-

зились в немом изумлении орды сарацин. После крестного хода воодушевленные рыцари пошли на приступ, но были отбиты. Пришлось строить осадные машины — материалы и необходимые инструменты им доставили генуэзские моряки, прибывшие в гавань Яффы. 15 июля, после двухдневного штурма, крестоносцы ворвались в город и перебили всех жителей. По словам очевидца, в мечети Омара, где прятались многие мусульмане, «кровь доходила до колен рыцаря, сидящего на коне». Граф Раймунд, как и другие, нисколько не сомневался в том, что подобный «подвиг» был угоден Богу.

Теперь встал вопрос о кандидатуре иерусалимского короля. Его выбирали всем войском. Граф Раймунд был убежден в том, что управлять Святым городом вправе лишь настоящий поборник веры, человек храбрый, мудрый и благочестивый, такой, как он. Но эти бараны рассудили иначе, вручив корону Готфриду Буйонскому.

Готфрид, храбрый и честный рыцарь, оценив по достоинству заслуги графа Раймунда, передал ему во владение княжество Лаодикиею. Но эта подачка не смогла развеять досаду и разочарование старого графа, тяжело переживавшего потерю Иерусалимского венца.

В 1101 году в Святую землю прибыли новые полчища крестоносцев. Это были ломбардцы во главе с графом Альбертом Бландратским; коннетабль Конрад с двумя тысячами немцев; а также герцог Бургонский, граф Блуасский, епископы Ланнский и Суассонский, возглавлявшие отряды французских рыцарей. Все эти отряды соединились в единую армию в Никомедии. В качестве главнокомандующего 260-тысячной армии был приглашен Раймунд Тулузский, находившийся тогда в Константинополе.

Новые крестоносцы потребовали везти их в Пафлагонию, «чтобы завоевать царство Хорасанское». Поначалу поход крестоносцев через неизвестные для них земли проходил успешно. Они захватили Анкиру, и, передав ее византийскому императору, устремились к Гаргару. По словам летописца, рыцари двигались «через необитаемые страны и через ужасные горы». Турки то и дело устраивали засады, уничтожали отставших. Раймунду и герцогу Бургонскому пришлось возглавить арьергард войска, подвергавшийся частым нападениям мусульман. Вскоре к прочим бедам добавился голод. Крестоносцам пришлось питаться листьями и корой деревьев. У Констанна многие погибли: когда голодные воины завидели ячменное поле и бросились собирать колосья, турки подожгли его. Дороги становились все опаснее; по следам крестоносцев шли бесчисленные враги. В этих условиях граф Раймунд предложил воинам вступить в решающую битву с сарацинами. Ободряя павших духом, он показал им чудес-

ное копье, найденное в Антиохии, и заверил, что с такой святыней христианам не страшен никакой враг. Раймунда поддержал епископ Миланский, обладатель еще одной реликвии — руки св. Амвросия. Имея такие залогов благословения Божьего, говорил он, воины креста без всякого сомнения одержат великую победу.

Однако вышло иначе. Крестоносцы сражались разрозненно; каждый отряд действовал в одиночку, и турки поочередно разгромили их один за другим. Катастрофическое поражение привело графа Раймунда в полное замешательство. Слепой вере графа был нанесен тяжелейший удар, и хотя после того страшного дня атеистом он не стал, его до самой смерти уже не покидали мучительные сомнения.

160 тысяч крестоносцев усеяли своими костями долины Каппадокии. Граф Раймунд, бросив остатки войска, бежал к Синопу, а оттуда, морем — в Константинополь.

Последние годы своей жизни Раймунд Тулузский в союзе с императором Византии провел в борьбе с заклятым врагом — Боэмундом Тарентским. Но ему не удалось сдержать свое слово и сжить врага со света — смерть настигла его раньше, в 1105 году. Можно предположить, что, умирая, старый тулузский граф горько сетовал и роптал на Бога.

«ЗАЩИТНИК ГРОБА ГОСПОДНЯ»

ГОТФРИД БУЙОНСКИЙ

(1060—1100)

По оценкам современников, лучшим из вождей Первого крестового похода был герцог Лотарингский Готфрид Буйонский, человек честный, мужественный и благочестивый. Летописцы также отмечают его большую физическую силу, скромность и благоразумие.

Согласно легенде, над родом герцогов Буйонских тяготело древнее проклятие. Многие предки Готфрида совершали тяжкие преступления против церкви. Так, например, Готфрид Бородатый сжег Верденский собор вместе со священником и прихожанами. За эти грехи Господь сурово карал нечестивцев — все они умирали насильственной смертью. Готфрид Горбатый, дядя будущего героя крестового похода, посвятивший его в тайну проклятия, тоже не избежал общей участи — в 1076 году в Нидерландах его заколол кинжалом наемный убийца.

Готфриду Буйонскому, всерьез поверившему в родовое проклятие, в своей жизни тоже приходилось грешить. Воюя на стороне германского императора, он поднял меч против самого папы и участвовал в штурме Рима. Господь конечно же накажет его за это. Готфрид, проводивший много времени в молитвах и благочестивых размышлениях, пришел в конце концов к выводу, что он должен искупить грехи рода. Его мать, Ида Арденнская, вполне одобрила решение сына и напророчила ему великий подвиг во имя церкви.

Как раз в это время в Буйонском замке появился аскетичный монах Петр Пустынный, проповедовавший крестовый поход. Аббат Гвиберт Ножанский, автор хроники «Деяния Бога через франков», так описывает эту интересную личность:

«Он носил на голом теле шерстяную рубаху, на голове — капюшон и поверх него — грубое одеяние до пят; хлеба он не употреблял или почти не ел, питался же рыбою и вином... Петр был очень щедр к беднякам, раздавая многое из того, что дарили ему... Он восстанавливал мир и согласие между поссорившимися. (делая это) с изумительной властью».

Петр Пустынный был прекрасным оратором, своими зажигательными речами он умел доводить слушателей до состояния религиоз-

Готфрид Буйонский. Средневековая миниатюра

ного экстаза: «Петр как будто покорил все души божественным глазом».

Готфрид, живший мечтой о благочестивых подвигах, сразу проникся речами фанатичного монаха. Отвоевать у «неверных» христианские святыни — вот богоугодное дело, которое наверняка поможет ему, его братьям и его потомкам избавиться от тяготеющего проклятия. И Готфрид начал энергично готовиться к походу. Первым делом он объехал владения своих соседей и вассалов, призывая их на священную войну. Затем стал собирать средства, необходимые для обеспечения его крестоносцев. Не останавливаясь ни перед чем, Готфрид продал почти все свои замки за 1300 марок серебром и 3 марки золотом, и даже заложил герцогство Лотарингское (с правом выкупа в течение трех лет).

Перед выступлением в поход благочестивый герцог щедро одарил церковников: монахи аббатства Сент-Юбер получили от него золотую ритуальную утварь, а каноники Маастрихта — замок Рампуль на Маасе. Завершив все приготовления, после торжественной мессы в церкви Св. Петра в Буйоне, 15 августа 1096 года Готфрид Буйонский выступил наконец в крестовый поход.

Под знаменами Лотарингского герцога собралась внушительная армия, состоявшая из 10 тысяч рыцарей и 80 тысяч пеших ратников. Его сопровождали два родных брата — Евстафий и Балдуин, двоюродный брат — Балдуин Бурский, а также весь цвет северофранцузского дворянства: графы Гарнье де Грэ, Дюдон де Гутц, Конон де Монтегю, Готфрид Гашский, Жерар Керизийский, Рено и Пьер Тульские, Гуго де Сен-Поль и многие другие.

Армия Готфрида следовала вдоль Дуная через Венгрию и Болгарию на Константинополь, где соединилась с другими ополчениями крестоносцев.

Требование Алексея Комнина принести ему вассальную присягу, подкрепленное демонстрацией военной силы империи, поначалу вызвало возмущение у Готфрида Буйонского. Когда французский принц, граф Гуго Вермандуа, первым из вождей крестоносцев давший ленную присягу императору, попытался склонить к тому же и Лотарингского герцога, он получил от Готфрида суровую отповедь: «Ты, сын короля, стал рабом, и хочешь из меня также сделать раба?» Однако, поразмыслив на досуге и осознав, что без византийского флота крестоносцам не переправиться в Малую Азию, Готфрид решил ради святого дела пожертвовать личными амбициями и принес требуемую присягу.

В ходе Первого крестового похода Готфрид Буйонский прославил себя многочисленными рыцарскими подвигами. В битвах с сарацинами ему не было равных. «Он косил мусульманские головы, — говорится в летописи, — как колосья на бороздах или как траву на лугах». Однажды он поразил своих врагов тем, что одним взмахом меча снес голову верблюду.

Храбрый и благородный, Готфрид не раз рисковал жизнью, спасая товарищей. Во время отдыха у стен Антиохетты на одного крестоносца напал медведь. Герцог, вооруженный лишь кинжалом, не задумываясь, схватился в рукопашную с разъяренным зверем. Медведь страшными когтями разодрал бедро отважному герцогу, но Готфрид, не взирая на рану, сумел повалить и прикончить его.

Как истинный рыцарь, Готфрид Буйонский прекрасно владел любым видом оружия. Когда крестоносцы штурмовали Никею, на стенах крепости появился сарацин гигантского роста, метавший двумя руками такие огромные каменные глыбы, что ломались штурмовые лестницы. Многих рыцарей сбросил он со стены. Тогда Готфрид поднялся по лестнице с самострелом в руках и поразил великана точно в сердце.

В бою Готфрида всегда видели впереди. Во время осады Иерусалима он, сопровождаемый лишь братом Балдуином, под вихрем стрел, камней и «греческого огня», первым перебрался с верхней площадки осадной башни на стену крепости. Случайно или нет, но вышло так, что крестоносцы ворвались в Иерусалим именно в пятницу, в три часа пополудни, то есть в тот самый день и час, когда Иисус Христос умер на кресте.

Цель крестового похода была достигнута, и крест восторжествовал над полумесяцем. После победы князья предложили иерусалимскую корону Готфриду Буйонскому, как наиболее достойному из всех. Но скромный воин отказался и от короны, и от королевского титула. Свой отказ он мотивировал тем, что не имеет права носить золотой венец там, где Царь Царей (Иисус Христос) носил терновый венец. Поскольку князья настаивали, Готфрид в конце концов согласился управлять иерусалимскими владениями, выбрав для себя почетный титул «защитника Гроба Господня». Его преемники подобной скромностью не отличались — они носили и корону, и королевский титул.

Завершив свою миссию, большинство крестоносцев покинуло Святую землю и отправилось восвояси. Иерусалимское королевство, включавшее тогда помимо самого Иерусалима еще 20 небольших городков и защищаемое всего тремя сотнями рыцарей во главе с Тан-

кредом, оказалось в окружении враждебных мусульманских эмиратов. Несмотря на это, Готфрид Буйонский успешно управлял своими палестинскими владениями, расселяя там христианских колонистов и собирая дань с мусульман. Он проявил себя и в качестве мудрого законодателя, издав свод законов для нового государства (так называемые «Иерусалимские ассизы»).

Согласно одной версии, Готфрид Буйонский умер в 1100 году, возвращаясь из военной экспедиции против султана Дамаска. Но есть и другая, утверждающая, что герцог, как и его предки, умер насильственной смертью, будучи отравлен плодом, поднесенным ему эмиром Кесарии. Как бы там ни было, Готфрида торжественно похоронили в церкви Святого Гроба у подножия Голгофы. Соратники по крестовому походу высекли на его надгробии такую эпитафию:

«Здесь покоится знаменитый герцог Готфрид Буйонский, который отвоевал эту землю для христианской церкви. Да воспарит его душа во Христе. Аминь».

К сожалению, могила эта не сохранилась до нашего времени — ее уничтожил сильный пожар 1808 года.

«ИДЕАЛЬНЫЙ РЫЦАРЬ»

ТАНКРЕД

(? — 1112)

В истории крестовых походов Танкред, маркграф Брундизия, выступает как благородный, благочестивый и бесстрашный рыцарь. Таким его видели современники, такой образ идеального рыцаря донесли до нас и некоторые историки, например Ф. Шлоссер, назвавший Танкреда «Ахиллом крестового похода». Однако этот образ не вполне соответствует действительности. Возможно, до завоевания Иерусалима Танкред и был таким, каким его изображали, но он не выдержал испытания властью и дошел до того, что вступил в союз с врагом против единоверцев.

В крестовый поход Танкред отправился вместе со своим дядей, Бозмундом Тарентским. Гордый нрав норманнского рыцаря проявился еще до начала военных действий. Танкред, в отличие от других вождей крестоносцев, наотрез отказался приносить вассальную присягу византийскому императору. Не помогли никакие уговоры и угрозы. Строптивцу пришлось даже скрываться некоторое время от

ишеек императора. При выступлении крестоносцев из Константинополя Танкред, переодетый, незаметно присоединился к ним, затеявшись в толпе рядовых ратников.

Император Алексей Комнин никогда ничего не забывал. Не забыл он и дерзости норманнского рыцаря. Во время осады крестоносцами Никеи, император через послов вновь напомнил Танкреду о своем неизменном требовании. После долгих уговоров со стороны Боэмунда Тарентского и других князей, Танкред объявил, что он обещает быть верным императору до тех пор, пока сам император пребудет верным делу крестоносцев. Это было все, чего смогли добиться от гордого рыцаря, преисполненного чувства собственного достоинства. А поскольку император Алексей допустил вероломство и предательство по отношению к своим союзникам, сначала отобрав у них Никею, а потом бросив умирать в осажденной Антиохии, Танкред счел себя свободным от данного им слова.

Никто не вправе оспаривать и воинскую доблесть молодого норманнского рыцаря: его подвиги прославляли как современники, так и потомки. В битве при Дорилее, когда на малочисленный отряд Тан-

Эрминия находит раненого Танкреда. Картина Гверчино. 1619 г.

креда обрушились основные силы армии Килидж-Арслана, храбрый рыцарь яростно бился с сарацинами, нагромождая вокруг себя горы трупов до тех пор, пока не подоспела помощь. При осаде Антиохии Танкред, сопровождаемый лишь одним верным оруженосцем, часто выходил на «вольную охоту» и устраивал засады на сарацин. Во время одной такой «охоты» он в одиночку напал на целый отряд. В качестве трофеев его оруженосец предъявил пораженным крестоносцам 70 отрубленных голов.

Отважный Танкред брался за любое опасное предприятие, лишь бы заслужить славу первого рыцаря. Мусульмане, осажденные крестоносцами в Антиохии, получали от своих продовольствие через ворота св. Георгия, находившиеся с западной стороны. Для успеха осады было необходимо перекрыть эти ворота. Такое решение приняли князья на военном совете, но никто не пожелал приняться за столь опасное дело. Танкред же, не задумываясь, взялся за него. С небольшим отрядом норманнов он захватил монастырь, находившийся на холме вблизи ворот св. Георгия, и продержался на этом важном посту, хладнокровно отражая все атаки неприятеля.

Нельзя отказать Танкреду и в благоразумии. Когда крестоносцы, взявшие Антиохию, оказались блокированными войском Кербози, многие малодушные бежали из города, спускаясь со стен на веревках. В числе таких «веревочных беглецов» был и Петр Пустыжник — проповедник крестового похода, человек, имевший огромную власть над умами рядовых крестоносцев. Понимая, какое дурное влияние окажет на них исчезновение авторитетного проповедника, Танкред бросился в погоню за Петром, настиг его и заставил вернуться.

Несмотря на свою ярость в бою, Танкред вовсе не был кровожаден; он мог испытывать чувства жалости и сострадания к мирным и безоружным людям. Это ярко иллюстрирует следующий пример. Крестоносцы, ворвавшиеся в Иерусалим 15 июля 1099 года, предавали мечу всех евреев и мусульман. Когда толпа затравленных людей укрылась в храме Соломона, Танкред и Гастон Беарнский, чтобы защитить несчастных, передали им свои знамена.

По достижении цели крестового похода многие его участники покинули Святую землю. Но Танкред остался. Он, возглавивший отряд в 300 рыцарей, стал шитом и мечом нового Иерусалимского королевства. После того как Танкреду удалось отразить нападение мусульман на Антиохию, имевшее место в 1101 году, Боэмунд Тарентский временно передал этот город под его управление.

Вероятно, именно с тех пор и началось перерождение Танкреда из благородного рыцаря в алчного и беспринципного феодала. Теперь он был богат (все ценности, захваченные крестоносцами в мечети Омара, достались ему), имел немалые владения, с которыми не собирался расставаться. Императору Алексею, предъявившему свои права на Антиохию, это было показано с полной ясностью — Танкред считал себя свободным от всяких обязательств по отношению к нему. Если это вполне можно понять и даже одобрить, то как понять отказ Танкреда заплатить выкуп за родного дядю, Боэмунда Тарентского, когда тот угодил в плен к мусульманам? Да очень просто: Танкред не желал возвращать Антиохию дяде, а ведь тот имел все права на этот город, завоеванный им в ходе крестового похода. Чтобы отстоять свои новые владения, Танкред в 1108 году повел войну против Балдуина Бурского и Жоселина Куртнейского, вступив в союз с врагом крестоносцев — халебским эмиром Ризваном. Довольно странное зрелище представляла эта война крестоносца Танкреда в союзе с неверным против князей-крестоносцев.

Такова обратная сторона образа идеального рыцаря. Впрочем, через некоторое время Танкред помирился с иерусалимским королем, и Балдуин закрепил за ним Антиохийское княжество. Умер Танкред в 1112 году, ненадолго пережив своего дядю и покровителя Боэмунда Тарентского, которого он предал.

«МЕЧ ИЕРУСАЛИМА»

БАЛДУИН ПЕРВЫЙ

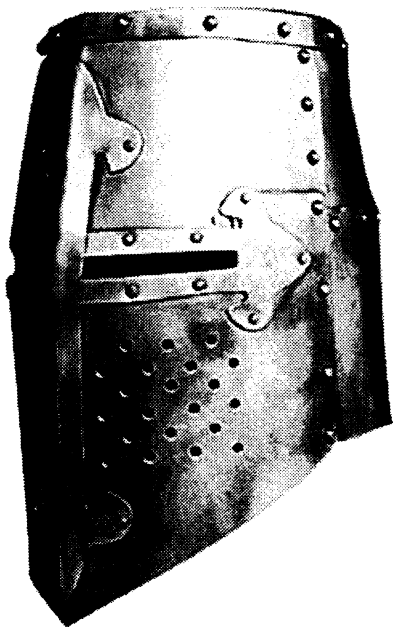
(1058—1118, король Иерусалимский с 1101 г.)

Брат Готфрида Буйонского, Балдуин, отважный, но крайне честолюбивый рыцарь, заняв иерусалимский престол, сумел не только отстоять владения крестоносцев на Востоке, но и расширить их. Его единственным скипетром, по выражению французского историка Г. Мишо, являлся меч.

Балдуин выступил в Первый крестовый поход вместе с братом Готфридом. В Константинополе, где собирались ополчения крестоносцев, произошел один весьма любопытный эпизод с его участием. Об этом случае с возмущением поведала в «Алексиаде» дочь византийского императора, Анна Комнина. Во время приема вождей крестонос-

цев в тронном зале, один из них, а именно граф Роберт Парижский, нагло уселся на императорский трон. Император Алексей, побаивавшийся грубых и вспыльчивых крестоносцев, промолчал. Когда граф Балдуин, всегда преклонявшийся перед коронованными особами, велел дерзкому сойти с трона, тот вспылил и со злобой ответил, указывая на императора: «Взгляните, пожалуйста, на этого мужика, который один сидит, тогда как столько полководцев стоят на ногах».

Граф Балдуин храбро сражался с мусульманами на Востоке, но в отличие от своего брата он преследовал своекорыстные цели и покинул войско крестоносцев задолго до освобождения Иерусалима. Ему не терпелось сделаться единоличным правителем какой-нибудь страны. Поэтому в 1097 году Балдуин со своим отрядом отделился от основных сил и направился на юго-восток к городу Евфратезе. Там он вступил в союз с армянами, совместно с ними разбил несколько отрядов сельджуков и приобрел такой авторитет, что князь Торос из Эдессы пригласил его к себе. Балдуин прибыл в Эдессу и был объявлен тамошним князем своим наследником. Опираясь на взбунто-

Шлем рыцаря-крестоносца. Историческая реконструкция

вавшихся жителей Эдессы, он в марте 1098 года сверг своего благодетеля и провозгласил себя графом Эдесским.

Эдесское княжество стало первым латинским владением на Востоке и оплотом христиан против турецких нападений из глубин Азии. Но тем самым Балдуин подал дурной пример другим князьям и баронам. Ведь их стремление также основать свои княжества содействовало распылению сил и угрожало достижению главной цели крестоносцев — освобождению от «неверных» Иерусалима.

Тем не менее, как о том говорилось выше, Первый крестовый поход завершился успешно, и Готфрид Буйонский, отклонивший корону, все же воцарился в Иерусалиме. Но через год он умер, и встал вопрос о преемнике. Иерусалимское королевство, находившееся в состоянии непрекращающейся войны с мусульманским миром, нуждалось в короле-воине. Выбор иерусалимских вельмож пал на брата покойного правителя, прославившегося в сражениях с турками. Направляясь в Святой город с 400 рыцарями и 1 тысячей пехотинцев, Балдуин подвергся нападению со стороны эдесского и дамасского эмиров вблизи Бейрута. Несмотря на многократное численное преимущество противника, крестоносцам удалось рассеять врага, и Балдуин воцарился в Сионском дворце.

Новый иерусалимский король вполне оправдал надежды своих подданных, ибо он управлял государством, не покладая меча. Он отразил все набеги неприятеля и провел несколько удачных военных кампаний, в результате которых расширил свои владения. Балдуин завоевал многие прибрежные города: Арсуф, Цезарею, Аккру, Сидон, Бейрут и другие.

Конечно, не все его битвы были удачны. Но один интересный случай, когда Балдуин проявил человечность и милосердие, послужил в дальнейшем его спасению от неминуемой гибели. Однажды во время похода против аравийцев на берегу реки Иордан воины Балдуина обнаружили стонущую в родовых муках мусульманку. Король, тронутый страданиями молодой женщины, накрыл ее своим плащом, велел уложить роженицу на ковер и принести фрукты и мехи с водой. Когда женщина родила, рыцари привели верблюдицу, чтобы покормить новорожденного малыша. После того как мать несколько оправилась, Балдуин приказал одной рабыне-мусульманке проводить ее домой, к мужу.

С тех пор прошло около года. Большое войско мусульман напало на христианские владения и попыталось отбить у них Рамлу. Король

Балдуин во главе 300 рыцарей и 900 пехотинцев смело выступил против вдвасятеро превосходящих сил врага. Перед решающей битвой он подбодрил крестоносцев и прибавил: «Нет спасения в бегстве, так как Франция очень далеко, а на Востоке нет убежища для побежденных». Маленькая королевская армия с яростью набросилась на сарацин, обратила их в бегство и с распущенными знаменами торжественно вступила в Яффу. Однако вскоре мусульмане повторили нападение, и Балдуин, окруженный лишь горсткой рыцарей, был разбит. В этой битве погибли герцог Бургундский, граф Стефан Блуасский и почти все королевские рыцари. Самому Балдуину едва удалось спастись, спрятавшись в густых кустарниках, покрывавших поле боя. Но сарацины, не найдя короля среди убитых, подожгли кустарники. Задыхаясь в едком дыму, Балдуин с трудом продержался до вечера, а затем, под покровом темноты, пробрался в Рамлу.

На следующий день город подвергся осаде. У малочисленных защитников Рамлы не было никаких шансов, и они приготовились к смерти. Вдруг к Балдуину явился какой-то эмир с предложением вывести его из города потайным ходом. Король поначалу чрезвычайно удивился тому, что один из его врагов желает спасти ему жизнь. Тогда эмир открыл причину такого странного поступка — он оказался мужем той самой женщины, которой помог когда-то Балдуин. Поблагодарив его, король отказался покинуть своих солдат. Но рыцари со слезами на глазах умоляли его воспользоваться такой возможностью и спасти королевство, и Балдуин решился. Эмир вывел его из города и проводил до Арсуфа. Там они, оба растроганные до слез, распрощались навеки. А через некоторое время король Балдуин собрал войска, разгромил мусульман в трех битвах и полностью очистил от врагов свое королевство.

В 1117 году Балдуин составил план подчинения Египта, войска которого он бил неоднократно. Во главе отборной рыцарской армии он пересек пустыню и захватил прибрежный город Фараму. Так осуществился первый пункт его стратегического плана. Но судьба внесла в него свои коррективы: возвращаясь с богатой добычей домой, король Балдуин опасно занемог и скончался в Эль-Арише. Перед смертью король-рыцарь попросил доставить его набальзамированное тело в Иерусалим и похоронить подле могилы брата Готфрида. Так умер славный правитель, чье царствование прошло в почти непрерывных походах и сражениях.

«КОРОЛЬ-МОНАХ»

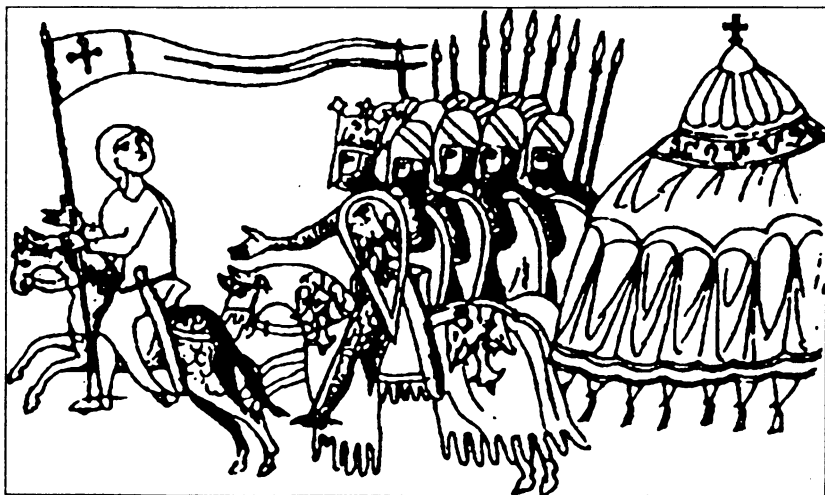
ЛЮДОВИК СЕДЬМОЙ МЛАДШИЙ

(1120—1180, король Франции с 1137 г.)

Людовик Седьмой Младший, сын Людовика Шестого Толстого, с юных лет отличался набожностью, склонностью к мистике, любовью к духовному чтению и крайней нерешительностью. Современный летописец так характеризует его: «Князь довольно одаренный, но набожный и мягкий». Эти черты, более свойственные монаху, нежели государю, можно легко объяснить, если учесть, что его опекуном был известный аббат Сен-Дени Сугерий, возвысившийся еще при Людовике Толстом.

В самом деле, Людовик Седьмой ревностно соблюдал религиозные нормы, усердно постился, щедро раздавал церковникам пожертвования на строительство храмов и даже защищал их интересы с оружием в руках. Так, он спас епископа Овернского от местного графа, разорявшего монастыри и угрожавшего жизни самого епископа. Разумеется, церковники стояли за Людовика горой, всячески превознося «христианнейшего из королей».

Каким бы набожным ни был монарх, он все-таки не монах, и ему нужна супруга. Брак Людовика Седьмого с Элеонорой Аквитанской, заключенный в 1137 году, подготовил его отец, прекрасно понимав-

Рыцари в крестовом походе. Средневековая миниатюра

ший, какую ценность для французской короны представляет собой огромное герцогство Аквитания.

Очаровательная зеленоглазая блондинка с высоким лбом, разлетающимися четкими бровями, прямым носом и волевым подбородком сразу покорила сердце Людовика. В момент заключения брака невесте было 15, а жениху — 17 лет. Сначала ей понравился застенчивый русоволосый и голубоглазый юноша, но Людовик был слишком робок и совершенно не искушен в искусстве любви, и быстро надоел пылкой красавице. Она то и дело заводила себе новых любовников, а обманутый муж жутко ревновал и следил за каждым ее шагом. Поистине, Элеонора явилась сушим проклятием для своего супруга.

Первая крупная неприятность произошла из-за младшей сестры Элеоноры. Четырнадцатилетняя Алике приехала в Париж вместе с сестрой и, подобно ей, не отличалась высоконравственным поведением. Один из блестящих кавалеров французского двора, граф Рауль де Вермандуа, настолько потерял голову, что развелся ради этой девочки со своей женой Жильбертой Шампаньской. Оскорбленная женщина пожаловалась дяде, Тибо Шампаньскому, и тот объявил войну графу. Дела Рауля де Вермандуа шли очень скверно. Тогда Элеонора потребовала от короля защитить влюбленную парочку, и Людовику пришлось ввязаться в эту междоусобную войну, во время которой произошел один весьма неприятный инцидент. Королевские войска взяли Дорман, Эперне и Витри. Жители последнего во время штурма укрылись в соборе. Солдаты подожгли собор, в результате чего там сгорели заживо 1300 человек. Король приказал повесить виновных, но это не смогло освободить его душу от чувства вины за содеянное святотатство. Людовик горько раскаивался в том, что послушался супругу и затеял эту братоубийственную войну.

Никакие молитвы и покаяния не помогли королю обрести душевное спокойствие, поэтому он очень обрадовался, узнав о проповеди Бернара Клервосского. Святой Бернар призывал к новому крестовому походу, поскольку дела крестоносцев на Востоке были очень плохи. В результате Первого крестового похода им удалось закрепиться на узкой береговой полосе и основать несколько небольших христианских государств, но мусульмане, оттесненные в глубь материка, скоро оправились от нанесенных им поражений и перешли в контрнаступление. В 1144 году Атабек Мосульский, Имад эд-Дин-Зенки, по прозвищу Светоч Веры, взял штурмом Эдессу. Угроза нависла и над другими латинскими княжествами. Тогда король Иерусалимский Балдуин Третий воззвал о помощи ко всем христианам Европы.

В следующем году, на рождественском съезде в Бурже, Людовик Седьмой принес торжественный обет принять крест и заявил, что он лично возглавит Второй крестовый поход в Святую землю. На пасху 1146 года в Везеле он предстал вместе с Бернаром Клервосским перед огромной толпой. Платье короля украшал крест. Бернар зачитал перед собравшимися обращение папы Евгения Третьего, содержавшее призыв к новому крестовому походу, а затем произнес горячую проповедь. Толпа пришла в такое возбуждение, что от желающих принять участие в походе не было отбоя. У Бернара даже не хватило для всех заготовленных крестов, и тогда он разорвал на полосы свою одежду, чтобы наделать крестов из нее. Горячему поборнику веры удалось убедить принять крест даже германского императора Конрада Третьего, хотя у того хватало проблем и в собственном государстве. Конрад поначалу использовал всяческие увертки и отговорки, чтобы остаться дома, но Бернар, пригрозив суеверному императору днем Страшного Суда, все же добился своего. Пока император собирал в поход немецких крестоносцев, Людовик посетил римского папу и получил от него знаки паломничества: котомку и посох.

Королева Элеонора тоже изъявила горячее желание участвовать в крестовом походе. Она даже собрала отряд знатных дам, готовых поднять меч во славу Господа. В отряд дам-крестоносцев вошли такие высокородные особы, как герцогиня Буйонская и графиня Тулузская. Они очень серьезно отнеслись к своей миссии, каждодневно упражнялись во владении копьем и мечом, привыкали к ношению доспехов. Для дам сшили и особую форму, состоявшую из длинной белой туники с красным крестом, белого плаща с разрезом сбоку до пояса, красных в обтяжку рейтуз и красных сапог с оранжевыми отворотами. Однако для войска французских крестоносцев они представляли только лишнюю обузу. За дамами тащился громоздкий обоз с камеристками, парикмахерами, музыкантами, портными, слугами и поварами. Галантные рыцари во время стычек с мусульманами всячески оберегали милых дам, не позволяя прекрасным амазонкам участвовать в боях. Так что дамы отличились только в любовных баталиях с французскими кавалерами.

Собравшись в Меце, армия французских крестоносцев, состоявшая из 6 тысяч воинов, выступила в поход в 1147 году. Через Германию войско двинулось к Константинополю, где должны были соединиться все отряды крестоносцев. В Константинополе Людовик узнал, что немцы во главе с Конрадом Третьим опередили их и уже переправились в Малую Азию. Византийский император Мануил, стремясь поскорее отделаться от грубых крестоносцев, грабивших дома в ок-

рестностях столицы и безжалостно истреблявших оливковые насаждения, распустил слух о невиданных победах немцев, чем возбудил зависть у французов, поспешивших переправиться через Босфор. А между тем Мануил, мягко говоря, несколько искажил истину. На самом деле немецкие отряды были разбиты сарацинами под Лаодикеей и с большими потерями отступили к Никее. Сам германский император получил при этом серьезное ранение.

Узнав обо всем этом и побаиваясь углубляться в Малую Азию, Людовик повел свою армию вдоль морского побережья. Путь был не из легких: то и дело приходилось форсировать небольшие речки и потоки. Отдохнув в долине Козьего замка, французская армия направилась в Лаодикею. По дороге крестоносцев постоянно тревожили легкие отряды мусульманской конницы; в горных ущельях сарацины устраивали засады и нападали на них сверху. У реки Меандр сарацины перекрыли брод. Тогда Людовик, укрыв пехоту и обоз в середине войска, отразил нападение, а затем, укрепив авангард и фланги, перешел в наступление. Отряды крестоносцев, нанеся хорошо скоординированные удары по врагу с разных сторон, обратили мусульман в бегство, перешли реку и вступили в Лаодикею, жители которой в панике бежали при их приближении. Пройдя через опустевший город, король повел армию к Атталии. Здесь путь пролегал по узкой горной тропе; справа возвышалась отвесная скала, а слева зияла бездонная пропасть. Авангард французов под командованием Жоффруа Ранконского перешел через горный проход и остановился лагерем по другую сторону горы. Неприятель, увидев, что крестоносцы разделились, внезапно напал на арьергард, где находился король Людовик с небольшим отрядом и обозами.

Это был самый опасный момент похода. Вся свита короля полегла под стрелами сарацин, и Людовику пришлось в одиночку отбиваться от множества врагов на вершине утеса. Вероятно, сарацины хотели взять короля живым. Это и спасло его. С несколькими солдатами из охраны обоза ему чудом удалось вырваться из смертельного кольца, перейти проход и присоединиться к авангарду. Обоз был потерян, но рыцари очень обрадовались, увидев своего короля, которого уже считали погибшим и оплакивали.

Двенадцать суток по пустынной местности, под проливными дождями армия добиралась до Атталии, надеясь найти там пищу и кров. Однако греки закрыли перед ними ворота и не пустили измученных воинов в город. Страдающим от голода и холода крестоносцам пришлось разбить лагерь в поле. Правитель Атталии, опасаясь, что крестоносцы могут надумать силой захватить город, предложил им ко-

рабли для отправки назад, в Антиохию. Людовику пришлось скрепя сердце согласиться на этот вариант. Суда прибыли только через пять недель, и их оказалось совершенно недостаточно для того, чтобы перевезти всю армию. На борт поднялись только знатные рыцари — те, кто мог заплатить за перевозку. Отплывая, Людовик плакал, глядя на несчастных брошенных солдат, в мольбе простиривших к нему руки. Дальнейшая их судьба оказалась трагична; все они погибли от голода, холода и сарацинских сабель.

Из Антиохии Людовик Седьмой с остатками войска отправился в Иерусалим, где встретился с императором Конрадом. Король иерусалимский Балдуин Третий собрал военный совет. На совете приняли решение взять Дамаск. Эта крепость, в случае успеха предприятия, смогла бы стать надежным оплотом для Иерусалимского королевства. Всю богатую добычу при взятии Дамаска Балдуин обещал крестоносцам.

В мае 1148 года, перейдя Антиливанский хребет, Людовик и Конрад во главе крестоносцев вышли на Дамасскую равнину. Однако приблизиться к Дамаску оказалось не так-то просто. Сады перед городом мусульмане превратили в сильные укрепления, перерезав их земляными валами, разделенными, в свою очередь, бесчисленными узкими проходами. Все эти проходы, а также входы и выходы защищала мусульманская пехота, поражая крестоносцев копьями через маленькие отверстия в земляных стенах и осыпая их стрелами. Конница сарацин перекрывала подходы к берегу реки Барады, протекавшей напротив укреплений Дамаска.

Крестоносцы яростно обрушились на конницу врага, и та, после жаркой схватки, отступила в город. Теперь можно было приступать к осаде. Но Дамаск был надежно прикрыт толстыми стенами и высокими башнями. Крестоносцы допустили большую ошибку, предприняв атаки на город с востока, поскольку со стороны реки город был защищен гораздо слабее. Кроме того, между немецкими, французскими и иерусалимскими рыцарями вспыхнула ссора, когда они вздумали поделить еще не завоеванный город. Все это, конечно, мало способствовало успеху осады. Несколько несогласованных штурмов были отбиты, а вскоре к Дамаску прибыли подкрепления: султаны Алеппский и Мосульский привели большое войско, и крестоносцам пришлось отступить, оставив всякие надежды овладеть Дамаском.

В конечном итоге Второй крестовый поход потерпел полный провал. Людовик винил в этом коварных греков и восточных христиан. Поговаривали между прочим о том, что иерусалимские рыцари были подкуплены эмиром Дамаска. Они якобы получили от него 250 ты-

сяч золотых, причем эмир безбожно надул их, всучив вместо золотых медные позолоченные монеты.

Как бы там ни было, Людовик Седьмой после неудачи под Дамаском полностью разочаровался в своих союзниках и вернулся на родину. А вернувшись, затеял бракоразводный процесс с Элеонорой. Дело в том, что его не в меру любвеобильная супруга во время похода продолжала изменять королю, пока тот мужественно сражался с сарацинами. Среди любовников Элеоноры был даже ее родной дядя, князь Раймон Антиохийский. Когда Людовик осыпал супругу яростными упреками, она хладнокровно заявила, что в ее изменах виноват он сам. Ведь он скорее монах, чем муж...

После этого терпение Людовика лопнуло окончательно, и хотя у него еще сохранялись остатки чувств к супруге, он, тем не менее, решил на развод. К тому же Элеонора рожала ему одних только дочерей, а королю ведь нужен наследник. Аббат Сугерий, управлявший страной во время отсутствия Людовика, всячески противился разводу королевской четы, понимая, что это означает для Франции потерю Аквитании, но после его смерти развод все же состоялся на церковном соборе в Божанси в 1152 году.

Элеонора особенно не переживала из-за этого развода. От претендентов на руку богатой красавицы не было отбоя, и уже 18 мая 1152 года она вышла замуж за Генриха Плантагенета. Через два года ее новый супруг унаследовал английскую корону. Элеонора родила ему четверых сыновей, один из которых, Ричард Львиное Сердце, прославился как непобедимый король-рыцарь.

Благодаря наследству Элеоноры, под рукой Генриха Второго оказались теперь Нормандия, Анжу, Турень, Пуату, Ангума, Лимузен, Марш, Сентонж, Перигор и Гасконь. Людовик тщетно пытался протестовать. Бок о бок с его королевством выросло новое государство, враждебное и грозное. Ненасытный Генрих, не довольствуясь полученным, протягивал еще руку к Оверни и Берри. Борьба между королями заняла почти 20 лет, продолжаясь до самой смерти Людовика Седьмого. А еще спустя полтора столетия территориальный спор между королями Англии и Франции привел к развязыванию нескончаемой Столетней войны.

После крестового похода Людовик Седьмой по-прежнему проводил политику покровительства по отношению к церкви, защищая ее владения от посягательств хищных феодалов. Так, в июне 1155 года он провозгласил в Суассоне всеобщий мир сроком на десять лет «по прошению людей Церкви и по совету своих баронов ради укрощения пыла дурных и удержания насилия тех, кто грабит». В 1163 году папа

пожаловал королю Людовику орден Золотой розы, признав тем самым его заслуги в сохранении Божьего мира.

Людовик Седьмой избрал в качестве своей эмблемы лилию. Он облачался в плащ голубого цвета с золотыми вышивками, напоминающими созвездия. Король как бы хотел показать, что он соединяет мир земной и мир небесный, возвышаясь над всеми смертными. Каждый зубец его короны, по словам Сугерия, олицетворял один фьеф, а сам венец символизировал единение всех провинций королевства.

Король Людовик Седьмой умер в 1180 году и был похоронен в аббатстве Барбо. Во главе похоронной процессии шел его сын Филипп, которым Господь вознаграждал Людовика за добросовестное выполнение своего христианского и королевского долга. Впервые рядом с телом короля возложили атрибуты высшей власти — корону, скипетр и государственную печать.

«ПРОКАЖЕННЫЙ КОРОЛЬ»

БАЛДУИН ЧЕТВЕРТЫЙ

(1161—1185, король Иерусалимский с 1174 г.)

Балдуин Четвертый, унаследовавший иерусалимский трон в 1174 году после смерти своего отца, короля Амальрика, был бесстрашным рыцарем, человеком железной воли и в то же время несчастнейшим из смертных. Дело в том, что еще в детстве его поразила проказа — этот жуткий бич Ближнего Востока, считавшийся божьей карой. Граф Раймунд Триполийский, исполнявший при несовершеннолетнем короле обязанности регента, сделал все возможное, чтобы спасти своего подопечного, но ни франкские, ни сарацинские лекари не смогли остановить прогрессирующую болезнь. К тринадцати годам отвратительные пятна проказы расплзлись по всему телу несчастного мальчика.

Преодолев сопротивление знати, не желавшей видеть на престоле прокаженного, Раймунд Триполийский добился коронации Балдуина, оставшись при нем главным советником и фактическим правителем королевства. Однако скоро юный король начал тяготиться столь плотной опекой и удалил от себя регента, справедливо полагая, что и сам сможет справиться с бременем королевской власти.

Молодой король являл собой весьма печальное зрелище: вечно напудренный и нарумяненный, чтобы скрыть язвы проказы, он исто-

чал такой дурной запах, что все восточные благовония оказались бессильны перебить его. Гниющий заживо король был обречен на смерть. Наследника он иметь не мог, поэтому все придворные интриги плелись вокруг его сестры, Сибиллы. Муж Сибиллы, маркграф Вильгельм Монферратский по прозвищу «Длинный Меч», умер в 1177 году, оставив ее с новорожденным на руках. Ловкие интриганы, понимая, что второй муж Сибиллы имеет реальные шансы на иерусалимскую корону, наперебой подсовывали ей своих кандидатов. Однако прокаженный король раз и навсегда пресек их потуги, выдав сестру замуж за человека пустого, не имеющего в королевстве никакой поддержки и потому не опасного для него. Таким человеком был Гвидо де Лузиньян, сын аквитанского барона, не решительный и трусоватый рыцарь, приехавший в Святую землю в конце 60-х годов. Он обладал, пожалуй, единственным достоинством — привлекательной внешностью. Сломив сопротивление сестры, не желавшей выходить за такое ничтожество, король устроил их брак в 1178 году.

Ко времени правления Балдуина Четвертого Иерусалимское королевство представляло из себя узкую полосу земли, вытянувшуюся вдоль Средиземного моря и ограниченную горами Ливана и пус-

Крепость крестоносцев в Сирии

тыней Синая. Мудрый враг, прославленный в веках султан Саладин, получивший власть над Египтом и частью Сирии и стремившийся объединить все земли Ближнего Востока под знаменем ислама, появился тогда у границ христианского королевства. Балдуин Четвертый, не колеблясь, вступил в жестокую борьбу с Саладином, и эта борьба шла с переменным успехом, но, к несчастью для христиан, судьба отпустила их королю гораздо меньший срок, чем его грозному противнику. А после смерти прокаженного короля иерусалимский престол занимали лишь ничтожества, неспособные противостоять военному гению Саладина.

Пока король Балдуин был еще в силах, он лично водил армии против мусульман. Превозмогая чудовищную боль и испытывая невероятные мучения, прокаженный король садился в седло и сражался, как подобает настоящему рыцарю. Позже, поскольку страшная болезнь прогрессировала, его уже возили на колеснице, напоминающей катафалк, и герой вместо меча воздевал вверх беспалую руку — его пальцы съела проказа.

В конце 1178 года Балдуин Четвертый встретил армию Саладина у Аскалона. Уверенные в своих силах, сарацины рассыпались по окрестностям, опустошая все на своем пути подобно саранче. Балдуин, воспользовавшись этим обстоятельством, всего с 375 рыцарями обрушился на лагерь Саладина. Напрасно сарацины отчаянно трубили в трубы, созывая рассеявшихся товарищей, их поражение было полным, все дороги покрылись трупами мусульман, и сам Саладин едва спасся, один, без всякой свиты, умчавшись в степь на верблюде. Однако султан быстро восстановил свои силы. Война продолжалась; успех сменялся неудачей, и этой войне не предвиделось конца.

В 1182 году Саладин попытался овладеть Бейрутом, чтобы разорвать Иерусалимское королевство на две части, но Балдуин отразил его. Затем султан атаковал Алеппо и Мосул, чтобы завершить объединение исламских земель, но прокаженный король вторгся на эти территории, дошел до окраины Дамаска и вынудил Саладина отступить.

К 1183 году плачевное состояние Балдуина Четвертого еще более ухудшилось — он потерял зрение и больше не мог лично участвовать в походах. Догнивая в Сионском дворце, он, тем не менее, еще управлял государством. Понимая, что смерть его близка, Балдуин решил передать иерусалимский престол своему племяннику, трехлетнему сыну Сибиллы от первого брака, а регентом при маленьком Балдуине Пятом назначить Гвидо де Лузиньяна. Нельзя сказать, что его

решение было особенно удачным, и прокаженный король вскоре сам убедился в этом.

Саладин с небольшой армией вторгся в Галилею, опустошая этот самый плодородный район королевства. Именно тогда представился удобный случай одним ударом покончить с опасным врагом: в распоряжении короля Балдуина находилось грозное войско из 1300 рыцарей и 20 тысяч пехотинцев. Король, назначив Гвидо де Лузиньяна главнокомандующим, двинул эту армию навстречу врагу. Но бездарный Гвидо все испортил: он остановился ввиду лагеря неприятеля близ Скифополя и нерешительно топтался на месте до тех пор, пока сарацины не ускользнули.

Гнев короля был ужасен. Он лишил Лузиньяна регентства, приказал отобрать у него владения — Аскалон и Яффу и предать его суду как изменника. Перед Гвидо замаячил топор палача, и тогда он в великом страхе бежал из Иерусалима и заперся в Аскалоне. Все попытки выманить его оттуда успеха не имели. Осаждать сильную крепость не представлялось возможным: Саладин мог воспользоваться раздором в королевстве и нанести неожиданный удар.

В сложившейся обстановке прокаженный король почел за благо поспешить с коронацией малолетнего Балдуина Пятого и назначить ему в регенты на этот раз человека проверенного — им стал не кто иной, как Раймунд Триполийский, бывший регент самого короля. А несчастный больной король, позабытый всеми, доживал свои последние дни. Что творилось в душе этого молодого человека, едва дожившего до 23 лет, какие адские телесные и душевные страдания он испытывал, невозможно вообразить без содрогания. В марте 1185 года могила наконец поглотила свою жертву. А в следующем году умер и бедный ребенок — Балдуин Пятый. Иерусалимским королевством завладел тогда никчемный Гвидо Лузиньян, а завадев, привел его на край гибели.

«ПОДЖИГАТЕЛЬ ВОЙНЫ»

РЕНО ШАТИЛЬОНСКИЙ

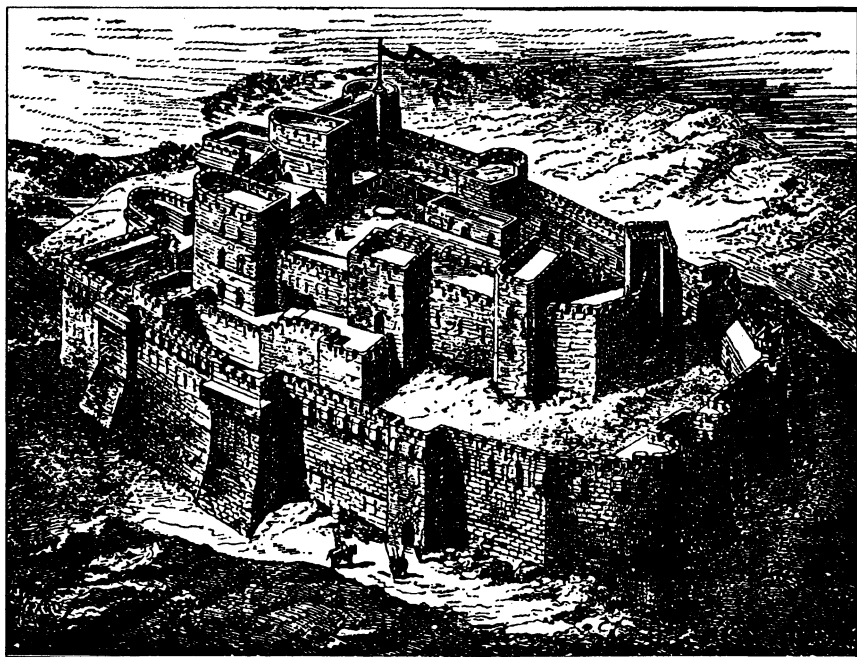
(? — 1187)

Красивый и бравый рыцарь, гроза сарацин, Рено Шатильонский стяжал сомнительную славу отпетого разбойника и поджигателя войны. Приехав в Антиохию в 1153 году, он настолько очаровал вдову

тамошнего князя Констанцу, что вскоре стал ее любовником, а затем и мужем. Антиохийский патриарх Аймерих, фактический правитель княжества, не желал допускать и мысли о вторичном замужестве Констанцы, поэтому венчание свершилось втайне. Когда же патриарх узнал о выборе влюбчивой княгини, он был вне себя от ярости. Рено же, сделавшись князем Антиохийским, повел себя надменно и бесцеремонно, не скрывая своего презрения к престарелому князю церкви. Дабы показать, кто теперь хозяин в Антиохии, Рено приказал раздеть строптивного старика, обмазать его медом и выставить на рыночной площади города на растерзание слепням и оводам. После этого истязания несчастного патриарха бросили в темницу.

Подобное обращение с высшим иерархом церкви выходило за всякие рамки. Иерусалимский король и его бароны, возмущенные нахальной выходкой Рено, потребовали немедленно освободить узника. Уезжая из Антиохии, патриарх Аймерих проклял наглеца.

Рено Шатильонский, человек без чести и совести, любил только свободу и деньги. В 1156 году, подкупленный византийским императором Мануилом, он внезапно напал на армянское царство Киликию,

Замок Крак. Реконструкция

не посчитавшись с тем, что армяне были единственными союзниками христиан на Востоке. Разграбив прибрежные города, захватив богатую добычу и множество рабов, Рено, счастливо избегнувший встречи с армянскими войсками царя Тороса, поспешил вернуться в Антиохию. Затем он написал императору Мануилу, требуя вознаграждения за свой пиратский рейд. Но Мануил холодно отвечал в том смысле, что разбойник достаточно вознагражден захваченной им добычей, и будет с него.

Обманутый Рено не преминул отомстить. Он заключил военный союз с недавним врагом, армянским царем Торосом, против своего сюзерена, императора Мануила (Антиохийское княжество находилось тогда в вассальной зависимости от Византийской империи). Пока армяне, истекая кровью, бились с войсками империи, Рено напал на слабо защищенный Кипр, тогдашнюю провинцию Византии, и разграбил восточное побережье острова, после чего сообщил императору, что теперь они в расчете.

Однако грабитель явно недооценил могущество Византии. Мануил сломил сопротивление армян, принудив Тороса к покорности, и Рено Шатильонский перепугался; в одиночку ему не выстоять. Боясь потерять Сирию, Рено пошел на чудовишное унижение: в монашеской одежде, без штанов, с веревкой на шее, он валялся в ногах у императора, оглашая дворец жалкими воплями. Как пишет Гийом Тирский, «...он кричал о прощении и кричал так долго, что все почувствовали тошноту от этого и многие французы стали его презирать и осуждать».

Могущественный император простил своего презренного раба и сохранил за ним сирийские владения. В апреле 1159 года Мануил посетил Антиохию. Император торжественно въехал в город на белом коне и под звуки труб и барабанов важно проследовал по улицам, украшенным коврами, драпировками и цветами. Его сопровождали король иерусалимский и многие бароны, а Рено шел пешком, ведя за узду коня императора.

После пережитого унижения Рено вовсе не присмирел, скорее напротив — превратился в отъявленного негодяя. Своей любимой резиденцией он избрал неприступный замок Крак де Шевалье, откуда и производил грабительские нападения на торговые суда и караваны. Шайка рыцарей-бандитов, настоящих мерзавцев, составляла ему компанию.

Однажды Рено крупно не повезло. В 1160 году, во время одного из набегов, он нарвался на засаду и угодил в плен к сарацинам. Целых

16 лет томился Рено в тюрьме города Гамбы. И никто, даже жена Констанца, не пожелал выкупить из плена неудачливого разбойника.

Выпущенный на свободу в 1176 году, сильно постаревший Рено ненавидел всех: мусульман — за то, что они столько лет гноили его в темнице; христиан — за то, что не помогли из нее выбраться. К жене он не вернулся. Вновь обосновавшись в своем разбойничьем вертепе, Рено взялся за старое. Ему было глубоко наплевать на то, что между христианами и мусульманами наконец-то установилось перемирие. Своими нападениями и жестокостями Рено озлобил сарацин; теперь хрупкий мир могла вновь сменить беспощадная война. Регент Иерусалимского королевства, Раймунд Триполийский, попытался обуздать зарвавшегося бандита, чтобы сохранить мир с Саладином: в 1185 году он осадил Крак де Шевалье, но взять замок не смог.

Терпение султана правоверных лопнуло окончательно, когда Рено захватил богатый торговый караван, направлявшийся в Дамаск. Разбойник перебил купцов и пленил любимую сестру Саладина, поправ все законы чести и совести. Султан в ультимативной форме потребовал от Гвидо де Лузиньяна, нового короля Иерусалима, примерно наказать распоясавшегося наглеца. Однако король, озабоченный собственным шатким положением на троне, медлил с ответом, и тогда Саладин объявил христианам «священную войну», поклявшись не вкладывать меча в ножны до тех пор, пока последний из них не покинет пределы его страны. Что же касается Рено Шатильонского, то Саладин принес торжественный обет прикончить его собственными руками.

Весной 1187 года мусульманская армия перешла в наступление на земли иерусалимского королевства. Первое поражение крестоносцы потерпели уже в мае, близ Назарета, где погибли 130 храмовников и госпитальеров, включая великого магистра последних. Армия Саладина, разоряя вражескую территорию, в начале июля подступила к крепости Тивериаде и осадила ее.

Смертельная опасность заставила христианских баронов на время забыть о своих раздорах и сплотиться вокруг короля Гвидо. Армия иерусалимского короля, состоявшая из 2 тысяч рыцарей, 18 тысяч ратников и 6 тысяч лучников, представляла собой довольно грозную силу. С рыцарским отрядом прибыл в Иерусалим и Рено Шатильонский.

Армия крестоносцев выступила на помощь Тивериаде. По совету магистра храмовников, оказавшемуся гибельным, христиане под палящими лучами солнца пересекли безводную местность, оторвав-

шись от источников воды, и атаковали противника 4 июля у деревни Лубил. Рыцари, испекшиеся в своих доспехах, сражались вяло, и атака христиан была отбита. Войско крестоносцев с изматывающими арьергардными боями отступило к деревне Хаттин, где укрепилось на большом пологом холме, поросшем вереском.

К ночи холм окружила конница сельджуков, и крестоносцы оказались в западне. Воды не было. Измученные жаждой и отчаявшиеся, многие из крестоносцев под покровом темноты перебежали в лагерь Саладина. Утром сарацины подожгли вереск, и едкий сизый дым пополз по холму, на вершине которого еще гордо развевались рыцарские знамена и орденские стяги: белый с красным крестом — тамплиеров, и черный с белым крестом — госпитальеров.

Рено, поднявшийся на ноги раньше всех, пошел со своими рыцарями на прорыв, но сарацины, готовые к этому, осыпали крестоносцев стрелами и заставили их отступить обратно, в дым и пламя. После этого солдаты Саладина ринулись на штурм. Особенно яростная схватка закипела у королевского шатра, в центре холма, там, где возвышался Святой Крест. Один из современников так описывал эту знаменитую христианскую реликвию: «По нем текла честная кровь Христа; его знамению поклоняются ангелы, и чтят его люди, а дьяволы боятся».

Но крестоносцам не помог и Святой Крест. Пехотинцы, отрезанные от рыцарей, первыми сложили оружие. За ними сдались рыцари, бароны и сам король. У мусульман не хватало веревок, чтобы перевязать всех пленных. К такому позорному разгрому привели трусость и нерешительность короля Гвидо и пагубные советы великого магистра тамплиеров.

Знатных пленников привели в шатер торжествующего Саладина. Султан весело оглядел жалкие фигуры прячущих глаза крестоносцев. Здесь были все, кого он хотел увидеть: и магистры рыцарских орденов, и коннетабль, и маршал, и бароны, и сам король. Саладин задержал взгляд на короле Гвидо, нервно облизывавшем пересохшие губы, и приказал подать ему чашу охлажденного шербета. Сделав глоток, король передал чашу магистру тамплиеров, тот, отпив в свою очередь, передал ее следующему. Когда чаша перешла в руки Рено Шатильонскому, султан, прищуриль глаза, негромко произнес:

— Пей, это твой последний в жизни глоток.

Рено вздрогнул так, что едва не выронил чашу. Однако он быстро справился с собой, спокойно выпил и передал чашу дальше.

— Впрочем, продолжал султан, поднимаясь с роскошного ложа с обнаженной саблей в руке, возможно, я и помилую тебя, если ты перейдешь в нашу веру.

Рено взглянул в глаза Саладина и прочел в них свою смерть.

— Нет! — почти выкрикнул он.

— Ты хорошо подумал? — спросил Саладин, заноса саблю для удара.

— Ненавижу! — процедил сквозь зубы Рено.

Сверкнул клинок, и кровь брызнула в лицо сиятельным пленникам. Помертвевшие от страха, они попятились назад, а султан продолжал яростно рубить дергающееся в агонии тело во исполнение данного им обета.

На следующий день палачи обезглавили всех пленных тамплиеров и госпитальеров — по мнению Саладина, эти христианские убийцы были ничем не лучше мусульманских ассасинов. Саладин пощадил лишь магистра тамплиеров — вероятно, за его глупые советы, способствовавшие победе султана. Что касается всех прочих рыцарей, то им предстояло дожидаться в плену выкупа.

Поражение христиан при Хаттине (Тивериаде) открыло Саладину путь к Иерусалиму, и вскоре Святой город вновь перешел в руки мусульман. Счастливая звезда крестоносцев, подернувшись кровавой дымкой, померкла.

«РЫЖЕБОРОДЫЙ»

ФРИДРИХ ПЕРВЫЙ БАРБАРОССА

(1124—1190, германский император с 1152 г.)

Император «Священной Римской империи германской нации» и король Германии Фридрих Первый из династии Штауффенов проводил активную завоевательную политику, приняв личное участие в пяти военных походах в Северную Италию, а также во Втором и Третьем крестовых походах.

Среднего роста, стройный, со светло-русскими волосами и рыжеватой бородой (отсюда и его прозвище «Барбаросса» — «Рыжебородый»), Фридрих был знаменитым рыцарем своего времени, всегда сражавшимся в первых рядах, победителем всех турниров и покорителем дамских сердец.

Впервые молодой Фридрих, носивший тогда титул герцога Швабского, принял участие в военных действиях еще при жизни дяди, императора Конрада Третьего. В неудачном Втором крестовом походе Фридрих зарекомендовал себя отличным воином и хорошим организатором. Наследником имперского престола Конрад Третий видел не своего малолетнего сына, а именно племянника Фридриха. В 1152 году Конрад Третий умер, и германские электора, в соответствии о волей покойного, избрали новым императором Священной Римской империи Фридриха Барбароссу, достигшего к тому времени 28-летнего возраста.

Всю последующую жизнь Фридрих Барбаросса проводил двойственную политику — королевскую (в качестве короля Германии) и имперскую (в качестве императора Священной Римской империи). Впрочем, приоритетной являлась именно вторая. Главную свою цель Фридрих подчеркнул в письме к римскому папе — он намерен «...восстановить величие Римской империи в ее прежней силе и блеске». Это подтверждает и летописец Радевик в следующих словах: «Во все время своего царствования он ни о чем так не заботился, как о восстановлении прежнего значения Римской империи».

Фридрих Барбаросса. Рисунок неизвестного художника. XIX в.

Королевскую корону Фридрих получил в Ахене, а за императорской необходимо было ехать в Рим, на поклон к папе. Между тем политическая ситуация в Италии отличалась большой сложностью. Три великие силы противостояли там друг другу: во-первых, римский папа, духовный вождь католиков и крупный светский феодал, владевший и Папской областью; во-вторых, король Сицилии и Южной Италии Рожер из норманнской династии; и в-третьих, богатые итальянские города, зачастую враждовавшие и с папой, и с сицилийским королем, и друг с другом. Таким образом, Фридрих Барбаросса со своими войсками и претензиями на верховное господство над Римской империей представлял уже четвертую силу.

Итак, целью первого похода в Италию была императорская корона. Знатным римским послам, встретившим его на пути к Вечному городу, Фридрих без обиняков дал понять, кто теперь хозяин Италии и в чьих руках верховная власть: «Я — законный обладатель ее; пусть, кто сможет, вырвет палицу из руки Геркулеса». Так же гордо и заносчиво Барбаросса отнесся и к папе Адриану Четвертому. Их первая же встреча едва не привела к серьезному конфликту. Дело в том, что, по традиции, император должен был спешиться и держать стремя папского коня, чтобы помочь папе сойти на землю. Но Фридрих проигнорировал этот унижительный для него обычай, поэтому оскорбленный папа, в свою очередь, отказал ему в традиционном лобызании. Тем не менее церемония коронации совершилась в храме Св. Петра 18 июня 1155 года. Однако при известии об этой коронации в Риме вспыхнуло восстание горожан против нового императора-властолюбца. Целый день шли кровопролитные уличные бои с солдатами Фридриха. И хотя восстание к исходу дня было подавлено, Барбаросса не решился оставаться долее в мятежном городе, вывел свою армию из Рима и отправился восвояси.

Это было только начало: в будущем Фридриху предстояло совершить еще пять военных походов в Италию. Борьба растянулась на долгих 22 года и закончилась она не в пользу императора. А германские феодалы, пользуясь отсутствием Фридриха, выходили из повиновения и поднимали мятежи, подрывая престиж королевской власти в Германии.

Римский папа при каждом удобном и неудобном случае старался подчеркнуть свое верховенство и превосходство над императором. В октябре 1157 года, на сейме в Безансоне, посланник папы кардинал Бандинелли прямо назвал Фридриха вассалом папы: «От кого же император и держит свою власть, как не от папы?» — высокомерно заявил он.

Граф Оттон Виттельсбахский хотел зарубить зарвавшегося прелата, но император удержал его руку, уже обнажившую оружие. Барбаросса приказал послам папы немедленно удалиться, а на прощание напомнил им: «Если бы нас не было в церкви, вы узнали бы, как тяжелы немецкие мечи».

Наиболее упорное сопротивление оказали Фридриху свободолюбивые жители Милана, не желавшие признавать над собой власти пришедшего императора. Ему пришлось дважды (в 1158 и 1159 гг.) осаждать непокорный город. Три года миланцы героически сопротивлялись, но все же в феврале 1162 года, изнуренные голодом, были вынуждены капитулировать. Император решил примерно наказать строптивцев. По свидетельству очевидца событий, нотариуса Бурхарда, святыня их города — колесница, на которой возвышался крест с изображением св. Амвросия, была опрокинута перед победителем под звуки труб, «звучавших, как похоронная песнь, над погибшей гордостью Милана».

Горожане, в одежде кающихся, с веревками на шее, с головами, посыпанными пеплом, пали на колени перед императором, плача и умоляя о пощаде. Граф Бландратский просил за побежденных, «но лицо императора оставалось жестким, как камень». Фридрих все же помиловал их, но взял в заложники наиболее именитых граждан и рыцарей. Валы, рвы и башни Милана были разрушены, и в знак проклятия по развалинам проведена плужная борозда.

— Милан должен осушить ту чашу скорби, которую он готовил для других, — сказал при этом Барбаросса.

Однако Милан, подобно Фениксу, вскоре возродился из пепла — восстановить городские укрепления ему помогли соседние города и византийский император Мануил, еще один могущественный враг римского императора.

Дела Фридриха Барбароссы в Италии шли все хуже. Новый папа Александр Третий (бывший кардинал Бандинелли, тот самый, которому император грозил тяжестью немецких мечей), в ноябре 1165 года объявил императора низложенным, а его подданных — свободными от присяги на верность. Итальянцы, опираясь на авторитет святого отца, отложились от императора. Немецких чиновников изгоняли из страны, разрушенные города восстанавливались. В декабре 1167 года против Фридриха образовалась Ломбардская лига, в которую вошли многие итальянские города: Милан, Кремона, Брешия, Бергамо, Феррара, Мантуя, Верона, Виченца, Падуя, Лоди, Парма, Пьяченца, Модена, Болонья и Венеция. Папа благословил Ломбардскую лигу и

призвал ее членов к решительной борьбе с низложенным императором.

Ломбардцы возвели в Северной Италии крепость Александрию (названную в честь папы) с целью не допустить немецкие войска в глубь страны. В 1175 году Фридрих Барбаросса осадил Александрию, но гарнизон крепости держался стойко, и с наступлением зимы императору пришлось отойти в Павию.

Решающая битва с Ломбардской лигой произошла 29 мая 1176 года у деревни Леньяно. Здесь ломбардцы разбили военный лагерь и окопали его глубоким рвом, позади которого расположилась пехота, вооруженная длинными копьями. Перед лагерем встали отряды миланских рыцарей, а в самом Леньяно расположились брешианские рыцари, называвшие себя «дружиной смерти», поскольку они поклялись победить или умереть.

Фридрих Барбаросса во главе немногочисленной армии (одна ее часть в это время осаждала Александрию, а другая охраняла дороги) решительно пошел в атаку. Немцам удалось прорвать ряды миланских рыцарей, и те поспешно отступили в укрепленный лагерь, укрывшись за спинами пехотинцев. Но вот именно эти-то пехотинцы, которых никто всерьез не принимал, показали пример героизма и стойкости: все атаки немцев разбились об их железные ряды. Когда армия императора прочно увязла в оборонительных порядках пехоты, брешианские рыцари и остатки миланцев нанесли сильный и неожиданный фланговый удар. Тут же и пехота, сомкнув ряды и ошетилившись копьями, вышла из-за валов и устремилась в атаку.

Разгром немцев был полным. Сам император, выбитый из седла и окруженный итальянскими рыцарями, лишь чудом спасся. Потеряв свой штандарт, он бежал вместе со всеми. Это поражение означало крушение имперской политики Фридриха. Одолеть сопротивление объединившихся итальянцев оказалось ему не под силу.

Волей-неволей Фридриху Барбароссе пришлось перенести акцент своей политики на Германию, проводя время в борьбе с непокорными феодалами, сильнейшим из которых стал герцог Саксонии Генрих Лев. Фридрих сломил сопротивление непокорных вассалов и добился в Германии того, чего не смог добиться в Италии — полной покорности своих подданных.

«Вся земля, — писал летописец Рагевин, — признавая его могущество и милосердие, повинувшись одновременно любви и страху, старалась оказывать ему новые знаки почтения, превозносить его новыми хвалами».

Утвердив свою власть в Германии, Фридрих Барбаросса принял участие в Третьем крестовом походе. В латинских государствах сильные позиции занимали представители Франции, влияние же Германии на Ближнем Востоке было ничтожным. Закрепиться в Святой земле — такую очередную политическую задачу ставил перед собой Фридрих Барбаросса.

Официальной целью Третьего крестового похода папа провозгласил освобождение Святого города — Иерусалима, захваченного султаном Саладином в 1137 году. К этому времени Фридриху исполнилось 63 года, его рыжая борода поседела, он стал грузен, но закаленный воин по-прежнему легко держал в своих руках оружие. Еще полный энергии, Фридрих, не устранившись новых тягот и лишений, лично возглавил поход германских крестоносцев.

Отправляясь в дальний поход, Барбаросса хотел быть спокоен за свой тыл. Поэтому в 1188 году на съезде в Майнце он потребовал от всех своих вассалов торжественной клятвы верности. Получив же ее, начал тщательно готовить армию крестоносцев. Учтя печальный опыт Второго крестового похода, когда плохо вооруженные бедняки стали тяжелой обузой для войска, он запретил принимать в армию людей, не способных уплатить взнос в 3 марки серебром. Набранную и укомплектованную армию (около 30 тысяч бойцов) он разделил на отряды по 500 человек, причем командиры отрядов несли полную ответственность за каждого своего солдата. Для укрепления дисциплины в армии крестоносцев действовали военные суды и тайный совет из 16 баронов.

Перед началом похода Фридрих Барбаросса направил Саладину жесткую ноту, требуя немедленно уйти из Иерусалима, вернуть Святой Крест, захваченный сарацинами при Хаттине, а также освободить всех пленников-христиан. В ответ на эту ноту Саладин выдвинул свои условия: христиане немедленно сдают ему все сирийские города, находящиеся в их руках, после чего он вернет Святой Крест, пленников и разрешит безоружным паломникам беспрепятственно посещать иерусалимские святыни.

Эти справедливые условия мусульманского владыки Фридрих Барбаросса счел не только неприемлемыми, но и оскорбительными. В мае 1189 года император с армией германских крестоносцев выступил из Регенсбурга. Двигаясь в Малую Азию по суше, армия проследовала через Венгрию, Болгарию и Византию в Киликийскую Армению.

Византийский император Исаак Ангел обещал Фридриху помощь и снабжение его армии плодами, овощами, лесом и фуражом, с тем чтобы немцы мирно пересекли территорию империи. Однако, вступив в соглашение с Саладином, он коварно нарушил все свои обещания. Исаак отрезал крестоносцам доступ к съестным припасам и заключил их послов в тюрьму, требуя в заложники наследника германского императора. В ответ Барбаросса потребовал заложников от византийцев, а его голодная армия прошла по византийской территории как по вражеской стране, захватив Адрианополь, Филиппополь и Дидимотикон, угрожающе приблизившись к стенам самого Константинополя. Конфликт едва не перерос в настоящую войну. Летописец отмечал:

«Весь город Константинополь дрожит, думая, что уже грозит его разрушение и истребление его населения».

Испуганный правитель ромеев вынужден был пойти на попятную и освободить послов. В Адрианополе Исаак заключил с Фридрихом следующее соглашение: византийцы предоставляют крестоносцам суда для перевозки через пролив, вручают заложников и снабжают воинов Фридриха провиантом.

Весной 1190 года немецкие войска переправились через Геллеспонт. Разгромив отряды иконийского султана, армия крестоносцев захватила Иконий и двинулась дальше горными тропами через Тавр. 10 июня 1190 года Фридрих Первый Барбаросса трагически погиб в результате несчастного случая при переправе через речку Салеф. Его конь, поскользнувшись на камнях, устилавших дно горной речки, сбросил всадника в воду. Старый император, ударившись головой о камни, потерял сознание и захлебнулся в быстром потоке. Когда рыцари вытащили его из стремнины, Фридрих был уже мертв.

Смятение, охватившее все войско при известии о его гибели, не поддается описанию. Крестоносцы в ужасе решили, что Бог отвернулся от них. По свидетельству летописца, «...все были охвачены таким сильным горем, что некоторые, мечась между ужасом и надеждой, кончали с собой, другие же, отчаявшись и видя, что Бог словно бы не заботится о них, отрекались от христианской веры и вместе со своими людьми переходили в язычество».

Герцог Швабский, сын покойного, приказал похоронить внутренности императора в Тарсе, столице киликийской Армении, а его кости, словно мощи святого, всюду возил с собой. Когда он внезапно умер под Аккрой, мешок с костями бесследно исчез.

Что касается армии немецких крестоносцев, то ее будто бы в самом деле преследовал злой рок. После смерти Фридриха Барбароссы

армия разделилась на две части. Одна из них ушла в Антиохию, но там разразилась эпидемия чумы, и большинство крестоносцев пали ее жертвами. Другая часть пошла через Алеппо, была окружена и перебита сарацинами, а остатки ее пленены. До Палестины добрались не более 5 тысяч человек. Там они влились в армии французов и англичан, приведенных Филиппом Августом и Ричардом Львиное Сердце.

«АВГУСТ»

ФИЛИПП ВТОРОЙ

(1165—1223, король Франции с 1180 г.)

Филипп Второй, сын Людовика Седьмого и Алисы Шампанской, прославлен в истории Франции как мудрый государственный деятель, сумевший значительно расширить пределы королевства, и как бесстрашный рыцарь, участник Третьего крестового похода, а также многих сражений с англичанами, фламандцами, немцами и собственными непокорными вассалами. Венцом его воинской славы явилась решающая победа при Бувине над коалицией врагов Франции.

Король Филипп имел изящное телосложение и приятное лицо с правильным, с легка заостренным носом. Его голову, кудрявую в молодости, в более зрелом возрасте украсила солидная плешь. Величественность чувствовалась в каждом его движении. Характер выдавал в нем прирожденного политика, Филипп был предусмотрителен и расчетлив, упорен и скрытен, иногда жесток и вероломен. Так, свою вторую жену, датскую принцессу Ингебургу, чем-то не угодившую ему в первую брачную ночь, он заточил в монастырь, объясняя свой поступок в духе того времени: она якобы его околдовала. Бедняжка провела в ужасных условиях, часто впроголодь, около 20 лет, но когда в том возникла политическая необходимость, Филипп вернул ее на супружеское ложе.

Принц Филипп стал королем в 15 лет, и сразу же был вынужден вступить в борьбу с непокорными вассалами, не желавшими повиноваться юнцу. Мятежные феодалы: герцог Бургундский, графы Фландрский, Намюрский, Блуасский, Сансеррский и Шампанский образовали против него коалицию. Однако юнец был не так-то прост. Филипп очень ловко воспользовался противоречиями между ними, сталкивая врагов друг с другом, и в итоге разбил их всех поодиночке.

Так в самом начале своего царствования он сломил сепаратизм непокорных герцогов, графов и баронов.

Своей главной политической задачей молодой король считал борьбу с Плантагенетами, владевшими со времен его отца обширнейшими территориями во Франции. Английского короля Генриха Второго и его сыновей — Генриха Младшего, Жоффруа Бретонского, Ричарда Аквитанского и Иоанна, в последствии прозванного Безземельным, Филипп считал самыми заклятыми врагами. Воевал он с ними почти непрерывно, с тем чтобы лишить Плантагенетов их французских владений. В этой борьбе он использовал все ту же тактику, изобретенную еще римлянами, — «разделяй и властвуй». Король Филипп мастерски владел этой тактикой, заключая союзы с братьями против их отца, Генриха Второго, или с одним братом против другого. При этом он не забывал поддерживать возмущения бретонцев и аквитанцев, недовольных английским игом.

Эта борьба была ненадолго прервана участием Филиппа Второго в крестовом походе. Из трех королей, отправившихся в Святую землю, Филипп был меньше всего заинтересован в этом походе, однако он не мог позволить себе выйти из большой политической игры и

*Филипп Второй осаждает Аккру.
Миниатюра из Больших французских хроник. XIV в.*

отдать всю инициативу в руки английского и германского королей. Поэтому в январе 1188 года в Хизоре Филипп обменялся братским поцелуем со своим главным врагом — королем Англии Ричардом Львиное Сердце, после чего они оба торжественно приняли крест.

Короли выступили в поход в 1190 году разными путями: Филипп направился в Геную, где его войско погрузилось на корабли, а Ричард прошел через Францию и Италию. Соратники-враги соединились на Сицилии. Уже там начались ссоры и свары между ними. Жители Сицилии встретили крестоносцев Ричарда очень нелюбезно, и тот, разъярившись, захватил Мессину. Филипп тут же потребовал от Ричарда свою долю в захваченной добыче, вступив в то же время в тайные переговоры с сицилийским королем, предлагая ему помощь против англичан. Разумеется, все это не могло привести Ричарда в восторг.

К моменту прибытия двух королей в Святую землю (третий, германский, император Фридрих Барбаросса погиб нелепой смертью — утонул в горной речке) крестоносцы уже второй год тщетно осаждали сильную сарацинскую крепость Аккру. Это была странная осада. Отряды иерусалимских, французских, датских, английских и фламандских крестоносцев, разбившие лагерь у высоких стен Аккры, упорно штурмовали крепость, а их, в свою очередь, осаждала армия Саладина, окружившая крестоносцев со стороны суши. Не раз воинам Саладина удавалось прорваться к городу и подать помощь осажденным, после чего рыцари отбрасывали сарацин назад, и все начиналось сначала. И если гарнизон Аккры получал подкрепления с суши, то крестоносцы — со стороны моря, поскольку все новые отряды из разных стран Европы время от времени прибывали под Аккру. Таким образом, ничья сторона не могла получить решающего перевеса.

Положение изменилось весной 1191 года, когда сюда прибыли дружины Филиппа и Ричарда. Правда, раздоры между ними долго препятствовали успеху крестоносцев. Первым делом короли начали перекупать друг у друга солдат. Узнав, что Филипп платит своим воинам по три безанта, Ричард «велел возвестить по войску, что всякий воин, из какой бы он ни был земли, получит от него, если захочет к нему наняться, четыре золотых безанта». В результате вассал Филиппа, граф Анри Шампанский, большое количество пехотинцев, а также прислуга боевых машин Филиппа перешли на службу к Ричарду.

Дальше — больше. По словам английского хрониста Роджера Ховденского, «...во всех тех начинаниях, в каких участвовали коро-

ли и их люди, они вместе делали меньше, чем каждый поодиночке. Французский король и его люди презирали английского короля и его вассалов, и наоборот... Короли, как и их войско, раскололись надвое. Когда французский король задумывал нападение на город, это не нравилось английскому королю, а что угодно было последнему, неудобно первому. Раскол был так велик, что почти доходил до открытых схваток».

Оба короля постоянно вредили друг другу, вели сепаратные переговоры с Саладином, и взаимная ненависть их все возрастала. Филипп, кроме того, завидовал рыцарской славе Ричарда, будучи не в состоянии затмить его удивительных подвигов. Тем не менее короля Филиппа никак нельзя упрекнуть в трусости. Он активно участвовал в боях, не гнушаясь тяжелого и опасного труда простого солдата. Так, например, 2 июля 1191 года Филипп Второй лично вмешался в обстрел Аккры, метко поражая своими стрелами мусульман на зубцах крепости.

Согласно плану короля Филиппа, вокруг города возвели высокий вал, с вершины которого вели непрерывный обстрел метательные машины крестоносцев. Здесь английское орудие «Божья праща» состязалось с французской «Злой соседкой», забрасывая в крепость огромные морские валуны, убивавшие иногда по дюжине сарацин. Огромные осадные башни беспрестанно осыпали врага ливнем стрел и камней.

Наконец, 12 июля 1191 года Аккра сдалась на милость победителя. В соответствии с условиями капитуляции, Саладин обязался вернуть крестоносцам всех пленных христиан и Святой Крест, захваченный им в битве при Хаттине. Что касается пленников-мусульман из гарнизона Аккры, то султан должен был выкупить их в строго установленный срок за 200 тысяч безантов.

После взятия Аккры король Филипп счел, что уже достаточно потрудились во славу Христа. Сказавшись больным, он отдал распоряжение готовиться к отплытию. «Французский король собрался в путь, и я могу сказать, что при отъезде он получил больше проклятий, чем благословений», — писал хронист Амбруаз. Это и неудивительно. Крестовый поход не мог считаться завершенным, пока Иерусалим оставался в руках «неверных», следовательно, в глазах Ричарда и других крестоносцев Филипп стал дезертиром и предателем.

Король Филипп отплыл из Сирии 3 августа 1191 года — дома его ждали дела поважнее. А Ричард остался продолжать бесконечную и безнадежную войну, принесшую ему много славы, но мало проку.

По возвращении из Святой земли король Филипп возобновил борьбу с Плантагенетами за французские земли. Сначала противником Филиппа был Генрих Второй, потом вернувшийся из плена Ричард, затем, после гибели Ричарда, его брат, Иоанн Безземельный. Кстати говоря, Иоанна прозвали Безземельным именно после того, как король Филипп отнял у него Нормандию, Тулузу, Анжу, Мэн и Пуату, то есть почти все владения английской короны во Франции.

Однако хитрый и жадный Иоанн не желал признавать свое поражение. К 1214 году ему удалось сплотить мощную антифранцузскую коалицию. В ее состав вошли феодалы Северной Франции, Бельгии, Фландрии, Лотарингии и даже часть немецких баронов во главе с самим императором Оттоном.

Генеральное сражение с войсками коалиции произошло 7 июля 1214 года при Бувине. Вражеская армия была многочисленнее: она насчитывала 1500 рыцарей и 7500 пехотинцев, против которых французский король смог выставить лишь 1200 рыцарей и 5000 пехотинцев. Зато французская армия отличалась большей сплоченностью. Ее командующий, иоаннит Герен, сумел воспользоваться просчетами противника и развернуть своих солдат по фронту таким образом, чтобы не допустить обхода с флангов.

В центре строя ратников обеих армий находились короли. Французы подняли возле короля орифламму и его знамя с золотыми лилиями. Императорский же штандарт с орлом, укрепленный на колеснице, соседствовал с вымпелом в виде дракона.

Перед началом боя 50-летний король Филипп благословил своих коленопреклоненных воинов и произнес зажигательную речь, призывая их защитить родину и Святую Церковь. Дело в том, что германский император был отлучен от церкви, а кроме того, немцам обещала помочь колдовскими чарами престарелая графиня Фландрская, известная своими связями с нечистой силой.

Сражение началось неудачно для французов. Немцы Оттона, вооруженные длинными ножами — коварным оружием, проникавшим в стыки между рыцарскими латами, смяв французскую пехоту, стремительно бросились вперед. Граф Фландрский, поклявшийся лично убить Филиппа, приблизился к нему на расстояние броска копья. Король оказался в смертельной опасности: враги, прорвав ряды королевской свиты, крючьями стянули его с коня, и Филипп едва не погиб под копытами. Но несколько французских рыцарей, закрыв его грудью, подняли короля и вновь усадили в седло.

Этот самый опасный момент сражения оказался и переломным. Напав на короля, немцы нарушили строй, что позволило Герену разбить войска коалиции и последовательно разбить их левое крыло, центр, а затем и правый фланг. В ходе боя император также оказался на волосок от смерти: меч французского рыцаря, скользнув по его кольчуге, сразил коня. Оттон не стал искушать судьбу: вскочив на запасную лошадь, он ускакал во весь опор, бросив свою колесницу и орла со сломанными крыльями.

Король Франции победил. В битве полегло множество вражеских пехотинцев, около 400 рыцарей попали в плен. В числе пленников оказались и личные враги короля: графы Ферранд Фландрский, Рено де Даммартен и другие.

После победы при Бувине, по выражению неизвестного летописца XIII века, «не было никого, кто осмелился бы пойти войной на короля Филиппа, и он жил в великом мире и спокойствии, и все земли пребывали в мире многие годы».

За высокие заслуги перед Францией Филипп Второй получил почетное прозвище «Август». Первым ввел его в обращение еще при жизни короля монах Ригор, оставивший потомкам свой объемистый труд — историю правления Филиппа Второго.

«СПАСИТЕЛЬ ИЕРУСАЛИМСКОГО КОРОЛЕВСТВА»

КОНРАД МОНФЕРРАТСКИЙ

(? — 1192)

Монферрат, маленькое владение в Северной Италии, играло большую историческую роль, служа привратником Италии со стороны Франции и Швейцарии. Маркизы Монферратские, искусные политики и дипломаты, умело лавировали между гвельфами и гибеллинами, обычно поддерживая последних, так как опасались соседства римского папы. Семья была немецко-итальянской и занимала заметное положение в Священной Римской империи. Отец Конрада, Вильгельм, много лет провел в Иерусалиме; брат, тоже Вильгельм по прозвищу «Длинный Меч», был первым мужем королевы Сибиллы Иерусалимской. Конрад Монферратский, храбрый, сильный и коварный рыцарь, слыл отменным полководцем и флотоводцем. Главной целью своей жизни честолюбивый маркиз считал добычу королевской короны. Богатый и влиятельный, Конрад Монферратский шел на лю-

бые ухищрения ради достижения этой цели и в конце концов добился-таки своего. Однако царствовать ему не пришлось.

Несколько лет Конрад провел в Константинополе, где император Византии доверил ему высокий пост главнокомандующего. После того как вспыльчивый маркиз испортил отношения с императором ромеев, он в 1187 году отплыл в Святую землю.

К этому времени положение крестоносцев на Востоке было почти катастрофическим — в их руках оставались лишь Иерусалим, Тир, Аскалон и Триполи. Осенью Саладин захватил Иерусалим; защитники Тира, осажденные неприятелем, также подумывали о капитуляции. Именно в этот критический момент на горизонте показались паруса эскадры Конрада Монферратского, который, прорвав блокаду, с десятком рыцарей и сотней византийских лучников вступил в Тир.

Прибытие Конрада в корне изменило сложившуюся обстановку. Энергичный и деятельный, он быстро наладил эффективную оборону города, расширил рвы, восстановил полуразрушенные укрепления и отбил все приступы мусульман. Его успехи вселили надежду в сердца всех христиан Святой земли.

Тяжеловооруженный рыцарь на коне. Гравюра XIX в.

Саладин, бессильный сломить героическое сопротивление защитников Тира, воодушевленных таким ярким вождем, решил взяться за дело по-иному и разыграть последний оставшийся козырь. Султан приказал доставить к нему Вильгельма Монферратского, отца Конрада, захваченного в плен в битве при Хаттине и содержавшегося в дамасской тюрьме. Саладин предложил Конраду открыть перед сарацинами ворота Тира в обмен на жизнь и свободу его отца. В придачу владыка правоверных обещал наградить маркиза богатыми владениями в Сирии. В случае отказа от его предложения отец Конрада умрет. Маркиз ответил на это, что ради спасения отца он не станет предателем и изменником делу крестоносцев. Раздосадованный Саладин предпринял еще один безуспешный штурм Тира. После этого армия мусульман, отступив от Тира, отправилась осаждать Триполи, но эта осада окончилась для Саладина столь же неудачно. Таким образом, не будет преувеличением сказать, что маркиз Конрад Монферратский сыграл весьма важную роль в спасении Иерусалимского королевства.

Тем временем иерусалимский король Гвидо Лузиньян, также находившийся в мусульманском плену после разгрома при Хаттине, получил свободу, заплатив за нее Аскалоном. Бездомный король вместе с королевой Сибиллой искал приюта в Тире, но маркиз Конрад, презиравший ничтожного Лузиньяна, не открыл ему ворота. Рыцари и горожане с высоты городских стен осыпали Гвидо насмешками и закидали навозом.

В 1190 году отряды английских, французских, немецких, фландрских, итальянских и датских крестоносцев осадили важную крепость Сирии Аккру. Осада затянулась, так как армия Саладина оказывала действенную помощь гарнизону крепости. Тогда в Тир прибыл ландграф Людовик Тюрингенский, который и уговорил маркиза Конрада поддержать крестоносцев под Аккрой — авторитет спасителя Тира был очень велик, особенно среди немцев. Кроме того, ландграф сообщил маркизу печальную новость: трагически погиб германский император Фридрих Барбаросса, а его деморализованное войско рассеяно сарацинами.

Не теряя времени, Конрад выступил со своими отрядами навстречу остаткам немецкого войска, опасаясь, что Саладин добьет немцев. Двигаясь вдоль побережья, маркиз вскоре повстречал небольшой немецкий отряд, предводительствуемый сыном покойного императора, герцогом Швабским. Вместе с ним они и прибыли 7 октября 1190 года в лагерь крестоносцев под Аккрой.

Меньше всех обрадовался появлению Конрада Монферратского Гвидо де Лузиньян, справедливо полагавший, что маркиз охотится за его короной. Так оно и вышло. Когда в январе 1191 года от заразной болезни умерла королева Сибилла, Конрад составил хитроумный план захвата иерусалимского престола. Совершенно неожиданно для всех он объявил, что женится на Елизавете, младшей сестре Сибиллы, и в качестве ее мужа сделается иерусалимским королем.

Заявление Конрада Монферратского повергло баронов в легкий шок. Дело в том, что маркиз-то уже был женат, и не на ком-нибудь, а на сестре византийского императора Исаака Ангела! Мало того, Елизавета также не была свободна: несколько лет назад она вышла замуж за барона Готфрида Туронского. Но подобные пустяковые препятствия не могли остановить честолюбивого и находчивого маркиза. Его брак с византийкой недействителен, поскольку свершался он по обрядам православной церкви; что же касается Елизаветы, так она давно не любит своего мужа и готова развестись с ним.

Можно себе представить, что тут началось! На совете баронов недруги маркиза поддерживали Гвидо Лузиньяна, кричавшего в отчаянии, что король у Иерусалимского королевства давно имеется, и этот король он, но большинство членов совета остановилось на кандидатуре Конрада Монферратского, «единственного, кто мужеством, мудростью и политическим искусством» сможет спасти Иерусалимское королевство от грозящей гибели.

Яростные споры и препирательства продолжались несколько месяцев. В конце концов приняли компромиссное решение: королем до конца жизни остается Гвидо Лузиньян, а Конрад Монферратский ему наследует. А пока его владения на Востоке составят Тир, Сидон и Бейрут.

Уже после краха Третьего крестового похода бароны приняли новое решение: учитывая тяжелое положение королевства, корону незамедлительно передать Конраду Монферратскому. Гонец с этим известием поскакал в Тир, но маркизу, как видно, не суждено было стать королем — через несколько дней он погиб.

28 апреля 1192 года маркиз ехал верхом по улице Тира, когда двое бедно одетых людей внезапно набросились на него и закололи кинжалами. Это были ассасины — фанатичные подданные Старца Горы. Одного из убийц охрана уложила на месте, но второй успел добежать до церкви и попросить там убежища. Однако, когда прошел слух, что маркиза унесли домой еще живого, этот ассасин, тайно покинув церковь, сумел добраться до него и добить. После чего умер под самыми изощренными пытками, не сказав ни слова.

Заказчик убийства Конрада Монферратского так и остался неизвестен. Враги английского короля Ричарда Львиное Сердце совершенно безосновательно обвиняли его в этом преступлении, но скорее всего маркиз Монферратский чем-то задел самолюбие Старца Горы, за что и поплатился.

«ЛЪВИНОЕ СЕРДЦЕ»

РИЧАРД ПЕРВЫЙ

(1157—1199, король Англии с 1189 г.)

Самым лучшим рыцарем среди всех монархов Средневековья был, вне всякого сомнения, английский король Ричард Первый Львиное Сердце. Многие короли, князья и императоры принимали участие в походах и сражениях, являя миру рыцарскую доблесть, но таких удивительных и блистательных подвигов, какие свершил король с Львиным Сердцем, не дано было свершить никому из них.

Ричарда никак нельзя назвать образцовым государем, ибо за 10 лет своего царствования он лишь дважды, да и то ненадолго, побывал в своей стране. Все остальное время (если не считать детских лет и времени, проведенного в плену) он только и делал, что воевал: против собственного отца, против сицилийцев, против мусульман, против французов, против брата Иоанна Безземельного... Ричард стремился только к рыцарской славе, война была его стихией, а подвиг — образом жизни.

Ричард, сын Генриха Второго Плантагенета и Элеоноры Аквитанской, родился в 1157 году в Оксфорде, но воспитывался он в Аквитании, где и создал собственный двор. Высокий, стройный, с тренированными сильными мышцами и ловкими руками, он уже тогда наслаждался рыцарскими поединками и песнями трубадуров. Талантливые трубадуры Бертран де Борн и Блондель де Нелль были его близкими друзьями, и сам Ричард охотно состязался с ними в искусстве песни.

Характер Ричарда противоречив. Добродушие соседствовало в нем с лютой жестокостью, щедрость до расточительности с торгашеской расчетливостью, неукротимая ярость с предусмотрительностью. В Ричарде как бы соединялись противоположные стихии, и недаром Бертран де Борн прозвал его «Да-и-Нет».

Генрих Второй Английский обращался с сыновьями грубо и деспотично, рассматривая их скорее в качестве своих вассалов. Генрих Нормандский и Ричард Аквитанский в 1173 году подняли знамя восстания против отца-тирана. В этом их поддерживала мать — Элеонора Аквитанская, возмущенная постоянными изменами супруга, король Шотландии, а также население французских земель — нормандцы, бретонцы, анжуйцы и пуатевинцы. В этом же году союзник мятежных принцев, король Франции Людовик Седьмой, посвятил Ричарда в рыцари.

Борьба Ричарда против отца продолжалась с краткими перерывами до самой смерти последнего. В ходе этой борьбы, богатой всевозможными перипетиями, выковался и закалился идеальный рыцарь, поражавший воображение современников и потомков.

После смерти Генриха Второго, 3 сентября 1189 года Ричард торжественно короновался в Лондоне. Эта коронация оставила по себе память шумными пирами и теми милостями, которыми новый король Англии осыпал как своих приспешников, так и старых соратников отца. С великой щедростью Ричард одарил правами, землями, деньгами и младшего брата Джона, впоследствии прозванного Безземель-

Ричард Львиное Сердце. Рисунок неизвестного художника. XIX в.

ным. Любимчик отца Джон (Иоанн) вскоре отплатил своему щедрому брату черной неблагодарностью, интригуя против него в непреодолимом желании завладеть престолом Англии.

А нового короля меньше всего интересовали скучные государственные дела. Крестовый поход — вот его стезя, вот где он мог проявить себя в полном блеске! Освобождение Иерусалима — вот достойная его цель! Однако на крестовый поход нужны были деньги, и немалые деньги. Народ и даже церковь обложили так называемой саладиновой десятиной. Но так как этого было недостаточно, король добывал средства на поход где только мог. По словам летописца, Ричард «...продавал все — замки, хутора, всякие имения», даже должности и титулы, для того чтобы достойно снарядить своих крестоносцев. «Я продал бы и Лондон, если бы нашелся покупатель?» — заявил однажды Ричард.

Каждый город Англии поставлял для крестоносцев Ричарда по два корабля. Основу армии составляли французы — анжуйцы, бретонцы и пуатевинцы. Собственно англичан в этой армии было немного, если не считать английских моряков.

Доверив управление королевством двум чиновникам — Уильяму Лоншану, епископу Эли, и Гуго Пьюсету, епископу Дарема, и поставив для контроля над ними пожилую королеву Элеонору, король летом 1190 года отправился в крестовый поход. Но еще до прибытия в Святую землю Ричарда ожидало немало приключений. Первое из них произошло на Сицилии, где соединились крестоносцы Ричарда и Филиппа Августа.

Танкред Лечче, правитель Сицилии, не был в восторге от того, что крестоносцы избрали его остров для отдыха перед походом в Святую землю. Кроме того, Ричард потребовал от него выплаты вдовьей части своей сестры Иоанны, бывшей замужем за предшественником Танкреда, Гвильельмо Добрым. Население Сицилии относилось к заносчивым рыцарям Ричарда с нескрываемой ненавистью: «Они называли нас смердящими псами, а также обезьяньими хвостами, каждый день чинили пакости, убивая наших паломников и кидая их тела в отхожие места», — свидетельствует летописец.

Король Ричард, со своей стороны, отвечал грубостью на грубость. Захватив на побережье греческий монастырь и изгнав оттуда монахов, он превратил его в свой штаб, куда свозили провиант, оружие и боевые припасы из Англии. Сюда же он доставил и сестру Иоанну.

Жители Мессины первыми затеяли конфликт с воинами Ричарда, оскорбив их и осыпав английский лагерь стрелами, после чего

заперлись в городе, а разъяренные крестоносцы без всякой команды ринулись на штурм. Надо отдать должное Ричарду: поначалу он попытался пресечь беспорядки: «Вскочив на самого быстрого скакуна, он помчался к месту схватки и палкою начал разгонять своих». Однако миром дело все же не кончилось. Через несколько дней в городе убили двух воинов, а лагерь крестоносцев обстреляли, и тогда Ричард пришел в ярость. Началось настоящее сражение, в ходе которого король с горсткой рыцарей разогнал огромную толпу мессинцев. Ночью он совершил один из самых своих оригинальных подвигов. Пробравшись вместе с одним рыцарем по подземному ходу, Ричард умудрился пройти через вражеский город и открыть ворота. Его солдаты ворвались в Мессину и, сломив вялое сопротивление сонных горожан, водрузили на башнях крепости знамена Ричарда.

Сицилию Ричард покинул с пополненной казной (Танкред выплатил-таки «вдовью долю» его сестры — 40 тысяч унций золота) и почетным прозвищем «Львиное Сердце», ибо так его прозвали именно сицилийцы. В море флот Ричарда, состоявший из 200 галер и дромондов, попал в сильнейший шторм. Корабль с его сестрой Иоанной и невестой, наваррской принцессой Беранжерой, прибило к Кипру, где его, в соответствии с «береговым правом», захватили греки. Тиран острова, Исаак Комнин, перебил всю команду, а принцесс удерживал в почетном плену. Самого же Ричарда буря занесла сначала к Криту, потом к Родосу, и уже оттуда он отплыл на Кипр.

Прибыв на Кипр, Ричард потребовал немедленно освободить его сестру и невесту, на что Исаак насмешливо отвечал: «Еще чего захотели, сир!» Видя, что переговоры бесполезны, Ричард высадился на берег и первым делом разогнал береговую стражу. Утром следующего дня Исаак двинулся ему навстречу с сильным войском. Он знал, что корабли с лошадьми крестоносцев еще не подошли, и спешил воспользоваться благоприятным моментом. Но лукавый тиран недооценил своего противника: Ричард приказал своим людям реквизировать у местных крестьян их лошадок, рыцари оседлали этих кляч и ринулись в бой вслед за своим вождем. Хронист Амбруз так описывает битву на Кипре:

«...Около Ричарда было не больше сорока или пятидесяти рыцарей. Но великий король бросился на врага быстрее, чем падающая молния, решительнее, чем ястреб, кидющийся на жаворонка... Он привел в полное смятение греков, и когда явились его люди в достаточном числе, они обратили их в полное бегство».

Что касается подвигов Ричарда в этом деле, то он лично захватил знамя Исаака Комнина, и, отыскав его среди сражающихся, вышиб противника из седла. Перепуганный тиран вскочил на другую лошадь, бросился наутек и скрылся в лесу.

При захвате Никосии, столицы Кипра, Ричарду досталась вся казна бежавшего тирана. Вскоре Исаак явился к нему с повинной. Ричард велел заковать почетного пленника в серебряные цепи и отправить в Триполи, где несчастный тиран, так и не оправившийся от неожиданного потрясения, скорострительно скончался.

12 мая 1191 года в Лимасоле состоялась свадьба Ричарда и Беранжеры. Вообще Ричарда мало интересовали амурные дела, и на этот брак он согласился только по настоянию своей матери. В дальнейшем, среди войн, походов и сражений, Ричард совершенно забыл о молодой жене. Сразу после свадьбы организовали рыцарский турнир, на котором новобрачный победил всех соперников. После этого он, щедрый сверх всякой меры, подарил Кипр бывшему королю Иерусалима Гвидо Лузиньяну, а сам отбыл к осажденной крестоносцами Аккре.

Ричард высадился в Сирии 8 июня 1191 года. Крепость Аккра, осаждаемая к тому времени уже второй год, служила ключом к Иерусалиму. Кроме того, гарнизон Аккры составлял цвет войска Саладина: там находились многие эмиры и знатные воины. Прибытие Ричарда вдохновило усталых и поникших духом рыцарей. Боевые действия активизировались, но успеху осады препятствовали раздоры в лагере крестоносцев, и прежде всего между Ричардом и Филиппом Августом. К тому же вскоре после прибытия Ричард слег от жестокого приступа лихорадки. Но не таков был этот человек, чтобы позволить себе раскиснуть. Как только ему несколько полегчало, Ричард приказал вынести его на носилках к стенам крепости и дать в руки арбалет. Там, стреляя в сарацин прямо с носилок, он подавал своим воинам пример мужества.

Интриги французского короля Филиппа и других его недоброжелателей из стана крестоносцев, нередко выводили Ричарда из себя. Больше всех, пожалуй, Ричард ненавидел хвастливого и спесивого фанфарона, герцога Леопольда Австрийского. Когда крестоносцам удалось захватить участок крепостной стены, Леопольд Австрийский поспешил укрепить на нем свой штандарт. Ричард же, обеспечивший эту победу (как и многие другие), сорвал штандарт, словно тряпку, и швырнул в грязь, а на его место водрузил собственное знамя. Злопамятный герцог навсегда запомнил это оскорбление и поклялся отомстить.

Наконец 12 июля 1191 года крепость Аккра пала. Крестоносцам досталось немало золота, серебра, драгоценностей и оружия. По условиям капитуляции Саладин обязывался выдать крестоносцам Святой Крест, всех пленников-христиан, а находившихся в крепости мусульман выкупить за 200 тысяч безантов. Однако Саладин тянул время, дожидаясь подкреплений, и не выполнил условий договора о капитуляции в оговоренный срок (до 20 августа). Ричард был взбешен, проклиная «нечестивую собаку», не умеющую держать слово. Вне себя от гнева, он потребовал немедленно казнить всех пленников. На совете вожди крестоносцев поддержали это требование, хотя и с некоторой оговоркой. На смерть обрекли только рядовых сарацин, но решили «сохранить всех людей высокого звания, чтобы выкупить наших пленников».

Утром к воротам Аккры вывели огромную толпу связанных людей. Солдаты окружили несчастных и, выхватив мечи, принялись рубить направо и налево. Однако пробиться в центр толпы они не могли: дорогу преграждали груды окровавленных тел; многие пленники в отчаянии бросались на своих палачей и валяли их на обгавленную землю. Тогда убийцы отступили назад, схватили длинные копья и снова устремились на толпу. Ужасная резня продолжалась более пяти часов. За это время палачи умертвили около 2700 человек.

После взятия Аккры король Филипп и многие французские рыцари погрузились на корабли и отплыли в Европу, а Ричард, проклиная дезертиров и трусов, с небольшими силами продолжил обреченный поход. Войско крестоносцев двинулось на завоевание прибрежного города Аскалона. Легкая конница мусульман время от времени тревожила его неожиданными налетами, а 7 сентября 1191 года уже целая армия Саладина внезапно из леса атаковала крестоносцев, находившихся на марше. Однако Ричард сумел очень быстро создать глубоко эшелонированную оборону: отряды рыцарей развернулись по фронту, прикрывая пехоту и обозы. По словам летописца, крестоносцы настолько тесно сомкнули свои ряды, что яблоку некуда было упасть. Отбив все атаки мусульманской конницы, рыцари перешли в контратаку. Хронист Амбруаз так повествует в своей «Истории священной войны» о действиях Ричарда в этот момент:

«Король... дал шпоры коню и кинулся с какой мог быстротой поддержать первые ряды. Летя скорее стрелы, он напал справа на массу врагов с такой силой, что они были совершенно сбиты, и наши всадники выбросили их из седла. Вы увидели бы их притиснутыми к земле, точно сжатые колосья. Храбрый король преследовал их, и вокруг

него, спереди и сзади, открывался широкий путь, устланный мертвыми сарацинами».

Справедливости ради необходимо отметить, что помимо Ричарда в этой битве под Арсуфом особенно отличились тамплиеры и рыцари Жака д'Авена.

Блестящая победа под Арсуфом открыла крестоносцам дорогу на Аскалон. Заняв город, Ричард принялся укреплять его, восстанавливая башни и стены. Здесь он подал пример трудового подвига:

«Король с обычным своим великодушием участвовал в работе, и бароны ему подражали. Всякий взял на себя подходящее дело». Король вступался в работу, начинал ее и оканчивал. Где у них не хватало сил, он приходил на помощь и подбодрял их. Он столько вложил в этот город, что, можно сказать, три четверги постройки было им оплачено», — рассказывает Амбруаз.

Надменной и ленивый Леопольд Австрийский с презрением отказался принимать участие в строительных работах. Между ним и Ричардом завязалась перепалка, и разъяренный король влепил герцогу увесистую пощечину. Нечего и говорить о том, с каким нетерпением ожидал Леопольд Австрийский благоприятного момента для мести. А пока ему пришлось проглотить обиду: он не смел вызвать Ричарда на поединок, поскольку это было бы равносильно самоубийству. Ни в крестоносном, ни в мусульманском войске не имелось бойца, равного ему по силе, ловкости и отваге.

Летописцы донесли до нас описание множества ярких и удивительных подвигов, совершенных рыцарем Львиное Сердце. Вот лишь некоторые из них. Однажды крестоносцы остановились, не решаясь напасть на численно превосходящего неприятеля. Тогда Ричард бросился на сарацин в одиночку. Враги окружили короля, но он разогнал их всех. Когда же Ричард вернулся к рыцарям, то поразил их своим видом: в его кольчуге застряло такое количество стрел, что он походил на дикобраза. В другой раз Ричард, приблизившись к вражескому отряду, внезапно слез с лошади, сел и принялся преспокойно обедать на глазах у изумленных сарацин.

Львиное Сердце имел обыкновение в одиночку разъезжать перед рядами неприятеля и вызывать знатных турок на поединок. Однако после того, как он убил нескольких эмиров, одним взмахом меча отсекая голову вместе с плечом, разрубая врага пополам или сокрушая его вместе с лошадьёу, желающие вступить с ним в поединок перевелись.

Ричард принимал самое деятельное участие во всех делах крестоносцев: собственноручно таскал тяжелые камни для укреплений; сто-

ял ночную стражу у Аккры; лично уничтожил десятки, если не сотни сарацин; стойко переносил голод, жару, холод, болезнь, шторм и прочие напасти. Для своих это был истинный вождь и вдохновитель, для мусульман — настоящее страшилище. Когда лошадь сарацина пугалась чего-либо, он говорил ей: «Что с тобой? Разве ты увидела короля Ричарда?» А матери пугали им капризничающих детей: «Молчи, не то я позову Ричарда!» Таким образом, слава Ричарда распространилась как среди друзей, так и среди врагов, и даже вошла в фольклор еще при жизни героя.

Однако, несмотря на большие жертвы и великие подвиги, конечная цель крестового похода так и не была достигнута. Иерусалим остался в руках Саладина. Причина этого заключается в переплетении многих неблагоприятных для крестоносцев обстоятельств. Во-первых, их сила были на исходе, многие пали духом и разуверились в возможности достижения поставленной цели. Во-вторых, военный совет баронов, на котором важнейшую роль играли магистры рыцарских орденов, вопреки настояниям Ричарда приняли решение отказаться от немедленного похода на Иерусалим и заняться завоеванием побережья. При этом члены совета указывали Ричарду на отрезанность Иерусалима от моря, а также на то, что Саладин недавно возвел в Святом городе новые мощные укрепления. В-третьих, Ричард получил из Европы тревожные вести: коварный принц Джон готовил мятеж против старшего брата, а король Филипп Август вторгся в его французские владения. Все это, вместе взятое, и привело Ричарда к принятию трудного решения — заключению перемирия с Саладином 2 сентября 1192 года.

Перемирие заключалось сроком на три года. В соответствии с его условиями, за крестоносцами закреплялась лишь узкая береговая полоса между Тиром и Яффой — всего 5 городов. Христианские пленники и Святой Крест так и оставались в руках сарацин. Посещение Святого города разрешалось лишь безоружным пилигримам.

Подписывая такое невыгодное соглашение, Ричард дал понять Саладину, что партия вовсе не окончена, а только отложена. Львиное Сердце велел передать Саладину, для чего ему нужны эти три года: один — чтобы вернуться в Англию; второй — чтобы собрать армию; третий — чтобы вновь явиться в Святую землю и освободить ее. Впрочем, он предлагал султану и компромиссный вариант; выдать свою сестру Иоанну за Сафадина, брата султана, предоставив им совместно править Иерусалимом. Тогда прекратилась бы вражда между хри-

стианами и мусульманами. Но этот проект не одобрили ни вожди крестоносцев, ни эмиры Саладина.

Отправив жену и сестру вместе с остатками своей армии прямоком на Марсель, Ричард избрал для себя другой путь — через Германию. 9 октября он отплыл из Святой земли на небольшом судне и в сопровождении немногочисленной охраны. Король стоял на корме лицом к берегу и плакал. На прощание он произнес:

— О Сирия! Вручаю тебя Богу. Если бы дал он мне силы и время, чтобы тебе помочь!

Приключения Ричарда на этом не закончились. Потерпев кораблекрушение в Адриатическом море, Ричард и его спутники были выброшена на берег около Триеста. Владельцем этих земель являлся граф горицкий Мейнгард, вассал заклятого врага Ричарда, Леопольда Австрийского. Король направил к нему с посольством рыцаря Бетюна — необходимо было получить пропуск через земли графа. Между тем Ричард переоделся, выдавая себя за ливанского купца. Бетюн преподнес Мейнгарду подарок от мнимого купца: золотой перстень с рубином большой ценности. Этот дорогой подарок навел графа на подозрения. Передав Ричарду через Бетюна слова благодарности, граф обещал на следующий день лично посетить щедрого купца. Король встревожился. Ночью он ускакал в сопровождении пажа и рыцаря Эстана. Беглецы добрались до окрестностей Вены и остановились на ночлег в небольшой харчевне. Но враги не дремали. Леопольд Австрийский, предупрежденный графом Мейнгардом, был настороже. Пажу Ричарда, пошедшего в город на разведку, схватили и подвергли пытке. Так открылось место пребывания Ричарда. 20 декабря, ночью, в харчевню ворвался отряд воинов и захватил спящего короля. Вот когда пробил час мести для Леопольда Австрийского!

Ричарда заключили в замке Дюренштейн — уединенной крепости у Дуная, окруженной дикими скалами. Герцог Леопольд, по всей видимости, решил тайно сгноить его в этой тюрьме.

Тем временем обеспокоенные друзья Ричарда тщетно искали его повсюду. Существует легенда о том, каким оригинальным способом было открыто местонахождение плененного короля. Известный трубадур Блондель де Нелль в поисках Ричарда прошел через всю Германию, делая остановки у каждого замка и распевая романс, который когда-то они по строфе сочинили вместе с королем. Трубадур пел свою строфу и ждал, не откликнется ли Ричард своей. Так он добрался до Дюренштейна, где в ответ на свое пение с радостью услышал громовой голос Ричарда, подхвативший его песню.

Скорее всего, это только красивая легенда. Несомненно только то, что тайна узника каким-то образом была раскрыта. И тогда Леопольд Австрийский продал своего важного пленника германскому императору Генриху Шестому за 50 тысяч марок. С апреля 1193 года тюрьмой Ричарда стал имперский замок Трифельс, расположенный на Пфальцском хребте. Однако спрятать короля-рыцаря от всего мира не удалось: кто-то из его друзей сумел перехватить письмо Генриха Шестого к Филиппу Августу. Чтобы оправдать свои действия относительно короля Англии, император устроил показательный суд над ним. В Шпейере, куда доставили узника, германские законники попытались очернить Ричарда и свалить на него все неудачи крестоносцев. В чем его только не обвиняли: и в убийстве Конрада Монферратского, и в союзе с ассасинами, и в предательском соглашении с Саладином, и даже в трусости! В заключение обвинительной речи император потребовал смертной казни для английского короля.

Бледный, но не сломленный Ричард, хладнокровно выслушал все эти чудовищные обвинения. Когда ему наконец предоставили слово, он, вместо того чтобы каяться и просить о помиловании, произнес пламенную речь, обвинив короля Филиппа Августа и германских баронов в трусости, неумении воевать и бегстве с поля боя. По словам очевидца, Ричард «будто сидел на своем троне» и потрясал рукою, словно мечом. Его речь произвела сильнейшее впечатление на слушателей, так что большинство электоров империи проголосовали за оправдание Ричарда. Тем самым расчеты германского императора и французского короля на устранение опасного соперника были перечеркнуты. Тогда император заявил, что пленник получит свободу, но только за выкуп, и заломил немислимую сумму — 150 тысяч серебряных марок! Это вдвое превышало годовой доход английской казны.

Чтобы выкупить короля из плена, всем англичанам пришлось пойти на большие жертвы. Ввели специальный налог: каждый мирянин обязывался предоставить четверть движимого имущества. Церковь жертвовала драгоценные предметы культа. Только принц Джон, распустивший ранее слух о смерти короля в плену, всеми силами стремился сорвать операцию по выкупу. Он и Филипп Август предлагали императору по 1500 марок за каждый месяц тюремного заключения Ричарда, но тот предпочел получить кругленькую сумму сразу, и в начале февраля 1194 года узник вышел на свободу. Узнав об этом, король Филипп предупредил своего союзника: «Берегитесь, дьявол на свободе!»

16 марта Ричард Львиное Сердце прибыл в Лондон. Англичане с ликованием встретили героя крестового похода, а принц Джон поднял открытый мятеж, был разбит и бежал во Францию. Чтобы закрепить свои права, Ричард повторно короновался, а затем, собрав армию, пересек пролив и открыл военные действия против короля Франции. Он одерживал одну победу за другой, и принц Джон счел за благо пасть к его ногам, умоляя о прощении. Великодушный Ричард простил своего подлого и вероломного брата, и даже вернул ему некоторые поместья.

Для того чтобы заполучить ключ к Руану, Ричард возвел в излучине Сены сильно укрепленный замок Шато-Гайяр («Дерзкий замок»). Он очень гордился новой крепостью, называя ее «мое чудесное дитя».

— Даже если бы ее стены были железными, я бы взял ее! — в гневе воскликнул Филипп Август. На что Ричард ему отвечал:

— Даже если бы они были из масла, я бы удержал ее!

В битве при Жизоре Львиное Сердце вновь нанес королю Филиппу тяжелое поражение, и в 1199 году враги заключили очередное перемирие. Но вскоре судьбе было угодно прервать жизненный путь героя.

Однажды королю сообщили интересную новость: на землях виконта Лиможского Видомара найдено удивительное сокровище — рельеф из золота, изображающий императора и его семью, сидящих вокруг золотого стола. Ричард, испытывавший денежные затруднения из-за продолжительной войны, потребовал от своего вассала выдачи клада. Однако виконт не пожелал делиться с сюзереном. Тогда Ричард осадил его замок Шалюз — слабую и плохо защищенную крепость. Король нисколько не сомневался в успехе осады, и вот именно в тот момент, когда гарнизон крепости уже готов был капитулировать, арбалетная стрела вонзилась в шею героя чуть повыше левого плеча. Наконечник стрелы удалили, но вскоре началась гангрена, и Ричард понял, что он обречен. По его приказу привели лучника Пьера Базиля, сделавшего этот роковой выстрел. На вопрос Ричарда, почему он стрелял в него, Базиль отвечал, что сделал это из мести: король убил его отца и братьев. Великодушный Ричард приказал выдать юноше 100 шиллингов и отпустить с миром. Но этот его приказ не был выполнен: после смерти Ричарда, последовавшей 6 апреля 1199 года, со стрелка заживо содрали кожу, а труп затем повесили на стене.

Ричард Львиное Сердце был прежде всего рыцарем, а уж затем королем. Он сражался всю жизнь, но почти ничего не добился. Наделенный многими достоинствами, Ричард имел немало и недостатков.

По словам его биографа Джемса, Ричард, «это тип своего времени; его хорошие и дурные свойства верно представляют собой пороки и достоинства феодализма и рыцарства».

«ПЕВЕЦ ВОЙНЫ»
БЕРТРАН ДЕ БОРН
(ок. 1140—1215)

Один из самых ведающихся трубадуров XII века, неукротимый рыцарь Бертран де Борн, жил в Лимузене, в замке Аутафорт, вместе со своим братом Константином. Этот крепкий замок, где до поры до времени братья проживали в мире и согласии, возвышался на берегу озера в центре Бориского леса, господствуя над селением Бельгард, что в Дордони.

Всю свою жизнь Бертран де Борн провел в сражениях и побуждая к сражениям других. Он любовался войной, как художник любит

Битва рыцарей. Средневековая миниатюра

прекрасным пейзажем; вид пробитых щитов, сломанных копий, сплюснутых шлемов, закованных в цепи пленников радовал его глаз. Ему нравилось видеть льющуюся кровь, трупы врагов, богатую добычу, отнятую у неприятеля. Это был страстный певец войны. Все его чувства ярко переданы в «Сирвенте о войне»:

Люблю я видеть, как народ,
Отрядом воинским гоним,
Бежит, спасая скарб и скот,
А войско следует за ним,
И, радуясь душою,
Смотрю, как замок осажден,
Как приступом берется он,
Иль вижу над рекою
Ряды построенных полков,
Укрытые за тын и ров,
И также люб тот рыцарь мне,
Что, первым ринувшись вперед,
Бесстрашно мчится на коне
И войску бодрость придает
Отвагой удалою.
Лишь только битва закипит,
Пусть каждый вслед за ним спешит,
Рискуя головою:
Достоин тот похвальных слов,
Кто и разить, и пасть готов!
Дробятся шлемы и щиты
Ударом палиц и мечей.
Редеют воинов ряды,
И много мечется коней,
Не сдержанных уздою.
Кто соблюдает честь свою,
Быть должен одержим в бою.
Заботою одною
Побольше разmozжить голов.
А страха нет для храбрецов!
Жизнь в мире мне недорого:
Не любо есть мне, пить и спать.
Люблю я крикам «На врага!»
И ржанию коней внимать
Пред схваткой боевой;
Мне любы крики «Помоги!»,
Когда сшибаются враги

И бьются меж собою,
И средь поломанных древков
Мне любо видеть мертвецов.

Война для Бертрана — родная стихия, образ мыслей и жизни. Он не приемлет никакой другой формы жизни, насмехаясь над теми рыцарями и баронами, что стремятся жить в мире:

«Они как плохой металл, из которого, как ни переплавляй и не обрабатывай его, ничего не сделаешь; даже шпора не заставит их пуститься вскачь или рысью... Они исполнены отваги с наступлением зимы, но теряют свою храбрость весной, когда приходит время действовать».

Но война не может продолжаться бесконечно. Когда прекращаются битвы и наступает мир, неистовый приверженец войны впадает в уныние:

«Достоинство и честь мертвы. Есть королевства, но нет больше королей; есть графства, но нет больше графов; существуют мощные замки, но нет у них владельцев. Еще можно увидеть прекрасных дам и красивые одежды, и хорошо причесанных людей, но где храбрецы из песен?»

Имея такой воинственный нрав, трудно уживаться с людьми. Неудивительно поэтому, что у него возникли раздоры с братом из-за замка Аутафорг. Желая обелить себя и взвалить всю вину на брата Константина, Бертран пишет:

Я поделиться чем богат
До полденье последних рад,
Но если кто мне скажет: «Мало!»,
Будь это хоть кузен, хоть брат,
Тотчас даров лишу нахала.

Бертран изгнал брата из родового замка, сделавшись его единственным владельцем. Константин направил свои жалобы к их сюзеренам, виконту Лиможскому и герцогу Аквитанскому Ричарду Львиное Сердце. Последний принял его сторону в этом семейном конфликте. Скорее всего, это и побудило Бертрана де Борна присоединиться в 1182 году к возмущившимся против Ричарда баронам. Мятежники поддержали притязания Генриха Плантагенета, младшего брата Ричарда. Ожесточенную борьбу между принцами Бертран еще больше разжигал своими воинственными сирвентами. Это плохо для

него закончилось. Ричард при поддержке арагонского короля осадил и захватил Аутафорт, изгнал оттуда трубадура и передал замок Константину. Однако вскоре Ричард, любивший музыку и сам неплохой певец, покоренный талантом Бертрана, вернул ему замок. Бывшие враги подружились и попеременно услаждали слух один другого сирвентами и тенсонами. Бертран, тоже искренне полюбивший короля-рыцаря, прозвал его за бескомпромиссный характер «мой Да-и-Нет».

Не все песни знаменитого трубадура о войне. Есть и лирические произведения. Например, любовные песни, в которых он воспевал Матильду, сестру Ричарда Львиное Сердце и супругу Генриха Саксонского, или «Плач», посвященный брату Ричарда, молодому Генриху, умершему от лихорадки.

Типичный феодал, Бертран де Борн, так же как и все прочие дворяне, презирал, ненавидел и опасался крестьян, гнувших спину на своих высокомерных господ. Это хорошо видно из его «Сирвенты о крестьянах»:

Мужики, что злы и грубы,
На дворянство точат зубы,
Только нищими мне любы!
Любо видеть мне народ
Голодающим, раздетым,
Страждущим, не обогретым!
Пусть мне милая солжет,
Ежели солгал я в этом!
Нрав свиньи мужик имеет,
Жить пристойно не умеет,
Если же разбогатеет,
То безумствовать начнет.
Чтоб вилланы не жирели,
Чтоб лишения терпели,
Надобно из года в год
Всех держать их в черном теле.
Кто своих вилланов холит,
Их ни в чем не обездолит
И им головы позволит
Задирать, безумен тот.
Ведь виллан, коль укрепитя,
Коль в достатке утвердится,
В злости равных не найдет,
Все разрушить он стремится.
Если причинят виллану

Вред, увечье или рану,
Я его жалеть не стану,
Недостоин он забот.
Если кто о нем хлопочет,
Он тому помочь не хочет,
Хоть немножко, в свой черед,
Злобой он себя порочит.
Люд нахальный, нерадивый,
Подлый, скаредный и лживый,
Вероломный и кичливый!
Кто грехи его сочтет?
Он Адаму подражает,
Божью волю презирает,
Заповедей не блюдет.
Пусть Господь их покарает!

Свой незаурядный талант Бертран де Борн обратил во зло людям. Его ненасытная страсть к сражениям, а значит, и к самой смерти, готовность ради войны поднять брата на брата, восстановить сына против отца, побудила Данте поместить трубадура в безднах своего Ада: там он, обезглавленный, вечно бродит в тоске, держа в руке вместо фонаря свою собственную голову.

«КРОВАВОЕ СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ»

ГЕНРИХ ШЕСТОЙ

(1165—1197, германский император с 1190 г.)

Сын германского императора Фридриха Барбароссы, Генрих Шестой, худой как шепка, с диким взором и бледным, угрюмым лицом, оставил по себе недобрую память. Жестокий сверх всякой меры, алчный, злопамятный и вероломный, он, подобно другим своим предшественникам, стремился к воссозданию универсальной Римской империи, облеченной властью над всем миром. Для жителей Европы Генрих Шестой стал настоящим пугалом, заслужив прозвище Грозного.

В 1186 году Генрих женился на Констанции, тетке короля Сицилии Вильгельма Доброго, что дало ему повод заявить свои права на норманнское королевство Обеих Сицилий; однако на этом поприще он столкнулся с ожесточенным сопротивлением населения, избрав-

шего королем брата Констанции, храброго Танкреда ди Лечче. Генрих повел против него непримиримую борьбу. Чтобы иметь возможность короноваться, он не остановился перед предательством, отдав на разграбление римлянам город Тиволи, их старого соперника. Этим актом, по признанию немецкого летописца, Генрих «не в малой степени опозорил империю».

В феврале 1194 года умер король Танкред, оставив после себя наследником трехлетнего сына Вильгельма. Генрих Шестой, воспользовавшись благоприятным моментом, выступил в поход. За несколько лет королевство Обеих Сицилий было покорено беспощадным завоевателем. Поход Генриха Шестого сопровождался неслыханными зверствами: всех родственников покойного короля казнили, с живых пленников сдирали кожу; сына Танкреда злодей приказал оскотить и ослепить, и даже прах норманнского короля он не оставил в покое — тело Танкреда вырыли, изуродовали и выбросили из могилы.

Ограбленные и запуганные итальянцы, возненавидевшие немецких варваров, прозвали их бесчеловечного вождя «Кровавым Северным Сиянием». Среди людей распространилось пророчество, соглас-

Германский император Генрих VI. Средневековая миниатюра

но которому Генрих Шестой не человек, а бич Божий, посланный для наказания народов за их грехи.

В конце 1196 года итальянцы, доведенные до полного отчаяния грабежом немцев и тиранией императора, подняли против них восстание. В заговоре, возглавленном неким Джордано, приняли участие представители знати и духовенства. Они призвали народ на борьбу против кровавого тирана. По некоторым сведениям, даже жена Генриха, Констанция, оказывала тайную помощь соотечественникам.

Император потопил в крови вспыхнувший мятеж. Зверства немцев приводят в ужас: несчастных мятежников перепиливали пополам, сжигали на медленном огне, живьем зарывали в землю. Джордано они короновали раскаленной докрасна железной короной. Кровавый террор вновь воцарился в истерзанной стране.

Сразу после завоевания Южной Италии грозный владыка направил ультиматум византийскому императору, требуя от него уступки территорий на Балканском полуострове, между Диррахием и Солунью, ранее завоеванных Гогенштауффенами, но потом возвращенных ими Византии, а также возмещения убытков, понесенных Фридрихом Барбароссой во время крестового похода. Устрашенный император Алексей ввел в государстве особую «алеманнскую подать» (греки называли германских королей алеманнскими) и даже снял драгоценные украшения с императорских гробниц в Константинополе, дабы умиловить ужасного врага.

Генрих Шестой привел в трепет весь западный мир. Многие почили за благо добровольно покориться его власти. Так, например, поступили правители Кипра и Киликии, признавшие себя вассалами германского императора. Только римский папа, отлучивший его от церкви за удержание в плену христианского государя-крестоносца Ричарда Львиное Сердце, всеми силами противодействовал устремлениям Генриха.

В 1195 году грозный император Священной Римской империи задумал свой крестовый поход, направленный не только против мусульман Палестины, но в равной степени и против греков Византии, поскольку в случае победы над первыми он, с помощью вассальных государств Кипра и Киликии, смог бы окончательно окружить Византийскую империю.

К этому времени великий султан Саладин уже умер, оставив после себя 17 сыновей. Никто из них не обладал талантами отца, и верховную власть в империи Айюбидов захватил брат Саладина, Малик-Адил.

В 1195 году две армии немецких крестоносцев отплыли на Восток. Первой армией командовал герцог Саксонский, второй — граф Лимбургский. В результате совместных действий они овладели Бейрутом. Император собирался выступить во главе третьей армии немецких крестоносцев, однако его грандиозным планам не суждено было свершиться — осенью 1197 года, в возрасте 32 лет, Генрих, к великому облегчению его многочисленных противников, скончался в Мессине от лихорадки. Кровавое Северное Сияние померкло. Немецкие крестоносцы, перессорившись без вождя, потерпели в Палестине позорное поражение.

«ЛЕТОПИСЕЦ КРЕСТОВОГО ПОХОДА»

ЖОФФРУА ДЕ ВИЛЛАРДУЭН

(ок. 1155—1213)

Подробное и правдивое описание необычайных событий Четвертого крестового похода оставил потомкам знаменитый воин Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампанский, в своей книге «Завоевание Константинополя».

Папа Иннокентий Третий, взошедший на престол св. Петра в

Отряд рыцарей. Гравюра XIX в.

1198 году, призвал христиан к очередному походу для освобождения Иерусалима, но государи Европы, занятые междоусобной борьбой, не спешили откликнуться на его страстный призыв. Тогда в Шампань, куда съезжались многие рыцари на турнир, прибыл горячий проповедник Фульк Нейльский. Он произнес там такую зажигательную речь, так трогательно описал страдания христиан на Востоке, угнетенных безбожными сарацинами, что рыцари позабыли о турнирных подвигах и «даже присутствие дам и девиц, раздававших награды отличившимся». Зараженный всеобщим энтузиазмом Жоффруа де Виллардуэн вместе с другими знатными рыцарями и баронами принял крест.

Главные вожди крестоносцев собрались сначала в Суассоне, а затем в Компьене. Там они избрали предводителем крестового похода графа Тибо Шампанского, а также приняли решение послать депутатов в Венецию с просьбой предоставить корабли для крестоносцев.

В числе шести депутатов находился и Виллардуэн. Именно он, как человек, хорошо владеющий не только мечом, но и словом, выступил с речью в соборе Св. Марка перед толпой знатных венецианцев. Свою речь маршал закончил трогательными словами:

«Князья и бароны поручили нам припасть к ногам вашим и не подыматься до тех пор, пока вы не исполните мольбы нашей».

Венецианский дож Дандоло и сенат республики дали согласие перевезти через море 4500 рыцарей, 9 тысяч оруженосцев и 20 тысяч пехотинцев и кормить их всех в течение года. Сверх того, венецианцы обязались выставить 50 боевых галер. Однако крестоносцы должны были заплатить за все это 85 тысяч серебряных марок.

Весной 1202 года шампанские и фламандские рыцари, принявшие крест, перешли через Альпы и прибыли в Венецию. Вскоре выяснилось, что крестоносцы не в состоянии выплатить республике всех денег — с огромным трудом они наскребли лишь 51 тысячу марок. Тогда дож Венеции, хитроумный 90-летний старик, предложил им сделку — отработать недостающую сумму. Город Зара, расположенный на далматинском берегу, сильно мешал венецианской торговле, и дож предложил крестоносцам захватить этот город и передать его республике. Крестоносцы, не смущаясь тем, что выступают против братьев по вере, так и сделали.

Папа Иннокентий проклял венецианцев за то, что они сбили воинов креста с пути истинного. В послании к вождям крестоносцев папа сурово осудил их действия:

«Вместо того, чтобы достичь обетованной земли, вы жаждали крови ваших братьев. Сатана, всемирный соблазнитель, вас обманул...

Жители Зары повесили распятия на стенах. Не взирая на Распятого, вы произвели штурм и принудили город сдаться... Под страхом анафемы остановитесь в этом деле разрушения и возвратите послам венгерского короля все то, что было у них отнято...»

Однако воины креста пропустили мимо ушей увещевания и угрозы великого понтифика. Дождь Дандоло направил их усилия в нужное ему русло — вместо отвоевания Святой земли рыцари обрушились на Византию. Поводом к вторжению послужила просьба Алексея, сына свергнутого императора Исаака Ангела, вернуть византийский престол его отцу. За военную помощь он сулил крестоносцам огромную кучу денег — 200 тысяч марок и содействие 10-тысячной византийской армии.

У вождей похода от алчности разгорелись глаза, и они решили, что Святой город может пока и подождать. 30-тысячная армия крестоносцев осадила Константинополь, за стенами которого укрепился император-узурпатор Алексей Третий.

Жоффруа де Виллардуэн передает, как были поражены воины Христа при виде византийской столицы:

«...они долго разглядывали Константинополь... ибо они не могли и представить себе, что на свете может существовать такой богатый город, когда увидели эти высокие стены, и эти могучие башни, ...и эти богатые дворцы, и эти высокие церкви, которых там было столько, что никто не мог бы поверить, если бы не видел собственными глазами и длину, и ширину города, который превосходил все другие города».

Осада этого огромного города заняла всего 13 дней, после чего узурпатор трусливо бежал, а Исаак Ангел вернулся на трон. После легкой победы Жоффруа де Виллардуэн в сопровождении Матье де Монморанси и двух венецианских патрициев посетил императора и его сына, выслушал их изъявления благодарности и напомнил венецианцам о денежном вознаграждении, обещанном крестоносцам. Однако византийские владыки всячески медлили, не торопясь раскошелиться. Тогда князья и знатные венецианцы, выведенные из терпения, прислали к императору новых послов с жестким ультиматумом:

«Если вы не исполните условий договора, то крестоносцы не будут больше помнить того, что они были вашими союзниками и друзьями, и будут действовать не просьбами, а мечами, выбирайте мир или войну».

Речь послов вызвала бурю негодования. «При этом, — писал Виллардуэн, — поднялся во дворце страшный шум; послы поспешили

скрыться за дверями, и когда они удалились, то каждый из них мог поздравить себя, что дешево отделался, потому что весьма легко могло статься, что их задержали бы или даже не выпустили живыми».

Алексей, фактически управлявший империей от имени своего слепого отца Исаака, прекрасно понимал, что расплатиться с крестоносцами все-таки придется, иначе грозные франки перевернут всю столицу вверх дном. На переплавку в монеты он пустил всю серебряную церковную утварь, но этого оказалось недостаточно, и тогда Алексей ввел в государстве особый налог. Эти его действия вызвали возмущение у населения столицы, чем ловко воспользовался один из родственников императорского дома, Алексей Дука, по прозвищу «Мурзуфл» (данное прозвище отражало особенность внешности — сросшиеся брови). Опираясь на недовольство народа, Мурзуфл произвел дворцовый переворот, устранил Исаака и Алексея и захлопнул перед носом у крестоносцев все ворота города.

Воины креста, разъяренные коварством византийцев, предприняли яростный штурм: «...около третьего часа дня, — говорит Виллардуэн, — по грехам нашим судьбе угодно было, чтобы нас отразили».

Через три дня, 12 апреля 1204 года, крестоносцы повторили приступ. На этот раз они атаковали со стороны моря, поскольку к их услугам были венецианские галеры. Суда, связанные попарно, подплыли под самые стены Константинополя. Воины прикрепили к стенам подъемные мостики. Перейдя по ним, французский рыцарь д'Арбуаз и венецианец Пьеро Альберти захватили первую башню; одновременно внизу крестоносцы выбили таранами несколько ворот. Ворвавшись в них, озлобленные франки подожгли город. Византийцы в панике отступили; вскоре они прекратили всякое сопротивление. Мурзуфл бежал. Крестоносцы, овладевшие Константинополем, принялись грабить древний город. Дворцы, храмы, библиотеки и дома знати были разграблены; варвары безжалостно уничтожали книги, статуи, витражи и другие произведения искусства. Всю награбленную добычу сложили в трех церквах. Вожди запретили простым воинам прикасаться к ней под страхом смертной казни до произведения справедливого раздела. Многие корыстолюбцы ослушались приказа и заплатились за это. Виллардуэн свидетельствует:

«Много было казнено повешением, и господин де Сен-Поль велел повесить одного из своих со щитом на шее».

Добыча, захваченная в Константинополе, превышала миллион серебряных марок. Летописец Виллардуэн с восхищением восклицает по этому поводу:

«Со времени сотворения мира никогда не было в одном городе захвачено столько добычи».

Однако после уплаты долга венецианцам и раздела денег между всеми участниками штурма выяснилось, что на долю каждого приходится не так уж и много: рыцари получили по 20 марок, конные воины — по 10, а пехотинцы всего по 5 марок.

После того как утихла вакханалия грабежа, встал вопрос о дальнейшей судьбе Византийской империи (после завоевания Константинополя крестоносцами ее стали именовать Латинской). Победители, разумеется, позаботились о ней. Совет баронов и венецианских патрициев избрал императором графа Балдуина Фландрского. Все князья и бароны получили свои владения в разных областях Латинской империи. Что касается нашего летописца Виллардуэна, то ему был пожалован титул маршала Романского.

Новые хозяева Балкан скоро столкнулись с большими проблемами. Греки, завоеванные, но не покоренные, оказывали захватчикам яростное сопротивление. Ради освобождения родины они вступили в союз со своими давними противниками — болгарами и сербами. Да и среди самих крестоносцев начались кровавые распри. Так, Бонифаций Монферратский, именовавшийся теперь королем Фессалоникским, открыл враждебные действия против императора Балдуина. Князьям с большим трудом удалось примирить их. Виллардуэн пророчески замечает по этому поводу:

«Если бы в этом Бог не умилосердился над крестоносцами, то они были бы в опасности потерять все свои завоевания, и христианству восточному могла бы приключиться погибель».

Так оно и вышло по его словам. Латинская империя оказалась недолговечной, просуществовав лишь до 1261 года; сопротивление населения, внутренние раздоры и внешние враги привели ее к скорому крушению.

«ЗАВОЕВАТЕЛЬ КОНСТАНТИНОПОЛЯ»

БОНИФАЦИЙ МОНФЕРРАТСКИЙ

(? — 1207)

Предводитель Четвертого крестового похода, граф Тибо Шампанский, скончался от тяжелой болезни еще до выступления крестоносцев, и тогда на его место был избран маркиз Бонифаций Монферрат-

ский, «князь доблестный, один из самых искусных во владении оружием и в военном деле». Рыцари любили его за храбрость, а поэты, которым он покровительствовал, — за щедрость.

Не чужды были маркизу и такие качества, как гуманность и сострадание. Когда Мурзуфл произвел переворот в Константинополе, Бонифаций Монферратский предпринял попытку спасти императора Исаака и его сына, но опоздал. Во время захвата Константинополя крестоносцами, когда на улицах древней столицы творились грабежи и резня, Бонифаций, окруженный своими рыцарями, проник в Буколеонский дворец, покинутый стражей. Там к его ногам пали венценосные особы — Маргарита Венгерская, супруга Исаака, и Агнеса, француженка, жена Алексея. Маркиз, растроганный их слезами и мольбами, успокоил перепуганных женщин и приставил к ним охрану для обеспечения безопасности цариц.

На выборах императора Латинской империи кандидатура Бонифация Монферратского, как предводителя крестоносцев, многим казалась естественной, но против нее выступили венецианцы. Монферратский маркизат, расположенный в Северной Италии, находился слишком близко от Венецианской республики, и дож Дандоло весьма опасался еще большего усиления и без того могущественного со-

Четвертый крестовый поход. Осада Константинополя в 1204 г.

седа. Крестоносцы, вынужденные прислушиваться к мнению своих союзников, передали корону графу Балдуину Фландрскому, а Бонифаций Монферратский получил во владение Фессалонику, где и основал свое королевство, находившееся в ленной зависимости от императора Балдуина.

Узнав о взятии Константинополя, папа Иннокентий Третий направил Бонифацию, как главе крестоносцев, письмо, полное упреков:

«Вы, не имея права и власти над греками, по-видимому, опрометчиво уклонились от чистоты вашего обета, когда двинулись не против сарацин, а против христиан, стремясь не к отвоеванию Иерусалима, но к занятию Константинополя, предпочитая земные богатства богатствам небесным».

Бонифаций Монферратский в ответном послании папе оправдывал свои действия сложившимися обстоятельствами, глубоко раскаивался в содеянном и выражал полную покорность святому престолу.

Сделавшись королем Фессалоникским, Бонифаций ознакомился со своими новыми владениями, а затем двинулся походом на юг Греции, в Аттику, где завоевал Афины — когда-то славный полис древней Эллада, превратившийся в средние века в заглохший, провинциальный городишко. Вместе с Фивами Бонифаций передал Афины в ленное владение бургундскому рыцарю Отто де ла Рошу, получившему с тех пор титул герцога Афинского.

После того как Бонифаций из политических соображений женился на Маргарите Венгерской, вдове императора Исаака, греки стали относиться к нему с большим расположением, чем к другим крестоносцам. Амбиции короля Фессалоникского все возрастали, поэтому когда император Балдуин изъявил желание посетить его владения и принять от Бонифация вассальную присягу, тот наотрез отказался признать себя вассалом империи. Конфликт, вспыхнувший между королем и императором, скоро перерос в настоящую войну. Балдуин захватил Фессалонику, а Бонифаций, в свою очередь, овладел Дидимотиконом и двинулся на Адрианополь. Князья-крестоносцы, встревоженные судьбой Латинской империи, с трудом примирили соперников. Давдоло, Виллардуэн и Людовик Блуасский добились утверждения Фессалоники за Бонифацием, после чего последний принес-таки вассальную клятву императору.

В 1206 году, после пленения Балдуина, императором стал его брат, Генрих Фландрский. Генрих в союзе с Бонифацием вел войну против

болгарского царя Иоанницы, заявившего свои права на наследие Византийской империи. В 1207 году, во время похода в Родопские горы, король Бонифаций попал в засаду, где и сложил свою голову, а болгары отправили ее царю Иоаннице.

«РЫЦАРЬ СВЯТОГО ПРЕСТОЛА»

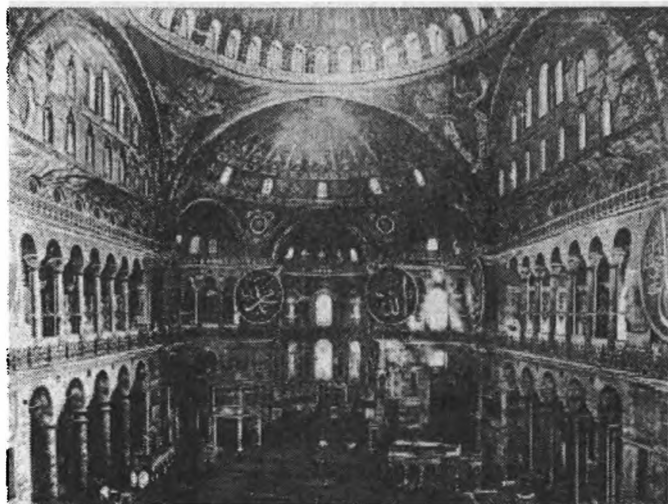
БАЛДУИН ФЛАНДРСКИЙ

(? — 1206)

Графа Балдуина, предводителя дворянства Фландрии, сопровождали в крестовом походе два брата — Евстафий Саарбрюкский и Генрих Геннегаусский, а также Конон Бетюнский, рыцарь, отличавшийся отчаянной храбростью и красноречием.

По завоевании Константинополя двенадцать избирателей провозгласили молодого, отважного и рассудительного Балдуина Фландрского императором Византии. В полночь епископ Суассонский обратился ко всем собравшимся крестоносцам со следующими торжественными словами:

«В тот самый час, когда родился Иисус Христос, мы произвели избрание императора, этот император есть Балдуин граф Фландрский и Геннегаусский».

Собор Св. Софии в Константинополе

Балдуина, потрясенного и ослепленного своим неожиданным величием, подняли на шит и с ликованием понесли в храм Св. Софии. Тогда смущенный рыцарь еще не мог знать, сколь непродолжительным оно окажется.

16 мая 1204 года состоялась коронация. В облачении византийского императора, в пурпурных сапогах и драгоценном венце, восседал Балдуин на золотом троне. Церемонию проводил папский легат, два рыцаря несли перед ним латиклаву римских консулов и императорский меч. Став перед алтарем, глава духовенства воскликнул: «Он достоин царствовать!» — и все присутствующие подхватили хором: «Он этого достоин!»

После коронации новый император направил послание папе Иннокентию Третьему, извещая святого отца о «чудесном успехе» крестоносцев, о падении Константинополя, о беззаконии греков, «которые в самом Господе вызывали тошноту», и о надежде в ближайшем будущем совершить крестовый поход в Святую землю.

В ответном письме папа выразил радость по поводу победы над схизматиками-греками и присвоил Балдуину титул «рыцаря святого престола». Однако уже в следующем послании Иннокентий Третий ясно дает понять, чего он ждет от нового императора:

«Конечно, хотя нам приятно, что Константинополь вернулся к повиновению своей матери, святой Римской церкви, однако нам было бы приятнее, если бы Иерусалим был возвращен под власть христианского народа».

Конечно, император Балдуин не обладал всей полнотой власти. Даже часть Константинополя с храмом Св. Софии ему пришлось уступить союзникам-венцианцам. Непосредственные владения императора составляли: большая часть Константинополя; южная Фракия; часть Малой Азии, прилегающая к Босфору, Мраморному морю и Геллеспонту; а также некоторые острова Эгейского моря, такие как Хиос, Лесбос, Самос и другие. Остальные части империи поступили под управление его соратников по крестовому походу. И хотя эти бывшие соратники находились в вассальной зависимости от императора, некоторые из них нередко проявляли строптивость и открытое неповиновение. С Бонифацием Фессалоникским ему даже пришлось вести междоусобную войну. Так что император Балдуин не очень-то уютно чувствовал себя на троне византийских владык.

Балдуин Фландрский был хорошим воином, но плохим политиком. Презирая греков, он грубо попирает их обычаи и верования, и вскоре его новые подданные, соединившись с болгарами, повели

против захватчиков справедливую и беспощадную войну. Дидимотикон, Адрианополь и другие города оказались в руках восставших.

Император Балдуин поспешил усмирять мятежников и, не дожидаясь войск брата Генриха и короля Бонифация, выступил в поход. Это была его роковая ошибка. 14 апреля 1205 года под Адрианополем он встретил большую армию царя Иоанницы, состоявшую из болгар, греков, валахов и половцев. Последние притворным отступлением заманили французскую конницу в ловушку, где рыцарей расстреляли из луков. Балдуин, являя пример доблести, сокрушал врагов секирой, но все его героические усилия оказались напрасны: латиняне потерпели полное поражение. В этой битве погиб весь цвет крестоносного воинства: Людовик Блуасский, Этьен де Перш, Рено де Монмерайль, Матвей де Валенкур и еще 300 рыцарей, а император Балдуин был захвачен в плен. Спастись удалось немногим; из представителей знати уцелели лишь венецианский дож Дандоло и Жоффруа Виллардуэн, знаменитый летописец Четвертого крестового похода.

Какой смертью умер плененный император Балдуин, доподлинно неизвестно, но сам факт его смерти в плену не вызывает сомнений. Когда папа попытался разузнать о судьбе несчастного императора у самого царя Иоанницы, тот весьма туманно заметил, что «освобождение плененного монарха уже не во власти смертных».

Вполне возможно, что Балдуин умер в тюрьме города Тырнова. Греческий летописец Никита Хониат сообщает, что Иоанница приказал отрубить пленнику руки и ноги и затем бросить в овраг, где он умер лишь на третий день, растерзанный хищными птицами. Акрополит добавляет к этой жуткой истории новую деталь: царь будто бы повелел сделать из черепа Балдуина чашу.

Так ли погиб несчастный император или иначе, точно установить не представляется возможным.

«БИЧ АЛЬБИГОЙЦЕВ»

СИМОН ДЕ МОНФОР

(1160—1218)

Симон де Монфор, участник Четвертого крестового похода, больше известен в истории как предводитель крестового похода против альбигойцев.

Катарами (с греческого «чистыми»), или, иначе, альбигойцами (по названию города во Франции, служившего им оплотом), называли членов еретической секты, распространившей свое влияние на юге Франции и особенно в графстве Лангедок. Их учение имело своими корнями манихейство, пришедшее из Азии. Катары исповедовали дуализм: они считали, что существует не один, а два бога — бог добра и бог зла, и между ними идет постоянная борьба за господство над миром. Человек является как бы полем боя между ними: бессмертный дух человека устремлен к богу добра, между тем как брэнное тело тянет его к богу зла.

Мир существует вечно, учили катары, он не имеет ни начала, ни конца. Земля не была сотворена богом, иначе пришлось бы признать, что бог сотворил много порочного и греховного. Христос никогда не жил, не являлся людям, не умирал на кресте и не воскресал — все это сказки католических попов. Крест не может быть символом веры, так как служил в Древнем Риме орудием казни. Кому бы пришло в голову обожествлять, скажем, виселицу? Кроме того, катары отвергали все католические таинства, не почитали икон и не строили церквей.

Осада Тулузы войсками де Монфора. Рельеф из Каркассона. XIII в.

Они осуждали собственность и запрещали употреблять в пищу мясо. Катары делились на «совершенных» — аскетов, и верующих — людей, живших обычной жизнью, но разделявших их учение.

Местные феодалы покровительствовали катарам: одни — потому что искренне разделяли их убеждения; другие — потому что боялись вызвать на себя гнев своих подданных; а третьи — потому что религия катаров позволяла им безнаказанно грабить церкви и монастыри. Самыми влиятельными из этих феодалов были Раймунд Шестой, граф Тулузский, и Раймунд Рожер, виконт Безье и Каркассона.

Широкое распространение ереси на юге Франции серьезно беспокоило папскую курию, поскольку наносило сильный удар по авторитету католической церкви. Поначалу папство действовало методом убеждения — в Лангедок засылали монахов и епископов, известных своим красноречием, которые затевали дебаты на теологические темы с «совершенными». Так, знаменитый «святой» Доминик Гусман в течение 10 лет проповедовал еретикам, и все впустую. Тогда папство стало искать предлога к тому, чтобы вооруженной силой «выжечь скверну».

Поводом для крестового похода послужило убийство в 1208 году папского легата Пьера де Кастельно. Явившись в Тулузу, легат потребовал от Раймунда Шестого вернуть все захваченное им у католической церкви этого графства, а когда граф отказался, отлучил его от церкви. Раймунд поклялся отомстить. Один из его не в меру ретивых рыцарей решил угодить сеньору. Он вскочил на коня, догнал Кастельно у Сен-Жилля и заколол его кинжалом, в результате чего римский папа Иннокентий Третий получил прекрасный повод для объявления крестового похода.

Засучив рукава сутаны, папа взялся за дело. Он подтвердил отлучение Раймунда, разрешил его подданным от клятвы верности, наложил интердикт на его владения и предложил их первому, кто их захватит. Тут же он определил и льготы крестоносцам: те, кто падет в бою, получают полное отпущение грехов, а остальным будет выдана индульгенция с назначением двухлетнего покаяния. Крестоносцам разрешалось брать имущество еретиков, а их самих обращать в рабство.

Крест приняли многие рыцари Северной Франции, в их числе герцог Бургундский, графы Невера, Оксерра, Сен-Поля, Женевы и даже некоторые феодалы из Южной Франции. В походе их сопровождало множество прелатов, духовным предводителем коих был папский легат аббат Сито, а военное руководство осуществлял Симон де Мон-

фор, «человек чистейший в своей непорочности, упорнейший в достижении цели, преданный делу служения Господу». Впрочем, о его «чистоте и непорочности» хронисту не стоило бы заикаться — подобного изверга нелегко было отыскать даже в то жестокое время. Но об этом ниже.

Возможно, судьба бедных альбигойцев сложилась бы несколько иначе, если бы граф Тулузский Раймунд Шестой не оказался жалким трусом. Узнав о выступлении крестоносного воинства, он явился нагим к базилике Сен-Жилль, где подвергся бичеванию в присутствии множества епископов. Каясь в грехах, граф отдал ключи от всех своих замков, обязался исправить все зло, причиненное им католической церкви и покарать еретиков. Кающийся грешник получил прощение и крест впридачу. А вот его вассал, виконт Раймунд Рожер, не уподобился этому предателю — он приготовился к жестокой неравной борьбе.

22 июля 1209 года крестоносцы взяли Безье. Один из рыцарей озадаченно спросил аббата Сито:

— Святой отец, как отличить катаров от добрых католиков?

— Убивайте их всех, Бог на небе узнает своих! — беспечно отмахнулся аббат.

Его «мудрый» наказ был исполнен. Убивали всех подряд: мужчин и женщин, детей и стариков, катаров и католиков... Главная резня происходила у церкви Св. Назария — здесь умертвили около 20 тысяч человек. Укрывшихся в храме сожгли прямо на месте, отчего он «раскололся посередине под действием пламени». После Безье та же участь постигла Каркассон, Минерв, Терм и Лавор. В ознаменование победы на их башнях был водружен крест Господень.

Даже многих крестоносцев поражали и возмущали те зверства, что творил «чистый и непорочный» Симон де Монфор. По свидетельству одного из них, рыцаря Фуко, тех пленников, что не имели средств заплатить выкуп алчному вождю крестоносцев, ожидала страшная участь: их бросали в подземелье и оставляли умирать голодной смертью. Когда же Монфору приходила охота поразвлечься, он приказывал притаскивать их полумертвых и на глазах у всех бросать в выгребную яму. Однажды он вернулся из одной экспедиции с двумя пленниками — отцом и сыном. Палач пытками заставил отца собственными руками повесить сына, после чего изрубил несчастного старика в куски.

Прекрасные земли Лангедока были залиты потоками крови, его города разрушены и сожжены, сотни тысяч людей убиты. Папские

легаты предложили эти разоренные земли герцогу Бургундскому и графу Неверскому, но те посовестились их принять. Зато Симон де Монфор охотно согласился стать их сеньором. Однако владеть этими землями оказалось не так-то просто: против Монфора поднялись феодалы юга, начались восстания горожан. В 1210 году в руках Монфора осталось лишь 8 замков из 200. Раймунд Шестой, державший нос по ветру, теперь тоже взялся за оружие.

Тогда начался новый крестовый поход, в течение двух лет вновь заливавший кровью несчастную страну. Борьба шла с переменным успехом. Сначала крестоносцы взяли Лавор, потом были разбиты под Тулузой. В альбигойскую войну вмешался знаменитый победитель мавров — король Арагонский Педро Второй, выступивший на стороне тулузского графа. Он осадил Мюре, но в битве у города 12 сентября 1213 года был разбит и пал в бою. Надо отдать должное Симону де Монфору — он был неплохим полководцем. Результатом этой победы явилось подчинение всего Юга.

По решению Лютеранского собора 1215 года Монфору окончательно отошла большая часть Тулузского графства, герцогство Нарбоннское, виконства Безье и Каркассон. Часть Тулузского графства, впрочем, оставили за сыном Раймунда Шестого — Раймундом Седьмым, доказавшим папе свою лояльность. В следующем году он и развязал войну против Симона де Монфора, пытаясь вернуть себе все владения отца.

После Лютеранского собора Монфор отправился в Париж — приносить вассальную присягу королю Филиппу Августу, поскольку тулузские графы числились вассалами французской короны. Собственно говоря, в результате альбигойских войн в выигрыше оказался именно король Франции, несмотря на то что уклонился от личного участия в крестовом походе.

В глазах папы и всей католической церкви Симон де Монфор был героем, беззаветным борцом за веру. Вероятно, поэтому он однажды обратился к епископу Орлеанскому с довольно странной просьбой — посвятить в рыцари его сына Амори. Удивленный епископ напомнил Монфору, что правом посвящения в рыцари обладает только рыцарь, а не духовная особа; но тот настаивал, и церковник, не желая его огорчать, согласился. Необычное посвящение проходило в поле, в шатре Монфора: епископ служил мессу, а два прелата опоясали молодого Амори мечом и запели церковные гимны. Так старый крестоносец ввел новый обычай.

Монфор обосновался в замке Нарбонны, рассчитывая управлять оттуда вновь приобретенными землями. Но его новый враг, Раймунд

Седьмой, не дремал. Жители Тулузского графства ненавидели убийцу-Монфора и считали графа Раймунда своим законным сеньором. Поэтому Монфора изгнали из Тулузы, куда через несколько дней торжественно вступил Раймунд.

Старый крестоносец осадил Тулузу, но выстрел из камнемета оборвал его преступную жизнь 25 июня 1218 года, а его сын Амори, будучи не в силах вести бесконечную войну, в 1224 году передал земли Тулузы французской короне.

«УДИВЛЕНИЕ МИРА»

ФРИДРИХ ВТОРОЙ

(1194—1250, германский император с 1220 г.)

Фридрих Второй Гогенштауффен, сын Генриха Шестого, король Сицилии, Германии и император Священной Римской империи, настолько поразил воображение современников, что получил от них прозвище «Удивление мира». Его время некоторые историки считают «прологом Ренессанса». Один из них так охарактеризовал личность Фридриха Второго:

Печать Фридриха Второго

«В своей универсальности он был настоящим гением эпохи Возрождения на императорском троне и одновременно гениальным императором».

Натура крайне противоречивая, Фридрих сочетал в себе, казалось бы, несочетаемое: умный, недоверчивый и лукавый, он нередко проявлял твердость и даже неумолимую жестокость, напоминая этим отца и деда, а в другое время выступал как приветливый, обольстительный и любезный правитель эпохи Ренессанса. Являясь одновременно королем Сицилии и Германии, он явно недолго любил последнюю за холодный климат и постоянные мятежи феодалов и, отдавая предпочтение первой, прожил на благословенном юге Италии большую часть своей жизни.

Редко можно встретить среди монархов человека таких способностей и образованности. Фридрих Второй живо интересовался такими науками, как математика, естественная история, астрономия, медицина; владел пятью языками — итальянским, немецким, французским, греческим и арабским. Он писал стихи, трактаты об охоте и даже изобрел некоторые лекарства, открыл первый королевский университет в Неаполе. Страстный поклонник наук и искусств, император окружил себя учеными, поэтами и художниками. Изумляя подданных, Фридрих часто разъезжал по стране в сопровождении слонов, верблюдов, львов, пантер и леопардов. Двор его поражал восточным великолепием и роскошью.

Гвардия императора также была необычной для европейского монарха. Для сицилийских арабов, усмиренных им в 1225 году, Фридрих основал в Ночере военные поселения. Со временем он воспитал из поселенцев превосходных солдат. 20-тысячная арабская гвардия, готовая умереть за своего повелителя, вызывала удивление и зависть у всех соседей.

Любвеобильный Фридрих, трижды женатый, всегда окружал себя любовницами. В Лючере он, подобно восточному деспоту, имел гарем с наложницами, и даже отправлялся на войну в сопровождении целой толпы прекрасных женщин.

Полнейшее равнодушие к религии, отличавшее этого странного монарха, граничило с атеизмом. В одном послании ко всем христианам папа Григорий Девятый писал:

«Этот царь пагубы, как мы можем доказать, открыто заявляет, что мир был обольщен тремя обманщиками: Иисусом Христом, Моисеем и Магометом, и двое из них умерли в почете, третий — на кресте. Мало того, он утверждает, что только дураки могут верить, будто дев-

ственница могла родить от Бога, творца вселенной; он говорит, наконец, что человек должен верить только тому, что может быть доказано силой вещей или здравым смыслом».

Разрыв Фридриха Второго с папой произошел не сразу. Император всячески выказывал свою покорность святому престолу и католической церкви, так что у папы даже возникла идея сделать его королем Иерусалима, женив Фридриха на Иоланте, наследнице последнего христианского правителя Святого города, а затем подвигнуть его на крестовый поход.

Во время свадьбы, пышно отпразднованной в Риме при большом стечении духовенства и простого народа, Фридрих принес торжественный обет выступить в крестовый поход и освободить Иерусалим. В 1218 году он отправил на Восток 400 немецких рыцарей во главе о герцогом Баварским, но сам не торопился с исполнением обета. Папа постоянно напоминал ему о данной клятве, но лишь через 9 лет, летом 1227 года, Фридрих, собрав на Сицилии несколько десятков тысяч немецких, итальянских, французских и английских рыцарей объявил о начале крестового похода, чем несказанно обрадовал римского папу, поспешившего благословить императора и его воинство на богоугодное дело. Внезапно в лагере крестоносцев вспыхнула эпидемия. Император, едва успевший отплыть от берегов Сицилии, вернулся обратно и сказался больным. Поход в Святую землю был снова отложен им на неопределенное время.

Раздосадованный папа обвинил Фридриха в симуляции и немедленно отлучил его от церкви. После этого император-атеист сбросил маску покорности, открыто выступив против папы и католической церкви:

«... Вот римский образ действия, — писал он в ответ на свое отлучение, — и я испытал его на самом себе. Под сладкими речами, где мед льется на мед, масло на масло, чтобы тем обольстить и склонить, скрывается ненавистный кровопийца. Римская курия — неужели это истинная церковь! — называя себя моею матерью и кормилицей, действует как мачеха, и потому может быть названа корнем и началом всякого зла... А потому весь мир должен соединиться к ниспровержению этой неслыханной тирании и к уничтожению всеобщей опасности».

В письме к византийскому императору Иоанну Ватаце, с которым Фридрих поддерживал дружеские отношения, он говорит, что римские епископы «не архиереи Христа, но хищные волки, дикие звери, пожирающие народ Христа».

В 1228 году, находясь под отлучением, Фридрих Второй назвал папу самовольно отправился в крестовый поход. В Сирии его ожидало значительное войско: 1500 рыцарей и 10 тысяч пехотинцев. Однако Шестой крестовый поход не ознаменовался великими битвами, поскольку удивительный император сумел достичь главной цели без пролития крови. Вступив в дипломатические переговоры с султаном Малик-Камилом, он добился заключения 10-летнего перемирия с мусульманами. А главное, султан добровольно передал ему Иерусалим, Вифлеем и Назарет.

Злобствующий папа Григорий, называя Фридриха не крестоносцем, а пиратом, наложил интердикт на Иерусалим, когда в него вступил император. Не смущаясь этим, Фридрих в храме Св. Гроба собственными руками возложил на себя корону Иерусалимского королевства без всяких церковных церемоний. Через непродолжительное время он вынужден был покинуть Святую землю, поскольку папские войска вторглись на Сицилию.

В августе 1230 года Фридрих Второй разгромил папскую армию и заставил святого отца снять с себя отлучение. Новый папа, Иннокентий Четвертый, в свою очередь предавший его анафеме, объявил крестовый поход против германского императора. Восстала против него и Ломбардская лига, войска которой он наголову разбил в 1237 году при Кортенуове.

Борьба с папой и итальянскими городами продолжалась до конца его жизни. Но не только она поглощала внимание удивительного императора. Фридрих занимался науками, преследовал еретиков, поддерживал Тевтонский орден — еще в 1226 году он дал великому магистру полномочие «завоевать Прусскую землю силами ордена».

Фридрих Второй скончался 13 декабря 1250 года в замке Фиорентино, близ Лючеры. Вот что писал о его смерти летописец Матвей Парижский:

«Так кончил жизнь величайший из земных государей, изумивший и взволновавший мир; перед смертью с него было снято отлучение; на него надели мантию одного цистерцианского монаха, и умер он, как передают, в сокрушении и раскаянии».

Однако народная молва даровала ему бессмертие. Существует в Германии старинная легенда, посвященная Фридриху Второму, которую, впрочем, иногда ошибочно приписывают Фридриху Первому Барбароссе. Согласно этой легенде, удивительный император вовсе не умер — он скрыт в толще гор Кюфхойзер. Там, в пещере, охраняемый троллями, он спит за каменным столом, подперев рукой голову.

Чем дольше он спит, тем длиннее отрастает его борода, которая уже дважды обвилась вокруг ножек стола. Когда же она обовьется и в третий раз, старый император проснется, выйдет из горы наружу и повесит свой щит на засохшее дерево, отчего оно зазеленеет. Тогда и наступят в мире лучшие времена.

«ВЛЮБЛЕННЫЙ ПОЭТ»

ТИБО ШАМПАНСКИЙ

(ок. 1200— ?)

Человек легкомысленный и непостоянный, храбрый рыцарь и талантливый поэт, граф Тибо Шампанский с первого взгляда влюбился в королеву Франции, Бланку Кастильскую. Ради нее «Тибо-певец», как прозвали влюбленного поэта, покинул «двор любви» в Провене, населенный прекрасными дамами, галантными рыцарями и сладкоголосыми трубадурами, и перебрался в Париж, поближе к предмету своей страсти.

Супруга Людовика Восьмого, беззаветно преданная мужу, не отвечала на чувства молодого поэта. В его стихах того времени звучит грусть и тоска неразделенной любви:

Страдания, желания и муки
От мыслей, что роятся в голове.
Я не могу себя взять в руки:
Ее боюсь, и верю я молве,
Что кто приблизится, перед собой ее увидит,
Тот сразу ей понравиться желает.
Ее вниманьем небо не обидит,
Но чудо хорошо, пока вдали витает.

В 1226 году Людовик Восьмой внезапно скончался от дизентерии, что дало повод клеветникам обвинить Тибо в отравлении короля. Летописец Матье де Пари передает:

«Ходили слухи, что граф Тибо дал королю яд из-за королевы, к которой питал преступную плотскую страсть: находясь во власти похоти, он не мог больше ждать...»

Это обвинение, конечно, вздорно. Смерть короля ничего не изменила в отношениях графа Тибо и королевы Бланки. Другой летописец, говоря о страдающем поэте, отмечает:

«Он постоянно вспоминал о нежном взгляде и приятных манерах королевы. Он мечтал при этом об ответных чувствах, но при одной только мысли, какое высокое положение она занимает и как счастлива в жизни, им овладевала великая грусть».

Если Бланка Кастильская и любила кого-то в это время, то только своего сына Людовика, будущего Святого короля, регентом при котором она стала после кончины супруга. А между тем в стране созрел заговор баронов — мятежники хотели лишиться власти ненавистную испанку и посадить на трон Франции внебрачного сына Филиппа Августа, Филиппа Гюрепеля (Лохматого).

Бланка Кастильская поспешила короновать Людовика Девятого. Церемония коронации состоялась в Реймсе 29 ноября 1226 года. При этом решительная и предусмотрительная королева преследовала двоякую цель: защитить права своего сына и определить, кто из баронов остался ей верен. Большинство мятежных баронов под тем или иным предлогом не явились на коронацию. Что касается Тибо Шампанского, то влюбленный граф конечно же прибыл в Реймс в числе первых. Однако разгневанная толпа горожан встретила его громкими проклятиями и не допустила в храм. Осыпанный оскорблениями и обвинениями в убийстве короля, граф Тибо в сердцах по-

Печать Тибо Шампанского. XIII в.

кинул город. Отчаяние побудило его примкнуть к мятежной лиге баронов, возглавляемой графом Бретонским, Пьером Моклерком.

Собравшись в замке Шинон, мятежники горячо обсуждали план предстоящих действий до тех пор, пока у ворот замка не показалось королевское войско. Бланка Кастильская вынудила перетрусивших баронов капитулировать и принести клятву верности ее сыну. Сен-Дени, автор «Хроники», так описывает состоявшееся при этом свидание влюбленного графа с королевой:

«Граф, увидев перед собой такую прекрасную и такую мудрую королеву, совсем потерял голову:

— Клянусь, мадам, что и душой и телом я принадлежу только вам. Все мои земли находятся в полном вашем распоряжении. Ради вас я готов на все. Если Богу будет угодно, я отныне никогда не буду выступать ни против вас, ни против ваших близких».

Непостоянный и импульсивный Тибо не сдержал своего слова. Раздосадованный тем, что королева по-прежнему не обращает на него никакого внимания, и обиженный некоторыми ее резкими замечаниями, граф вскоре покинул Лувр и вновь присоединился к Филиппу Лохматому.

Заговорщики не считали свое дело проигранным. Они решили похитить юного короля и напали на него по дороге из Орлеана. Король, однако, ушел от погони и заперся в замке Монтери. Вооружившись чем попало, огромная толпа парижан бросилась на выручку королю, а Бланка Кастильская, не теряя времени, двинула армию на гнездо заговорщиков — замок Беллэм. Бросив мятежников, Тибо Шампанский со своим отрядом тотчас перешел на ее сторону и вновь принес клятву верности возлюбленной королеве.

Королевская армия осадила Беллэм. Тибо отважно сражался на стороне королевы, пытаясь заслужить ее расположение. Через месяц мятежники капитулировали.

Влюбленный граф весьма способствовал победе королевы, и с тех пор она приблизила его к себе. Однажды пылкий поэт открыл ей свое сердце, изнывающее от несчастной любви, звучавшей в его стихах:

В этой песне моей я хочу рассказать
Вам про лучшее в мире, что можно желать.
Да про лучшее ли? Только лишь по ошибке
Вдруг она, иль небес повинуюсь улыбке,
Посочувствует доле несчастной моей.

Я ей предан всецело и готов служить ей.
 О, Господь! Почему красота так жестока!
 О, Мадам! Я у вас снисхожденья молю,
 Вами брежу. Ведь вы, как и я, одиноки.
 Вы красивы, и я вас безумно люблю.
 Разум мой помрачен, я хожу как во сне,
 Мое сердце в своей она держит тюрьме.
 Жив лишь мыслью о том, что Господь мне поможет.
 И она обо мне вдруг подумает тоже.

Эта песня растрогала Бланку до слез. Королева наконец-то оценила силу его любви. Между ними установились самые нежные отношения, хотя никто и никогда не застал их в пикантной ситуации. Некоторые историки утверждают, что между Бланкой и Тибо Шампанским ничего и не было. Скорее всего, это не так — просто королева умело скрывала их любовь от окружающих.

Как бы там ни было, по городу поползли грязные сплетни. Немалую пищу для них дал неосторожный стих влюбленного графа:

Когда ее я тихо попросил
 На миг остановить на мне свой взгляд,
 Поскольку он — дороже всех наград,
 Она заплакала, лишившись сил.
 И мне такой ответ дала тотчас:
 «Желанья вас смущать, конечно, нет,
 Когда поете вы, подобно соловью».
 Я приближаюсь к ней и говорю:
 «О, сжался, так не будь сурова!»
 В ответ улыбка: «Никому ни слова!»

Поэт Гуго де Ферте, подкупленный мятежными баронами, разразился в ответ серией злых песенок, порочащих Бланку и Тибо:

Бароны Франции, послушайте меня,
 Ведь наша вырождается земля,
 Когда странюю дама управляет,
 Про чьи достоинства всяк знает.
 Теперь вдвоем: она и он
 Странюю правят, делят трон.
 Но зарится он на корону зря,
 Никак не тянет он на короля.

В другой песенке он намекает на причастность Тибо к смерти Людовика Восьмого:

Во имя Пресвятой Марии сына,
Которого распяли на кресте,
Он в жизни гадости проделывал такие,
Что небеса кричат о справедливой мзде.
Себя он чувствует виновным повсеместно.
Чего вы ждете, господа бароны?
Вы, граф Тибо, желаньем одержимый,
Коварством, низостью вооруженный,
Вы средь людей как будто прокаженный,
И с репутацией дурной вы — рыцарь мнимый.
Вы не в бою отважны и умны,
Вы более умелы в медицине.
Подлы, стары, напыщенны, грязны,
Вы воплощенье всех пороков ныне.

Желая отомстить возлюбленному ненавистной испанки, бароны во главе с Пьером де Моклерком пошли войной на графство Шампань. Но королева с сыном незамедлительно выступили на помощь Тибо и усмирили его врагов.

Шли годы. Всевластное время мало-помалу остудило пылкую любовь, но Бланка до конца своих дней ценила Тибо как ближайшего друга. Побежденные бароны во искупление грехов перед французской короной в 1238 году выступили в крестовый поход. Вместе с графами Моклерком, Барским, Маконским, Форезским, Неверским, Монфорским и другими, на Восток отправился и жаждущий рыцарских подвигов Тибо Шампанский.

Шестой крестовый поход закончился неудачно. В битве при Газе (1239) многие знатные рыцари погибли; графы Барский и Монфорский попали в плен к сарацинам. Что же касается Тибо Шампанского, то он счастливо избежал подобной участи и вернулся домой невредимым.

Тибо, унаследовавший королевство Наваррское, уступил Людовику Девятому половину своего феода — Блуа, Шартр, Сансерр и Шатоден и, женившись на Маргарите Бретонской, уехал вместе с ней в Наварру. С тех пор он больше никогда не появлялся при дворе французского короля.

«СВЯТОЙ КОРОЛЬ»

ЛЮДОВИК ДЕВЯТЫЙ

(1215—1270, король Франции с 1226 г.)

Время царствования Людовика Святого — это эпоха процветания и благоденствия для Франции. Всячески поддерживая мир в собственном королевстве, король совершил два крестовых похода против «неверных». Оба закончились полным провалом, поскольку Людовик ДевятыЙ был хорошим рыцарем, но никудышным полководцем.

Большую половину своей жизни Людовик находился под сильным влиянием матери, властолюбивой Бланки Кастильской, воспитавшей его в послушании и благочестии. Мать ревновала сына к его супруге, Маргарите Прованской, обожаемой Людовиком и ненавидимой Бланкой, опасаясь, и не без оснований, что сноха лишит ее власти над сыном и над государством.

Несмотря на такое воспитание, веселый, остроумный и добродушный Людовик вовсе не был сухим богомольцем или ханжой. Он любил охоту, тратил большие деньги на лошадей, собак и соколов,

*Людовик Святой осаждает Тунис.
Миниатюра из Больших французских хроник. XIV в.*

одевался в пышные одежды — золотую парчу, шелк и пурпур. Нравственно чистый и честный, этот король ненавидел ложь, подлость и лицемерие. Конечно, он был набожным человеком, но его вера никогда не доходила до степени фанатизма.

Молодой король был настолько красив, что современники называли его «прекрасным рыцарем». Автор биографии Людовика, его сенешаль и летописец Жуанвиль, оставил нам такой портрет юного монарха:

«...высокого роста, отлично сложенный, сильный, с симпатичным и открытым лицом, живым взором, белокурыми волосами, светлым цветом лица и румянцем северянина».

Людовик Девятый славился по всей Европе как образец справедливости. Он всегда старался примирить повздоривших феодалов или защитить бедняка от произвола чиновника. Король имел обыкновение вершить свой справедливый суд, сидя после обедни под знаменитым венсенским дубом, и любой человек, какого звания бы он ни был, мог напрямую обратиться за королевским правосудием. Не раз Людовику, этому Соломону средневековья, приходилось выступать в роли третейского судьи, разрешая споры между иностранными монархами и феодалами. Так, однажды он был призван рассудить английского короля Генриха Третьего с его баронами. Руководствуясь интересами мира общественного порядка и справедливости, Людовик запретил в своем королевстве междоусобные войны, турниры и судебные поединки. Почитая католическую церковь и покровительствуя нищенствующим орденам, король враждебно относился к симонии, поборам римской курии и светским притязаниям папы.

Забываясь о бедных людях, Святой Людовик кормил нищих и калек за отдельным столом в собственном дворце; запретил ростовщичество и предпринял гонения на евреев, занимавшихся этим суперприбыльным ремеслом. Борясь за чистоту нравственности, он приказал изгнать из столицы всех женщин легкого поведения. Чиновников-мздоимцев, а также богохульников подвергали в его царствование суровым наказаниям.

При Людовике Девятом Франция доминировала в Европе. Король сильной рукой подавлял мятежи феодалов, как это было, например с выступлением Гуго Маршского в 1242 году. Нанеся в том же году поражение английскому королю при Сэнте, король Людовик, как поборник справедливости, не мог лишить Генриха Третьего континентальных владений Плантагенетов, удовлетворившись вассальной присягой Генриха за эти владения. Многие соотечественники укоря-

ли Людовика за то, что он не воспользовался благоприятным моментом, но король был непоколебим в своих принципах и не пошел против своей совести.

В 1245 году на Лионском соборе папа Иннокентий Четвертый выступил с призывом к новому крестовому походу для освобождения Иерусалима и Гроба Господня. На этот призыв откликнулся только король Франции, возглавивший Седьмой и Восьмой крестовые походы. Причиной этого, как утверждают летописцы, стала тяжкая болезнь короля. Когда он оказался на пороге смерти, Людовик горячо взмолился Богу и принес обет в случае исцеления немедленно отправиться в крестовый поход. Болезнь действительно вскоре отступила, а Людовик, верный данному обету, приказал вышить крест на его рубашке. Одевшись как простой паломник, в платье темного цвета, без меха и украшений, с железными шпорами на сапогах, король, в сопровождении своих братьев и многих рыцарей, также принявших крест, торжественно отправился в аббатство Сен-Дени за орифламмой.

Готовясь к походу, Людовик Девятый собрал много денег, зафрахтовал корабли и создал базу на Кипре с запасами продовольствия. К моменту выступления, армия французских крестоносцев насчитывала около 20 тысяч человек, из них 3 тысячи рыцарей. Перед отплытием король-крестоносец направил грозное письмо султану Египта:

«Спеши поклясться мне в подчинении, признать власть христианской церкви и воздать торжественное поклонение Кресту; иначе я сумею добраться до тебя в самом твоём дворце; воины мои многочисленнее песка в пустыне, и сам Бог повелел им вооружиться против тебя».

Султан Египта не испугался угроз и приготовился к обороне своих владений. В мае 1248 года король вместе с женой, братьями и войском отплыл на Кипр. Там крестоносцы провели более полугода, пережидая зиму и поджидая отставшие корабли. Весной 1249 года огромный флот крестоносцев, состоявший из 120 больших и 1600 малых судов, отплыл из гавани Лимасола. Впечатление от этого величественного зрелища Жуанвиль передает в следующих выражениях: «Казалось, все море до самого горизонта покрыто парусами сотен больших и малых кораблей».

4 июня корабли бросили якоря у египетских берегов ввиду крепости Дамьетты. На рассвете следующего дня король, папский легат, Жуанвиль и 1 тысяча рыцарей погрузились в лодки и направились к берегу. Но сарацины были начеку: они встретили рыцарей та-

ким вихрем стрел, что крестоносцы пришли в полное замешательство. И тогда бесстрашный король прыгнул в море прямо в доспехах. Вода доходила ему до плеч. Прижав щит к груди и сверкая обнаженным мечом, Людовик медленно зашагал к берегу. Рыцари, опомнившись, последовали его примеру. При виде стальных колонн, выдвигавшихся из воды, мусульмане в страхе попятнулись, и крестоносцы благополучно достигли берега. Едва отряд успел построиться в боевые порядки, как его атаковала вражеская конница. Однако все ее налеты разбивались о несокрушимую стальную стену французских рыцарей. Битва продолжалась целый день, и лишь в сумерках сарацины отступили в крепость.

На заре следующего дня авангард крестоносцев сообщил неожиданную новость: Дамиетта пуста, сарацины бежали! Перейдя Нил по деревянному мосту, армия крестоносцев, удовлетворенная первой победой, вступила в город и расположилась на отдых. Однако этот отдых затянулся надолго. Дело в том, что король ожидал прибытия своего брата, графа Пуатье, с подкреплениями из Франции, а королева Маргарита ждала ребенка. Тем временем крестоносцы «погрязли в праздности и грехе»; они объедались, спивались и обменивались сопровождавшими их девицами и супругами. Один летописец написал тогда, что «христиане злоупотребили в Дамиетте дарами Бога».

Пока войско крестоносцев разлагалось в бездействии, султан Туран-шах, напротив, времени даром не терял. Казнив дезертиров Дамиетты, он удалился в Мансуру, куда стягивал подкрепления из всех провинций Египта.

Наконец в Дамиетту прибыл граф Альфонс Пуатье с пополнением из французских и английских рыцарей. На военном совете, рассматривавшем дальнейший план кампании, встал вопрос, куда направить следующий удар: на Александрию или на Каир. На решение совета большое влияние оказал второй брат короля, пылкий граф Роберт Артуа, горячо заявивший: «Когда хотят убить змею, начинают с головы. Мы должны начать со столицы». Так и было решено. Король, оставив беременную супругу под надежной охраной в Дамиетте, горячо распрощался с ней, и войско выступило в поход. Лишь через месяц, двигаясь очень медленно по раскаленной песчаной равнине, крестоносцы добрались до Мансуры. Здесь путь им преградил широкий и глубокий Ашмунский канал. Несколько недель не удавалось преодолеть водную преграду. В течение этого времени крестоносцев почти беспрестанно беспокоили вражеские стрелки и конни-

ца. Настоящую панику среди французов посеяло применение сарацинами «греческого огня». Это новое для них оружие, состоящее из смеси серы и горючей смолы, помещенной в горшочки, мусульмане выстреливали из больших самострелов. Смесь возгоралась уже во время полета, оставляя позади себя длинный светящийся шлейф. Пораженный, как и все крестоносцы, Жуанвиль так описывал первую ночную бомбардировку: «Казалось, что по небу летел огнедышащий дракон, от которого исходило столько света, что было видно как днем». Людовик, морщась от досады, назвал это оружие «негалантным».

Однажды в лагерь крестоносцев пробрался один бедуин и указал им брод через канал. Воины воспрянули духом и перебравшись на противоположный берег, оставив один отряд для охраны своего лагеря. На равнине перед Мансурой разгорелась ожесточенная битва. Роберт Артуа с отрядом тамплиеров шел в авангарде. Очертя голову, он ворвался в лагерь сарацин, обратил их в бегство и преследовал до самого города. Король запретил своему неистовому брату далеко отрываться от основных сил, но граф Артуа пренебрег этим запретом. С небольшим отрядом он ворвался в город и жестоко поплатился за это. Враги, увидев, что крестоносцев немного, окружили их со всех сторон. В яростной рукопашной схватке пали граф Артуа, Вильгельм Длинный Меч, один из лучших рыцарей французского войска, и 80 тамплиеров во главе с великим магистром ордена, флотилия сарацин между тем подожгла корабли крестоносцев. В битве под Мансурой погибли 300 рыцарей королевского отряда и почти все англичане. Крестоносцы были отброшены за канал.

На следующий день сарацины напали на лагерь христиан сразу со всех сторон. Людовик сражался в самых опасных местах, поминутно рискуя жизнью. «Греческим огнем» опалило его одежду и сбрую лошади, и король лишь чудом остался жив. Атаки сарацин крестоносцы отбили, но при этом сами понесли огромные потери. О наступлении на Каир теперь нечего было и думать.

Враги блокировали крестоносцев, перегородив Нил кораблями. Положение христиан становилось все хуже и хуже. Они были утомлены, страдали от скверного питания и от смрада разлагающихся трупов. В довершение всех бедствий в лагере разразилась эпидемия какой-то болезни, от которой кровоточили десны, а кожа на ногах, по свидетельству Жуанвиля, «покрывалась черными и бурыми пятнами наподобие старого сапога, пролежавшего в сундуке долгое время».

Видя, что положение войска безнадежно, король приказал отступить к Дамиемте. Крестоносцы не успели уничтожить мост позади себя, и мамелюки начали преследование. Людовик Девятый, больной, шатающийся от слабости, вместе с немногими рыцарями шел в арьергарде, прикрывая отход остальных. При очередной атаке мусульманской конницы какой-то предатель призвал крестоносцев сдаваться. Их слабое сопротивление быстро сломали, и король вместе с остатками войска оказался в плену. Мамелюки тут же перебили большинство пленников, оставив в живых только знатных рыцарей. Туран-шах, угрожая Людовику пыткой, потребовал с него большой выкуп. Король ответил: «Я отдам Дамиемту за свое освобождение, а 400 солидов за освобождение всех пленных». Султан принял это предложение.

Однако вскоре произошло непредвиденное событие. Во время праздника, устроенного в честь победы над крестоносцами, мамелюки во главе с эмиром Бейбарсом убили Туран-шаха. Новым султаном провозгласили умного, неустрашимого и жестокого Бейбарса. С ним христианские послы начали новые переговоры. После уплаты выкупа Бейбарс освободил Людовика и 400 рыцарей, но остальных удержал в плену. Тогда и благородный король отказался от свободы, говоря: «Я останусь здесь, чтобы спасти пленников и чтобы воспользоваться раздорами между сарацинами». Наконец, после того как крестоносцы оставили Дамиемту, король и еще 200 рыцарей получили свободу.

Следующие четыре года Людовик Святой провел в Палестине, ожидая подкреплений для продолжения крестового похода и проводя время в паломничестве по святым местам. Его всюду сопровождала королева Маргарита с сыном Тристрамом. Мальчик родился в то грустное время, когда король находился в плену, потому и получил такое имя (Тристрам означает «горестнорожденный»).

В 1254 году пришло известие о смерти Бланки Кастильской, так и не дождавшейся возвращения сына из похода. Горько оплакивая эту утрату, король отплыл во Францию. Из Святой земли Людовик привез бесценную реликвию — терновый венец Иисуса Христа. Для нее выстроили дворцовую капеллу, где король любил проводить время в благочестивых размышлениях.

Тем временем султан Бейбарс, воскресивший могущество Саладина, направил все усилия на борьбу с колониями крестоносцев. Он взял и разрушил Яффу, Кесарию, Назарет, Арсуф и Антиохию. Господству христиан в Сирии пришел конец, в их руках осталось лишь

несколько городов. Ни Иерусалимского короля, ни его королевства более не существовало.

Долгое время королеве Маргарите удавалось удерживать благочестивого супруга от нового крестового похода, отвлекая его от этой навязчивой идеи важными и не очень важными государственными делами. Однако летом 1270 года Восьмой крестовый поход все-таки состоялся, хотя желающих участвовать в нем нашлось немного. Чтобы привлечь рыцарей в свое войско, король даже взял на себя путевые издержки и назначил им жалованье. Ничего подобного раньше не было. Но времена менялись: теперь увлечь людей заморскими авантюрами, используя один лишь религиозный экстаз, не представлялось возможным.

В этом крестовом походе, оказавшимся последним, короля сопровождали три сына, брат Альфонс, зять и дочь (король и королева Наваррские), а также графы Артуа, Бретонский и Фландрский. Поход был чисто французским. По совету брата короля, Карла Анжуйского, преследовавшего своекорыстные интересы, целью похода избрали Тунис.

14 июля флот подошел к берегам древнего Карфагена. Захватив развалины крепости, крестоносцы забили пробоины в стенах досками и обвели укрепления рвом. Сарацины блокировали крепость. Вскоре умирающих от жажды людей начала косить эпидемия чумы. В числе первых умер сын Людовика Тристрам, а скоро заболел и сам король. Предчувствуя близкую кончину, король-крестоносец составил завещание для своего сына Филиппа Смелого и, помолвившись, скончался. После заключения перемирия гроб с его телом погрузили на корабль и отправили во Францию. Уже в дороге скончалась молодая жена Филиппа. Трижды горестным стал этот путь для Филиппа Смелого, увозившего на родину останки отца, сына и жены.

Франция, утратив обожаемого монарха, погрузилась во всеобщую скорбь. Но король Людовик Девятый не умер в памяти людей. Труверы и трубадуры переложили народную скорбь в песни, а церковь причислила его к лику святых.

Что же касается христианских владений в Святой земле, то они доживали свои последние дни. Преемник Бейбарса султан Калаун, а затем его сын Халиль нанесли им завершающий удар и окончательно уничтожили. Владычество христиан в Палестине, а с ним и эпоха крестовых походов окончательно ушли в прошлое.

ГЛАВА 3

БОРЬБА С МОНГОЛЬСКИМ НАШЕСТВИЕМ

«НЕУКРОТИМЫЙ»

ДЖЕЛАЛЬ-ЭД-ДИН

(? — 1231, шах Хорезма с 1221 г.)

Нашествие несметных полчищ Чингисхана повергло в трепет и ужас народы Азии, а затем и Европы. Ханы, шахи и цари склонились перед величайшим из завоевателей. После того как великий Китай простерся под копытами монгольских коней, пробил час Хорезма — цветущей среднеазиатской державы. Мухаммед, шах Хорезма, напыщенный и неумный владыка, почитавший себя вторым Искендером (Александром), растерялся и трусливо бежал от нукеров Чингисхана, словно заяц от гончих. Зато его сын и наследник, неукротимый Джелаль-эд-Дин, поднял знамя сопротивления и многие годы бесстрашно и отчаянно боролся с монголами, вызвав удивление и уважение самого Чингисхана.

Средневековое блюдо с изображением осады города. Средняя Азия

Воспитателем «последнего хорезм-шаха», как называют историки Джелаль-эд-Дина, был опытный и отважный воин Тимур-Мелик. С детства наследник мечтал не о величии престола, а о славе храброго воина. Примером для юного героя служили подвиги Александра Македонского. И он добился великой воинской славы, о которой так мечтал в детстве.

Среднего роста, смуглый, со слегка скошенными глазами, с приветливой улыбкой, Джелаль-эд-Дин легко располагал к себе людей. Под его кажущейся беспечностью скрывалась твердая вера в себя и неукротимая сила воли. Его и прозвали — Джелаль-эд-Дин Неукротимый.

В 1219 году, когда 100-тысячная армия монголов вторглась в пределы Хорезма, шах Мухаммед, пребывавший в совершенном смятении, собрал высших сановников государства на военный совет. Трусливые советники предложили укрыть армию за городскими стенами и защищаться.

— Защита воина — острое его меча, — громко воскликнул тогда пылкий Джелаль-эд-Дин, побуждая отца вывести войска в поле и сражаться.

Первое сражение с монголами произошло на реке Иргизе. Передовое войско под началом старого опытного полководца Субудая и старшего сына Чингисхана, Джучи, два дня билось с войском хорезмийцев, которыми командовал Джелаль-эд-Дин. К исходу второго дня сыну хорезм-шаха удалось оттеснить монголов к солончаковому болоту, где некоторые из них утонули, другие были изрублены, но основные силы быстро и организованно отступили. Это первое столкновение с монголами многому научило молодого витязя; он сразу оценил военное искусство противника и многое перенял у него.

В начале 1220 года вся огромная армия Чингисхана вторглась в междуречье Амударьи и Сырдарьи. Бездарные полководцы хорезмийцев, избегая решающего сражения, рассредоточили свои войска по крупным городам, попрятавшись за крепостными стенами. Монголы, применяя тяжелую осадную технику, заимствованную ими у китайцев, легко брали один город за другим. Крупнейшие центры Хорезм, Бухара и Самарканд, сдались почти без боя. Упорное сопротивление захватчикам оказали только Ходжент, защищаемый мудрым и храбрым Тимур-Меликом, и Ургенч, оборону которого организовал Джелаль-эд-Дин. Но организованного сопротивления в масштабах страны не получилось: светские и духовные феодалы предали свой народ, перейдя на сторону врага, а хорезм-шах Мухаммед позорно

бежал и нашел свою бесславную смерть на острове прокаженных в Каспийском море.

Пока героические защитники Ургенча сковывали основные силы Чингисхана, неукротимый Джелаль-эд-Дин нанес врагу несколько ощутимых ударов. Перейдя с небольшим отрядом через Каракумские пески, бесстрашный витязь неожиданно напал на крепость Несу, расположенную у подножия гор Копетдага. Монгольский гарнизон крепости был уничтожен. После этой победы Джелаль-эд-Дин всего с тремя сотнями джигитов перебрался через горные хребты северного Ирана в Афганистан, где стал собирать войско для борьбы с Чингисханом. Под его знамена стеклись представители многих тюркских племен — узбеки, туркмены, халаджи, харлуки, афганцы, гурцы и другие.

Целых семь месяцев держались бесстрашные защитники Ургенча. Монголы, разъяренные их упорным сопротивлением, разрушили дамбу и затопили столицу Хорезма. Последние патриоты погибли, смытые мощными волнами реки. Вода унесла их тела вместе с обломками рухнувших зданий.

После падения Ургенча весь Хорезм оказался под пятой монголов. Но Чингисхан рано торжествовал победу. Совершенно неожиданно он получил смелый вызов на бой от неукротимого Джелаль-эда Дина, переданный через гонца: «Укажи место, где мы встретимся для битвы. Там я буду тебя ждать».

Чингисхан не ответил на это послание, но вызов храбреца обеспокоил «потрясателя Вселенной». Он выслал против «последнего хорезм-шаха» 40-тысячное войско во главе с Шики-Хутуху-нойоном, своим сводным братом. Джелаль-эд-Дин с 60-тысячной армией встретил противника в 1221 году неподалеку от Первана. Здесь и произошла знаменитая битва при «семи ущельях».

Сражение продолжалось два дня. На второй день Джелаль-эд-Дин под грохот барабанов во главе отряда конницы ударил в самый центр монгольского войска и расколол его надвое, после чего монголы обратились в бегство. Джигиты Джелаль-эда Дина долго преследовали и рубили бегущих врагов.

Победа при Перване имела огромное историческое значение — впервые было разгромлено целое войско непобедимых до того монголов. Только теперь осознал Чингисхан, какого опасного соперника он имеет в лице молодого отважного витязя. Однако счастье скоро изменило славному воину — в его пестром войске начались раздоры, все ханы и эмиры перессорились между собой, после чего многие из них вместе со своими отрядами покинули бесстрашного вождя.

Потеряв многих союзников, Джелаль-эд-Дин приказал отступить на юг, к Инду. Там его и настигло многократно превосходящее по численности войско Чингисхана. Монголы взяли противника в полукольцо и прижали к реке. Чингисхан приказал своим воинам не стрелять в хорезм-шаха, а захватить его живым.

Джелаль-эд-Дин, завидев на холме самого Чингисхана, с отрядом всего из 700 всадников отчаянно бросился на ставку кагана. Монголы, смятые яростной атакой, в беспорядке отступили. Чингисхану тоже пришлось спасаться: вскочив на коня, он бежал в числе первых. Но хитроумный повелитель монголов приготовил ловушку для молодого льва. Как только всадники Джелаль-эд-Дина достигли холма, на них из засады набросился целый тумен (10 тысяч) «бессмертных» — отборных воинов кагана. Храбрые джигиты были отброшены и вновь прижаты к реке. Тем временем другие тумены монголов опрокинули левое и правое крыло малочисленного войска. Кольцо окружения все туже сжималось вокруг отчаянно отбивавшегося Джелаль-эд-Дина. Понимая, что битва проиграна, бесстрашный витязь повернул коня к берегу и прыгнул с ним с высокой скалы прямо в мутные воды Инда. Увидев этот головокружительный прыжок, пораженный Чингисхан сказал окружающим его сыновьям:

— Вот каким должен быть у отца сын!

Выбравшись на противоположный берег, Джелаль-эд-Дин погрозил мечом владыке монголов, давая понять, что борьба еще не окончена. Наиболее отчаянные джигиты попытались повторить подвиг своего предводителя, но лишь немногие смогли выплыть — для большинства из них воды реки стали братской могилой. Последние оставшиеся в живых воины закололи мать и жену Джелаль-эд-Дина — они не должны были достаться врагу. Монголы захватили лишь семилетнего сына хорезм-шаха. Чингисхан, верный своему принципу не оставлять в живых врагов и их родственников, приказал вырвать у мальчика сердце.

Монгольские отряды, преследуя Джелаль-эд-Дина, вторглись в Северо-западную Индию, разорили области Мультана, Лахора и Пешавара, но, столкнувшись с нарастающим сопротивлением индусов, отступили, уводя с собой 10 тысяч пленников. Этих несчастных монголы, испытывавшие недостаток продовольствия, вскоре перебили всех до последнего человека.

Три года провел в Индии неукротимый Джелаль-эд-Дин. Там он женился на дочери султана Дели, а затем всего с четырьмя тысячами верных витязей внезапно появился в Иране и возмутил всю страну.

Легендарный герой, явившийся из страны слонов, покорила сердца персов, видевших в нем нового Рустама. Вскоре вся Персия и Хорасан оказались в его власти. Тюркская военная знать со всех сторон стекалась под его знамена.

Целых шесть лет герой сражался против Джагатая, сына покойного Чингисхана. Но монголы были слишком сильны. По мнению такого знатока военного дела, каковым был Наполеон Бонапарт, в монгольской армии «...военная организация была значительно выше, чем в войсках ее противников». С другой стороны, Джелаль-эд-Дину никогда не удавалось собрать такую большую армию, которая могла бы на равных бороться с многочисленной, прекрасно вооруженной и дисциплинированной армией монголов. В течение ряда лет последний хорезм-шах скитался по разным землям и странам Азии и Кавказа, но все его попытки сплотить феодальных властителей не достигали цели. Занятые мелкими пограничными конфликтами, они враждовали между собой и не желали объединяться, а на Кавказе Джелаль-эд-Дину даже пришлось отражать нападения со стороны грузин, армян, аваров и алан.

В 1230 году на Мугани монголы разбили отряды последнего хорезм-шаха. Джелаль-эд-Дин с немногими уцелевшими джигитами ушел в горы Курдистана. Там, в одном из горных селений, герой был зарезан во сне подлым убийцей-курдом. Так погиб Джелаль-эд-Дин Неукротимый, победитель при Перване, отважный витязь, мести которого опасался сам Чингисхан.

О. Орловская посвятила замечательному герою Хорезма прекрасный сонет:

Рожденный властвовать, средь бурных сеч
Не знающий тревоги и смущенья,
Ты высился как знамя. Пораженья
Не гнули силу непокорных плеч.

Изведал Чингисхан твой светлый меч...
Властитель, он проникся уваженьем
К тебе, грозившему во имя мщенья
За честь отцов войною мир зажечь.

Шатались армии от сильных взмахов
Твоей руки, ты повергал их в прах...
Но Азраилу повелел Аллах, —

И в курдской хижине возвел он плаху,
И принял смерть ты, как и жил, без страха, —
Джелаль-эд-Дин, последний Хорезм-шах!

«НЕИСТОВЫЙ МСТИТЕЛЬ»

ЕВПАТИЙ КОЛОВРАТ

(? — 1238)

В декабре 1237 года, оставив за собой дымящиеся руины Волжской Болгарии, несметная армия хана Батыя (по разным оценкам, от 150 до 300 тысяч бойцов) вторглась на Русь. Этой неисчислимой армии, прекрасно оснащенной и дисциплинированной, закаленной в боях, предводительствуемой опытными полководцами, противостояли отдельные русские княжества, раздираемые кровавыми междоусобицами. Участь Руси, пораженной язвой феодальной раздробленности, была предreshена.

Первый страшный удар приняла на себя Рязанская земля. Наглые послы Батыя, явившиеся к рязанскому князю Юрию Ингва-

Осада русского города татара-монголами. Миниатюра XVI в.

ревичу, потребовали от него дани в размере десятой части имущества, «и в князьях, и в людях, и в конях». Князь гордо ответил: «Когда из нас в живых никого не останется, все себе возьмите».

Хорошо понимая, что одной Рязани не выстоять против всего монгольского войска, Юрий Ингваревич отправил за помощью к великому князю Георгию Всеволодовичу, но тот отказал, собираясь сразиться с Батыем собственными силами. На помощь Рязани пришли только братья Юрия Ингваревича: Давид Муромский, Глеб Коломенский, Всеволод Пронский и Олег Красный. Братья посоветовали рязанскому князю вступить в переговоры с Батыем, принести ему богатые дары, авось не пойдет поганый на рязанскую землю.

С посольством к Батыю отправился сын Юрия Ингваревича молодой князь Федор Юрьевич. Он держал себя достойно перед монгольским владыкой, в ноги ему не падал. Уязвленный Батый сделал вид, что позабыл о после с его свитой, и приказал подавать обед. Татары уселись и весело принялись за еду. Рязанцам тоже принесли блюдо, но на нем лежали лишь кишки да хвосты. Федор Юрьевич увидел, что татары издеваются над ними, и собрался уходить. Однако Батый удержал его и спросил, почему князь Федор не привез к нему свою красавицу-жену (о Евпраксеюшке он слышал от предателя, перешедшего на службу к татарам). Хан, захмелевший от кумыса, отпустил сальную шутку в адрес княжны. Федор Юрьевич, побледнев от гнева, гордо заявил: «Не пристало нам, христианам, к тебе, нечестивому царю, водить жен своих для разврата...»

Батый рассвирепел и приказал перебить безоружных послов. Живым он отпустил только Аполонницу, старого слугу князя Федора, который и принес в Рязань горестную весть. Узнав о гибели любимого мужа, Евпраксеюшка взяла на руки маленького сына Ивана и бросилась с ним с высокой стены терема вниз, на камни.

Юрий Ингваревич, оплакав сына, невестку и внука, обратился к своим братьям, боярам и воеводам:

«О господа мои и милые братья мои!.. Лучше нам смертью жизнь себе купить, нежели в поганой неволе быть! Выпьем смертную чашу!»

Дружины братьев выдвинулись к границам рязанской земли и приняли неравный бой. Мужественно бились рязанцы, но врагов было великое множество. Все дружинники пали смертью храбрых вместе со своим князем. А Батый осадил беззащитную Рязань. Пять дней жители города без сна и отдыха отражали приступ. Они бились бессменно, шатаясь от ран и усталости, а Батый бросал в бой свежие отряды. На шестой день (21 декабря), монголы разрушили стены города стенобитными орудиями и ворвались на улицы Рязани.

Город пал. Княгиня Агриппина, женщины с детьми и священники заперлись в соборной церкви — последнем убежище. Но беспощадные враги ворвались в церковь, предавая все огню и мечу. Женщин насиловали на глазах у всех, а потом вспарывали им животы. Детям разбивали головы о стены. Священников жгли живьем.

«И никого не осталось в городе в живых, все равно погибли и одну чашу смертную испили; не было тут ни стонущих, ни плачущих — ни отца с матерью о детях, ни детей об отце с матерью, ни брата о брате, ни ближайших родственников: все вместе мертвыми легли». Рязань, сожженная, разрушенная, усеянная трупами, лежала под снежным саваном как страшно изуродованная покойница.

Такое жуткое зрелище предстало пред очами молодого рязанского боярина Евпатия Коловрата, когда он с отрядом из 300 всадников вернулся в родной город. По поручению Юрия Ингваревича Евпатий ездил к тверскому князю умолять его о помощи Рязани. Дружину свою князь не дал, но разрешил ему набрать добровольцев. Желающих биться с татарами было немало, но безоружные и неопытные в военном деле горожане стали бы легкой добычей для татарских стрел и мечей, и Евпатию с большим трудом удалось отобрать из их числа 300 бывших ратников, хорошо вооруженных и на добрых конях. Вот с этим-то небольшим отрядом он и поспешил на помощь родному городу, но опоздал.

Горько было осознавать это. Все его родственники и друзья пали в борьбе, а он стоит один на пепелище — невредимый, сильный и... бесполезный. Но неужели рязанцы погибли все до единого? Не может быть! Спасся же хоть кто-нибудь?!!

Наверное, такие мысли приходили в голову Евпатию Коловрату, когда он стоял со своими черниговцами на главной площади города, превращенного в братское кладбище. Вдруг его взор, застилаемый слезами скорби и отчаяния, остановился на вечевом колоколе — закопченный, тот лежал в груде битого камня. Евпатий очнулся, приказал черниговцам поднять колокол и ударить в набат. Колокольный звон разнесся над мертвым городом. И тут они увидели, как из подвалов, подклетей и развалин поднялись человеческие фигуры. Рязанцы, живые! Их было немного, но это были рязанцы! На заснеженном поле вокруг города тоже появились люди, прятавшиеся в лесу и спешившие теперь на призывный звон вечевого колокола.

Евпатий отобрал всех, способных носить оружие. Вместе с черниговцами набралась дружина в 1700 бойцов. А это немалая сила! Правда, большинство были пешими. Евпатий изложил перед ними свой нехитрый план: они пойдут в погоню за проклятым врагом и убьют ненавистного царя Батыгу!

Конечно, это было безумие — гнаться с маленьким отрядом за огромным войском... Но никто не струсил, все как один поддержали воеводу Евпатия. Мечь, святая и правая!

Гнаться пришлось долго. Монгольские тумены, рассыпавшись по суздальской земле, нацелились на Коломну, Москву, Владимир, сея повсюду смерть и опустошение. Когда дружина Евпатия изрубила первые арьергардные сотни, монголы пришли в полное замешательство. Никак не ожидавшие удара с тыла, охваченные суеверным ужасом, они решили, что на них напали мертвые рязанцы. Панические слухи быстро распространились по всему войску и дошли наконец до хана Батыя. Джихангир повелел приостановить наступление, развернуть тумены и начать облавную охоту на неведомого и страшного врага. Монгольские отряды, образовав огромное кольцо, начали сближение, прочесывая леса и сгоняя всех встречных в центр кольца. Петля постепенно затягивалась.

А Евпатий тем временем приказал взять пленных, чтобы выяснить местонахождение кровопийцы Батыги. Один из пленных поведал, что в усадьбе великого князя Георгия Всеволодовича, под Суздалем, собрались какие-то важные ханы. Русские поселяне подтверждали эти сведения: они видели, как к усадьбе проскакали трое монголов с девятихвостным знаменем. Дождавшись ночи, Евпатий внезапно атаковал усадьбу сразу с нескольких сторон. Никто из врагов не ушел живым, но самого Батыя там не оказалось.

Невидимое кольцо врагов продолжало сжиматься. Евпатий со своим отрядом держал путь на север, истребляя по пути монгольские сотни. И тут он узнал от прятавшихся в лесах поселян тревожную новость: монголы остановили наступление и рыщут по округе. Евпатий решил пробиваться к Угличу и повел дружину лесными тропами через Берендеево болото. Выйдя на лед Плещеева озера, русские обнаружили, что окружены со всех сторон полчищами врагов.

Здесь, на холмистом берегу озера, и произошла их последняя битва. Рязанцы дрались отчаянно, но татарам все же удалось захватить в плен пятерых тяжелораненых бойцов. Когда их поставили перед ханом, Батый задал вопрос: «Какой вы веры и какой земли и почему мне так много зла творите?» Пленники отвечали: «Веры мы христианской, богатыри великого князя Юрия Ингваревича рязанского, а из полка Евпатия Коловрата. Посланы... тебя, сильного царя, почтить, и с почетом проводить, и честь тебе воздать, но не удивляйся, царь: не успеваем наливать чаши на великую силу — рать татарскую!»

Подивившись их мудрому ответу, Батый двинул в бой «непобедимых» и «бессмертных» — лучшие свои тумены под командованием

хана Хостоврула. Хостоврул похвалялся перед Батыем взять Евпатия живьем и привести его на веревке пред ясные очи джихангира. Но сломить упорство рязанцев не удалось и лучшим татарским тысячам. Весь холм покрылся трупами монголов. Когда же Хостоврул съехался с Евпатием, рязанский витязь рассек его пополам, от плеча до седла. Батый, видя, как падают замертво его отборные воины, кусал с досады губы до крови, а его приближенные, поражаясь силе и мужеству рязанцев, говорили хану: «Мы со многими царями во многих землях, во многих битвах бывали, а таких удальцов и храбрецов не видали, и отцы наши нам не рассказывали».

Не желая потерять всех своих лучших нукеров, Батый приказал стрелкам убить Евпатия. Однако стрелы отскакивали от его кованой кольчуги, не причиняя витязю ни малейшего вреда. Евпатий Неистовый продолжал размахивать длинным мечом, при каждом ударе разрубая череп, отсекая руки и головы. Совсем немного, меньше сотни, рязанцев оставались в живых, но не чувствовалось усталости в их могучих десницах — ненависть утраивала их силы.

Уразумев, что в рукопашном бою их не одолеть, монголы подвели камнеметы и расстреляли героев огромными камнями. Так погибли Евпатий неистовый и его рязанцы. Только несколько богатырей, изнемогавших от ран и ушибов, захватили монголы.

Пораженный Батый долго стоял в молчании над телом рязанского витязя. Наконец он произнес: «О Коловрат Евпатий! Сильно ты потрепал меня малой своей дружиной, и многих моих сильных богатырей побил, и многие полки от руки твоей пали. Если бы у меня такой служил, держал бы его у сердца своего!»

Монгольский владыка приказал похоронить Евпатия со всеми воинскими почестями, а немногочисленных пленников, в уважение их небывалого мужества, отпустить.

Такова история неистового мстителя Евпатия, дошедшая до нас из старинных летописей, и прежде всего из «Повести о разорении Батыем Рязани».

«БОГАТЫРЬ-СХИМНИК»

АЛЕКСАНДР ПЕРЕСВЕТ

(? —1380)

Герой Куликова поля, брянский боярин Александр Пересвет, стал знаменитым воином своего времени. Согласно легенде, Пересвет по-

полюбил какую-то княжну, но получил отказ. Не мил ему стал тогда белый свет. Явился печальный витязь в Троицкий монастырь к Сергию Радонежскому и принял постриг.

Преподобный Сергий, основавший вместе с братом Стефаном Троицкий монастырь, имел сильнейшее нравственное влияние на современников. По словам летописца, Сергий «...бысть пастух не токмо своему стаду, но всей Русской земле нашей учитель и наставник». Сам великий князь Дмитрий Иванович выбрал его в качестве духовного наставника и крестного отца своих детей.

В 1380 году грозная туча вновь собралась над Русской землей. Татарский темник Мамай, захватив власть в Орде, готовился к новому походу на Русь. Собрав 100-тысячное войско из татар и подвластных им народов, заключив союз с князем литовским Ягайло, Мамай определил свою главную цель:

«Я не хочу так поступить, как Батый... приду на Русь и убью князя их... тут и осядем, и Русью завладеем».

Иными словами, Мамай не думал ограничиться грабежом русских городов и взиманием дани с русских земель, а собирался завоевать и уничтожить Русское государство как таковое. Поэтому на поле Куликовом решался главный вопрос: быть или не быть Руси.

Поединок Пересвета с Челубеем. С картины М. И. Авилова. 1943 г.

Чтобы дать отпор наглому завоевателю, великий князь Дмитрий Иванович собирал воинов по всем русским княжествам. В его армию влились дружины князей ростовских, белозерских, ярославских, владимирских, суздальских, переяславльских, костромских, муромских, дмитровских, Можайских, звенигородских, угличских и серпуховских. Пунктом сбора войск стала Москва. Здесь под великокняжеским стягом соединилось 60-тысячное войско. Никогда еще русским князьям не удавалось выставить такую многочисленную рать!

Перед битвой князь посетил монастырь Св. Троицы и получил благословение своего духовного отца. Сергей предсказал Дмитрию Ивановичу битву кровопролитную и победу славную. Перед расставанием он представил князю двух монахов и просил взять их с собой на битву. Одним из монахов был Родион Ослябя, а вторым — Александр Пересвет, успевший к тому времени принять схиму, самый строгий монашеский чин. Оба монаха изъявили сильное желание пострадать за Русь и за князя.

Русские войска прошли через Коломну, где в них влились дружины верных князю Дмитрию сыновей литовца Ольгерда, Андрея и Дмитрия. Затем, форсировав Дон, выстроились по полкам у устья Непрядвы.

Сражение началось в 11 часов утра 8 сентября 1380 года, как только разошелся туман, белым саваном укутывавший поле предстоящей битвы. Перед битвой из рядов татарского войска выехал мурза Телубей (Челубей). Он вызывал на поединок сильнейшего из русских богатырей — по древней традиции любая битва должна начинаться с поединка. Чей воин одолеет, тому Бог и дарует победу.

Однако вызов татарина остался без ответа. Никто из богатырей не решался сразиться с этим Голиафом. Верхом на мохнатом степном коне восседал дородный, кряжистый ордынец с могучей грудью, с огромной головой, ушедшей в плечи. На нем едва сходилась шуба, надетая мехом наружу поверх кольчуги. В толстой, как бревно, руке страшилище сжимало длинное генуэзское копьё.

Ордынец повторил свой вызов, дерзко приблизившись к русским рядам, и опять не нашлось ему достойного противника. Русские богатыри подталкивали один другого, но никто не выходил, опасаясь оскрамиться перед таким количеством зрителей.

Телубей что-то пролопотал по-своему, и татары за его спиной зашлись от хохота: перетрусил русы, сейчас перевяжем их голыми руками. И тут из рядов русского Передового полка выехал на белом

коне высокий стройный воин в странном облачении: золоченые латы сверкали из-под длинной черной мантии, прикрывавшей бока коня; куколь с шитым золотым крестом ниспадал складками на шею и грудь. Все это и клобук на голове указывало на то, что странный воин — монах. Это был Александр Пересвет. Оборотившись к своим, он произнес с волнением в голосе:

«Отцы и братья мои, простите меня, грешного; брат мой Ослябя, моли Бога за меня».

Пересвет повернул коня к своему противнику, а тот уже пустился вскачь, нацеливаясь копьем. О чем были последние мысли богатыря-схимника? Угадать нетрудно. Он думал о том, что нельзя проиграть этот бой; можно умереть, но проиграть нельзя — его поражение ослабит дух русского войска, посеет сомнение в исходе всей битвы. Этого допустить нельзя! И Пересвет погнал коня прямо на страшного татарина, не надеясь поразить его насмерть копьем, а рассчитывая на скорости протаранить врага.

Это был подвиг самопожертвования. Телубей не успел отвернуть коня в сторону. Всадники с грохотом сшиблись, хрустнули переломившиеся копыта, и противники мертвыми распластались на земле. Рядом бились в агонии их кони. Пересвет с пронзенным горлом лежал поперек необъятной груди татарина, в выпученных глазах которого навеки застыло выражение смертного ужаса. Обломок Пересветова копья торчал у него под левой ключицей.

С минуту оба войска молчали. Потом кто-то крикнул из русских рядов:

— Наш сверху! Сверху!

Это была победа. Пересвет выполнил свой долг — он умер, но победил. А значит, победит и русское войско. Победит и великий князь Дмитрий Иванович, которому за эту победу народ присвоит почетное прозвище — Донской.

«СРАЗИВШИЙ ИГО» ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ

(1350—1389, великий князь Руси с 1359 г.)

Весь жизненный путь великого князя Дмитрия Ивановича Донского — это путь воина, беззаветно преданного своей Родине. Знакомство с военным делом, первые опыты обращения с оружием со-

стоялись у него, так же как и у любого другого сына дворянина любой страны того времени, еще в раннем детстве. Подобно им, маленький Дмитрий учился виртуозно владеть мечом и боевой палицей, метать топор и сулицу, стрелять из лука и самострела, носить тяжелые доспехи, без которых не обойтись доблестному рыцарю.

Рано осиротевшего Дмитрия опекал митрополит Алексей. Главу русской православной церкви радовали не столько успехи юного князя в нелегком ратном деле, сколько то, что он «к духовным делам прилежал и пустотных бесед не творил, и срамных глаголов не любил, от злонравных человеков отвращался, а с благими всегда беседовал».

Шли годы; юный отрок возмужал и превратился в могучего воина, не утратив со временем и нравственной чистоты. Вот как опи-

*Великий князь Дмитрий Донской.
Миниатюра из Титулярника. 1672 г.*

сывает Никоновская летопись внушительный облик московского князя:

«...бьяше крепок и мужественен, и телом велик, и широк, и плечист, и чреват вельми, и тяжек собою зело, брадою ж и власы черен, взором же дивен зело».

Это описание внешности Дмитрия Донского невольно воскрешает в памяти образ былинного богатыря Ильи Муромца, такого же кряжистого, грузного, могучего. А силы московскому князю были ой как нужны, и телесные, и духовные. Кругом враги, и за пределами Руси, и в ее пределах. Пришлось Дмитрию Ивановичу выдержать нелегкую борьбу с русскими князьями — рязанским, суздальским и тверским, каждый из которых упорно цеплялся за великокняжеский венец, рвал его у другого из рук, обильно поливая русской кровью русскую землю. Сдюжил князь, усмирил соперников, прекратил усобицы, отстоял высокое предназначение Москвы. Но поживать на лаврах было некогда: чуть присмирели внутренние враги, как подняли головы враги внешние. Дерзкий литвин Ольгерд трижды водил рати на Москву (в 1368, 1370 и 1372 гг.), и трижды московский князь взашей выпроваживал незваного гостя.

Но все это были сущие пустяки, по сравнению с тем великим делом, которое задумал русский князь-богатырь. Предстояло еще победить врага непобедимого, сокрушить силу необоримую, избавить многострадальную Русь от тяжкого ига поганых татар. Никто до Дмитрия Донского не мог одолеть этого злобного, хитрого, коварного, неисчислимого подобно саранче супостата. Не устояли перед татарами ни мудрые китайцы, ни горячие кавказцы, ни стремительные половцы, ни суровые западноевропейские рыцари. А великий князь московский не только устоял, но и разгромил татарского мурзу Бегича на реке Воже. Впрочем, полки Бегича — лишь авангард того несметного войска, которое готовил в поход на Русь грозный Мамай. Судьба Отечества теперь зависела от действий великого князя; теперь решался главный вопрос — быть или не быть Русскому государству.

Дмитрий Иванович вполне осознавал, какая тяжелая ответственность ложится на его плечи. Потому и набирал войска по всем княжествам, не давая себе ни минуты на роздых. Зато и собралась рать невиданная, никогда еще не выставляла Русь такой рати! Произведя смотр войск в Коломне, Дмитрий Иванович остался доволен: тысяч шестьдесят бойцов грозной стеной застыли перед ним, и не каких-нибудь ополченцев-лапотников, а профессиональных ратоборцев-латников, в сверкающих на солнце шишаках и кольчугах, с копыя-

ми, сулицами, мечами, бердышами, палицами, луками, самострелами и пищалями. У каждого на плече — миндалевидный щит, стальная личина на булатном шлеме, тело надежно защищено стальными оплечьями, пластинчатыми доспехами и грудными зеркалами, на ногах — кованые набедренники, наколенники и латные сапоги. Такова была русская кованая рать, выведенная московским князем 8 сентября 1380 года на Куликово поле.

Мамай, устроивший свою ставку на Красном холме, не торопился начинать битву, поджидая союзника, литовского князя Ягайло, спешившего к нему на соединение с 30-тысячной ратью. Имея под началом стотысячное войско татар, хан, тем не менее, хотел действовать наверняка.

Тем временем русская армия, форсировав Дон, встала у устья впадавшей в него Непрядвы. Дмитрий Иванович расположил русские полки таким образом, чтобы река прикрывала их тылы, а леса — фланги. Тем самым татарская конница, лишенная возможности флангового маневра, была вынуждена атаковать противника в лоб. Центр русских позиций занимали Передовой и Большой полки пеших ратников, насчитывавшие до 25 тысяч бойцов. Их фланги прикрывали полкилевой и Правой Руки, состоявшие из 5 тысяч тяжеловооруженных всадников каждый. В тылу Большого полка разместился 4-тысячный Резервный полк, а неподалеку от него развевался красный великокняжеский стяг с златотканым ликом Христа, охраняемый тремя сотнями дружинников. Слева в дубраве скрывался Засадный полк, укомплектованный из отборных витязей, под командованием опытного воеводы Дмитрия Боброка и двоюродного брата великого князя Владимира Серпуховского, заслужившего в этой битве прозвище «Храбрый».

Особая роль отводилась далеко выдвинутому вперед Сторожевому полку Семена Мелика. Этому полку, состоявшему из тысячи конных витязей в булатных доспехах, ставилась задача втянуть армию Мамайя в сражение, пока не подошли литовцы Ягайло — соединения двух вражеских ратей никак нельзя было допустить.

Распределив все роли и отдав последние приказы командирам полков, князь Дмитрий Иванович, подобно древним русским вождям, пожелал принять личное участие в предстоящей битве. К этому его побуждали три причины: во-первых, князю, как истинному воину, не терпелось собственноручно разить врага; во-вторых, его пример ободрил бы и воодушевил русских воинов, особенно новичков; а в-третьих, и это самое главное, личное участие в бою позволяло Дмитрию

рию Ивановичу контролировать выполнение его приказов командирами русских полков.

Автор «Сказания о Мамаевом побоище» свидетельствует: «Князь великий сел на коня своего, и взял копье свое, и взял палицу свою железную в руки, и выступил из рядов, и захотел сам начать битву раньше воинов своих, (ибо) владела им печаль за землю Русскую, и святые церкви, и за православную христианскую веру...»

Князя и бояре долго отговаривали Дмитрия Донского от его намерения, но великий князь остался непреклонен. Чтобы ввести в заблуждение татар, он обменялся плащами со своим любимым боярином Михаилом Бренком, вставшим у великокняжеского знамени. После этого Дмитрий Иванович под видом боярина выехал в Сторожевой полк и принял участие в завязке боя. Убедившись, что татары втянулись наконец в генеральное сражение, он отъехал назад и занял место в первой линии Большого полка.

Выполнив свою задачу, ратники Сторожевого полка отступили и влились в ряды полков Правой илевой Руки. Спешенные ордынцы и наемная генуэзская пехота, построенная фалангой, нанесли главный удар по Передовому и Большому полкам. Но Большой полк выстоял, и тогда татары, используя свое численное преимущество, стали прорываться на левом фланге русских войск.

Дмитрий Донской, находившийся все время в эпицентре основных событий, бесстрашно бился сначала в рядах Большого полка, а затем, когда ордынцы изменили направление главного удара, сместился к полку левой Руки. Два раза под князем убивали коня, на шлеме и панцире его не оставалось живого места — так они были изрублены, исколоты, измяты, однако булатные доспехи надежно предохранили князя от ран. Это подтверждает и Ермолинская летопись:

«У самого же великого князя все доспехи были побиты, на теле же его не было никакой раны, а бился он с татарами на первой схватке».

Постепенно вокруг Дмитрия Ивановича погибли все телохранители. Пал, сраженный стрелой, третий конь, и некому было привести князю нового. Выпутавшись из стремян убитого коня, великий князь оказался лицом к лицу сразу с четырьмя татарами. Трех из них он сразил мечом, но четвертый, ордынец гигантского роста, нанес князю несколько страшных ударов железной палицей. Дмитрий Донской упал и потерял сознание. Очнувшись через некоторое время, тяжело контуженный князь с огромным трудом дополз до дубравы, за которой скрывался Засадный полк, и вновь лишился чувств.

А битва между тем продолжалась по намеченной им схеме, хотя Мамай и внес в нее некоторые коррективы. Татарская конница, усиленная резервом, прорвала левый фланг русских и вышла в тыл Большого полка. Небольшой группе ордынцев удалось даже пробиться к великокняжескому стягу, подрубить его и убить находившегося при знамени боярина Бренка. Татары, вообразив, что убили самого князя Дмитрия, огласили воздух истошным радостным визгом. Однако долго радоваться им не пришлось: тяжеловооруженная конница Резервного полка ударила во фланг прорвавшимся татарам; одновременно из дубравы вылетели всадники Боброка и Владимира Серпуховского, нанешие им в спину удар сокрушительной силы.

Ликование татар сменилось ужасом — они поняли, что русские перехитрили их. Все правое крыло ордынского войска оказалось в кольце окружения. Судьба сражения была решена. Враг обратился в повальное бегство, а русские воины, дав волю веками копившейся ненависти, рубили бегущих и гнали их целых 40 верст до самой реки Красная Меча. Татары, в панике давя друг друга, бросались в воду и тонули. Спасти удалось немногим. Мамай, бежавший в числе первых, добрался до Крыма в сопровождении всего лишь девяти телохранителей.

Победа русских войск была невиданная, ошеломляющая. Несметная вражеская рать рассеялась, словно туман на Куликовом поле. Потери татар составили не менее 60 тысяч. Ягайло, не дошедший до места побоища всего 30 верст и узнавший о его исходе от лазутчиков, ретировался с удивительной скоростью.

Дружинники долго искали великого князя среди убитых и раненых. Когда его наконец нашли под березой на краю дубравы, Дмитрий Иванович уже начал приходить в себя. Известие о великой победе настолько обрадовало контуженного богатыря, что он тут же поднялся, преодолевая сильную боль, и потребовал рассказать ему о всех перипетиях битвы.

Победа на Куликовом поле, доставшаяся немалой кровью (русские войска потеряли около 20 тысяч человек убитыми и ранеными, в том числе 553 бояр и князей), нанесла сокрушительный удар ненавистному игу монголо-татар. Организатор этой победы, великий князь Дмитрий Иванович, своим ратным подвигом по праву стяжал славу выдающегося полководца и заслужил от благодарных современников почетное прозвище «Донской».

ГЛАВА 4

РЫЦАРСТВО
КЛАССИЧЕСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

«РУССКИЙ АНТИГЕРОЙ»

ИГОРЬ СВЯТОСЛАВИЧ

(1151—1202)

Главный герой знаменитого «Слова о полку Игореве» был истинным сыном своего времени. А время то было не из легких: Русь, раздираемая междоусобицами князей, не могла оказать решительного отпора внезапным набегам хищных половцев, опустошавших ее южные земли. Вина за это целиком ложится на русских князей, ставивших своекорыстные интересы выше интересов родины. Напрасно неизвестный автор гениального «Слова...» призывал их к объединению, показав на примере своего антигероя всю гибельность такой политики.

У Святослава, князя Северского и Черниговского, женатого на половецкой княжне (имя ее в летописи не упоминается), было три сына: Олег, Игорь и Всеволод. Отец воспитал из них хороших воинов, обучив верховой езде, фехтованию на мечах, стрельбе из лука, метанию копья и аркана. В 1164 году князь Святослав умер и братья Святославичи лишились Чернигова — город захватил другой русский князь, Святослав Всеволодович, впоследствии великий князь Киевский. Олег, старший из трех братьев, после смерти отца унаследовал Северское княжество, а Игорь и Всеволод, пока не имевшие уделов, жили у него.

Игорь Святославич, высокий, стройный, сероглазый, с длинными светлыми волосами и волевым подбородком, производил приятное впечатление. Он был женат на Ефросинье, дочери прославленного галицкого князя Ярослава Осмомысла. Этот брак подготовил еще покойный отец Игоря, стремившийся к дружескому союзу с сильным Галичем.

Молодой Игорь, рано познавший войну, активно участвовал в кровавой междоусобице русских князей. В 1169 году престольный Киев, «мать городов русских», впервые в истории подвергся штурму и разграблению. И не со стороны каких-то внешних врагов — грабили столицу и жгли церкви свои же, русские князья, сын и брат Андрея Бого-

любского. В составе их рати находилась и дружина Святославичей, которую вели Игорь и Всеволод. Ограбив славный древний город, братья вернулись домой с богатой добычей. С тех пор бывшая столица Древнерусского государства лишилась своей ведущей роли.

В 1179 году умер старший из Святославичей — Олег, и Святослав Всеволодович, новый киевский князь, утвердил Игоря в качестве Северского князя. Так Игорь Святославич сделался правителем небольшого княжества, граничившего со степью, главными городами которого были Новгород-Северский, Путивль и Курск.

Усобица продолжалась, и Игорь Святославич, вовлеченный в братоубийственную войну, выступил на стороне князя киевского Святослава Всеволодовича против коалиции русских князей, возглавляемой Всеволодом Большое Гнездо. В этой, равно как и в других междоусобицах, князья широко использовали помощь кочевников. Летом 1181 года князь Игорь вместе с половецким ханом Кончаком сражался у Днепра против объединенной армии дорогобужского князя Мстислава и черных клобуков. Половцы были разбиты, и союзники едва успели спастись от преследования, прыгнув в лодку, найденную у берега. Они вместе бежали до Новгорода-Северского. По дороге Кончак и Игорь поклялись друг другу в вечной дружбе, которую решили скрепить в будущем браком своих детей. Этой дружбе между половецким ханом и русским князем предстояло вскоре большое испытание.

*После побоища Игоря Святославича с половцами.
Картина В. М. Васнецова. 1880 г.*

По возвращении в родные кочевья Кончак задумал большой поход на Киев, сулящий богатую добычу. Готовился хан к походу основательно: собирал войска, выписал иноземных мастеров, искусных в изготовлении катапульта и стенобитных орудий. Однако сохранить свои замыслы в тайне Кончак не сумел — союзные Киеву торки, занимавшие пограничную зону между Русью и Степью, сообщили Святославу Всеволодовичу о перемещениях больших масс половецкой конницы, и киевский князь решил нанести врагу превентивный удар.

Летом 1184 года объединенная рать южнорусских князей во главе с самим Святославом Всеволодовичем выступила в поход, и 30 июля в битве на реке Орели разгромила авангардные отряды половцев, которые вел хан Кобяк. Впрочем, степняки, захваченные врасплох и прижатые к реке, не смогли оказать русским серьезного сопротивления. Семь тысяч половцев попали в плен. Кобяка постигло справедливое возмездие — его казнили за прежние набеги на Русь.

Гибель авангарда не остановила Кончака. В феврале 1185 года он двинул на Русь главные силы. По свидетельству русского летописца, половцы везли с собой изрядное количество катапульта, пороков, а также «луки, которые могли натянуть лишь 50 человек».

Лазутчики своевременно предупредили киевского князя и об этом наступлении. Святослав Всеволодович вновь повел русскую рать навстречу врагу. Перед выступлением он послал гонца к Игорю Святославичу, требуя присоединиться со своей дружиной к русскому войску. Но Северский князь, не участвовавший в первом походе против половцев, проигнорировал и второй. Половцы не угрожали его княжеству, так зачем же портить отношения с другом Кончаком? И тогда Игорь Святославич сочиняет сказку, чтобы оправдаться перед великим князем. В поход-то он, дескать, выступил, да вот незадача: на реке Суле его дружина попала в густой туман и сбилась с пути, так что пришлось возвращаться. Короче говоря, заплутали в трех соснах.

Надо думать, что подобное объяснение, полученное через гонца уже на марше, вряд ли удовлетворило киевского князя. Но теперь ему было не до Игоря — предстояло решающее сражение с половцами.

1 марта 1185 года у реки Хорол русские войска внезапно атаковали половецкий лагерь. Не выдержав стремительного натиска, Кончак бежал, бросив всю свою военную технику. Однако основные силы армии вторжения половецкий хан уберег. Понимая, что угроза для Киева сохраняется, Святослав Всеволодович запланировал еще один

поход, на этот раз в самое сердце половецких кочевий, с тем чтобы одним решительным ударом покончить с заклятым врагом. Всю весну он усиленно готовился к этому походу, вел переговоры с русскими князьями, одних уговаривал, других — страшал. Однако все планы великого князя пошли прахом из-за авантюры Игоря Святославича.

23 апреля 1185 года Северский князь вместе с братом Всеволодом, сыном Владимиром и племянником Святославом, князем Рьльским, выступив из Курска, начал свой сепаратный поход против половцев, ярко и образно описанный в «Слове о полку Игореве». Зачем же он это сделал и на что рассчитывал, имея не больше 5—7 тысяч бойцов?

Причин, побудивших Игоря Святославича выступить в этот поход, было несколько. Во-первых, страх перед гневом великого князя, не поверившего в его наивную сказку о туманах. А ведь могущественный Святослав Всеволодович, если расценит его действия как измену, может и удела лишить Северского князя! Стало быть, надо как-то реабилитироваться в его глазах. Вторая причина — богатая добыча, которую князь Игорь рассчитывал захватить в беззащитных половецких становищах. Все половецкие войска еще в марте находились на левобережье Днепра; там они, вероятно, и останутся, готовясь к очередному походу на Киев. Следовательно, князь Игорь, двигаясь на восток, может не опасаться встречи с ними. Третья причина — слава, которая достанется Северскому князю подешевке. С половцами у него мир, значит, нападения с его стороны они не ожидают. Вот такой коварный план созрел в голове князя Игоря, задумавшего прихлопнуть одним ударом сразу трех зайцев.

Через неделю, 1 мая, произошло событие, нагнавшее страху на дружину Игоря. Солнечное затмение в те далекие времена считалось зловещим предзнаменованием, предвестником большой беды. Русские воины остановились; многие потребовали повернуть назад, пока не поздно. И тут Игорь Святославич, человек несусеверный и трезво мыслящий, продемонстрировал ум и находчивость. Он подтвердил своим воинам, что затмение, конечно, очень дурной знак, да только не для них, а для врага. Ведь и половцы его видят! Так что все в порядке, можно продолжать поход. Дружинники, не зная, что возразить на это, понемногу успокоились и двинулись дальше.

Разведчики, высланные вперед, захватили пленного. Из его показаний стало ясно, что половцы, вопреки ожиданиям, осведомлены о приближении русского войска. Князь Игорь подосадовал, но возвращаться с пустыми руками, как предлагали воеводы, наотрез отказался:

— Если теперь мы, не бившись, вернемся — то стыд нам будет хуже смерти. Поедем на милость Божию.

10 мая за степной речкой Сюрлин показались половецкие кибитки. Русские дружинники с ходу атаковали кочевников, но те не приняли боя: побросав пожитки, они галопом ускакали в степь. Молодые и горячие князя гнались за ними до самого вечера, но только даром заморили своих коней. Усталые, они расположились на ночлег в захваченном становище.

Пробуждение было ужасным: вся степь сотрясалась от топота множества копыт и клубилась пылью от края и до края. Игорь Святославич сразу сообразил, что произошло — его расчеты оказались неверны, главные силы половцев находились неподалеку и теперь неудержимой лавиной неслись вперед, чтобы раздавить маленькое русское войско. Вели половцев два могучих хана: Кончак и Гза.

Мужественный князь не потерял голову. Игорь приказал дружине пробиваться на север. Но пешие ратники не поспевали за всадниками, и половецкая конница окружила русских у берегов Каялы. Здесь и произошло главное сражение. Перед боем Игорь Святославич обратился к воинам с гордыми словами:

— Братья! Этого мы искали, так дерзнем же. Стыд страшнее смерти.

Страшная сеча кипела весь день. Все атаки половцев были отбиты, но русским так и не удалось пробиться к реке. Заморенные и страдавшие от жажды кони плохо слушались седоков. Люди тоже очень устали — налеты половецких отрядов продолжались и ночью, поэтому никто из русских так и не смог сомкнуть глаз. Враг же, имевший подавляющее численное преимущество, бросал в бой свежие отряды.

Наутро сражение возобновилось с прежним ожесточением. Русские бились геройски, но сказывалась усталость и численное превосходство неприятеля. Князь Игорь рубился в первых рядах, подавая пример простым воинам. Всеволод бился как разъяренный тур, пока не сломал копьё и меч. Но постепенно сопротивление русских ослабевало, и к полудню наступил перелом. Один из полков не выдержал натиска половцев и побежал. Князь Игорь поскакал за беглецами, пытаясь их остановить, но был ранен в левую руку и выронил щит. Тут же несколько арканов взвились над его головой, и князя стащили с коня.

Через несколько часов все было кончено. Всеволод, Владимир и остатки войска сложили оружие. В плену у половцев оказались 5 тысяч дружинников. Так печально закончилась авантюра князя Игоря. Но

еще хуже было то, что с гибелью его войска в русской обороне открылась зияющая брешь, чем враги и не преминули воспользоваться.

К счастью, ханам не удалось договориться. Гза хотел напасть на беззащитное Северское княжество, Кончак же настаивал на походе на Киев. В результате половецкое войско разделилось, что спасло Русь от серьезной опасности. Кончак ударил по Переяславлю, но дойти до Киева не смог: великий князь отбросил врага. Разорив левобережье Днепра, хан ушел назад, в степь. Набег Гзы закончился полным провалом: он осадил Путивль, но взять его не смог. Киевский князь отправил сыновей на защиту Северской земли. Гза вовремя отступил, но отряд его сына, увлекшийся грабежом, был настигнут русичами и полностью истреблен. Жаждавший мести Гза вернулся в кочевья и потребовал у Кончака голову князя Игоря.

Игорю Святославичу не так уж плохо жилось в плену. Кончак заверил старого приятеля в дружбе, даже просватал свою дочь за сына Игоря, Владимира. Тем не менее за свое освобождение князь Игорь должен был заплатить большой выкуп — 2 тысячи гривен. Как говорится, дружба дружбой, а табачок врозь. Размер выкупа был определен и за других знатных пленников: за каждого князя по тысяче гривен, за каждого воеводу — по 200. Так что Кончак собирался хорошенько нагреть руки на этом деле, и кровожадное требование Гзы никак не соответствовало его финансовым расчетам. Между ханами назревал острый конфликт, грозивший перерасти в кровавую междоусобицу.

В сложившейся ситуации Игорь Святославич почел за благо не дожидаться в чужом пиру похмелья и склонился на уговоры некоего Лавра, о котором конюший Игоря говорил, что он «муж твердый, но оскорблен от некоторых половцев». Лавр уже давно уговаривал князя бежать, но Игорь, опасаясь, что тот подослан половцами, поначалу отказывался. Теперь же, видя, что жизнь его висит на волоске, князь решился. Побег удался, и уже через две недели Игорь Святославич обнимал Ефросинью, заливавшуюся слезами от счастья, — для нее год разлуки с любимым мужем показался вечностью.

Скорее всего, Кончак даже обрадовался такому исходу дела, ведь Северский князь был ему нужен как потенциальный союзник. Если Кончак и не способствовал его побегу, то уж во всяком случае не препятствовал — исчезновение яблока раздора разрядило конфликтную ситуацию. А вскоре возвратился домой сын князя Игоря, и не один, а с молодой женой — Кончаковной. Так дружба русского князя с половецким ханом выдержала испытание на прочность.

Великий князь Святослав Всеволодович не стал наказывать Игоря за его авантюру, ограничившись горьким упреком: «Не сдержали вы молодости своей и отворили ворота поганым в Русскую землю».

Испытывал ли при этом Игорь Святославич стыд и раскаяние? Хотелось бы в это верить. Точно известно лишь то, что в 1198 году, после смерти черниговского князя, Игорь Святославич унаследовал его княжество. Через четыре года наш антигерой, не совершив больше ничего, заслуживающего внимания, тихо скончался в славном городе Чернигове.

«ОТЕЦ ПАРЛАМЕНТА»

СИМОН ДЕ МОНФОР

(1208—1265)

Сын Симона де Мотора, предводителя крестового похода против альбигойцев, носивший то же имя, переселился в Англию и занял завидное положение при дворе Генриха Третьего. Женившись на дочери короля Элеоноре, Симон унаследовал графство Лестер и в течение четырех лет управлял английскими владениями в Гаскони. Высокое положение де Монфора вызывало зависть у королевских фаворитов, и тогда они оклеветали французского рыцаря. В 1252 году де Монфор попал под суд, и хотя ему удалось оправдаться, Генрих Третий лишил его занимаемой должности и подверг опале. Утратив позиции при дворе, Симон де Монфор перешел в оппозицию и возглавил мятежных баронов.

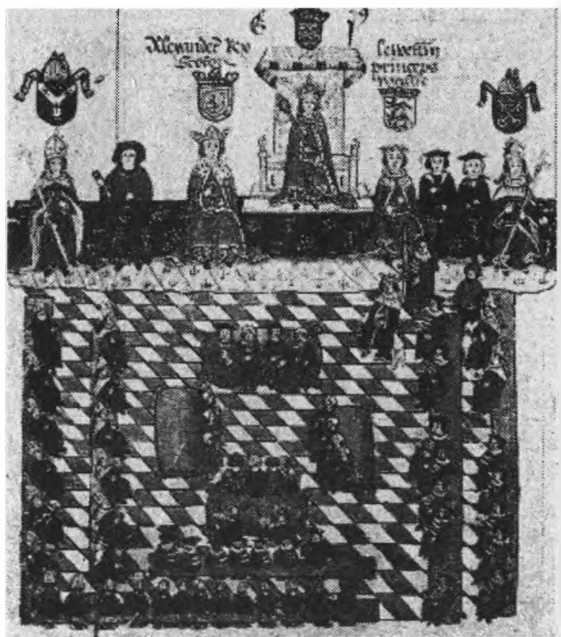
В середине XIII века народ Англии был крайне раздражен всевозможными денежными поборами и вымогательствами со стороны правительства. Аристократов же возмущало засилье иностранцев и французских родственников Генриха Третьего, которым король щедро раздавал деньги и земельные владения в ущерб английским лордам. Все это вызвало взрыв недовольства в стране.

В 1258 году бароны с отрядами своих вассалов и слуг собрались в Оксфорде и потребовали от Генриха Третьего изгнания всех иностранных советников, а также прекращения незаконных денежных поборов. Перепуганного короля заставили подписать «Оксфордские провизии» — документ, ставивший королевскую власть под контроль совета баронов. Баронский «Совет пятнадцати», возглавленный Симоном де Монфором, в течение некоторого времени фактически управлял государством.

В следующем году на собрании в Вестминстере рыцари обвинили баронов в том, что «они ничего не сделали на пользу государству, как обещали, и имеют в виду только собственную выгоду», и, в свою очередь, выдвинули ряд требований, направленных на защиту интересов рыцарства от произвола как со стороны короля, так и со стороны баронов. На основе этих требований возник новый документ, «Вестминстерские провизии», дополнивший баронские «Оксфордские провизии».

Часть баронов во главе с Симоном де Монфором, понимая, что без союза с рыцарями и горожанами не обойтись, поддержала требования рыцарей; другая же часть, имевшая своим вождем Ричарда Глостерского и стремившаяся к установлению баронской олигархии, выступила против «Вестминстерских провизий».

Так возник раскол в рядах оппозиции. Генрих Третий, воспользовавшись этим, обратился к папе, и тот освободил короля от необходимости соблюдать подписанные им вышеуказанные документы. Воспрянувший духом король в 1261 году изгнал министров и чиновников, назначенных «Советом пятнадцати».

Английский парламент. Средневековая миниатюра

После смерти Ричарда Глостерского вся баронская партия сплотилась вокруг Симона де Монфора. Так в июле 1262 года возникло двоевластие. В Англии практически сосуществовали два правительства: королевское и баронское. Такая ситуация не могла продолжаться долго — гражданская война стала неизбежной.

Пытаясь предотвратить вооруженное столкновение, Генрих Третий убедил мятежных баронов обратиться к третьей инстанции — к третейскому суду Людовика Святого, французского короля, славившегося любовью к справедливости. Людовик поддержал в этом конфликте короля Англии и объявил обе провизии незаконными. Однако его вердикт уже ничего не мог изменить, и весной 1264 года в королевстве разразилась гражданская война.

Симон де Монфор встретил превосходящие по численности королевские войска в графстве Суссекс и разбил их 14 мая 1264 года в битве при Льюисе. В начале сражения чаша весов склонялась в пользу роялистов. Принц Эдуард, старший сын английского короля, прорвал центр позиций де Монфора и долго преследовал бегущих пехотинцев. Но эта неудача не смутила талантливого полководца, поскольку в его распоряжении еще остались фланговые части, состоявшие из тяжелой рыцарской кавалерии. Рыцари одновременным ударом смяли левое и правое крыло королевских войск, и к тому времени, когда принц Эдуард, разгоряченный погоней, вернулся на поле битвы, судьба сражения была уже решена. Король, его брат и вся его свита оказались в плену, и принц Эдуард, окруженный со всех сторон, был вынужден также сложить оружие и присоединиться к пленникам. В ходе битвы Симон де Монфор, рискуя жизнью, принимал личное участие в атаке рыцарской конницы, был сбит с коня и вынесен из боя на носилках.

После битвы при Льюисе настоящим хозяином Англии стал Симон де Монфор. Он управлял страной, удерживая в плену слабовольного короля и гордого принца Эдуарда. В январе 1265 года де Монфор созвал собрание, на которое впервые были приглашены по два представителя от каждого графства и по два горожанина от наиболее значительных городов. Из крупных феодалов там присутствовали лишь 5 графов и 18 баронов. Это событие и принято считать началом английского парламента.

Симон де Монфор пользовался поддержкой рыцарей и горожан, но его положение не было стабильным. Многие бароны переходили в лагерь роялистов, обвиняя его в высокомерии и тираническом обра-

зе правления. Гилберт де Клэр, граф Глостерский, открыто обвинил де Монфора в присвоении доходов казны и имущества, конфискованного у побежденных сторонников короля.

Тучи начали сгущаться после бегства из плена принца. Эдуард после поражения при Льюисе дал слово не пытаться бежать, поэтому ему предоставили большую свободу. Принц часто выезжал на охоту и однажды не вернулся с нее, нарушив данное им слово. Он соединился с такими вождями роялистов, как де Клэр, Клиффорд и Мортимер.

Собрав значительные силы, сторонники короля возобновили военные действия против «мятежников». Они заняли долину Северна, оттеснив войска де Монфора в Южный Уэльс. Сын Симона де Монфора, шедший с большим отрядом на выручку отцу, попал в засаду у Кенилворта и погиб. Отец, не знавший о гибели сына, перешел Северн возле Вустера и, в свою очередь, угодил в ловушку у Ившема, где 4 августа 1355 года произошло решающее сражение.

Бой происходил под проливным дождем, в условиях разыгравшейся бури. Симон де Монфор бился как лев, но его небольшое войско не смогло устоять против рыцарской кавалерии принца Эдуарда. Почти все соратники де Монфора, как и он сам, героически пали на поле брани. Торжествующие роялисты принялись рубить пленных и добивать раненых, и едва не прикончили самого короля, которого де Монфор неотлучно держал при себе как ценного заложника.

Симон де Монфор погиб не напрасно: он дал жизнь английскому парламенту. Народ считал его святым мучеником, поскольку, по словам одного из современников, «...он пожертвовал не только своим имуществом, но и своей жизнью, чтобы освободить бедных от угнетения, водворить правосудие и свободу».

Рассказывали, что на могиле де Монфора творились разные чудеса, и люди толпами спешили туда, на поклонение новому святому чудотворцу. Король, обеспокоенный таким почитанием своего врага, даже издал специальный указ, «чтобы Симона де Монфора не считали ни святым, ни праведным и чтобы не распространяли слухов о производимых им будто бы чудесах». Однако этот королевский указ не достиг своей цели: как известно, думать по-своему людям не запретишь.

«ЗОЛОТОЙ КОРОЛЬ»
ОТТОКАР ВТОРОЙ

(ок. 1230—1278, король Чехии с 1253 г.)

Чешского короля Оттокара Второго из династии Пржемысловичей за его богатырскую силу соотечественники прозвали Железным королем, а немцы, которым он всегда покровительствовал и которые в конечном итоге его погубили — Золотым королем. Это почетное прозвище, подхваченное мещанами и евреями, и закрепилось за Оттокар-ом.

В 1251 году прекратилась династия Бабенбергов, и на престол Восточной марки (Австрии) знать пригласила Оттокара Второго, а через два года он унаследовал и престол Богемии (Чехии).

Если верить описаниям, Золотой король не мог похвастать привлекательной внешностью: он был среднего роста, плотного сложения, широкогрудый, смуглое лицо кровавой шелью пересекал неестественно большой рот. Летописцы отмечают такие качества его ха-

Оттокар II. Гравюра из средневекового манускрипта

рактера, как честолюбие, красноречивость и набожность. Оттокар славился личной храбростью; его тяжелые чешские рыцари считались непобедимыми, когда король вел их на врага. Однако, будучи прекрасным воином, он никогда не мог составить хорошо продуманного плана военной кампании, похода или сражения.

Двор Золотого короля блистал пышностью и великолепием; даже слуги шеголяли в роскошных одеждах. Сын немки, Оттокар всегда тянулся к немецкой культуре. При дворе, наполненном немецкими рыцарями и миннезингерами, говорили и одевались только по-немецки. Король ввел в своих городах немецкое право, а один новый город, ставший впоследствии главной цитаделью Пруссии, тевтонские рыцари назвали в его честь Кенигсбергом («королевским городом»), Оттокар поддерживал агрессию Тевтонского ордена против язычников-прибалтов, и сам дважды (в 1254-и 1267 гг.) вместе с немецкими и чешскими рыцарями предпринял крестовые походы против пруссов и литовцев. Но эти походы не принесли ему ничего, кроме воинской славы.

Пока Оттокар развлекался крестовыми походами, над его собственными владениями нависла угроза. Венгерский король Бела Четвертый вознамерился отобрать у него Австрию. Заключив союз с Болеславом Краковским и Даниилом Галицким, король Бела выставил против Золотого короля огромную рать, набранную из венгров, сербов, валахов, греков и татар — всего до 150 тысяч. Оттокар смог противопоставить этой орде лишь около 90 тысяч бойцов. Однако его армия, ядро которой составляла «железная дружина» из 7 тысяч чешских рыцарей, отличалась большей монолитностью и дисциплинированностью.

В сражении 12 июля 1260 года у деревни Кройсенбург венгерский король потерпел жестокое поражение: 18 тысяч его солдат были изрублены на месте и еще 14 тысяч утонули в реке Мораве, совершенно запрудившейся трупами венгров. В результате король Бела не только не получил Австрии, но и потерял Штирию, ранее принадлежавшую Пржемысловичам. Чтобы умиловить победителя, он даже выдал за Оттокара свою красавицу внучку Кунигунду. Не довольствуясь этими приобретениями, Золотой король отнял еще у немцев Каринтию и Крайну (1359). Германия, раздираемая в это время междоусобицами и не имевшая даже императора, не смогла оказать завоевателю достойного сопротивления.

В 1273 году Золотой король находился в зените славы и могущества. Его владения раскинулись от Рудных гор до Адриатики. Каза-

лось, в центре Европы возникает новая, чешская империя. Но у колосса оказались глиняные ноги.

В том же году в Германии закончился период междуцарствия. Новым императором «Священной Римской империи германской нации» был избран Рудольф Габсбургский, человек, отличавшийся бульдожьей хваткой. В 1275 году, председательствуя на имперском сейме в Аугсбурге, новый император в ультимативной форме потребовал от Золотого короля вернуть имперские лены — Австрию, Штирию, Каринтию и Крайну. Оттокар, разумеется, ответил на это презрительным отказом. Тогда в 1276 году ему была объявлена имперская опала, что означало освобождение его подданных от повиновения Золотому королю.

Оттокар с самого начала не признавал избрания Рудольфа. Однако ему пришлось столкнуться с массовой изменой в своем ближайшем окружении, принявшем сторону германского императора. Римский папа также настойчиво советовал Оттокару выполнить требование Рудольфа. В 1276 году был заключен Венский мир: Золотой король признал Рудольфа императором и вернул ему все требуемые территории. После этого он, преклонив перед императором колени, получил от него, как от своего сюзерена, в ленное владение королевство Богемия и маркграфство Моравию. Один из епископов пошутил по этому поводу: «Хорошенько держись на своем престоле, Боже наш, не то граф Габсбург и тебя сбросит!»

Однако все, знающие честолюбие Золотого короля, прекрасно понимали, что он будет мстить за унижение, и поэтому рассматривали Венский договор не как мир, а только как перемирие. И действительно, обе стороны усиленно готовились к войне. Летом 1278 года нетерпеливый Оттокар, не дожидаясь союзников, выступил с 30-тысячным чешским войском по направлению к Дунаю. Плохо продумав план кампании, чешский король потерял много времени на осаду встречающихся на его пути замков. Это позволило Рудольфу стянуть под свои знамена значительные силы: помимо отрядов немцев, австрийцев и штирийцев, на стороне императора выступила венгерская и половецкая конница. Впрочем, противники, сошедшиеся для решающей битвы у деревни Дюрренкруте, близ берегов Моравы, имели примерное равновесие сил.

28 августа, перед битвой, мудрый Рудольф, дабы воодушевить своих воинов, поведал им о своем сне: ему будто бы приснилось, как имперский орел выклевал глаза чешскому льву. Немецкие и австрийские солдаты, вдохновленные нехитрой выдумкой, нашили на пла-

ши красные кресты, построились и с криками: «Христос!» изготовились к бою. Сам император, в доспехах простого рыцаря, встал в их ряды.

Чешские рыцари вступили в сражение с белыми крестами и кличем: «Прага!» Золотой король, презирая опасность, гордо встал впереди своего войска. Мрачный и неразговорчивый в этот день, он бился с неистовством, словно лев, сошедший с королевского герба чехов. Его армия расположилась левым флангом к Мораве, а правым — к закату солнца, выгнувшись длинной дугой-полумесяцем по направлению к противнику. В резерве у чехов находился отборный отряд под командованием Милоты Дедицкого, наместника Моравии. Немцы встали клином; наиболее сильный полк Гогенцоллерна располагался при этом на левом крыле.

Атаку начала тяжелая рыцарская конница чехов, могучим натиском прорвавшая центр немецкой армии. Правое крыло немцев смял полк Оттокара. Император Рудольф, находившийся здесь, был сбит с коня, но телохранители успели прикрыть его щитами и оттащить в тыл. Левое крыло Гогенцоллерна держалось.

Наступил решающий момент сражения. Удар резерва принес бы чехам победу, но изменник Милота неожиданно обратился в бегство вместе со всем резервным отрядом. Гогенцоллерн воспользовался замешательством чехов, вызванным этим вероломным предательством, и перешел в контратаку, охватывая правый фланг противника. Чехам, вынужденным развернуться, чтобы отразить его нападение, солнце ударило прямо в глаза. Тут в битву вступила венгерская и половецкая конница, прижавшая воинов Оттокара к реке. Теперь исход сражения ни у кого уже не вызывал сомнений.

Золотой король, не желая видеть разгрома своего войска, с десятком рыцарей ринулся в самую гущу врагов. Он еще успел зарубить нескольких немцев, прежде чем его сбили с коня. В таком беспомощном состоянии и застал Оттокара австрийский рыцарь Бертольд из Эмерберга, брата которого чешский король когда-то казнил. Яростный мститель набросился с кинжалом на распростертого короля и нанес ему 17 ранений, а затем сорвал о него одежду и надругался над обнаженным трупом. Император Рудольф сурово отчитал недостойного рыцаря, и приказал отправить останки Золотого короля в венский монастырь, а уже оттуда набальзамированное тело перевезли в Прагу.

Со смертью Оттокара Второго величие Чехии рухнуло. Последний из династии Пржемысловичей. Вацлав Третий, пал в 1306 году от рук

наемного убийцы. Страна на долгие века попала под тяжкий гнет немецкого сапога.

«ГЕРОЙ ШОТЛАНДИИ»

УИЛЬЯМ УОЛЛЕС

(1272—1305)

Со времен Генриха Второго (1154—1180) английские короли считали себя сюзеренами Шотландии и постоянно вмешивались во внутренние дела этой горной страны. Гордые шотландцы ненавидели англичан, навязывавших им свои порядки и нравы, унижавших их национальное достоинство. Особенно нестерпимым гнет чужеземцев стал при Эдуарде Первом (1239—1307), надменном и чрезвычайно властном английском короле. Используя династическую неразбериху, вызванную в Шотландии смертью Александра Третьего (1286), Эдуард поддержал одного из претендентов на престол, Джона Баллиола, и превратил его в свою марионетку.

Уильям Уоллес. Гравюра XIX в.

Наконец терпение шотландцев лопнуло, и они вступили в союз с Францией, воевавшей тогда против Англии. Раздраженный Эдуард вызвал Джона Баллиола в Бервик для объяснений, но шотландская знать не отпустила своего короля на эту встречу. Сочтя это объявлением войны, английский тиран в гневе обрушился на ни в чем не повинный Бервик и предал город огню и мечу. Тысячи горожан были казнены. В ответ на зверства англичан шотландский герой Уильям Уоллес первым поднял знамя борьбы за национальную независимость.

Молодой, отчаянно храбрый и ловкий, Уоллес быстро стал любимым вождем бедных шотландских крестьян и горожан. Видя его успехи, к Уоллесу присоединилось и рыцарство. Народный герой освободил юго-запад страны, изгнав оттуда английских солдат и попов. Из неорганизованной массы отважных бойцов он выковал стойкую, неустрашимую армию, спаянную железной дисциплиной. Эту армию он разделил на тысячи, сотни, десятки и пятерки, назначил в каждом из этих подразделений командиров, обладавших большой властью — неподчинение своему командиру каралось смертной казнью. Основу армии составляли пехотинцы-копейщики, а отряды конницы Уоллеса были крайне малочисленны, поскольку у бедных шотландцев коней не водилось.

Первая крупная битва армии Уоллеса с англичанами произошла в сентябре 1297 года у Стерлинг Бридж. Командующий Северной армией англичан Уоррен, граф Суррейский, двигаясь на Стерлинг, подступил к длинному мосту через реку возле аббатства Камбускеннет. Английские солдаты, теснясь и толкаясь на узком мосту, начали переправу. Вражеское войско растянулось от одного берега до другого, чем и воспользовался поджидавший в засаде Уоллес. Во главе своих отважных копейщиков он устремился на английский авангард, уже успевший перейти мост. С развевающимися на ветру длинными волосами, с боевой раскраской на лице, с окровавленным топором в руке, Уоллес поверг в трепет вражеских солдат. Талия Уоллеса была перехвачена ремнем, сделанным из кожи убитого им английского сборника налогов. С громким воплем ненависти ворвался он в ряды англичан, снося головы с плеч и отрубая кисти рук, а за ним двигалась стена шотландцев, густо ошетилившаяся копьями.

В жаркой схватке английский авангард из 5 тысяч человек был уничтожен. Весь предмостный плацдарм покрылся горами их трупов, а оставшиеся в живых в панике бежали через мост на противо-

положный берег. Уоррену пришлось уводить свою деморализованную армию подальше от места боя. Уоллес же, развивая успех, перешел в наступление. При его приближении гарнизоны многих крепостей позорно бежали — такого страха нагнал на англичан Уоллес. Его армия освободила большую часть страны, и лишь на побережье Твида англичане кое-как наладили линию обороны.

События в Шотландии заставили Эдуарда Английского внести серьезные коррективы в свой внешнеполитический курс. Понимая бесперспективность войны на два фронта, Эдуард Первый поспешил подписать мир с Францией, скрепив его двойным брачным союзом: сам король женился на сестре Филиппа Красивого, Маргарите, а своего наследника, Эдуарда Карнарвонского, обручил с его дочерью Изабеллой. Теперь английский король мог сконцентрировать все силы для борьбы с мятежными шотландцами.

Эдуард Первый лично возглавил английскую армию. В 1298 году при Фолкирке состоялось решающее сражение с шотландцами. Армия Уоллеса заняла оборонительные позиции и отбила несколько атак рыцарской конницы, нанеся ей большие потери. Долгое время англичанам никак не удавалось взломать оборону шотландских пехотинцев, и тогда Эдуард приказал лучникам, расставленным среди второй линии кавалерии, пробить бреши в рядах шотландцев.

Знаменитые английские стрелки хорошо справились с поставленной задачей. Как только в результате убийственного обстрела оборонительные порядки шотландцев были нарушены в нескольких местах, туда тотчас же вклинились английские рыцари. Грозные копыта шотландцев стали после этого бесполезны, и армия Уоллеса потерпела сокрушительное поражение.

Разбитые при Фолкирке шотландцы не были побеждены: Уоллес развернул широкомасштабную партизанскую войну против захватчиков. Англичане не знали покоя ни днем, ни ночью. Представители шотландской знати, перешедшие на сторону врага, жили в постоянном страхе — многих из них постигла беспощадная месть народного вождя. В течение целого ряда лет Уоллес возглавлял сопротивление своего народа, но предательство погубило шотландского героя — в 1305 году он был захвачен англичанами и после жесточайших пыток казнен в Тайберне.

Казнь любимого вождя вызвала в стране новый взрыв возмущения. Дело Уоллеса не пропало, его продолжил и довел до победного завершения другой герой шотландского народа — Роберт Брюс.

«СЕРДЦЕ БРЮСА»

РОБЕРТ БРЮС

(1274—1329, король Шотландии с 1306 г.)

Эстафету борьбы с английскими завоевателями принял от Уильяма Уоллеса Роберт Брюс, потомок знатного клана, состоявшего в родстве с древней династией шотландских королей, прекратившейся в 1286 году со смертью Александра Третьего. Волевой и решительный борец за свободу, этот человек стал символом национального единения шотландцев. Собственноручно устранив вождя, предавшего национальные интересы и перешедшего на службу к врагам, Роберт Брюс торжественно короновался в Скоуне в 1306 году. Так вновь было поднято знамя шотландского сопротивления.

Престарелый Эдуард Английский, «Сокрушитель скоттов», как его называли, летом 1306 года выступил в поход и разбил войска шотландцев. Роберт Брюс укрылся на острове Ратлин, где провел около года. Этот период его жизни овеян легендами.

*Битва англичан с шотландцами во главе с Робертом Брюсом в 1314 г.
Из Хроник Жана Фруассара. XIV в.*

Одна из легенд повествует о том, как Роберт Брюс укреплял свою волю, наблюдая за кропотливой работой паука. Так же, как ратлинский паук, якобы предсказавший Брюсу победу над англичанами, шотландский король терпеливо сносил все невзгоды и упорно ковал грядущую победу. С тех пор в роду Брюсов пауки считаются священными.

Весной 1307 года король-изгнанник вернулся в Шотландию, и пламя восстания вновь охватило всю страну. К этому времени грозный Эдуард Первый уже сошел в могилу, а английский престол унаследовал его слабовольный и развращенный наследник, Эдуард Второй.

Летом 1314 года во главе сильной армии, насчитывавшей не менее 3 тысяч рыцарей и 25 тысяч пехотинцев, английский король переправился через Твид. Десятитысячное войско шотландцев, ядро которого по-прежнему составляли отважные копейщики, встретило противника 24 июня у Баннокберна.

Трехкратное численное преимущество англичан ничуть не смутило Роберта Брюса, проявившего себя талантливым военачальником и умелым, бесстрашным рыцарем. Во время стычки у замка Стерлинг, имевшей место накануне решающего сражения, Роберт Брюс с несколькими бойцами остановил отряд валлийской пехоты, возглавляемый рыцарем Генрихом де Боэном. Тогда солдаты обеих сторон стали свидетелями короткого поединка между английским рыцарем и шотландским королем. Брюс, пеший, с боевым топором в руке, спокойно поджидал летящего на него всадника. Когда англичанин приблизился, король одним ловким движением отбил в сторону копье де Боэна, а затем, круто развернувшись, вонзил ему топор между лопаток. Видя, с какой легкостью Брюс разделался с англичанином, шотландцы окончательно уверились в своем вожде и ожидающей их победе.

Столь же блестяще Роберт Брюс действовал и в качестве полководца. Фланги шотландского войска надежно прикрывались густым лесом, а на равнине перед позициями воины по приказу предусмотрительного вождя заранее выкопали множество небольших ям, тщательно замаскированных ветками и дерном. Немногочисленный отряд конницы, имевшийся в его распоряжении, Брюс использовал для охраны армии от возможных вылазок неприятельских лучников, а тысячу наиболее слабовооруженных горцев он укрыл за соседними холмами.

Сражение при Баннокберне развивалось сначала по обычному сценарию: шотландцы, укрепившиеся на холме, оборонялись, а рыцарская конница англичан атаковала, пытаясь смять оборону копей-

щиков. Замаскированные ямы-ловушки стали весьма неприятным сюрпризом для рыцарской кавалерии: угодив в них, лошади падали, ломая ноги и сбрасывая всадников. Однако часть конницы, счастливо избегнувшая ловушек, врзалась в ряды копейщиков, и тогда «...поднялся ужасный оглушительный шум от раскалывающихся копий и ржания гибнущих коней».

Лучники англичан, пытаясь поддержать атаку рыцарей, послали в воздух тучу стрел, но тем самым нанесли больший урон своим, чем шотландцам — выбрать конкретную цель в перемешавшейся по фронту массе бойцов не представлялось возможным. Тогда лучники попробовали подобраться к шотландцам с левого фланга, но Брюс, внимательно наблюдавший за их перемещениями, тотчас выслал против них конницу. Понесся большие потери, лучники были вынуждена отойти.

Битва кипела уже несколько часов, но никто из противников не имел решающего перевеса. И тут, по специальному приказу, вершины холмов справа от англичан покрала толпа горланящих бойцов — это была тысяча, спрятанная в засаде. Размахивая знаменами, топорами и дубинами, шотландцы лавиной хлынули на опешившего врага. Эдуард, решив, что к Брюсу подошло большое подкрепление, подал сигнал к отступлению. Англичане попятнулись, а затем побежали. Шотландцы долго преследовали бегущих, нанося врагу тяжелый урон.

Впервые после битвы при Гастингсе англичане потерпели такое страшное поражение, и хотя война продолжалась еще до 1323 года, ее исход уже ни у кого не вызывал сомнений. Результаты победы при Баннокберне были закреплены Нортгемптонским договором 1328 года, который англичане прозвали «постыдным». Шотландия обрела независимость, а Роберта Брюса английское правительство официально признало королем Шотландии к северу от Твида. Так Брюс довел до победного конца борьбу, начатую еще Уильямом Уоллесом.

Король Шотландии умер в следующем, 1329 году. Верный соратник Брюса, Черный Дуглас, поместил его сердце в серебряную шкатулку и отправился в Святую землю, чтобы захоронить его там, согласно завещанию любимого вождя. Однажды странствующий рыцарь оказался в каком-то испанском порту, где стал свидетелем битвы христиан с маврами. Арабы сильно теснили испанцев, и Черный Дуглас устремился на помощь единоверцам. Ворвавшись в гущу сражающихся, он метнул шкатулку с сердцем в ряды мавров и вскричал: «Вперед, отважное сердце, как ты всегда хотело! Дуглас последует за тобой или умрет!» Испанцы в этом бою одержали победу, но Черный Дуглас погиб в самом конце сражения.

Неизвестно, насколько правдива эта романтическая история, поскольку существует и другая версия, согласно которой местом погребения сердца Брюса стало аббатство Мелроуз на побережье Твида, расположенное в 60 километрах к югу от Эдинбурга.

«КАПИТАН КАТАЛОНЦЕВ»

РОЖЕР ДЕ ФЛОР

(? —1310)

В европейских войнах средневековья немалую роль играли так называемые кампании — вооруженные отряды наемников, всегда готовых за хорошую оплату сражаться против кого угодно. К таким подразделениям наемников относилась и «каталонская кампания» во главе с бравым капитаном Рожером де Флором.

Немец по происхождению, капитан Рожер, бесшабашный и отчаянный авантюрист, отличился во время Сицилийской Вечерни (1282) — восстания сицилийцев против французских оккупантов Карла Анжуйского. Восставшие действовали в союзе с Педро Арагонским, в войске которого находились и наемники капитана Рожера.

Восстание успешно завершилось. Французов изгнали с острова, а Педро Арагонский стал королем Сицилии. После победы наемники остались не у дел. Они, привыкшие жить грабежом и насилием, не могли существовать в условиях мира. Война была не только их профессией, но и образом жизни. Поэтому Рожер де Флор занялся поисками нового заказчика, и в 1300 году предложил свои услуги византийскому императору Андронику Второму.

С конца XIII века серьезную опасность для малоазийских владений Византии представляли турки-османы. Старший сын и соправитель императора, Михаил, отправленный на войну против турок, потерпел позорное поражение. Для Византии возникла угроза потери всей Малой Азии. Император был в страшной тревоге.

Именно в такой критический момент последовало предложение Рожера де Флора, обещавшего привести с собой целую армию головорезов для борьбы с турками. За свои услуги Рожер заломил невероятную цену. Он потребовал, во-первых, немедленно выплатить огромную сумму денег для содержания его «каталонской кампании»; во-вторых, даровать ему титул мегадуки (генерала армии); и в-третьих,

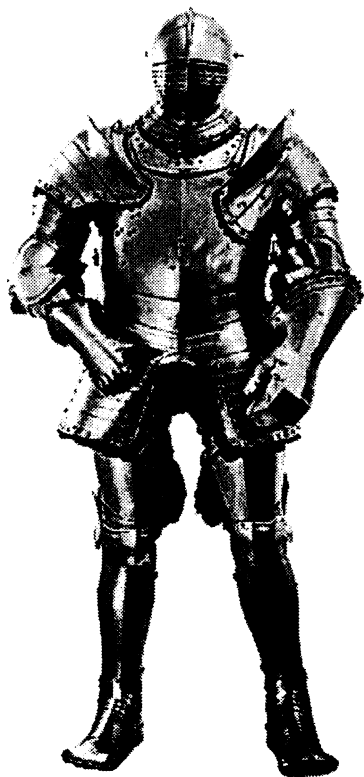
племянницу императора себе в жены. Андроник Второй, возмущенный невероятно дерзкими условиями авантюриста, тем не менее был вынужден принять их — турки не оставляли ему иного выбора.

В 1301 году Рожер де Флор, со всей своей компанией наемников численностью до 10 тысяч человек, торжественно прибыл в Константинополь. Каталонцы, как обычно, притащили с собой целый выводок жен, детей, любовниц и священников, поэтому количество бойцов в компании не превышало 3—4 тысяч. Вскоре состоялась пышная церемония бракосочетания Рожера с племянницей императора. По завершении свадебных торжеств бывший капитан, а теперь генерал империи, получив под командование сильный византийский отряд, в сопровождении объединенной армии переправился в Малую Азию, где турки-османы осаждали Филадельфию.

Успех военных действий армии де Флора превзошел все ожидания: Филадельфия была освобождена от осады, после чего турки, разбитые в нескольких сражениях, отступили от границ империи. Но наемники есть наемники, и вскоре местное население засыпало жалобами чиновников империи — жестокость, наглость и грабежи каталонцев не знали удержу.

Вот что писал английский историк Финлей о походе де Флора: «Экспедиция каталонцев на Восток является удивительным примером успеха, который иногда сопровождает карьеру грабительства и преступления, наперекор всем обычным правилам человеческого здравого смысла».

Аппетиты победоносного капитана каталонцев стремительно росли — вскоре он потребовал от императора титул кесаря (главнокомандующего), а также намекнул на то, что был бы не прочь получить во владение какое-либо княжество в

Рыцарские доспехи. Историческая реконструкция

Малой Азии, разумеется, на условиях вассальной зависимости от Византийской империи.

Между тем настойчивые жалобы подданных при ослаблении турецкой опасности вынудили Андроника Второго отозвать каталонцев из Малой Азии. Теперь император был готов распрощаться с каталонскими головорезами и их ненасытным предводителем. Однако наемники не собирались покидать пределов Византии. Захватив Галлипольский полуостров, они потребовали премиальных за удачно проведенную военную кампанию. Тогда император Андроник прибег к чисто византийскому коварству. Он ласково принял Рожера де Флора, даровал ему высокий титул кесаря и пообещал выполнить все прочие требования наемников. Через несколько дней старший сын императора, Михаил, под благовидным предлогом пригласил нового кесаря к себе в Адрианополь на пир. Рожер де Флор прибыл туда с небольшим отрядом. Во время пира по знаку, данному Михаилом, византийские солдаты набросились на пьяных каталонцев и перебили их всех. Сам Рожер де Флор, с мечами в обеих руках, долго отбивался от наседавших солдат и был убит лишь выстрелом в спину. После этого началось избиение каталонцев в Константинополе и других городах империи.

Учиненная резня привела в ярость основной отряд наемников, сосредоточенный у Галлиполи. Жаждавшие мщения, каталонцы огнем и мечом прошли по Фракии и Македонии, грабя и разрушая города, села и монастыри. Из Фессалии через знаменитое Фермопильское ущелье они попали в Среднюю Грецию, и в 1311 году, разгромив французов на реке Кефиссе, захватили Афинское герцогство. Там они и осели, утвердив свое господство на целых 70 лет.

В Греции каталонцы оставили по себе недобрую память — эллины не забыли их жестокостей и притеснений. Само слово «каталонец» стало в Греции почти ругательным, синонимом «варвара, дикаря, бандита».

«РЫЦАРЬ КОРОЛЕВЫ»

РОДЖЕР МОРТИМЕР

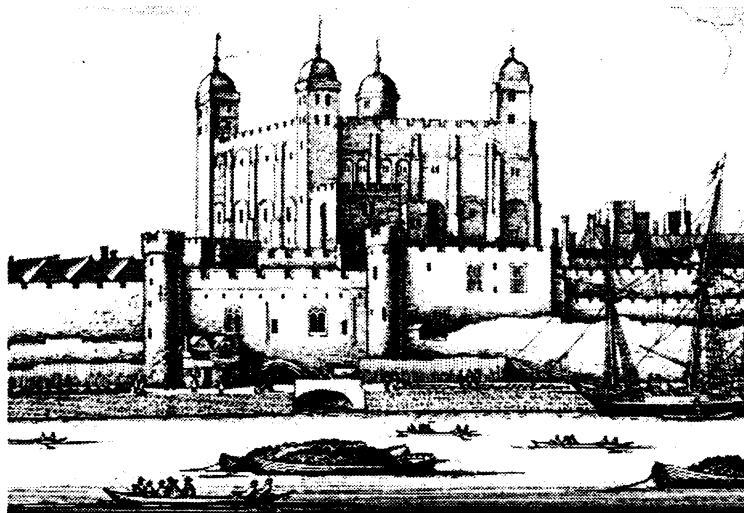
(1287—1330)

Роджеру Мортимеру, барону Вигморскому, сеньору Уэльской марки и королевскому наместнику в Ирландии, довелось в полной

мере испытать превратности судьбы, стремительно вознесшей его на самые вершины и сделавшей властителем Англии лишь затем, чтобы не менее стремительно низвергнуть с этого пьедестала и обратить во прах.

Покоритель Ирландии имел мужественное лицо с резкими чертами. Стальной взгляд серых глаз, густые брови, гордая спокойная осанка — весь облик этого рыцаря выдавал в нем храброго, решительного и волевого человека. Держался он так величественно, словно был принцем крови.

Роджер Мортимер ненавидел и презирал короля Эдуарда Второго. В этом он не был одинок, его чувства разделяли многие бароны королевства. Они поначалу лишь посмеивались над противоестественными склонностями Эдуарда — возвеличив Диспенсеров, король предавался любовным утехам с Диспенсером-младшим, в то время как его отец, Диспенсер-старший, фактически управлял страной. Но когда фавориты стали протягивать жадные руки к их владениям, презрение баронов обратилось в лютую ненависть. В 1321 году заговор баронов, в котором участвовал и Мортимер, возглавил Томас Ланкастер, один из знатнейших аристократов королевства. Вспыхнул мятеж. Однако мятежникам не повезло: королевские войска разгромили их в битве при Шрусбери. Главарию заговорщиков отрубили голову, а Роджера Мортимера заточили в Тауэр пожизненно.

Лондонский Тауэр. Гравюра XVII в.

Долго тянулись бессонные тюремные ночи, которые скрашивали лишь мечты и грезы о прекрасной возлюбленной — королеве Изабелле. Роджер хорошо знал, как страдает несчастная королева рядом со своим женоподобным супругом. Узник понимал, что по ночам Изабелла так же одинока, как и он сейчас, а король тем временем расточает отвратительные ласки широкобедрому Гуго Диспенсеру. И еще Роджер помнил ее взгляд, как бы невзначай коснувшийся его там, в Виндзоре. В этом взгляде молодой женщины он прочел и любовь, и тоску, и призыв...

Уже два года длилось его заточение, но Мортимер не падал духом, рассчитывая на помощь друзей. Среди офицеров Тауэра было немало людей, ненавидевших коменданта крепости и короля Эдуарда. И вот однажды, когда охрана перепилась, перед Роджером распахнулась дверь камеры.

Он бежал во Францию, к своему кузену Жану де Фиенну. Затем, спасаясь от ищеек короля Эдуарда, перебрался в Париж, где встретил многих соотечественников — изгнанников или таких же беглецов, как он. Карл Валуа, дядя французского короля Карла Четвертого, оказывал им свое высокое покровительство.

Согласно данному им обету, Роджер Мортимер носил во Франции только черную одежду, как траур по утраченной родине. Мрачный, решительный Мортимер скоро стал вождем английских изгнанников, чувствовавших в нем непреодолимую внутреннюю силу. Так же как и Роджер, они мечтали о возвращении на родину и свержении ненавистного Эдуарда. А пока мстили ему здесь, во Франции, где английский король имел обширнейшие владения. Так, в августе 1324 года мятежные англичане во главе с Мортимером участвовали в победоносном походе французских войск против Гиени и в осаде Ла Реоля. А вскоре в руках у французов оказалась почти вся Гасконь.

Счастье все-таки улыбнулось Мортимеру — вести мирные переговоры вызвалась королева Англии Изабелла, сестра французского короля. Влюбленные встретились в Лувре. Королева, видевшая в Мортимере истинного рыцаря, Ланселота или Персиваля, сама призналась ему в любви. Их первый вечер, проведенный в покоях Роджера, закончился клятвой на крови — любовники, порезав себе грудь и прижавшись сердцами, поклялись друг другу не расставаться во веки. С тех пор везде и повсюду их видели вместе. Влюбленные не скрывали своих чувств, а если бы и скрывали, блеск счастливых глаз выдал бы их. Но никто при французском дворе не осуждал Изабеллу — во-первых, потому, что все прекрасно знали об унижениях и ос-

корблених, выпавших на ее долю в Англии; а во-вторых, потому, что ее избранник пользовался всеобщим уважением.

Роджер и Изабелла готовились к решающей схватке со своим главным врагом — королем Эдуардом. Для начала королева сделала весьма ловкий ход: она затребовала во Францию своего двенадцатилетнего сына и наследника английского престола, Эдуарда. Повод для этого нашелся — принц должен был принять от Гаскони оммаж (феодалную присягу верности). Как только наследник оказался во Франции, любовники смогли действовать от его имени, что давало им в руки главный козырь. Обручив юного принца с дочерью голландского графа, Иоанна Геннегау, королева и ее верный рыцарь получили и второй козырь: граф дал им солдат, чтобы поддержать притязания своего будущего зятя. Теперь у любовников было войско, достаточное для осуществления их замыслов — около 3 тысяч голландских и английских рыцарей.

В сентябре 1326 года армия Изабеллы и Роджера высадилась в английском порту. Как только весть об этом разнеслась по стране, к ним присоединилась целая армия баронов и рыцарей под предводительством Генриха Ланкастера. Могущество Эдуарда Второго растаяло в одночасье, его приказам никто не подчинялся. Напрасно король издавал ордонансы вроде следующего:

«...Все, кто поднимет оружие против захватчиков, получают немалое вознаграждение, а тому, кто принесет королю труп Мортимера или хотя бы его голову, обещана награда в тысячу фунтов стерлингов».

Подобные обещания только повысили рейтинг Роджера. Рыцари переходили на его сторону, а горожане Лондона оставались пассивными свидетелями происходящего, не собираясь защищать презренного короля, погрязшего в содомском грехе. Покинутый всеми, кроме своего верного Диспенсера-младшего, король Эдуард бежал, найдя приют в аббатстве Нис. Но через несколько недель его нашли и арестовали. Диспенсеров вздернули на виселице, а Эдуарда заключили в замок Беркли. Там низложенный король отрекся от престола в пользу своего сына. Там его и убили весьма оригинальным способом: раскаленный докрасна железный прут вставили в анальное отверстие и прожгли бедняге все внутренности. Такой необычный способ избрали для того, чтобы объяснить смерть бывшего короля естественными причинами — никаких видимых следов это убийство не оставило, а делать вскрытие никому и в голову не пришло.

Любовники победили. Они жестоко расправились с врагами и могли теперь упиваться победой, любовью и властью. Хотя королем

считался 15-летний Эдуард Третий, а регентшей — его мать Изабелла французская, настоящим властителем Англии в течение четырех лет был Роджер Мортимер. Юный король еще не имел никакого влияния, а страстно влюбленная королева исполняла все желания своего обожаемого рыцаря.

Роджер Мортимер проявил себя властолюбивым и деспотичным правителем. В 1328 году он, желая упрочить свое высокое положение, потребовал от парламента, собравшегося в Солсбери, присвоить ему титул графа Марч. Свое требование Мортимер подкрепил отрядом вооруженных лучников, введенных им в здание парламента. Это была неслыханная дерзость.

Внешняя политика Роджера и Изабеллы вызывала еще большее недовольство английских баронов, поскольку она характеризовалась рядом уступок Франции и Шотландии. По договору 1327 года Англия обязалась возместить французам военные издержки и передать им большую часть своих владений в Аквитании. Договор 1328 года с Шотландией, который называли не иначе как «постыдный Нортгемптонский договор», был еще унижительнее: правительство признавало Брюса королем к северу от Твида и отказывалось от всех дальнейших притязаний на шотландские территории.

Подобные крайне непопулярные меры оттолкнули от Мортимера даже его вчерашних сторонников. А тот словно специально подливал масла в огонь. Мало того, что он пролил кровь короля, надменный временщик приказал еще казнить брата короля, графа Кентского. Это уж было чересчур. Английские бароны возненавидели тирана и составили против него заговор. В заговоре участвовали знатные аристократы — лорды Монтегю, Клинтон, Моулинс, Стаффорд, Хаффорд, Хорнеби, братья Боухэн и другие, а руководил ими не кто иной, как Генри Ланкастер, бывший союзник Мортимера. Для обеспечения успеха переворота мятежники решили перетянуть на свою сторону молодого Эдуарда Третьего. Сделать это оказалось совсем нетрудно.

В 1330 году молодому королю исполнилось уже 19 лет, он был женат и имел наследника. Невзирая на это, Мортимер как ни в чем не бывало продолжал единолично управлять страной. Эдуард ненавидел его не только за это: он не мог простить временщику смерти отца и дяди, но больше всего его возмущало то, что Мортимер опозорил его мать, которую юноша очень любил. Она жила с Мортимером во грехе, превратилась из гордой королевы в жалкую наложницу, гото-

вую исполнять любые прихоти своего повелителя, и молодой Эдуард потерял к ней всякое уважение. Таковы были причины, по которым король Эдуард Третий примкнул к мятежникам.

Заговорщики тщательно продумали план переворота. В октябре парламент собрался в Ноттингеме, а Мортимер с Изабеллой расположились в тамошнем замке под надежной охраной. Но они не знали о том, что к самому сердцу Ноттингемского замка ведет тайный подземный ход, прорытый еще при саксонских королях. Это их и погубило.

Ветреной октябрьской ночью заговорщики, обмотав ноги тряпьем, чтобы заглушить звуки шагов, прокрались по подземному ходу, сняли часовых у спальни Мортимера и королевы и ворвались в комнату. Первым шел молодой король с секирой в руках. Мортимер выхватил шпагу и попытался оказать сопротивление, но ему выкрутили руку и заставили выпустить оружие. Королева с отчаянным воплем бросилась на помощь возлюбленному, но ее грубо отшвырнули прочь. Затем их обоих протащили по подземному ходу и заключили под стражу.

В ноябре в Лондоне состоялся суд. Роджеру Мортимеру судьи предъявили длинный перечень обвинений: в убийстве короля Эдуарда Второго; в узурпации власти; в попрании прав парламента; в присвоении огромных земельных угодий, принадлежавших короне; в присвоении денег, отпущенных на войну в Гаскони; в совращении королевы; в притеснениях, чинимых юному королю, и так далее, и так далее...

Роджер Мортимер выслушал все эти обвинения, равно как и приговор, совершенно спокойно, с презрительной улыбкой на губах. Он знал, что проиграл, но держался достойно до самого конца. После того как его разлучили с Изабеллой, Роджеру было все равно — жить или умереть.

29 ноября 1330 года Роджер Мортимер был повешен. Что касается королевы Изабеллы, то судьи по настоянию короля приговорили ее к пожизненному заключению. Впрочем, содержали Изабеллу не в темнице, а в замке Райзинг, что в Норфолке, и казна ежегодно выделяла ей 3 тысячи фунтов. Этих денег вполне хватало на безбедное существование. Сын, заточивший преступную мать, время от времени навещал ее в замке, где она прожила еще почти 30 лет, предаваясь воспоминаниям о пылкой и нежной любви своего ненаглядного рыцаря, Роджера Мортимера.

«СЛЕПОЙ РЫЦАРЬ»

ИОГАНН ЛЮКСЕМБУРГСКИЙ

(1296—1346, король Богемии с 1310 г.)

Весь жизненный путь Иоганна Люксембургского, короля Богемии, пренебрегавшего короной ради меча и копья, — это путь истинного рыцаря, рыцаря до мозга костей. Неутомимый искатель приключений, многократный победитель рыцарских турниров, он, даже лишившись зрения, не изменил своего образа жизни и пал со славой в битве при Кресси (1346).

Иоганн был старшим сыном императора Генриха Седьмого Люксембургского и принцессы Маргариты Брабантской. Воспитывался он при французском дворе, и в зрелом возрасте много времени проводил во Франции, сдружившись с королем Филиппом Шестым, таким же авантюристом, мечтавшим о крестовом походе, а получившим Столетнюю войну.

В 1310 году Иоганн, женившись на дочери Вацлава Второго Элишке (Елизавете Богемской), приобрел корону Богемии, а в 1313 году унаследовал от отца графство Люксембург. Чехи, не очень-то жаловавшие короля-иноземца, предъявили ему ряд условий; Люксембуржец не должен назначать на государственные должности ино-

Иоганн Люксембургский. Скульптура из собора Св. Вита в Праге. XIV в.

странцев; не имеет права принуждать рыцарей ходить в походы за пределы государства; обязуется снизить «генеральную берну» (государственный налог) и т.д. Юный король, не торгуясь, подписал все эти условия, и тут же выбросил их из головы. Опираясь на поддержку отца-императора, он стал управлять по-своему.

Дружбы с чехами не получилось — в 1318 году они подняли против него мятеж, требуя неукоснительного исполнения подписанных при воцарении условий. Чтобы сохранить престол, пришлось пойти на уступки и заключить с ними Домажлицкое соглашение. Вообще, провинциальная Богемия наводила на молодого короля смертную скуку, и он почти все время проводил за границей, чаще всего во Франции, возвращаясь в свое королевство только за очередной суммой денег.

Отважный, сильный и веселый король-рыцарь пользовался большой популярностью при всех дворах Европы. Статный красавец с шелковистой каштановой бородой, длинными волосами до плеч, холеными руками и гордо закинутой головой, невольно располагал к себе сильных мира сего, покаяя сердца простодушием, изящными манерами и искрящимся остроумием. Помимо французского короля, в число его ближайших друзей входили такие высокопоставленные особы, как германский император Людвиг Баварский и даже римский папа Иоанн Двадцать Второй.

Одевался Люксембуржец в платье особого покроя, в соответствии с последним писксом Бургундской моды. Это платье, узкое донельзя, было сшито из многоцветной ткани, с отделкой в шахматную клетку и широкими рукавами, свисающими чуть ли не до колен. Само собой разумеется, дамы были без ума от такого блестящего кавалера. Слава о дерзких любовных похождениях Люксембуржца ходила по всей Европе. То он наставлял рога какому-нибудь мещанину, то лез среди ночи в окно к девице, то дрался с целой толпой соперников или обманутых мужей. С этой славой спорила его слава первого рыцаря, слава турнирного льва. Скольким противникам он пересчитал все ребра, сколько рукавов прекрасных дам и девиц поддел на кончик своего копья!

Иоганн Люксембургский с легкостью пускался в любые авантюры, гоняясь за коронами, как за бабочками. При этом ему нужны были не столько сами земли, сколько доходы с этих земель, для того чтобы продолжать вести беспечную, разгульную, развеселую, сумасбродную жизнь. Считая себя наследником богемской династии Пржемысловичей, Иоганн претендовал на принадлежавший им титул

польского короля. Это видно даже из печати Люксембуржца, где он изображен скачущим на коне в полном рыцарском вооружении. На значке его копья изображен чешский двуххвостый лев, на попоне коня — лев Люксембурга, а на шите всадника — белый польский орел. Но у Польши имелся собственный король, и признавать призрачные права зарвавшегося авантюриста поляки не собирались. Иоганн Люксембургский неоднократно воевал против Польши на стороне Тевтонского ордена и в итоге завоевал Силезию.

А чего стоила его итальянская авантюра! Поход Люксембуржца в Ломбардию осенью 1330 года напоминал праздничное шествие, триумфальную процессию. Бергамо, Павия, Кремона, Верчелли, Модена, Реджо, наконец, Мантуя и Милан склонились перед ним, открыв ворота небольшому войску рыцарей в блестящих доспехах. В течение нескольких месяцев Иоганн Люксембургский был кумиром почти всей Италии. Германскому императору, обеспокоившемуся за судьбу своих итальянских владений, король-авантюрист заявил, что он вовсе не намерен лишать его этих цветущих земель. Он, дескать, прибыл в Италию для того, чтобы примирить гвельфов с гибеллинами, прекратить нескончаемую резню между ними, а также посетить могилы родителей, похороненных в Пизе.

Неизвестно, что бы предпринял импульсивный Люксембуржец дальше, но тут на его Богемию напали австрийцы, и он, оставив вместо себя в Италии сына Карла, помчался на выручку. А тем временем в Италии против Люксембуржцев выступила мощная коалиция, включавшая войска германского императора, королей Неаполитанского, Польского и Венгерского, герцога Австрийского и маркграфа Бранденбургского. Карл с горсткой своих рыцарей бежал из Ломбардии без оглядки. Так Северная Италия, покоренная Иоганном в одночасье, в одночасье была и потеряна. Авантюра Люксембуржца лопнула как мыльный пузырь. В результате ему пришлось пойти на компромисс с венгерским королем Карлом Робертом и польским Казимиром Локетком. По Тренчинскому договору 1335 года, заключенному тремя королями, Иоганн Люксембургский отказался от титула польского короля, но сохранил за собой Силезию, чьи высоко развитые города приносили ему солидный доход.

Вскоре после этого Люксембуржца постигло страшное несчастье — во время одного из турниров он получил тяжелое ранение в голову и постепенно ослеп. Но даже это горе не заставило его переменитьсь. С помощью верных пажей он по-прежнему одевался с особым шиком и даже учился фехтовать вслепую, а когда началась Сто-

летняя война, выразил горячее желание поддержать собственным мечом своего друга, короля Филиппа.

В битве при Креси Иоганн Люксембургский совершил свой бесмертный и бессмысленный подвиг. Сначала он только командовал своими отрядами (офицеры подробно описывали слепому королю все перипетии сражения), но в конце концов не утерпел. Слепец приказал оруженосцам накрепко привязать своего коня между их лошадьми, а затем они втроем с веселым гиканьем помчались в самую гущу схватки. Так три рыцаря и скакали в единой связке, раздавая удары направо и налево. Слепой рыцарь размахивал над головой боевой палицей, по команде оруженосцев отвечивал англичанам сокрушительные удары.

Шотландские воины скоро обратили внимание на эту странную неразлучную тройцу. Доспехи слепого короля сверкали серебром, и бедные шотландские голодранцы решили непременно их заполучить, причем целехонькими. Напав с двух сторон, они сначала зарубили обоих оруженосцев, а затем ранили копьем коня Люксембуржца. Падая, конь придавил ногу своему седоку. Торжествующие шотландцы сорвали шлем со слепого рыцаря и размозжили ему голову, а потом уже стащили с него драгоценные доспехи. Заметив на руке убитого сверкающий бриллиант, один из грабителей отрубил палец с неснимающимся перстнем и унес его с собой.

Так погиб этот рыцарственный король, чьим подвигом так восхищался юный Черный Принц. Эдуард Третий, английский король, отправил останки слепого героя с почетной охраной его сыну, Карлу Люксембургскому. Карл, в соответствии с традицией того времени, приказал вынуть сердце отца и выварить тело в кипящей воде, чтобы отделить кости от гниющей плоти. Эти драгоценные кости он перевез в родной Люксембург, где и захоронил рядом с самыми священными реликвиями.

«ЖЕРТВЕННЫЙ РЫЦАРЬ»

МИЛОШ (К)ОБИЛИЧ

(? — 1389)

Немного известно об этом человеке. Даже его прозвище произносят и трактуют по-разному. Одни называют Милоша Обиличем, то есть «обильным», богатым. Другие — Кобиличем, поскольку его,

природного воина, вскормила своим молоком степная кобылица. Как бы там ни было, несправедливо предавать забвению имя сербского юнака (рыцаря), положившего свою жизнь на жертвенный алтарь ради свободы родины.

Во второй половине XIV века Османская империя находилась в зените могущества. Султан Орхан, завершив завоевание византийских владений в Малой Азии, в 1354 году переправил свои войска через Дарданеллы и укрепился на Галлиполийском полуострове. Отсюда и началась турецкая экспансия против южных славян. Мрачная туча нависла над Балканами. В 1366 году болгарский царь Шишман Третий был вынужден подписать договор о вассальной зависимости от Османской империи. Сербы поначалу успешно защищались и даже нанесли в 1387 году на реке Топлице поражение султану Мураду Первому. Сербский князь Лазарь, нашедший союзника в лице боснийского царя Твртко I (1353—1391), готовился дать отпор жестоким завоевателям. Но в его стране не было единства — сербские баны (князья) враждовали друг с другом.

Решающее сражение с огромной турецкой армией произошло 15 июля 1389 года в центре Сербии, на Косовом поле. Несмотря на то что на стороне сербов сражались отряды хорватов, боснийцев, бол-

Милош Обилич убивает султана

гар, албанцев и валахов, пестрая армия Лазаря намного уступала в численности османской. Но сербский князь хорошо знал, что далеко не всегда исход сражения решает число, и смело вывел войско навстречу врагу.

Косово поле представляет из себя гигантскую котловину, зажатую между гор и высоких холмов. Ее пересекает извилистая и глубокая река Лаб, впадающая в Ситницу, чьи болотистые берега окаймляют Косово поле с одной стороны, а на противоположной вздымаются рыжие глинистые уступы высоких холмов.

Лазарь выстроил войско за Лабом, поперек долины. На правом фланге, упиравшемся в болотистые берега Ситницы, встали отборные отряды сербских рыцарей; на левом, у самых гор, разместились полки союзников. Туркам пришлось переходить Лаб по неширокому броду и атаковать сербов с фронта.

В начале сражения казалось, что битву выиграют сербы. Они отбросили врага к реке, и множество турок нашли свою могилу в мутных волнах Лаба. Юнаки бились геройски. В сербском эпосе «Милица» (так звали супругу князя Лазаря) упоминаются имена отличившихся в битве рыцарей; Юг-Богдан, отец Милицы, и девять его сыновей; Страхиня Банович, Косанчич и воевода Милош. Однако султан Мурад, располагавший значительными резервами, не считаясь с потерями, бросал в бой все новые и новые полки. У сербов же резерва не было.

Самая жаркая сеча шла на правом фланге, но боснийцы, стоявшие слева, не пришли на помощь истекающим кровью сербам. Когда турки начали одолевать, воевода Милош решил на высокий подвиг самопожертвования, чтобы обеспечить сербам победу. Безоружный, он явился к шатру султана Мурада и просил оказать ему высокую честь, приняв на службу султану. Везирь, знавший Милоша как одного из лучших сербских офицеров, передал его просьбу Мураду. Обрадованный султан приказал ввести Милоша в шатер. О том, что произошло вслед за этим, повествует в своем фирмане (указе) сын Мурада, Баязид Молния:

«...вдруг совершенно неожиданно некто, по имени Милош Кобилич, с лукавством и притворством сказал, что он принял ислам, умоляя принять его в ряды победоносного войска. И когда был допущен поцеловать ногу светлого государя, вместо того чтобы это исполнить, неустрашимо направил он в славное тело пресветлого царя отравленный нож, спрятанный в рукаве и, нанеся им тяжкую рану, напоил его мученическим шербетом...»

Нам неизвестно, как именно погиб герой, сразивший самого султана: был ли он изрублен на месте телохранителями или казнен после нечеловеческих пыток, но в любом случае Милош навсегда запечатлел свое имя в анналах истории и в благодарной памяти сербского народа.

Милош надеялся, что смерть султана Мурада вызовет растерянность и хаос в турецком лагере. К сожалению, его расчеты не оправдались. Сын Мурада, Баязид, тотчас после гибели отца взял командование на себя. Он действовал столь молниеносно, что вполне оправдал свое прозвище. Остатки сербского войска были прижаты к реке. Окончательно же погубила сербов измена: Вук Бранкович, упоминающийся в эпосе «Милица», позорно бежал с поля боя вместе со своим отрядом, а воевода Бошкович Гргур, не подавший возглавляемому им полку сигнала, так и простоял на месте до конца сражения, безучастно смотря, как умирают последние сербские юнаки...

Народный эпос, заклеив позором предателей и восславив бесмертный подвиг павших героев, так описывает результаты кровопролитной битвы на Косовом поле:

Рать на рать ударила, сразилась.
У обеих их цари погибли.
Кое-что осталось от турок,
А от сербов если и осталось —
Раненые, мертвые остались.

ГЛАВА 5

СТОЛЕТНЯЯ ВОЙНА (1337—1453)

«ЗАЧИНЩИК ВОЙНЫ»

ЭДУАРД ТРЕТИЙ

(1312—1377, король Англии с 1330 г.)

Притязания английского короля Эдуарда Третьего из династии Плантагенетов на французский престол послужили главной причиной развязывания Столетней войны. Герой Слейса, Кресси и Кале, он занял почетное место в мировой истории как король-рыцарь и мудрый правитель государства.

В годы несовершеннолетия Эдуарда страной управляли его мать, Изабелла Французская, и ее любовник, Роджер Мортимер. Их тира-

ническое правление вызвало всеобщее недовольство в английском обществе. Члены парламента подготовили переворот. Арестованным королеве и ее фавориту предъявили ряд обвинений, в том числе и обвинение в злодейском убийстве свергнутого ими Эдуарда Второго. Мортимер был казнен, а Изабеллу навечно заточили в замке Райзинг, в Норфолке, где Эдуард Третий, ставший теперь настоящим королем, периодически навещал свою преступную мать.

Первый военный поход Эдуард Третий совершил против Шотландии. В 1333 году он осадил Бервик и нанес сокрушительное поражение врагу при Халидон Хилл. В этом сражении прекрасно проявили себя полки английских лучников, сломившие сопротивление шотландских копейщиков.

Эдуард был женат на Филиппе Геннегау, подарившей ему 10 детей. Наиболее известным из них является Эдуард, принц Уэльский, прославленный герой Столетней войны, носивший почетное прозвище «Черный Принц».

Внешне Эдуард Третий очень напоминал своего деда, Филиппа Четвертого Красивого, короля Франции: те же длинные белокурые волосы и холодные голубые глаза, прекрасно сложенная фигура и ве-

*Коронация английского короля Эдуарда III.
Из Хроник Жана Фруассара. XIV в.*

личественная осанка. Эдуард не любил пустой болтовни, иногда замечая по этому поводу: «Чем меньше произносишь слов, тем меньше будут исказить их смысл». При этом он вовсе не страдал косноязычием, легко объясняясь с французами на французском, с фламандцами на фламандском, а с церковниками на латыни. Но подданным предпочитал отдавать лишь короткие и четкие приказы.

Свою супругу Филиппу король любил до тех пор, пока ее неброскую красоту не затмила ослепительная графиня Солсбери. С именем этой фаворитки связано основание рыцарского ордена Подвязки. Произошло это следующим образом. В 1348 году, во время бала в захваченном у французов Кале, графиня потеряла со своей прелестной ножки подвязку. Эдуард тут же поднял ее, подвязал себе на ногу и произнес слова, ставшие девизом ордена:

— Позор тому, кто подумает об этом что-нибудь дурное.

Голубая подвязка, символ романтической и изысканной любви, явилась знаком нового ордена, возглавляемого королем и состоявшего всего из 26 кавалеров.

При Эдуарде Третьем Англия стала могущественной державой. Король постоянно заботился об укреплении армии и в особенности флота, за что парламент присвоил ему почетный титул «Король моря». Страна богатела на морской торговле, а двор Эдуарда, как отражение этого богатства, блистал золотом и великолепием. Король являлся перед своими подданными в роскошных одеяниях, расшитых золотом, усыпанных драгоценными камнями, в бесценных мехах и сапогах с золотыми шпорами.

Когда во Франции угасла династия Капетингов и корона досталась Филиппу Шестому Валуа, Эдуард Третий начал оспаривать ее, заявляя, что имеет все права на французский престол. И в самом деле, он был наследником Капетингов по материнской линии. Однако во Франции после смерти Людовика Десятого был подтвержден старый саллический закон, в соответствии с которым королева не могла передавать сыну корону; наследовать ее мог только отпрыск по отцовской линии, каковым и являлся Филипп Шестой Валуа, сын брата Филиппа Красивого, Карла Валуа.

Эдуард Третий мечтал о создании всеевропейской державы, для чего и стремился объединить на своем челе английскую и французскую короны. К тому же к войне его подталкивали знать, купечество и горожане, заинтересованные в тесных экономических контактах с Фландрией. Фламандские купцы также тяготели к Англии, в то время как фламандские феодалы держали руку Франции. Борьба за

Фландрию и южные французские земли, со времен Генриха Второго принадлежавшие Англии по праву наследства, явилась еще одной серьезной причиной развязывания полуторавекового военного конфликта между Англией и Францией, известного в истории как Столетняя война.

Собственно, война началась с того, что Эдуард Третий отказался принести Филиппу Шестому вассальную присягу за Гиень и потребовал себе корону Франции. В ответ Филипп заявил о присоединении Гиени к французскому королевству, и тогда Эдуард объявил ему войну.

Английский король очень тщательно готовил армию вторжения. Каждое графство выставило самых надежных ополченцев. Рыцари и лучники составляли цвет этой грозной армии, а возглавил ее сам король.

Летом 1340 года произошла морская битва при Слейсе, у берегов Фландрии, где сошлись флоты двух враждующих королевств. По определению Фруассара, «это сражение было по-настоящему жестоким и страшным». Оно продолжалось более девяти часов и закончилось полным разгромом французского флота. Французы потеряли в нем двух командующих и около 200 кораблей. Контроль над Ла-Маншем перешел к англичанам, и они произвели высадку своих войск на континенте.

По случаю победы при Слейсе в Англии выпустили монету, на аверсе которой был изображен английский король-триумфатор. В стране проходили пышные празднества. Торжествующие англичане едко шутили: «Если бы Бог дал возможность рыбе говорить, то она заговорила бы по-французски, так как съела очень много французов».

Армия англичан, соединившись с фламандцами, начала наступление и осадила Турне. Но город оказал упорное сопротивление захватчикам и выдержал осаду, после чего потянулось длительное перемирие, вызванное нехваткой средств на войну у каждой из враждующих сторон, но вовсе не означающее никакого примирения.

Только весной 1346 года, когда были собраны дополнительные налоги на войну, Эдуард Третий высадил в Нормандии армию в составе 2500 рыцарей, 12 тысяч лучников и 5 тысяч ратников и перешел в решительное наступление на Париж. Разорив Нормандию и Пикардию, англичане подступили к самым стенам Парижа, но здесь их встретило французское войско, втрое превышающее противника по численности. Наступление захлебнулось и превратилось в отступление.

ние. Чтобы оторваться от погони, Эдуард был вынужден предпринять опасную переправу через разлившуюся Сомму. На противоположном берегу англичан поджидали пикардийские рыцари и генуэзские арбалетчики, нанесшие им немалый урон во время переправы. Английские лучники, перестреляв генуэзцев, помогли войску преодолеть реку. Однако французы захватили мост у Аббервиля и, перейдя Сомму, вновь оказались перед англичанами. Генеральное сражение теперь стало неизбежно.

Эдуард Третий, помолившись на рассвете, встал во главе 11-тысячной армии, разделенной на три полка. Король в золотисто-алой накидке поверх лат, с белым жезлом в руке, проехал на коне вдоль рядов, «...ободряя воинов и умоляя армию охранить его честь и защитить его право. Он говорил это так мило и с таким ясным выражением лица, что все, кто приуныл, утешились, видя и слыша его».

26 августа 1346 года произошло генеральное сражение при Кресси. Удача оказалась на стороне англичан. Они за ночь хорошо отдохнули, а французы вступили в бой уставшие, прямо с марша. Солнце, поднявшееся за спинами англичан, било французам прямо в глаза. Сражение очень вяло начали генуэзские арбалетчики, сильно уставшие после длительного перехода. Они сделали несколько залпов, но их стрелы достигали англичан на излете и причиняли последним мало вреда. В ответ на их жалкие потуги английские лучники показали настоящее боевое мастерство. Фруассар писал: «Они выстреливали свои стрелы с такой силой и быстротой, что, казалось, идет снег».

Эффект, произведенный лучниками, был поистине убийственным: поле мгновенно покрылось сотнями тел генуэзцев. Уцелевшие и раненые в панике отпрянули назад, расстроив ряды рыцарской конницы, уже приготовившейся к атаке. Увидев это, король Филипп приказал перебить собственную пехоту, от которой один только вред. Рыцари, рубя мечами и топча копытами коней генуэзцев, наконец расчистили себе дорогу и устремились в атаку, но и их встретил все тот же смертоносный шквал стрел. С расстояния в 200—250 шагов английские стрелы легко пронзали кольчуги и латы. Раненые лошади французов вздыбились, сбрасывая седоков. В этот момент сквозь строй лучников просочилась легкая валлийская пехота, напавшая на ошеломленных рыцарей. Конница англичан довершила разгром французов. Самоуверенные французские рыцари, считавшие себя лучшими в Европе, жестоко поплатились за свою спесь. Когда наступила ночь и сражение прекратилось, вокруг короля Филиппа осталось не больше 60 рыцарей. Остальные были либо убиты, либо пленены, либо позорно бежали.

Причина победы Эдуарда при Кресси заключалась в прекрасной выучке и железной дисциплине его войска. Английские солдаты действовали четко и согласованно, словно единый живой организм, повинувшись своему королю, подобно тому, как тело повинуетя голове. При Кресси английские лучники доказали, что никакие доспехи не способны защитить врага от их смертоносных стрел.

После замечательной победы при Кресси, Эдуард Третий, пройдя через Монтрей и Бланжи к Булони, осадил Кале. Этот город, находящийся у Ла-Манша, имел очень важное стратегическое значение. Однако ни морская блокада, ни обстрел города из тяжелых бомбард не могли сломить упорство героического гарнизона. Осада затянулась на целый год, который Эдуард провел в окопах вместе с солдатами, ни разу не отлучившись в Англию. Возможно, Кале бы и устоял, если бы Филипп Шестой оказал ему хоть какую-то поддержку. Когда французский король в июле 1347 года подошел к Кале, он, вместо того чтобы напасть на англичан, изрядно обессиленных за время трудной зимовки у стен города, вступил с ними в переговоры, а когда переговоры не удались, внезапно развернул и увел свою армию, бросив несчастных жителей Кале на произвол судьбы. Тогда измученный гарнизон, не получивший никакой помощи от своего государя, изнуренный голодом, капитулировал. Шестеро уважаемых горожан, в одних рубашках и босиком, явились в лагерь англичан, решившись принести себя в жертву, чтобы спасти остальных. Эдуард Третий, раздраженный длительным и упорным сопротивлением Кале, приказал их повесить. Но королева Филиппа, сопровождавшая его в походе, упала королю в ноги и вымолила помилование для несчастных. Эдуард пощадил их и даже запретил своим солдатам дурно обращаться с пленными.

Таким образом, взятие Кале и удивительная победа при Кресси увенчали поход Эдуарда Третьего. Через 10 лет его сын, Черный Принц, одержал еще одну, не менее блистательную победу при Пуатье. Однако Эдуард, несмотря на все это, так и не смог добиться главной цели, вынужденный отказаться от притязаний на французскую корону в соответствии с условиями мирного договора в Бретиньи (1360). Но зато этот мир закреплял за английским королем юго-запад Франции, не говоря уже о тех колоссальных суммах выкупа, полученных за пленных французских рыцарей, баронов, графов и самого короля, который обошелся своему народу в 3 миллиона золотых экю.

Эдуард Третий состарился и больше не принимал участия в походах против Франции, да в этом и не было необходимости. Черный

Принц, Ланкастер, Варвик и другие полководцы теперь с успехом заменяли его на полях сражений.

Похоронив жену, умершую от чумы в 1369 году, пожилой король увлекся некоей Алисой Перрерс, дамой незнатного происхождения и начисто лишенной совести. Эта бесстыжая любовница выманила у короля большинство фамильных драгоценностей покойной королевы и нагло вмешивалась в политику, чем вызвала всеобщую ненависть.

В 1377 году смертельно больной король удалился с леди Перрерс в Шин Лодж. Когда он впал в предсмертное оцепенение, подлая фаворитка сняла все перстни с его пальцев и бежала, прихватив все подаренные ей и украденные ею драгоценности, а король умер, забытый и покинутый всеми.

«ГЕРОЙ МОПЕРТЮИ»

ИОАНН ВТОРОЙ ДОБРЫЙ

(1319—1364, король Франции с 1350 г.)

Принц Иоанн был сыном Филиппа Шестого Французского, основателя династии Валуа, и Жанны Хромоножки, королевы весьма скверного нрава. В юности Иоанн носил титул герцога Нормандского. Он был женат на Бонне Люксембургской, дочери знаменитого короля-рыцаря Иоганна Люксембургского. Особой любви к своей супруге Иоанн не питал, хотя и имел от нее 11 детей. Настоящую пылкую страсть он испытывал к Карлу де Ла Серда Испанскому, отпрыску кастильского королевского рода. Вот в нем он действительно души не чаял и, став королем, тут же назначил своего фаворита коннетаблем Франции. Но прекрасный Карл не имел иных талантов, кроме смазливой мордашки и стройных ног, а потому был бит англичанами и на суше, и на море.

К отцу Иоанн относился с неприязнью. Когда в 1349 году жена принца Иоанна умерла от чумы, король Филипп славно позаботился о сыне — нашел ему новую невесту, молоденькую красавицу Бланку Наваррскую. Едва она появилась при французском дворе, король влюбился в нее по уши и женился на красавице сам, оставив сына в дурацком положении. Неудивительно, что принц с тех пор люто возненавидел отца. Чтобы смыть с себя позорное пятно, Иоанн поспешил жениться — уже через месяц состоялась его свадьба с герцогиней

ней Жанной Булонской, вдовой герцога Булонского. Конечно, ни о какой сердечной склонности тут и речи не было. С тех пор Иоанн безраздельно отдал свое сердце Карлу де Ла Серда. Счастливую парочку частенько встречали гуляющими под ручку, что, разумеется, не могло не бесить молодую жену.

Через год после свадьбы, 22 августа 1350 года, на 57-м году жизни скончался король Филипп. Его здоровье подорвал неистовый пыл 16-летней красавицы-королевы, и он умер, по словам Брантома, от «любовных излишеств, укоротивших дни его жизни». А уже через месяц, 26 сентября, Иоанн торжественно короновался в Реймсе.

До сих пор остается загадкой, почему нового короля окрестили «Добрый». Он, во всяком случае, никакого повода к этому не давал. Скорее уж наоборот. Вскоре после коронации этот добряк велел казнить без суда и следствия коннетабля Рауля де Гина, только что вернувшегося из английского плена. Многие тогда тщетно ломали себе голову, доискиваясь причины подобной жестокости. Впрочем, некоторые поговаривали, что коннетабль, пользовавшийся большим успехом у женщин и имевший множество любовниц как во Франции, так и в Англии, в свое время имел неосторожность черкнуть королеве

*Иоанн Добрый сражается с Черным Принцем при Пуатье.
Из Хроник Жана Фруассара. IV в.*

Бонне любовное письмецо, а король, разбирая бумаги скоропостиж-но скончавшейся жены, нашел его и запоздало приревновал.

Новый король не обладал ни государственным умом, ни полководческим талантом. Зато он был упрям как бык, медлителен и довольно туго соображал. Часто Иоанн целыми днями занимался незначительными мелочами в ущерб важным государственным делам. Так, он мог долго и нудно разрабатывать до мельчайших деталей порядок проведения какой-нибудь незначительной церемонии. Любил вводить всевозможные пустяковые новшества, а по части подражания заткнул бы за пояс и мартышку. Когда Эдуард Третий Английский учредил рыцарский орден Подвязки, Иоанн загорелся «новой» идеей и основал собственный орден Звезды, наивно полагая, что кавалеры ордена станут надежной опорой трону и придадут его царствованию блеск и величие.

Орден Звезды насчитывал в своих рядах ни много ни мало — 500 рыцарей, каждый из которых приносил обет никогда не отступать в бою и не сдаваться в плен. Экипировку кавалеров ордена Иоанн разработал лично и с большой любовью: рыцари носили белый шелковый плащ, сюркот, наполовину белый, наполовину алый, и алую шапочку с золотой пряжкой в форме звезды, а на пальце — золотое кольцо с финифтью. Орден имел белый стяг, расшитый звездами. Резиденцией ордена служил Благородный Дом в Сент-Уане, все стены которого были обтянуты златотканной и серебряной парчой, а также бархатом, вышитым золотыми звездами и лилиями. По уставу рыцари Звезды, подобно рыцарям Круглого Стола, должны были каждый год съезжаться на великое пиршество и рассказывать об удивительных подвигах, свершенных ими за этот год. Однако кавалеры Звезды звезд с неба не хватали; они могли похвастать не столько своими рыцарскими подвигами, сколько грандиозными попойками, а слава рыцарей короля Артура их не осенила.

Королю Иоанну везде чудились предатели — он был просто одержим манией предателей. Повсюду ему мерещились заговоры и измена. Впрочем, нельзя сказать, что его подозрения всегда были напрасными. Когда Иоанн Добрый по собственному почину заполучил в зятя Карла Наваррского, носившего противоположное прозвище — «Злой», он действительно пригрел на своей груди гремучую змею. Ведь если Иоанн не оправдывал своего лестного прозвища, то уж его зять оправдывал свое вполне.

Неприятности начались с того, что Карл Наваррский и Карл Испанский, не поделив королевскую кормушку, возненавидели друг

друга. Испанец всячески старался очернить наваррца в глазах короля, в чем и преуспел — с каждым днем король относился к зятю все холоднее. Раздосадованный наваррец решил отомстить врагу. Его вассалы подкараулили королевского любимчика, когда тот отправился в Лэгл по каким-то своим делам и остановился на ночлег в местной харчевне. В полночь убийцы ворвались в харчевню и так искололи кинжалами бедного испанца, что на его теле места живого не осталось. Узнав об этом, король пролил потоки слез, а Карл Злой лишь разводил руками — я, мол, тут совсем ни при чем. Король, конечно, догадывался, что он очень даже при чем, но конкретных доказательств против наваррца у него не было. Иоанн Добрый затаил в сердце злобу и возлелеял месть. И он дождался своего часа, когда узнал о тайных переговорах наваррца с англичанами: Карл Злой, мечта о французском троне, уже делил с врагами страны земли Франции.

Вот теперь-то у короля руки были развязаны. Карла Злого арестовали в Руане во время обеда, который давал в его честь дофин Карл, сын Иоанна. Вместе с наваррцем были взяты под стражу убийцы Карла де Ла Серды, давно известные королю. Иоанн повелел немедленно казнить негодяев, и трое приближенных Карла Злого — Жан д'Аркур, Мобюэ де Мэнмар и Колен Дублель, лишились головы. Что касается самого Карла Злого, то казнить его без суда и следствия Иоанн не решился: как-никак король! Хотя его королевство только в лупу разглядывать. Наваррца заточили в одной из башен замка Шато-Гайяр, того самого замка, в котором когда-то задушили его развратную бабу Маргариту.

Пока Иоанн занимался борьбой с изменниками, англичане начали новое наступление. Герцог Ланкастер высадился в Котантене и двинулся в направлении Конша, а из Аквитании на соединение с ним выступили войска Черного Принца, подвергая грабежу и опустошению южные земли Франции.

В декабре 1355 года Генеральные Штаты согласились с требованием короля ввести новый налог на войну, и ему удалось собрать большое войско. Тем временем Ланкастер захватил Кош и Бретей. Тогда Иоанн начал за ним охоту, как за зайцем, но англичанин ловко запутал следы и ускользнул. Зато в руки короля сам пришел Черный Принц, искавший Ланкастера, а нашедший французов. Королевские войска встретили англичан близ Пуатье. Король Иоанн довольно потирал руки: попался разбойник, теперь уж никуда не денешься! Ему казалось, что победа обеспечена: его армия в 4—5 раз многочис-

леннее отряда Черного Принца, отягощенного к тому же огромным обозом с награбленным добром. Поэтому король отправил восвояси плохо вооруженное пешее ополчение — толку-то от этой пехтуры! Он не забыл, как 10 лет назад, во время битвы при Кресси, пехота стала помехой для войска, и король Филипп, его отец, в сильном гневе приказал своим рыцарям: «Теперь же перебейте эту шваль: они обременяют нас и без толку загораживают нам путь!» И теперь, чтобы раздавить жалкую кучку английских мародеров, с лихвой хватит 20—25 тысяч рыцарей, что собрались под королевской орифламмой!

Коннетабль выстроил армию в три боевые линии: первой линией командовал герцог Орлеанский, второй — дофин Карл, а третьей — сам король, при котором неотлучно находился его 14-летний сын Филипп.

Между тем Черный Принц изготовился к обороне. Он занял очень выгодную позицию на холме. Англичане перекрыли единственную дорогу, ведущую вверх по склону. Их фланги прикрывали густая изгородь виноградников и сосновые роши. В виноградниках засели лучники, укрепившие свои позиции частоколом, а рыцари спешили и расположились за лучниками. Поскольку фланговый удар исключался, французам приходилось атаковать в лоб, наступая по узкой дороге, где в ряд могли пройти лишь три-четыре всадника.

Черный Принц не строил себе иллюзий. Он и не надеялся выстоять против такой силищи и потому вступил в переговоры с Иоанном. Переговоры шли целый день (это время англичанин очень эффективно использовал для укрепления своих позиций). Сначала Черный Принц предложил вернуть всю захваченную добычу и всех пленников без выкупа за право свободного прохода. Затем английский полководец пошел на еще большие уступки: он вернет все завоеванные им земли и замки. Наконец, англичанин предложил возместить золотом все убытки, нанесенные им в течение этой и даже прошлогодней кампании.

Все эти предложения король Иоанн отклонил и выдвинул встречное условие: принц Уэльский и еще сто рыцарей по выбору короля должны явиться в лагерь французов и сдаться на милость короля. Только тогда он откажется от штурма. Конечно, такое требование оказалось совершенно неприемлемым для Черного Принца, и он изготовился к бою.

И вот 19 сентября 1356 года произошла трагическая битва при Пуатье. Перед битвой король приказал рыцарям спешиться и укоротить свои копья. В конном строю наступал лишь авангард — всего

300—500 рыцарей, а остальные, отягощенные доспехами, с трудом заковыляли по раскисшему от дождя полю Мопертюи. Никто даже и не задумался о значении этого зловещего названия, а ведь «Мопертюи» означает «потери»!

С самого начала все пошло комом. Оба маршала и коннетабль, находившиеся в авангарде, не дожидаясь приказа короля, ринулись в атаку. Их встретил смертоносный ливень стрел. До изгороди добрались единицы. В первые же минуты боя погибли коннетабль и маршал Клермон, а второй маршал, Одрегем, раненный в ногу, угодил в плен. Затем в бой вступила линия герцога Орлеанского. Французские рыцари, стесненные доспехами, упорно продирались через кусты и виноградники под убийственным обстрелом валлийских лучников. Многие из рыцарей пали, пораженные стрелами. Когда в дело вступила линия дофина, на нее обрушились английские ратники с копьями и боевыми топорами. В то же время рыцари Черного Принца вскочили в седло и нанесли яростный удар с левого фланга. Англичане действовали настолько слаженно и решительно, что войска дофина обратились в бегство, сшибая с ног своих же рыцарей, которым и без того нелегко давался каждый шаг. Сам дофин бежал в числе первых и больше на поле боя не вернулся.

Видя этот позор, король ввел в сражение свою линию. Но ничего уже нельзя было поправить: паника охватила французов, и они разбегались в разные стороны. Тем не менее королю надо отдать должное — он бился как настоящий рыцарь. Прикрывая собой маленького Филиппа, который мешался у него под ногами, король Иоанн плющил вражеские шлемы своей боевой палицей так, словно они были картонные. Когда после особенно мощного удара палица сломалась, король подхватил с земли обоюдоострую секиру и продолжал свой героический бой. Однако его героизм оказался бесполезен: англичане обступили короля железной стеной со всех сторон. К тому же он получил рану в лицо; кровь заливала королю левый глаз. Он ничего не видел этим глазом, и маленький Филипп то и дело кричал ему:

— Поберегитесь, отец, опасность слева! Когда железное кольцо вокруг короля сжалось до того, что уже невозможно было взмахнуть секирой, Иоанн прекратил бессмысленное сопротивление и сдался Дени де Морбеку, французскому рыцарю, служившему английскому принцу. Морбек отвел короля и Филиппа к палатке английского полководца. Черный Принц, опьяненный нежданной победой, принял их очень любезно, долго восхищался рыцарскими подвигами

Иоанна, сравнивая его с Роландом, а затем учтиво пригласил короля и других знатных французских пленников на ужин.

В несчастной битве при Пуатье погиб весь цвет французского рыцарства — около 3 тысяч бойцов, более 2 тысяч попали в плен. Такого разгрома не было даже при Кресси. Что же касается короля Иоанна, то он быстро утешился и смирился со своим позорным поражением. Его доставили в Бордо, а оттуда кораблем переправили в Англию.

В плену к Иоанну Второму относились со всеми полагающимися почестями. Ему предоставили шикарные апартаменты в замке Савоя, где с ним обращались не как с пленником, а как с дорогим гостем. Чтобы король не скучал, из Франции прибыла многочисленная прислуга и его личный шут. Плененный король часто посещал Виндзорский дворец, принимал участие в различных празднествах и увеселениях, да и английские дамы не обходили его своим вниманием. Одна из них, имя которой история не сохранила, стала его любовницей. Так что жилось королю в Англии очень даже не плохо, настолько неплохо, что он почти забыл о своей родной Франции.

А во Франции никто и не думал винить короля за поражение. Напротив, его все жалели и называли не иначе как Иоанн Храбрый. Эта жалость обошлась французам недешево — Эдуард Третий назначил баснословную сумму за выкуп короля: 3 миллиона золотых экю (или 500 тысяч фунтов стерлингов), что в 8 раз превышало годовой доход английской короны. Это непосильное бремя легло на плечи французских налогоплательщиков, на чем свет стоит клявших трусливых рыцарей и изменников-баронов.

Четыре года король находился в плену. В счет выкупа ему пришлось запродавать даже свою собственную 11-летнюю дочь Изабеллу (за 600 тысяч флоринов), выданную замуж за жестокого итальянского тирана Висконти. Этот Висконти славился тем, что устраивал охоту на собственных подданных, после чего полуживых людей, затравленных собаками, сжигали в печи. После получения денег за Изабеллу короля Иоанна освободили, но его сына Филиппа оставили в качестве заложника до тех пор, пока король не выплатит сумму выкупа сполна.

Вернувшись во Францию, король принялся выколачивать деньги из разоренной войной страны, но тут пришло известие, что его сын, содержавшийся в Кале, бежал из плена. Иоанн очень обрадовался этому известию. Но не потому, что его сын обрел свободу, а потому, что это дало повод заскучавшему во Франции королю вернуться к

своей обожаемой англичанке. Это, дескать, дело чести, и потому он сам должен остаться заложником до полной уплаты выкупа.

Больше ему не суждено было вернуться. По словам Фруассара, «проведя всю зиму в сплошных увеселениях и развлечениях, король Иоанн Добрый скоропостижно скончался 8 апреля 1364 года».

«ЧЕРНЫЙ ПРИНЦ»
ЭДУАРД УЭЛЬСКИЙ
(1330—1376)

Эдуард, принц Уэльский, сын английского короля Эдуарда Третьего, получил свое романтическое прозвище за цвет лат, изготовленных из вороненой стали. Он участвовал в набегах на Наварру и Испанию, а главное, сыграл немаловажную роль в Столетней войне.

Звание рыцаря 16-летний Эдуард честно заслужил в 1346 году, в битве при Кресси, где он командовал отрядом валлийских лучников. В ходе сражения юный принц подвергся смертельной опасности, но не дрогнул, выдержав атаку французской рыцарской конницы.

Черный Принц. Надгробное изображение

После разгрома французов король Эдуард обнял и расцеловал его, сказав при этом:

— Милый сын, Господь дал тебе стойкость... Ты хорошо проявил себя и достоин быть владыкой.

Увы, стать королем ему не было суждено. Зато Черный Принц вошел в историю как великий воин, неустранимый рыцарь, победитель французского короля Иоанна Второго.

Там, у Кресси, юный принц был безмерно восхищен рыцарским подвигом Иоганна Люксембургского, короля Богемии. Этот король, а точнее, истинный рыцарь от султана шлема до шпор на сапогах, доблестно сражался на стороне французов, несмотря на то что был совершенно слепым. Его направляли два рыцаря, скакавшие слева и справа от него, а их кони были накрепко связаны с лошадьёю слепца. После боя их всех троих нашли мертвыми в этой неразрывной связке. Черный Принц был настолько потрясен такой возвышенной смертью, что взял себе на память три страусовых пера со шлема убитого Люксембуржца. С тех пор эти белые перья красовались на его шлеме.

К 25 годам это уже был закаленный во многих боях рыцарь. Высокий, стройный, всегда с приветливой улыбкой, он, тем не менее, глядел на собеседника синими, холодными как сталь глазами с таким суровым выражением, что каждого невольно пробивала дрожь. Черный Принц обладал талантом полководца, а также исключительной выдержкой — даже в минуту смертельной опасности он не терял головы. Принц был щедр к своим друзьям и любил повеселиться, когда представлялась возможность.

Эдуард носил целый букет титулов: принц Уэльский, принц Аквитанский, герцог Корнуэльский, граф Вудстокский, граф Честерский, сеньор Бискайский. Немудрено, что на всех, кроме своего отца и других монархов, он смотрел свысока.

Черный Принц, без сомнения, был самым известным воином Европы той эпохи, но его набеги в Аквитании носили мародерский характер. Солдаты принца, английские лучники и ирландские ратники, грабили, разрушали и сжигали все на своем пути. Бедные на родине, здесь они обогащались за счет французских вилланов. Брали все: коней, коров, свиней, гусей, кур, вино, деньги, оружие, а что не могли унести, предавали огню. От простых солдат не отставали и рыцари, только они были поразборчивее — набивали свои повозки золотыми и серебряными изделиями, дорогими тканями и другими ценными предметами.

В 1355 году Черный Принц высадился в Жиронде, пополнил свои отряды гасконскими и пуатевенскими рыцарями, а затем двинулся в очередной грабительский поход по Лангедоку, взял и сжег Каркассон и Безье, нагнав страха на весь этот край. При этом его главная цель состояла, конечно, не в грабеже, а в том, чтобы ослабить французского короля.

Тактика Черного Принца отличалась исключительной простотой: его авангарды разведывали дорогу и определяли, какие города и замки хорошо укреплены, после чего англичане обходили их стороной и нападали только на беззащитные города и села. Впереди обычно шли рыцари и ратники, убивавшие всех, кто не успел унести ноги. За ними следовали лучники, собиравшие съестные припасы для войска и выбрасывавшие из домов все ценное, прежде чем их поджечь. А замыкали это грабительское шествие плохо вооруженные рубаки-бедняки, грузившие все добро в повозки.

В начале 1356 года Черный Принц направился к Луаре на соединение с войсками своего брата, герцога Ланкастера, шедшего из Бретани. От Бержерака, следуя уже по французским королевским землям, он прошел через Шато-л'Эвек, Брантом, Рошешуар, Ла Перюз, оставляя после себя дымящиеся развалины.

Коннетабль Франции, герцог Афинский, предложил весьма разумный военный план против англичан: во-первых, не дать Черному Принцу переправиться через Луару, для чего взять под охрану крупными отрядами все мосты; во-вторых, обеспечить надежную связь между этими отрядами и слать гонцов к королю в случае любой тревоги; в-третьих, не вступать ни в какие стычки с неприятелем ни при каких обстоятельствах, даже самых благоприятных, до тех пор пока вся королевская армия не соберется воедино; в-четвертых, не дать соединиться войскам Ланкастера и Черного Принца; и в-пятых, разбить их поодиночке.

Чтобы иметь информацию о передвижениях англичан за Луарой, коннетабль отправил 300 рыцарей под командой мессира Бусико на разведку. Отряд Бусико нарвался на неприятеля и, понеся большие потери, укрылся в замке Роморантен. Пока Черный Принц осаждал замок, его лазутчики сообщили о том, что французский король идет на него со всем войском. Англичанин встревожился: необходимо спешить на соединение с Ланкастером. Он немедленно выдвинулся на запад. Спустившись в долину реки Шер, миновал Сент-Эн्यान, Тезе и Монришар, не давая своим людям времени пограбить. Четыре

дня Эдуард ждал брата в Монлуи, надеясь, что Ланкастеру удастся переправиться через Луару. Не дождавшись, выступил к Монбазону, где расположил свою армию на ночлег. На следующий день он направился к Шательро, а король Иоанн преследовал его войско, почти наступая на пятки. Теперь англичанам было уже не до грабежа — они двигались быстрым маршем. Ночью обоз с добычей и пленниками перевезли через Вьенну и отправили к Пуатье, а утром и все войско принца проследовало тем же путем. Но англичанам не удалось уйти: король Иоанн обошел с востока Пуатье и перерезал им дорогу. В то время как Ланкастер поспешно отступал на запад, Черный Принц столкнулся с огромной армией Иоанна у Пуатье.

Армия принца едва достигала 5 тысяч бойцов, причем половину из них составляли лучники. Французское же войско насчитывало от 20 до 25 тысяч. Сражаться в таких условиях было бы чистым безумием, и Черный Принц сделал все, чтобы этого сражения не произошло. Он вступил в переговоры с королем Иоанном, пошел на всевозможные уступки, но тот был неумолим, решив навсегда покончить с Черным Принцем и его мародерами. И тогда произошла битва, завершившаяся триумфом принца Уэльского. Разбив укрепленный лагерь среди виноградников Мопертюи, принц противопоставил спешенным французским рыцарям укрытых за частоколом лучников. Когда французские ряды расстроились под шквалом стрел, Черный Принц нанес удар рыцарской конницей во фланг. Одновременно с конницей в контратаку перешли и английские ратники.

Сам принц во время сражения ни минуты не оставался на одном месте: он без устали носился на коне по всему лагерю, отдавая приказы, посылая подкрепления и подбадривая своих солдат. Слаженные действия английских рыцарей и лучников, их железная дисциплина и полководческий талант Черного Принца привели к блестящему результату: маленькое войско англичан, стойко обороняясь и умело контратакуя, наголову разгромило большую, но не спяянную единой волей французскую армию. Сам король, 60 его баронов и около 2 тысяч рыцарей попали в плен. Великолепная, блестящая победа! И хотя Черный Принц всю свою недолгую жизнь провел в бесконечных походах и сражениях, он не смог приобрести большей славы, чем слава победителя при Пуатье. Подорвав здоровье в непрестанной борьбе, Черный Принц умер в 1376 году, так и не став королем. Зато он заслужил славу великого воина, а престол после смерти Эдуарда Третьего наследовал сын принца, Ричард.

«ПАЛАЧ ЖАКЕРИИ»

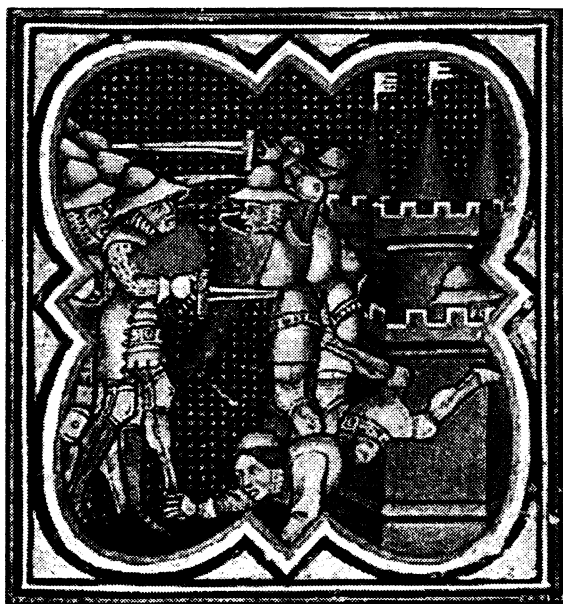
КАРЛ ЗЛОЙ

(1332—1387, король Наварры с 1349 г.)

Коварство, измена и жестокость — именно такие слова могут служить девизом этого рыцаря-интригана, предателя национальных интересов Франции и палача Жакерии. Внук Людовика Десятого, он всю жизнь добивался французской короны в борьбе с домом Валуа, пойдя ради этой цели в сговор с врагами родины.

Карл родился в Эвре. После смерти матери, в 1349 году он унаследовал наваррский трон. Свое характерное прозвище новоиспеченный король получил в Памплоне, столице Наварры, куда летом 1350 года отправился короноваться. Вступив туда впервые в жизни, Карл повел себя настолько бесцеремонно по отношению к своим новым подданным, так грубо попирали их права и привилегии, что очень скоро вызвал недовольство наваррской знати.

Делегация наваррцев застала Карла во время верховой прогулки и попыталась предъявить ему свои претензии. Но Карл никого и слу-

*Разгром войсками Карла Злого Жакерии.
Миниатюра из Больших французских хроник. XIV в.*

шать не стал, приказав своей свите схватить главных заводил и вздернуть их на ближайших деревьях. Вот после этого случая его и стали величать не иначе как Карл Злой и в Наварре, и во Франции.

Вряд ли кто распознал бы в нем злодея при первой встрече. Маленького роста, ловкий, подвижный, он производил очень приятное впечатление своими любезными речами и вежливыми манерами. Его выдавали только хитрые лисьи глазки, светившиеся лукавством.

Помимо Наварры, Карл Злой владел многими сеньориями во Франции — Эвре, Меланом, Нантом, Пасси и так далее, то есть являлся крупным феодалом земель, расположенных недалеко от Парижа. В условиях войны с англичанами король Иоанн Добрый предпочел видеть его в числе своих друзей, нежели среди врагов. В 1352 году они породнились — Карл Злой обвенчался с дочерью короля, Жанной. Невесте, правда, шел всего восьмой год, но это никого не смущало. Жених не был обделен женским вниманием; любезный и речистый говорун очень нравился дамам.

Сердечной дружбы между зятем и тестем не получилось. Фаворит короля, коннетабль Карл де Ла Серда, возненавидел наваррца и принялся вредить ему, чем только можно. Карл Злой, разумеется, в долгу не остался, а отплатил врагу с процентами, подослав к нему убийц. Когда коннетабля зарезали, дружбе короля французского с королем наваррским пришел конец. Тогда Карл Злой начал сколачивать новые союзы и сеять смуту в королевстве. Первым делом он вступил в тайный сговор с англичанами. Вместе с герцогом Ланкастером они составили в Авиньоне весьма оригинальный договор, поделив шкуру неубитого медведя. Согласно условиям договора, Карл Злой признавал Эдуарда Третьего Английского королем Франции и даже обязался помогать ему в войне против короля Иоанна, получая взамен половину французского королевства — Нормандию, Шартр и Лангедок в придачу к своей Наварре, Эвре и прочему.

Чтобы скрыть предательство, Карл Злой делал вид, что ищет примирения о королем Франции. А сам между тем успел обработать и дофина Карла, сына короля Иоанна, склонив принца к заговору против отца. Наваррец внушил дофину мысль обратиться к дяде — императору Карлу Четвертому, с просьбой прислать ему солдат. Так за довольно короткое время смутьян успел причинить королю Франции кучу неприятностей: убить коннетабля, сговориться с врагами — англичанами, втянуть в заговор против Иоанна его сына...

Король, возненавидевший Карла Злого со дня убийства своего любимчика-коннетабля, о многом догадывался, но его подозрения пе-

перосли в уверенность только после показаний некоего Фрике де Фрикана, человека из свиты Карла Злого. Под угрозой пытки тот поведал обо всех темных делишках наваррца. Разъяренный король лично арестовал Карла Злого в Руане, во время обеда у дофина. Убийц коннетабля немедленно казнили, а короля Наваррского заточили в замок Шато-Гайяр. Не решившись казнить венценосного пленника, имевшего немало влиятельных друзей, король применил к нему пытку страхом.

Карла поместили в ту самую комнату, где была задушена его бабка, Маргарита Наваррская. Опасаясь, что его постигнет та же страшная участь, заключенный напрочь лишился сна. Пища, подаваемая узнику, горчила, и он почти ничего не ел, боясь отравы. Мало того, тюремщики то и дело потешались, сообщая трясущемуся от страха пленнику о предстоящей назавтра казни. А на следующий день заявляли, что казнь отложена на день, но уж завтра ему точно отрубят голову. Когда подходил очередной срок, Карлу говорили, что король передумал и изменил способ казни — его повесят, а виселицу уже возводят (со двора доносился стук топоров). Через день сообщали: все решено окончательно — его утопят, и для наглядности оставляли узнику мешок.

От всех этих ужасов наваррец едва не поседел. Затравленный и дрожащий, с красными от бессонницы глазами, вздрагивающий при каждом шорохе, он превратился в Карла Жалкого. Но все закончилось для него благополучно. Как же он обрадовался, узнав о поражении французов при Пуатье и пленении короля Иоанна! К тому времени Карл провел в заключении около двух лет. Многочисленные друзья наваррца — бароны, прелаты и именитые горожане, оказали сильное давление на дофина, и Карл Злой обрел наконец свободу. Он быстро разобрался в непростой политической обстановке, сложившейся в стране после катастрофы при Пуатье, и первым делом возобновил сердечные отношения с англичанами.

Король находился в плену, а в столице тем временем началось восстание горожан во главе с прево Этьеном Марселем. Дофин потерял реальную власть и бежал из Парижа. Преследуя свои цели, Карл Злой вошел в союз с восставшими горожанами против дофина, и те отдали город в его распоряжение, провозгласив своим капитаном.

Весной 1358 года и без того сложная политическая ситуация еще более усложнилась — вспыхнула Жакерия. Восстание французских крестьян, получившее название от презрительного прозвища Жак-Простак, данного им феодалами, началось в Бовэзи и быстро распро-

страшилось в Пикардии, Иль-де-Франсе и Шампани. Разоренные войной, ограбленные англичанами и бандами наемников, обремененные непосильными налогами, доведенные до крайности, они взялись за оружие.

Запылали дома и замки феодалов. Дворянские семьи вырезали без всякой пощады. Слова: «Истребим всех дворян до последнего!» — стали девизом жаков. Стихийное движение возглавил Гийом Каль, человек, сведущий в военном деле и прекрасный оратор. Крестьяне называли его своим генеральным капитаном, а феодалы — королем жаков.

Шеститысячное войско Каля представляло смертельную угрозу для всего класса феодалов, и перепуганные дворяне сплотились вокруг наваррца. По их просьбе Карл Злой возглавил отряды рыцарей Пикардии, Нормандии и Наварры — всего около тысячи рыцарей, и повел их против жаков. Противники встретились у деревни Мело. Однако Карл Злой не торопился атаковать врага. Жаки заняли очень выгодную позицию на холмах, огородили свой лагерь повозками и выдвинули вперед лучников и арбалетчиков. Учитывая это, а также их численное преимущество, Карл колебался, понимая, что силой здесь не взять. Тогда он пустил в ход свое главное оружие — коварство.

10 июня Карл Злой пригласил к себе Гийома Каля якобы для переговоров, поручившись честным словом за его безопасность. Наивный вождь восставших поверил в честность вероломного предателя и даже не потребовал заложников. Карл Злой повелел схватить его и тут же отдал приказ о наступлении. Оставшись без опытного вождя, крестьяне растерялись. По словам современника событий, «...Карл, король Наварры со всем своим отрядом... обрушился на пеших жаков и истребил их всех, за исключением очень немногих, укrywшихся в одном хлебном поле и ночью убежавших...»

Гийома Каля палачи подвергли зверским пыткам. Карл Злой приказал раскалить докрасна железный треножник и водрузить его на голову Каля. При этом он воскликнул, издеваясь:

— Вот так мы коронуем короля жаков!

Кровавая расправа с восставшими крестьянами продолжалась до конца лета и прекратилась только потому, что дворяне спохватились: а кто же будет убирать их поля?

Разгром крестьян означал также и конец парижского восстания. Дофин Карл перерезал дороги, ведущие к столице, в результате чего в город прекратился подвоз продовольствия, а в конце июня во главе

большой армии осадил Париж. В этой ситуации Этьен Марсель решил впустить в столицу английский отряд, приведенный Карлом Злым. Однако это вызвало недовольство горожан, Этьен Марсель утратил былую популярность и был убит 31 июля сторонниками дофина. Дофин Карл вступил в Париж и расправился с главными участниками восстания, а Карл Злой бежал к своим союзникам — англичанам.

В 1364 году, когда Иоанн Добрый умер в плену, дофин получил корону. Карл Пятый, как его теперь называли, оказался весьма толковым королем. Он сумел сплотить все силы на борьбу с англичанами. Под его руководством были собраны наемные отряды, усовершенствована артиллерия и, как результат, одержан ряд побед над врагом. К концу правления Карла Пятого (1380) в руках англичан остались лишь 5 приморских городов.

Что же касается Карла Злого, то его честолюбивые мечты о французской короне так и остались мечтами, и он умер в 1387 году с позорным клеймом предателя.

«БЕЗОБРАЗНЫЙ КОННЕТАБЛЬ»

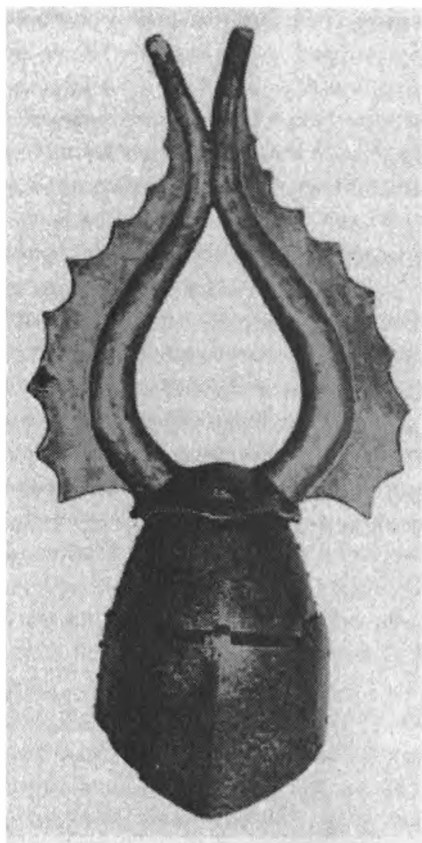
БЕРТРАН ДЮГЕКЛЕН

(1320 — 1380)

Природа жестоко насмеялась над этим отважным до безрассудства и благородным рыцарем, наделив его несоразмерно большой головой, похожей на наковальню, и маленьким приплюснутым носом. К тому же он стал кривым, лишившись левого глаза в одном из сражений. Но под этой уродливой внешностью скрывались пламенное сердце и чистая душа.

Бертран Дюгеклен, происходивший из бретонской рыцарской семьи, больше всего на свете ценил честь воина. Свой фамильный герб, изображавший черного двуглавого орла на серебряном поле, Бертран покрыв неувядаемой славой, гремевшей по всей Франции.

Бертран был непобедимым поединщиком, сразившим многих лучших английских рыцарей. Герцог Ланкастер, осаждавший в 1356 году город Ренн, пожелал встретиться с прославленным французским рыцарем, о котором он так много слышал. Английский герольд с белым флагом отправился в Ренн и передал Дюгеклену приглашение герцога. Тот, с позволения коменданта крепости де Пеное,

Рыцарский шлем. XIV в.

принял любезное приглашение одного из выдающихся полководцев своего времени. Ланкастер с большим почетом встретил французского гостя и, приказав подать вина, завел разговор о подвигах Дюгеклена. Бертран, смущаясь, попросил сменить тему. Тогда герцог заговорил о войне, об успехах англичан, и в конце концов попытался переманить Дюгеклена на свою службу. Отважный рыцарь, горячо любивший свою родину, ответил герцогу вежливым, но решительным отказом. В этот момент в шатер полководца вошел граф Пемброк — один из лучших рыцарей во всем английском войске. Он хотел было обратиться к своему начальнику, но, заметив Дюгеклена, неожиданно изменился в лице и подошел к нему со словами:

— Это вы убили Пемброка, моего славного родича, бывшего правителя Фужера?

Бертран спокойно подтвердил слова англичанина.

— В таком случае, — продолжал Пемброк, — я желаю отомстить за его смерть и требую трех ударов меча с вами.

Бертран вскочил со своего места и, радостно пожимая руку англичанину, с живостью воскликнул:

— Не только три, но даже шесть и еще более!

С позволения герцога поединок назначили назавтра в английском лагере. Когда Бертран возвратился в Ренн и отчитался во всем коменданту крепости, де Пеное упрекнул его в излишней горячности и высказал свои сомнения относительно честности англичан; старый воин опасался, что другие английские рыцари могут прийти на помощь Пемброку, и тогда Дюгеклен погиб. Но гордый бретонец ответил своему начальнику, что честь не позволяет ему отказаться от

поединка. К тому же он прекрасно владеет оружием и ничего не боится.

В назначенный час Дюеклен был на ристалище. Его противник, высокий и плотный, покрытый сверкающей броней, уже ожидал Бертрана. Поглазеть на поединок сбежалась целая толпа горожан. Герцог Ланкастер, назначивший судьей поля, тоже занял почетное место среди зрителей. Английские рыцари, любуясь своим грозным бойцом, нисколько не сомневались в его победе — Пемброк был гораздо выше и сильнее бретонца.

По сигналу герольда противники пришпорили коней и помчались навстречу друг другу. При первой схватке Дюеклену удалось легко ранить англичанина в плечо, но в ответ он получил оглушающий удар боевой палицей, от которого треснул его щит. Поскольку вторая и третья схватки никому из них не принесли победу, поединок на этом должен был и закончиться, но Бертран предложил противнику биться до победного конца. Пемброк охотно согласился. При четвертой схватке француз нанес ему такой сокрушительный удар секирой по шлему, что англичанин замертво свалился с коня. Это зрелище заставило английских рыцарей содрогнуться, а горожане разразились радостными криками, поздравляя победителя.

Не менее знаменитый поединок произошел у Дюеклена в 1359 году. На этот раз герцог Ланкастер осаждал Динан, который защищал Бертран Дюеклен. Военные действия шли вяло, часто прерываясь продолжительными периодами затишья. В один из таких периодов, когда между французами и англичанами действовало перемирие, знатный английский рыцарь Фома Кентерберрийский, сильно завидовавший славе Дюеклена, осмелился сделать ему большую пакость. Однажды вечером он захватил в плен младшего брата Бертрана, который безоружным прогуливался за стенами крепости. Захват безоружного рыцаря, да еще во время перемирия, расценивался тогда как бесчестный поступок, позорящий дворянина.

— Он хотел вас оскорбить и ищет для этого повод, — сказали Дюеклену товарищи по оружию.

На что бретонец сурово ответил:

— Повод уже есть, но я заставлю его пожалеть, что он доискался такого повода!

Не теряя времени, Бертран вскочил на коня и поскакал в ставку герцога Ланкастера. Узнав о причине его визита, герцог приказал вызвать в ставку Фому Кентерберрийского. Когда тот прибыл, английский военачальник упрекнул его за поступок, недостойный ры-

царя, и потребовал выдать пленника его брату. Однако Фома надменно заявил, что он никому не обязан давать отчета в своих поступках, а затем швырнул латную перчатку в лицо Дюгеклену. Бертран, сдерживая гнев, спокойно поднял ее и произнес:

— Вы хотите поединка? Что ж, вы его получите, и тогда я докажу в присутствии всех, что вы наглец и вероломный рыцарь.

Дуэль состоялась в Динане, куда прибыл и герцог Ланкастер со свитой английских дворян. Фома Кентерберрийский заставил долго ждать себя, а когда наконец явился, имел далеко не такой воинственный вид, как накануне. Он попросту трусил и искал примирения. Но Бертран Дюгеклен, жестоко оскорбленный, не допускал и мысли ни о каком примирении.

В самом начале боя Бертран выбил меч из рук подлого англичанина и, прыгнув с коня, перебросил этот меч через барьер. Фома попытался свалить на землю и растоптать конем пешего противника, но Бертран железной рукой опрокинул его вместе с конем. Вынужденный спешиться, англичанин снял с луки седла боевой топор и бросился на бретонца. Несколько минут они, прикрываясь щитами, яростно рубились. Наконец французский рыцарь обезоружил врага и прижал его к земле. Тогда герцог Ланкастер попросил пощады для побежденного. Бертран, который никогда не поднимал руку на безоружного, с легким сердцем даровал ему жизнь. Фому, имевшего очень жалкий вид, подняли с земли, после чего герцог Ланкастер с позором изгнал его из своего войска.

Истинный сын своего времени, Бертран Дюгеклен, подобно другим рыцарям, любил приносить разнообразные обеты, которые современному читателю могут показаться более чем странными. Так, он часто клялся, что не будет ничего есть, пока не сразится с англичанами. Клялся не брать в рот ни куска мяса и не снимать платья, пока не овладеет Монконтуром, а перед поединком с графом Пемброком Бертран заявил, что не встанет из-за стола, пока не съест три миски винной похлебки во имя Пресвятой Троицы.

Отважный до безрассудства в бою, Бертран робел перед женщинами, стесняясь своей уродливой внешности. Это долгое время не давало ему познать радости любви. Бедный рыцарь, лишенный женской ласки, тяжело страдал. Но вот однажды, а именно после поединка с Фомой Кентерберрийским, одна прекрасная дама по имени Тифения Равенель громко высказала свое восхищение Бертраном. Очарованная его отвагой, силой и искусством фехтовальщика, она сказала ему с глубокой нежностью в голосе:

— Господин Бертран, я вас только что видела на дуэли. Вы были так прекрасны!

Щеки смущенного рыцаря запылали огнем. Не найдя, что ответить, Бертран вскочил на коня и умчался прочь. Прошло немало времени, прежде чем он осмелился сделать ей предложение. Влюбленная дама тотчас же дала согласие. Возвратившись с этого свидания, Бертран обхватил руками свою уродливую голову и зарыдал от счастья.

12 сентября 1360 года Тифения Равенель стала его женой. Счастливым новобрачный, забросив меч и латы, несколько лет упивался любовью. Казалось, он и думать забыл о ратных подвигах и воинской славе. Франция стонала под пятой англичан, а Бертран тем временем наслаждался семейным счастьем. Идиллия продолжалась до тех пор, пока Тифения не обратилась к нему с гневной речью:

— Сударь, вами начато прекрасное дело, и только благодаря вашим усилиям Франция сможет вновь обрести утраченные провинции. Но я вижу, что из-за любви ко мне вы готовы потерять честь. Это недопустимо, к тому же я не смогу этого пережить. Знайте же, если вы не отправитесь воевать, ни одна женщина на свете не сможет вас любить.

Эти слова отрезвили Бертрана, и, пристыженный, он отправился на войну. Его помощь очень требовалась дофину Карлу, который в это время вел боевые действия против союзника англичан, наваррского короля Карла Злого. Узнав о том, что 13 мая 1364 года дофин собирается короноваться в Реймсе, король наваррский задумал похитить его по дороге из Парижа в Реймс. Войско наваррцев под командованием Жана де Грайи, зятя Карла Злого, расположилось лагерем на холмах близ Кошреля, поджидая дофина. Здесь-то наваррцев и встретил отряд Дюгеклена. В ожесточенном двухдневном сражении наваррцы были разгромлены.

Эта блестящая победа, давшая возможность дофину короноваться в Реймсе под именем Карла Пятого, предопределила дальнейшую судьбу Дюгеклена. Молодой король оценил выдающиеся способности отважного рыцаря, и после победы у Кошреля началась его карьера полководца. В 1370 году Бертран Дюгеклен удостоился высшего воинского звания — коннетабля Франции. Многие аристократы при французском дворе открыто выражали недовольство, считая, что столь высокий пост не может занимать незнатный дворянин, но король, убедившись в незаурядном полководческом таланте Дюгеклена, настоял на своем.

Новый коннетабль, отказавшись от крупных сражений, использовал в войне с англичанами на юго-западе Франции почти

партизанскую тактику. На врага он всегда нападал внезапно, когда английские солдаты растягивались на марше. Прежде чем осаждать какой-либо город, Дюгеклен вступал в тайные соглашения с горожанами, а уж затем, заручившись их поддержкой, неожиданно для врага шел на приступ. Успех неизменно сопутствовал энергичному коннетаблю. Его умелые боевые действия вызвали патриотический подъем в тылу английских войск. Народ Франции поднялся на борьбу с захватчиками. Победы Дюгеклена привели к перелому в ходе войны — к концу его жизни в руках англичан осталось всего 5 французских портов.

В 1380 году бесстрашный рыцарь и талантливый полководец умер. Карл Пятый, признавая выдающиеся заслуги Бертраана Дюгеклена, распорядился похоронить его с почестями в королевской усыпальнице Сен-Дени. Когда тело покойного коннетабля доставили в храм, посреди хора была воздвигнута «пылающая часовня», уставленная свечами и факелами, под сенью которой находилось восковое изображение Дюгеклена.

Подробное описание пышной траурной церемонии содержится в хронике Фруассара:

«...Епископ Осерский, служивший монастырскую мессу, сошел вместе с королем, чтобы принять дары, ко вратам хора, и явилось там 4 рыцаря, облаченных с ног до головы в доспехи такие же, как у покойного коннетабля... за ними же следовали четверо других верхом на красивейших конях из королевской конюшни в доспехах коней означенного коннетабля, несущих его знамена, некогда столь грозные для врагов государства... После того явились с дарами коннетабль де Клиссон и оба маршала в окружении 8 маркизов, каждый из которых держал гербовый щит покойного «острием вверх», в знак утраты его земного дворянства, и вокруг них были горящие свечи.

За ними последовали г-н герцог Туренский, брат короля, Жан, граф де Невер, сын герцога Бургундского, и мессир Пьер, сын короля Наваррского, все принцы крови, и мессир Анри де Бар, также кузен короля, все — опустив глаза, и каждый держал за острие обнаженный меч в знак того, что они даруют Богу одержанные ими победы и признают, что одержали их Божьей милостью благодаря отваге покойного. В третью очередь явились еще четверо знатнейших вельмож королевства, в доспехах с ног до головы, перед которыми шли 8 оруженосцев, из самой знатной молодежи свиты короля, каждый нес в руках шлем; далее — четверо, также одетых в черное, каждый из них держал развернутое знамя с гербом дю Геклена. Все двигались медленным шагом с величайшей важностью и выражением скорби, и

каждый, в свою очередь, преклонял колена перед алтарем, где лежали все знаки отличия, и возвращался тем же порядком, поцеловав руки прелату, ведущему службу».

Такая помпезность была принята только на похоронах королей и принцев крови; это были исключительные почести, которых заслуженно удостоился непревзойденный рыцарь и победоносный коннетабль Бертран Дюгеклен.

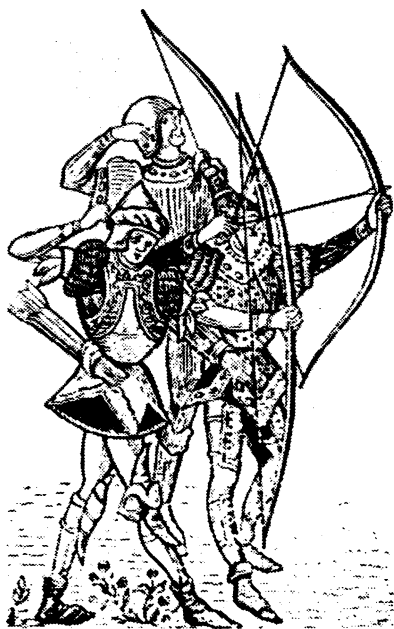
«ВЛАСТИТЕЛЬ ДВУХ КОРОЛЕВСТВ»

ГЕНРИХ ПЯТЫЙ

(1387—1422, король Англии с 1413 г.)

Никогда Англия не была так близка к окончательной победе в Столетней войне, как в годы царствования Генриха Пятого из династии Ланкастеров. Воинственный король, одержавший блистательную победу над французским рыцарством при Азенкуре (1415), уже примерил к своему челу корону Франции, когда таинственная смерть сразила его в самом расцвете лет и похоронила вместе с ним боевую славу англичан.

Генрих Пятый обладал твердым, рыцарственным характером. Современники особенно выделяли его справедливость. Но это не совсем так; в приступе яростного гнева или порыве отчаяния он часто совершал крайне жестокие и несправедливые поступки. Внешность молодого короля производила благоприятное впечатление: овальное лицо с прямым носом и румяными щеками, обрамленное темными гладкими волосами; выразительные глаза, в минуты гнева сверкающие огнем; стройное, подвижное, крепко сложенное тело.

*Английские лучники при Азенкуре.
Гравюра XV в.*

Главные политические цели Генриха Пятого отличались имперским размахом. Он страстно желал объединить под своей властью Англию и Францию, две ведущие державы западного мира, после чего намеревался организовать грандиозный крестовый поход против турок, чья возрастающая с каждым годом мощь начинала угрожать странам Европы.

В 1414 году Генрих тщательно готовил армию вторжения, перед которой ставилась задача окончательно сломить упорство Франции, раздираемой внутренней борьбой между арманьяками и бургиньонами при безумном короле Карле Шестом. Для обеспечения успеха морского вторжения, Генрих распорядился построить шесть крупных и большое количество мелких кораблей. Тщательно отобранная и прекрасно обученная экспедиционная армия состояла из 6 тысяч первоклассных лучников и 2500 рыцарей, при каждом из которых находились по два-три оруженосца. Таким образом, английская армия вторжения насчитывала не менее 14 тысяч превосходных бойцов.

Заклучив военный союз с Бургундией, король Генрих во главе своего войска отплыл из Англии 11 августа 1415 года. Высадившись в устье Сены, англичане атаковали прибрежный французский город Арфлер. Однако гарнизон Арфлера оказал упорное сопротивление захватчикам, и город был взят только после полуторамесячной осады, когда артиллерия разрушила все его укрепления. Взбешенный король жестоко расправился с героическими защитниками крепости. Делегацию горожан, явившихся в английский лагерь для переговоров, англичане заставили выдать ключи от города, стоя на коленях, с веревками на шее. Оставшихся в живых после кровавой расправы Генрих Пятый повелел выселить из города, превращенного теперь в английский форпост на побережье Франции.

Еще во время осады Арфлера в лагере англичан началась эпидемия, и королю пришлось отослать домой несколько тысяч больных солдат. С остатками армии (6—7 тысяч) Генрих направился в контролируемый англичанами порт Кале, где его должен был ожидать флот, но уже неподалеку от цели похода, у Азенкура, дорогу преградило большое французское войско (до 20 тысяч бойцов). Принимая во внимание усталость своих солдат после длительного марша, а также подавляющее численное преимущество противника, король Генрих Пятый вступил в переговоры, предложив вернуть французам Арфлер и всех пленников за право прохода в Кале. Но французский король выдвинул неприемлемое для него встречное условие — Генрих Пятый

должен навсегда отказаться от притязаний на французскую корону. Переговоры зашли в тупик, и сражение стало неизбежным.

Французские рыцари еще вечером 24 октября выстроились в три боевые линии. Хотя сражение началось только на следующее утро, многие из них так и провели всю ночь в седле, бесполезно утомив коней и самих себя, но зато их богатые доспехи и красивые расшитые плащи остались незапятнанными грязью, покрывавшей вспаханное поле предстоящей битвы.

Наутро Генрих Пятый выехал к своим солдатам в королевской мантии, расшитой леопардами и лилиями (символы Англии и Франции) и с золотой короной на шлеме. Подбодрив воинов, он отдал приказ: «Во имя Господа Всемогущего и святого Георгия, вперед зная, и да придет святой Георгий в этот день нам на помощь!»

Английские лучники расположились в виде шести больших клиньев, окружив свои позиции рядами вбитых в землю кольев. Каждый из этих клиньев поддерживал небольшой отряд рыцарей. Лучники осыпали стрелами тесно сгрудившихся неприятельских рыцарей, мешавших действовать собственным стрелкам и артиллерии. Когда первая линия французских рыцарей пошла в атаку, копыта их лошадей увязли в топкой грязи, покрывавшей вспаханное поле. Большинство рыцарей пали, пронзенные стрелами; многие были захвачены в плен; однако место погибших и плененных заняли бронированные бойцы второй линии. Английские лучники, отложившие луки и схватившиеся за мечи, контратаковали их при поддержке своих рыцарей. Вторая линия французов, оставив на земле большое количество убитых и раненых, отступила в полном беспорядке.

В этот момент французские обозники и крестьяне принялись грабить беззащитный лагерь англичан. Среди прочего они похитили Большую государственную печать, корону и весь гардероб Генриха Пятого. Грабители производили ужасный шум, и король, вообразивший, что французские войска ухитрились нанести удар с тыла, пришел в отчаяние. Решив стоять насмерть, он отдал чудовищно кровавый приказ — перерезать всех пленников. Этот приказ, нарушавший рыцарские правила ведения войны, Генрих отдал лишь потому, что считал положение своей армии безнадежным. А дело между тем обстояло как раз наоборот; французы, понеся огромные потери, начали отступление, так и не введя в бой третью линию.

Слава Азенкура затмила даже блеск побед при Кресси и Пуатье. С тех пор французские рыцари, откровенно опасавшиеся англичан, больше не отваживались на участие в генеральных сражениях, предпочитая им мелкие стычки и оборону замков.

Генриха Пятого, отплывшего после битвы из Кале, на родине ожидал сумасшедший триумф. Англичане ликовали, с восхищением разглядывая захваченные трофеи и самого короля в простой одежде, с покоренным шлемом и погнутым выщербленным мечом — свидетельствами его доблести.

В 1417 году король Генрих Пятый совершил второй поход во Францию, продолжавшийся три года и завершившийся полнейшим триумфом. К 1419 году англичане овладели всей территорией Нормандии, после чего французский король капитулировал. Этот ошеломительный успех увенчал договор в Труа, заключенный между двумя королями в мае 1420 года. В соответствии с договором Карл Шестой Безумный оставался королем Франции, но он признавал Генриха наследником французской короны после своей смерти и регентом королевства при жизни, что означало фактическое объединение двух корон в руках Генриха Пятого. Теперь он носил титул «Король Англии и Наследник Франции». Для закрепления своего успеха Генрих женился на Екатерине, прекрасной дочери безумного короля.

Однако, как оказалось, до полной победы было еще далеко. Дофин Карл, сын Карла Безумного, которого Труасский договор лишил престола и заклеил как бастарда, возглавил сопротивление англичанам. Чтобы покончить с этим врагом и окончательно покорить Францию, Генрих Пятый предпринял в 1422 году третий поход на континент. Этот поход также развивался вполне успешно, но в августе 1422 года король Генрих Пятый скорострительно скончался от какой-то неизвестной болезни (предположительно, от дизентерии). А вскоре после его смерти империю, созданную мечом великого завоевателя, постиг полный крах.

Английский историк Стаббс так оценивает личность Генриха Пятого:

«Он был религиозен, чист в жизни, умерен, великодушен, заботлив и при этом великолепен, милосерден, правдив и честен, сдержан в речи, осторожен в совете, благоразумен в суждениях, скромнен в одежде, благороден в поступках, блестящий солдат, здравомыслящий дипломат, способный организатор, объединивший все имеющиеся в его распоряжении силы, он восстановил английский военный флот, он заложил основы нашего военного, международного и морского права. Это настоящий англичанин, обладающий всем величием своих предков Плантагенетов и не подверженный их разительным порокам».

Панегирик Стаббса, безусловно, содержит немало прикрас и преувеличений; но что также не подлежит никакому сомнению, так это рыцарская доблесть и полководческий талант Генриха Пятого.

«ГИБЕЛЬНОЕ ПРОРОЧЕСТВО»

ТОМАС МОНТЕГЮ, ГРАФ СОЛСБЕРИ

(? — 1428)

Томаса Монтегю современники считали самым искусным, опытным и удачливым из всех английских капитанов. Будучи еще безусым юнцом, он храбро сражался с французами во многих кампаниях Столетней войны. В 1414 году Генрих Пятый посвятил графа Солсбери в рыцари ордена Подвязки, а в 1415-м новый кавалер оправдал оказанную ему высокую честь в битве при Азенкуре, после чего отличился при осаде Кана и Руана. В 1419 году король назначил его наместником в Нормандии, закрепив за Солсбери графство Перш, домен Небур и земли Лонгви.

В качестве наместника английского короля Солсбери, вместе с людьми герцога Бургундского, участвовал в подготовке Труасского договора (1420), возгласившего о фактическом объединении французской и английской корон под эгидой Генриха Пятого. Но французы, чье национальное достоинство унижал этот договор, не признавали его, равно как и дофин Карл, считавший себя законным наследником французского престола. Таким образом, договор в Труа привел лишь к обострению борьбы в переломные годы Столетней войны.

Символом сопротивления позорным условиям Труасского договора стал небольшой городок Мелен на Сене, расположенный южнее Парижа. Гарнизон Мелена возглавил рыцарь Гийом де Барбазан, горячий патриот Франции. Английская армия, в состав-

*Рыцарь в парадных доспехах.
С картины Ян ван Эйка. 1436 г.*

ве которой находился и отряд капитана Солсбери, в течение 18 недель безуспешно осаждала непокорный городок. Генрих Пятый приказал доставить в английский лагерь помешанного французского короля Карла Шестого, убеждая осужденных открыть ворота города ему. Героические защитники отказались сделать это, утверждая, что французский и английский короли являются смертельными врагами, и Карл Шестой в данном случае действует по принуждению со стороны Генриха Пятого.

Выстоять против целой армии истощенный от голода гарнизон Мелена конечно же не смог. В конце концов город был взят, а многие из его защитников перевешаны. Что касается самого Барбазана, то его англичане посадили в тесную железную клетку, словно диковинного зверя.

Осада Мелена знаменовала собой начало нового этапа Столетней войны: на смену рыцарским правилам ведения военных действий пришло невиданное до того ожесточение борьбы и пробуждение национального самосознания французского народа, возмущенного Труасским договором.

После взятия Мелена граф Солсбери победоносно сражался при Боже (1420), Краване (1423) и Вернее (1424). Лишь однажды, при осаде Монтаржи (1427), опытный капитан потерпел досадную неудачу, когда его солдат отбросили от осажденного города полки Ла Гира и Орлеанского Бастарда.

В 1428 году, накануне решающих боев за Орлеан, Солсбери отправился в Англию за подкреплениями. Там он сформировал армейский корпус, срок службы которого ограничивался по договору шестью месяцами. В состав корпуса Солсбери входили: 1 рацарь-знаменосец, 8 кандидатов в рыцари, 436 солдат, 2170 лучников, 4 артиллериста и 80 человек обслуживающего персонала — плотники, каменщики, оружейники и прочие мастера-ремесленники. С этими силами английский полководец пересек Ла-Манш и захватил Рамбуйе, Мен, Божанси и Жаржо, а 12 октября 1428 года приступил к осаде главной крепости — Орлеана.

Взятию Орлеана Солсбери придавал исключительно важное значение, поскольку этот крупный город на Луаре служил как бы мостом, соединяющим северные и южные провинции Франции. Север страны оккупировали английские и бургундские войска; юго-запад, т.е. Аквитанский фьеф, с XII века принадлежал британской короне по праву наследования. Таким образом, в случае падения Орлеана, почти утратившие боеспособность войска дофина Карла обречены:

арманьякам не выдержать одновременного натиска с северного и западного фронтов.

Наступление англичан на Орлеан началось со стороны Шартра. Здесь произошел один неприятный для Солсбери эпизод. В «Хронике Нормандии» рассказывается о том, как «некий кудесник», Жан из Мена, обладавший даром ясновидения, предупредил английского полководца о нависшей над ним смертельной опасности и посоветовал ему «поберечь голову». Однако Солсбери, заподозривший в нем шпиона арманьяков, не поверил пророчеству французского колдуна, и, как оказалось, напрасно.

В течение июля 1428 года англичане овладели небольшими городками в районе Бос-Анжервиля: Жанвилем, Тури, Артенэ, Пате и Оливэ, после чего подступили к самому Орлеану. Первым делом Солсбери захватил форт Турель — две его башни защищали подходы к мосту через Луару, ведущему к воротам города. Орлеанцы сами разрушили одну из арок моста и укрепили островок Бель-Круа, служивший до этого мостовой опорой, поэтому Турель была сдана противнику без боя. После этого англичане начали методично окружать город бастидами (фортами): по дороге на Блуа они возвели бастиду Сен-Лоран; дорогу на Париж и Шатоден перекрыли бастиды Лондон и Париж; между ними расположилась бастида, названная Руаном, а на перекрестке дорог на Жьен и Питивье выросла бастида Сен-Лу. Все эти бастиды, связанные между собой частоколом и укрепленными валами, заблокировали трое из четырех ворот города: Ренар, Базье и Паризи; только Бургундские ворота, остававшиеся еще свободными, давали орлеанцам зыбкую надежду на получение помощи.

Бастиды, блокировавшие город, англичане воздвигли по распоряжению Солсбери, но уже после его гибели. 15 октября полководец задумчиво смотрел на Орлеан с высоты форта Турель, пытаясь составить в уме наиболее эффективный план осады, как вдруг резкий звук выстрела из бомбарды заставил его попятиться от окна, выходящего на город. Через секунду влетевшее в окно каменное ядро снесло Солсбери часть лица. Несмотря на ужасную рану, он умер не сразу; мучительная агония Солсбери продолжалась целых 12 дней. По крайней мере, так утверждает анонимный автор «Дневника осады Орлеана»:

«...в ночь (на 27 октября) скончался граф Солсбери... смерть которого ошеломила и огорчила англичан, ведущих осаду». Орлеанцы же сочли гибель Солсбери Божьей карой и знаком грядущих добрых перемен.

Так свершилось пророчество французского кудесника.

«РЫЦАРСТВЕННАЯ ДЕВА»

ЖАННА Д'АРК

(1412—1431)

Величайшей героине французского народа посвящено огромное количество книг, брошюр, статей, пьес и кинофильмов. Ее короткая, но яркая и совершенно необыкновенная для молодой девушки жизнь настолько насыщена всевозможными событиями и фактами, что было бы чистейшим безумием пытаться рассказать о ней в коротком биографическом очерке. Поэтому здесь автор лишь кратко коснется некоторых военных вопросов, связанных с образом Рыцарственной Девы.

После испытания, учиненного Жанне богословами в Пуатье, дофин Карл распорядился изготовить для нее ратные доспехи. В каталоге коллекции старинного оружия, собранной в Амбуазском замке, под номером 31 упоминается о «латах Девы, паре латных рукавиц, шлеме с кольчужным нашейником. Его края позолочены, внутри он обшит двойным слоем темно-малинового золототканного атласа».

Жанна д'Арк носила военную одежду из прямоугольных стальных пластин и «бригандин», представлявших собой жилет, внутри

Жанна д'Арк у замка Шинон. Миниатюра XV в.

которого имелось множество маленьких стальных пластин, соединенных заклепками, чьи головки составляли правильный геометрический рисунок.

По свидетельству хрониста Вана Шартье, Дева «обладала полным снаряжением, была вооружена, словно рыцарь армии, сформированной при дворе короля». Братья Ги и Андре де Лаваль видели Жанну неподалеку от Роморантена «...в доспехах, только голова оставалась непокрытой, с маленькой секирой в руке, на большом вороном скакуне». Писарь ратуши города Альби добавляет к этому: «Жанна была закована в белое железо с головы до ног».

Запись казначея дофина Эмона Рагне, содержащаяся в его отчетах за апрель 1429 года, называет сумму денег, истраченную на доспехи Жанны: «Было заплачено и вручено... оружейных дел мастеру за изготовление лат для вышеупомянутой Девы 100 турецких ливров».

Сто ливров — сумма изрядная, по крайней мере, вполне достаточная для экипировки благородного рыцаря.

Обычно Жанна появлялась на людях с непокрытой головой, но во время боевых действий она защищала голову шлемом с широкими бортами или салатом — особым типом шлема с небольшим забралом и высоким гребнем. Мечей у Девы было несколько. Первый меч ей подарил Робер де Бодрикур, капитан Вокулера, тот самый, к которому девушка обратилась с просьбой препроводить ее к дофину. Второй меч был захвачен у какого-то бургундца, но чудесное приключение с третьим мечом Жанны напоминает легендарные истории времен короля Артура. Когда Деве потребовался новый меч, она высказала необычную просьбу: отправить кого-либо в церковь Сент-Катрин-де-Фьербуа. На недоуменный вопрос, откуда ей известно, что в этой церкви хранится какой-то меч, Жанна отвечала:

«Этот меч зарыт в землю, он проржавел, и на нем выгравировано пять крестов; то, что меч находится там, она узнала от своих голосов (являвшихся Жанне святых Екатерины и Маргариты)... Этот меч был неглубоко зарыт в землю, и священнослужители тут же выкопали его и очистили от ржавчины... На поиски меча отправился оружейных дел мастер из Тура... а священнослужители церкви Сент-Натрин-де-Фьербуа подарили ей ножны, равно как и жители Тура; таким образом, у нее было двое ножен: одни из ярко-красного бархата, другие из золототканного полотна, а сама она заказала ножны из крепкой кожи, очень массивные».

Любопытная деталь — когда Жанну схватили у Компьеня, при ней был не этот меч, а тот, который принадлежал ранее бургундскому

рыцарю. Невольно возникает интересное предположение: не этот ли чудодейственный меч из церкви приносил ей удачу? И не потому ли Дева была пленена, что при ней в тот момент по какой-то причине его не оказалось? Впрочем, подобные предположения могут завести очень далеко. Чудес, связанных с Орлеанской Девой, более чем достаточно, но это — отдельная тема.

Художнику по имени Ов Пулнуар Жанна заказала изготовить знамя, поскольку это ей также внушили сделать голоса:

«...они велели ей взять знамя своего Господина (Бога); и поэтому Жанна заказала свое знамя, с образом Спасителя Нашего, сидящего на суде во тьме небесной; на нем был также изображен ангел, держащий в руках своих цветок лилии, который благословлял образ (Господь)».

С этим знаменем в руках Жанна д'Арк всегда шла на приступ, чтобы никого не убивать; так она утверждала на суде, и нет никаких оснований ей не верить. Знамя с образом Бога Жанна почитала как святыню. На вопрос судей, что она предпочитала больше, меч или знамя, девушка отвечала без малейших колебаний: «Я предпочитала, и даже в сорок раз больше, мое знамя моему мечу». Судьи задали ей еще один вопрос относительно знамени: «Почему на миропомазании короля ваше знамя занимало в Реймском соборе место лучшее, чем знамена остальных капитанов?» На что без промедления последовал гордый ответ: «Оно хорошо потрудились, и справедливо, чтобы оно было в чести».

Что касается боевых коней, то, по словам Жанны, их у нее было пять, не считая семи рысаков. Больше прочих Орлеанская Дева дорожила тем конем, что подарил ей герцог Алансонский, очарованный той ловкостью и грацией, с какими Жанна выполняла военные упражнения.

Перед отправкой в осажденный Орлеан дофин Карл собрал военную свиту для Девы. Свиту составляли: интендант Жан д'Олон, отвечавший за безопасность Жанны; два пажа — Луи де Кут и Раймон; и два герольда, Амблевиль и Гийенн, исполнявшие роль гонцов для связи с дофином и французскими капитанами. Эти гонцы также передавали послания Девы англичанам. Сохранился текст третьего, последнего, ее письма, адресованного захватчиком:

«Вы, англичане, не имеете никакого права на это французское королевство. Царь Небесный повелевает вам и требует моими устами — Жанны Девы — оставить ваши крепости и вернуться в свою страну, ежели вы этого не сделаете, я вам устрою такое сражение, о котором

вы будете помнить вечно. Вот что я вам пишу в третий и последний раз, и больше писать не стану. Подписано: Иисус Мария, Жанна Дева».

Жанна д'Арк вступила в Орлеан 29 апреля 1429 года. Ее прибытие было встречено приветственными кликами и ликованием горожан и солдат гарнизона. По воспоминаниям Жана Орлеанского, руководившего обороной города, «...в руке она сжимала свое белое знамя с изображением Господа Нашего, держащего в руке цветок лилии; со мной и Ла Гиром она пересекла реку Луару, и мы вместе вошли в город Орлеан».

Сразу же по прибытии девушка призвала нерешительных капитанов к активным боевым действиям. 4 мая Жанна впервые пошла в бой. Она так уверенно повела солдат на штурм английской бастиды (форта) Сен-Лу, словно всю жизнь командовала армией. Впрочем, тут же проявилась и ее женская природа: при виде корчащихся в пыли раненых на ее глазах показались слезы сострадания. И тогда, и в последующих боях Жанна проявляла гуманность и милосердие не только к своим солдатам, но и к врагам.

Тот день принес первую победу: бастида Сен-Лу пала. 6 мая была одержана вторая победа — французы захватили бастиду Августинцев. И снова успех обеспечил личный пример храброй девушки. Вот как повествует об этом ее интендант д'Олон:

«...когда они увидели, что враг выходит из бастиды (Августинцев) и собирается напасть на их людей, тотчас Дева и Ла Гир которые всегда находились впереди войска, чтобы оберегать его, взяли копья наперевес и ринулись на неприятеля. И тогда все последовали их примеру, начали бить врага и силой заставили его отступить... Так в этот день Дева и те, кто был с ней, одержали победу над врагом. И была захвачена мощная крепость, и сеньоры и воины с Девой оставались там всю ночь».

8 мая Жанна повела войска на главный форт англичан — Турель, контролировавший мост через Луару. Турель была сильно укреплена, и штурм долго не приносил успеха. К тому же в этом бою Дева получила первое ранение — стрела вонзилась ей в плечо. От боли девушка расплакалась, и ее вынесли с поля боя. Однако после того, как удалили обломок стрелы и смазали кровоточащую рану оливковым маслом и жиром, Жанна, ко всеобщему удивлению и восхищению, вернулась на позиции. Французские солдаты уже подумывали об отступлении от Турели, когда вернувшаяся к ним бледная, но непреклонная Жанна вновь сплотила их и повела на решительный штурм, описанный д'Олоном:

«...все люди из армии Девы собрались, и вновь присоединились к ней, и с невероятным воодушевлением пошли на приступ крепостной стены, так что вскоре и стена и крепость были ими взяты, а враги покинули их; и вошли французы в город Орлеан по мосту».

На следующий день англичане покинули оставшиеся у них укрепления и отступили прочь от города. Так осада Орлеана, продолжавшаяся более полугода, была снята за девять дней. Возможно, Жанне потребовалось бы для этого еще меньше времени, если бы не колебания и нерешительность опасных французских капитанов. Горожане восприняли происшедшее как чудо, ниспосланное самим Господом, но Орлеанская Дева пока не считала свою миссию завершённой; 13 мая Жанна встретилась с дофином и убедила его следовать за ней в Реймс, на коронацию.

С точки зрения военных, поход на Реймс представлял собой нелепое и опасное предприятие, поскольку приходилось продвигаться по территории, контролируемой бургундцами, союзниками англичан; но у Жанны были свои доводы, о которых поведал Жан Орлеанский:

«Я вспоминаю, что после победы (при Орлеане)... принцы королевской крови и капитаны хотели, чтобы король направился в Нормандию, а не в Реймс; но Дева всегда считала, что нужно идти в Реймс, дабы миропомазать короля, и приводила доводы, говоря, что, как только король будет коронован и миропомазан, мощь неприятеля станёт постоянно убывать и в конце концов враг не сможет вредить ни ему, ни королевству».

12 июня на пути к Реймсу французские войска овладели крепостью Жарко. Как всегда, Жанна была впереди: со знаменем в руках она взбиралась по штурмовой лестнице, когда на ее голову обрушился большой камень. Ударившись о стальную каску, камень разлетелся на куски, а оглушенная девушка упала в ров. Однако она тут же поднялась на ноги и закричала, ободряя своих солдат:

«Друзья, ну же! Вперед! Господь уже вынес приговор англичанам, и теперь они наши, не сомневайтесь!»

И действительно, через несколько минут англичане выкинули белый флаг. А еще через неделю, как и предсказывала Жанна, французы одержали славную победу в сражении при Пате. Англичане потеряли убитыми более двух тысяч человек, а их лучший полководец, Джон Талбот, был взят в плен.

16 июля французская армия вступила в древний город Реймс, где на следующий день произошла торжественная церемония миропома-

зания и коронации Карла Седьмого. Присутствовавшие на ней анжуйские дворяне так описывают это событие:

«В час, когда король был миропомазан и также когда ему на голову возложили корону, все закричали: «Ноэль!» («радостное известие»). И трубы зазвучали так громко, что казалось, своды церкви рухнут. И во время этого таинства Дева постоянно находилась рядом с королем и держала в руке свое знамя».

По завершении церемонии Жанна, преклонив пред королем колени, сказала ему со слезами на глазах:

«Милый король, отныне исполнено желание Бога, который хотел, чтобы я сняла осаду с Орлеана и привела вас в этот город Реймс принять ваше святое миропомазание, показав тем самым, что вы истинный король и тот, кому должно принадлежать королевство».

Вслед за коронацией Карла Седьмого последовало наступление на Париж, но король все больше прислушивался к мнению своих советников, завидовавших громкой славе девушки из простонародья, и все больше охладевал к той, которая столько для него сделала. Он долго медлил и колебался, прежде чем отдать приказ идти на Париж, дав тем самым возможность англичанам основательно подготовиться к обороне. Лишь 6 сентября состоялся первый приступ оккупированной врагом столицы. Жанна с отрядами маршала де Ре и сира де Гокура атаковала город со стороны ворот Сент-Оноре. Персиваль де Кани, хронист герцога Алансонского, повествует:

«Дева взяла в руки свое знамя и среди первых вошла в ров со стороны Свиного рынка. Штурм шел трудно и долго, и было отрадно слышать весь этот шум и грохот выстрелов пушек и кулеврин, из которых обстреливали нападающих, и летели во множестве стрелы, дротики и копья... Штурм продолжался примерно с часу после полудня до часа наступления сумерек; после захода солнца Дева была ранена стрелой из арбалета в бедро, а после ранения она изо всех сил кричала, чтобы каждый приблизился к стенам и что город будет взят; но, поскольку наступила ночь и она была ранена, а солдаты устали от долгого штурма, который они предприняли, сир де Гокур и другие пришли за Девой и против ее воли вынесли ее из рва, и так закончился штурм».

Жанна приказала своим капитанам готовиться к повторному штурму на следующий день, но король, не веривший в успех предприятия, повелел ночью тайно разобрать переправу через Сену, сооруженную герцогом Алансонским из сцепленных между собою лодок, а 10 сентября последовал приказ к отступлению, сильно возму-

тивший Жанну и ее верных соратников. Однако воле короля не перечат, и Деве, скрепя сердце, пришлось подчиниться.

Перед тем как оставить столицу, Жанна, в соответствии с данным ею обетом, оставила в базилике Сен-Дени свои белые ратные доспехи и меч, полученный под Парижем.

После отступления от Парижа Карл Седьмой распустил свою армию. Прекратив активные боевые действия, он затеял длительные переговоры с бургундцами. Орлеанская Дева просила своего короля направить ее вместе с герцогом Алансонским, начавшим войну за Нормандию, но Карл Седьмой по совету Ла Тремуя отказал ей в этом; тогда, считая свою миссию законченной, она умоляла короля отпустить ее в родную деревню, но и в этом ей было отказано тоже. Карл Седьмой использовал теперь Жанну для второстепенных военных операций, а именно для борьбы с главарями многочисленных бандитских шаек. Дева разгромила банду известного разбойника Франке; штурмом овладела крепостью Сен-Пьер-ле-Мутье, принадлежавшей другому отпетому бандиту — Перрине Грессару, но под городом Ла-Шарите она потерпела неудачу вследствие того, что король не оказал ей ни малейшей поддержки. Советники неблагодарного короля к тому времени настолько тяготились непослушной Жанной, что решились погубить девушку, хотя бы ценой предательства.

Герцог Бургундский, перехитривший Карла Седьмого, внезапно открыл против французов военные действия и осадил Компьень. В мае 1430 года Орлеанская Дева была направлена на помощь осажденному городу с небольшим отрядом в 300 копий. Бургундец Шателлен, видевший ее 16 мая в Компьене, запечатлел такой портрет Рыцарственной Девы:

«Она сидела в полном вооружении на лошади, как будто была мужчиной, а доспехи ее украшала накидка из ярко-красного золототканого полотна, она ехала на сером рысаке, очень красивом и очень гордом, и держалась в своих доспехах благородно, как если бы была капитаном... И так, с высоко поднятым знаменем, развевающимся по ветру, в сопровождении множества благородных рыцарей, около четырех часов пополудни выступила из города».

23 мая, сражаясь у Марни, неподалеку от Компьеня, маленький отряд Жанны д'Арк попал в засаду. Дева с небольшой группой рыцарей прикрывала отход своих солдат, отступавших по мосту в Компьень, когда свершился акт самого подлого предательства. Как передает Персиваль де Кани, «...капитан города, увидев огромное множество бургундцев и англичан у входа на этот мост, из страха поте-

рять город приказал поднять городской мост и закрыть городские ворота. И таким образом, Дева осталась вне стен города и немного людей вместе с ней».

Впоследствии было доказано, что действия Гийома де Флави, капитана Компьеня, объяснялись вовсе не страхом за город, так как прямой угрозы захвата крепости не существовало. Истина заключалась в другом — Гийом де Флави был подкуплен английским золотом. Жанна, брошенная на произвол судьбы, оказалась в плену. Сцену ее пленения описывает тот же бургундец Шателлен:

«Дева, превозмогая свое женское естество, совершила подвиги и много потрудилась, чтобы спасти свой отряд от поражения... как военачальник и как самая храбрая из всего отряда... Некий лучник, человек резкий и крутого нрава, которому сильно досаждало, что женщина, о которой он так много слышал, вот-вот справится со столькими отважными мужчинами... схватил ее сбоку за накидку из золотого полотна, стянул с лошади, и она плашмя упала на землю».

Бургундский хронист Ангерран де Монстреле добавляет к этому:

«Те из бургундской партии и англичане были очень рады, больше, чем если бы взяли пятьсот воинов, так как они не испытывали страха и не боялись ни капитанов, ни других военачальников так, как до сего дня Деву».

Бургундцы, захватившие Жанну, продали девушку англичанам, а французский король Карл Седьмой, столь многим ей обязанный, и пальцем не пошевелил, чтобы выкупить героиню из плена. Осужденная несправедливым судом, Жанна д'Арк погибла в пламени костра, о чем оставил соответствующую запись аккуратный секретарь суда, Клеман де Фокенберг:

«В тридцатый день мая 1431 года судом церкви Жанна, называвшая себя Девой, взятая в плен у города Компьеня людьми мессира Жана Люксембургского... была сожжена в городе Руане... а произнес приговор мессир Пьер Кошон, епископ Бове».

«ЧЕРВОНЫЙ ВАЛЕТ»

ЭТЬЕН ДЕ ВИНЬОЛЬ

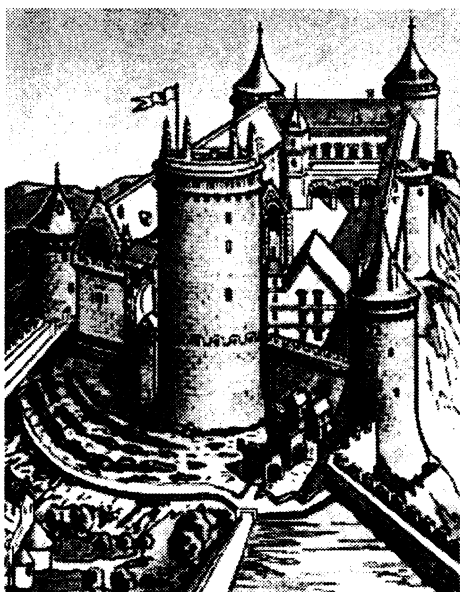
(? —1442)

Среди бравых французских капитанов времен Столетней войны наибольшей популярностью пользовался гасконский дворянин Эть-

ен де Виньоля по прозвищу Ла Гир («Гнев»). Англичане, опасавшиеся вспыльчивого и задиристого рыцаря, называли его не иначе как «Гнев Божий». Кстати, что до Бога, то отношение к Господу Виньоля выказывал довольно панибратское. Это видно из текста его молитвы: «Соверши для Ла Гира то, что ты хотел бы, чтобы Ла Гир совершил для Тебя, если бы Ты был Ла Гиrom, а Ла Гир — Господом».

Война с детства стала для Виньоля родной стихией. Свой боевой путь он начал под знаменами коннетабля д'Арманьяка, в 1415 году участвовал в трагичной для французов битве при Азенкуре, а в 1418 году Ла Гир поступил на службу к дофину Карлу. Первый военный подвиг де Виньоля — отвоевание у бургундцев замка Кузи. С тех пор его девизом стали самодовольные слова: «Я не король, не принц, не герцог и не граф, но я сеньор де Кузи!»

Неизвестно, Господь ли покарал его за эту надменность и недостаточно уважительное отношение к своей особе, но однажды, во время ночлега на постоялом дворе, на Ла Гира обрушилась тяжеленная балка, переломившая ему ногу. Полученное увечье вызвало сильную хромоту, что, однако, не помешало свирепому капитану вести привычный для него образ жизни лихого рубаки и отчаянного авантюриста.

Замок Кузи во Франции. Реконструкция

Ла Гир сражался в Вермандуа, Лануа и Лотарингии, а 25 октября 1428 года вместе с другими знаменитыми рыцарями и капитанами прибыл на помощь осажденному Орлеану. 3 февраля 1429 года он задал англичанам изрядную трепку у бастиды Сен-Лоран, но особенно отличился Ла Гир в «день селедок» (12 февраля).

Самый страшный враг для любого осажденного города — это голод, и Орлеан в этом смысле не был исключением. И вот от лазутчиков стало известно, что из оккупированного Парижа вышел английский обоз. В обозе, состоявшем из 300 повозок и телег, находилось множество бочек с сельдью (поскольку приближался Великий пост, солдатам разрешалось есть только рыбу), а также арбалетных стрел, мечей и прочее вооружение. Несмотря на внушительную охрану — 1500 человек, французы приняли решение сделать вылазку и отбить обоз у врага.

Дюнуа, маршал Сен-Север и граф де Клермон, выступившие со своими отрядами навстречу англичанам, действовали настолько бездарно и несогласованно, что, имея трехкратный численный перевес над противником, провалили все дело. Они не сумели скрытно подобраться к обозу, и англичане, обнаружившие их неумелые маневры, остановили движение и быстро соорудили из повозок вагенбург, окружив его острыми кольями. Растерявшиеся французы не знали, что предпринять. Граф де Клермон, командовавший вылазкой, послал к Дюнуа и Сен-Северу гонцов с приказом не начинать атаки до подхода подкреплений. Однако Дюнуа, коннетабль Шотландии и сеньор де Майак, не дожидаясь приказа, ударили на врага «храбро, однако малоуспешно, ибо, как только англичане увидели, что подкрепление не поторопилось на помощь и не присоединилось к отрядам коннетабля и пешим войскам, они в спешном порядке выступили из своего парка и ударили по пешим французским войскам, вызвав замешательство и обратив их в бегство».

Так описывает результаты вылазки в «день селедок» неизвестный автор «Дневника осады Орлеана». В течение нескольких минут французы потеряли убитыми не менее 400 человек. Ла Гир и его боевой товарищ Потон де Ксентрай, «видя такое позорное отступление» и ругаясь на чем свет стоит, собрали 60 бойцов, и с этим маленьким отрядом так храбро и стремительно контратаковали врага, что «многие (из англичан) были убиты». Таким образом, вмешательство Ла Гира спасло жизни сотням французских солдат, но с мечтами о селедке, конечно, пришлось распрощаться.

21 апреля 1429 года храброму капитану вместе с другими военачальниками выпала честь сопровождать Жанну д'Арк из Блуа в Ор-

леан, а 29 апреля они вступили в осажденный город с обозом продовольствия. Уже 6 мая Дева и Ла Гир совершают совместный воинский подвиг, известный со слов интенданта Жанны, Жана д'Олона:

«... В то время как французы возвращались от бастиды Сен-Жанле-Блан, чтобы перейти на остров (Туаль), Дева и Ла Гир, оба с лошадьми, переправились на лодке с другой стороны острова и, высадившись, вскочили на лошадей; у каждого в руке было копье. И когда они увидели, что враг выходит из бастиды (Августинцев) и собирается напасть на их людей, тотчас Дева и Ла Гир, которые всегда находились впереди войска, чтобы оберегать его, взяли копья наперевес и ринулись на неприятеля. И тогда все последовали их примеру, начали бить врага и силой заставили его отступить и вернуться в бастиду августинцев.

Весь дальнейший боевой путь Ла Гир проделал рука об руку с Жанной д'Арк. Орлеанская Дева имела на отважного капитана огромное влияние. Признав ее одним из первых, он сделался верным соратником французской героини и даже перенял от нее манеру клясться «своим древком».

Когда Жанну казнили в Руане, Ла Гир ничем не мог ей помочь: в это время он сам находился в плену у бургундцев. Как он угодил в плен, неизвестно. Карл Седьмой, высоко ценивший Ла Гира, выкупил его и назначил генеральным капитаном Нормандии.

Этьен де Виньоле еще долго верой и правдой служил королю, сражался с англичанами и бургундцами, получил множество ранений и покрыл себя бессмертной славой. Скончался он 11 января 1442 года в Монтобане от болезни и старых ран.

Французский народ по-своему увековечил любимого героя: образ Ла Гира слился с червонным валетом из карточной колоды.

«БРАВЫЙ КАПИТАН» ПОТОН ДЕ КСЕНТРАЙ

(1-я пол. XV в.)

У знаменитого Ла Гира был боевой друг по имени Потон де Ксентрай, такой же любитель приключений и военных подвигов. Как и Ла Гир, Карл Седьмой произвел де Ксентрая в капитаны за его «великую отвагу». Сведения об этом храбром рыцаре, к сожалению, отрывочны, но то, что о нем известно, позволяет поместить его биографию,

хотя и страдающую значительными пробелами, рядом с жизнеописанием самого Ла Гира.

Известно, что в 1424 году де Ксентрай находился на службе у герцога Бургундского и отважно сражался с англичанами под Эно. Затем он перешел в войско дофина Карла, вместе с Жанной и Ла Гиrom участвовал в боях под Орлеаном. В неудачный для французов «день сеledок» только Потон де Ксентрай и Ла Гир проявили себя настоящими рыцарями и бесстрашными бойцами, чем несколько сгладили позор поражения французской армии. Впрочем, об этом более подробно изложено в предыдущей биографии.

После злосчастного «дня сеledок» жители Орлеана впали в уныние, превратившееся в панический страх после отъезда из осажденного города графа де Клермона, адмирала де Кюлана, сеньора де Ла Тура и других военачальников с двухтысячным отрядом солдат. Тогда отчаявшиеся горожане приняли решение обратиться за помощью к герцогу Бургундскому, Филиппу Доброму. Эта миссия и была возложена на Погона де Ксентрая. Возможно, Филипп Добрый и взял бы Орлеан под свое покровительство, но его союзник, английский регент Бедфорд, решительно воспротивился этому, заявив: «Я был бы сильно разгневан, если бы мне пришлось отдать кому-либо птенцов, после того как сам обшарил все кусты!»

Дело закончилось тем, что герцог Бургундский, осаждавший Орлеан вместе с англичанами, отозвал оттуда своих солдат, и это, конечно, несколько облегчило положение осажденных. Следовательно, миссию де Ксентрая нельзя признать совсем уж неудачной.

Капитан де Ксентрай доблестно сражался с англичанами до тех пор, пока не попал в плен в день «битвы пастуха» (11 августа 1431 года). Граф Варвик относился

Рыцарь эпохи Столетней войны

к своему пленнику с тем уважением, которого заслуживал отважный французский капитан; де Ксентрай обедал за одним столом вместе с семьей Варвика и даже пользовался относительной свободой в пределах замка Буврей. 9 февраля 1432 года граф Варвик отплыл из Кале в Англию, прихватив с собой и почетного пленника; с этого момента следы Потона де Ксентрая на несколько лет теряются. Его имя вновь всплывает в 1435 году в связи с восстанием в Нормандии. Крестьяне этой провинции, доведенные до отчаяния произволом английских властей и мародерством солдат, в 1434 году начали беспощадную борьбу с оккупантами. Многие французские рыцари, в том числе и де Ксентрай, приняли в этой борьбе самое активное участие, возглавив разрозненные отряды восставших.

Король Карл Седьмой, признавая боевые заслуги капитана, назначил Потона на должность бальи в Бурже. Высоко ценил де Ксентрай и дофин, будущий король Людовик Одиннадцатый, пожаловавший ему чин конюшего. Известно, что в этом качестве Потон де Ксентрай сопровождал короля в Германию в 1444 году. Пройдя с ним опасными дорогами войны, заслуженный ветеран разделил с Карлом Седьмым и его триумф: 10 ноября 1449 года Потон де Ксентрай торжественно вступил в Руан, столицу Нормандии, с королевским мечом в руках. Это был его Звездный час.

«КАПИТАН МАРОДЕРОВ»

РОБЕР ДЕ ФЛОК

(1-я пол. XV в.)

После крупных поражений французских войск при Кресси (1346), Пуатье (1356) и Азенкуре (1415), страну наводнили отряды наемников, оставшихся не у дел. Потеряв источник дохода, эти вооруженные шайки, которые называли бригадами (от французского слова «бригандин» — «кольчуга»), занялись грабежом, мародерством, насилием и разбоем. Эти свирепые бандиты никому не давали пощады: ни англичанам, ни французам, ни бургундцам. Их кровавый путь отмечали пепелища и изуродованные трупы несчастных жертв.

К числу таких воинственных бандитов относился и капитан Робер де Флок, мелкопоместный дворянин из Нормандии. Будучи вымогателем и мародером, он, и такие, как он, одновременно оставался верным капитаном короля, ибо «...грабить, вымогать деньги казалось

им не так уж предосудительно, поскольку полученные средства давали им возможность быть в постоянной боевой готовности и в распоряжении короля».

Отважно сражаясь с англичанами, Робер де Флок успевал проворачивать и свои темные делишки, с одобрения, а то и при прямой поддержке соратников по оружию. Так, в 1432 году в Бовэзи де Флок, Ла Гир и Потон де Ксентрай прижали к стенке одного бургундского поэта, требуя с него выкуп в 1000 салю золотом.

В 1437 году Робер де Флок принялся разбойничать на территории герцогства Бургундского, и так допек его светлость, что тот вынужден был пожаловаться самому королю. Карл Седьмой оказался в весьма затруднительном положении: нельзя портить мирные отношения с герцогом Бургундским, скрепленные Аррасским договором, но и перевешать своих бандитствующих капитанов тоже нельзя — кто же тогда будет командовать его отрядами? А ведь таких капитанов, как де Флок или де Ксентрай, еще поискать! И король ограничился письмом, в котором пожурил шалунов и призвал их прекратить безобразия. Они же, разумеется, пропустили все эти увещевания и настав-

Захват и разграбление города. Средневековая миниатюра

ления мимо ушей. Королю легко говорить, а на что им, скажите на милость, купить нового боевого коня, секиру или хотя бы латную перчатку, чтобы иметь возможность швырнуть ее в лицо какому-нибудь наглецу? Ведь король-то им не платит!

Дело закончилось тем, что жители Бургундии почли за благо откупиться от этих головорезов, выплатив им 6 тысяч золотых. Бриганды тотчас же покинули Бургундию, но лишь для того, чтобы навести кровавый ужас на Эльзас и Лотарингию. Здесь бандиты превзошли самих себя, спалив более сотни деревень и погубив уйму народа. Очерстевшие на войне, прошедшие огни и воды, они давно лишились совести и сострадания, а кровь и смерть, как известно, неразлучные спутники войны.

Порезвившись на периферии, бриганды снова нагрянули в Бургундию. Король, хорошо уяснивший, что дальше так продолжаться не может, принял радикальные меры. 2 ноября 1439 года Карл Седьмой издал ордонанс, согласно которому капитаны и их солдаты размещались в пограничных гарнизонах и получали жалованье от короля.

Но горбатого только могила исправит. Тому, кто привык жить грабежом, очень трудно в одночасье отказаться от столь прибыльного ремесла и стать паинькой. Тогда король прибег к методу устрашения и назидания. В 1441 году была наказана шайка Александра Бурбона. Самого капитана зашили в мешок и утопили в реке; восьмерых его сотоварищей вздернули на виселицу, а еще двенадцати, менее виновным, отсекали головы. Это помогло, но ненадолго: присмирившие было бриганды скоро снова распоясались, ибо капитаны-мародеры, такие как Робер де Флок, прекрасно понимали, что всех король не перевешает и не перетопит, иначе с кем же он останется? А они еще пригодятся королю и послужат ему, хорошо послужат!

Так и вышло. Когда вспыхнула Прагерия (мятеж дофина Людовика против короля), Карл Седьмой призвал Робера де Флока, Потона де Ксентрая, Пьера де Брезе и других своих верных капитанов. И что же? Грубые, но храбрые и опытные вояки разбили мятежников в пух и прах; они гнали их как стадо овец до самой Оверни!

Да, на войне этим капитанам цены не было, но что прикажешь с ними делать в мирное время, когда они превращаются в оголтелых грабителей? Столетняя война представляла из себя чрезвычайно затянувшийся вялотекущий военный конфликт: военные действия то и дело перемежались периодами относительного затишья. Вот и те-

перь, 1 июня 1444 года, было заключено перемирие с англичанами сроком на 22 месяца. Что смогут натворить за это время бриганды, и подумать страшно!

Король, поразмыслив, нашел новый выход: раз его brave капитанам нужна вечная война, они ее получат! Так одни из них отправились к Фердинанду Австрийскому, выяснявшему в то время отношения со швейцарскими кантонами, а другие, то есть Робер де Флок и Потон де Ксентрай, — к Рене Анжуйскому, осаждавшему Мец.

Возвращение мародеров во Францию вновь ознаменовалось кровавой резней в Эльзасе и Бургундии. Однако долго резвиться король им не позволил: начиналось отвоевание Нормандии, и Карл Седьмой готовил новую армию, размещая отряды в гарнизонах и выплачивая им хорошее жалованье, дабы отбить охоту к грабежам.

Робер де Флок принял участие во всех баталиях на территории родной Нормандии. Здесь французские капитаны широко использовали лазутчиков и тайных агентов; многие города были взяты, по мнению англичан, с помощью предательства, но французы называли это военной хитростью.

В 1449 году кампания в Нормандии успешно завершилась, но Робер де Флок, к его великому огорчению, не смог принять участия в торжественном вступлении в Руан: он в это время с перебитой ногой валялся в лазарете. Раненого не оставили без внимания — каноники местного собора прислали де Флоку мальчиков из церковного хора, чтобы те развлекали его пением религиозных гимнов. Можно себе представить, как повеселился бедный капитан!

По выздоровлении Робер де Флок получил от короля, высоко ценившего капитана мародеров, заслуженную награду: изрядную сумму денег и особняк Талбота в Арфлере в придачу.

«ОРЛЕАНСКИЙ БАСТАРД»

ЖАН ДЮНУА

(1403—1468)

Жан Орлеанский по прозвищу Орлеанский Бастард, незаконно-рожденный сын герцога Людовика Орлеанского и сводный брат герцога Карла Орлеанского, талантливый полководец и бесстрашный рыцарь, сыграл значительную роль в Столетней войне. После того как

Жан Дюнуа. Современная скульптура

Карл Орлеанский был захвачен в плен при Азенкуре, Жан Бастард возглавил оборону Орлеана, ключевого города, соединяющего северную часть Франции с южной. Вместе с Жанной д'Арк он отстоял город-крепость, и это стало началом перелома в ходе всей войны. Доблестно сражаясь во всех последующих кампаниях, Жан Орлеанский заслужил глубокую признательность французского народа, а Карл Седьмой пожаловал ему титул графа Дюнуа и должность великого камергера.

Чсть своей первой победы при Монтаржи Жан Орлеанский разделил со знаменитым Ла Гиром. 5 сентября 1427 года они отбросили английское войско Солсбери, попытавшееся окружить и блокировать Монтаржи. Эта, пожалуй, единственная победа в цепи многочисленных и трагических неудач высекла искру надежды и несколько приободрила павших духом французов. Однако через год англичане осадили Орлеан, и эта искра понемногу угасла. Если враг ворвется в Орлеан, перед англичанами откроется дорога в южные провинции Франции, и

тогда полное поражение в войне не минуемо. Таким образом, под Орлеаном решалась судьба Франции.

Жан Бастард прибыл в город своего брата 25 октября 1428 года и сразу же принял энергичные меры по укреплению обороны. По его приказу были снесены все постройки за чертой города, чтобы загородные дома и церкви англичане не смогли использовать в качестве укрытий и укреплений. Вслед за этим Бастард наметил площадки для

размещения артиллерийских орудий — такие, где их применение дало бы максимальный эффект.

Жители Орлеана воспрянули духом, увидев, какого толкового коменданта крепости они приобрели в лице молодого и решительного брата их герцога. Радость горожан трудно описать, когда 30 января в Орлеан прибыли подкрепления — отряды графа де Клермона, Карла Бурбона и адмирала Луи де Кюлана, а 8 февраля подошли еще шотландцы Джона Стюарта.

Теперь надежда окрыляла жителей Орлеана, но голод, обычный бич осажденных, сильно донимал их. 12 февраля французские командиры попытались отбить у врага большой обоз с бочонками сельди, но их несогласованные действия в этот день («день селедок») привели к катастрофическому поражению. Жан Орлеанский и граф де Клермон не сумели вовремя соединить свои корпуса, а храбрые, но недисциплинированные шотландцы начали атаку без приказа и вопреки заранее намеченному плану. Орлеанский Бастард, вынужденный поддержать их атаку, был ранен в ногу арбалетной стрелой. Граф де Клермон, оставивший их без помощи, избрал роль стороннего наблюдателя; англичане перешли в наступление и убили многих пехотинцев, и только контратака Ла Гира и Потона де Ксентрая спасла французов от полного истребления.

В числе храбрых рыцарей, павших в злосчастный «день селедок», «Дневник осады Орлеана» называет Гийома д'Альбрэ, Луи де Рошешуара, Жака Шабо, сеньора де Вердюрана, коннетабля Шотландии Джона Стюарта и отважного шотландца Дарнлея, который, собственно, и заварил всю кашу. Что же касается Жана Орлеанского, то он еще легко отделался: двое лучников, опытных в таких делах, извлекли из его ноги стрелу прямо на поле боя, хотя воспалившаяся рана болела еще долгое время, мешая ему ходить.

После этого поражения французские военачальники покинули Орлеан, и отчаявшиеся горожане обратились к герцогу Бургундскому, умоляя его взять город под свое покровительство. Филипп Добрый, опасаясь англичан, отказал. Жан Орлеанский, лишенный из-за раны способности передвигаться, тяжело переживал неудачу. Для города наступили самые черные дни: англичане обложили Орлеан со всех сторон, перекрыв дороги на Блуа, Шатоден, Париж и Жьен, и только с восточной стороны от города враг пока не смог замкнуть кольцо окружения. Но все хорошо понимали, что это вопрос всего нескольких дней.

Теперь спасти Орлеан могло только чудо. И это чудо свершилось: по городу распространился слух о «Деве Жанне», посланнице небес. Строки «Дневника...» повествуют:

«Говорили... что она послана Богом, чтобы снять осаду с города. Ведь враг, осаждавший город, поставил жителей в такое положение, что они не знали, к кому обратиться за помощью, кроме как к Богу».

Жан Орлеанский отнесся к этим слухам с недоверием и осторожностью, но положение было настолько отчаянным, что он не мог сбрасывать со счетов даже такую призрачную надежду. Поэтому Бастард направил в замок Шинон, где в тот момент находился двор дофина Карла, двух гонцов — Ариамбо де Виллара и Жамэ де Тийе, с наказом разузнать о Деве все, что возможно. Когда сведения о Жанне подтвердились, измученные голодом и отчаявшиеся горожане пришли в неопиcуемый восторг, но Жан Орлеанский, будучи не столь легковерным, как они, продолжал сомневаться».

29 апреля 1429 года Жанна д'Арк вступила в осажденный Орлеан через Бургундские ворота. Орлеанский Бастард был в тот момент чрезвычайно озабочен судьбой кораблей с продовольствием, направлявшихся в город и застрявших около Блуа из-за восточного ветра; каковы же были его изумление и радость, когда одновременно с прибытием Девы ветер переменялся на попутный. Небеса явно подавали добрый знак! С того дня Жан Орлеанский окончательно уверовал в священную миссию Девы и превратился в одного из самых горячих ее приверженцев.

Уже 8 мая англичане сняли осаду с Орлеана и отступили. Всего девять дней потребовалось Жанне и ее солдатам, чтобы одержать столь важную победу. Чем еще, кроме вмешательства самого Господа через его посланницу, можно было объяснить такое чудо? Теперь в божественную миссию Девы поверили даже самые отъявленные скептики. Она же, не считая свою задачу выполненной, не стала упиваться победой, и уже 11 мая в сопровождении Орлеанского Бастарда выехала в Лош, на встречу с дофином, дабы убедить его идти в Реймс на коронацию.

Вслед за этими событиями началась Луарская кампания — нужно было выбить врага из занимаемых им пунктов на берегах Луара, чтобы обеспечить безопасность тылов французской армии при наступлении на Реймс. Командовал Луарской кампанией герцог Алансонский; Жан Орлеанский и другие капитаны не замедлили к нему присоединиться.

Как и предсказывала Жанна, успешный поход на Реймс увенчался коронацией Карла Седьмого 17 июля 1429 года. В начале сентября Орлеанский Бастард участвует в неудачном наступлении на Париж, а уже в декабре он вместе с Ла Гиром сражается в Нормандии.

Кампания в Нормандии проходила тяжело, поскольку англичане получили свежие подкрепления из Кале. В конце 1431 года французы сдали Лувье — то была крупная неудача; но уже 20 февраля 1432 года Жан Орлеанский добился блестящего успеха, захватив с помощью военной хитрости Шартр. Его тайные агенты сумели организовать в городе заговор, и когда один из лазутчиков Бастарда, выдававший себя за торговца рыбой, ловко заблокировал подъемный мост своими тележками, заговорщики перебили стражу у городских ворот. Солдаты Жана Орлеанского, поджидавшие в укрытии, ворвались в ворота, и уже к вечеру английский гарнизон капитулировал.

В начале апреля 1436 года французские войска осадили Париж. Здесь правой рукой коннетабля Артура де Ришмона был не кто иной, как все тот же Орлеанский Бастард. Парижане-патриоты открыли своим солдатам ворота Сен-Жак, и 17 апреля столица Франции торжественно встречала своих освободителей.

В 1440 году в Орлеан после 25-летнего плена вернулся Карл Орлеанский, и теперь Жан Бастард мог сменить свой неизменный темно-зеленый костюм на любой другой: дело в том, что вся Орлеанская семья носила одежду этого цвета в знак траура по пленнику.

Осенью 1450 года Жан Орлеанский, к тому времени уже носивший титул графа Дюнуа и звание великого камергера, начал Гиенскую кампанию вместе с графом де Клермоном. Реорганизованная французская армия выбила англичан из всех городов Юго-Запада и к августу 1451 года очистила от неприятеля всю Гасконь. Жан Орлеанский Бастард, он же граф Дюнуа, доблестно сражался до окончательной победы в Столетней войне, официально завершившейся после взятия Бордо 19 октября 1453 года.

Король Карл Седьмой с особенной теплотой отзывался об этом человеке: «Принимая во внимание услуги, оказанные нам нашим дорогим и возлюбленным кузеном Жаном, Орлеанским Бастардом, графом Дюнуа и великим камергером Франции во все времена... с самых молодых лет, как только смог носить оружие и ратные доспехи, он участвовал во многих боях и сражениях, и всегда благоразумно, с большой заботой и старанием использовал все свои силы на восстановление нашей сеньории...»

«КОРОЛЕВСКИЙ УЗНИК»

ЖАН АЛАНСОНСКИЙ

(1406—1476)

Судьбы герцогов Жана Орлеанского и Жана Алансонского, на первый взгляд, очень схожи: оба зарекомендовали себя бесстрашными рыцарями и талантливыми военачальниками; оба участвовали во многих кампаниях Столетней войны; оба были горячими приверженцами Жанны д'Арк; наконец, они оба принадлежали к высшему слою французской аристократии и пользовались расположением и покровительством дофина Карла. Но если первый из них в конечном итоге удостоился всевозможных наград, почестей и титулов, то уделом второго стала королевская тюрьма, где он и окончил свои печальные дни. Так совершенно по-разному сложились две, казалось бы, похожие судьбы.

Отец Жана Алансонского, носивший то же имя, погиб в битве при Азенкуре (1415), после чего мать Жана, Мария Бретонская, поручила сына заботам дофина Карла. В 1420 году дофин назначил 13-летнего Жана наместником герцогства Алансонского, несмотря на то что само герцогство было оккупировано англичанами — король Генрих Пятый передал его своему брату Бедфорду.

Из мальчика Жана со временем вырос превосходный боец. 17 августа 1424 года он сражался при Вернее, самой крупной битве со времен Азенкура. Здесь французская армия, имевшая почти двойное численное превосходство, тем не менее вновь потерпела сокрушительное поражение. Тяжелораненого Жана Алансонского, лежавшего среди груды трупов, англичане поначалу сочли мертвым, но, заметив, что он подает некоторые признаки жизни, перенесли его в башню Кротуа. Раны Жана были столь опасны, что его положение казалось безнадежным, но молодой рыцарь выжил к большому удивлению лекарей и тюремщиков.

Герцог Кларенс потребовал от своего пленника невероятный выкуп в 80 тысяч золотых. Жан Алансонский провел в Англии целых пять лет, но за это время он смог выплатить лишь меньшую часть выкупа. В конце концов между ним и герцогом Кларенсом было достигнуто джентльменское соглашение: узник получает свободу под честное слово, и пока он не выплатит оставшуюся часть долга, герцог Алансонский не имеет права поднимать оружие против англичан, поскольку до тех пор он по-прежнему считается пленником.

Жану Алансонскому пришлось продать поместье Фужер и сеньорию Сен-Кристоф в Турени, но даже и после этого денег не хватало; тогда его супруга Жанна заложила все свои драгоценности. Только 21 февраля 1429 года долг был полностью погашен, а это означало, что молодой рыцарь вновь может сражаться.

Жан Алансонский, одним из первых узнавший о прибытии Девы ко двору дофина, поспешил в Шинон. Дофин представил его Деве, и Жанна, приветливо взглянув на молодого герцога, сказала: «Вам добро пожаловать, чем больше людей королевской крови Франции соберется вместе, тем будет лучше».

Они быстро подружились. Дева называла Жана Алансонского не иначе как «мой прекрасный герцог». Молодые люди вместе упражнялись в фехтовании, отрабатывали удары копыями, и Жан, совершенно очарованный тем, как ловко Дева владеет оружием, подарил ей превосходного боевого коня.

После освобождения Орлеана дофин доверил герцогу Алансонскому командование Луарской кампанией. Поначалу армия герцога

Конный рыцарь с мортирой. Средневековая гравюра

насчитывала всего 2 тысячи человек, причем рыцарей их них было не более 600, но вскоре численность армии возросла вдвое — с ней соединились отряды Орлеанского Бастарда, капитана Шатодена и Флорана д'Иллье.

Первой боевой задачей Луарской армии было взятие Жаржо. 11 июня 1429 года французы захватили предместье этого города. На следующий день Жан Алансонский, знавший о многочисленности английского гарнизона, долго не решался начинать штурм, но Жанна д'Арк убедила его отбросить колебания и смело идти в бой. Через несколько часов город был взят. Решающую роль здесь, как и под Орлеаном, сыграла безграничная вера французских солдат в божественную миссию Девы. Впоследствии герцог Алансонский вспоминал, каким чудесным образом Жанна спасла ему жизнь при штурме Жаржо. Взглянув в сторону крепости, она вдруг велела герцогу сойти с того места, где он стоял. Удивленный, он тем не менее подчинился и отошел в сторону, а его место занял некий дворянин де Люд. В ту же секунду громадное каменное ядро, выпущенное из крепостной пушки, превратило тело этого дворянина в кровавое месиво. Герцог, пораженный таким таинственным случаем, с тех пор безоговорочно уверовал в сверхъестественные способности Девы. Теперь Жану Алансонскому нечего было опасаться: он вспомнил, как несколько недель назад, в Сен-Флоране, Жанна обещала его жене, что муж вернется к ней живым и невредимым.

Через неделю после взятия Жаржо, армия Жана Алансонского, как и предсказывала Дева, одержала блестящую победу над англичанами в битве при Пате. Враг потерял только убитыми свыше двух тысяч человек, а знаменитый полководец Джон Талбот был захвачен в плен. Что же касается французов, то они, если верить хронисту, лишились всего троих солдат. А еще через месяц Луарская армия торжественно вступила в древний Реймс. 17 июля, в день своей коронации, Карл Седьмой посвятил молодого герцога Алансонского в рыцари.

В двадцатых числах августа французская армия подступила к Парижу; 8 сентября был предпринят первый штурм столицы со стороны ворот Сент-Оноре. Англичане отбили первый приступ, но Жанна приказала готовиться к повторной атаке на следующий день. За ночь герцог Алансонский соорудил импровизированную переправу через Сену из сцепленных лодок. Однако король, не веривший в успех предприятия, повелел тайно ее разрушить, а затем отдал войскам приказ отступать к Луаре, и 21 сентября распустил армию. С этого самого

времени отношения между королем и герцогом Алансонским начали портиться и постепенно все более ухудшались.

Когда Жан Алансонский выступал с армией в Нормандию, он умолял Карла Седьмого отпустить вместе с ним и Жанну, но король отказал. Этот отказ сильно опечалил и герцога, и Жанну д'Арк. Как сообщает хронист герцога Алансонского, Персиваль де Кани, «...они (королевские советники) ни за что не хотели... допустить, чтобы Дева и герцог были вместе, с тех пор он с ней больше не встречался, и эта утрата невозполнима».

Так разошлись жизненные пути этих замечательных молодых людей: Жан Алансонский направился на помощь Мон-Сен-Мишелю, а Жанну д'Арк король отослал в Ла-Шарите.

Герцог Алансонский пятнадцать лет не вкладывал меча в ножны, сражаясь с англичанами в Нормандии, Мэне и Анжу. Во время Прагерии (1440) он примкнул к мятежникам и поддержал дофина Людовика против короля. Карл Седьмой, простивший сына и главных заговорщиков, с тех пор возненавидел Жана Алансонского и ждал только повода, чтобы разделаться с ним. Повод скоро нашелся: герцог Алансонский, желая поправить свое расстроенное финансовое положение, изъявил намерение выдать дочь Катрин замуж за старшего сына герцога Йорка. Это разгневало короля, приказавшего немедленно арестовать его. Арест производил не кто иной, как Орлеанский Бастард, бывший соратник Жана Алансонского. Судя по всему, его очень тяготила такая миссия, ибо он сказал герцогу: «Монсеньор, мне чрезвычайно неприятно выполнять порученное королем относительно вас; я обязан взять вас в плен и его именем вынужден задержать вас».

Карл Седьмой приказал заключить строптивного герцога в крепость Эг-Морт, а в 1458 году, после суда пэров, Жан Алансонский оказался в Лоше под усиленной охраной. Тюремщики получили четкие инструкции относительно узника, «который никогда не должен оставаться один, не должен ни с кем разговаривать, кроме своих сторожей, не должен ни получать, ни писать никаких писем; он может, однако читать и играть в шахматы со своими сторожами, но при нем никогда не должно быть денег».

Последнее замечание красноречиво говорит о недоверии короля к тюремщикам: он явно опасался, что узник может их подкупить. В 1461 году Карл Седьмой умер, и новый король, Людовик Одиннадцатый, вернул герцогу Жану свободу. Но, как оказалось, ненадолго. Мелочный Людовик потребовал от Жана Алансонского три крепос-

ти, а также поручить ему детей, Катрин и Рене, с тем чтобы король мог устроить их брак по своему усмотрению. И к собственной выгоде, надо добавить. Герцог Алансонский, возмущенный таким бесцеремонным вмешательством в его семейные дела, решительно отказал королю и... снова очутился за решеткой. Он сидел в Рошкорбоне, затем опять в Лоше, потом в Париже...

В 1474 году парламент провел новое расследование по «делу герцога Алансонского» и, усмотрев в его действиях государственную измену, приговорил его к смерти. Однако казнь не состоялась — Людовик Одиннадцатый «милостиво помиловал» строптивца и заключил его в Лувр. Жану Алансонскому, уже седовласому старцу, больше не суждено было выйти на волю — через два года он скончался в тюрьме. Сразу же после его смерти король Людовик, изгнав из Алансона вдову Жана, присоединил герцогство Алансонское к землям французской короны.

«ЛОВКИЙ НАЕМНИК»

ПЕРРИНЕ ГРЕССАР

(? —1438)

Жизнь авантюриста Перрине Грессара наглядно свидетельствует о том, какого высокого положения мог добиться ловкий наемник в эпоху Столетней войны. Выходец из простонародья, Грессар, став «дворянином по оружию», присвоил себе герб с тремя пятилистниками на пересечении гербового поля. С 1417 года он, как человек благородного происхождения, начал скреплять все документы печатью с собственным гербом.

Перрине Грессар, главарь банды бригаднов, начал свою карьеру на службе у Иоанна Бесстрашного, герцога Бургундии. Беспринципный наемник сколотил немалое состояние, грабя крестьян и вымогая выкупы у купцов и мелких феодалов. Служа бургундцам, сражался с арманьяками у Пале-ле-Моньяле и Шароле. В 1426 году Грессар купил небольшую крепость Ла-Мотт-Жоссран и превратил ее в разбойничий вертеп. Суровый, но умный и очень ловкий главарь пользовался у подчиненных непререкаемым авторитетом.

В том же 1426 году по распоряжению герцога Бургундского Перрине Грессар взял под свою защиту стратегически важную крепость на Луаре — город Ла-Шарите. Заодно его банда, промышлявшая гра-

бежом в окрестностях Ниверне, использовала эту крепость как опорный пункт.

Чтобы увеличить свои доходы, Перрине Грессар стал двойным агентом: находясь на службе у герцога Бургундского, он одновременно являлся платным агентом регента Англии Бедфорда, щедро оплачивавшего его услуги. При этом ловкий наемник умудрялся поддерживать отношения и с арманьяками, прежде всего с советниками дофина — Ришмоном и Ла Тремуем. В 1427 году он заключил с ними перемирие и обязался прекратить грабежи, но арманьяки напрасно доверились отпетому разбойнику: Грессар не только не прекратил грабить земли Берри и Ниверне, но даже осмелился захватить в плен самого Ла Тремуя, главного советника дофина Карла, и потребовал с него выкуп в размере 14 тысяч экю. Он не считался ни с охранной грамотой Ла Тремуя, ни с тем, что его сопровождали в Ла-Шарите люди герцога Бургундского. Алчный вымогатель так запугал перетрусившую жертву, что Ла Тремуя поспешил раскошелиться и письменно обелить негодяя перед дофином. Малодушный советник задарил подарками жену своего мучителя, а после внесения выкупа долго благодарил Перрине Грессара за хорошее с ним обращение.

Ловкий наемник имел фантастические доходы, ведь помимо того, что приносили ему выкупы и грабежи, Грессар еще доил двух жирных коров — бургундскую и английскую. Филипп Добрый,

*Парадный рыцарский щит.
Бургундия. XV в.*

герцог Бургундский, выплачивал ему ежемесячно по 2400 ливров на содержание гарнизона Ла-Шарите, а герцог Бедфорд одаривал ценного агента земельными угодьями. Влияние Перрине Грессара, державшего в своих руках Ла-Шарите, Ла-Мотт-Жосран, Сен-Пьерле-Мутье и Домпьер-сюр-Бебр, со временем выросло настолько, что начало вызывать опасения как у французов, так и у бургундцев.

Герцог Бургундский, проведавший о двойной игре Перрине Грессара, преподавал ему однажды строгий урок. Советник Филиппа Доброго, Жан де Мазий, передал Грессару приказ герцога явиться в парижский особняк Артуа, где наемника подвергли психологическому давлению. Это видно из письма самого Перрине:

«...меня поместили в комнату и сказали, что я не буду с ним (герцогом) говорить, что меня напугало, и не без причины, ведь он меня призвал и держал меня в ней (комнате) как пленника, а сам уехал из названного города Парижа».

Бургундцы довольно грубо обращались с Грессаром. Проведя некоторое время под арестом, наемник получил свободу только после сделанного ему сурового внушения. Он торжественно обещал прекратить всякие отношения с англичанами, но это было выше его сил: Бедфорд всегда щедро осыпал своего агента деньгами и подарками, и к тому же обращался с ним очень почтительно. Отсюда следовал лишь один вывод: нужно быть осторожнее и хитрее.

Ла Тремуй пожаловался-таки дофину на разбойника Перрине Грессара, и в конце ноября армия под командованием Шарля д'Альбрэ, сводного брата обиженного советника, осадила Ла-Шарите. Штаб д'Альбрэ составляли Людовик Бурбон, маршал де Буссак, герцог де Монпансье и Жанна д'Арк.

Конечно, дело было не только в личной обиде Ла Тремуй. Дофину следовало защитить Берри и Бурбоне от набегов обнаглевшего наемника, а кроме того, Карлу нужен был этот город, важнейший стратегический пункт на Луаре. Однако ничего не вышло, поскольку Перрине Грессар отлично защищался. О печальных итогах осады свидетельствует герольд Берри:

«В самый разгар зимы с малым количеством людей простояли перед Ла-Шарите... почти месяц и с позором сняли осаду, хотя те, кто находился в крепости, не получили никакого подкрепления, и потеряли бомбарды и артиллерию».

Хронист герцога Жана Алансонского, Персиваль де Кани, так объясняет причину неудачи французских войск:

«Поскольку король не сделал ничего, чтобы послать ей (Жанне д'Арк) провиант и денег, дабы поддержать ее людей, ей пришлось снять осаду и уйти, к большому огорчению».

Из двух приведенных отрывков следует, что ни осажденные, ни осаждающие не получали никакой помощи со стороны, а это означает, что Перрине Грессар обладал не только хитростью и изворотливостью, но и талантом военачальника. Бургундский хронист Жан де Ваврен, оставивший словесный портрет Перрине Грессара, подтверждает этот вывод:

«Перрине вплоть до своей смерти вел войну против короля Карла более искусно, чем кто-либо другой; ведь он был мудр, осторожен и чрезвычайно предприимчив, всегда умел найти выход из положения. И я сам, автор сего труда, вместе с ним принимал участие в различных походах и операциях, из которых он всегда выходил с честью».

К середине 30-х годов ловкий наемник вырос в такую могущественную фигуру, что даже сам король Франции предпочел больше не ссориться с ним. 22 ноября 1435 года Карл Седьмой заключил мир персонально с Перрине Грессаром. Король оставил в его руках все удерживаемые им крепости и назначил пожизненным капитаном Ла-Шарите с солидным жалованьем в 400 ливров в год.

Рыцарь-наемник Перрине настолько умело проворачивал свои дела, что к этому моменту решительно все оказались у него в долгу. Французский король, помимо жалования, обязался в трехмесячный срок уплатить ему 2 тысячи золотых; еще тысячу задолжал Грессару английский король Генрих Шестой; что же касается герцога Бургундского, то с него причиталось целых 8 тысяч салю золотом!

Победы французских войск, вдохновленных Орлеанской Девой, привели к ослаблению могущества Англии и Бургундии. Теперь Перрине Грессар, державший нос по ветру, сделался верным союзником короля Франции. Карл Седьмой с успехом использовал его для борьбы с бандами грабителей, ведь Грессар, сам в прошлом отъявленный бандит, прекрасно знал психологию людей такого сорта.

Ловкий наемник Перрине Грессар сделал головокружительную карьеру, но вот о смерти его ничего неизвестно. Остается предположить, что умер он естественной смертью в собственной постели. Будь это не так, какие-то факты гибели столь неординарной личности наверняка бы сохранились.

«БУРИДАНОВ ОСЕЛ»
ЖАН ЛЮКСЕМБУРГСКИЙ

(1-я пол. XV в.)

В годы Столетней войны Бургундия и Англия долгое время действовали заодно, в теснейшем союзе против французского короля Карла Седьмого, поэтому двойственное положение графа Жана Люксембургского, служившего и той, и другой державе, не являлось каким-то исключением из правил. Подданный Филиппа Доброго, герцога Бургундского, граф стал одним из 24 кавалеров ордена Золотого Руна, удостоившись этой великой чести 7 января 1430 года, то есть в самый день основания рыцарского ордена по случаю бракосочетания Филиппа Доброго с Изабеллой Португальской. В то же время он служил в качестве советника английскому королю Генриху Шестому, получая в виде жалования 500 ливров в год.

Рыцарский шлем XV в. Историческая реконструкция

Жан Люксембургский был не только ловким политиком, но и доблестным рыцарем, о чем красноречиво свидетельствовали боевые раны, оставившие глубокие шрамы на его лице. В 1420 году, во время военной кампании в Шампани, граф лишился глаза, а в следующем году пострадали его нос и левая половина лица, изуродованные ударом меча. Это произошло 21 августа в бою с отрядом дофина при Мон-ан-Вине, к большой досаде Филиппа Доброго — как раз в этот день Жан Люксембургский должен был посвятить в рыцари Великого герцога Запада (так называли герцога Бургундского за его могущество и обширнейшие владения).

О том, насколько ловким и искусным дипломатом проявил себя граф Люксембургский, можно заключить из того факта, что именно ему доверили возглавить посольство к Карлу Седьмому, прибывшее в Компьень 21 августа 1429 года. Тогда итогом недельных переговоров стало подписание перемирия сроком на четыре месяца, выгодное Бургундии, во-первых, потому, что королевская армия в тот момент одержала ряд важных побед и, вдохновленная Орлеанской Девой, стремилась к новым боям; а во-вторых, потому, что Жану Люксембургскому удалось заставить Карла Седьмого передать Филиппу Доброму ряд крупнейших городов по течению Уазы: Компьень, Пон-Сент-Максанс, Крей и Санлис.

Карл Седьмой, не уверенный в своих силах, стремился к миру с Бургундией, и хитрый посол ловко воспользовался этим. По свидетельству герольда Берри, Жан Люксембургский «дал ему много обещаний заключить мир между королем и герцогом Бургундским, из которых ни одного не выполнил, а только обманул короля».

Итак, король Карл Седьмой остановил наступление своей победоносной армии, совершив тем самым грубейшую политическую ошибку. Между тем горожане Компьеня и Крея наотрез отказались перейти под власть бургундцев; они были «...полны решимости скорее погибнуть, погубить себя, своих жен и детей, чем передать себя во власть герцога (Бургундского)». Это дало повод Филиппу Доброму начать мобилизацию войск. Армия собралась 4 апреля 1430 года в Перонне. Авангардными частями командовал Жан Люксембургский, а в начале мая выступили основные силы бургундской армии, ведомые самим герцогом. Первой целью бургундцев были мятежные города на Уазе: Компьень и Крей. План военной операции герцог тщательно согласовал с англичанами.

Только теперь Карл Седьмой осознал, что он наделал, доверившись бургундскому послу: Филипп Добрый попросту одурачил его. Канцлер Реньо де Шартр так говорит о герцоге Бургундском:

«После того как он нас некоторое время развлекал и разочаровывал то перемириями, то еще чем-то, прикрываясь добрыми намерениями... достичь благого мира, которого мы так сильно желали и желаем ради облегчения участи нашего бедного народа, который, к огорчению души нашей, столь сильно страдал и страдает каждый день из-за войны, он (герцог Бургундский) сговорился с некоторыми силами вести войну против нас и наших провинций и верных подданных».

На помощь осажденному Компьеню выступила Жанна д'Арк с отрядом в 300 человек. 23 мая она попыталась завладеть бургундским постом в Марни, расположенном к северу от города, но Жан Люксембургский был начеку. Он поднял тревогу и вызвал подкрепления. Подошедшие из Клэруа части в несколько раз превосходили по численности французский отряд, поэтому Жанна приказала своим людям отступать по мосту из лодок, сооруженному на Уазе, в город, а сама с небольшой группой рыцарей прикрывала отступление. Когда у входа на мост закипела яростная схватка, капитан Компьеня Гийом де Флави распорядился поднять городской мост и закрыть ворота города, в результате чего Жанна д'Арк оказалась в западне. Это решение капитана было продиктовано вовсе не страхом потерять город; он попросту предал Жанну, и основания для этого у него имелись. Как утверждал адвокат Парижского парламента Раппиу, «...не уверен, что Гийом де Флави закрыл бы ворота Жанне Деве, не получив 30 тысяч желаемых экю, из-за чего она была схвачена, говорят также, что, закрыв вышеназванные ворота, он получил несколько слитков золота».

Жанну пленил некий бастард Уэмдонн, обезображенное лицо которого хранило память о тяжелой секире Погона де Ксентрая. Радуюсь так, словно он пленил самого короля, Уэмдонн передал Деву своему сеньору, Жану Люксембургскому. Так Жанна д'Арк стала пленницей графа. Бургундец заточил девушку в башне замка Боревуар, где она провела около четырех месяцев. Оставив пленницу под присмотром жены, тетушки и слуг, Жан Люксембургский вернулся к Компьеню, осаду которого он и возглавил 15 августа по распоряжению герцога Бургундского. Однако на этот раз удача отвернулась от него: жители Компьеня стойко оборонялись, а 24 октября на выручку осажденному городу подоспел маршал де Буссак. Жан Люксембургский был разбит. Бросив всю артиллерию, он поспешно отступил к Нуайону, а затем вернулся в замок Боревуар. Теперь Компьень был спасен, но Орлеанская Дева погибла.

Тетушка графа, Жанна Люксембургская, и его супруга, Жанна де Бетюн, отнеслись к своей знаменитой тезке с большим участием,

пытаясь чем только можно облегчить положение пленницы. Престарелая тетушка даже потребовала от любимого племянника не выдавать Деву англичанам, и тот, ожидая от Жанны Люксембургской богатое наследство, был вынужден обещать ей это. Когда же епископ Кошон, выполнявший волю англичан и герцога Бургундского, потребовал от Жана Люксембургского выдачи Жанны, граф оказался в весьма затруднительном положении: если послушаться Филиппа Доброго, своего сюзерена, можно вызвать гром и молнию на собственную голову, если же подчиниться требованию и передать важную пленницу епископу, можно разгневать старую тетушку и лишиться вожденного наследства.

Бедный граф долго терзался и мучился, не зная, на что решиться. За это время епископ Кошон дважды посетил его в Бореуаре, тщетно пытаясь уговорить графа Люксембургского выдать Жанну. Кошон твердил графу, что тот нарушает долг христианина, укрывая Деву, которую нужно судить за вероотступничество, но все было напрасно: Жан Люксембургский, подобно Буриданову ослу, продолжал колебаться. Неизвестно, сколько времени он пребывал бы в таком состоянии, если бы внезапная смерть его тетушки не разрешила эту мучительную проблему. В августе Жанна Люксембургская выехала в Авиньон; ежегодное посещение папского города вошло у нее в привычку, ведь там был похоронен ее младший брат, кардинал Пьер Люксембургский, могилу которого она регулярно навещала. Уже в пути старушка занемогла, поэтому по прибытии в Авиньон она поспешила составить завещание в пользу своего любимого племянника и, исповедовавшись, тихо скончалась 18 сентября 1430 года.

Надо полагать, что радость Жана Люксембургского не имела границ: во-первых, граф завладел-таки богатым наследством, оставив с носом своего старшего брата д'Ангьяна; во-вторых, избавился от несносной старой ворчуньи, чьи нелепые капризы он терпел только ради этого самого наследства; а в-третьих, измучившая его дилемма разрешилась сама собой.

Жан Люксембургский больше не колебался и с легкой душой продал Жанну англичанам. В дневнике осведомителя Никколо Морозини содержится письмо от 24 ноября 1430 года, где сообщается следующее:

«Достоверно, что Дева отправлена в Руан к английскому королю и по этому случаю мессир Жан Люксембургский, взявший ее в плен, получил 10 000 крон за то, что выдал ее англичанам».

К этому нечего добавить.

«МАРШАЛ СИНЯЯ БОРОДА»

ЖИЛЬ ДЕ РЭ

(1403—1440)

Судьба знаменитого дворянина Жюль де Лаваль, барона де Рэ, словно каким-то предопределением свыше разделена на две противоположные половины: белую и черную. В первой из них запечатлен светлый образ храброго и красивого рыцаря, пламенного патриота, блистательного маршала Франции, овеянного воинской славой; вторая представляет жуткий, отвратительный и омерзительный облик «Синей Бороды» — педофила, садиста и хладнокровного убийцы.

Жюль де Рэ. Картина Э. Феро

Как все это могло сочетаться в одном человеке? Как могла произойти такая чудовищная перемена? Ответы на эти вопросы нетрудно найти, если внимательно проследить за основными этапами его жизни.

Представитель прославленного рода Монморанси Жиль де Лаваль родился в Бретани в 1403 году. Мало сказать, что он был богат, барон, унаследовавший обширнейшие владения во Франции, был сказочно богат! Все его земли, поместья и замки трудно перечислить: Машкуль, Принсай, Порник, Буэн, Вир, Рэ, Блезон, Шемийе, Сент-Этьенн-де-Мэр-Морт, Фонтэн-Милон, Мотт-Ашар, Амбриер, Лувэн, Морьер, Краонэ, Лазульг, Энгранд, Сенеше, Шантосе... Мало того, Жан де Краон, дед Жилия, воспитывавший рано осиротевшего мальчика, устроил ему выгодный брак с Екатериной Туарской, и жена принесла Жилию в качестве приданого еще четыре шикарных замка: Тиффож, Пузож, Конфолан и Кабанэ!

Не довольствуясь только богатством, молодой барон искал воинской славы на полях сражений, сначала на службе у Жана Пятого, герцога Бретонского, а затем, в самые суровые годы Столетней войны, под знаменами дофина Карла, будущего короля Карла Седьмого.

Жилию было всего 23 года, когда он заслужил звание доблестного рыцаря. В бою барон не знал себе равных. Отчаянно храбрый, он везде хотел быть первым. При осаде замка Маликорн англичане трижды сбрасывали его со штурмовой лестницы, но он трижды поднимался и упорно карабкался вверх. Добравшись до бойницы, барон де Рэ сразил вражеского капитана и первым взшел на стену. Помимо Маликорна, его отряд взял крепость Люд, Рэнфор и Сен-Лоран-де-Мортен.

Говоря по правде, уже тогда в противоречивой натуре Жилия проявились темные стороны. Он полюбил войну, ему нравилось убивать. Но особенно ему нравилось присутствовать при казнях: созерцание беспомощного человека, агонизирующего в петле, доставляло барону какое-то дьявольское наслаждение.

Все переменялось, когда в его жизнь вошла Жанна. Впервые Жиль увидел ее в марте 1429 года в Шиноне, при дворе дофина Карла. Дофин, по началу усомнившийся в высоком предназначении Жанны д'Арк, повелел отвезти девушку в Пуатье на испытание к тамошним богословам. Жилию де Рэ было поручено сопровождать и охранять ее. Барон, сочтя такую миссию скучной, очень скоро переме-

нил свое мнение. Очарованный чистотой, верой, умом, храбростью и решительностью Девы, он увидел в ней ангела во плоти и полюбил ее так, как можно любить только святую. Душа Жилия очистилась и просветлела. Впрочем, его чувства разделяли и другие солдаты, готовые ради Девы идти на смерть. Жиль де Рэ, дороживший Жанной как святыней, прошел рядом с ней весь ее славный боевой путь от Орлеана до Парижа.

Жанна д'Арк выступила на помощь осажденному Орлеану в сопровождении верного барона, маршала Франции де Буссака, адмирала де Кюлана, прево Парижа де Лоре и знаменитого гасконца Ла Гира. 4 мая Жанна д'Арк впервые пошла в бой. Жиль де Рэ оберегал ее, как мог, прикрывая своим щитом и защищая мечом. Тот день принес французам, штурмовавшим бастиду Сен-Лу, первую победу, и вера солдат в предназначение Девы стала абсолютной. Как и предсказывала Жанна, Орлеан был вскоре освобожден, после чего Дева с триумфом сопроводила дофина Карла в Реймс на коронацию.

По древней традиции, коронация французского монарха могла совершиться только после обряда миропомазания. Для проведения этого обряда в Реймс нужно было привезти Священную чашу — сосуд с освященным маслом (миром) находившуюся в аббатстве Сен-Реми. Эту почетнейшую миссию король возложил на четырех самых заслуженных рыцарей: маршала де Буссака, адмирала де Кюлана, сира де Гравиля и барона Килия де Рэ.

Час великой славы пробил для нашего героя. В фиолетовом бархатном плаще, подбитым горностаевым мехом, барон торжественно восседал на коне с хоругвью в руке. «Заложники священной сосуда» доставили Священную чашу, заключенную во чреве Золотой голубки с коралловым клювом, в Реймский собор. 17 июля 1429 года совершился обряд миропомазания и коронация, после чего новый король осыпал милостями своих верных рыцарей. Жиль де Рэ, которому в ту пору было всего 25 лет, удостоился высокого звания маршала Франции. Кроме того, Карл Седьмой, в знак особого расположения, повелел расшить герб баронов де Рэ королевскими лилиями. То была великая честь, и счастливый Жиль прекрасно осознавал, что этим триумфом он обязан боготворимой им Орлеанской Деве.

А потом был неудачный поход на Париж. 8 сентября отряды Жилия де Рэ и сира де Гокура штурмовали ворота Сент-Оноре. Англичане отбили первый приступ, но Жанна, раненная в тот день стрелой в бедро, приказала готовиться к новому штурму на следующий день. Од-

нако король, поддавшись на предательские уговоры советников, повелел тайно разобрать мост через Луару, составленный солдатами из лодок. Увидев наутро, что переправа разрушена, Жиль де Рэ в гневе проклинал изменников из королевского окружения, укравших у Девы очередную победу. Но поправить ничего уже было нельзя, и французской армии пришлось отступить от Парижа.

Когда бургундцы захватили Жанну в плен под Компьенем, Жиль чуть с ума не сошел от отчаяния. Он бросился королю в ноги, умоляя его спасти Орлеанскую Деву. Но Карлу Седьмому она больше была не нужна, и король подло предал Жанну, столько для него сделавшую. Пламя костра, испепелившее Деву, испепелило и сердце Жилия. Тогда-то у него и произошел роковой душевный переворот, за которым последовало стремительное нравственное падение.

Как Господь мог допустить, чтобы его невинная посланница умерла такой жестокой, мучительной смертью? Где же его хваленое милосердие? Сам дьявол на его месте был бы милосерднее! И тогда Жиль, утративший со смертью Жанны все самое святое, отринул этого беспощадного Бога, и в его опустевшей душе проснулись губительные низменные инстинкты, извращенные гнусные пороки, таившиеся до поры на самом ее дне, окутанном непроницаемым мраком. С этого момента он и вступил на страшный путь чудовищных преступлений, ведущий напрямиком на виселицу и в жуткие глубины ада.

Жиль де Рэ оставил службу и вернулся в Бретань, где предался безудержному разгулу и омерзительному разврату. Особенно он любил красивых мальчиков, и слуги, не менее преступные, чем их хозяин, повсюду разыскивали их для удовлетворения похоти сластолюбивого барона. Жиль насиловал детей, а затем душил или вспарывал им животы. Иногда совокуплялся даже с остывающими трупами, прямо посреди луж еще дымящейся крови.

Вся округа была встревожена многочисленными случаями пропажи детей, но поначалу никто не мог заподозрить в преступлениях такого прославленного рыцаря и маршала Франции. А толстые стены баронских замков, заглушавшие предсмертные стоны и хрипы невинных жертв, надежно хранили свои страшные тайны. До поры до времени.

Подвела барона страсть к алхимии и некромантии. По его приглашению приехал и поселился в замке Тиффож итальянский алхимик Франческо Прелати. Дело в том, что Жиль очень скоро промотал почти все свое состояние и теперь остро нуждался в деньгах. В ту

северную эпоху многие были убеждены в том, что золото можно получить с помощью философского камня или посредством контакта с каким-либо демоном. Жилью де Рэ было глубоко наплевать на то, каким из этих способов Прелати добудет для него золото, ведь он уже давно погубил свою бессмертную душу. Хитрый итальянец, безбедно живший в замке за счет барона, долго морочил его баснями о демоне по имени Баррон, с которым Прелати якобы свел короткое знакомство. Демон долго ломался, не желая раскошелиться, а когда Жиль попросил Прелати познакомить его с Барроном (мошенник не пускал хозяина в алхимическую лабораторию, уверяя того, что это смертельно опасно), тот, испугавшись, придумал новую отговорку: демон не даст золота, пока не получит кровавых человеческих жертв. Как будто подобные пустяки могли остановить преступного барона! Скоро к услугам демона были десятки жертв, но он почему-то продолжал упрямиться. Терпение Жилия начало истощаться, когда к нему в гости вдруг нагрянула святая инквизиция. Отцы-инквизиторы уже давно охотились за чернокнижником Прелати, и вот теперь наконец им стало известно его местонахождение. Однако побеседовать с ним по душам святым отцам так и не удалось: кто-то из слуг Жилия по приказу хозяина успел убрать опасного свидетеля.

Арестованный барон держался поначалу гордо и заносчиво, полностью отменяя все предъявленные ему обвинения, но впоследствии, под давлением неопровержимых улик, ему пришлось признаться и покаяться во всем. Во-первых, инквизиторам удалось добиться правдивых показаний от некоей старой ведьмы Мэффрэ, пособницы Прелати, скончавшейся в тюрьме под пытками. Во-вторых, следствие обнаружило дневник пунктуального чернокнижника, выдававший Жилия с головой. А в-третьих, тщательный обыск в принадлежавших барону замках — Шантосе и Машкуле — принес страшные результаты: в темных подвалах замков судьи обнаружили 140 детских скелетов. Отпираться дальше не имело смысла. И тогда Жан Жувенель, монах ордена Мон-Кармельской Богоматери, услышал из уст закоренелого грешника жуткую исповедь, а Пьер де Лопиталь, верховный судья Бретани, вынес злодею смертный приговор. 26 октября 1440 года Жиль де Лаваль, барон де Рэ, был повешен, а его тело предано сожжению. Казнь совершилась в Нанте.

Что же касается прозвища барона — «Синяя Борода», то оно прилепилось к Жилью де Рэ по явному недоразумению. Барон имел русую бороду и жен своих не убивал. Собственно, у него была лишь одна

жена — Екатерина Туарская, которой Жиль открыто пренебрегал. Кстати, она надолго пережила своего преступного мужа и даже присутствовала при его казни. Истинный же «Синяя Борода» — это Бернар де Монрагу, но его жизнеописание не входит в нашу задачу.

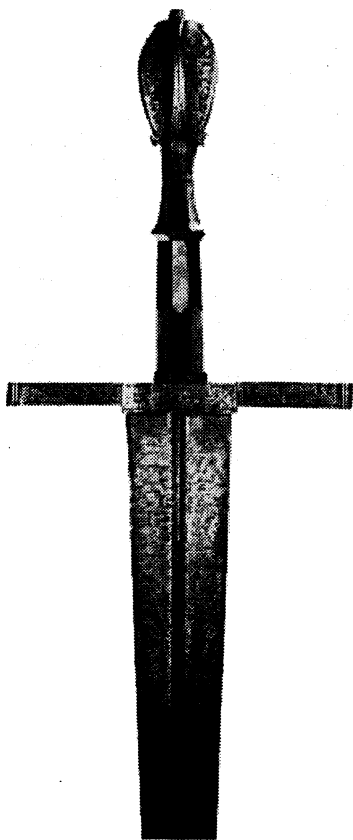
«БРИТАНСКИЙ АХИЛЛ»

ДЖОН ТАЛБОТ

(1373—1453)

Великий полководец Джон Талбот, граф Шрусбери, более 60 лет служил своим мечом трем королям Англии. В его военной биографии можно найти все: и блистательные победы, и тяжелые поражения, и позор плена и, наконец, славную гибель 80-летнего старца на поле боя с оружием в руках. Англичане сравнивали своего любимого героя с античным героем Ахиллом, воспетым великим Гомером. Талбота уважали даже враги, «за то, что он достойно вел войну». В этом истинный рыцарь и джентльмен Джон Талбот далеко превзошел Ахилла, поскольку он никогда не позволял себе глумиться над телом павшего врага.

Талбот был очень богатым человеком; он владел многочисленными поместьями как в Англии, так и во Франции. Дважды выгодно женившись, граф Шрусбери не только приумножил свой капитал, но и воспитал пятерых сыновей, таких же отважных воинов, как и он сам. Двое из них погибли на кровавых полях Войны Алой и Белой розы, а еще один, любимец отца, Джон, был убит вместе с ним в битве при Кастийоне (1453).

Парадный рыцарский меч. XV в.

Свой боевой путь Джон Талбот начал в 16-летнем возрасте, но первым серьезным испытанием для молодого рыцаря стала война в Уэльсе (1400—1410). Восстание валлийцев под руководством Оуэна Глендоуэра было направлено против этнически чуждых им англичан, покоривших Уэльс еще в конце XIII века, при Эдуарде Первом. Действия повстанцев поддерживал с моря французский флот, высадивший в 1405 году на территории графства крупный десант. Лишь ценой больших потерь английским войскам удалось подавить это национально-освободительное движение.

За Уэльсом последовало направление Талбота в другую «горячую точку» зарождающейся Британской империи, когда Генрих Пятый назначил его своим наместником в Ирландии. Мятежный остров постоянно «лихорадило», и королевскому наместнику пришлось принять участие во многих стычках с непокорными ирландцами.

Пройдя суровую школу непосредственно в британских владениях, Джон Талбот последовал за Генрихом Пятым, отплывавшим на континент. Именно во Франции молодой граф Шрусбери стяжал воинскую славу в бесчисленных сражениях, стычках и осадах Столетней войны. Сначала его можно было видеть в Нормандии, при осаде Кана и Руана, а затем последовала целая серия битв, в которых сверкал разящий меч Джона Талбота: при Вернее (1424), Монтарки (1427), при взятии Лавалья, Манса (1428), осаде Орлеана (1428—1429) и при Пате (1429), где он был захвачен в плен.

Джон Талбот вернулся из плена в 1433 году. Английский король, а затем и регент Бедфорд, высоко ценившие боевые заслуги британского Ахилла, щедро осыпали его золотым дождем милостей, денег, титулов и почестей. Талбот носил титул генерального наместника короля в Иль-де-Франсе; назначался капитаном Сен-Жермен-ан-Лэ и Пуасси; пользовался пожизненной рентой в 300 салю золотом; стал кавалером рыцарского ордена Подвязки; и в качестве особого вознаграждения получил графство Клермон-ан-Бовези.

В 1435 году, после ряда важных побед, одержанных французской армией, Бургундия подписала с Францией Аррасский договор. Англия утратила своего влиятельного союзника, и теперь ее континентальные владения оказались под угрозой. В начале 40-х годов Талбот упорно защищал Нормандию, но все его действия были обречены на неудачу. Англичане теряли города один за другим: Арфлер, Понтуаз, Дьепп перешли под власть Карла Седьмого. Наконец, с утратой Руана в 1449 году, владычеству англичан в Нормандии пришел конец, а Талбот превратился в заложника французского короля.

Через год старый рыцарь, чей боевой дух не сломили поражения в Нормандии, получил свободу и отплыл в Англию. Король Генрих Шестой, убедившись в том, что седой боец полон решимости и готов продолжать сражаться, назначил его наместником Гиени, перешедшей в подданство Франции. В 1453 году Джон Талбот высадился в Бордо и быстро покорил провинцию, в течение трех веков принадлежавшую Англии. Так началась его последняя военная кампания. К этому времени Карл Седьмой сформировал многочисленную постоянную армию, оснащенную первоклассными артиллерийскими орудиями, технической разработкой которых занимались знаменитые братья Бюро. Именно артиллерия и сыграла решающую роль в ожесточенной битве при Кастийоне (16 июля), в которой погибли престарелый рыцарь Джон Талбот и его старший сын от второго брака. Эта гибель последнего из знаменитых английских полководцев эпохи Столетней войны имела символическое значение: его смерть стала как бы аллегорией полного военного поражения англичан на континенте. Франция, в тяжелейшей борьбе отстаивавшая свою национальную независимость, победила; Столетняя война завершилась.

ГЛАВА 6

ОРДЕНА КРЕСТОНОСЦЕВ И БОРЬБА С НИМИ

«СВЯТОЙ РАТОБОРЕЙ»

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

(1220—1263, великий князь Владимирский с 1252 г.)

Имя Александра Невского, выдающегося полководца, искусного воина и блистательного дипломата, овеяно неувядающей славой. Всю свою короткую жизнь он посвятил защите Родины, обороняя русскую землю от нападений многочисленных врагов, оберегая ее от гнева всемогущего татарского хана. В прекрасном нравственном облике князя Александра запечатлелись такие замечательные черты, как беззаветное мужество, трогательное мягкосердечие, сострадание к бедам своего народа и стремление к славе родной земли. Неизвестный автор «Жития князя Александра Невского» так характеризует

его Физический облик: «Ростом он был выше прочих людей, а голос его (раздавался), как труба в народе, а лицо его было как лицо Иосифа (Прекрасного)».

Александр, сын великого князя Ярослава Всеволодовича, родился в Переяславле-Залесском, но его блестящие победы связаны с Великим Новгородом, князем-наместником которого он стал с

Александр Невский побеждает ярла Биргера. Картина Ф.А. Моллера. 1866 г.

1236 года. Первыми испытали на себе мощную длань молодого князя шведы.

Летом 1340 года 5-тысячное войско шведов на ста небольших кораблях (шнеках) вошло в Неву и расположилось лагерем у устья Ижоры. Ярл Биргер, предводитель шведов, направил 20-летнему новгородскому князю дерзкий и презрительный вызов: «Ратоборствуй со мной, если смеешь. Я уже воюю твою землю».

Александр Ярославич собрал дружину и сказал ей: «Нас немного, а враг силен. Но не в силе Бог, а в правде. Идите с вашим князем!»

Дружина Александра Ярославича спешно выступила в поход, соединилась в пути с отрядами ладожан и ижорцев, и к утру 15 июля, преодолев около 150 километров, вышла к шведскому лагерю. Осмотрев его из укрытия, молодой полководец быстро составил план сражения, главным фактором которого была внезапность. Конная дружина князя атаковала лагерь противника на берегу, а пешие ополченцы под командованием новгородца Миши наносили тем временем удар вдоль реки, уничтожая мостки, соединявшие корабли с сушей, и препятствуя высадке шведов на берег. Разъединив таким образом силы врага, Александр Ярославич намеревался загнать шведских рыцарей, беспечно раскинувших шатры на берегу, в угол, образуемый берегами Невы и Ижоры, а затем сбросить их в воду.

Этот смелый замысел был блестяще претворен в жизнь. Молодой князь во главе своей дружины стремительно ворвался в самый центр вражеского лагеря и ударом копья ранил шведского полководца в лицо: «...возложил Биргеру печать на лице острым своим копьем». Раненый ярл пал на руки оруженосцев. Так, в первую же минуту сражения, шведы лишились командующего, что, естественно, вызвало хаос и неразбериху в их рядах. Однако они не сдались без боя, и сеча закипела по всему берегу.

Летопись повествует о подвигах шести русских воинов в Невской битве. Молодой дружинник Савва подрубил столб шатра вражеского военачальника. Падение шатра Биргера посеяло смятение среди шведов и вызвало ликование русских воинов. Новгородец Сбыслав Якунович, врезавшись в толпу шведов, поразил многих из них ударами боевого топора. Полочанин Яков столь же доблестно бился мечом, за что и заслужил похвалу от самого князя. Дружинник Гаврила Олексич, преследуя шведского воеводу, верхом на коне взлетел по сходням на корабль. От его руки пали воевода, епископ и несколько простых воинов. Новгородец Миша с отрядом ополченцев захватил три вражеских шнеки и, перебросив находившихся в них рыцарей

через борт, отправил корабли на дно. Слуга Александра, Ратмир, надежно прикрывая князя от наседавших шведов, получил множество ранений, от которых и скончался уже после битвы. Меч Александра Ярославича также не бездействовал, поминутно обагрясь вражеской кровью.

Победа в битве на Неве, сдержанная благодаря таланту молодого новгородского князя, была достигнута с минимальными потерями — по данным летописи, погибло всего 20 дружинников. Что касается шведов, то им был нанесен тяжелый урон: пало 200 знатных рыцарей, а «прочих же без числа». За эту славную победу народ русский присвоил князю Александру Ярославичу почетное прозвище — «Невский».

Наступило недолгое мирное затишье. Надменные новгородские бояре, опасавшиеся растущей популярности молодого князя, вынудили Александра Невского покинуть Новгород. В конце 1240 года он уехал на свою родину, в Переяславль-Залесский. Но бояре сильно ошибались, считая, что князь-воин больше им не нужен. Вскоре объявился новый враг, могучий и беспощадный. Немецкие рыцари из Ливонского ордена, давно зарившиеся на земли Северо-Западной Руси, зимой 1241 года захватили Изборск и Псков. Угроза немецкой агрессии нависла и над Великим Новгородом. Организовать отпор крестоносцам было некому, и тогда новгородские бояре во главе с архиепископом отправились просить защиты у изгнанного ими же князя.

Благородный Александр Ярославич не стал напоминать боярам о нанесенных ему обидах — когда дело шло о защите родной земли, князь забывал о себе. Возглавив новгородское ополчение, он отбил у врага русские города и нанес войскам Ливонского ордена сокрушительное поражение в Ледовом побоище (5 апреля 1242 года). В битве на льду Чудского озера дружины Александра Ярославича и его брата Андрея Ярославича уничтожили 400 и пленили 50 рыцарей ордена. Летопись сохранила знаменитые слова, произнесенные Александром Невским после этого сражения и вошедшие в историю: «Кто к нам с мечом придет, тот от меча и погибнет. На том стояла и стоять будет Русская земля!»

Ливонский орден, получивший столь мощный отпор, запросил мира. На десять лет угроза с этой стороны ослабела. Но у Руси, разтерзанной монголо-татарскими полчищами, было множество врагов, и мечу Александра Невского не пришлось долго ржаветь в ножнах. В 1249 году несколько литовских ратей неожиданно прорвались к

Торжку. С дружиной и новгородским войском Александр Ярославич немедленно выступил против нового врага. Князь настиг непрошенных гостей уже у Торопца, в Смоленской земле. Литовцы были разбиты наголову; Александр в ходе сражения лично зарубил восьмерых литовских князей. Освободив русских пленных, князь-воитель перехватил под Жижем новую литовскую рать и почти полностью истребил ее. Уже возвращаясь домой, Александр Невский встретил и уничтожил очередное войско литовцев в Витебской земле, под Усвятом, после чего в Новгород «сам приде здрав и дружина его».

В 1250 году ярл Биргер, еще хранивший на своем лице «печать», возложенную копьем Александра, завоевал Финляндию, насильно крестил финнов и раздал их земли шведским феодалам. Опыленные этим успехом, шведы вновь нацелились на Ижорскую и Карельскую земли Руси. Вместе с датчанами они заложили крепость на берегу Наровы, чтобы отрезать русским выход к Финскому заливу.

Александр Невский, ставший к тому времени великим князем Владимирским, находился тогда в столице и был занят государственными делами, но как только позволили обстоятельства, напомнил шведам о себе. Зимой 1256 года князь выступил с полками из Владимира. Узнав об этом, устрешенные шведы оставили крепость и «побегоша за море». На этот раз непобедимый полководец нанес им удар в Финляндии. Русские войска пересекли по льду Минский залив и двинулись на лыжах по территории заснеженной страны Шведским рыцарям, чувствовавшим себя хозяевами покоренной Финляндии, вновь пришлось испытать на себе гнев русского князя. Как писал папа Александр Четвертый, русские убили «...многих из его (шведского короля) верноподданных, пролили много крови, множество усадеб и земель предали огню», а многих финнов «прискорбным образом привлекли на свою сторону». Финский поход Александра Невского наглядно показал шведам, что русские способны бить врага не только на своей территории.

Двадцать победоносных сражений провел за свою жизнь выдающийся полководец. Но не только мечом послужил он Родине. Александр Ярославич четыре раза ездил в Орду и добился от хана важнейшей привилегии — Русь была освобождена от обязанности поставлять своих воинов в татарское войско. Неоднократно ему удавалось заставить могущественного хана сменить гнев на милость и предотвратить новое нашествие татарских полчищ на истерзанную Русь. Эти дипломатические победы великого князя спасли жизнь тысячам соотечественников. Выдающийся полководец умел смирять свою

гордость, защищая русских людей в Орде уже не грозным мечом, а умным и кротким словом.

Тяжкие труды рано подточили силы Александра. Возвращаясь из Орды в очередной раз, он тяжело занемог и скончался в Городце 14 ноября 1263 года. Не исключено, что коварные татары опоили князя медленнодействующим ядом.

Заслуги великого защитника Русской земли не были забыты благодарными соотечественниками. Русская православная церковь причислила благоверного князя к лику святых. По наказу Петра Первого в 1721 году был учрежден орден Александра Невского. В годы Великой Отечественной войны более 40 тысяч офицеров стали кавалерами этого ордена. Михаил Ломоносов увековечил Александра Невского в мозаике; художники В. Васнецов, Н. Рерих, П. Корин запечатлели его нетленный образ на своих полотнах; С. Прокофьев посвятил ему прекрасную кантату, К. Симонов — замечательную поэму, а С. Эйзенштейн — превосходный патриотический фильм... И пока жива Россия, в сердцах русских людей будет с благоговением храниться это имя — Александр Невский...

«ЩИТ И МЕЧ ПСКОВА»

ДОВМОНТ

(? — 1299)

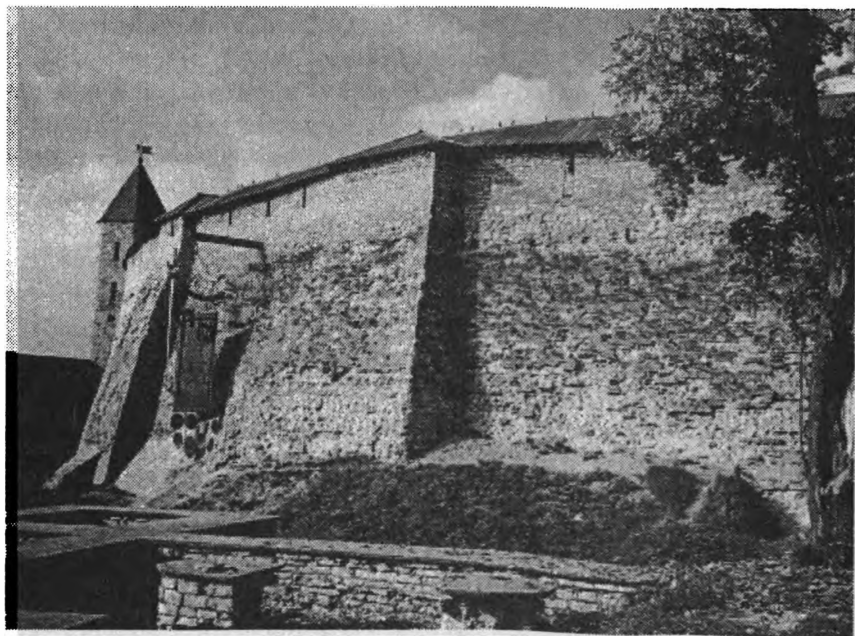
Довмонт, один из удельных литовских князей, нашел на Руси свою вторую родину, которой верно служил до самой смерти. Храбрый витязь и искусный полководец, он прикрыл пограничный Псков от нападений литовцев, немцев и датчан своим надежным щитом. Грозный меч Довмонта без устали разил врагов русской земли. За выдающиеся заслуги перед ней, русская православная церковь канонизировала Довмонта.

В XIII веке Литву раздирали междоусобицы. Князья перегрызлись, как голодные волки. Но в стае всегда найдется самый сильный хищник, который, порвав глотки соперникам, навязет всем остальным свою волю. Таким хищником и был Миндовг, коварный, сильный и беспощадный основатель Великого Литовского княжества. Князья, недовольные его тираническим правлением, составили против Миндовга заговор. Довмонт, князь Нальшанский, оскорбленный великим князем, также принял участие в этом заговоре. Миндовг был

убит, и в стране вновь воцарился хаос. Ливонцы, пользуясь этим, усилили натиск на литовские земли, жестоко расправляясь с «язычниками». Крестоносцы нанесли и Довмонту глубокую, незаживающую душевную рану, похитив его горячо любимую жену. От литовских князей тоже не приходилось ожидать добра. Гердень, метивший на место Миндовга и опасавшийся популярности Довмонта, заманил в ловушку нальшанского князя, но тяжелораненый Довмонт с остатками дружины сумел вырваться из западни, устроенной ему бывшим союзником.

Много горя изведаль Довмонт в Литве. Не было ему там места, отовсюду угрожала смерть. И тогда князь решил покинуть жестокосердую мать. Только в какую сторону направить стопы несчастному изгю?

Скитаясь по лесам с дружинниками, Довмонт думал мрачную думу. Воины князя, высланные на разведку, вернулись с тревожным известием: впереди крестоносцы. Довмонт, люто ненавидевший рыцарей Ливонского ордена, устроил засаду и перебил весь отряд крестоносцев, возвращавшихся из набега на русские земли. Воины князя освободили пленных, среди которых оказался один псковский

Стены Псковского кремля со стороны Довмонтова города

купец. Отдыхая после боя у костра, Довмонт разговорился с русским купцом и, найдя в нем благодарного и внимательного слушателя, неожиданно для себя самого поведал ему о всех своих несчастьях. Купец помолчал, задумчиво погладил длинную черную бороду, а затем дал Довмонту совет: надо идти князю с дружиной во Псков. Тяжелые времена переживает вольный город: жмут отовсюду враги, сжигают деревни, угоняют людей в полон. Нельзя теперь обойтись псковичам без князя, искусного в ратном деле, и без сильной дружины. Купец, хорошо знавший посадника, пообещал лично переговорить с ним об этом деле.

Поразыслив, князь согласился. Купец сдержал свое слово. Заручившись согласием посадника Никиты Федоровича и игумена Святого Спаса отца Василия, он выступил на вече перед жителями Пскова, рассказал о том, какой князь великий воин, как вырвал он его и других пленников из цепких лап крестоносцев. Напомнил и о литвинах с датчанами, угрожающих вольному городу. Народ единодушно одобрил кандидатуру Довмонта. Неважно, что он не русский, главное — человек честный и опытный воин. Пусть послужит новому отечеству. Так, в 1266 году Довмонт был избран псковским князем. «В лето 6774 князь литовский Довмонт оставил Отечество свое, видя мятеж вокруг и убиение отчее... И крещен был и посажен на княжение во Пскове», — записал монах-летописец.

Псковичам не пришлось раскаиваться в своем выборе. В течение 33 лет Довмонт умело защищал город от многочисленных врагов. Не отсиживался за крепостными стенами — ходил в походы, бил крестоносцев и литвинов на их территории. Разящи и меч и надежный щит обрел в его лице вольный Псков.

Первый удар нанес Довмонт литвинам — своим бывшим соотечественникам, среди которых не было у него больше друзей, а были одни враги. «Братья мои, мужи псковские, — обратился князь к русским воинам, выступившим с ним в поход на Литву, — кто стар, тот отец мне, а кто млад, тот брат мне».

Поход против литовцев был удачен. Русичи сокрушили войска Герденя и возвратились домой с богатой добычей и отбитыми у врага пленниками.

В начале 1268 года Довмонт, возглавивший новгородско-псковскую рать, повел ее против датчан. По воле великого князя Ярослава Ярославича к нему присоединились дружины других русских князей — Святослава Суздальского, Дмитрия Переяславльского, Михаила Тверского, а общее командование объединенным русским вой-

ском, насчитывавшим около 15 тысяч бойцов, осуществлял князь Дмитрий Александрович, сын Александра Невского.

Объединились и враги. Ливонцы, вероломно нарушив перемирие с русскими, привели свои отряды на помощь датчанам. Орден выставил 550 рыцарей, 3 тысячи всадников и 5 тысяч тяжелой немецкой пехоты, не считая подвластных крестоносцам куршей и эстов. Вместе с датчанами немцы составили грозное войско, примерно равное по численности русской рати, но превосходящее ее по качеству вооружения.

Генеральное сражение произошло 18 февраля у Раковора. Центр русского войска, занявшего позиции на берегу Киголы, составлял большой новгородский полк под командованием посадника Михаила. Дружина Довмонта по приказу Дмитрия Александровича расположилась на правом фланге, во втором эшелоне, позади переяславльцев и суздальцев. Тем самым Довмонту доверялось нанесение решающего удара в критический момент сражения. Против тверской дружины, стоявшей на левом фланге, противник двинул орденскую пехоту, ошетилившуюся копьями и подгонявшую в бой подневольных прибалтийских воинов. Противниками суздальцев и переяславльцев на правом фланге были тяжеловооруженные датчане. Но хуже всех пришлось новгородцам — в самый центр их полка с хрустом и лязгом вломился клин грозных ливонских рыцарей.

Многочасовая битва отличалась невиданным ожесточением. Воины обеих сторон стояли насмерть. Через три часа боя, когда началась метель, левый фланг русских несколько подался вперед, тесня прибалтов и немецкую пехоту; правый фланг дрался с датчанами на прежнем месте, но полк новгородцев, неся огромные потери, медленно, шаг за шагом, отходил к обозам, стоявшим за спиной русской рати.

Быстро темнело. Псковичи, до сих пор еще не вступавшие в сечу, нетерпеливо переминались. Однако Довмонт удерживал воинов от преждевременного выступления, и только когда сумерки сгустились, князь, совершив молниеносный и неожиданный маневр, нанес страшный удар во фланг и тыл ливонцев. Крестоносцы не выдержали натиска свежих сил и попятились. Через несколько минут большая часть ливонских рыцарей обратилась в бегство. Епископ дерптский, попытавшийся остановить их, был растоптан копытами коней крестоносцев. Псковичи настигали тяжело скачущих всадников и рубили их в спину. Ворвавшись вслед за бегущими рыцарями в лагерь противника, псковичи посеяли там смерть, панику и опустоше-

ние. Воины Довмонта продолжали преследование разбитого врага, уходя все дальше и дальше от места боя.

А сражение у реки еще не закончилось — в темноте никто не заметил успеха Довмонта, ни русские, ни немцы. Последние слишком поздно поняли, как мало их осталось, и полегли под ударами мечей все до одного. Оставшиеся в живых прибалты и датчане бежали под прикрытием темноты и метели.

Три дня стояла на поле боя русская рать, подбирая раненых и хороня убитых. Среди князей не было только Довмонта — он гнал рыцарей до самого Раковора. Дружины русских князей, понесшие большие потери и утомленные побоищем, не последовали за псковским князем. Удовлетворенные одержанной победой, они повернули на Русь. А Довмонт тем временем совершал глубокий рейд по вражеской территории. Трупы немцев с черными крестами на белых плащах устилали заснеженную землю там, где проходили псковичи. Разорив владения ревельского наместника, Довмонт вступил на земли Ордена и, захватив несколько замков, истребил их гарнизоны. Нанеся крестоносцам значительные потери, Довмонт наконец возвратился во Псков. Героический рейд завершился.

Магистр Ливонского ордена, Оттон фон Луттерберг, поклявшийся отомстить Довмонту, собрал большие силы и в 1269 году осадил Псков. Но здесь крестоносцев ожидал решительный отпор. Довмонт нанес им еще одно поражение и отбросил ливонцев от стен города. Усмиренные могучим князем-воителем, немцы и датчане запросили мира. Русские люди всегда рады жить в мире с соседями, поэтому в том же году мирный договор был подписан. На долгих 30 лет, до самой смерти Довмонта, новгородско-псковская земля обрела мир, тишину и благоденствие.

«ПОСЛЕДНИЙ МАГИСТР»

ЖАК ДЕ МОЛЭ

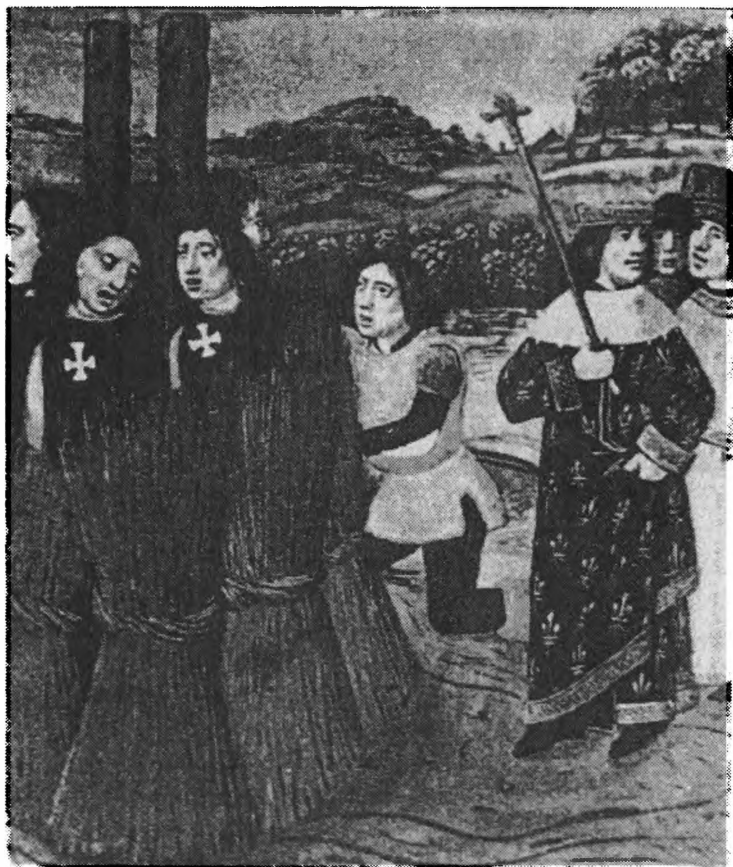
(1244—1314)

Духовно-рыцарский орден тамплиеров (храмовников) был основан в 1118 году в Иерусалиме группой французских рыцарей во главе с Гуго де Пейнсом. Согласно преданию, резиденция ордена находилась на том самом месте, где когда-то возвышался храм царя Соломона. Отсюда и название ордена («тамплъ» с французского озна-

чает «храм»). Орден Храма был изначально задуман как военная организация для охраны паломников, прибывающих в Святую землю. Братья ордена носили белый плащ с красным крестом и давали три обета: бедности, целомудрия и послушания.

В эпоху крестовых походов тамплиеры покрыли себя воинской славой. Вместе с госпитальерами и тевтонцами они составляли ударную силу крестоносцев на Востоке. Влияние и богатства ордена быстро росли: при вступлении в орден неопит передавал в его пользу все свое состояние, а кроме того, многие европейские короли делали большие пожертвования ордену, которому покровительствовал сам папа.

Когда крестоносцы утратили все позиции в Святой земле, тамплиеры перенесли свою резиденцию на Кипр. К началу XII века ор-

Сожжение тамплиеров во главе с Жаком де Молэ. Миниатюра XV в.

ден тамплиеров располагал обширнейшими земельными владениями во Франции, Англии, Шотландии, Фландрии, Италии, Испании, Португалии, Австрии, Германии и Венгрии. Богатства «бедных рыцарей Христа» многократно возросли благодаря банковским и ростовщическим операциям. Эти богатства вызывали жгучую зависть у французского короля Филиппа Четвертого Красивого, всегда остро нуждавшегося в деньгах. Кроме того, короля беспокоило слишком независимое положение тамплиеров, создавших своего рода государство в его государстве. Две эти важные причины и побудили Железного короля справиться с орденом тамплиеров.

Жак де Молэ, последний великий магистр ордена тамплиеров, происходил из бургундских дворян. Членом ордена он стал еще в 1265 году. Благодаря природному уму, твердости и решительности, де Молэ быстро продвигался по ступеням иерархической лестницы ордена и скоро достиг в нем высокого положения. Он занимал пост провинциального магистра в Англии, затем возглавил командорство на Кипре, и наконец, после смерти Берара, великого магистра ордена, был избран его преемником.

Титул великого магистра облакал его обладателя огромной властью и могуществом. Жак де Молэ имел под своим началом 15 тысяч рыцарей и располагал огромными денежными средствами. Магистр тамплиеров пользовался полной независимостью от светских властей, подчиняясь только римскому папе. Однако Жак де Молэ совершил непоправимую ошибку, понадеявшись на неизменное благоволение ордену со стороны святого престола. Он совсем позабыл о том, что папа Климент Пятый является креатурой короля Филиппа. Это был карманный папа, действиями которого руководил французский король.

Добившись «Авиньонского пленения пап», Филипп Красивый подготовил и падение ордена тамплиеров. Действовал он осторожно, не спеша. Сначала король попытался хитростью поставить орден под свой контроль. С этой целью Филипп направил послание великому магистру, в котором просил оказать ему, королю Франции, честь, сделав его почетным рыцарем ордена тамплиеров. Но Жак де Молэ был не настолько глуп, чтобы дать провести себя на мякине: он сразу смекнул, куда клонит его величество. Если удовлетворить его просьбу, ловкий монарх рано или поздно добьется титула великого магистра, а затем сделает это звание наследственным для французской короны. Тогда орден лишится всякой самостоятельности, превратившись в королевскую игрушку. Поэтому магистр ответил королю учтивым,

но решительным отказом, ссылаясь при этом на один параграф устава тамплиеров, который гласил: «Среди наших командоров не может быть государей».

Итак, первый приступ короля был отбит. Другой бы на его месте обиделся и разгневался, но не таков был Железный король — он, напротив, стал еще любезнее, а сам между тем приготовился нанести следующий удар. Для этого удара Филипп использовал в качестве оружия своего послушного папу. Весной 1307 года Климент Пятый пригласил Жака де Молэ во Францию для того, чтобы посоветоваться с ним относительно нового крестового похода. Разумеется, это был только предлог. Де Молэ в сопровождении 50 рыцарей ордена немедленно отплыл с Кипра. Во Францию магистр прибыл не с пустыми руками — он вез 150 тысяч флоринов золотом и огромное количество серебра, навьюченного на 12 лошадей. Все эти деньги рыцари сложили в крепости Тампль, парижской резиденции ордена, о чем шпионы не преминули известить завистливого короля.

Филипп Четвертый встретил великого магистра в своей столице с распростертыми объятиями, словно старинного друга. Оказывая севдовласому старцу знаки глубочайшего уважения, лицемер советовался с ним по всякому пустяковому поводу. Однажды Филипп пригласил его в крестные отцы к своему сыну, а когда скончалась невестка короля, графиня Валуа, Жаку де Молэ в числе самых знатных людей королевства была оказана честь нести погребальный покров.

Вся эта приторная любезность со стороны короля, отдававшая фальшью, заставила великого магистра насторожиться и предпринять на всякий случай кое-какие предупредительные меры. Так, он сжег многие документы ордена и приказал тайно вывезти сокровища тамплиеров в порт Ла-Рошель, где их погрузили на 18 галер и отправили в неизвестном направлении. Королю Филиппу, жадно протягивавшему руки к золоту тамплиеров, впоследствии так и не удалось напасть на его след.

Удар по ордену, неожиданный и неотвратимый, последовал в пятницу, 13 октября («черная пятница») 1307 года. В течение одного дня все тамплиеры, находившиеся на территории французского королевства, были арестованы, а все орденские дома, замки, движимое и недвижимое имущество конфисковано. Великого магистра и других высших иерархов ордена, словно в насмешку, заточили в подвалах Тампля, их бывшей резиденции. А затем последовал судебный процесс, равному которому не знает история.

Чтобы уничтожить орден, тамплиеров следовало сначала опорочить, поэтому трибунал во главе с великим инквизитором Гийомом Эмбером, духовником короля Франции, выдвинул против членов ордена ряд чудовишных обвинений. В чем их только не обвиняли! Тамплиеры убивали детей; принуждали женщин к абортam; состояли в гомосексуальных связях друг с другом; отказавшись от Бога, они топтали ногами распятие и плевали на него. В темных пещерах тамплиеры поклонялись дьявольскому идолу по имени Бафомет, которого смазывали жиром заживо изжаренных младенцев и т.д. и т.п. Всю эту кошмарную ахинею несли подкупленные лжесвидетели. Особый вес на судебном процессе имели показания двух ренегатов ордена, Эскена де Флойрана, осужденного орденским капитулом на пожизненное заключение за убийство одного из братьев, но ухитрившегося бежать из темницы, и флорентийца Роффи Деи. Они оболгали своих бывших собратьев по ордену, возведя на них чудовищную клевету.

Арестованные тамплиеры с презрением отвергли все эти обвинения, высосанные из пальца, и тогда к ним применили пытку. Несчастных вздергивали на дыбу, жгли каленым железом, дробили кости ног «испанскими сапогами», и не было таких мучений, каких им не довелось бы изведать. Не все выдержали изуверские пытки. Малодушные оклеветали себя и возвели напраслину на орден. Что касается великого магистра, которого палачи истязали чаще других, то он, понимая, что полное отрицание вины приведет лишь к новым страданиям, «признался» в некоторых уклонениях ордена, надеясь впоследствии доказать их несущественность, но основные пункты обвинения, приведенные нами выше, отрицал безоговорочно.

Большинство арестованных, оговоривших себя и братьев под пыткой, отказывались от вырванных у них показаний, и тогда судьи объявляли их «вторично впавшими в ересь». А это могло означать для них только одно — костер. Первую партию таких «еретиков» епископ Санский отправил на казнь в мае 1310 года. Пятьдесят четырех рыцарей сожгли тогда на медленном огне в поле за монастырем Св. Антония. За ними последовали другие. Костры запылали по всей стране.

Папа Климент Пятый, отдавший тамплиеров на заклятие, издал в апреле 1312 года буллу под названием «Голос свыше», в которой объявил орден упраздненным. Мало того, он разослал письма по всем европейским странам, где имелись командорства ордена, требуя немедленного ареста рыцарей-храмовников и привлечения их к суду, не исключая, а даже поощряя применение пыток, поскольку, по его сло-

вам, «по отношению к еретикам все законы, все привилегии и обычаи падают сами собой».

Семь лет провел в подвалах Тампля Жак де Молэ, семь страстных лет, наполненных допросами и пытками. В одном письме великого магистра, адресованном друзьям и обнаруженном через несколько лет после окончания судебного процесса, де Молэ рассказывает, как палачи сдирали куски кожи с его спины, ног и живота. Стоит ли поэтому винить 70-летнего старца за то, что он, не перенеся нечеловеческих страданий, в конце концов подписал «признание», продиктованное немилосердными судьями. Вина за свою слабость жгла душу де Молэ сильнее, чем раскаленные шипцы палача жгли его старческое немощное тело. Но он нашел в себе силы совершить высокий нравственный подвиг, искупивший минутное малодушие.

11 марта 1314 года на площади перед собором Парижской Богоматери состоялось последнее заседание суда. На высоких трибунах, специально возведенных по такому случаю, разместились кардиналы и другие иерархи церкви под председательством архиепископа Санского, Жана де Мариньи. На площадь, запруженную толпами народа, доставили Жака де Молэ, приора Нормандии Жоффруа де Шарне и еще нескольких высших сановников ордена, больше похожих на живых скелетов, чем на гордых рыцарей. Король Филипп, не желая делать из них мучеников в глазах простого народа, заранее распорядился о приговоре. Зачем казнить этих живых мертвецов, если они и так долго не протянут. Лучше сгноить их в тюрьме без лишнего шума. Поэтому архиепископ Санский, зачитав осужденным длиннейший перечень их мнимых преступлений, огласил «милостивый» приговор короля: пожизненное заключение.

И тут произошло неожиданное. Звеня цепями, из группы арестантов выступил вперед седой старик Жак де Молэ. Его голос, усиленный эхом, загремел под сводами собора: он отказывается от жалкой подачи и заявляет всем, что сделал свои признания, порочащие орден, под пыткой. Ни он, ни его братья, ни орден в целом ни в чем не повинны!

Жоффруа де Шарне, гордо вскинув голову, обезображенную старым шрамом, присоединил свой голос к голосу великого магистра:

— Мы рыцари Христа, устав наш святой, справедливый и католический...

Судьи переполошились, а толпу народа охватило волнение. Сценарий, тщательно подготовленный королем Филиппом, позорно про-

валился. Тамплиеров поспешно затолкали в телегу и увезли обратно в тюрьму. Теперь в душе великого магистра воцарилось спокойствие: он спас честь ордена ценой своей жизни и умрет, как подобает настоящему рыцарю.

18 марта 1314 года Жака де Молэ и Жоффруа де Шарне сожгли на Еврейском острове напротив королевского дворца. С высоты костра великий магистр изрек свое знаменитое проклятие:

— Папа Климент! Король Филипп! Не пройдет и года, как я призову вас на суд Божий!

И проклятие последнего великого магистра тамплиеров действительно сбылось: через 40 дней от кровавого поноса скончался Климент Пятый, а в ноябре того же года от неизвестной болезни умер король Филипп Четвертый. Была ли то рука судьбы или месть уцелевших тамплиеров, которые, как известно, умели изготавливать смертельные яды, не имевшие ни запаха, ни цвета, ни вкуса? Кто знает...

«ЛИВОНСКИЙ ЛАНДМАРШАЛ»

АНДРЕЙ ШТЕНБЕРГСКИЙ

(? — 1375)

Проводя агрессивную политику «натиска на Восток», немецкие феодалы, прикрываясь христианской миссией, стремились захватить прибалтийские и славянские земли. Епископ Альберт, в 1200 году высадившийся с немецким отрядом в устье Западной Двины, покорил живших там ливов и заложил на месте их древнего поселения крепость Ригу (1201). В 1202 году Альберт основал орден Меченосцев, или, иначе, Ливонский орден, отличительным знаком рыцарей которого стал белый плащ с перекрещенными на плече красными мечом и крестом. Орден и явился той ударной силой, чьей задачей стало покорение местного населения под маской его христианизации.

В 1210 году рыцари ордена завоевали Ливонию, а еще через несколько лет — Эстонию. Но в Пруссии крестоносцы встретили упорное сопротивление воинственных племен, отпор завоевателям дали и северные русские города — Новгород и Псков, в чьи владения неоднократно вторгались захватчики. Тогда магистр Ливонского ордена Вольский предложил Герману фон Зальца, магистру Тевтонского ордена, соединить усилия в борьбе с язычниками (прибалтами) и схизматиками (русскими). В 1237 году ордена объединились под

главенством тевтонского магистра. Так «черный крест побратался с красным крестом».

В 1242 году Александр Невский разгромил войско Ливонского ордена на льду Чудского озера, остановив наступление крестоносцев на земли Северо-Западной Руси, но после смерти победоносного князя немецкие рыцари вновь активизировались. В 1268 году объединенные русские войска под командованием великого князя Дмитрия Александровича и Довмонта Псковского нанесли еще одно тяжелое поражение ливонцам в битве при Раковоре. С тех пор рыцари ордена больше не отваживались вступать в крупные сражения с русскими, но в течение XIII и XIV веков они продолжали тревожить частыми набегами пограничные территории Литвы и Псковские земли. Об этом красноречиво свидетельствует и «Ливонская хроника» Германа Вартберга, в течение длительного времени исполнявшего обязанности капеллана при ливонском магистре. Наиболее подробно Вартберг освещает деятельность Ливонского ордена со второй половины XIV века, поскольку именно тогда автор хроники вел дипломатические переговоры ордена о духовенством и даже лично участвовал в военных операциях ливонцев.

Рыцарь Ливонского ордена. Средневековая гравюра

Среди прочих записей Вартберга особого внимания заслуживают строки, посвященные Андрею Штенбергскому, служившему Ливонскому ордену в звании ландмаршала при трех магистрах: Госвине Гернском (1345—1360), Арнольде Фитингофе (1360—1364) и Вильгельме Фримерстейме (1364—1385). Более 20 лет ландмаршал Штенбергский возглавлял грабительские походы и набеги на литовские и русские земли. В течение всего этого времени кровожадный бандит с красным крестом на белом плаще убивал беззащитных людей, угонял скот, захватывал пленников, сжигал до тла мирные селения.

Первое упоминание об Андрее Штенбергском относится к 1367 году в связи с нападением ливонцев на псковские земли:

«...после дня св. Маврикия (22 сентября), магистр вторгся со своим войском в псковскую землю, в первую ночь он достиг замка Изборха (Изборска), во вторую шел по дороге к Пскову, в третью достиг замка Пскова, сжигая по пути города. В день св. Клефеаса (25 сентября), магистр послал вперед маршала, брата Андрея Штенбергского, и зегевольдского командора с небольшим отрядом войска, чтобы разведать броды по речкам. Им вышли навстречу русские со знаменами, но были опрокинуты и перебиты при преследовании. Маршал возвратился к своим, завладев знаменами и оружием. Между тем магистр опустошал шесть дней со значительным грабежом и пожаром землю по обе стороны реки Моде (Великая)».

По всей видимости, этот внезапный грабительский набег ливонцев закончился для них вполне успешно; впрочем, к летописи Вартберга следует относиться критически, поскольку автор предвзятно освещает события. Малейший успех рыцарей ордена капеллан Герман замечает и раздувает, а о поражениях говорит либо очень кратко и неохотно, либо вообще ничего.

В следующем году ливонский ландмаршал бесчинствует на территории Литовского княжества:

«...В том же году (1368), в день св. Бернарда аббата (20 августа), ландмаршал, брат Андрей Штенбергский, с командорами курляндским, зегевольдским и братьями... опустошили следующие местности в Опитене, именно Малове, Визевильте, Свайникен, Прейвизикен и Невезеникен, при этом был взят в плен и привезен в Рижский замок Гердейко, сын благородного боярина Стирпейки, вместе с женой Мессы, всем его домом и многими другими, причем сам Мессе, брат названного Гердейки, сын упомянутого боярина, едва спасся».

Можно себе представить душевную боль и яростный гнев боярского сына Мессы, лишившегося жены, брата, слуг и всего имуще-

ства. Очень хотелось бы надеяться на то, что Месса жестоко отплатил разбойникам в рыцарских доспехах, но об этом в хронике Вартберга нет ни слова.

В 1369 году ландмаршал дважды вторгся в русские пределы, обагрив свой меч кровью невинных:

«... В 1369 г., в субботу *Reminiscere* (24 февраля), магистр предпринял с ландмаршалом и жителями Сакке (Саккалы) и Каркса поход против русских, именно против Варнаца, где четыре ночи происходило большое кровопролитие, и уведено было в плен пятьдесят человек... В том же году ландмаршал с обитателями Зегевольда и Вевдена, после Матвеева дня (21 сентября), были перед русским замком, называемым Велия, и в течение двух ночей причиняли там убытки».

Из последних строк следует заключить, что сам замок ливонцам оказался не по зубам, но его окрестности крестоносцы разграбили основательно. Больше всех при этом пострадали конечно же безоружные крестьяне.

На следующий год непрощенные гости вновь посетили многострадальные литовские земли:

«... В 1370 г., в день св. Фабиана и Севастиана (20 января), ландмаршал, брат Андрей Штенбергский, с курляндцами, литовцами и кенгаузенцами был в литовской земле. Сначала он вторгся в землю Свайникен, затем перешел с войском в Превайзиникен, где пробыл две ночи. Он побывал также и в других местах, а именно в Малове, Вензене, Минанене до Ремгаллена, Радена и Эгинтена, причем было убито 600 и взято в плен 300 человек обоюбого пола; из наших же пали трое».

Ловко же ливонцы управляют с мирными поселянами! О том, что грабители имели дело не с вооруженными отрядами, следует из самой хроники, иначе Вартберг не преминул бы похвастать захваченными знаменами и трофеями. Впрочем, даже безоружные литовцы сумели убить трех крестоносцев, отбиваясь вилами, плотницкими топорами или рогатинами.

Еще через два года ландмаршал ливонский совершил свой самый масштабный поход через литовские владения:

«... В том же году (1372)... ливонский магистр хотя и двинулся с войском, но был принужден вернуться назад по болезни, послав (вместо себя) ландмаршала, брата Андрея Штенбергского, который с войском напал на земли язычников. Первый растах, т.е. привал, он сделал в Кистенасе, где были опустошены следующие местности: именно Винапен, Вельцен и Малу. Второй привал он сделал в Веденсте, где

были опустошены следующие местности, а именно: Сильнике, Барклене, Ремигалле, Сукейне, Лиснейнен, Црейбе. Третий привал в Салкапене, причем были опустошены местности Вейзеке, Вайзевильте и Опитен. Четвертый растах, по направлению к самаитам, был в Эгинтене, опустошены при этом местности: Дауден, Книен, Бурве, Линкове, Сазен. Пятый растах был Датинен; опустошенные местности: Берце, Рамоз, Слапниберце, Мегене, Датиске, Зазати, Верго. Шестой растах был в Андигенкути; тут были опустошены местности: Раммине, Бабине, Гайдине, Карианове, Лабунове, Педине, Каплиус и Нармайне. Седьмой растах был при Кралинове, причем были опустошены местности: Оцителаке, Рады и Штренге. Восьмой растах был Эгглаит, причем были опустошены: Свайнике, Превайзике и Невезенике. Девятый привал Салвейте находился на Невезе, опустошенная при нем местность зовется Вадахте».

Сколько крови, слез, сожженных домов и загубленных жизней скрывается за строками этого сухого, педантичного отчета ливонского капеллана! А он словно скучающий путешественник, поглядывающий в окно идущего поезда, равнодушно отмечает ничего ему не говорящие названия проносящихся мимо станций. Герман Вартберг даже не удосужился подсчитать общее количество спаленных и разграбленных литовских сел и местечек. Но мы не поленились и подсчитали: их 39! Причем многие из них ливонцы разоряли уже неоднократно.

Смысл таких действий разбойного ливонского ландмаршала очевиден: не ввязываясь в открытый бой с войсками противника, он стремился подорвать его экономическое могущество и вынудить перепуганных поселян оставить обжитые места, после чего орден завладеет этими обильно политыми кровью землями.

Вскоре ливонский бандит вновь напоминает о себе:

«...В том же году (1373) брат Андрей, ландмаршал, собрал снова войско в 350 человек, с которыми в ночь на *Oculi* (с 19 на 20 марта), в час первого сна, разграбил деревню около замка Узупалле, всех жителей перебил и сжег самую деревню. Уведши 70 лошадей, он невредимо возвратился домой».

В этом отрывке впервые все вещи называются своими именами: «...разграбил деревню», «...жителей (не воинов!) перебил» и т.д., благодаря чему очень рельефно выступает облик грабителя, бандита и кровожадного убийцы («всех жителей перебил!») в орденском плаще.

Еще через два года ландмаршал в составе ливонского войска словно ненасытный волк рвет окровавленными клыками беззащитную добычу:

«... В 1375 г. магистр и орденские чины со всех концов Ливонии собрались в многочисленное войско (волки сбились в большую стаю!) и в день св. Агаты (5 февраля) дошли до следующих литовских местностей, а именно: Таураге, Уттен, Балниве, Надиске, Зессолен, Зиденвске, Гедерейтен и части земли Дубингена и Асдубингена, где они в течение десяти дней все опустошали огнем и мечом, увели 600 человек обоего пола и затем невидимые только с потерей одного человека возвратились домой...»

Этим единственным погибшим и был кровавый ландмаршал Андрей Штенбергский, чьи злодеяния исчерпали даже Господнее долготерпение. Много лет его не брали ни меч, ни копьё, но какой же жалкой и смешной оказалась его смерть! Продолжим отрывок:

«... Стоял ужасный холод, и снег был глубок и тверд, так что все войско могло подвигаться только по одиночке один за другим. Брат Андрей Штенбергский, ландмаршал, в течение 21 года искусно исправлявший свою должность, умер вследствие падения дерева, которое во время этого похода неожиданно обрушилось на него».

Его прибило упавшим деревом! Ничего не скажешь, «достойная» смерть для рыцаря! И как знать, не было ли это Божьей карой за переполненную кровавыми преступлениями жизнь?

«ПЛАЧУЩИЙ МАГИСТР»
УЛЬРИХ ФОН ЮНГИНГЕН
(? —1410)

В 1407 году великим магистром Тевтонского ордена был избран Ульрих фон Юнгинген. Его избрание сделало невозможным мирное урегулирование конфликта с Польским королевством и Великим княжеством Литовским, поскольку магистр Ульрих являлся активным проводником политики «Натиска на Восток». Так называемая Великая война, вспыхнувшая вследствие этой политики в 1409 году, привела орден на край гибели.

Тевтонский орден, или, иначе, «Орден дома святой Марии Тевтонской», возник в Иерусалиме в 1128 году. В него входили почти исключительно немецкие рыцари, принявшие в качестве форменной одежды белый плащ с черным крестом. Устав Тевтонского ордена был составлен на основе уставов ранее возникших духовно-рыцарских орде-

нов госпитальеров и тамплиеров. Но в отличие от них лишь Тевтонскому ордену удалось создать мощную государственную организацию.

Когда Святая земля была для крестоносцев потеряна, тевтонцы обосновались в Европе, где и стали проводить политику под названием «Натиск на Восток», имевшую целью колонизацию славянских земель. Главным объектом экспансии ордена стала Прибалтика, населенная языческими племенами, что давало возможность тевтонцам прикрывать свои захватнические планы христианской миссией. Опираясь на поддержку папского престола и германского императора, прекрасно вооруженные, закованные в броню рыцари ордена за 50 с небольшим лет покорили воинственные племена пруссов, подавляя их сопротивление с неслыханной жестокостью. На захва-

Грюнвальдская битва. Фрагмент картины Я. Матейко. 1878 г.

ченных землях тевтонцы возвели множество укрепленных замков, превратив Прибалтику в страну крепостей.

Победив пруссов, орден начал угрожать территориальной целостности Литвы и Польши, а также Северо-Западной Руси. Тевтонцы оторвали от Польши Хелминскую землю и Восточное Поморье, подвергали постоянным набегам польскую Добжинскую землю и литовскую Жемайтию. Мирные переговоры с зарвавшимся агрессором ни к чему не приводили, а с избранием великим магистром ордена Ульриха фон Юнгингена близкая война стала неизбежна. Смертельная опасность, нависшая над их народами, вынудила короля Польши Владислава и литовского князя Витовта объединить свои силы для отпора жестокому завоевателю.

Новый магистр ордена деятельно готовился к войне. Летом 1408 года, осмотрев пограничную с Польшей и Литвой территорию, магистр Ульрих лично проинспектировал замки Астрода, Торунь, Штрасбург и Голуб. Он приказал привести в порядок их арсеналы, доставить из столицы ордена, Мариенбурга, пушки, проверил обеспечение пограничных контингентов снаряжением и продовольствием. Кроме того, магистр распорядился ускорить строительство замков Тильзит и Рагнета. Все торговые отношения с Литовским княжеством и Польским королевством немедленно прекращались. Граница была на замке, ее нарушение каралось смертью.

6 августа 1409 года Тевтонский орден официально уведомил правителей Польши и Литвы о начале военных действий. Так началась Великая война (1409—1411). Главный удар крестоносцы направили на Добжинскую землю. Великий магистр лично командовал этим походом. За вторую половину августа войска ордена захватили крепости Добжинь, Рыпин, Липна, Бобровники и Злотарию. Действуя с предельной жестокостью, крестоносцы вырезали гарнизоны, грабили и сжигали города. Одновременно с главным ударом наносились и вспомогательные: комтуры ордена из Тухолы и Члухава опустошили Краину, взяли Быдгошу и Швец. Комтуры Астрода и Бранденбурга прошли с огнем и мечом владения князя Мазовецкого.

Начало войны застало польского короля врасплох. 4 сентября его войско потерпело поражение от рыцарей ордена под Велунем. Однако литовская армия при поддержке жемайтских повстанцев овладела замками Фреденбург и Дубиса. 30 сентября поляки отбили Быдгош.

Ульрих фон Юнгинген, прекрасно понимая, что противник обладает большим военным потенциалом, предложил заключить переми-

рие. Союзники согласились на это, и перемирие было подписано 8 октября 1409 года сроком до заката солнца 24 июня 1410 года. Пользуясь выигранным временем, магистр тевтонцев пытался дипломатическими средствами добиться территориальных приращений. Он предложил передать спор между Польшей и орденом на рассмотрение чешского короля Вацлава, заранее подкупленного тевтонцами (за свою посредническую миссию Вацлав получил от комтура ордена, Альбрехта Шварцбурга, 60 тысяч флоринов). Разумеется, решение этого «посредника» было на руку крестоносцам: Жемайтия и Поморье передавались ордену, а Добжинская земля — под временное управление чешского короля.

Послы Литовского княжества, как язычники, были изгнаны с переговоров. Польская же делегация, возмущенная уже тем, что текст соглашения читался по-немецки, покинула заседание в знак протеста. Таким образом, последние надежды на мирное разрешение спорных вопросов провалились, и вскоре война возобновилась.

В начале декабря 1409 года Витовт и Владислав тайно встретились в Бресте, где они обсудили все вопросы совместной борьбы с орденом. Магистр тевтонцев, со своей стороны, также готовился к решающей схватке. Он избрал оборонительную тактику, готовясь отразить удары со стороны Польши или Мазовии, с тем чтобы удержать за орденом Добжинскую землю и Куявию. Однако Ульрих фон Юнгинген допустил большой просчет — соединение польской и литовской армий стало для него полной неожиданностью. Разведка тевтонцев, таким образом, расписалась в своем полном бессилии. Тем не менее магистр Ульрих был совершенно уверен в победе. Для генерального сражения он подготовил мощную армию из 60 хоругвей (полков). Армия насчитывала 33 тысячи бойцов; из них 21 тысячу составляли рыцари, 6 тысяч — пехотинцы и еще 6 тысяч — челядь. Наряду с воинами собственно ордена в Грюнвальдской битве принимали участие воинские контингенты четырех прусских епископов, прусского земельного ополчения, поморских князей, европейских рыцарей, дружественных ордену, и наемников — чехов, моравов и швейцарцев. Армия Юнгингена, костяк которой составляла тяжеловооруженная рыцарская конница, превосходила противников по качеству вооружения. Помимо того, тевтонцы широко использовали артиллерию: у них имелись бомбарды различных калибров.

Однако план магистра был в целом неудачен, поскольку не позволил ему собрать все силы в один бронированный кулак: крупные группировки крестоносцев под командованием Генриха фон Плауэ-

на и Михаила Кухмейстера, прикрывавшие направление возможных ударов на левом берегу Вислы, не смогли принять участия в решающем сражении, так же как и гарнизоны многих орденских замков, оставленные для их охраны. Кроме того, не прислал обещанных подкреплений ландмейстер Ливонии. Таким образом, силы Тевтонского ордена перед Грюнвальдской битвой оказались в значительной мере распылены, что не могло не отразиться на исходе генерального сражения.

Армия союзников, состоявшая из 98 хоругвей, была гораздо более многочисленной. Ее ударной силой являлись 18 тысяч польских рыцарей, чье защитное вооружение лишь немного уступало немецкому. Литовская и татарская легкая конница насчитывала соответственно 11 и 5 тысяч. Количество польских, литовских, русских и чешских пехотинцев доходило, по разным оценкам, до 20 или 25 тысяч.

Ульрих фон Юнгинген учел численное преимущество противника и в соответствии с этим продумал план предстоящей битвы. Первым прибыв на холмистую равнину между Грюнвальдом и Танненбергом, великий магистр точно рассчитал маршрут противника и принял меры к укреплению своих позиций. По его приказу были выкопаны и хорошо замаскированы ямы-ловушки с острыми кольями, расставлены пушки, арбалетки и лучники. Магистр Ульрих рассчитывал задержать вражескую кавалерию перед укреплениями, расстрелять ее из пушек, луков и арбалетов, а затем уже двинуть в бой своих закованных в латы рыцарей, которые окончательно сокрушат польскую конницу и сметут легковооруженную пехоту.

Грюнвальдская битва произошла 15 июля 1410 года. По свидетельству орденских хронистов, утром, перед сражением, на глазах у великого магистра Ульриха фон Юнгингена вдруг выступили слезы, как бы от предчувствия разгрома и собственной гибели. Неудержимым потоком струились они по его бледным впалым щекам. Эти неожиданные слезы вызвали недоумение и упреки со стороны комтуров ордена, возмущенных тем, что великий магистр в такой ответственный момент ведет себя как тряпка. Но Ульрих наконец справился с собой и властно скомандовал:

— К хоругвям!

Немецкие комтуры бросились к своим полкам, а великий магистр, пытаясь вернуть себе присутствие духа, медленно обвел затуманенным взором плещущиеся на ветру знамена своего грозного войска. Вот черный крест на белом поле — хоругвь маршала Валленро-

да; левее и дальше, с широкой белой полосой на красном поле, — хоругвь великого комтура Лихтенштейна; вот эта, с белым ключом на красном поле, — хоругвь орденского казначея; рядом красный волк — это хоругвь комтурства Бальги; а там, дальше, — белый лев с золотой короной и черный крест под ним — это рыцари Кенигсберга. Под двумя красными рыбами стоят шонзейцы, а красный орел на черном поле — это бранденбургский полк, и так далее, и еще, и еще... А над всеми этими знаменами словно бы возвышается большая орденская хоругвь с черным крестом и черным орлом на золотом щите. Созерцание этого красочного и величественного зрелища совершенно успокоило нервы великого магистра, и он подумал: «Пора бы начинать битву!»

Но битва все никак не начиналась. Солнце уже высоко поднялось над лесом, окаймлявшим холмы Грюнвальда, а разделенные долиной противники, стоявшие друг против друга на склонах холмов, не двигались с места. Магистр ждал, чтобы поляки и литовцы первыми атаковали его позиции, а король Владислав, казалось, умышленно затянул богослужение, после чего принялся посвящать в рыцари молодых воинов. Потом он долго и тщательно надевал латы, усаживался на боевого коня и осматривал поле предстоящей битвы. Тем временем немецкие рыцари жарились в своих латах под палящими лучами солнца.

Кусая губы от нетерпения и досады, магистр долго ожидал нападения. Наконец он потерял терпение и отправил к противнику двух герольдов. Герольды, явившись в стан короля и князя, держались вызывающе:

— Великий магистр, Ульрих фон Юнгинген, велел передать вам следующее: если великому князю и королю не хватает места для битвы, то он готов отвести орденское войско на любое расстояние. А чтобы придать вам мужества, которого у вас, как видно, не хватает, он повелел вручить вам эти мечи! — с такими словами герольды вонзили в землю два меча — для Владислава и Витовта.

Оскорбленные дерзкими герольдами, король и князь поддались на уловку магистра. Сражение начали легкая конница литовцев и татары Джелаль-эд-Дина, атаковавшие левый фланг крестоносцев. Казалось, план Юнгингена начал осуществляться. Однако потери союзников от ям-ловушек оказались незначительными, а пушки успели сделать всего два залпа, после чего артиллеристы и стрелки, их прикрывавшие, были посечены атакующими. Тогда пришел черед тяжелой орденской кавалерии. Сорок четыре хоругви крестонос-

цев железной лавиной обрушились на союзное войско, левый фланг которого составляли польские рыцари, правый — литовская конница, а средину занимали три смоленских полка.

Польский хронист Ян Длугош так описывал этот момент битвы: «Когда ряды сошлись, то поднялся такой шум и грохот от ломания пик и ударов о доспехи, словно обрушилось некое огромное строение, и такой резкий лязг мечей, что его хорошо слышали люди даже на отдалении нескольких миль».

Через час под натиском крестоносцев большая часть литовского войска обратилась в бегство. Но это было притворное отступление, задуманное Витовтом. Тевтонцы, преследуя отступающих до обозов, угодили в засаду, где часть из них была окружена и уничтожена.

Воспользовавшись отступлением литовцев, Валленрод, командовавший левым флангом крестоносцев, попытался нанести полякам удар в спину. Однако правый фланг поляков надежно прикрыли смоленские полки. Здесь закипела самая страшная сеча. Один из смоленских полков был изрублен до последнего человека, два других потеряли более половины бойцов, но не отступили ни на шаг. Поляки тем временем отражали хоругви Лихтенштейна. Критический момент сражения наступил, когда под натиском тевтонцев рухнула красная королевская хоругвь с изображением белого орла. Владислав тут же исправил положение, послав подкрепления. Несколько польских полков резерва, пройдя через лес, направились в обход правого крыла крестоносцев. Вернулись и отступившие в начале боя литовцы.

Ульрих фон Юнгинген, видя, что чаша весов склоняется не в его сторону, сам возглавил 16 резервных хоругвей, составлявших цвет орденового войска, и повел их в атаку. В орденовом плаще с черным крестом и орлом, с золотым ковчезцем на груди, Ульрих, прикрываемый со спины двумя оруженосцами, скакал вперед, на самом острие тевтонского клина из отборных хоругвей. Какой-то польский рыцарь ударил его копьем, но магистр ловко увернулся, слегка наклонив голову, и сам атаковал поляка, ранив его коня. В следующее мгновение они разминулись и потеряли друг друга из виду. Но это было неважно. Важнее было другое: магистр вдруг понял, что неверно повел свои хоругви, что надо было зайти с тыла, а здесь его задержат, вынудят к рубке, и он упустит драгоценное время. Ульрих побледнел от досады и гнева, когда из казавшегося пустым леса ему навстречу выскочили несколько польских хоругвей. Обернувшись, он облился холодным потом: с тыла полукольцом заходили татары. Скрипнув

зубами от ярости, магистр занес меч и во главе своих рыцарей врубился в неприятельские ряды.

С высоты птичьего полета было хорошо видно, как ударная группировка магистра и правый фланг орденской армии постепенно втянулись в два кольца окружения. Теперь их участь была предрешена. Крестоносцы бились отчаянно, пощады никто не просил. Некоторым мелким группам удалось, прорвав кольцо окружения, отойти к ободам — последнему пункту обороны тевтонцев.

Ульрих фон Юнгинген, размахивая обагренным мечом, с трудом отбивался от копий и рогатин, нацеленных на него со всех сторон. Оруженосцы и рыцари, прикрывавшие спину великого магистра, пали один за другим. Внезапно в суতোлке боя перед глазами Ульриха мелькнуло раскосое лицо. Спустя мгновение татарский сотник Багардин нанес ему молниеносный удар копьем в лоб. Обливаясь кровью, великий магистр рухнул с коня. Раненый Ульрих не успел еще приподняться на локте, как целая толпа литвинов, одетых в звериные шкуры, закрыла от него небо. Литовская рогатина вонзилась магистру под левый сосок и пригвоздила его к земле.

Сражение заканчивалось. Первыми сдались дружественные ордену европейские рыцари — в живых из них осталось лишь 40 человек. Какое-то время немцы отчаянно дрались, укрепившись за ободами, но и их сопротивление вскоре было сломлено.

Битва завершилась до захода солнца. Орден потерпел катастрофическое поражение. В бою пали 18 тысяч крестоносцев, включая почти все орденское начальство: великого магистра, великого маршала, великого комтура, великого казначея, великого ризничего, а также многих комтуров — командиров хоругвей. В плен попали 14 тысяч — их заковали в те оковы, которые самоуверенные тевтонцы сами заготовили для будущих пленников. Из двух котлов окружения вырвались и спаслись бегством не более тысячи тевтонцев.

Труп Ульриха фон Юнгингена нашли на следующий день. Король Владислав долго рассматривал тело магистра с запекшимися ранами на лбу и левой половине груди, и наконец произнес:

— Это тот, кто еще вчера утром мнил себя превыше всех властителей мира... Но он погиб смертью храбрых, и потому мы будем славить его отвагу и похороним с почестями, по-христиански.

Тело магистра омыли, обрядили в лучшие одежды и вместе с телами других сановников Тевтонского ордена отправили для похорон в Мариенбург.

«СПАСИТЕЛЬ ОРДЕНА»

ГЕНРИХ ФОН ПЛАУЭН

(? — 1426)

После Танненбергской катастрофы (немцы называют Грюнвальдскую битву Танненбергской) Тевтонскому ордену угрожало полное крушение и исчезновение с политической карты Европы. Однако этого не произошло, и хотя силы его оказались надломлены, орден чудесным образом уцелел. Спасителем Тевтонского ордена явился шведский комтур Генрих фон Плауэн.

Об этом человеке в ордене давно ходили темные слухи. Братья-рыцари поговаривали, что он занимается алхимией и черной магией. Иначе зачем в его замке, в бывшей пивнице, все ночи напролет горит огонь? Понятно, что брат Генрих, одержимый жадной наживы, тщится

добыть философский камень, дабы иметь возможность обращать неблагородные металлы в золото. А зачем брату ордена, давшему обет бедности, золото? Тоже ясно — чтобы добиться власти. У кого золото, у того и власть!

Доходили эти слухи и до великого магистра Ульриха фон Юнгингена. Не вполне им доверяя, магистр тем не менее относился к брату Генриху с подозрительностью. Алхимик он или нет, неизвестно, но вот то, что он гордец и честолюбец, это без всякого сомнения. Глава ордена готов был поклясться в том, что Генрих фон Плауэн, простой швецкий комтур, метит на его место.

Как бы там ни было, никаких явных улик, из обличающих Генриха фон Плауэна в том, что он еретик или клятвопреступник, не существовало. Напротив, молодой, высокий, стройный, голубоглазый комтур зарекомендовал себя как прекрасный организатор и храбрый солдат. Хладнокровный, уравновешенный, он всегда умел найти единственно верное решение там, где у других опускались руки. К тому же фон Плауэн обладал железной силой воли. Активно участвуя во многих пограничных столкновениях и набегах на польские земли, он всегда возвращался с богатой добычей и пленниками. Причем из числа пленников Генрих отбирал лишь самых знатных, чтобы получить за них большой выкуп, прочих же убивал без всякой пощады, как собак. Однажды ему не повезло: во время очередного набега брат Генрих был тяжело ранен и сам оказался в плену. Поляки выходили раненого крестоносца и, собираясь обменять его на какого-то знатного пана, заключили до поры в башню замка Швец. Но переговоры по обмену сорвались — началась Великая война Тевтонского ордена против Польского королевства и Великого княжества Литовского. 16 августа 1409 года крестоносцы начали наступление сразу по нескольким направлениям, и уже через неделю Генрих фон Плауэн обрел свободу. Освободила его хоругвь тухолского комтура. Впрочем, со взятием Швеца проблем не возникло — ворота замка открыли полубратья, тайные сторонники ордена.

Сразу же по его освобождению магистр назначил Генриха фон Плауэна комтуром Швеца, и новый комтур без промедления ревностно приступил к исполнению своих обязанностей. 1 сентября во главе большого отряда он прибыл в Быдгощ и тщательно подготовил тамошний замок к обороне. И не его в том вина, что через месяц поляки отбили этот замок, — трусливый гарнизон не смог оказать врагу достойного сопротивления, а сам комтур воевал в то время на территории Новой Марки, где польские рыцари потерпели тяжелое поражение.

К великой досаде Генриха фон Плауэна, он не смог принять участия в том грандиозном побоище, что развернулось 15 июля 1410 года на холмистой равнине между Грюнвальдом и Танненбергом — его шведская хоругвь, знамя которой состояло из белых и красных полей, расположенных крест-накрест, была оставлена магистром на левом берегу Вислы для защиты Поморской земли от возможного нападения со стороны Януша Бжозоголового из замка Быдгощи.

Узнав о страшном разгроме крестоносцев под Танненбергом, Генрих фон Плауэн сразу понял, что теперь судьба ордена зависит только от него. Да и как же иначе? Ведь почти все члены капитула ордена вместе с великим магистром полегли на кровавом поле. В живых остались всего двое: великий ключник Георг фон Вирсберг, в великом страхе бежавший под крылышко к чешскому королю Вацлаву, да великий госпитальничий Вернер фон Теттинген, укрывшийся в Эльблонге.

«Во что бы то ни стало спасти столицу ордена, славный Мариенбург — вот главная задача, — решил молодой комтур. — Пока жива столица, сердце ордена, жив и сам орден. Отстоять Мариенбург, а потом все вернем, все замки Пруссии, захваченные поляками и прусскими дворянами-предателями». И Генрих фон Плауэн, загнав шесть коней и покрыв за трое суток более ста миль, 18 июля прибыл в Мариенбург, приведя с собой хоругвь в 500 копий.

Гарнизон Мариенбурга, состоявший всего из 50 человек, был перепуган и полностью деморализован известиями о битве под Танненбергом, о сдаче множества прусских крепостей и о приближении к столице несметного польско-литовского войска Владислава и Витовта. Поэтому первым делом шведский комтур восстановил в крепости железную дисциплину, повесив нескольких трусов и паникеров, подрывавших тевтонский боевой дух. Генриху фон Плауэну удалось внушить своим воинам мысль о том, что они никогда и ни при каких условиях не сдадут врагу Мариенбурга.

Пока литовский князь и польский король, уже чувствовавшие себя хозяевами Пруссии, не торопясь приближались к Мариенбургу, Генрих фон Плауэн энергично готовил замок к обороне, приводя в порядок укрепления, собирая по окрестностям провиант и стягивая к крепости подкрепления. За ту неделю, которую по собственной глупости предоставили ему враги, шведский комтур, исполнявший теперь обязанности великого магистра, сумел собрать под своим началом немалое войско. К нему примкнули полгоры тысячи наемников, уцелевших в битве, триста гданьских моряков, целую хоругвь привел

двоюродный брат, из разных замков стеклись мелкие отряды рыцарей — всего набралось около 3 тысяч бойцов.

Теперь Генрих фон Плауэн был спокоен. Он достойно встретит врагов, пусть только сунутся! Мариенбургская твердыня, опоясанная тройным кольцом толстых стен и состоявшая соответственно из трех замков — Нижнего, Среднего и Верхнего, считалась лучшей крепостью в Европе. Штурмом ее не взять. А пока будет длиться осада, подспеет подмога — на выручку придут рыцари из Ливонии и Германии, войска приведут чешский и венгерский короли. Нужно лишь проявить терпение и выдержку, выстоять и дожидаться помощи.

Польско-литовское войско прибыло к Мариенбургу только 25 июля, когда Генрих фон Плауэн уже успел подготовить крепость к длительной осаде. Его солдаты сожгли город и мост через реку Ногатан и отступили в замок. Попытка союзников взять замок с ходу провалилась. Тогда король Владислав подверг его массированному обстрелу из многочисленных пушек. День и ночь тяжело ухали бомбарды, пытаясь пробить брешь в неприступных стенах, но все было напрасно. Стены могучего замка лишь шербились, и только. Каменные ядра тяжелых бомбард, оставляя на стенах вмятины от ударов, оказались не в состоянии сделать ни одного пролома.

Неудачи осады вынудили польского короля вступить в переговоры с упрямым комтуром. Генрих фон Плауэн, уже испытывавший недостаток в провианте, передал Владиславу через польского парламентаря Збышека Бжезинского следующие слова:

«В недавней битве войско ордена было разгромлено и побеждено. Сокрушенные невзгодой, мы пришли к тебе, почитая тебя миролюбивым победителем. И вот я, которому это ближе всего, ибо я действую за павшего в бою великого магистра, призываю тебя, король, отвлечь от нас меч мщения и не стремиться уничтожить наш орден навсегда. Мы же и ныне и впредь открыто признаем, что получили от тебя, король, вечное благодеяние, если ты примешь для Литвы землю Жмудскую, а для себя земли Добжинскую, Кульмскую, Михаловскую и Поморскую, но оставишь ордену земли Пруссии, приобретенные от варваров за века кровопролитных войн!»

Генрих фон Плауэн хитрил, предлагая противникам то, что они уже и без него имели. Поэтому на военном совете поляки и литовцы отвергли его предложения, и осада возобновилась.

Больше в переговоры с врагом шведский комтур не вступал, весь отдавшись делу обороны. Обладая удивительной энергией, он, казалось, находился одновременно в разных местах, помогал, подбадрил

вал, наставлял и подавал пример. Спал очень мало, не более получаса в сутки, под грохот вражеских орудий.

Не ограничиваясь пассивной обороной, осажденные предпринимали вылазки, и, как правило, успешные. Перебив охрану бомбард, состоявшую из воинов Велюньской хоругви, они подорвали несколько пушек. Через три дня нанесли немалые потери хоругви Януша Мазовецкого. И так многократно.

В начале сентября в Кенигсберг прибыл ландмаршал ливонских крестоносцев фон Хевельман с сильным отрядом. Поляки задержали его отряд и упрекнули ландмаршала в нарушении перемирия. Но Хевельман объявил, что прибыл в Пруссию именно затем, чтобы стать посредником между королем и швецким комтуром. Ливонец клятвенно уверял, что желает лишь мира, и просил короля о двухнедельном перемирии — за этот срок якобы он сумеет убедить Генриха фон Плауэна прекратить бессмысленное сопротивление. Легковерный король клюнул на эту нехитрую уловку и пропустил Хевельмана с небольшой свитой в Мариенбург. Ливонец же, встретившись с фон Плауэном, ободрил его известием о скором прибытии подкреплений из Германии. Разумеется, король Владислав не получил от швецкого комтура, с помощью ливонца выигравшего драгоценное время, никаких предложений ни о мире, ни даже о перемирии.

Осада затянулась. Пошли дожди, ратники, давно не видевшие родного дома, грязные, измученные, глухо роптали. Король колебался, не зная, как быть дальше. На очередном военном совете Витовт предложил снять бесполезную осаду, и король скрепя сердце согласился с ним. 19 сентября осада Мариенбурга была прекращена. Столица ордена выстояла, Генрих фон Плауэн победил. Внутренне ликуя от осознания своей победы, но внешне совершенно спокойный, он уже задумывался над тем, как вернуть Тевтонскому ордену прежнее величие.

Вскоре его замыслы начали воплощаться в действительность. Крестоносцы вместе с прусскими дворянами быстро возвращали ордену прусские замки, отвоевывая их у поляков один за другим. Сначала захватили врасплох и пленили польский гарнизон Делдово, затем ливонский ландмаршал штурмом овладел Эльблонгом, и так далее. В руках у поляков остались лишь замки в Торуни, Радзине, Броднице и Нешаве. К концу 1410 года объединенная армия Генриха фон Плауэна и ландмаршала Ливонии Хевельмана отбила у врага почти всю Пруссию и северную часть Поморья. На соединение с ними из Новой Марки выступила 4-тысячная группировка Михаи-

ла Кухмейстера. Казалось, военное счастье возвращается к крестоносцам. Однако в битве под Короновым войско польского короля разгромило отряды Кухмейстера. Воспрянувшие было духом тевтонцы приуныли.

Война между тем продолжалась и в 1411 году, но крупных сражений с крестоносцами больше не было — лишь мелкие стычки и незначительные рейды. В январе венгерский король Сигизмунд, подкупленный орденом, дважды совершал нападения на Польшу, и оба раза потерпел сокрушительные поражения. Генрих фон Плауэн язвительно заметил по этому поводу, что Сигизмунд не отработал как положено затраченных на него денег.

Дальнейшая война становилась бесперспективной — это видели и понимали все ее участники. Поэтому в конце января противники начали переговоры. При встрече с Владиславом Генрих фон Плауэн не смог отказать себе в удовольствии хорошенько поддеть короля, напомнив ему об упущенных возможностях при осаде Мариенбурга. Твердо глядя в лицо Владиславу, фон Плауэн с вежливой улыбкой произнес следующее:

«Сиятельнейший король, Бог и судьба трижды подряд предоставили тебе удобнейший случай, но ты не сумел им воспользоваться, когда ты легко мог захватить замок Мариенбург... Первый был тогда, когда ты в великой сече разбил моего предшественника, магистра Пруссии Ульрика, и истребил все его войско, ведь если бы ты на другой день послал на осаду Мариенбургского замка несколько хоругвей, то он сразу бы подчинился твоей власти, так как в нем стояло малое, слабое и ненадежное войско. Второй случай был, если бы, взяв город Мариенбург, ты предпринял приступ замка, ведь через пролом со стороны Вислы и замка, вследствие смятения еще не заделанного нами, твои воины могли бы ворваться в замок. Третий мог бы иметь место, если бы ты продолжил осаду замка еще только на 15 дней, ибо мы до такой степени страдали от недостатка пищи и голода, что у нас на все множество воинов, защитников замка, было только два живых барана и три окорока свинины, сверх того, из-за отсутствия хлеба мы сильно страдали от поносной болезни, так что были бы не в состоянии вынести осады, если бы ты упорно ее продолжал».

Легко себе представить, какую досаду в душе польского короля вызвали эти слова великого магистра. Да, великого магистра, ибо Генрих фон Плауэн был официально избран капитулом на этот высший в ордене пост еще 9 ноября 1410 года. Теперь ему, пожалуй, не нужен был и философский камень — его с успехом заменил жезл ве-

ликого магистра, открыв его обладателю широкие возможности для осуществления своих честолюбивых планов.

А Великая война, как известно, закончилась подписанием Торуньского мира, очень выгодного для Тевтонского ордена и совсем не выгодного для королевства Польского. Согласно его статьям, Жемайтия передавалась Литве, Добжинская земля — Польше, но Поморье, Хелминскую и Михаловскую земли, а также часть Куявии орден сохранил за собой. После уничтожения армии крестоносцев под Грюнвальдом, условия Торуньского мира можно считать блистательным военным и дипломатическим успехом Генриха фон Плауэна, истинного спасителя Тевтонского ордена.

«ПОЛЬСКИЙ ГЕРОЙ»
ДОБЕСЛАВ ОЛЕСНИЦКИЙ
.(? — 1440)

Одним из самых прославленных героев Великой войны был отважный польский рыцарь Добеслав из Олесница. По свидетельству хрониста Яна Длугоша, Добеслав и его товарищи стали свидетелями чудовищной бури, разыгравшейся накануне Грюнвальдской битвы. Казалось, сама природа столкнула в смертельной схватке небесные армии. Молнии поминутно вспыхивали в темном небе, а вслед за ними разражались оглушительные удары грома, словно выстрелы тяжелых бомбард. В эту жуткую ночь молния убила несколько коней и одного рыцаря, а в палатке Добеслава Олесницкого она, словно голодный зверь, уничтожила блюдо с жареной рыбой, не причинив, однако, сидящим за походным столом ни малейшего вреда. Когда же буря начала стихать и луна выплыла из мрачных туч, воины остолбенели от изумления: на побагровевшем диске полной луны они явственно различили изображение рыцаря, пронзенного мечом. Такие грозные предзнаменования предшествовали этой великой битве.

Когда рассвело, польские рыцари, выйдя из леса, прослушали обедню и приготовились к бою, но тут пришел приказ вновь укрыться в лесу и ждать. Ожидание тянулось невыносимо долго. Наконец передали сигнал к построению. Пятьдесят польских хоругвей заняли свои места на левом фланге союзного войска. Добеслав Олесницкий возглавлял 38-ю хоругвь, имевшую на знамени белый крест с тройной чертой в виде W в четвертом углу на красном поле.

Сражение начали литвины и татары, атаковавшие орденскую пехоту и артиллеристов. Польские рыцари, неподвижно сидевшие на боевых конях, тщетно пытались разглядеть за тучей пыли, поднятой легкой конницей, что там происходит. Многие жаловались на бездеятельность. Но когда их атаковали рыцари Лихтенштейна, стало не до скуки. Поляки с пением «Богородицы» вступили в бой, с трудом отражая яростный натиск тяжеловооруженных тевтонских рыцарей. Передние ряды поляков упали, как скошенные. Добеслав, стоявший со своей хоругвью в середине польского войска, с нарастающей тревогой отмечал, как быстро истаивают под мечами и копьями тевтонцев польские полки. Вскоре яростная сеча приблизилась к нему, и Добеслав, пронзив копьем рослого крестоносца с когтистой лапой на шлеме, заработал мечом в каком-то бешеном ритме, раздавая и отражая удары. Вдруг он заметил, как упало королевское знамя с белым орлом. Вместе с другими польскими рыцарями Добеслав бросился на помощь. Пятеро крестоносцев, завладевших знаменем, были мгновенно посечены, и гордый белый орел снова взмыл над войсками, вызвав бурные крики радости.

Битва длилась уже несколько часов, и рыцари начали уставать. В сражении наступал переломный момент. Тевтонцы уже попятнулись

Польский всадник. Картина Рембрандта. 1655 г.

назад, когда поляки заметили быстро приближающееся войско из 16 хоругвей. Пыль мешала воинам хорошо разглядеть и определить, кто именно движется к ним. Ян Длугош так описывает этот тревожный момент:

«Большая часть королевских рыцарей, увидев войско под 16 знаменами, сочла его за вражеское, прочие же, склонные по слабости человеческой надеяться на лучшее, приняли его за литовское войско из-за легких копий, иначе сулиц, которые в нем имелись в большом количестве...»

Пока прочие рыцари гадали, кто же перед ними, бесстрашный Добеслав пришпорил коня и вылетел галопом наперерез всаднику, скакавшему во главе хоругвей. Через несколько мгновений, когда они сблизились на расстояние полета стрелы, Добеслав по белому плащу с черным крестом и орлом на золотом щите узнал в нем самого великого магистра крестоносцев Ульриха фон Юнгингена. Польский рыцарь ударил магистра копьем в лицо, но крестоносец ловко увернулся, пригнув голову, и, ударив в свою очередь, ранил коня поляка. Все это произошло в одно короткое мгновение, а уже в следующий миг они разминулись и, описав круг, поскакали к своим. Добеслав обеспокоился за коня, обливавшегося кровью, а великий магистр не стал преследовать своего дерзкого противника из опасения угодить в плен.

Через полчаса резерв тевтонцев, приведенный магистром, был взят в кольцо. Добеслав, сменив коня, отчаянно рубился в самой гуще схватки, каждым ударом поражая тевтонца и тщетно пытаясь пробиться к великому магистру, чтобы исправить свою оплошность. Но подобные шансы дважды не выпадают, и встретиться вновь им уже не довелось: Ульрих фон Юнгинген пал под ударами татарского копья и литовской рогатины. Что же касается рыцарей его отряда, то они «...еще некоторое время оказывали сопротивление, однако, наконец, окруженные отовсюду, были повержены и раздавлены множеством королевских войск; почти все воины, сражавшиеся под шестнадцатью знаменами, были перебиты или взяты в плен».

После Грюнвальда король Владислав награждал отличившихся в битве рыцарей сдавшимися прусскими замками. Так, Анджею Брехотицкому достался замок Моронга, Збышеку Бжезинскому — Джезгонь, Яну Кретковскому — Гогенштейн, а Добеславу Олесницкому, сразившему в битве не один десяток тевтонцев, — замок Энгельсберг.

А потом была осада Мариенбурга. Первыми ворвались в город два польских рыцаря: Якуб Кобылянский, герба Гжималья, и Добеслав

Олесницкий, герба Дембно. Потрясая копьями, они добежали до церкви, призывая товарищей к немедленному штурму замка, куда можно было легко проникнуть через пролом в стене. Но усталые после марша поляки не поддержали их, и благоприятный момент был упущен безвозвратно. Ночью крестоносцы заделали пролом бревнами, и замок стал совершенно неприступным. Польскому королю после продолжительной осады пришлось отступить от Мариенбурга.

Отличился Добеслав Олесницкий и при захвате замка Радзин. Вместе с несколькими воинами из своей хоругви он в числе первых устремился к воротам нижнего замка. Пока один из рыцарей, вооруженный тяжелым боевым топором, пытался взломать ворота, Добеслав прикрывал его своим щитом. В этот момент раздался громкий выстрел, и заряд, выпущенный из малой бомбарды, пробив щит, ранил Добеслава в левую руку. Но храбрый рыцарь не вышел из боя. Когда ворота были взломаны, он, отбросив щит, который уже не мог удерживать раненой рукой, выхватил меч и первым ворвался в замок. В результате пятичасового штурма Радзин был взят.

Наивысшей славой Добеслав Олесницкий покрыл свое имя во время турнира, устроенного в Туруне в честь короля Владислава. Польский хронист так описывает его триумф: «...сев на коня по королевскому приказанию, он настолько превзошел своих противников, что вынудил их всех покинуть поле... и даже в третьем часу ночи только он один оставался на виду на арене, хотя против него несколько раз выступали, сменяя один другого, новые и новые придворные рыцари магистра Пруссии».

ГЛАВА 7

ВОЙНА АЛОЙ И БЕЛОЙ РОЗЫ (1455—1485)

«БУМАЖНЫЙ КОРОЛЬ»

РИЧАРД ЙОРКСКИЙ

(1411—1460)

При слабоумном короле Генрихе Шестом (1422—1461) из династии Ланкастеров Англия опустилась до самого жалкого состояния:

утратив плоды великих побед в Столетней войне, она лишилась всех своих французских владений, за исключением одного-единственного порта Кале на севере страны; внутри самой Англии творились произвол и беззаконие; каждый более или менее крупный феодал набирал головорезов и создавал собственную армию; на больших (и не очень больших) дорогах орудовали шайки не в меру расплодившихся разбойников.

Все это вызывало острое недовольство широких слоев населения: крестьян, горожан, рыцарства и части феодалов. Свои надежды на коренные перемены в государстве оппозиция связывала только с одним человеком — герцогом Ричардом Йоркским, отважным рыцарем, способным военачальником и мудрым политиком.

Герцог Йоркский, сын графа Ричарда Кембриджского и внук Эдмунда Йоркского, был единственным, кроме Генриха Шестого, правнуком Эдуарда Третьего Плантагенета и, следовательно, имел равные с ним права на английский трон. Более того, многие не без основа-

Ричард Йоркский. Средневековый рисунок

ния считали Ланкастеров узурпаторами, поскольку дед Генриха Шестого, герцог Боллингброк, сверг с престола последнего представителя правящей династии Плантагенетов, Ричарда Второго, и воцарился под именем Генриха Четвертого. Вот эти-то запутанные династические связи и послужили основанием для притязаний Ричарда Йоркского и привели к затяжной феодальной Войне Алой и Белой розы (1455—1485). Свое цветочное название эта война получила на том основании, что в гербе Ланкастеров была изображена алая роза, а в гербе Йорков — белая.

Искры взаимной ненависти вспыхивали довольно долго, прежде чем разгорелось буйное пламя этой жестокой войны. Ричард Йоркский честно служил Англии в качестве губернатора Кале, когда Генрих Шестой неожиданно сместил его с этого поста, освобождая место для своего фаворита Сомерсета. Ричарда же отправили наместником в Ирландию, управляя которой он заслужил уважение со стороны местного населения.

С течением времени число сторонников Йорка в Англии стремительно возрастало; больше всего их было на юге и западе королевства, в Лондоне, Кенте и Уэльсе. Наиболее знатные люди из числа его приверженцев всячески подстрекали герцога громко заявить о своих правах и занять достойное место в правительстве, однако Ричард медлил с этим.

В 1451 году на заседании парламента депутат палаты общин Юнг выступил с чрезвычайно смелым предложением: объявить герцога Йоркского наследником престола. Это казалось возможным, поскольку Генрих Шестой был бездетен, а Ричард пользовался необычайной популярностью в стране. Реакция на такое предложение последовала незамедлительно: королева Маргарита, управлявшая своим безмозглым супругом, засадила Юнга в Тауэр, а герцог Йоркский, вынужденный покинуть Лондон, уехал в родовой замок Ладлоу, расположенный на границе Уэльса. Создавалось впечатление, что он потерпел полное поражение. Но судьба переменчива. В 1453 году произошли сразу два совершенно невероятных события: во-первых, слабоумный король окончательно спятил; он никого не узнавал, даже собственную жену, и только бубнил что-то невнятное себе под нос, а во-вторых, королева одарила его... долгожданным наследником, появившимся на свет 13 октября. Вот уж этого никто не ожидал! Все подданные Генриха Шестого давно свыклись с мыслью, что их король не способен производить детей, и вдруг

такой неожиданный «подарок»! Это наводило на некоторые размышления...

Рождение наследника, казалось бы, окончательно лишало Ричарда Йоркского всех надежд на корону, но именно он под давлением общественности и был избран регентом при сумасшедшем короле и его наследнике-младенце. Так реальная власть неожиданно оказалась в его руках. Эту власть мудрый и решительный Ричард использовал для наведения порядка в королевстве. Он восстановил в стране законность, обеспечил безопасность на дорогах и упрятал за решетку феодалов, располагавших частными армиями. Но его политическая карьера внезапно прервалась в результате очередного сюрприза. Дело в том, что на Рождество 1454 года Генрих Шестой внезапно выздоровел — к нему вернулся рассудок. Будучи опять в своем уме (если только это можно назвать умом), Генрих больше не нуждался в регенте. Вместо благодарности за быстрое наведение порядка в королевстве, Ричарда не только отправили в отставку, но и вообще изгнали из страны. Об этом позаботилась королева Маргарита, злейший враг Йорка. Опальный герцог удалился в Ирландию.

Испытанные превратности и настойчивые советы йоркистов (сторонников герцога Йорка) заставили Ричарда взяться за оружие. Впрочем, он объявил, что выступает против бесчестных и бездарных фаворитов короля, и в первую очередь против Сомерсета, которого Йорк обвинял в потере французских владений Англии, а вовсе не против самого короля. С 5-тысячной армией, составленной из отрядов главных его приверженцев — герцога Норфолка, графов Уорика, Солсбери, Стенли и Шрусбери, Ричард двинулся к Лондону. На его пути лежал город Сент-Олбанс, где собралась 3-тысячная армия его противников. Здесь-то и произошло первое сражение Войны Алой и Белой розы (22 мая 1455 года). Лучники Йорка при поддержке артиллерии стремительно атаковали войска лорда Клиффорда, державшего оборону посредине улицы Сент-Питерстрит. Он отбивался до тех пор, пока йоркисты, обойдя город, не зашли ему в тыл.

Ричард одержал уверенную победу. Клиффорд и Сомерсет, заклятые его враги, были убиты, а их отряды рассеяны. Король, находившийся при войске фаворитов, получил легкое ранение стрелой и оказался в плену у победителя. Впрочем, герцог Йоркский, преклонив пред монархом колени, поклялся Генриху в преданности и верности.

Эта победа не подорвала могущества Ланкастеров. После боя у Сент-Олбанса между противниками установилось шаткое равнове-

сие и перемирие, продолжавшееся до 1460 года. За это время главные йоркисты и ланкастерцы неоднократно торжественно клялись друг другу в искренней дружбе, но правды в их словах не было ни на грош.

В 1460 году перемирие было нарушено, а 10 июля йоркисты одержали вторую победу у Нортгемптона. Исход сражения здесь решила измена лорда Рутвена, перешедшего на их сторону. Войска ланкастерцев в панике бежали, покинув своего короля, который сидел один в своем шатре, время от времени испуганно выглядывая наружу. На этот раз Ричард Йоркский решил извлечь максимальную выгоду из этой победы и плененного короля. Как повествует хроника тех лет, «...герцог Йоркский держал короля в Вестминстере силой до тех пор, пока король, из страха перед смертью, не даровал ему корону». Это сообщение вовсе не означает отречение от престола Генриха Шестого; он по-прежнему оставался королем Англии, но Ричард Йоркский становился главой правительства при его жизни и наследовал корону после его смерти.

Такой компромисс никак не устраивал королеву Маргариту, поскольку в результате этого акта ее сын терял права на престол. И хотя король капитулировал, волевая королева не собиралась следовать его позорному примеру. Навербовав армию в Шотландии и Северном Уэльсе, королева, защищавшая дело Ланкастеров, внезапно нанесла удар Ричарду в Уэйкфилде (30 декабря 1460 года).

Сражение отличалось особым ожесточением. Ричард Йоркский пал с оружием в руках, как и подобает настоящему солдату. Восторжествовавшие ланкастерцы учинили после битвы кровавую резню. Сын павшего в Сент-Олбансе лорда Клифффорда собственноручно зарезал сына Ричарда, юного графа Рутланда, приговаривая при этом: «Клянусь кровью Господней, твой отец убил моего, и так же я убью тебя и всю твою родню».

Так кровавая месть, пережиток варварской эпохи, стала девизом Войны Алой и Белой розы. Все пленники, захваченные в Уэйкфилде, были беспощадно перебиты, а тела Ричарда Йоркского, Рутланда и графа Солсбери обезглавлены. По приказу королевы Маргариты их головы насадили на колья у ворот Йорка. Окровавленную голову Ричарда Йоркского ланкастерцы, глумясь, увенчали бумажной короной. Придворные дамы Маргариты визгливо хохотали, тыча изнеженными пальчиками в сторону «Бумажного короля».

«ДЕЛАТЕЛЬ КОРОЛЕЙ»

УОРИК

(1428—1471)

Со смертью Ричарда Йоркского Война роз вовсе не окончилась; напротив, она приобрела еще более ожесточенный характер, поскольку место павших отцов с той и другой стороны заняли их жаждущие мщения сыновья. Особую роль в этой войне сыграл Ричард Невилл, граф Уорик, прозванный «Последним бароном» и «Делателем королей». В его фамильном гербе, изображавшем медведя и изогнутый жезл, должен был бы красоваться хитрый рыжий лис с букетом алых и белых роз, так как Уорик, преследуя личные интересы, успел несколько раз повоевать и на стороне йоркистов, и на стороне ланкастерцев. Добиваясь режима неограниченной власти, «Делатель королей» менял венценосцев, словно капризная модница дамские перчатки. При этом могущественный граф был неплохим полководцем и одним из лучших рыцарей Англии.

Первоначально Уорик поддерживал Генриха Шестого, но в 1455 году он, верный лишь своему лисьему чутью, изменил Ланка-

Ричард Невилл, граф Уорик. Современный рисунок

стерам и перешел на сторону Ричарда Йоркского. Его меч неплохо послужил новому хозяину — именно обходной маневр Уорика, ворвавшегося в тыл армии лорда Клиффорда, обеспечил Ричарду его первую победу в Сент-Олбансе.

В 1459 году, в период мирного затишья, Уорик удалился в Кале, где он сменил Сомерсета. Но мстительная королева Маргарита, не простившая ему предательства, обвинила графа в государственной измене, лишила его всех прав и изгнала из страны. Уорик в долгу не остался — называя ее сына бастардом, он повсюду распространял клеветнические слухи, порочащие честь королевы.

После гибели Ричарда Йоркского его дело продолжил старший сын, Эдуард, сластолюбец и развратник, но превосходный солдат. Слова «пошады нет!» стали его девизом. 2 февраля 1461 года он разбил сторонников Ланкастеров в битве при Мортимер Кросс. Видя, что Белая роза вновь расцвела, граф Уорик поспешил возвратиться в Англию с набранным за границей войском. Но тут его постигла неудача. Граф не успел соединиться с войсками молодого герцога Йоркского; королева опередила их и застигла Уорика врасплох у Сент-Олбанса. Второй раз за войну этот город стал ареной сражения между йоркистами и ланкастерцами, только на сей раз верх взяли последние. Уорик бежал, потеряв половину армии. Он соединился с Эдуардом в Оксфордшире, куда привел жалкие остатки своей армии. Вместе они двинулись на Лондон, а королевские войска тем временем отступали на север. Холинshed в своей «Хронике» так объясняет этот маневр:

«...королева, мало доверяя Эссексу, еще меньше Кенту и совсем не доверяя Лондону... отправилась из Сент-Олбанса на север страны, где только и оставались еще ее силы и где она еще имела возможность укрыться».

Лондон встретил их ликованием. Молодой и решительный представитель дома Йорков, воспользовавшись благоприятным общественным настроением, объявил о своем намерении короноваться, поскольку Генрих Шестой бежал и его место на троне освободилось. Лондонцы с большим воодушевлением встретили это известие. Впрочем, они были бы рады любому королю, лишь бы прекратился наконец этот хаос и наступил долгожданный мир, тишина и покой. 4 марта 1461 года молодой Йорк торжественно короновался в Вестминстере под именем Эдуарда Четвертого. Так мечта отца воплотилась в реальность для его сына.

Завладев короной, Эдуард Четвертый решил покончить с двоевластием в стране, убрав с дороги Генриха Шестого. С этой целью он

двинул армию на север. Уорик шел в авангарде его войск. Решающее сражение с ланкастерской армией произошло 29 марта 1461 года у селения Таунтон. Накануне авангард Уорика, атаковавший мост Ферри Бридж, был отброшен молодым Клиффордом, давно мечтавшим посчитаться за отца с йоркистами. Граф Уорик, получивший в этом бою серьезное ранение, тем не менее не выбыл из строя, демонстрируя стойкость и мужество истинного рыцаря. Получив подкрепления, он повторил атаку и, сразив Клиффорда, захватил мост. Подошедшая армия Эдуарда Четвертого переправилась через него и встала напротив ланкастерцев, укрепившихся на холмах у реки Кок.

Наутро разыгралось кровопролитнейшее сражение. Не дожидаясь прибытия на поле боя отрядов герцога Норфолка, оставших от основных сил, Эдуард Четвертый перешел в наступление. Погода ему благоприятствовала: поднявшийся сильный ветер нес крупные хлопья снега в лицо ланкастерцам, мешая их лучникам прицельно стрелять. Стрелы же йоркистов, подхваченные ветром, летели в цель с удвоенной скоростью. Метель надежно укрывала наступающих солдат Эдуарда, и они несли гораздо меньшие потери, чем их противники. Осознав это, ланкастерцы покинули холмы и перешли в контр-наступление.

Битва длилась с переменным успехом более шести часов. В критический момент сражения, когда казалось, что войска Генриха Шестого вот-вот возьмут верх, Уорик вдруг спешился и заколол любимого коня на глазах у изумленных пехотинцев, заявив, что он или умрет, или победит со своими копейщиками, но не бросит их. Этот великодушный поступок графа воодушевил солдат, и они сдержали натиск врага. Судьбу сражения окончательно решили подроспевшие полки Норфолка, ударившие во фланг ланкастерцев. Их войска дрогнули и побежали через мост над рекой Кок. Узкий мост обладал небольшой пропускной способностью, поэтому многие солдаты в отчаянии бросались в реку и тонули под тяжестью лат. Утонувших было так много, что последние из бегущих ланкастерцев смогли переправиться через реку, ступая прямо по трупам своих товарищей.

В битве при Таунтоне погибли 28 тысяч человек — весь цвет ланкастерского войска. Потери же йоркистов составили не более 3—4 тысяч. По окончании сражения Эдуард Четвертый, верный своему девизу, приказал истребить всех пленников поголовно. Вступив в Йорк, Эдуард с благоговением снял с шестов черепа отца и брата, повелев водрузить на их место головы наиболее знатных лордов из числа пленников.

Тем временем Генрих Шестой и королева Маргарита бежали по направлению к северной границе. Король совершенно пал духом, но Маргарита, женщина удивительной силы воли, сумела на французские деньги, присланные ей Людовиком Одиннадцатым, нанять шотландцев и продолжить борьбу. Ее войска захватили три крепости на севере страны: Алник, Бамбург и Дунстанбург. Зимой 1462 года Эдуард Четвертый приказал Уорику отбить захваченные крепости. Применив тяжелую осадную артиллерию, воинственный граф за три месяца решил поставленную перед ним нелегкую задачу. Королева Маргарита вместе с сыном бежала на родину, во Францию, а король Генрих укрылся в Камберленде. Последние отряды ланкастерцев, возглавляемые Сомерсетом и Генри Перси, были разбиты весной 1464 года у Хедкли Мур и у Гексхама. Вслед за этим последовали массовые казни сторонников Ланкастеров. Их владения были конфискованы казной и розданы верным приверженцам нового короля. С Генрихом Шестым, задержанным два года спустя в Ланкашире, Эдуард тоже особенно не церемонился. Свергнутого монарха привязали к лошади, трижды провезли вокруг позорного столба, а затем заточили в Тауэр.

Теперь граф Уорик добился всего, чего желал. Вместе с братом, графом Нортумберлендским, он вершил все дела в государстве, в то время как Эдуард Четвертый предавался всевозможным развлечениям: охоте, пирам, балам, турнирам и любовным похождениям. До поры до времени король не вмешивался в дела управления, полностью поручив их семейству Невилл. Однако вскоре в отношениях между Эдуардом и Уориком образовалась трещина, превратившаяся со временем в бездонную пропасть. Началось все с того, что король вступил в тайный брак с некоей Елизаветой Вудвилл, вдовой ланкастерского рыцаря, в которую он страстно влюбился. Это вызвало большое неудовольствие Уорика, мечтавшего женить короля на французской принцессе, что привело бы к образованию мощного политического альянса между двумя сильнейшими европейскими государствами. Но нелепый брак Эдуарда похоронил все эти планы. Дальше — больше. Потакая капризам обожаемой супруги, король возвел ее отца, пятерых братьев и двух сыновей в пэрское достоинство, чем вызвал законное негодование со стороны старой знати. На Уорика посыпались упреки, словно это он незаслуженно облагодетельствовал высочек — Вудвиллов. В довершение всех неприятностей Эдуард Четвертый вдруг начал активно вмешиваться в политику, путая Уорику все карты; могущественный правитель ратовал за союз с Францией,

а король тяготел к Бургундии. Терпение Уорика лопнуло окончательно, когда Эдуард выдал замуж свою сестру Маргариту за герцога Бургундского. Тогда братья Невилл решили проучить зарвавшегося монарха, показав ему на деле, кто настоящий хозяин Англии.

Невиллы вовлекли в свой заговор младшего брата короля, герцога Кларенса, приманив его золотым блеском обещанной короны. Все вместе они инспирировали восстание на севере страны, в Йоркшире. Эдуард Четвертый, явно недооценив силы повстанцев, выступавших с лозунгом «Долой Вудвиллов!», двинулся против них с небольшой армией. Тем временем заговорщики, возмутившие столицу, нанесли королю удар в спину. Оказавшись между двух огней, Эдуард был вынужден сдаться на милость своего всесильного министра. Торжествующий Уорик заключил Эдуарда в одном из принадлежавших ему замков. Теперь в его руках были сразу два короля: один сидел в Тауэре, а второй — в Мидлхэме. Такое еще никому не удавалось!

Чтобы указать Эдуарду его место, Уорик распорядился казнить без суда и следствия отца королевы, лорда Риверса, и ее брата, Джона Вудвилла. Униженный король признал свои ошибки и торжественно поклялся простить всех участников заговора и северного восстания, после чего получил свободу. Однако вскоре Эдуард Четвертый взял реванш, причем он использовал при этом методы самого Уорика. Теперь уже сам король выдумал мятеж, что дало ему повод собрать сильную армию, которую он и повернул против собственных министров, обвиненных им в государственной измене.

Братьям Невиллам и герцогу Кларенсу не оставалось ничего иного, как бежать во Францию. Людовик Одиннадцатый, с удовольствием наблюдавший за междоусобицами на острове, принял изгнанников со всем возможным радушием, а потом предложил им вступить в союз с... королевой Маргаритой и ее ланкастерцами, находившимися тут же, во Франции. Подобное предложение поначалу шокировало Уорика, но, поразмыслив, он согласился примириться со злейшими, но побежденными врагами ради мести Эдуарду Четвертому. Королева Маргарита также согласилась пойти на этот сверхциничный союз — для нее он стал последней надеждой вернуть трон Ланкастерам. Бывшие враги, забыв о реках пролитой крови, торжественно поклялись в верности друг другу на обломке св. Креста и скрепили свой союз браком: 17-летний Эдуард, сын Маргариты, обручился с Анной, младшей дочерью Уорика. Людовик Одиннадцатый, щедро снабдивший союзников деньгами для вербовки солдат, довольно

потирал руки: пока в Англии идет гражданская война, Франции не о чем беспокоиться.

Стоило Уорику в сентябре 1470 года высадиться в Дартмуте, как Кент и все южные графства перешли на его сторону. На севере, в Йоркшире, опять вспыхнул мятеж. Теперь и Эдуарду Четвертому пришлось испытать на себе нелегкую долю изгоя — он бежал к Карлу Смелому, герцогу Бургундии. Тем временем Уорик освободил Генриха Шестого из Тауэра и торжественно вернул на трон того, кого сам же и сбросил несколько лет назад.

Народ Англии уже ничего не понимал: кто управляет государством, что будет дальше? Первого вопроса для Уорика не существовало: правит государством снова он от имени марионеточного короля, но вот ответа на второй вопрос не знал и сам Уорик. Хотя и различал своим лисьим чутьем что-то недоброе, сгущающееся в воздухе.

Реставрировав Генриха Шестого, Уорик вернул конфискованные ранее поместья ланкастерцам, отобрав их у бывших соратников. Но он не зря предчувствовал беду. Герцог Бургундский дал Эдуарду Четвертому полторы тысячи отборных солдат, а также снабдил его деньгами и кораблями. Уже в марте 1471 года Эдуард высадился в Англии со своей экспедиционной армией. Тут же все йоркисты, озлобленные конфискациями и репрессиями, перешли на его сторону. Привел свои войска и герцог Кларенс, примирившийся с братом. В стране произошел очередной переворот. Вступив в Лондон, Эдуард Четвертый вновь занял свое место на троне, а Генрих Шестой — в Тауэре. Но предстояла еще решительная схватка с Уориком, которая произошла 14 апреля 1471 года у Барнета.

Битва развернулась в условиях густого тумана. Уорик занял позиции на правом фланге, между тем как вожди ланкастерцев — Оксфорд и Сомерсет, соответственно на левом и в центре. Атаку начало левое крыло Оксфорда. Его наступление успешно развивалось до тех пор, пока Оксфорд не заблудился в белесой туманной мгле. Решив вернуться к основным силам ланкастерцев, он неведь как оказался в тылу у Сомерсета. Приняв отряды Оксфорда за вражеские, лучники Сомерсета осыпали их стрелами. Когда лучники разобрались, что бьют по своим, они вдруг решили, что произошла измена и Оксфорд перешел на сторону врага. Начался неописуемый хаос. А Уорик в это время с трудом отражал яростный натиск йоркистов на его правом фланге. Следуя своему правилу, он сражался пешим, дабы показать солдатам, что их командир ни за что не отступит. Это его и погубило. Заметив, что творится на позициях Сомерсета и Оксфорда, он сразу

понял, что сражение проиграно, и попытался добраться до лошади, но не успел и пал, пронзенный сразу несколькими мечами.

«ШЕКСПИРОВСКИЙ ЗЛОДЕЙ»

РИЧАРД ТРЕТИЙ

(1452—1485, король Англии с 1483 г.)

«Паук с брюхом, раздувшимся от крови своих жертв», «порождение ада», «василиск», «лохмотья чести», «адский пес», «ядовитая жаба» — такими красноречивыми эпитетами награждает Уильям Шекспир главного героя своей трагедии «Ричард Третий».

Да, конечно, Ричард Третий был кровавым тираном (хотя истории известны такие тираны, по сравнению с которыми Ричард просто невинный агнец — Иван Грозный, Ирод, Нерон и т.д.), но еще он был превосходным бойцом, одним из лучших рыцарей королевства, а стало быть, заслуживает почетное место в ряду наших биографий.

Ричард Глостерский, младший брат Эдуарда Четвертого, верно служил своему королю, недаром его девизом были слова: «Верность —

Ричард III. Английская гравюра XIX в.

превыше всего». Ричард никогда не предавал его, в отличие от их третьего брата — Джорджа Кларенса; он разделил с Эдуардом горечь изгнания, когда Уорик произвел государственный переворот; он мужественно бился при Барнете и Тьюксбери, защищая корону брата. Ричард оказывал брату-королю услуги и другого рода — так, в ночь на 21 мая 1471 года он явился в Тауэр, где принял участие в убийстве Генриха Шестого, полоумного свергнутого короля, ставшего одной из главных причин жестокой 30-летней Войны роз.

Эдуард Четвертый по достоинству оценил заслуги обоих братьев. Предателя Кларенса по его приказу утопили в бочке с мальвазией, а Ричарда он сделал наместником северных графств и женил на самой богатой невесте королевства — Анне Невилл, дочери Уорика. Перед смертью король назначил верного брата регентом при своих несовершеннолетних сыновьях (старшему из них, Эдуарду, наследнику престола, было 12 лет, а младшему, Ричарду, всего 9).

В момент смерти Эдуарда Четвертого, скончавшегося в результате неизвестной кратковременной болезни, Ричард находился на севере Англии и ничего не знал о том, что происходит в Лондоне. От него намеренно скрыли смерть брата, так же как и факт передачи ему регентства. Королева Елизавета Вудвилл, воспользовавшись сложившимися обстоятельствами, попыталась произвести переворот, отстранив Ричарда от власти. Опираясь на поддержку многочисленных родственников, она решила ускорить коронацию наследника, Эдуарда Пятого, и объявить себя регентшей. С этой целью в замок Ладлоу, где находился наследник, отправились лорды Риверс и Грей, брат и сын королевы, сопровождаемые сильным вооруженным отрядом из 2 тысяч человек. Однако заговорщики просчитались — герцог Бекингэм, принявший поначалу сторону Ричарда, сообщил ему обо всем происходящем. Ричард, чьи права были нагло попорчены, пришел в ярость и, будучи человеком чрезвычайно энергичным, начал действовать без малейшего промедления. С отрядом верных солдат он поскакал на юг, стремясь перехватить Риверса и Грея, и настиг их в Нортгемптоне. Учитывая внушительную охрану лордов, Ричард решил действовать хитростью и... пригласил их на обед. Обидеть отказом королевского брата они не посмели и последовали за ним на постоянный двор без охраны. Там заговорщиков и арестовали, после чего Ричард внезапно предстал перед командиром вооруженного отряда и потребовал от него сдать шпагу. Растерявшихся солдат разоружили его люди, и наследник престола оказался в руках у Ричарда. Вместе с ним отряд герцога Глостера и прибыл в Лондон 4 мая 1471 года.

Королева Елизавета, узнав о провале заговора, укрылась вместе с дочерьми и вторым сыном в Вестминстерском аббатстве.

Первым делом Ричард провозгласил себя регентом и торжественно препроводил Эдуарда Пятого в Тауэр, который служил тогда не только тюрьмой, но и королевской резиденцией. Затем, приказав готовиться к коронации юного принца, регент вплотную занялся делом заговорщиков. 13 июня, во время заседания королевского совета, были арестованы архиепископ Ротергэм, епископ Моргон, лорды Стенли и Гастингс, причем последнего, как наиболее виновного, немедленно обезглавили во дворе Тауэра. Как утверждает Томас Мор в своей книге «История Ричарда Третьего», регент обвинил в колдовстве любовницу Гастингса, леди Шор, предъявив членам совета в качестве «вещественного доказательства» собственную руку, высохшую и сморщенную якобы в результате гнусного чародейства. Через некоторое время казнили также Риверса и Грея. Так Ричард вступил на кровавый путь террора.

Устрашенная королева Елизавета, подчинившись требованиям регента, выдала ему и младшего принца. Ричард ласково обнял маленького племянника и отвел его к брату в Тауэр. Капитулировавшая королева покинула Вестминстерское аббатство и вместе с дочерьми появилась при дворе регента, встретившего их с подчеркнутой любезностью.

Приближался день коронации Эдуарда Пятого, когда произошло внезапное событие, круто изменившее весь дальнейший ход истории Англии. 9 июня, во время очередного заседания королевского совета, епископ Стилингтон неожиданно заявил, что покойный король Эдуард Четвертый до брака с Елизаветой Вудвилл был тайно обручен с Элеонорой Батлер, а это означало, что брак с Елизаветой является незаконным, ее дети — бастардами и, следовательно, они не имеют никакого права наследовать корону.

Открытие Стилингтона, располагавшего какими-то документами (подлинными или фальшивыми, неизвестно), в корне все меняло: поскольку принцы незаконнорожденные, то престол Англии по праву наследования переходит брату Эдуарда Четвертого, Ричарду Глостерскому. Скорее всего, никаких истинных доказательств брака Эдуарда с леди Батлер не имелось, а существовал лишь дьявольский план Ричарда, нацеленный на захват короны. Как бы там ни было, 25 июня парламент подтвердил эту версию и, признав детей Эдуарда Четвертого бастардами, предложил корону Ричарду.

6 июля 1483 года состоялась торжественная коронация Ричарда Третьего и его супруги Анны Невилл. Но, несмотря на то что Ричард

позаботился придать вид законности своему воцарению, ему почти никто не верил. Знать и народ со скрытой враждебностью отнеслись к коронации Ричарда, считая его узурпатором престола. В начале XVI века хронист Фабиан писал:

«...После этого он вызвал великую ненависть большей части знати своего королевства, и те, которые прежде любили и превозносили его... теперь шептались и завидовали. За исключением тех, кто поддерживал Ричарда из страха или ради богатых подарков, которые они получали от него, лишь некоторые, если таковые вообще находились, являлись его сторонниками».

Действительно, Ричард мог опереться лишь на нескольких преданных ему соратников, к числу которых относились спикер парламента Уильям Кэтсби, член Тайного совета Ричард Рэтклиф и командующий флотом Френсис Лувел.

Надо отдать должное Ричарду Третьему — он изо всех сил старался заслужить любовь своих подданных. Разъезжая по стране, он щедро рассыпал милости, исправлял злоупотребления, справедливо разрешал споры и провел ряд реформ, направленных на облегчение жизни простого народа. Но ничто не помогало. В народе все громче звучали требования освободить принцев и вернуть корону Эдуарду Пятому. Вот тогда-то Ричард и совершил самое чудовищное из своих злодеяний.

Тайна этого преступления раскрылась много лет спустя, уже при Генрихе Седьмом Тюдоре. По свидетельству Томаса Мора, Ричард решил покончить с принцами, угрожавшими его власти. Тиран направил некоего Джона Грина к констеблю Тауэра Брэкенбери с приказом убить принцев. Брэкенбери, содрогнувшись от ужаса, отказался выполнить такой приказ. Ричард был в ярости. Призвав к себе рыцаря Джеймса Тирелла, человека, напроочь лишённого совести, король отправил его к Брэкенбери с новым приказом: передать Тиреллу ключи от Тауэра на одну ночь. Констебль не посмел ослушаться. Тирелл, сопровождаемый слугой Дайтоном и тюремщиком Форестом, поднялся в спальню принцев. Убийцы задушили подушками спящих мальчиков, а их тела где-то спрятали. Впоследствии, находясь в тюрьме и ожидая смертной казни за какое-то другое преступление, Тирелл открыл судьям Генриха Седьмого тайну убийства принцев и показал место, где он спрятал тела несчастных мальчиков. Возможно, им двигало чувство запоздалого раскаяния и злодей хотел облегчить душу перед смертью. В любом случае, скелеты братьев обнаружили в указанном им месте — они лежали под огромной кучей

мусора. Королевский врач, освидетельствовавший останки, пришел к заключению, что они действительно принадлежат Эдуарду Пятому и его брату Ричарду. Прах бедных мальчиков торжественно захоронили в часовне Генриха Седьмого в Вестминстере. Уже в XX веке была проведена эксгумация этих останков, подтвердившая выводы королевского врача.

Ужасное злодеяние Ричарда вызвало ненависть к нему во всех слоях общества. Даже в те времена, когда кровавые казни считались обычным делом, убийство невинных детей возмутило англичан. Да и самого Ричарда, по всей вероятности, мучила совесть: он плохо спал, потому что во сне ему являлись кошмарные видения.

«После совершения своего отвратительного деяния он навсегда лишился покоя и никогда уже не чувствовал уверенности в себе. Вне своего дома он повсюду рыскал взглядом, окружал себя охраной, всегда держал руку на кинжале... Он плохо спал по ночам, долго лежал без сна, предаваясь размышлениям... Обеспокоенный страшными видениями, он иногда внезапно вздрагивал, выскакивал из постели и бегал по комнате. Его не знавшее отдыха сердце постоянно разрывалось и мучилось, тревожимое изнуряющими и грозными воспоминаниями о жутком злодействе» — так описывает состояние Ричарда Третьего после убийства племянников Томас Мор.

Даже бывшие союзники Ричарда, такие, например, как герцог Бекингэм, в ужасе отшатнулись от него. Именно Бекингэм и возглавил заговор против тирана, охвативший весь запад и юг Англии. Заговорщики делали ставку на молодого Генриха Тюдора, представителя побочной ветви Ланкастеров, являвшегося потомком Эдуарда Третьего по материнской линии. В случае успеха заговора предполагалось возвести Генриха на трон и женить его на одной из дочерей Эдуарда Четвертого Йорка, что давало уникальную возможность объединить обе розы в одном гербе и прекратить многолетнюю кровопролитную войну между Ланкастерами и Йорками.

Участники заговора не учли нескольких обстоятельств, и инспирированные ими восстания в Кенте, Уилтшире, Девоншире и Суссексе вспыхнули раньше намеченного срока. Возникшей вследствие этого неразберихой воспользовался Ричард Третий. Восстания были жестоко подавлены, а Бекингэм лишился головы. Теперь главным соперником короля стал Генрих Тюдор, находившийся в то время в Бретани. Вокруг него постепенно сплотились все противники Ричарда — как ланкастерцы, так и йоркисты. Ричард Третий тоже активно готовился к неизбежному столкновению с претендентом. Развернув

мошную агитационную кампанию, он клеймил Генриха как бастарда, демагогически заявляя, что целью претендента является «уничтожение всей благородной и почтенной крови в королевстве». Но, понимая, что ему мало кто доверяет, король сделал ставку на свою грозную, испытанную в боях армию.

1 августа 1485 года Генрих Тюдор с 2-тысячным войском, состоявшим из его английских сторонников и французских рыцарей, отплыл из Арфлера. Совершив ловкий маневр, претендент ускользнул от эскадры верного Ричарду Лувела, и 7 августа высадился в Милфорд Хэвене. В Уэльсе к его штандарту св. Георгия присоединились 3 тысячи валлийских дворян со стягом Красного Дракона Кадваллона.

Узнав о высадке врага, Ричард Третий приказал лорду Стенли, крупнейшему феодалу на западе страны, преградить путь войскам претендента. Но Стенли проигнорировал приказ тирана, а когда Ричард вызвал его к себе, не явился, сославшись на болезнь. Тогда разгневанный король повелел схватить лорда Стрейнджа, старшего сына Стенли, находившегося в тот момент при дворе. Опасаясь за его жизнь, лорд Стенли до последней минуты сохранял выжидательную позицию, будучи не в состоянии открыто поддержать Генриха Тюдора. Но его действия во время генерального сражения, состоявшегося 22 августа при Босворте, имели решающее значение.

17 августа король Ричард Третий с 10-тысячным войском выступил к Лейстеру и 21 августа приблизился к армии претендента, стоявшей у деревни Маркет Босворт. По свидетельству летописца из Кройленда, «...он (Ричард) ехал помпезно и величаво как настоящий властелин. Голову его венчала корона Англии». Эту корону, стоимостью в 120 тысяч крон, Ричард не снимал и во время боя, чтобы его солдаты видели, что они сражаются за своего короля.

Ричард плохо провел ночь перед сражением: во сне его одолевали кошмары и призрачные видения. Однако утром он, преисполненный энергии и решимости, обратился к солдатам с пылкой речью:

«Отбросьте все страхи... Пусть каждый нанесет один верный удар, и победа за нами. Может ли горстка людей одолеть целое королевство? Что касается меня, то я или завершу этот день триумфом, или погибну ради бессмертной славы».

Войска противников выстроились и приготовились к бою. Король Ричард, имевший вдвое больше солдат, с тревогой поглядывал на отдаленные холмы, на вершине которых показались полки лорда Стенли и Уильяма Стенли, его второго сына. Их отряды, набранные

в Чeshire и Ланкашире, насчитывали не менее 3 тысяч бойцов. Ричард до сих пор не знал, кого собираются поддержать Стенли. Чтобы развеять все сомнения, король велел передать приказ лорду Стенли атаковать неприятеля, угрожая в случае неповиновения казнить его сына Стрейнджа, ставшего теперь ценным заложником. Стенли отказался выполнить этот приказ, гордо ответив, что у него есть и другие сыновья. Разгневанный Ричард повелел немедленно казнить заложника, но благоразумные исполнители не спешили с этим: «Ваше величество, вражеское войско уже пришло в движение. Мы успеем расправиться с молодым Стенли и после битвы», — заявили они королю.

Действительно, армии уже начали сходить, осыпая противников стрелами и оглашая окрестности пушечными залпами. Но тут Ричард заметил, что его левое крыло, находившееся под командованием графа Нортумберленда, не стронулось с места. Король понял, что измена погубила его, и тогда он, пытаясь переломить ход сражения, решился на отчаянный шаг: словно разъяренный дикий вепрь, сорвавшийся с его герба, Ричард, во главе небольшой группы телохранителей, ворвался в самый центр вражеских войск, чтобы убить Генриха Тюдора. В этот момент Ричард был великолепен. Он сбил с коня сэра Чини, рыцаря, прославившегося физической силой, сразил знаменосца Уильяма Брэндона и, рассеяв всю свиту Генриха, скрестил с ним мечи. Но в этот самый миг на поле боя подоспели бойцы отца и сына Стенли в «одеждах красных, как кровь». Они оттеснили Ричарда от Генриха, чем спасли последнего от неминуемой гибели. Ричард Рэтклиф, Ричард Чарлтон, Персиваль Трибол и другие королевские телохранители полегли под их ударами, и Ричард оказался окружен врагами со всех сторон. Но и после этого он «дрался мужественно и даже время от времени отбивал мощное нападение противника», получив при этом много тяжелых ранений. Наконец, жестоко израненный, он пал бездыханным. Корона слетела с его шлема и закатилась в кусты боярышника. Победители подняли эту корону, разбитую боевым топором, и тут же, на поле боя, возложили ее на голову Генриха Тюдора.

Обнаженное, покрытое страшными кровавыми ранами, тело Ричарда возложили на лошадь и отвезли в Лейстер, во францисканский монастырь. Там оно, накрытое простой черной тканью, пролежало два дня, после чего было погребено на территории того же монастыря. Во времена Генриха Восьмого, когда в Англии началась реформация, могилу Ричарда Третьего разрыли, останки бесцеремонно

выкинули, а неплохо сохранившийся гроб долго использовали как кормушку для лошадей, а после того он еще послужил как подножие крыльца. Так Ричард Третий, лишившийся короны на поле боя, лишился и последнего пристанища. Если бы не вмешательство людей, то можно было бы вообразить, что сама мать-земля не принимает в свое лоно такого страшного злодея.

Со смертью Ричарда Третьего Война роз, в которой не оказалось победителей, завершилась. Гарантом мира в королевстве стал Генрих Седьмой Тюдор, сочетавшийся браком с Елизаветой Йорк и соединивший в своем гербе обе розы: и алую, и белую.

ГЛАВА 8

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ВЕЛИКИХ РЫЦАРЕЙ

«ГЕРОЙ ДЕТЕКТИВНОЙ ИСТОРИИ»

ИОАНН БЕССТРАШНЫЙ

(1371—1419)

Род бургундских герцогов славился мужественными и отважными рыцарями, о чем красноречиво свидетельствуют их почетные прозвища: Филипп Храбрый, Иоанн Бесстрашный, Карл Смелый. Лишь имя Филиппа Доброго незаслуженно выпадает из этого блестящего ряда; тем не менее основатель знаменитого ордена Золотого Руна был под стать своим славным предкам и потомкам.

Иоанн Бесстрашный, сын Филиппа Храброго, носивший до смерти отца титул графа Невэрского, пожалуй, самый яркий представитель доблестного семейства. Отважный, горделивый и заносчивый, молодой граф при этом не чурался простолудинов, чем приобрел большую популярность в народе. Чувства его отличались цельностью и мощью: если он кого любил, то от всего сердца; если же ненавидел — то смертельно. Волевой и целеустремленный граф обладал привлекательной внешностью. Он был невысокого роста, но крепкого телосложения; светло-серые глаза смотрели сурово и твердо; длинные прямые волосы цвета воронова крыла обрамляли красивое и холодное, не знающее улыбки лицо.

Воинскую славу Иоанн стяжал во время крестового похода против турок, закончившегося трагической битвой под Никополем.

К концу XIV века угроза европейским странам со стороны Османской империи многократно возросла; ослабевшая Византия с трудом сдерживала натиск султанских армий; после поражения на Косовом поле Сербия и Болгария склонились перед завоевателями. Отпор агрессору попытался организовать король Венгрии Сигизмунд Первый, выступивший с лозунгом крестового похода против турок. На его призыв откликнулись многие рыцари из Германии, Чехии, Польши и Франции. Тысячу французских крестоносцев, среди которых находились такие прославленные рыцари, как маршал Бусико, коннетабль Филипп д'Артуа, адмирал Ван Венский, граф де Ла Марш, сир де Кузи и де Ла Тремуйль, возглавил граф Невэрский, Иоанн Бесстрашный.

Весной 1396 года французские рыцари выступили из Бургундии, переправились через Рейн и достигли Австрии. К началу лета крестоносцы форсировали Дунай и вступили в пределы Османской империи. Наступление армии крестоносцев развивалось успешно и стремительно: города и крепости противника сдавались почти без боя. Первое серьезное сопротивление рыцари встретили только у Никополя и взяли город в осаду. Султан Баязид не спешил вступать в ре-

Турецкий воин ведет пленных. Средневековая гравюра

шающее сражение с крестоносцами — все лето он собирал и готовил войска, и лишь в конце октября со 180-тысячной армией выступил к Никополю. Обманутые его ложной пассивностью, европейские рыцари предавались веселью и разгулу в своем лагере. Неожиданное известие о приближении неприятеля не вызвало у них никакого страха — напротив, рыцари были рады поразмяться и показать свою удаль в бою. Совершенно не принимая в расчет того, что враг намного сильнее, Иоанн Бесстрашный, поддавшийся общему боевому настроению, не стал дожидаться подхода 60-тысячного войска венгерского короля и приказал трубить атаку.

Стальная лавина крестоносцев буквально смела 8-тысячный турецкий авангард и, преследуя бегущего врага, неожиданно столкнулась с основными силами гигантской армии султана, построенными в виде громадной буквы V. Разгорячившиеся рыцари не остановили коней и на полном скаку глубоко вклинились в ряды противника, не замечая того, что отброшенные с их пути отряды мусульманской легкой конницы не разбегаются, а образуют за их спиной широкий полумесяц, постепенно смыкающийся в кольцо окружения.

Тяжеловооруженные рыцари бились доблестно, нанося бездоспешным туркам огромные потери. Иоанн Бесстрашный, Бусико, адмирал Венский и другие опытные бойцы прорубали целые просеки в гуще врагов. Однако их несогласованные действия и блестящая тактика Баязида сделали свое дело. Разделенные и окруженные со всех сторон, рыцари гибли один за другим, падая замертво в груды убитых ими турок. Адмирал Венский, несший французское знамя, был изранен насмерть. Иоанна Бесстрашного, маршала Бусико и многих других турки сбили с коней и связали.

Через три часа с начала боя все было кончено. Христианское войско перестало существовать; 10 тысяч рыцарей оказались в плену. Султан Баязид, обозленный полученной в сражении раной, приказал казнить всех христианских пленников, кроме самых знатных, за которых можно было получить богатый выкуп. Триста французов искромсали в куски янычары, и лишь семерым султан сохранил жизнь. Эти семеро составляли самый цвет французской знати: Иоанн Бесстрашный, коннетабль д'Артуа, граф де Ла Марш, маршал Бусико, сиры Ангерран де Куси, Анри де Бар и Ги де Ла Тремуйль.

После поражения крестоносцев при Никополе (25 октября 1396 года) Баязид легко разгромил и обратил в бегство армию венгерского короля. Крестовый поход закончился полным провалом.

Вернувшись из турецкого плена, Иоанн Бесстрашный, унаследовавший в 1404 году титул герцога Бургундского, активно включил-

ся в затяжную политическую борьбу между придворными партиями бургиньонов и арманьяков.

Странное зрелище представляла в начале XV века Франция, оказавшаяся под властью безумного короля Карла Шестого и распутной королевы Изабеллы Баварской. Арманьяки (сторонники брата короля, Людовика Орлеанского) и бургиньоны (приверженцы бургундских герцогов) ожесточенно бились между собой за регентство при психически больном короле. Возглавивший партию бургиньонов после смерти своего отца, Иоанн Бесстрашный отдавал все силы этой борьбе. Лютая ненависть разделила представителей французской знати; непримиримое противостояние отразилось даже в гербах главных соперников. Так, в гербе Людовика Орлеанского, красивейшего молодого человека и, как поговаривали, тайного любовника королевы Изабеллы, была изображена суковатая дубина, а девиз, связанный с гербом, гордо гласил: «Бросаю вызов». На это не менее горделиво отвечали герб Иоанна Бесстрашного, запечатлевший струг (нож для обрезания сучьев) и девиз: «Принимаю вызов».

Герцог Бургундский, одержимый ненавистью, не останавливался ни перед чем; стремясь сокрушить заклятого врага, он пошел даже на союз с англичанами. Заигрывая с простолюдинами, Иоанн Бесстрашный клеймил Людовика Орлеанского за недопустимую роскошь и мотовство «...в тот момент, когда многие простые люди задыхались под бременем налогов и были доведены до нищеты».

Действительно, народ расколотого надвое королевства переживал ужасные времена. Ни одна из партий, оказавшихся равными по силам, никак не могла восторжествовать над другой. И вдруг в ноябре 1407 года Париж облетела неожиданная новость: непримиримые враги торжественно примирились. При многочисленных свидетелях они поклялись в «истинном братстве по оружию и в великой верности друг другу, как заведено между благородными людьми»: Людовик Орлеанский и Иоанн Бесстрашный, выпив вино из одного бокала, обменялись цепочками со своими инициалами. Затем первый из них, проявляя особое расположение, пригласил бывшего соперника к себе во дворец, а второй, дабы показать, как он ему доверяет, согласился остаться у него на ночлег и даже разделить с ним одно ложе. Все присутствующие при сцене примирения были растроганы до слез.

Дальнейшие события развивались словно в лихо закрученном детективе. Людовик Орлеанский радушно принял дорогого гостя и после изысканного ужина ознакомил его со всеми помещениями роскошнейшего дворца. Проходя мимо очередной комнаты, Людовик сде-

лал было движение, чтобы открыть дверь, но почему-то передумал и двинулся дальше. Это движение не осталось незамеченным внимательным Иоанном. На вопрос гостя, заданный нарочито равнодушным тоном, почему они прошли мимо этой комнаты, несколько смущенный хозяин отвечал, что он потерял ключ от этой двери. Говоря это, Людовик Орлеанский что-то быстро спрятал в карман камзола.

Сгустились сумерки. Слуги зажгли в спальне ночной светильник и, постелив постель, удалились. Гость, отчаянно зевая, признался, что ужасно хочет спать. Хозяин любезно предложил ему почетное место с краю, а сам прилег у стенки. Герцог Бургундский уснул почти мгновенно. Через четверть часа захрапел и Людовик.

Над притихшим Парижем взошла полная луна. В полночь глаза Иоанна внезапно открылись. Прислушавшись к ровному дыханию своего соседа, герцог тихо поднялся, обыскал карманы его камзола и нашел ключ от таинственной комнаты. Он бесшумно выскользнул в коридор и добрался до нужной двери. Открыв ее, Иоанн Бесстрашный остолбенел: он увидел перед собой... милое личико своей обожанной жены, красавицы Маргариты де Эно.

Стены, освещенные мертвенным лунным светом, были сплошь увешаны женскими портретами — Людовик Орлеанский, непревзойденный ловелас, хранил здесь огромную коллекцию изображений бывших и настоящих любовниц. Иоанн вспомнил, как тщеславный красавец хвастал однажды при дворе этими амурными трофеями. Постояв несколько минут посреди комнаты, герцог Бургундский вышел, закрыл за собой дверь и тихо вернулся в спальню. Наутро, после легкого завтрака, бывшие враги распрощались, словно лучшие друзья.

Через несколько дней все узнали поразительную новость: убит герцог Орлеанский. Его тело обнаружили на улице Тампль. Левая рука герцога была отсечена; половина черепа, снесенная ударом секиры, валялась в канаве. Рядом с изуродованным трупом лежал заколотый паж Жакоб де Мер.

На похоронах многие плакали, но горше всех рыдал безутешный герцог Бургундский. Карл Шестой, у которого наступил очередной кратковременный период просветления разума, приказал немедленно созвать королевский совет и начать следствие по делу убийства брата. На совете все придворные сошлись во мнении, что убийство Людовика Орлеанского — дело рук какого-либо мужа-рогоносца. Любовные похождения покойного герцога были всем хорошо известны, а потому подобная версия представлялась наиболее вероятной.

В этот момент в совет обратился некий купеческий старшина, несший дозор в ночь убийства. Он заявил, что проследил за группой вооруженных людей, которые, подозрительно оглядываясь и стараясь не шуметь, торопливо скрылись за дверями Бургундского отеля.

При этих словах безмолвные взгляды всех участников совета обратились на герцога Бургундского. Всегда невозмутимый Иоанн вдруг страшно побледнел, пошатнувшись, встал из-за стола и нетвердой походкой направился к окну. Герцог Беррийский, дядя Иоанна, поспешно подошел к нему и справился о его здоровье. В ответ герцог Бургундский еле слышно прошептал:

— Это я приказал убить герцога Орлеанского. Сам не понимаю, как это произошло. На меня нашло какое-то дьявольское наваждение.

Герцог Беррийский, пораженный неожиданным признанием, в ужасе отшатнулся от убийцы. А тот спокойными шагами... покинул зал заседания. Растерянные члены совета даже не попытались его задержать. В ту же ночь Иоанн Бесстрашный, с эскортом из шести всадников, бежал из Парижа, обрушив за собой Максанский мост, чтобы задержать возможную погоню. Беглец направился во Фландрию, где и отсиживался в течение полугода.

А тем временем обстоятельства убийства окончательно прояснились. Кроме купеческого старшины нашлись и другие свидетели. Королевскому правосудию стало известно даже имя главного исполнителя заказанного герцогом Бургундским преступления. Им оказался нормандский рыцарь Рауль д'Анкветонвилль — именно он размозил секирой голову Людовика Орлеанского. Однако схватить убийцу не удалось — его и след простыл.

Шесть месяцев спустя Иоанн Бесстрашный в сопровождении тысячи всадников неожиданно вернулся в Париж. Простые горожане с ликованием приветствовали своего любимца, между тем как дяди короля и вдова герцога Орлеанского, возмущенные подобной наглостью, обратились к Карлу Шестому с требованием арестовать преступника. Однако король, витавший мыслями где-то очень далеко от грешной земли, плохо понимал, чего, собственно, от него хотят. Он вдруг проникся симпатией к герцогу Бургундскому и разрешил ему оправдаться. На суде адвокат герцога повернул все дело так, словно его подзащитный совершил вовсе не преступление, достойное похвалы деяние, избавившее короля от гнуснейшего из его подданных. В итоге Иоанн Бесстрашный был оправдан, а вдова герцога Орлеанского в знак протеста покинула королевский двор.

Вся знать Франции снова раскололась на два лагеря, и постепен-но вооруженный конфликт между бургиньонами, имевшими в каче-стве отличительного знака крест св. Андрея на красной повязке, и арманьяками, украсившими свои рукава белыми повязками, пере-рос в настоящую гражданскую войну.

Минуло двенадцать лет со дня убийства Людовика Орлеанского. Много крови пролилось за это время. Иоанн Бесстрашный, поддер-живаемый англичанами, неудержимо рвался к власти. Теперь его главным соперником стал дофин Карл, будущий король Франции Карл Седьмой. Дофин смертельно ненавидел бургиньонов, устроив-ших в 1418 году в Париже чудовищную резню, из которой он лишь чудом выбрался живым. Но вражда между арманьяками и бургиньо-нами продолжалась уже более двадцати лет и конца ей не предвиде-лось. Понимая, сколь губительно для королевства такое положение вещей, дофин предложил герцогу Бургундскому начать мирные пе-реговоры. Тот ответил согласием. Встреча была назначена на мосту Монтеро, в 45 милях к юго-востоку от Парижа. Специально для этой встречи посреди моста возвели небольшой деревянный павильон, имевший два входа с противоположных сторон. Противники дого-ворились, что дофина и Иоанна будет сопровождать немногочислен-ная свита: каждый из них имел право привести с собой не более 10 дво-рян и одного секретаря.

10 сентября 1419 года, в час пополудни, герцог Бургундский, ок-руженный своей свитой, сел на коня. Он не успел еще тронуться с места, как его любимая собака, внезапно сорвавшись с цепи и страшно зарывав, бросилась на грудь коню. Герцог, недоумевая, ударил ее хлыстом. Собака отскочила и встала в воротах, преградив хозяину путь. Шерсть ее поднялась дыбом, а глаза горели недобрым огнем. Стоило герцогу тронуть поводья, как она повторила нападение, жест-око укусив лошадь. Решив, что животное просто взбесилось, Иоанн отцепил от луки седла секиру и рассек собаке голову.

Когда Иоанн Бесстрашный прибыл к месту свидания, стражни-ки, стоявшие у входа на мост, сообщили ему, что дофин Карл дожидается его уже целый час. Оставив оружие (таково было главное ус-ловие), герцог в сопровождении своих дворян поспешил в павильон. Подробности происшествия в павильоне скорее всего навсегда ос-танутся тайной. Вот как описывает это французский хронист Филипп де Коммин:

«Когда беседа началась, герцог Бургундский или был приглашен, или сам пожелал засвидетельствовать почтение королю (точнее го-

вора, дофину), но он открыл калитку, которую открыли и с другой стороны, и прошел с этими тремя (дворянами из своей свиты). Его тут же и убили, как и тех, что были с ним, и из-за этого, как известно, случилось позднее немало бед».

Другие историки добавляют к этому, что в павильоне была припрятана секира и что убил герцога кто-то из его же свиты. Все это невозможно доказать или опровергнуть, но необходимо отметить одну весьма любопытную деталь: Иоанну Бесстрашному отрубили левую руку, которой он инстинктивно закрывался от удара, и разрубили череп до самого подбородка. Точно такие же раны и тем же самым оружием были нанесены двенадцать лет назад Людовику Орлеанскому.

«СТРАШНЫЙ СЛЕПЕЦ»

ЯН ЖИЖКА

(ок. 1360—1424)

Крестоносцы и католические монахи, трепетавшие при одном упоминании имени этого человека, прозвали его «Страшным слепцом», а имя Яна Жижки, бедного чешского рыцаря, участника великой Грюнвальдской битвы, горячего приверженца идей Яна Гуса, непобедимого полководца таборитов, овеяно легендарной славой.

Владелец небольшого деревянного замка в Тронцове, Ян Жижка был выходцем из мелкого дворянства. На беду по соседству с его замком располагались обширные владения Рожмберков — богатейшего рода Чехии. Индржих Рожмберк, алчный и завистливый феодал, состоял в дружеских отношениях с самим германским императором. С высоты своего положения спесивый богач не замечал бедного рыцаря. Зато замечал земли и замок, распалывшие его алчность. В 1408 году с помощью подлога и лжесвидетельства Рожмберк заявил на них свои права. Взятка, данная судье, довершила дело, и Яна Жижку изгнали из родового поместья. Вместе с крестьянами своей деревни ограбленный рыцарь скрылся в лесу, чтобы мстить.

На следующий день Индржих Рожмберк обнаружил на своем столе латную рыцарскую перчатку. Это был вызов на бой, брошенный ему гордым Жижкой. Ян развязал против своего притеснителя настоящую партизанскую войну. Запылали многочисленные усадьбы Рожмберка, целые стада скота исчезали таинственным образом.

Солдаты и слуги Рожберка сбились с ног, прочесывая окрестные леса, но все было напрасно: неуловимый отряд Жижки ловко уходил от преследования и наносил неожиданные и неотразимые удары. Так продолжалось около года, пока до чешского короля Вацлава не дошли слухи об этих происшествиях. Прекрасно зная подлого Рожмберка, Вацлав заступился за обиженного рыцаря, но даже королю было не под силу тягаться с приятелем германского императора, и тогда Вацлав милостиво приблизил Жижку к себе, сделав его коморником королевы Софьи.

В 1410 году храбрый рыцарь добровольно отправился на войну с Тевтонским орденом. В рядах чешских и моравских рыцарей, входивших в состав многонационального войска литовского князя Витовта, Ян Жижка доблестно сражался в славной Грюнвальдской битве, сломившей могущество Немецкого ордена. В этой битве чешский рыцарь получил тяжелое ранение в голову и ослеп на левый глаз.

По окончании Великой войны Ян Жижка возвратился в Чехию. Как придворный королевы Софьи, он часто сопровождал ее в Вифлеемскую часовню, на проповеди знаменитого магистра Яна Гуса, где глубоко проникся убеждениями великого сына чешского народа.

Ян Жижка. Рисунок В. Брожека. 1881 г.

Ян Гус, ректор Пражского университета, обличал лживость и алчность католической церкви, горячо выступал против позорной практики симонии (продажности церковных должностей), торговли индульгенциями, требовал возврата церкви к апостольской чистоте и бедности. Яркие проповеди Гуса создали ему огромный авторитет не только в Чехии, но и за рубежом. Римский папа и католические священники, ненавидевшие великого чеха лютой ненавистью, требовали расправы с «закоренелым еретиком». В 1415 году на Констанцском соборе Ян Гус, имевший при себе охранную грамоту от самого императора Сигизмунда, был тем не менее вероломно схвачен и закован в кандалы. 6 июля знаменитого ученого и бесстрашного борца сожгли на костре как еретика.

Мученическая смерть Гуса всколыхнула всю Чехию. В стране началось народное восстание. Ян Жижка, поклявшийся жестоко отомстить за казнь любимого учителя, принял активнейшее участие в борьбе против могущественной католической церкви. В ходе этой борьбы Ян Жижка создал народное войско таборитов (название произошло от горы Табор, где располагался лагерь восставших). Знаменем гуситов стала чаша, поскольку одним из их требований было причащение мирян не только хлебом, но и вином, символизировавшим кровь Христову. Постепенно сформировались два крыла последователей Гуса — чашники (умеренное) и табориты (радикальное).

В апреле 1420 года римский папа Мартин Пятый и германский император Сигизмунд (организатор осуждения и казни Яна Гуса) объявили крестовый поход против мятежных чехов. Стотысячное войско крестоносцев, состоявшее преимущественно из немецких рыцарей, вторглось в страну.

Ян Жижка противопоставил крестоносцам передовую для своего времени тактику. Его войско было очень маневренным и быстрым на марше. Против рыцарской конницы крестоносцев чешский полководец успешно применял боевые возы, сцепленные между собой и расставленные по кругу. Такие «крепости на колесах» (вагензбурги) невозможно было штурмовать в конном строю. Кроме того, Жижка широко использовал артиллерию разных калибров, новые приемы боя и необычные виды вооружения (переделанные в оружие орудия крестьянского труда — косы, серпы, цепы, молоты и т.д.).

Крестоносцы, осадившие Прагу, были наголову разгромлены таборитами в июле 1420 года в сражении у Витковой горы. Первый крестовый поход против Чехии провалился, однако уже в следующем году в страну прибыли новые полчища крестоносцев. И вновь они встрети-

ли решительный отпор со стороны победоносной армии таборитов, основу которой составляло пешее ополчение.

Современники сохранили для потомков образ любимого вождя. Ян Жижка был среднего роста, крепкий, широкоплечий, с круглым широким лицом и повязкой на левом глазу; его темная борода была коротко пострижена. Закованный в рыцарские латы, он всегда ездил на белом коне, а в руке сжимал гетманскую булаву — знак своей власти. В походе перед ним шагал священник таборитов, неся на двурогом шесте деревянную чашу — символ восставших гуситов.

Военные хитрости и неожиданные приемы Жижки, изумляя и повергая врагов в замешательство, всегда обеспечивали победу таборитов. Так, например, произошло, когда маленький отряд Жижки (около 400 человек) настигли 2 тысячи рыцарей-крестоносцев. Предводитель чехов установил вагензбург на илистом дне Шкаредого пруда, который в это время был спущен, и велел женщинам, бывшим с ними, разбросать вокруг лагеря шали, платки и покрывала. Рыцарям, чтобы добраться до возов, пришлось спешиться. Скользя по илистому дну, они цеплялись шпорами за разбросанные тряпки и, за путавшись в них, падали. Шедшие сзади, спотыкаясь об упавших, в свою очередь, падали в липкую грязь. Ряды крестоносцев совершенно расстроились. Воспользовавшись этим, табориты выбрались из-за возов и разбили впятеро превосходящего по численности противника.

В другой раз воины по приказу Жижки изготовили и разбросали перед своим лагерем трехгранные железные шипы. Когда кавалерия крестоносцев пошла в атаку, острые шипы вонзились в ноги их коней. Лошади от боли взвизывались на дыбы, сбрасывая всадников на землю. Таборитам же осталось лишь добивать поверженных врагов.

Чтобы уйти от погони и пустить врага по ложному следу, Жижка иногда велел своим солдатам подковывать коней, ставя подкову на копыто задом наперед. В результате такой хитрости крестоносцы, сбитые с толку, искали таборитов в противоположной стороне.

Во время битвы у Малешова в 1424 году, по приказу Жижки, с вершины холма на атакующих рыцарей было спущено множество возов, груженных камнями. Рыцари, совершенно смятые, обратились в паническое бегство. Несколько залпов из небольших пушек довершили их разгром.

Так умело бил врага выдающийся чешский рыцарь и полководец. Никакие личные беды и несчастья не могли сломить муже-

ственного борца. В 1421 году при осаде замка Раби в Пльзеньском крае, стрела вонзилась ему в правый глаз, и Жижка совершенно ослеп. Но слепота не помешала ему вывести свои войска из окружения близ Кутна-Горы и нанести сокрушительное поражение коннице крестоносцев у Немецки Брода в январе 1422 года. Второй крестовый поход против чехов, так же как и первый, потерпел полнейший провал. С тех пор враги и прозвали его «Страшным слепцом».

Слепой полководец прекрасно знал родные места, а кроме того, его верные соратники — пан Викторин из Подебрад, Ян Бдинка и Куниш из Беловице — перед боем подробно описывали ему местность, и Жижка всегда безошибочно выбирал наиболее удобную для чехов позицию.

Верный своей клятве, Ян Жижка неумолимо мстил католическим церковникам, сжигая костелы и монастыри, так же как и замки феодалов, перешедших на сторону врага. Однажды Жижка разорил Седлецкий монастырь у Кутной горы, но сжигать его категорически запретил: монастырь являлся изящным и ценным архитектурным памятником. Однако один из солдат ослушался приказа и поджег крышу монастыря. Разгневанный полководец повелел привести к нему виновника, но никто не сознавался в нарушении приказа. Тогда Жижка объявил, что в том случае, если поджигатель признается, он наградит его золотом за смелость. Зная, что их вождь, как истинный рыцарь, всегда держит свое слово, виновник поджога явился за наградой. Жижка не изменил данному слову: он приказал влить расплавленное золото наглицу в глотку.

К великой скорби чехов, Ян Жижка не дожил до победы. В 1424 году он осаждал город Пршибислав в Моравии, когда там вспыхнула эпидемия чумы. «Черная смерть» сгубила пламенного патриота и выдающегося полководца. Его тело первоначально погребли в костеле св. Духа в Градце на Лабее, а позже останки были перенесены в Чаславу и захоронены в приходском костеле Петра и Павла.

Дело Жижки не пропало. После его смерти войска таборитов возглавили талантливые полководцы Прокоп Большой и Прокоп Малый. Победоносные табориты не только отбили пять крестовых походов, но и сами совершили ряд удачных походов в Германию, Австрию и Венгрию. Их отряды доходили даже до побережья Балтийского моря, утверждая повсюду принципы равенства и свободы. Лишь в 1434 году, в результате измены чашников, табориты потерпели трагическое поражение под Липанами.

«ДРАКУЛА»

ВЛАД ЦЕПЕШ

(господарь Валахии в 1456—1462 гг.)

Немало усилий приложили писатели разных времен и народов для того, чтобы исказить реальный образ этого человека. Начиная с Раду Красивого, двоюродного брата Влада Цепеша, и заканчивая Брэмом Стокером и другими писателями-мистиками конца XIX века, портрет Дракулы подвергался все более чудовищной трансформации, и в конечном итоге возник сказочный образ графа Дракулы, великого злодея и жуткого кровопийцы, короля всех вампиров.

Истинный Влад Дракула был храбрым рыцарем, талантливым полководцем и жестоким, коварным правителем, но в гробах он никогда не спал и человеческой кровью не питался. Краткое описание облика валашского господаря оставил кардинал Энеа Пикколомини, впоследствии папа Пий Второй, лично встречавшийся с Дракулой. В своем произведении «Космография» кардинал пишет о нем: «Это был человек среднего роста с высоким лбом и лицом, резко су-

Влад Цепеш (Дракула)

жающимся к подбородку». Остается лишь сожалеть о том, что его высокопреосвященство оказался столь немногословен. Хотя откуда ему было знать, какой живейший интерес вызовет у потомков личность правителя маленького дунайского княжества?

Отец нашего героя, рыцарь-крестоносец из ордена Поверженного Дракона (отсюда и прозвище — Дракула), носил то же имя, что и его знаменитый сын — Влад Дракула. Часто это приводило к тому, что отец и сын в представлении несведущих людей сливались в единый образ, еще более искажая и без того искаженный портрет легендарного героя.

Дракула-отец правил Валахией (1436—1446) в тяжелое и тревожное время турецкой экспансии. Не имея сил противостоять могущественной Порте, он изъявил покорность султану. Однако султан, никому не веривший на слово, держал его в тюрьме до тех пор, пока Дракула-отец не дал ему в качестве заложника своего 12-летнего сына. Семь долгих лет, сохраняя внешнее смирение и покорность, томился мальчик в турецком плену. Тем временем отважный трансильванский воевода Янош Хуньяди поднял знамя борьбы против жестоких завоевателей-османов. Когда войска Хуньяди вступили на территорию Валахии, Влад Дракула-отец, смертельно ненавидевший турок, присоединился к нему, но вскоре погиб.

Султан Мехмед Второй, вопреки обычаю, почему-то не казнил мальчика-заложника за неверность его отца. Вероятно, он рассчитывал сделать из него со временем марионетку, послушного проводника своей политики. Если это так, то султан жестоко просчитался. Когда Мехмед поставил его управлять Валахией, 19-летний юноша, сбросив маску покорности, взбунтовался и изгнал всех турок из пределов своего государства. Понимая, что жестокой и кровопролитной борьбы не избежать, он начал энергично готовиться к войне, отстраивая крепости в горах, перекрывшие все дороги и перевалы, и собирая войско из самых отчаянных головорезов.

Очевидно, султан не оставил надежды наставить Дракулу на путь истинный и прислал к нему посольство. Послы поклонились валашскому господарю, но фесок при этом не сняли. Тогда Дракула в гневе воскликнул:

— Почему это вы не снимаете шапок, и мне, великому господарю, такое бесчестие творите?

— Таков в нашей земле обычай, — оправдывались перепуганные послы.

Владу Дракуле, семь лет прожившему среди турок, это было прекрасно известно, но он и виду не подал.

— Раз так, я хочу, чтобы вы еще больше укрепились в вашем обычае! — и приказал маленькими гвоздиками прибить фески к головам послов.

— Передайте вашему султану, — напутствовал он на прощание обливающихся кровью послов, — пусть не посылает со своими обычаями к чужим государям!

Летом 1462 года 200-тысячная турецкая армия вторглась в Валахию, чтобы наказать строптивца. Дракула мог выставить против нее не более 10 тысяч бойцов. Но это были отчаянные, ненавидевшие турецких поработителей воины. Что касается самого Дракулы, то он обладал незаурядным военным талантом и, прекрасно зная сильные и слабые стороны противника, избрал для борьбы с ним тактику устрашения. Перекрыв все дороги, он намеренно оставил одну из них свободной. Турецкий авангард, наступая по ней, попал в засаду и частью был перебит, частью — пленен. Тогда Дракула приказал расставить по обеим сторонам 30-километровой дороги заранее заготовленные острые колья с насаженными на них пленниками. Полторы тысячи пленных янычар корчились на колах в страшных муках. Офицерам была оказана особая милость: их колья золотили охрой. Когда турецкие солдаты, наступая, увидели, что произошло с авангардом, их боевой пыл и рвение заметно поубавились. А Дракула, уклоняясь от решающих сражений, повел против них партизанскую войну, не забывая угощать противника все новыми и новыми леденящими душу зрелищами.

Такая тактика вскоре принесла свои плоды — уstraшенные турки покинули владения Дракулы. С тех пор его прозвали «Цепеш» — «колосажатель». И действительно, этому орудью казни он отдавал явное предпочтение, сажая на кол не только турок, но и непокорных бояр, предателей и преступников. Постоянные зрелища свирепых казней сделали из патриота настоящего садиста. Вид корчащихся в агонии тел стал доставлять ему удовольствие, и Влад Цепеш теперь стал сажать на кол за малейшую провинность, а то и вовсе просто так, ради забавы. Здесь уже трудно отличить истину от легенды, и каждый волен верить или не верить преданиям о Владе Цепеше, подобном следующему. Дракула будто бы любил обедать, сидя за столом рядом с колами, на которых умирали его жертвы, услаждаясь этим зрелищем. Однажды обед ему впервые подавал молодой слуга, почти мальчик. Заметив, что слуга морщится от ужасного зловония, Дракула спросил, что ему не нравится. Тот был вынужден признаться, что не в силах переносить смрад, исходящий от трупов. Тиран тут же при-

казал посадить слугу на кол, приговаривая: «Там ты будешь высоко и смрад до тебя не дойдет!»

Скорее всего, этот и другие, подобные ему, рассказы являются измышлениями врагов Влада Дракулы, хотя, как говорится, дыма без огня не бывает. Как бы там ни было, ему удалось укрепить государственный аппарат, создать сильную армию и добиться определенной внутренней и внешней консолидации княжества. Влад Цепеш покровительствовал развитию отечественной торговли. В связи с этим он в 1459 году ограничил торговлю иностранных купцов несколькими ярмарками в пограничных местностях. Во внешней политике Дракула ориентировался на Венгрию. Вел непримиримую борьбу с турками, разорив их крепости на правом берегу Дуная.

Существует легендарный рассказ о том, как Дракула боролся в Валахии с бедностью. Однажды по его приказу выстроили большой красивый дом, а затем ко двору господаря созвали нищих со всей страны. Он пригласил их в этот новенький дом, где бедняков досыта накормили и напоили хорошим вином. После обеда Дракула обратился к своим гостям с вопросом:

— Хотите, освобожу вас от всех печалей на свете, и ни в чем вы нуждаться не будете?

— Хотим, великий государь! — хором закричали нищие.

Тогда он приказал слугам запереть все двери и окна здания и поджечь его.

Папа Пий Второй, подобно многим другим римским папам, страстно мечтал об отвоевании Иерусалима. В качестве предводителя крестового похода великий понтифик видел только такого человека, как Влад Цепеш. С этой целью папа и пригласил его к себе в Ватикан для переговоров. Но Дракула, опасавшийся возможных заговоров дома и покушений в поездке, отправил к папе вместо себя доверенное лицо — своего кузена Раду Красивого. Тот от имени двоюродного брата дал согласие на крестовый поход, и Пий Второй вручил ему большую сумму денег на это предприятие. Однако Раду не отдал денег брату, найдя им другое применение: подкупив многих влиятельных бояр, он произвел с их помощью переворот, лишил Дракулу престола и упрятал его в темницу. Там свергнутый господарь вскоре и умер — вероятно, от яда. Тело захоронили в монастыре Снагов, расположенном на острове посреди озера, неподалеку от современного Бухареста.

Узурпатор Раду Красивый (1462—1475), пытаясь оправдать свои действия и очернить брата, приказал в 1464 году выпустить страш-

ную книгу о Дракуле, в которой правда перемешалась с нелепым вымыслом. Постарались и художники, иллюстрировавшие ее жуткими миниатюрами. Книга разошлась по свету, разнося зловещую славу Дракулы по разным странам. Так начала создаваться легенда. В представлении последующих поколений образ героического борца с турецкими захватчиками постепенно стерся, уступая место кошмарному образу кровожадного злодея и вампира.

Раду Красивый стал послушным орудием турецкого султана. Также и сын Дракулы, Влад Монах, занявший валашский престол в 1482 году, раболепно преклонялся перед османами и платил им дань, начисто забыв о героическом прошлом своего отца.

«РЫЦАРЬ БЕЗ СТРАХА И УПРЕКА»

ПЬЕР БАЯРД

(1476—1524)

За свои удивительные подвиги, беспримерную храбрость, кристальную честность и великодушие Пьер Баярд дю Террайль удостоился почетнейшего звания в истории — «Рыцарь без страха и упрека».

Баярд принадлежал к древнему и прославленному французскому дворянскому роду: прадед и дед Пьера с честью пали на поле битвы. В семье он был младшим из четырех братьев и единственным, избравшим военную карьеру. К 14-ти годам Пьер умел прыгать через глубокие рвы, влезать на стену без лестницы, вскакивать на коня без стремян, искусно фехтовать и стрелять из лука, а рыцарские доспехи стали его второй кожей. Он всегда следовал наставлениям матери: уважать себе равных, всегда говорить правду, защищать вдов и сирот.

Свою службу Баярд начал в качестве пажа у герцога Савойского, от которого он вскоре попал ко двору короля Карла Восьмого, полюбившего мальчика и уделявшего много внимания его воспитанию.

Громкую воинскую славу Баярд заслужил на полях Италии. Итальянские войны начались в 1494 году походом Карла Восьмого через всю страну с севера на юг. Главным противником Франции в этих затяжных войнах, длившихся более 60 лет, была Испания, также претендовавшая на итальянские земли. Это было время, когда еще сохранялись рыцарские традиции, но рыцарские ополчения уже ушли в прошлое, уступив место постоянным войскам.

Пьер Баярд, высокий худой юноша, с черными глазами и орлиным носом, с добрым и бледным лицом, больше походил на смиренного монаха, чем на бесстрашного рыцаря. Он поражал всех своей ловкостью и храбростью, но в то же время был скромным, как девушка. Солдаты полюбили его за простоту и щедрость. Отважный и великодушный рыцарь всегда был готов поделиться с товарищами последним куском хлеба. Показателен в этом смысле такой случай. Однажды Баярду удалось отбить у испанцев огромную сумму денег — 15 тысяч золотых. Один его товарищ, бывший при этом, потребовал себе половину денег, но Баярд отказал ему и представил это дело на суд командования. В итоге вся сумма была присуждена ему. Но благородный рыцарь не взял себе ничего: половину денег он отдал своему огорченному товарищу, а вторую половину роздал солдатам.

Баярд был крайне щепетильным человеком в вопросах чести. Однажды он взял в плен испанского генерала Алонсо де Сото-Майора, приходившегося близким родственником испанскому полководцу Гонсальву Кордуанскому. Знатный пленник был препровожден в замок Монервинь, где стоял французский гарнизон. Он должен был обрести свободу после уплаты выкупа в тысячу золотых. Алонсо дал

Рыцарь и оруженосец. Картина П.Кавациолы. Конец XV— начало XVI в.

честное слово не покушаться на побег, и Баярд, обходившийся со своим пленником с большим вниманием и учтивостью, предоставил ему полную свободу передвижения в пределах замка. Однако коварный испанец через неделю сбежал, нарушив свое слово — он подкупил кого-то из солдат. Алонсо бежал в Андрию, где стояли испанские войска, но далеко уйти ему не удалось — Баярд отправил в погоню всадников, и они настигли беглеца.

После этого Баярд был вынужден запереть испанца в одной из башен. Однако обращались с ним по-прежнему с должным уважением, которого он, впрочем, не заслуживал. Вскоре прислали выкуп, и Алонсо был немедленно освобожден. Когда генерал прибыл к своим, его стали укорять за вероломство, ведь такой поступок бесчестит дворянина. Чтобы оправдаться и «не потерять лицо», Алонсо возвел клевету на Баярда. Француз якобы дурно обращался с пленником, поэтому побег был вынужденным. Когда эти слухи дошли до Баярда, он направил письмо негодяю, в котором потребовал либо отказаться от своей клеветы, либо встретиться для разрешения вопроса в честном поединке. Алонсо высокомерно отвечал, что через две недели он готов встретиться с ним в бою, так что пусть француз поторопится составить завещание.

Когда срок подошел, Баярд был нездоров — его мучила лихорадка, но Пьер и мысли не допускал о том, чтобы перенести срок поединка — это нанесло бы ущерб его рыцарской чести. На место дуэли он явился со своим другом Беллабром, выполнявшим роль секунданта, и целой толпой поклонников. Испанец также привел секунданта; его окружало множество родственников и друзей.

Перед началом поединка Алонсо потребовал для себя права выбора оружия и вида боя. Баярд не возражал. Зная, что французский рыцарь особенно силен в конном бою, испанец решил биться с ним пешим в полном вооружении. В качестве наступательного оружия он выбрал меч и кинжал.

Друзья очень опасались за Баярда; ведь он был болен, а его сильный противник находился в прекрасной физической форме. Алонсо знал о болезни Баярда и надеялся на легкую победу. Между тем Баярд не проявлял и тени тревоги. Спокойно вступив на поле поединка, он помолился, поцеловал землю и твердыми шагами направился навстречу противнику. Испанский рыцарь, приблизившись, воскликнул:

— Рыцарь Баярд, чего ты от меня хочешь?

— Я хочу, дон Алонсо де Сото-Майор, защитить свою честь, которую ты несправедливо и злонамеренно оскорбил.

После этих слов противники бросились друг на друга. При первом же выпаде ловкий Баярд ранил врага в лицо. Но рана была легкой; она лишь разъярила испанца. Он нападал на Баярда сбоку, стремясь сократить дистанцию, обхватить его за туловище и опрокинуть на землю — тогда грузный испанец получил бы все преимущества. Но искусный Баярд разгадал его тактику и не подпускал противника близко, с легкостью отражая все его удары. Бой затягивался, и французы начали опасаться за своего товарища — лихорадка подтачивала его силы.

Перелом в бою произошел внезапно. Алонсо замахнулся мечом, и в это мгновение Баярд нанес ему стремительный удар острием меча в горло. Удар был настолько сильным, что латный нагрудник испанца треснул. Не давая врагу опомниться, Пьер нанес ему в горло еще несколько ударов. Хлынувшая кровь обагрила латы. Увидев это, испанцы вскрикнули от ужаса, а французы — от радости. Раненый испанец расвирепел и обрушил на Баярда град мощных ударов, но все они были ловко парированы. Затем, заметив, что вместе с кровью его враг теряет и силы, Баярд бросился на него и повалил на землю. Некоторое время борьба продолжалась и на земле, пока удар кинжала французского рыцаря не поставил завершающую точку в этой борьбе.

Алонсо был мертв, но Баярд не проявлял никаких признаков радости — напротив, он стоял с опущенной головой, сожалея о смерти противника, которого он не имел намерения убивать; великодушный рыцарь жаждал победы, но не смерти испанца. Преклонив колено перед убитым, он долго молился Богу, как бы прося прощения за эту смерть. Затем он принес благодарственную молитву за победу, трижды поцеловал землю поединка и выдал удрученным испанцам труп генерала Алонсо. Когда Пьер возвращался в замок в толпе своих радостных друзей, горячо обсуждавших наиболее интересные моменты боя, он был мрачен и задумчив. А друзья ликовали: Баярд победил грозного врага и даже не был ранен?

Вскоре Баярду довелось вновь продемонстрировать свое блестящее воинское искусство. Между французской и испанской армиями было заключено очередное перемирие сроком на два месяца. В один из этих дней Баярд прогуливался вблизи замка Монервинь вместе со своим другом Орозом. И вот во время этой прогулки они повстречали 13 испанцев, в числе которых находился некий Диего де Бисанья, близкий друг убитого Алонсо де Сото-Майора, поклявшийся отомстить Баярду. Бисанья первым завел разговор с французами.

Сначала говорили о пустяках, а затем Бисанья пожаловался на скуку и предложил французам сразиться, пока у них не заржавели мечи. Баярд и Ороз охотно согласились на это. Было решено, что они выберут еще одиннадцать товарищей и через две недели встретятся с испанцами в Трани для честного боя — 13 против 13-ти.

В назначенный день противники сошлись в условленном месте. Сначала, как и полагалось, точно оговорили правила боя. Они были следующими; перешедший границу поля для боя считается пленником и должен немедленно прекратить схватку. Выбитый из седла также обязан покинуть поле боя. Определили и время схватки: если до наступления темноты ни одна сторона не возьмет верх, то битва будет считаться законченной и каждый удалится и уведет своих товарищей.

Французы и испанцы выстроились напротив друг друга, выставив перед собой копья. Когда завязался бой, стало ясно, что испанцы бьются нечестно. В первой же стычке они намеренно ранили 11 лошадей французов. Всадники были вынуждены спешиться и покинуть поле боя. Это была подлая уловка: рыцарский устав запрещает намеренно калечить коней. Но испанцы имели коварный план: они жаждали захватить в плен Баярда и рассчитаться с ним.

Итак, в самом начале боя 11 французов были выведены из строя, и на ристалище остались лишь двое: Баярд и Ороз. Но эти двое отличались силой, ловкостью и отвагой, и они мужественно выдерживали натиск 13-ти испанских рыцарей, ловко выводя своих коней из-под ударов. Когда испанцы все разом ринулись на них, Баярд и Ороз укрылись за трупами павших коней, и лошади испанцев никак не могли преодолеть эту преграду. Не ограничиваясь обороной, французы наносили и контрудары, в результате чего несколько противников были ранены и обезоружены. Теперь испанцев осталось лишь шесть против двух, и они потеряли всякую надежду на победу. От позорного поражения их спасли только сгущающиеся сумерки, так как по условиям встречи наступающая ночь положила предел сражению. В этой схватке никто не был признан победителем, хотя моральная победа осталась за двумя французами, выдержавшими этот неравный бой.

В 1503 году Пьер Баярд совершил самый яркий и удивительный из своих подвигов, обессмертивший его имя. Испанское войско расположилось тогда на левом берегу Гарильяно, а французы занимали правый — таким образом, противников разделяла только река. Французские рыцари, не имевшие корма для лошадей, отправились за фуражом. Узнав об этом от своих шпионов, Гонсальв Кордуанский

решил нанести внезапный удар, с тем чтобы разгромить французскую пехоту. Имитировав в другом месте отвлекающий удар, он отправил 200 всадников по мосту через Гарильяно. Но Баярд вовремя заметил опасность, угрожающую пехотинцам. Завидев неприятельскую колонну, скакавшую к мосту, он крикнул своему оруженосцу:

— Бегите скорее за помощью, пока я буду с ними управляться! — и бросился к мосту.

Испанцы подивились глупости человека, решившегося в одиночку отстоять мост. Однако когда голова колонны приблизилась к Баярду, он с такой яростью набросился на врага, что первыми же ударами сбросил с коней четырех всадников, составлявших переднюю шеренгу; при этом двое испанцев рухнули в воду, а два остальных — под ноги собственных коней. На мосту начались сутолока и давка. Задние напирали на передних, которых Баярд поражал своим длинным мечом. Это был небывалый бой; один против двухсот. Впоследствии испанцы уверяли, что против них бился сам Сатана. Героический рыцарь удерживал врагов до тех пор, пока не подоспела помощь — сотня солдат, приведенных оруженосцем. Вместе они полностью очистили мост от испанцев.

Так несравненный рыцарь спас французскую армию. Король, восхищенный подвигом Баярда, пожаловал такую надпись на его герб: «Один имеет силу целого войска».

Баярд совершил еще много славных подвигов в битвах при Равенне, Мариньяно и других. При осаде Теруаны рыцарь продемонстрировал находчивость, верность и патриотизм. Этот город осадил английский король, состоявший в союзе с испанцами и германским императором. Баярд был отправлен на помощь осажденному гарнизону Теруаны, но во время боя французская конница позорно бежала — остался лишь Баярд с горсткой рыцарей. Они отбивались из последних сил, но, видя, что плена не избежать, Баярд сделал так, что даже плен стал честью для него. Окруженный врагами со всех сторон, он бросился к одному английскому офицеру, и, приставив меч к его горлу, вскричал:

— Сдавайся, или ты погиб!

Испуганный англичанин тут же протянул ему свою шпагу и был несказанно удивлен, когда и Баярд в свою очередь подал ему свой меч со словами:

— Я — рыцарь Баярд, пленник моего пленника. Ведите меня к императору!

Император, наслышанный о подвигах Баярда, принял его с большим уважением и освободил без выкупа, а английский король пригласил героя к себе на службу. Но Баярд ответил на это:

— У меня один Бог на небе и одно отечество на земле: я не могу изменить ни тому, ни другому!

Король Франциск Первый преклонялся перед Баярдом и, считая его лучшим рыцарем во всем мире, во время битвы при Мариньяно попросил Баярда посвятить его в рыцари. Сначала Баярд из скромности отказывался, но король настаивал, и тогда Пьер, нанеся королю три удара мечом плашмя в соответствии с традициями, посвятил Франциска Первого в рыцари, сказав при этом:

— Дай Бог, чтобы вы не знали бегства!

В 1525 году, попав в плен к испанцам в результате поражения при Павии, король вспомнил о верном Баярде, к тому времени уже погибшем, и воскликнул со слезами на глазах:

— О, мой Баярд! Если бы ты был жив, я не был бы в плену!

Пьер Баярд погиб в Италии в 1524 году. Бездарный французский главнокомандующий, адмирал Бонивет, был разгромлен и отводил войска к Альпам. Баярд, командовавший арьергардом, прикрывал отход. Когда адмирал получил смертельную рану, он передал командование Баярду, умоляя его спасти армию, на что тот ответил:

— Теперь поздно ее спасти, но пока я жив, мы не сдадимся!

Во время арьергардного боя враги выстрелили ему в спину. Умирающий рыцарь попросил своих солдат положить его под деревом лицом к испанцам, сказав при этом:

— Я всегда смотрел им в лицо и, умирая, не желаю показывать спину!

«РЫЦАРЬ — ЖЕЛЕЗНАЯ РУКА»

ГЕЦ ФОН БЕРЛИХИНГЕН

(1480—1562)

Легендарный немецкий рыцарь-разбойник Гец (Готфрид) фон Берлихинген почти всю жизнь провел в беспрестанных войнах, сражаясь против соседних немецких князей, городов, турок и французов. Активное участие он принял и в Крестьянской войне (1524—1525), командуя одной из армий повстанцев. Об удивительных событиях своей бурной, полной приключений жизни авантюрист поведал в мемуарах, написанных им на склоне лет.

Берлихинген жил в тревожное, полное глубоких противоречий время. Германия XVI века была раздроблена на множество мелких княжеств, постоянно враждовавших друг с другом, хотя формально все они вместе составляли так называемую Священную Римскую империю германской нации. Католическая церковь, имевшая в Германии большое влияние, задавила народ поборами. Страна бурлила, как закипевший котел: мелкие рыцари боролись против крупных баронов; крестьяне восставали против угнетателей-феодалов; широкие слои населения выступали за реформацию церкви, начатую Мартином Лютером. В этом диком хаосе противоречивых событий нелегко было отыскать верную стезю.

Гец фон Берлихинген родился в 1480 году в семье знатных, но обедневших франконских дворян. В 1495 году, будучи еще 15-летним юношей, он сопровождал своего кузена, Конрада фон Берлихингена, в Вормс, на всегерманский съезд князей, где они договорились о мире между германскими государствами. Однако достигнутый договор плохо соблюдался. Посвященный в рыцари в 17-летнем возрасте, Берлихинген поступил на службу к герцогу Ульриху Вюртембергскому; потом служил и другим князьям, активно участвуя в их меж-

Рыцарь и ландскнехт. Гравюра А. Дюрера. 1497 г.

доусобицах. Разбогатеть на этом поприще ему не удалось, поэтому в зрелом возрасте он сколотил собственный отряд из отчаянных беспринципных рыцарей и начал грабить купцов на больших дорогах.

В «Автобиографии» Берлихинген без тени смущения повествует о подобных подвигах:

«...я узнал, что когда бывает франкфуртская ярмарка, то нюрнбержцы идут во Франкфурт пешком выше Вюрцбурга, а также через Габихтейль и Ленгфельд к Шпессарту. Была предпринята разведка, и я захватил пять или шесть человек. Среди них был купец, которого я брал в плен уже в третий раз, и второй — которого я держал в течение полугода, причем один раз захватил его товар. Другие же были простыми упаковщиками в Нюрнберге. Я сделал вид, что хочу им всем отрубить руки и головы, но это не было моим серьезным намерением. Они должны были стать на колени и положить руки на пень. Тогда я наступил на одного ногой, а другого ударил по лицу — это было им от меня наказанием, затем я предоставил им продолжать свой путь».

Не довольствуясь добычей, захваченной на дорогах, разбойничий отряд Берлихингена осмелился напасть даже на богатый торговый город Нюрнберг, но городское ополчение дало достойный отпор грабителям. Отряд был разбит, а его командир едва не угодил в плен.

В 1504 году Берлихингена постигло большое несчастье — при осаде Ландсгута он потерял правую руку. Для профессионального рыцаря, живущего лишь войной и добычей, хуже этого могла быть только смерть. Однако Берлихингену посчастливилось найти искусного мастера, изготовившего ему замечательный металлический протез. Железная рука Берлихингена представляла собой настоящее чудо техники для того времени: пальцы протеза могли двигаться и фиксироваться благодаря специальному рычажку в четырех положениях. Новая «рука» оказалась лучше собственной, поскольку наводила на врагов суеверный ужас — многие всерьез полагали, что такой рукой наградил Берлихингена сам Дьявол.

Жизнь продолжалась среди превратностей войны и всевозможных приключений. В 1519 году, сражаясь на стороне герцога Вюртембергского против Швабского союза городов, Берлихинген долго оборонял город Мекмюль, но в конце концов был вынужден капитулировать. В соответствии с условиями капитуляции воинственный рыцарь имел право свободного выхода из города, но коварные враги, воспользовавшись малочисленностью его солдат, схватили Берлихингена и заточили его в Гейльбронне. Там он и провел около трех лет,

пока Франц фон Зикинген и другие друзья не выкупили его за 2 тысячи гульденов. Башню, в которой томился Берлихинген, назвали впоследствии его именем.

В 1524 году в Германии заполыхала Крестьянская война. Крестьяне убивали феодалов, грабили поместья и замки. Беспринципный рыцарь, понимая, какие фантастические возможности открывает Крестьянская война для быстрого обогащения, немедленно примкнул к восставшим. Берлихинген сыграл в крестьянском мятеже весьма заметную роль. Так, он участвовал в составлении главного программного документа восставших — «Декларации 12 статей», а затем по просьбе восставших возглавил одну из их армий — «Светлый отряд Оденвальда». Высокое положение командира повстанческой армии помогло Берлихингену сколотить себе большое состояние, поскольку крестьяне под его умелым командованием захватили и разграбили немало замков, монастырей и городов.

Весной 1525 года восставшие потерпели ряд поражений от имперской армии Трухзеса — немецкие феодалы опомнились от страха и, прекратив на время междоусобные войны, сплотились против классового врага. Берлихинген, который уже немало награбил, решил выйти из игры, пока не поздно. Предав доверившихся ему наивных крестьян, он вступил в тайные переговоры с Трухзесом. Изменник легко добился амнистии, но после поражения Крестьянской войны провел два года в тюрьме Аугсбурга. Отпустили Берлихингена под честное слово, что он будет безвыездно жить в своем замке, а также возместит убытки, понесенные городами Майнцем и Вюрцбургом от грабежей его «Светлого отряда». Кроме того, ему запретили верховую езду и ночные прогулки. Впрочем, все эти ограничения его личной свободы скоро сняли.

Германский император Карл Пятый, знавший Берлихингена как первоклассного рыцаря и военного специалиста, пригласил его к себе на службу. Находясь на императорской службе, Берлихинген сражался с турками, подошедшими в 1542 году к границам империи, а в 1544 году участвовал в войне с французами. Состарившись, Берлихинген оставил военную службу и провел последние годы в своем замке Хорнберг, коротая дни за написанием мемуаров. Но его безмятежная старость была внезапно омрачена преследованием фем.

Священными фемами назывались тайные судилища, первое из которых возникло в Вестфалии еще в середине 13-го столетия. Когда власть императора утратила в Германии всякое влияние, а императорский суд бездействовал, феодалы, попирая все человеческие пра-

ва, жестоко притесняли народ. Для суда над такими хищниками и возникли священные фемы, называемые также тайными, или вольными, судами. Само старое немецкое слово «фема» означает «молва», «мнение», поскольку основанием для преследования со стороны этих тайных судов было устное народное мнение, обличающее преступника. Таким образом, священные фемы и стали своеобразным орудием общественного мнения. Они сурово карали за преступления против христианской религии и десяти заповедей.

Судьи священных фем пользовались своим тайным языком, а их девизом были слова, заключенные в аббревиатуре S. S. S. C. C., то есть: Stock, Stein, Strick, Gras, Crein (палка, камень, веревка, трава, страдание). До сих пор точно не установлено, что это означает. Обвиняемому присылали вызов на суд, текст которого был написан на особом пергаменте с семью печатями (не отсюда ли возникло выражение «тайна за семью печатями»?). Такой вызов не передавался в руки; его прибавляли к воротам вместе с монетой. Вызванному на суд, давалось 45 дней для того, чтобы представить свидетелей своей невиновности. Если обвиняемый не являлся в срок в указанное место, ему посылали второй вызов, а затем и третий. После этого, в случае неявки обвиняемого, его судили и приговаривали заочно.

Приговор заключался обычно в изгнании или смерти. Осужденного на смерть вешали на дереве, после чего в это дерево втыкали кинжал с буквами S. S. S. C. C. на рукояти, дабы показать людям, что преступник понес заслуженную кару от рук таинственных судей. Если же приговоренный скрывался и не было никакой возможности его повесить, то преступника искали и, найдя, убивали таким же кинжалом, оставляя его в ране.

Таинственных судей, прятавших лица под черными масками и проводивших свои заседания в глухих, пользующихся зловещей славой местах, боялись все, от простого крестьянина до императора. Неудивительно поэтому, что, обнаружив на воротах своего замка вышеописанный вызов, Берлихинген побледнел и затрясся как от озноба. На его совести было немало всевозможных преступлений — грабежей, убийств, предательств и кощунств, а потому рассчитывать на снисхождение таинственного трибунала ему не приходилось.

Когда первое потрясение прошло, Берлихинген приказал своему секретарю Мазерсу, в прошлом беглому монаху, служившему при нем еще в «Светлом отряде», приготовить все к отъезду — старый рыцарь с железной рукой и нечистой совестью решил наутро бежать из Баварии как можно дальше. Однако сердце 82-летнего старика не выдержало страшного волнения, и в ту же ночь он скончался.

Секретарь Томас Мазерс, похоронив хозяина и прихватив на память из тайника его золото и драгоценности, исчез из замка. Поселившись в Штутгарте, мошенник зажил безбедной жизнью, став менялой и ростовщиком. Но однажды его нашли в собственном доме с кинжалом в сердце. На рукояти кинжала значились все те же страшные и таинственные буквы: S. S. S. C. C.

После смерти Геца фон Берлихингена по свету стала гулять жуткая легенда о Железной Руке. Суеверные люди утверждали, что дьявольский подарок жил своей собственной жизнью. По ночам Берлихинген отстегивал страшную руку, и она ползала по темным закоулкам города, выискивая своих жертв. Находились и свидетели, уверявшие, будто они собственными глазами видели, как Железная Рука душила людей. Утром она возвращалась к хозяину, и тот, отмыв ее от засохшей крови, водворял руку на место. В смерти самого Берлихингена винили ее же — Железная Рука задушила своего хозяина, поскольку истек срок контракта, заключенного им с Дьяволом.

Легенда есть легенда, но что касается железной руки Берлихингена, то сейчас ее можно увидеть в музее немецкого города Эйфельд.

«СРАЗИВШИЕ КОРОЛЯ»

ГАБРИЭЛЬ МОНТГОМЕРИ

(1530—1574)

Блестящий рыцарь Габриэль Монтгомери, граф де Лорж, оставил яркий след в истории как один из храбрейших предводителей французских протестантов (гугенотов). Отстаивая свободу религиозных убеждений, Монтгомери принял активное участие во многих военных кампаниях, выступая против представителей правящей династии Валуа. Судьба этого незаурядного человека, предсказанная великим Нострадамусом, поистине удивительна.

Отец Габриэля, Жак де Монтгомери, занимал при Франциске Первом почетный пост капитана шотландской гвардии. После смерти этого короля Монтгомери подал в отставку, передав должность и звание сыну Габриэлю, который стал при Генрихе Втором тем, кем был при Франциске Первом его отец. Габриэль Монтгомери так образцово выполнял свои служебные обязанности, что у короля не было ни малейшего повода жаловаться на своего верного телохранителя. Однако трагический случай, или, скорее, зловещий рок, круто изменил судьбу молодого капитана шотландской гвардии.

13 апреля 1559 года между Францией и Испанией был подписан мир в Като-Камбрези, завершивший период так называемых итальянских войн. Этот мир короли скрепили династическим браком — Генрих Второй выдал свою дочь Елизавету за испанского монарха Филиппа Второго. По случаю бракосочетания любимой дочери король устроил праздничный турнир. На самом почетном месте восседала фаворитка Генриха Второго — ослепительная графиня Диана де Пуатье, совершенно затмившая своей красотой несчастную королеву Екатерину Медичи. Король, открыто флиртовавший с графиней Пуатье, решил блеснуть перед ней рыцарскими подвигами. Одетый в черно-белые цвета своей возлюбленной, в 10 часов утра 1 июля он выехал на ристалище. Сначала король преломил копья с герцогом Савойским, а затем с герцогом де Гизом, одержав уверенную победу над обоими. Но разгорячившемуся монарху этого показалось мало, и тогда он вызвал на бой третьего противника — своего капитана Габриэля де Монтгомери. Королева Екатерина, горячо любившая супруга, несмотря на все его измены, попросила Генриха прекратить поединки. Она дрожала от страха, так как внезапно вспомнила злое предсказание астролога Лукаса Горика, гласившее: «Королю

Рыцарский турнир. Средневековая миниатюра

следует избегать единоборств на ограниченном ристалище в возрасте от 40 до 41 года, поскольку именно в этот период жизни ему угрожает ранение в голову, которое может привести к слепоте или смерти».

Генриху Второму только что исполнился 41 год. Помимо предсказания Горика существовало и другое, не менее мрачное пророчество знаменитого Нострадамуса. В 35-м катрене 1-го столетия есть строки, касающиеся как короля, так и графа Монтгомери:

Старого льва победит молодой,
Странной дуэли печален исход:
Глаз ему выколов в клетке золотой,
Сам он ужасною смертью умрет.

Король только посмеялся над женскими страхами и повторил свой вызов Монтгомери. Молодой капитан крайне неохотно подчинился желанию монарха, так как тоже что-то слышал о предсказаниях. Но отказать королю он, разумеется, не мог.

По сигналу Генрих и капитан поскакали навстречу друг другу и, сломав копья, разъехались. Поскольку оба противника остались в седле, они предприняли вторую попытку, но опять безрезультатно. После этого Генрих опять отбросил обломок копья и взял новое, а Габриэль Монтгомери, копьё которого не сломалось, не сделал этого. Между тем его тупое турнирное копьё получило небольшой, но весьма опасный дефект, незаметный для окружающих — кончик копья неровно обломился, образовав острый отщеп. Когда противники съехались в третий раз, этот страшный отщеп, скользя по королевскому шлему, откинул забрало и вонзился наискось в правый глаз Генриха. Окровавленный король рухнул с коня, а Габриэль, с силой отбросив от себя роковой обломок, в полном отчаянии воскликнул: «Черт бы побрал этого Горика с его проклятыми предсказаниями!»

Рана короля оказалась смертельной: обломок копья, пронзив глаз, вышел за ухом, и даже величайший хирург того времени, Амбруаз Парэ, ничего не смог поделать. Через несколько дней Генрих Второй скончался. Следствием этой смерти было то, что Диана де Пуатье сразу потеряла свое влияние при дворе и удалилась в собственное имение, а реальная власть сконцентрировалась в руках молодой королевы Екатерины Медичи, итальянки по происхождению. Габриэль Монтгомери, волей рока нанесший королю смертельный удар, не понес за него кары по трем причинам: во-первых, в его действиях не

было злого умысла; во-вторых, на турнирах рыцари погибали довольно часто; а в-третьих, сам король перед смертью потребовал не наказывать своего капитана.

Разумеется, это происшествие вызвало много толков при дворе. Одни объясняли трагическую гибель короля просто несчастным стечением обстоятельств. Другие усматривали в ней волю Провидения, предсказанную астрологами, но никому и в голову не приходило обвинять молодого капитана гвардии в преднамеренном убийстве. Одна лишь Екатерина Медичи возненавидела его с того самого дня лютой ненавистью и поклялась отомстить.

После смерти короля Габриэля отстранили от службы при дворе. Он уехал из Парижа и несколько лет прожил в Нормандии, где не раз встречался с принцем Конде и адмиралом Колиньи — вождями французских протестантов. Эти встречи не прошли для него даром — постепенно в душе Габриэля произошел глубокий поворот. Резня в Васси (1562), учиненная католиками из свиты герцога де Гиза, и последовавшие за тем преследования протестантов произвели на Монтгомери такое тягостное впечатление, что он решил с оружием в руках защищать дело гугенотов, отстаивавших свободу веры.

Гражданские (религиозные) войны между католиками и протестантами, вспыхнувшие после трагических событий в Васси, продолжались с некоторыми перерывами более тридцати лет. Габриэль Монтгомери всю оставшуюся жизнь, а именно 12 лет, посвятил борьбе, став одним из признанных вождей протестантов. Его роль в гражданских войнах весьма значительна. Например, известный советский историк И. В. Луцицкий отмечает, что после того как «Руан и вся Нормандия открыто присоединилась к гугенотам, главным виновником этого гражданского мятежа по праву считали графа Монтгомери».

Габриэль впервые скрестил с католиками шпагу уже в 1562 году в бою под Дре. В 1567 году, в битве под Сен-Дени, он сразил выстрелом из пистолета коннетабля Анна де Монморанси, одного из заклятых врагов гугенотской партии.

После страшных событий Варфоломеевской ночи (1572) ожесточение борьбы достигло наивысшего накала. Монтгомери вместе с Лану организовал оборону Ла-Рошели — главного оплота протестантов во Франции. Ла-Рошель отбила девять приступов; королевская армия потеряла под ее стенами около 40 тысяч человек убитыми и ранеными. Но силы были слишком неравны, и после продолжительной осады крепость капитулировала на почетных условиях: всем ее

защитникам гарантировались личная безопасность и сохранение свободы совести.

Получив известие о тяжелом положении гугенотов в Сансерре, осажденных 6-тысячным корпусом королевских солдат, Габриэль помчался туда, пробрался в город и возглавил сопротивление. Четыре месяца голодные, плохо вооруженные жители Сансерра отражали яростные атаки неприятеля, но в конце концов сдались на тех же условиях, что и ларошельцы.

Покинув замиренный Пуату, Габриэль появился в только что успокоившейся Нормандии и вновь разжег там очаг сопротивления. После того как Монтгомери взял Карантан и завладел валонским арсеналом, все нормандское дворянство перешло на его сторону.

Без помощи извне героические, но немногочисленные отряды протестантов не могли долго противостоять сотням тысяч прекрасно вооруженных королевских солдат, и Габриэль отправился в протестантскую Англию, где вел переговоры о предоставлении военной помощи французским братьям по вере. Миссия Монтгомери крайне обеспокоила короля Франции Карла Девятого. Это видно из его обращения к губернатору Нормандии маршалу Матиньону. «Карл упрасивал своего губернатора сообщать ему самые подробные и точные сведения о движениях Монтгомери, о числе вооруженных им кораблей, о том направлении, которое они примут», — писал по этому поводу И. В. Лучицкий.

Маршал добросовестно выполнил королевский приказ. Когда Монтгомери, возглавлявший 6-тысячный отряд, вместе со своими сыновьями Жаком и Габриэлем высадился на полуострове Котантен, войска Матиньона уже поджидали его там. В кровопролитной битве протестанты были разбиты, но Монтгомери с отрядом кавалерии сумел вырваться из ловушки и пробиться в Домфрон, где присоединился к гарнизону города. Матиньон немедленно осадил Домфрон. Тяжелая артиллерия крушила стены старого замка в течение двенадцати дней. За это время защитники крепости совершили семь вылазок, нанеся противнику огромный урон. На тринадцатый день, когда в живых осталось не более 30-ти протестантов, Матиньон предпринял решительный штурм: 700 мушкетеров, 100 кирасиров и 100 копейщиков внезапно атаковали горстку бойцов Монтгомери. Пять часов кипел бой, и неприятель вновь был отброшен. Ночью Габриэль вместе с четырнадцатью уцелевшими бойцами заделывал проломы в стенах. Наутро стало очевидно, что дальнейшее сопротивление бесполезно: у осажденных не осталось ни пороха, ни пищи, ни воды, а к

Матиньону прибыли подкрепления. Пожав руки своим храбрым солдатам, Монтгомери попросался с ними и обнажил шпагу, чтобы пронзить себе сердце. Но тут явился парламентар от маршала, который поклялся, что в случае капитуляции крепости Монтгомери не только сохранят жизнь, но и предоставят возможность удалиться.

Бесчестный Матиньон не сдержал слова. Габриэля заковали в кандалы и отправили в Париж. Неправедный суд приговорил героя к смертной казни. Екатерина Медичи торжествовала: 15 долгих лет она терпеливо ждала этого дня, и вот теперь ее месть осуществится!

27 июня 1574 года, после жесточайших пыток, бывший капитан шотландской гвардии Габриэль де Монтгомери был обезглавлен. Свершилось пророчество Нострадамуса, заключенное в последней строке 35-го катрена:

...Сам он ужасною смертью умрет.

«РОССИЙСКИЙ МАЛЬТИЕЦ»

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ

(1754—1801, Российский император с 1796 г.)

Далеко не всем известно, что российский император Павел Первый, помимо всех прочих титулов, носил еще титул гроссмейстера мальтийских рыцарей (в скобках заметим, что в те времена немецкое слово «гроссмейстер», т.е. «великий мастер», не имело никакого отношения к шахматам; таким титулом обладал тогда только глава духовно-рыцарского ордена). Как же случилось, что император Павел удостоился столь необычной чести, возглавив рыцарский орден, не имевший, казалось бы, никакого отношения к России? А причиной тому стало причудливое переплетение романтических иллюзий и внешнеполитических устремлений импульсивного императора.

В детстве юный наследник престола, лишенный родительской заботы и ласки, пристрастился к чтению. Однажды воспитатель Павла, граф Никита Иванович Панин, подарил ему книгу французского аббата Верто д'Обефа «История гостеприимных рыцарей святого Иоанна Иерусалимского, называвшихся потом родосскими, а ныне мальтийскими рыцарями». Эта книга, излагавшая историю славного духовно-рыцарского ордена, произвела на мальчика чрезвычайное впечатление. Как жаль, что он опоздал родиться на 500 лет и живет в 18-м, а не в 13-м столетии! Павел с радостью променял бы тогда

императорский трон, венец, державу и скипетр на черный рыцарский плащ с белым восьмиконечным крестом, коня, меч и доспехи! Но увы, время не повернуть вспять. Мальчик, огорченно вздыхая, вновь и вновь перечитывал любимую книгу. С тех пор романтические идеалы рыцарства навсегда поселились в его чувствительной душе.

Между тем, несмотря на то что времена рыцарства к концу XVIII века давно миновали, орден мальтийских рыцарей вовсе не канул в Лету (существует он и поныне). Разумеется, мечи, латы и прочие аксессуары воинственных братьев обрели чисто декоративный характер, но структура ордена, несколько видоизменившись, тем не менее сохранилась. Богатства мальтийцев, а также неизменная поддержка со стороны папского престола обеспечивали на редкость живучему братству безбедное и безмятежное существование. Впрочем, как раз в конце XVIII века для ордена настали самые черные дни, и причиной тому была Великая Французская буржуазная революция, а также ее чудовищное порождение — Наполеон Бонапарт, с его нестареющей идеей мирового господства.

Император Павел I. С картины В.Л. Боровиковского. Конец XVIII в.

19 сентября 1792 года, в результате постановления революционного Конвента, госпитальеры (они же мальтийцы) мгновенно потеряли все свои владения во Франции и были выдворены за пределы страны. За этим первым ударом скоро последовал и второй, более сильный и страшный. В июне 1798 года Наполеон Бонапарт почти без боя захватил Мальту, лишив орденских братьев их главной резиденции. Гроссмейстер мальтийцев, барон Фердинанд Гомпеш, сдал остров, орденский флот и 1200 пушек, чем заслужил всеобщее презрение. Европейские мальтийские рыцари лишили предателя его высокого звания, но этим уже ничего нельзя было поправить. И тогда они возложили свои надежды и упования на... императора России, Павла Первого.

Мальтийские рыцари начали оседать в России еще во времена Екатерины Второй. Тогда позиции ордена и Российской империи сблизил общий враг — турки. Правда, вмешательство французского короля Людовика Пятнадцатого, оказавшего давление на орден мальтийских рыцарей, расстроило этот альянс. И вот 7 ноября 1797 года в Петербург вновь прибыло торжественное посольство. Пышный кортеж посла Джулио Литты состоял из четырех карет и тридцати шести экипажей, заполненных мальтийскими рыцарями.

Джулио Литта, состоявший на русской службе в чине адмирала еще при Екатерине Второй, представ пред благосклонно внимающим императором, долго распространялся о постигших орден несчастьях, а в конце своей витиеватой и сдобренной некоей толикой лестной речи попросил у Павла, выражаясь современным языком, политического убежища для мальтийцев. Павел Первый с готовностью согласился предоставить таковое бедным гонимым рыцарям.

4 января 1798 года император подписал «торжественнейший» указ об учреждении в России ордена Иоанна (первоначальное название мальтийского ордена). В этом своеобразном документе Павел «подтверждает и ратифицирует за себя и преемников своих на вечные времена, во всем пространстве и торжественнейшим образом заведение помянутого ордена в своих владениях».

Литта от имени всех братьев по-рыцарски отблагодарил императора Павла, преподнеся ему странноватый титул «протектора религии мальтийских рыцарей», а также бесценные дары: крест самого знаменитого гроссмейстера ордена Ла Валетта и мощи св. Иоанна. Кроме того, император и императрица удостоились высшего знака отличия ордена — Мальтийского креста.

С этих пор бездомные рыцари обрели в лице Павла Первого своего верного защитника и щедрого благодетеля. После позорной отставки Гомпеша место великого магистра не долго оставалось вакантным. Литта сделал весьма ловкий ход, почтительно предложив императору занять его — тем самым он упрочил положение мальтийцев в России. Что касается Павла, то ему, конечно, было чрезвычайно лестно возглавить столь прославленный в веках рыцарский орден. Но дело заключалось не только в этом.

Как известно, Наполеон Бонапарт, узнав, кто стал новым грессмейстером мальтийцев, презрительно назвал Павла русским Дон Кихотом. Однако великий завоеватель ошибался, сочтя его смешным романтиком. У этого Дон Кихота была мечта Санчо Пансы, ибо Павел стремился заполучить таким образом остров в Средиземном море, занимавший важное стратегическое положение, что открывало новые перспективы во внешней политике России. Недаром он повелел обозначить на новых картах остров Мальту как «губернию Российской империи».

Торжественная церемония коронации нового великого магистра состоялась 29 ноября 1796 года в Зимнем дворце. Граф Литта, сопровождаемый блестящей свитой рыцарей, преподнес взволнованному Павлу главные регалии — золотой венец, меч с золотой рукоятью (так называемый «кинжал веры»), жезл и печать ордена, а затем виновника торжества облачили в черную бархатную мантию с белым восьмиконечным крестом.

Новый титул российского императора был закреплен в его специальном указе: «Прокламациею, учиненную над нами ноября в 29-й день, приняв мы на себя титул великого магистра, издревле столь знаменитого и почтения достойного ордена святого Иоанна Иерусалимского, высочайше повелеваем Сенату нашему включить оный в императорский титул наш, предоставляя Синоду поместить оный по его благоусмотрению».

Петербургской резиденцией мальтийского ордена стал бывший дворец графа Воронцова на Садовой, а на Каменном острове был построен странноприимный дом и церковь Иоанна Крестителя.

Устроившись в Петербурге со всеми удобствами, братья ордена открыли в дальнейшем 98 командорств в разных концах Российской империи. Граф Литта занял очень завидное положение при дворе Павла — будучи штатгальтером (наместником) грессмейстера, он приобрел большой политический вес в государстве. Богатства ловкого мальтийца приумножились, когда он, вопреки строгому обету

безбрачия, приносимому братьями ордена, выгодно женился на русской графине Скавронской.

Павел Первый открыл и российским дворянам доступ в ряды пресловутого ордена, предварительно тщательно разработав правила приема. Кандидат (только потомственный дворянин!) при вступлении в рыцарское братство должен был уплатить 2400 польских злотых в кассу ордена. Тем же, кто не удовольствовавшись положением рядового рыцаря, стремился к начальственным должностям в мальтийском ордене, следовало принять участие в четырех военных кампаниях по шесть месяцев каждая, причем проходить воинскую службу можно было либо в российской армии, либо в орденском флоте.

К сожалению, виды Павла Первого на Мальту не оправдались: Англия, эта «владычица морей», отобрав знаменитый остров у французов, не спешила возвращать его законным владельцам, игнорируя все требования российского императора. Это привело к резкому изменению внешнеполитического курса России и конфликту с Англией.

Что же касается мальтийских рыцарей, то они не долго блаженствовали в нашей гостеприимной, но непредсказуемой стране. После дворцового переворота 1801 года и убийства Павла, дела их пошли все хуже и хуже, а в 1817 году император Александр Первый высочайше объявил, что мальтийского ордена в пределах России более не существует.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Басовская Н.И. Столетняя война. М., 1985.
- Васильев А.А. История Византийской империи. СПб., 2000.
- Виллардуэн Ж. де. Завоевание Константинополя. М., 1993.
- Гекергорн Ч.У. Тайные общества всех веков и всех стран. М., 1993.
- Гофф Ж. де. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
- Гуревич А.Я. Походы викингов. М., 1966.
- Гуревич А.Я. История Норвегии. М., 1980.
- Демин В.Н. Загадки русских летописей. М., 2001.
- Джонс Г. Викинги. М., 2003.
- Добиаш-Рождественская О.А. Крестом и мечом. М., 1991.
- Заборов М.А. Крестовые походы. М., 1956.
- Заборов М.А. Крестonosцы на Востоке. М., 1980.
- Карамзин Н.М. Предания веков. М., 1988.
- Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987.
- Карпов А.Ю. Владимир Святой. М., 1997.
- Ковальский Я.В. Папы и папство. М., 1991.
- Комнина А. Алексиада. СПб., 1996.
- Корсунский А.Р. История Испании 9—13 вв. М., 1976.
- Краткая история Чехословакии с древнейших времен до наших дней. М., 1983.
- Лависс Э., Рамбо А. Эпоха крестовых походов. СПб., 1999.
- Ле Дюк В. Жизнь и развлечения в средние века. СПб., 1997.
- Лебек С. Происхождение франков. М., 1993.
- Лозинский С.Г. История папства. М., 1986.
- Люшер А. Французское общество времен Филиппа-Августа. СПб., 1999.
- Медников Н.А. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам. СПб., 1897.
- Мишо Г. История крестовых походов. М., 2003.
- Можейко И.В. 1185 год. М., 1989; 2004.
- Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1991.
- Перну Р., Клэн М-В. Жанна д'Арк. М., 1992.
- Печников Б.А. Рыцари церкви: кто они? М., 1991.
- Русские народные былины. М., 1956.
- Руа Ж. История рыцарства. М., 1996.

- Савело К.Ф. Раннефеодальная Англия. Л., 1977.
- Тейс Л. Наследие Каролингов. М., 1993.
- Фирдоуси. Шах-наме. М., 1972.
- Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции 13—15вв. М., 1989.
- Хейзинга Й. Осень средневековья. М., 1995.
- Черчилль У. Рождение Британии. Смоленск, 2002.
- Чеишхин-Ветринзкий Е.В. Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1876.
- Шефов Н.А. Самые знаменитые войны и битвы России. М., 2000.
- Штокмар В.В. История Англии в средние века. Л., 1973.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
-------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ЭПИЧЕСКИЕ РЫЦАРИ

ГЛАВА 1	
РЫЦАРИ КРУГЛОГО СТОЛА	8
КОРОЛЬ АРТУР	8
БАЛИН СВИРЕПЫЙ, РЫЦАРЬ-О-ДВУХ-МЕЧАХ	13
ТРИСТРАМ ЛИОНСКИЙ	17
ЛАНСЕЛОТ ОЗЕРНЫЙ, РЫЦАРЬ ТЕЛЕГИ	22
ПЕРСИВАЛЬ УЭЛЬСКИЙ	27
ГАЛАХЭД, БЕЗГРЕШНЫЙ РЫЦАРЬ	31
ЛАНСЕЛОТ ОЗЕРНЫЙ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)	34
КОРОЛЬ АРТУР (ОКОНЧАНИЕ)	38
ЛАНСЕЛОТ ОЗЕРНЫЙ (ОКОНЧАНИЕ)	40
ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ	41
ГЛАВА 2	
ФРАНЦУЗСКИЕ ЛЕГЕНДАРНЫЕ РЫЦАРИ	42
РОЛАНД НЕИСТОВЫЙ	42
ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ	45
ГИЙОМ КОРОТКИЙ НОС	46
ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ	53
ГЛАВА 3	
ГЕРМАНСКИЕ ЛЕГЕНДАРНЫЕ РЫЦАРИ	53
БЕОВУЛЬФ	53
ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ	57
ЗИГФРИД	57
ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ	63
ГЛАВА 4	
ИСПАНСКИЕ ЛЕГЕНДАРНЫЕ РЫЦАРИ	63
СИД КАМПЕАДОР	63
ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ	69
ФЕРНАН ГОНСАЛЕС	70
ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ	73
ГЛАВА 5	
ИРАНСКИЕ ЛЕГЕНДАРНЫЕ ВИТЯЗИ	74
РУСТАМ ТАХАМТАН	74
ИСФАНДИАР РУИНТАН	80
РУСТАМ И ИСФАНДИАР	86
РУСТАМ (ОКОНЧАНИЕ)	88

ГЛАВА 6	
РУССКИЕ БЫЛИННЫЕ БОГАТЫРИ	90
ИЛЬЯ МУРОМЕЦ	90
ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ	95
ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ	95
ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ	97
АЛЕША ПОПОВИЧ	98
ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ	101
ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ	102
ЧУРИЛО ПЛЕНКОВИЧ	104

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ИСТОРИЧЕСКИЕ РЫЦАРИ

ГЛАВА 1	
НА ЗАРЕ РЫЦАРСКОЙ ЭПОХИ	106
«ОТЕЦ РЫЦАРСТВА». КАРЛ МАРТЕЛЛ	106
«ВЕЛИКИЙ ИМПЕРАТОР». КАРЛ ВЕЛИКИЙ	109
«ВОЛОСАТЫЙ ЗАД». РАГНАР ЛОДБРОК	113
«УЖАС АНГЛИИ». ИВАР БЕСКОСТНЫЙ	116
«ВОССТАВШИЙ ИЗ ГРОБА». ХЭСТИНГ	118
«САКСОНСКИЙ ГЕРОЙ». АЛЬФРЕД ВЕЛИКИЙ	122
«ПЕРВЫЙ ГЕРЦОГ НОРМАНДИИ». РОЛЛОН	127
РУССКИЙ РЫЦАРЬ. СВЯТОСЛАВ ИГОРЕВИЧ	130
«ПОСЛЕДНИЙ ВИКИНГ». ХАРАЛЬД СУРОВЫЙ	137
«ПОСЛЕДНИЙ АНГЛОСАКСОНСКИЙ КОРОЛЬ».	
ГАРОЛЬД КРОТКИЙ	140
«ЗАВОЕВАТЕЛЬ АНГЛИИ». ВИЛЬГЕЛЬМ ЗАВОЕВАТЕЛЬ	145
«МЕЧ РЕКОНКИСТЫ». АЛЬФОНС ШЕСТОЙ	150
ГЛАВА 2	
ЭПОХА КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ	155
«КРАХ ЧЕСТОЛЮБЦА». БОЭМУНД ТАРЕНТСКИЙ	155
«ПОБОРНИК ВЕРЫ». РАЙМУНД ТУЛУЗСКИЙ	161
«ЗАЩИТНИК ГРОБА ГОСПОДНЯ». ГОТФРИД БУЙОНСКИЙ	167
«ИДЕАЛЬНЫЙ РЫЦАРЬ». ТАНКРЕД	171
«МЕЧ ИЕРУСАЛИМА». БАЛДУИН ПЕРВЫЙ	174
«КОРОЛЬ-МОНАХ». ЛЮДОВИК СЕДЬМОЙ МЛАДШИЙ	178
«ПРОКАЖЕННЫЙ КОРОЛЬ». БАЛДУИН ЧЕТВЕРТЫЙ	184
«ПОДЖИГАТЕЛЬ ВОЙНЫ». РЕНО ШАТИЛЬОНСКИЙ	187
«РЫЖЕБОРОДЫЙ». ФРИДРИХ ПЕРВЫЙ БАРБАРОССА	192
«АВГУСТ». ФИЛИПП ВТОРОЙ	199
«СПАСИТЕЛЬ ИЕРУСАЛИМСКОГО КОРОЛЕВСТВА».	
КОНРАД МОНФЕРРАТСКИЙ	204
«ЛЪВИНОЕ СЕРДЦЕ». РИЧАРД ПЕРВЫЙ	208
«ПЕВЕЦ ВОЙНЫ». БЕРТРАН ДЕ БОРН	219
«КРОВАВОЕ СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ». ГЕНРИХ ШЕСТОЙ	223
«ЛЕТОПИСЕЦ КРЕСТОВОГО ПОХОДА».	
ЖОФФРУА ДЕ ВИЛЛАРДУЭН	226

«ЗАВОЕВАТЕЛЬ КОНСТАНТИНОПОЛЯ».	
БОНИФАЦИЙ МОНФЕРАТСКИЙ	230
«РЫЦАРЬ СВЯТОГО ПРЕСТОЛА». БАЛДУИН ФЛАНДРСКИЙ	233
«БИЧ АЛЬБИГОЙЦЕВ». СИМОН ДЕ МОНФОР	235
«УДИВЛЕНИЕ МИРА». ФРИДРИХ ВТОРОЙ	240
«ВЛЮБЛЕННЫЙ ПОЭТ». ТИБО ШАМΠΑНСКИЙ	244
«СВЯТОЙ КОРОЛЬ». ЛЮДОВИК ДЕВЯТЫЙ	249
ГЛАВА 3	
БОРЬБА С МОНГОЛЬСКИМ НАШЕСТВИЕМ	256
«НЕУКРОТИМЫЙ». ДЖЕЛАЛЬ-ЭД-ДИН	256
«НЕИСТОВЫЙ МСТИТЕЛЬ». ЕВПАТИЙ КОЛОВРАТ	261
«БОГАТЫРЬ-СХИМНИК». АЛЕКСАНДР ПЕРЕСВЕТ	265
«СРАЗИВШИЙ ИГО». ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ	268
ГЛАВА 4	
РЫЦАРСТВО КЛАССИЧЕСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	274
«РУССКИЙ АНТИГЕРОЙ». ИГОРЬ СВЯТОСЛАВИЧ	274
«ОТЕЦ ПАРЛАМЕНТА». СИМОН ДЕ МОНФОР	280
«ЗОЛОТОЙ КОРОЛЬ». ОТТОКАР ВТОРОЙ	284
«ГЕРОЙ ШОТЛАНДИИ». УИЛЬЯМ УОЛЛЕС	288
«СЕРДЦЕ БРЮСА». РОБЕРТ БРЮС	291
«КАПИТАН КАТАЛОНЦЕВ». РОЖЕР ДЕ ФЛОР	294
«РЫЦАРЬ КОРОЛЕВЫ». РОДЖЕР МОРТИМЕР	296
«СЛЕПОЙ РЫЦАРЬ». ИОГАНН ЛЮКСЕМБУРГСКИЙ	302
«ЖЕРТВЕННЫЙ РЫЦАРЬ». МИЛОШ (К)ОБИЛИЧ	305
ГЛАВА 5	
СТОЛЕТНЯЯ ВОЙНА (1337—1453)	308
«ЗАЧИНЩИК ВОЙНЫ». ЭДУАРД ТРЕТИЙ	308
«ГЕРОЙ МОПЕРТЮИ». ИОАНН ВТОРОЙ ДОБРЫЙ	314
«ЧЕРНЫЙ ПРИНЦ». ЭДУАРД УЭЛЬСКИЙ	321
«ПАЛАЧ ЖАКЕРИИ». КАРЛ ЗЛОЙ	325
«БЕЗОБРАЗНЫЙ КОННЕТАБЛЬ». БЕРТРАН ДЮГЕКЛЕН	329
«ВЛАСТИТЕЛЬ ДВУХ КОРОЛЕВСТВ». ГЕНРИХ ПЯТЫЙ	335
«ГИБЕЛЬНОЕ ПРОРОЧЕСТВО».	
ТОМАС МОНТЕГЮ, ГРАФ СОЛСБЕРИ	339
«РЫЦАРСТВЕННАЯ ДЕВА». ЖАННА Д'АРК	342
«ЧЕРВОННЫЙ ВАЛЕТ». ЭТЬЕН ДЕ ВИНЬОЛЬ	349
«БРАВЫЙ КАПИТАН». ПОТОН ДЕ КСЕНТРАЙ	352
«КАПИТАН МАРОДЕРОВ». РОБЕР ДЕ ФЛОК	354
«ОРЛЕАНСКИЙ БАСТАРД». ЖАН ДЮНУА	357
«КОРОЛЕВСКИЙ УЗНИК». ЖАН АЛАНСОНСКИЙ	362
«ЛОВКИЙ НАЕМНИК». ПЕРРИНЕ ГРЕССАР	366
«БУРИДАНОВ ОСЕЛ». ЖАН ЛЮКСЕМБУРГСКИЙ	370
«МАРШАЛ СИНЯЯ БОРОДА». ЖИЛЬ ДЕ РЭ	374
«БРИТАНСКИЙ АХИЛЛ». ДЖОН ТАЛБОТ	379
ГЛАВА 6	
ОРДЕНА КРЕСТОНОСЦЕВ И БОРЬБА С НИМИ	381
«СВЯТОЙ РАТОБОРЕЙ». АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ	381

«ЩИТ И МЕЧ ПСКОВА». ДОВМОНТ	386
«ПОСЛЕДНИЙ МАГИСТР». ЖАК ДЕ МОЛЭ	390
«ЛИВОНСКИЙ ЛАНДМАРШАЛ». АНДРЕЙ ШТЕНБЕРГСКИЙ	396
«ПЛАЧУЩИЙ МАГИСТР». УЛЬРИХ ФОН ЮНГИНГЕН	401
«СПАСИТЕЛЬ ОРДЕНА». ГЕНРИХ ФОН ПЛАУЭН	409
«ПОЛЬСКИЙ ГЕРОЙ». ДОБЕСЛАВ ОЛЕСНИЦКИЙ	415
ГЛАВА 7	
ВОЙНА АЛОЙ И БЕЛОЙ РОЗЫ. (1455—1485)	418
«БУМАЖНЫЙ КОРОЛЬ». РИЧАРД ЙОРКСКИЙ	418
«ДЕЛАТЕЛЬ КОРОЛЕЙ». УОРИК	423
«ШЕКСПИРОВСКИЙ ЗЛОДЕЙ». РИЧАРД ТРЕТИЙ	429
ГЛАВА 8	
ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ВЕЛИКИХ РЫЦАРЕЙ	436
«ГЕРОЙ ДЕТЕКТИВНОЙ ИСТОРИИ». ИОАНН БЕССТРАШНЫЙ	436
«СТРАШНЫЙ СЛЕПЕЦ». ЯН ЖИЖКА	443
«ДРАКУЛА». ВЛАД ЦЕПЕШ	448
«РЫЦАРЬ БЕЗ СТРАХА И УПРЕКА». ПЬЕР БАЯРД	452
«РЫЦАРЬ — ЖЕЛЕЗНАЯ РУКА». ГЕЦ ФОН БЕРЛИХИНГЕН	458
«СРАЗИВШИЕ КОРОЛЯ». ГАБРИЭЛЬ МОНТГОМЕРИ	463
«РОССИЙСКИЙ МАЛЬТИЕЦ». ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ	468
БИБЛИОГРАФИЯ	473

Вовк О.В.

В 61 100 великих рыцарей. — М.: Вече, 2005. — 480 с. (100 великих)

ISBN 5-9533-0317-3

Автор книги «100 великих рыцарей» — историк-медиевист О.В. Вовк задался целью показать представителей рыцарской касты той или иной страны в контексте определенной исторической эпохи. Первая часть книги содержит 20 биографий легендарных или полуполулегендарных рыцарей, витязей и богатырей, составленных на основе героического эпоса: легенд, песен, сказаний и былин. Вторая часть книги развернет перед читателем широкую панораму бурных исторических событий, в которых принимали непосредственное участие еще 80 рыцарей, чье реальное существование не вызывает никаких сомнений. Наиболее пристальное внимание автор уделил таким ярким и значимым вехам, каковыми являются эпоха Крестовых походов, Столетняя война, война Алой и Белой розы. В последней главе представлены самые интересные личности, действовавшие на закате рыцарской эпохи.

ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ ВОВК

СТО ВЕЛИКИХ РЫЦАРЕЙ

Генеральный директор *Л. Л. Палько*

Ответственный за выпуск *В. П. Еленский*

Главный редактор *С. Н. Дмитриев*

Корректор *Н. К. Киселева*

Верстка *И. В. Резниковой*

Разработка и подготовка к печати

художественного оформления — *Д. В. Грушин*

OCR - Давид Титиевский, май 2017 г., Хайфа

Гигиенический сертификат

№ 77.99.02.953.П.001857.12.03 от 08.12.2003 г

129348, Москва, ул. Красной сосны, 24.

ООО «Издательство «Вече 2000» ИД № 01802 (код 221) от 17.05.2000 г.

ЗАО «Издательство «Вече» ИД № 05134 (код 221) от 22.06.2001 г.

ЗАО «Вече» ЛР № 040410 от 16.12.1997 г.

e-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

<http://www.100top.ru>

Подписано в печать 20.05.2003. Формат 60×90^{1/16}.

Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Бумага газетная.

Печ. л. 30. Тираж 10 000 экз. Заказ № 0406581.

Отпечатано на MBS в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

100

ВЕЛИКИХ РЫЦАРЕЙ

И Запад, и Восток, и Русь в Средние века располагали во многом похожими военными формированиями, особой кастой профессиональных тяжелооруженных конных воинов, которую условно или безусловно можно назвать рыцарской. Это чисто феодальное сословие, обладавшее большими привилегиями, было связано четким кругом обязанностей и духовно объединено кодексом рыцарской чести. Читателя ожидают встречи с самыми разными представителями рыцарского сословия: с благородными рыцарями; с беспринципными рыцарями-разбойниками; с рыцарями, чья жизнь окутана мрачными тайнами; с горячими патриотами и коварными интриганами; с королями, баронами и князьями; с героями и антигероями великой рыцарской эпохи.

ISBN 5-9533-0317-3

9 785953 303170

ВЕЧЕ